

ВЕЙСГЕРБЕР, Альберт (1878—1915), живописец, портретист, пейзажист и жанрист (немецкой школы). В.—представитель Мюнхенской группы художников, соединивший в своих произведениях религиозного жанра традиции старых мастеров с техническими приемами современной живописи (М. Дени, Сезанна и Ван-Гога). В. известен также как автор портретов, исполненных в сдержанной красочной гамме и не свободных от идеализации. Его работы хранятся в картинных галереях Мюнхена, Гамбурга, Дрездена и Эльберфельда.

Лит.: W. Hausenstein, Albert Weisgerber. Ein Gedenkbuch, München, 1918.

ВЕЙСГОРН, вторая по высоте вершина Пеннинских, или Валлиских Альп (в их зап. части). Высота 4.512 м, имеет пирамидальную форму и покрыта вечным снегом.

ВЕЙСЕНГОФ, Юзеф (род. 1860), современный польский писатель. Учился в Юрьевском университете. Почитатель Анатоля Франса, он старательно усваивал его литературную манеру. Литературная физиономия Вейсенгофа в значительной степени определяется его резко-отрицательным отношением к индустриальной буржуазии, выдвинувшейся на первое место в польском обществе 80—90-х гг. и легко мирившейся с политической порабощенностью нации. В. дал тонкую и едкую сатиру на польское общество «примирившихся» в романе *Żywot i myśli Zygmunta Podfilipskiego* (Жизнь и размышления Зигмунта Подфилипского, Варшава, 1898). Герой с сознанием собственной правоты стремится только к «усладам» жизни. В тяжелую для себя минуту он увлекается социализмом, но быстро усматривает в нем опасную и бездоходную игру, после чего находит свое истинное призвание и становится биржевым деятелем. Автор широко охватывает буржуазное общество и рисует превращение спекулянта-финансиста в «сверх-человека». Впечатление от романа Вейсенгофа было неожиданное: многие заметили иронию автора. Только постепенно критика вскрыла истинную сущность этого талантливого произведения. Не меньшим успехом пользуется роман *«Sprawa Dołęgi»* (Дело Доленги, Варшава, 1902), рисующий жизнь вырождающейся польской аристократии.

Лит.: Яцимирский, А. И., Новейшая польская литература, т. 1, СПб (без года). *А. Виноградов.*

ВЕЙСЕНФЕЛЬС (Weissenfels), город в Прусской провинции Саксонии, на р. Зале, ж.-д. узел (линии Лейпциг—Эрфурт и Галле—Гера); 37 т. жит. (1925). Машиностроительные заводы, обувные и писчебумажные фабрики; в окрестностях добываются бурый уголь и песчаник.

ВЕЙСЕНШТЕЙН (Weissenstein), крайняя цепь Швейцарской Юры (см.), обрывающаяся к долине р. Аара; достигает св. 1.250 м высоты. Мягкие волнообразные очертания покрытых лесом горных цепей с обнаженными пятнами известняков, циркообразные ущелья и небольшие долины—составляют отличительные признаки ландшафта. В долинах В.—отдельные хутора. В. пересекают две ж. д., ведущие из сев.-зап. Швейцарии в глубь страны: Базель—Мюн-

стер—Золотурн (Вейсенштейнский туннель в 3,7 км длины) и Базель—Мюнстер—Биль (Гренхенбергский туннель в 8,6 км длины).

ВЕЙСКОФ, Франц (р. 1900), современный чешский писатель, коммунист; окончил пражский ун-тет. В 1918 вступил в ряды германской соц.-дем. партии; в 1921, с образованием чешской коммунистической партии, стал ее членом. Не раз бывал в СССР. В. принадлежит драма из рабочей жизни, ряд лирических стихотворений, книга путевых заметок, написанная в связи с путешествием по СССР в 1927, *«Umsteigen ins 21 Jahrhundert, Episoden von einer Reise durch die Sowjetunion»* (в сокращенном виде книга переведена на рус. яз. под названием «Пересадка в XXI столетие», М., 1928) и др. Во всех этих произведениях В. выступает проводником коммунистических идей. Особой известностью пользуется его «Колыбельная песня», написанная в 1918. В первом из названных выше романов он описывает советскую страну, где осуществляются идеалы будущего строя. Упомянутое стихотворение помещено в *«Революционной поэзии современного Запада»*, под ред. П. Когана, М., 1927. *П. Коган.*

ВЕЙСМАН (Weismann), Август (1834—1914), выдающийся немецкий естествоиспытатель. В. получил медицинское образование и до 1860 работал в качестве врача, но затем посвятил себя исключительно зоологии; работал некоторое время в Париже—у Сент-Илера, Мильн-Эдвардса и др., и в Гиссене—у Лейкарта. В 1863 В. занял кафедру зоологии во Фрейбургском ун-те; в 1867 был избран директором Фрейбургского Зоологического института. В 1864 у него началась болезнь глаз, к-рая впоследствии лишила его возможности микроскопировать и вынудила его заняться сначала экспериментальными, а затем чисто теоретическими работами. После Дарвина В.—наиболее выдающийся эволюционист; своими трудами он оказал огромное влияние на развитие эволюционной теории; В.—пропагандист, теоретик и классик дарвинизма в противоположность Геккелю, к-рый был скорее его агитатором, популяризатором и даже до нек-рой степени романтиком; В.—основатель того направления в эволюционной теории, к-рое носит название неодарвинизма (см. ниже, а также см. *«Эволюционная теория»*) и представляет собой дальнейшее развитие дарвиновской теории отбора.

Ранние работы В. посвящены химическим вопросам. За ними последовали работы по гистологическому строению сердечной мышцы разных животных, а затем исследования по эмбриологии и метаморфозу насекомых (двукрылых). Наиболее замечательные работы Вейсмана относятся, однако, к вопросу о причинах органического развития, а также к связанным с ним проблемам изменчивости, наследственности,

образования зародышевых клеток, оплодотворения, регенерации и приспособления. Эволюционная теория В., получившая в наст. время, как указано уже выше, название «неодарвинизма» или «вейсманизма» (под к-рым часто разумеют весьма различные элементы учения В.), представляет собой чрезвычайно стройную систему в области учения о наследственности. Центральным пунктом и основой этой системы является его теория зародышевой плазмы, согласно которой наследственная плазма или «идиоплазма», т. е. зачатки наследственных признаков взрослого индивида, концентрируются в хроматине ядра зародышевых клеток. В процессе деления клетки хроматин ядра разбивается на отдельные палочки и узелки—хромозомы, которые сохраняют, по мнению В., свою «индивидуальность» в неизменном виде при всех изменениях клеточного ядра и представляют, т. о., «индивиды», передаваемые в процессе деления одним поколением клеток другому (т. н. гипотеза индивидуальности хромозом). В. предполагает далее, что зародышевая плазма в высшей степени независима от тела организма. В то время, как тело—«сома»—умирает, зародышевая плазма—«бластогенная часть организма»—продолжает жить из поколения в поколение в потомках индивида. Это учение о бессмертии зародышевой плазмы представляет основной элемент теории В. о «зачатковом пути» и о «непрерывности зародышевой плазмы». Согласно этому учению, обособившиеся с самого начала и покоящиеся первичные половые клетки сохраняются в неизменном виде в течение всей жизни, вплоть до созревания, и переносят унаследованную зародышевую плазму из поколения в поколение, в то время как телесные клетки вследствие энергичного деления и интенсивной жизнедеятельности изнашиваются, стареют и, в конце-концов, умирают. Т. о., каждое многоклеточное животное и растение представляет собой как бы двойное существо, состоящее, по мысли В., из двух принципиально различных категорий клеток. Зародышевая плазма половых клеток представляет собой исключительного носителя наследственности; в ней, в качестве зачатков, содержатся все наследственные факторы органов и тканей. Зародышевая плазма определяет развитие всех отдельных частей или участков тела (т. н. мозаичная теория наследственности), в то время как индивидуальные изменения частей или участков тела, другими словами,—индивидуально приобретенные под влиянием усиления или ослабления работы органов или тканей признаки, или же вызванные травмами изменения сомы, не в состоянии произвести соответствующего влияния на зародышевую плазму. Тем самым Вейсман впервые дал точную формулировку вопроса о т. н. передаче по наследству приобретенных признаков,—вопроса, по сей день горячо обсуждаемого. На основании тщательного и всестороннего анализа всех доводов, приводимых в доказательство существования такого рода наследственности

(передача последствий поранений, влияние внешней среды, болезни, инстинкты, упражнение и неупражнение органов и т. п.), В. приходит к заключению, что приобретенные признаки по наследству не передаются; указывавшиеся в литературе случаи такой передачи либо не представляют собой, по его мнению, истинной наследственности, либо являются отравлениями или инфекциями зародыша (алкоголь, сифилис, туберкулез и т. п.) и внутриматочными повреждениями, либо, наконец, образуются в силу т. н. параллельной индукции, т. е. возникающей независимо от воздействия тела «параллельной», самостоятельной реакции половых клеток. Т. о., вопрос о наследовании приобретенных признаков был сведен к проблеме т. н. соматической индукции, т. е. к задаче доказать, что искусственно полученные изменения сомы проявляются в потомстве в качестве наследственно закрепленных новых адекватных признаков, которые подчиняются всем тем законам наследственности, какие имеют силу для подлинных наследственно закрепленных признаков.

В. полагает, что—поскольку новые признаки не вызываются путем прямого воздействия на зародышевые клетки—изменчивость организма можно свести к «амфимиксису»,—смешению отцовских и материнских наследственных качеств при оплодотворении. Это закономерное смешение родительских зародышевых плазм в оплодотворенной яйцевой клетке вызывает и смешение признаков у будущего индивида. Значение амфимиксиса заключается, следовательно, в том, что: 1) образующийся из оплодотворенной яйцеклетки организм обладает признаками обоих родителей; 2) благодаря амфимиксису становятся возможными все новые комбинации зародышевой плазмы (зачатков); 3) благодаря амфимиксису же становится понятным деление на две равные части зародышевой плазмы, происходящее в процессе созревания яйцевых и семенных клеток. Эти новые комбинации доставляют естественному отбору все новый материал, благодаря просеиванию которого (гибель неприспособленных и переживание приспособленных) постоянно возникают новые приспособления.—В. полагает, что каждой, самой малой, самостоятельно варьирующей части организма, каждой группе клеток, даже каждой отдельной клетке соответствует в идиоплазме материальная частица—«детерминант» («определяющая частица»); отсюда название—«теория детерминантов». Сумма детерминантов, потребных для образования целого организма, представляет собой «зачаток индивида» или «ид». Иды (несколько или, по крайней мере, один) соединяются в «иданты», т. е. хромозомы. Каждая хромозома содержит, т. о., зачаток целого взрослого индивида, многократно в ней повторенный, или же, по крайней мере, один—в том случае, если хромозома целиком соответствует одному иду. Признаки тела, определенные детерминантами, проявляются благодаря тому, что сами детерминанты распадаются на еще меньшие, последние жизненные

единицы, — «б и о ф о р ы» («носители жизни»), к-рые представляют собой активные формообразующие элементы зародышевой плазмы. Эти чисто гипотетические образования являются, в свою очередь, комплексами разнообразных молекул и вообще самыми малыми единицами, каким еще свойственна жизнь. Каждый детерминант концентрирует, следовательно, в себе те биофоры, к-рые необходимы для образования определенного вида клеток. Различные биофоры одного какого-либо детерминанта определяют, в свою очередь, различные части или органеллы клетки. Т. о., в зародышевой клетке должно содержаться, по крайней мере, столько детерминантов, сколько во взрослом индивиде образуется из зародыша определенных клеток или клеточных групп. В. устанавливает, следовательно, следующий ряд единиц наследственности: биофоры → детерминанты → иды → иданты. — Детерминанты попадают в телесные клетки, характер которых они определяют, путем (характерного для учения В. о наследственности) наследственно неравного, или дифференциального, деления зародышевой плазмы; это деление наступает при начале дробления и происходит таким образом, что вся зародышевая плазма остается только в половых клетках (в «зачатковом пути»), в то время как в каждую из эмбриональных клеток дробления, предназначенных для построения тела, попадают только детерминанты тех частей и клеток тела, к-рые впоследствии образуются из соответствующих клеток дробления. Наряду с этим существует, по мнению В., «наследственно равное, или интегральное деление», которое имеет место только там, где идет дело об образовании многих однородных клеток из одной клетки; в этом случае при делении хромозом происходит удвоение детерминантов и затем симметрическое распределение их между дочерними ядрами. Правильность этой теории «наследственно равного» и «наследственно неравного» деления подтверждается наблюдениями над лошадиной аскаридой, веслоногими (Сорерода), двукрыльями (Diptera) и др. группами животных. Дифференцировки внутри клеток вызываются, по мнению В., тем, что биофоры покидают детерминанты и переходят в цитоплазму клетки, где они обуславливают строение клеточного тела.

Для объяснения различий между биофорами В. привлекает новый фактор — «з а р о д ы ш е в ы й о т б о р», под к-рым он разумеет борьбу за существование и естественный отбор внутри детерминанта. В. считает, что не все новообразования и изменения у видов могут быть объяснены путем «персонального отбора», — т. е. путем отбора целых индивидов. Он полагает поэтому, что наряду с борьбой за существование между индивидами происходит также борьба внутри каждого индивида, и эта борьба ведет к отбору частей (органов, тканей, клеток) индивида вплоть до мельчайших элементарных единиц клетки — биофоров. Между биофорами происходит постоянное соревнование из-за пи-

щи, в процессе которого более приспособленные биофоры, — напр., быстрее ассимилирующие, — вырастают и размножаются, отнимая тем самым пищу и место у менее приспособленных и даже совершенно уничтожая их. Учением о зародышевом отборе В. окончательно завершил свою систему. Отбор был провозглашен теперь единственным рычагом развития, что было выражено В. в его известных словах о «всемогушестве естественного отбора». — Если прибавить ко всему сказанному теорию В. о бессмертии одноклеточных и естественной смерти, как приспособительном явлении, впервые появляющемся у высших организмов, тело которых делится на соматическую и половую части, и у которых наблюдается отмирание сомы (появление трупа) при одновременной непрерывности зародышевой плазмы, — то все существенные составные части вейсманизма окажутся исчерпанными.

Рассматривая вейсманизм с точки зрения новейших достижений учения о развитии (механика развития, учение о чистых линиях, мутационная теория, менделизм, исследование хромозом и вариационная статистика), приходится удивляться дальновидности знаменитого фрейбургского зоолога и дарвиниста. Оказывается, что главные элементы его системы, носящей, по существу, дедуктивный и — в силу недостаточности экспериментальных исследований того времени — преимущественно спекулятивный характер, получили блестящее подтверждение. Сюда относятся: 1) понимание наследственности, как явления, связанного с прерывностью в строении зародышевой плазмы; 2) теория хромозом; 3) учение об амфимиксисе; 4) теория значительной самостоятельности соматической и половой частей тела; 5) ненаследуемость индивидуально приобретенных соматогенных признаков; 6) решающее, творческое значение естественного отбора; 7) учение о потенциальном бессмертии одноклеточных организмов и половых клеток и связанная с последним непрерывность зародышевой плазмы; критическая проверка и точное разграничение понятий «наследственность» и «ненаследственность». Вместе с тем ряд вспомогательных гипотез и деталей системы В. должен быть отброшен, что, однако, ни в какой мере не колеблет основных положений его научного наследия.

Мировоззрение В. лучше всего выражено в его классических «Лекциях по эволюционной теории». Последовательный материалист и противник всякого витализма в естествознании, В. в вопросах, к-рые выходили за пределы области его исследований, проявлял характерную для подавляющего большинства буржуазных ученых ограниченность и классовую предубежденность. Так, В. отводит религии область «неподдающегося исследованию», «необъяснимого», а сюда, по его мнению, относятся такие проблемы, как «существование мира как целого», или происхождение сил природы и материи. Тем не менее, в области познания он только за научным опытом признает исключительное руководство и, в противоположность большинству ученых, отбрасывает узкий эмпиризм и позитивизм и требует сознательного

вмешательства философии в борьбу противоречивых методов. Яснее выступает буржуазная классовая точка зрения В. в социологии. Он отвергает социализм, как учение, якобы явно враждебное прогрессу и противоречащее дарвинизму. В предисловии к нем. изданию вульгарно-либеральной книги англичанина Б. Кидда «Социальная эволюция», В. хвалит автора, который пытается путем банальнейших биологических аргументов оправдать затасканную идею о конкуренции и отборе, как единственных рычагах общественного развития. Впрочем, в этом отношении В. разделяет участь Дарвина, Геккеля, Вирхова и ряда других выдающихся естествоиспытателей.

Развитие идей В. проделало несколько этапов. Первый период исследований В. (1868—83) открывается произнесенной им в 1868 речью «Ueber die Berechtigung der Darwinschen Theorie», в которой В. вступает в борьбу как с идеалистическим «принципом совершенствования» Негели (он противопоставляет ему материалистический принцип полезности), так и с переполненной формообразующего влияния миграции (Мориц Вагнер). В то время В. придерживается еще признания передачи по наследству приобретенных признаков. Работы этого периода образуют основу всех позднейших теорий В. Они относятся к сезонному диморфизму у бабочек, партеногенезу, созреванию зародышевых клеток и оплодотворению у дафний, происхождению половых клеток у гидроидных полипов и т. д. Уже в 1869 В. начал экспериментально исследовать влияние внешних факторов на образование видов. — Второй период (1883—90). В 1883 появилась речь В. «Ueber die Vererbung», которая заканчивалась положением: приобретенные в течение индивидуальной жизни соматические изменения не передаются по наследству. Относящиеся к этому периоду работы В. по теории наследственности охватывают учение о зародышевой плазме, как носителе наследственности; Вейсман — один из первых (в 1885) понял роль хромозом (см.), как носителей наследственности, и создал учение о непрерывности зародышевой плазмы. Тогда же В. провел резкое разграничение понятий о телесных и зародышевых клетках (соматической и бластогенной частях организма), а как следствие этого была выдвинута Вейсманом идея автономности наследственной массы, или, иначе говоря, отрицание передачи по наследству приобретенных признаков, в особенности функциональных изменений и повреждений. Гипотезой о наследственной монополии ядра и хромозом и связанным с этой гипотезой учением о непрерывности зародышевой плазмы В. положил основание всем современным хромозомным гипотезам наследственности. Одновременно он установил, что при созревании половых клеток должно происходить либо равномерное, либо редуцированное деление хроматина ядра, и этим объяснил образование направительных телец и тетрад при ово- и сперматогенезе и, м. пр., сущность партеногенеза. Наряду с этим В. занимался вопросом о значении полового размножения для отбора и проблемой о задержках в развитии органов. Задержки в развитии, рудиментарные органы, В. объяснял при помощи «панмиксии», — свободного скрещивания индивидов, при котором перемешиваются хорошие и плохие задатки. Однако, впоследствии В. убедился в том, что панмиксия сама по себе не в состоянии объяснить постепенное ослабление (редукцию) и исчезновение органов, и привлек для этого теории зародышевого отбора (см. выше). В этот же период была создана В. теория потенциального бессмертия одноклеточных организмов и половых клеток. — Третий период (1890—95) В., углубляя выставленные им предположения о структуре наследственной массы, выдвигает теорию детерминантов. В это время В. полагал, что хромозомы (иданты) и иды равноценны по своей наследственной плазме; иды, полагал В., суть частицы, которые, располагаясь линейно, образуют хромозомы. Учение о половом размножении получило свое завершение в теории амфимиксиса (1891): оплодотворение у многоклеточных и конъюгация у одноклеточных представляют собой в сущности смешение двух различных наследственных масс. В это же время В. вступил в оживленный спор с Гербертом Спенсером, к-рый зашищал наследственную передачу приобретенных признаков и говорил о «недостаточности» естественного отбора; В. ответил

ему прокламированием «всеобщества естественного отбора»: «все в органическом развитии основано на отборе»; при этом В., понятно, имел в виду приспособления. — В четвертый период (1895—1902) В. завершил свою систему гипотезой зародышевого отбора, при чем перенес предложенную Ру теорию борьбы за существование между составными частями организма на единицы наследственности (биоты). Различие наследственных плазм обуславливается отбором единиц наследственности, а отбор вызывается неодинаковостью питания. В переносе принципа отбора на все живые единицы В. видел центральное место всего своего учения. — Пятый период (с 1902) был заполнен неутомимым улучшением всей системы и приспособлением ее к требованиям новейших экспериментальных исследований по наследственности. Под давлением достижений точной генетики В. был вынужден отбросить некоторые односторонние формулировки и спекулятивные обобщения своей системы и признать значение новых факторов. Он ограничил действие амфимиксиса и признал наследственное действие прямых раздражителей на зародышевые клетки, продолжая при этом решительным образом отрицать ламаркизм. Далее, он отказался от резкого разграничения соматической части организма от половой, постулировал для объяснения регенерации и почкования существование «резервной идиоплазмы», к-рая, в качестве связанной, неактивной наследственной плазмы, должна существовать рядом с уже проявившейся. Атавизм В. объясняет теперь допущением существования нескольких детерминантов для одного признака, при чем отдельные детерминанты остаются латентными. Точно так же и сама теория детерминантов претерпела значительные изменения. В. пришел к отрицанию также и старой корпускулярной теории наследственности, согласно которой детерминанты соответствуют определенным частицам тела, и принял выдвинутую менделизмом и теорией чистых линий гипотезу, согласно к-рой детерминанты (гены) являются задатками признаков. Эти ограничения и поправки не помешали ему, тем не менее, еще за год до смерти объявить, что все основано на приспособлении и все должно быть объяснено естественным отбором. При этом В. особенно подчеркивал значение «внутренних сил развития», решительно отмежевываясь вместе с тем от какого бы то ни было виталистического или метафизического толкования последних, так же, как он решительно отбрасывал какой бы то ни было орто- или номогенез. Его «внутренний» фактор есть ни что иное, как выражение того факта, что изменчивости и зародышевому отбору условиями прошлого положены границы.

Главнейшие работы: Ueber die Berechtigung der Darwinschen Theorie, Lpz., 1868; Ueber die Vererbung, Jena, 1883; Die Kontinuität des Keimplasmas, Jena, 1885; Amphimixis oder die Vermischung der Individuen, Jena, 1891; Aufsätze über Vererbung und verwandte biologische Fragen, Jena, 1892; Das Keimplasma, Jena, 1892; Die Allmacht der Naturzüchtung, Jena, 1893; Ueber Germinal-Selektion, Jena, 1896; Vorträge über Deszendenztheorie, Jena, 1902, 3 Auflage, 1913; Die Selektionstheorie, Jena, 1909; Charles Darwin und sein Lebenswerk, Jena, 1909. На рус. язык переведены: Лекции по эволюционной теории, серия I, II., 1918; О жизни и смерти («Новые идеи в биологии», сб. 3, СПб, 1914); Всеобщество естественного подбора, СПб, 1894.

Лит.: E. Gaurp, A. Weismann, sein Leben und sein Werk, Jena, 1917 (с подробн. указателем трудов Вейсмана); E. P. P. [P o u l t o n], A. F. L. Weismann («Proceedings of the Royal Society», 1916); W. A. L o c y, Biology and its Makers, N.-Y., 1915; E. N o r d e n s k i ö l d, Geschichte der Biologie, Jena, 1926; Ф и л и п ч е н к о, Ю. А., Эволюционная идея в биологии, 2 изд., М., 1926; е го ж е, Наследственность, 3 изд., М.—Л., 1926. М. Левин.

ВЕЙСМАН (Weissmann), Адольф (р.1873), музыкальный критик. Сторонник новых направлений в музыке. В.—один из наиболее авторитетных обозревателей музыкальной жизни в нем. периодической печати («Berliner Tageblatt», «Montagszeitung» и др.). Перу В. принадлежит несколько монографий; наибольшую ценность представляют его этюды о Шопене («Chopin», В., 1912, посл. изд., Stuttgart, 1923), Бизе («G. Bizet», в серии «Die Musik», В. XXIV—XXV, Berlin, 1907), монография о Пуччини («Giacomo Puccini», München, 1922), о дирижерах 20-го в. («Der Dirigent im 20 Jahrhundert»,

В., 1925). Фельетоны В. изданы отдельной книгой под заглавием «Музыка в период мирового кризиса» («Die Musik in der Weltkrise», Stuttgart, 1922), получившей большое распространение на Западе.

ВЕЙСМАН (Weissmann), Юлиус, нем. композитор (род. 1879), ученик Людвиг Тюилле, представитель музыкального неоромантизма, испытавший на себе сильное влияние И. Брамса (см.). Стиль Вейсмана—рапсодический; отличается сочностью своей музыкальной фактуры. Для своих опер В. пользуется стриндберговскими сюжетами фантастического характера. Им написано много камерной музыки и музыки для хора. В 1925 В. поставил во Фрейбурге оперу на сюжет экспрессиониста Бюхнера—«Леонс и Лена».

ВЕЙСМАНТЕЛЬ (Weismantel), Лео, немецкий драматург и новеллист; известен также как издатель и журналист. Род. 1888 в Оберзине (Нижняя Франкония) в крестьянской семье. В творчестве В. своеобразно сочетается экспрессионистическая форма с ярко выраженной католической идеологией, проникающей все его произведения. В. считается одним из наиболее талантливых представителей неокатолического направления в современной нем. литературе, чрезвычайно окрепшего в среде нем. буржуазной интеллигенции после военного разгрома. Основное направление тематики В.; преломленное сквозь призму католицизма,—«сострадание к страдающему человечеству» и искание путей к смягчению этих страданий в союзе с «милосердной церковью». Драм. В. полны мистики и аллегорий; В. пытается возродить средневековую мистерию, при чем религиозную символику он старается объединить с натуралистическими формами. Свои сюжеты он черпает из средневековых легенд и из истории; нередко обращается и к современности, подвергая ее суду метафизической морали. Войну и революцию В. изобразил в драматическом цикле «Die Reiter der Apokalypse» (Всадники Апокалипсиса, 1919). С своей реакционно-католической точки зрения В. осуждает революцию; всякую революцию во имя материальных благ он считает «неприемлемо-эгоистической» («Ich-Revolution»). Свой взгляд на революцию В. особенно ярко выразил в драме «Die Kommstunde» (1924). Националистическими тенденциями, «тоской по монарху» пропитана драма В.—«Der Kurfürst». К достоинствам В. критика относит богатое воображение, образный язык, но воображение это отравлено средневековыми видениями (ведьма, ад и т. д.), а язык лишен ясности. В произведениях В. нет целостной композиции; они перегружены повторениями и назойливыми вариациями на одну и ту же тему. Главные произведения В. (кроме названных): роман «Mari Madlen», драмы: «Der Wächter unter dem Galgen», «Der Totentanz», новеллы: «Die Bettler des lieben Gottes», «Die Hexe». Б. Гейман.

ВЕЙСС (Weiss), Эрнст (род. 1884), нем. романист, драматург и лирик. Принадлежит к группе экспрессионистов. Литературным успехом обязан, гл. обр., своим романами

(«Звери в цепях»—«Tiere in Ketten», 1918, в 1922—21-е издание; «Нахар»—«Nahar», 1921). Драм. его («Таня»—«Tanja», 1920, «Олимпия»—«Olympia», 1924) и лирические произведения (сборник «Праздник примирения»—«Versöhnungsfest», 1920) принимаются критикой и публикой холодно. Для творчества В. характерны тяготение к вопросам пола и интерес к психологии жестокости. Нередко прибегает он к психоаналитическому методу (напр., в пьесах «Таня» и «Олимпия»). Крепкая натуралистическая манера изображения чередуется у В. с приемами символизма и экспрессионизма; не чужд Вейсс порою и мистики, столь показательной для настроений, охвативших после военного разгрома германскую буржуазную интеллигенцию. Б. Гейман.

ВЕЙТЛИНГ, Вильгельм (1808—1871), немецкий революционный утопист-коммунист. Незаконный сын служанки Христианы Вейтлинген и франц. офицера Тирежона, В. вырос в тяжелых лишениях. Изучив портняжное ремесло, Вейтлинг, чтобы избавиться от военной службы, 20-ти лет покинул Магдебург и с 1828 до 1834 странствовал по Германии. В октябре 1835 отправился в Париж, где с короткими перерывами оставался до весны 1841. Здесь В. принял активное участие в тайных революционных союзах немецк. ремесленников; в 1837 он примкнул к бабувистскому «Союзу справедливых», по поручению которого написал свое первое сочинение «Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte» (Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть, Париж, 1838, рус. пер., СПб, без года, и П., 1918). В мае 1841 В. переехал в Женеву, где развернул интенсивную пропаганду среди ремесленников Швейцарии и основал ряд общин Союза справедливых. Идеи, к-рыми вдохновлялось это быстро развернувшееся среди ремесленников движение, В. изложил в своем, появившемся в дек. 1842, главном произведении: «Garantien der Harmonie und Freiheit» (Гарантии гармонии и свободы). Книга В.—первое крупное оригинальное произведение немецкой социалистической литературы—оказала огромное влияние на немецкое рабочее движение 40-х гг. В. дает в этой работе резкую критику существующего экономического, социального и политического строя, набрасывает план коммунистического общества и в обширной главе обсуждает вопрос о «возможных переходных периодах», т. е. о средствах и путях, при помощи к-рых может быть осуществлен новый общественный порядок. В. своеобразно сочетает в своем произведении идеи французского и английского мирного, критически-утопического социализма с господствовавшими во франц. тайных об-вах 30-х и 40-х гг. революционными бабувистскими

традициями. Утопия Вейтлинга также носит совершенно неисторический характер: подобно буржуазным утопистам, он строит прошлое и будущее человечества на рационалистических принципах. Общество В.— это обширный семейный союз. В нем нет правительства, а существует только управление, нет законов, а есть только обязанности, нет денег, а имеются только рабочие боны, нет выборов, а существуют только испытания. Управление отдельных территориальных единиц (округов и др.) находится в руках «компаний мастеров», выбирающих «центральную компанию мастеров», которая избирает «верховный совет трех», состоящий из величайших гениев «философской медицины, физики и механики». Выборы на всех ступенях являются выборами по способностям и представляют собою особые конкурсные испытания. Однако, между В. и буржуазными утопистами имеется одно существенное различие: для него его утопия является целью и оправданием пролетарского освободительного движения, революционной борьбы рабочего класса. Резкая критика В., направленная против чисто формальной демократии, против исключительно политической революции, дала толчок мысли молодого Маркса, приступившего тогда к изучению социализма. А его идея, будто лучший способ установить коммунистический строй заключается в том, чтобы довести до крайних пределов хаос существующего строя и двинуть на штурм его люмпен-пролетарские массы, произвела огромное впечатление на Бакунина, познакомившегося с В. в начале 1843. В основе бакунинского бунтарства 60-х гг., с его прославлением революционной роли «разбойного люда», босяцких элементов и т. д., лежат идеи В.

Революционный утопизм В. соответствовал уровню развития тогдашнего континентального пролетариата, представленного пролетаризированными ремесленниками, т. е. классом, к-рый не в состоянии понять практических средств и возможностей социальной революции, создаваемых впервые только крупной индустрией. Хотя социалистические идеи Вейтлинга и сыграли значительную роль в пробуждении немецкого пролетариата 40-х годов, однако, в качестве руководящих идей для классовой борьбы они не были пригодны уже и тогда.

8 июня 1843 В. был арестован в Цюрихе, в связи с объявлением о выходе его нового произведения «Das Evangelium des armen Sünders» (Евангелие бедного грешника, рус. перевод, СПб, 1907), в к-ром он, ссылаясь на множество мест из Библии, пытался придать коммунизму религиозное обоснование. Арест В. и признание его к 10-месячному тюремному заключению по обвинению в богохульстве и тайной коммунистической пропаганде положили конец его агитации в Швейцарии, но, вместе с тем, создали ему широкую популярность. Когда по истечении срока заключения В. был в конце мая 1844 выдан Пруссии, он был уже знаменитостью, и прусское правительство сочло более благоразумным славить его за границу. В. отправился в Лондон, куда прибыл в конце августа. Первоначально В.

принимал здесь деятельное участие в немецком коммунистическом рабочем кружке, но вскоре занялся измышлением особой логической и филологической системы, которая дала бы возможность создать особый всемирный язык, и, наконец, в результате своей нетерпимости и высокомерия пересорился с руководителями кружка. В январе 1846 В. переехал в Брюссель, где вокруг Маркса и Энгельса образовалась тогда как бы штаб-квартира коммунизма. Маркс, к-рый в сент. 1844 приветствовал в парижском «Vorwärts» «Гарантии» В., как «блестящий дебют немецких рабочих», как «детские сапожки гиганта-пролетариата», принял его радушно и помог ему в материальном отношении. Однако, и в Брюсселе В. не сумел ни с кем ужиться. Даже непосредственное влияние Маркса не помогло В. освободиться от утопизма. В вопросах тактики в случае грядущей революции В., в противоположность Марксу, и слышать не хотел ничего о временной поддержке рабочими революционной буржуазии. Принципиальные и тактические разногласия В. объяснял себе завистью конкурентов; он стал считать себя непризнанным, преследуемым, выступал с громкими обличениями высокомерия «ученых». В конце 1846 В. отправился в Нью-Йорк, где завязал сношения с американскими фурьеристами и основал «Союз освобождения», пославший его в Германию, когда там вспыхнула мартовская революция. Деятельность В. в Берлине оказалась совершенно безрезультатной. После победы контр-революции в Пруссии, В., высланный из Берлина 21 ноября 1848, отправился в Гамбург. Здесь его тайная агитация имела бóльший успех, но осенью 1849 он был выслан также из Гамбурга и вернулся в Нью-Йорк, где прожил до самой смерти, занимаясь политической деятельностью лишь первые 5 лет. В янв. 1850 В. стал выпускать ежемесячник (потом еженедельник) «Republik der Arbeiter» («Республика рабочих»), в к-ром принимали также участие нек-рые переселившиеся в Америку члены антимарксистской фракции Союза коммунистов (А. Виллих, Ф. Аннеке и др.); орган В. яростно выступал против Маркса и его американских сторонников. В окт. 1850 В. основал на всеобщем рабочем конгрессе в Филадельфии «Рабочий союз», не имевший, однако, успеха. В. попрежнему продолжал выступать против политической и профессиональной организации рабочего класса; ударившись в разные утопические фантазии, он пропагандировал идею промышленного менового банка, затем пытался основывать коммунистические колонии. Все эти попытки оканчивались дрязгами, крахом и скандалами, приведшими к гибели «Рабочий союз», а в середине 1855 и «Республику рабочих». Вскоре В. совершенно отошел от рабочего движения. Последние 10 лет своей жизни он работал над новыми изобретениями в своем ремесле, осуществлять к-рые ему, однако, не удалось из-за отсутствия средств. 25 января 1871 В. скончался.

Лит.: [Меринг, Ф.], В. Вейтлинг (биографический очерк), СПб, 1906; Меринг, Ф., История герм. с.-д-тии, т. I, М.—П., 1923; Полонский, В., М. А. Бакунин, 2-е изд., т. I, М.—Л., 1925;

Стеклов, Ю., М. А. Бакунин, Москва, 1926—27; F. Mehring, Einleitung zu der Jubiläums-Ausgabe: «W. Weitling, Garantien der Harmonie und Freiheit», Berlin, 1908; E. Kaler, W. Weitling, Göttingen—Zürich, 1887; W. Reichenau, W. Weitling, «Schmollers Jahrbuch», Jahrgang 49, 1925; H. Laufenberg, Geschichte der Arbeiterbewegung, B. I, Hamburg, 1911; H. Schlütter, Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung in Amerika, Stuttgart, 1907; M. Nettlau, Londoner Kommunistische Diskussionen, «Archiv für die Geschichte des Sozialismus», IV, 1914.

Э. Цобель.

ВЕЙТМАР, фабричное селение в юго-западной Вестфалии (Германия), в 3 км к Ю.-З. от г. Бохума; 23 т. жит. (1921). Сталелитейные заводы, добыча каменного угля.

ВЕЙ-ХАЙ-ВЕЙ, порт в северном Китае; см. *Вэй-хай-вэй*.

ВЕЙЦМАН, Самуил Евзорович (р. 1881), инженер, видный хозяйственный работник в металлопромышленности СССР. В студенческие годы активно участвовал в еврейском социалистическом движении, за что подвергался преследованиям. Окончив Киевский политехнический институт, В. работал сначала в Англии, а затем на разных заводах в России. После Октябрьской Революции все время активно работает в советской металлопромышленности: ответственным строителем Подольского паровозостроительного завода, главным инженером Брянского завода, членом ЦЕПТИ (Центрального правления заводов тяжелой индустрии юга России), членом коллегии Главметалла, в 1927 заместителем председателя правл. Гомзы и т. д.

ВЕЙЦМАН, Хаим Евзорович, видный еврейский общественный деятель, один из вождей буржуазно-националистического движения, известного под именем *сионизма* (см.). Профессор ун-та в Манчестере по кафедре биологической химии. Род. в 1874 в местечке Могольб. Гродненской губернии (ныне в составе Польши). В наст. время проживает в Англии; состоит президентом «Всемирной сионистской организации».

ВЕН, геологический термин, обозначающий промежуток времени, к-рый соответствует геологическому ярусу. Длительность В. в геологии, т. о., неопределенна. На века в геологическом времяисчислении подразделяются геологич. периоды, т. е. промежутки времени, соответствующие системам.

«**ВЕНЕР**» (Будильник), журнал и газета на разговорном еврейском языке (см. *Бундовская печать*).

ВЕНЕРЛЕ, Александр (1848—1921), венгерский политический деятель, один из типичных представителей венгерского либерализма конца 19 и начала 20 в., отражавшего в политической области рост промышленного капитала и переход его в форму финансового. В 1889 В. получил портфель министра финансов в кабинете К. Тиссы, к-рый он сохранил и в министерстве Санапи. На этом посту В. провел валютную реформу, а путем введения налогов на предметы потребления и государственных монополий ему удалось составить первый (с 1867) бездефицитный бюджет. В 1892 В. образовал свой кабинет. Ряд проведенных министерством В. законов против католической церкви (введение обязательного гражданского брака, свобода перехода из одного исповедания в другое, полное равноправие

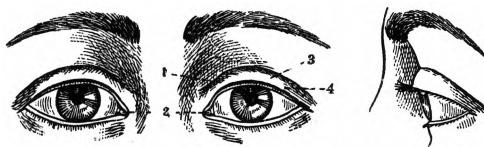
евреев и др.) имел целью устранить и в политической области остатки феодализма, мешавшие свободному развитию капитализма. После падения кабинета В. (1894) он был председателем Верховного административного суда (1897—1906). В 1906, после краха либеральной политики, В. снова стал у власти, опираясь на коалицию аграриев и мелкой буржуазии. Но кабинет В. не только не выполнил своего обещания о введении всеобщего и тайного избирательного права, а оказался еще более реакционным, чем предшествовавший ему «либеральный» кабинет, и пал в 1910. В последний раз В. занял пост премьер-министра в августе 1917 и проводил вплоть до начала первой венгерской революции политику поддержки империалист. тенденций германского блока, опираясь на коалицию крупных аграриев и капиталистов. Во время советской власти в Венгрии В. был арестован в качестве заложника. После революции В. не играл больше никакой политической роли.

П. Гайду.

ВЕКИ, защитительный аппарат глаза. Рефлекторно смыкаясь под влиянием внешних раздражений, В. предохраняют глаз от вредных воздействий, а находящиеся на их свободных краях короткие волоски—ресницы—служат как бы решеткой, предохраняющей от попадания в глаз пыли и всяких мелких твердых и жидких частиц. Основа В. состоит из плотной соединительнотканной пластинки (т. н. «хрящ века»), покрытой спереди кожей и мышцей, а сзади—соединительной оболочкой (конъюнктивой), переходящей на глазное яблоко. У позвоночных, живущих в воде (рыб), В. находятся в зачаточном состоянии. Недостаток развития В. у амфибий, рептилий и птиц компенсируется существованием так наз. мигательной перепонки, которая в б. или м. развитом виде встречается и у мн. млекопитающих («третье веко»). Остаток третьего века у человека представляет небольшую полулунную складочку конъюнктивы, находящаяся во внутреннем углу глаза.

Н. Л.

Наивысшего развития В. достигают у приматов и, гл. обр., у человека, у которого прогрессивное развитие В. стоит в связи с поднятием носового скелета и с редукцией верхней челюсти, а также, вероятно,

Веки европейского типа (спереди и в профиль): 1—верхняя борозда глазного яблока, 2—слезный бугорок, 3—кожная часть верхнего века, 4—хрящевая часть верхнего века.

с увеличением выступающей наружу части глазного яблока. Хрящевая часть В., из к-рой растут ресницы, варьирует очень мало; наоборот, развитие и общая форма кожной части представляют значительные расовые различия. Определяемая В. величина глазной щели различна у разных рас как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях. Так, монгольские народы

обладают наименьшей в том и другом направлении глазной щелью, в то время как европейцы отличаются широко открытой и удлиненной глазной щелью. Эти различия обуславливаются, главн. образом, строением верхнего В. У европейцев при открытом глазе свободный конец верхнего В. тянется в виде слегка вогнутой дуги от внутреннего края глаза к наружному, где под острым углом встречается с нижним В. Во внутреннем углу оба В. встречаются под менее острым углом, и в образованной ими выемке лежит ясно различимый слезный бугорок. Благодаря такому положению свободных краев В., глаз европейца и получает свою характерную форму—относительно широкую, округлую посредине, заостренную с боков. Т. к. закрывание глаза является, по преимуществу, функцией верхнего века, последнее развито сильнее нижнего и образует при

Веки монгольского типа (спереди и в профиль).

открытом глазе т. н. складку верхнего В. Эта складка лежит на верхней части В., но идет не параллельно его свободному краю, а в виде более плоской дуги, которая переходит на внешний угол глаза и оканчивается снаружи его. У европейцев эта складка верхнего В. обычно не доходит до ресничатой хрящевой части В. Иное расположение она имеет на глазах монгольского типа. Здесь она настолько развита, что покрывает собой свободный край верхнего В., вследствие чего В. в профиль кажется спускающимся вертикально без вдавления, ресницы же кажутся очень короткими и выходящими из глубины, а самая глазная щель получает более узкий разрез. Иногда эта складка верхнего В. настолько развита, что даже переходит на внутренний край глаза и образует здесь краевую складку в виде полумесяца, срастающуюся с кожей носа. Эта складка (эпикантус) покрывает слезный бугорок и делает его невидимым снаружи. Эпикантус довольно часто встречается у детей европейцев (20—25%), но почти совершенно исчезает с возрастом (бывает у 1—2% взрослых европейцев). У взрослых же монголов распространение его определяется, в среднем, 30%.

Расовые различия сказываются также и в степени отложения жира в области В. У монгольских народов он откладывается в значительно большей степени, чем у европейцев, что и обуславливает большую толщину их В. Характерной особенностью В. некоторых человеческих рас (негров, готтентотов, айвов и др.) является частое присутствие у них рудимента третьего В.

Лит.: Методика антропометрических исследований, 2 изд., под ред. проф. В. В. Бунака, М., 1927; R. Martin, Lehrbuch der Anthropologie, Jena, 1914; H. Pösch, Die Weichteile der Augengegend («Mitteilungen d. Anthropologischen Gesellschaft in Wien», V. LIV, 6 Heft, Wien, 1924). *Е. Соболева.*

ВЕККИ (Vecchi), Никола (р. 1882), итальянский профсоюзный деятель. Был секретарем Веронской палаты труда, примыкавшей в первое время после войны к профессиональному объединению Unione Sindacale Italiana. Когда в этой организации образовалась левая, так наз. «революционная синдикалистская» фракция, стоявшая на платформе Красного Интернационала профсоюзов, В., вместе с некоторыми другими синдикалистами, примкнул к ней, при чем В. стал редактором органа этой фракции, который носил название «Красного Интернационала» («L'Internazionale Rossa»). В 1922 В. вместе с Пульвио Цокки представлял эту фракцию на 2-м съезде Профинтерна. Почти немедленно после этого съезда В. прекратил всякую активную работу в области профдвижения. В апреле 1926 в итальянских газетах было опубликовано письмо Веки на имя заместителя секретаря фашистской партии, в котором он просил поддержки последнего для вступления в фашистскую партию. В своем заявлении, ссылаясь на участие в разгроме конфедеральной биржи труда в Вероне, Веки устанавливал свою солидарность с фашистскими методами действия. Однако, фашисты его не приняли, и Веки сошел с общественной арены.

ВЕКЛЕР (Weckler), Георг Фердинанд (1800—61), ученик римского мозаичиста Малья, один из организаторов мозаичного отделения Петербургской академии художеств (1842). Исполнял копии с картин русских и иностранных мастеров. Работы его хранятся в Эрмитаже в Ленинграде.

ВЕКОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ. Под этим термином статистики обычно подразумевается статистико-математическое изображение некоторых социальных и экономических процессов за длительный период времени, при чем речь идет не об установлении тенденции развития путем аналитического изучения объекта, а лишь о статистико-описательном изображении тех или иных процессов. Сами термин «вековая» дается здесь в противоположение временным тенденциям, временным перегибам или временным провалам кривых, обуславливаемым краткосрочными влияниями. В. т. обычно изображается путем построения (при помощи математических вычислений) прямой линии или плавной кривой, наиболее близко подходящей к ломаной, абсциссы точек которой изображают время, а ординаты—значение членов временного ряда. Исследуя вековое движение, мы анализируем, «очевидно, не реальную тенденцию развития, а лишь сводную статистическую характеристику хозяйственного процесса за определенный промежуток времени. Динамика средних изучается не в зависимости от изменений какого-либо воздействующего на данную совокупность фактора, а в зависимости от времени. Плавный уровень временного ряда характеризуется только те точки, для к-рых он выведен, и не дает ни малейшего права распространять найденную формулу кривой на будущее или на те прошлые периоды, для к-рых нет непосредственных статистических данных» (Базаров, В., Капиталистические

циклы, М.—Л., 1927). Именно так, как функцию времени, а не как функцию тех или иных экономических факторов, т. е. формально статистически, понимают В. т. многие американские теоретики. «Задача измерения векового уровня временных рядов,—говорит, напр., Уорен Персонс,—заключается в подборе прямой или кривой к графику, где абсциссу изображает время, а ординату—члены данного ряда. Обычно мы можем предполагать, что вековой уровень есть прямая; другими словами, можно положить, что, ежели бы уровень был единственным источником вариаций в рядах, то фактическое изменение значений между двумя последовательными месяцами оставалось бы строго постоянным. В этом предположении строится прямая линия уровня, к-рая „лучше всего“ подходит к данным» (см. Г. Л. Р и т ц, Математические методы в статистике, Москва, 1927, стр. 315).

В порядке статистико-описательном мы находим у теоретиков статистики ряд б. или м. удачных классификаций типов временных кривых, в основу к-рых кладется характер общего уровня и природа его колебаний.

В частности, у Боули мы находим следующую характеристику их важнейших типов:

а) Ряд с плавным уровнем, с постоянным или медленно изменяющимся направлением и без каких бы то ни было колебаний. Статистика населения любой страны дает обычно кривые этого типа.
 б) Ряд со случайными и колебаниями, иначе говоря—с колебаниями такого рода, что движение кривой (вверх и вниз), нанесенное для годичного периода, не дает нам оснований для предсказаний, как пойдет движение кривой в следующий год—поступательно или падающим темпом. В качестве примера приведем годичные кривые атмосферных осадков.
 в) Ряд со взаимно компенсирующимися и колебаниями. Такие компенсирующие колебания мы имеем в том случае, если поступательное движение одного года обычно компенсируется падающим движением следующего года. Кривые рождаемости, смерти и брачности часто выявляют такие компенсации.
 г) Ряд с волнообразными и колебаниями. С таким рядом мы имеем дело, когда после максимальных или критических подъемов кривых наблюдаются соответствующие регулярные падения их год за годом до тех пор, пока не достигается определенный минимум, а затем снова начинается ряд последовательных подъемов. Примеры таких кривых мы имеем в общей статистике цен, а также и при оперировании той массой показаний, к-рая относится к т. н. коммерческим циклам.
 д) Ряд с периодическими и колебаниями. С таким рядом мы имеем дело, когда подъемы и опускания кривой повторяются регулярно через какой-либо определенный промежуток времени, каждые 10 лет или каждые 12 месяцев или какой-либо иной период—в одном и том же направлении. При чем (в нек-рых случаях) повторяется и величина колебаний. Примером здесь могут служить сезонные колебания безработицы.—Случаи а), б), в) и г) могут давать комбинацию плавного уровня с различного рода колебаниями. Приходится также встречаться с случайными или компенсирующимися колебаниями, накладывающимися на волнообразные колебания или на плавный уровень, как гребни волн поднимающегося прилива.

Более простую классификацию дает проф. Милс: «Большинство рядов экономической статистики выявляют определенную тенденцию, которая может выразиться постоянным направлением или направлением, изменяющимся при постоянстве норм изменения, или даже характеризоваться резкими изменениями направления или нормы изменения, вызванными введением какого-нибудь нового элемента. Так, объем продукции или ее реализации каким-либо предприятием, регистрируемый из года в год, выявляет обычно довольно регулярный рост. То же можно сказать и о кривых населения, добыче ископаемых минералов, числе зарегистрированных автомобилей и т. д.»... При наличии периодических колебаний В. т. можно не сразу различить как плавное-поступательную или плавное-падающую, благодаря «наличию многочисленных колебаний, накладывающихся на общий уровень. Эти колебания могут быть правильными или неправильными, резкими или постепенными, простыми или

сложными. Значение каждой отдельной варианты ряда есть величина, результирующая из взаимодействия В. т. развития и различных сил, стремящихся отклонить в ту или иную сторону данную вариацию от уровня В. т. Эти силы, составляющие факторы пертурбационного порядка, без наличия которых положение характеризовалось бы постепенным нормальным изменением, могут быть различных типов». В качестве примера можно привести сезонные колебания и т. н. «циклические колебания, которые выявляются в рядах, испытывающих на себе влияния, связанные с экономическими или хозяйственными циклами: цены, заработная плата, объем промышленной продукции, биржевые операции и большинство рядов, относящихся к деятельности индивидуальных предприятий, подвержены воздействию изменений деловой конъюнктуры, выражающейся сменой периодов депрессий и расцвета». Особняком стоят «случайные и нерегулярные колебания—катастрофические события, как, землетрясение в Сан-Франциско, войны, наводнения, пожары... Результирующая величина для всех этих пертурбационных моментов должна определять, насколько выше или ниже нормальной величины будет действительная величина в каждый данный момент времени» («Statistical Methods applied to Economics and Business», N.-Y., 1925).

У Милса, так же, как и у многих других статистиков, мы находим не только классификацию кривых статистико-описательного порядка, но и попытку формально-статистического анализа экономической эволюции. Пресловутая теория циклических колебаний выступает здесь, в противоположность теории кризисов Маркса, как совершенно формальная теория, приемлющая колебания коммерческого и делового порядка, как эмпирически установленный закон экономики, и даже не пытающаяся вскрыть путем экономического анализа подлинную причину этих колебаний, характерных для эпохи капитализма. В связи с этой теорией, В. т. выступает, как линия, характеризующая «нормальное» движение или движение, каким оно было бы, если бы не было пертурбационных факторов, иначе говоря, мы имеем тут дело с полным отказом от конкретного анализа взаимодействия тех экономических условий, которые выступают формально, как пертурбационные факторы. Отсюда стремление выравнять или выгладить кривую и привести ее к такой правильной математической форме, к-рой соответствует уравнение определенного типа. Проф. Персонс считает даже, как мы видели выше, что вековой уровень лучше всего выразить прямой линией. Конечно, в руках экономиста, исследующего действительность во всеоружии экономической теории и путем конкретного, но не формального анализа экономических условий, знание типов кривых и умение их выравнивать для того, чтобы выявить наиболее общую их тенденцию,—все эти статистико-описательные методы могут сыграть большую роль. Но и в этом случае указанные методы являются лишь орудиями измерения и описания, а не методами грубо-эмпирического нахождения экономических закономерностей и экономических норм.

В качестве примера вполне целесообразно указать на работу В. М. Обухова по выяснению главнейших причин, порождающих прихотливые зигзаги сильно колеблющихся урожаев в России. В основу его исследования положена следующая рабочая гипотеза: последовательные изменения в способах обработки земли, в севообороте и пр. факторы культурного порядка создавали плавное изменение урожайности. Наблюдавшиеся же отклонения урожайности от плавного уровня, в иные годы весьма значительные, порождались факторами метеорологическими (тем или иным распределением тепла и осадков в продолжение вегетационного периода). Как показывает рис. 1,

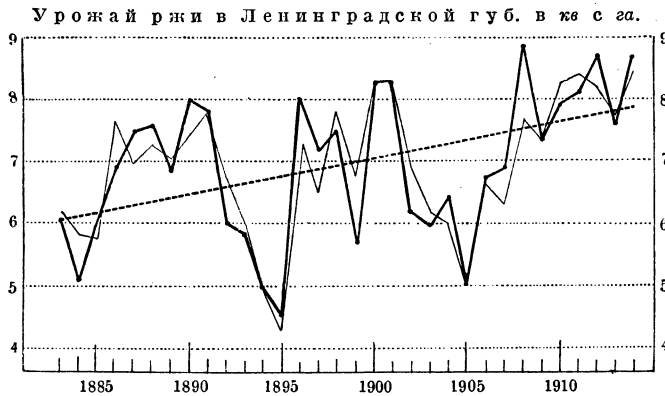

Рис. 1. Толстая ломаная линия—по непосредственным наблюдениям; тонкая ломаная линия—исчисленный на основании учета метеорологических факторов; наклонная прямая пунктиром—средний уровень (вековая тенденция), исчисленный по способу наименьш. квадр. из данных непосредственных наблюдений.

исследование подтвердило правильность упомянутой рабочей гипотезы. Оказалось, что, действительно, отклонения урожайности от плавного уровня почти всецело определялись погодной конъюнктурой. Добытые В. М. Обуховым результаты имеют весьма реальное значение. Статистика получает в руки надежное измерительное средство для определения высоты урожая каждого данного года по ходу метеорологических явлений. Т. о., целесообразность выявления в данном случае В. т., как общей тенденции развития, оправдала себя в полной мере. Удачный результат операции выявления В. т. здесь тесно связан с наблюдением основного условия, значение которого

Оборот внешней торговли Англии на 100 душ населения.

Рис. 2. Ломаная линия—эмпирический ряд, плавная пунктирная линия—уровень вековой тенденции, вычисленный согласно уравнению:

$$I = 1(1,0267 + 0,0083x - 0,000051x^2)$$

 Заштрихованы «понижательные волны»

нию к плавному уровню обнаруживает такое же «понижательное движение», как и в период 1870—90 (см. рис. 2). На самом же деле именно с 20-х гг.—по окончании наполеоновских войн и после ликвидации континентальной системы—внешняя торговля Англии вступила в полосу чрезвычайного оживления. И эта эпоха, вопреки проф. Кондратьеву, ничего не имеет общего с действительной депрессией внешней торговли Англии в 70-х и 80-х годах. Так, благодаря формально-математическому подходу, «диаметрально противоположные эпохи оказались геометрически сходными фазами волны, нанесенной на искусственно выделенный уровень» (см. об этом подробнее у Базарова; см. также *Временные ряды, Выравнивание кривых*).

Лит.: Р и т ц, Г. Л., Математические методы в статистике, М., 1927 (ст. У. М. Персона, Корреляция временных рядов); Б а з а р о в, В., Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, М.—Л., 1927; О б у х о в, В. М., К вопросу об определении ожидаемого урожая, «Труды ЦСУ», т. XVI, в. 1, М., 1923; его же, Движение урожая зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915, в сб. «Влияние неурожая на народное хозяйство России», М., 1927; A. B o w l e y, Elements of Statistics, L., 1925; M i l l s, Statistical methods applied to Economics and Business, N.-Y., 1925; W. M. P e r s o n s, Indices of Business Conditions, «Review of Economic Statistics», Preliminary volume I. М. Смит и Б. Ястремский.

ВЕКОВЫЕ КОЛЕБАНИЯ земной коры, медленные подымания и опускания целых обширных областей земной коры, которые необходимо отличать от сейсмических колебаний (см. *Землетрясения*), т. е. внезапных сотрясений, толчков или волнообразных колебаний, пробегающих по телу земли с громадной скоростью, и от орогенических колебаний (см. *Горообразование*), т. е. колебаний, приводящих к образованию сложных изгибов и разрывов пластов в горных хребтах. В. к. можно отождествить с т. н. эпифрогеническими (от греч. *epi*гос — континент), или континентообразующими движениями земной коры. Их изучение сопряжено с большими трудностями, а вопрос об их происхождении представляет один из сложнейших вопросов геологии и тесно переплетается с самыми важными и глубокими вопросами о строении недр земного шара, причинах и сущности всей тектонической деятельности земли. Легче всего В. к. можно обнаружить по морским побережьям, благодаря перемещениям береговых линий, свидетельствующим о понижении или повышении уровня моря по отношению к прилегающей суше. Признаки недавнего понижения уровня моря, или, другими словами, поднятия берега, наблюдать легче, и они более многочисленны. Особенно убедительным признаком являются древние береговые линии и террасы, чрезвычайно многочисленные, например, по берегам Скандинавии. Береговые линии представляют собой уступы и площадки, выработанные морским прибором в скалистых берегах. Если берег подымается, то такие уступы оказываются лежащими на нек-рой высоте над уровнем моря. По берегам Швеции местами наблюдаются целые лестницы таких уступов, свидетельствующие о неравномерном ходе поднятия

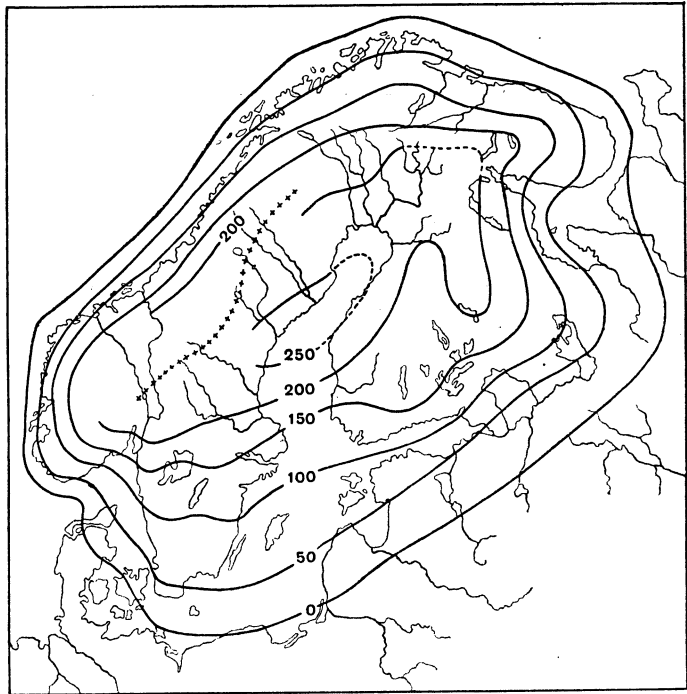
берега. Ту же роль играют береговые валы из галек или песка, морских раковин и пр., отложенные морским прибоем, а ныне поднятые над уровнем моря. Выступление из-под уровня моря коралловых рифов, устричных банок, подводных камней и пр. также служит хорошим доказательством перемещения береговой линии в сторону моря. Иногда об этом же свидетельствуют археологические и исторические данные, как, напр.: находимые на суше следы свайных построек и т. н. «кухонные кучи» из морских раковин, удаленные теперь от моря; осушенные гавани; исторические сведения об условиях судоходства в тех местах, где ныне находится суша, и пр. Признаками опускания берегов или повышения уровня моря служат затопленные подводные волноприбойные террасы, достигающие в этом случае очень большой ширины (на африканск. берегу Средиземного моря—до 20 км), затопленные речные долины (у берегов Шотландии, Гренландии, Сев. Америки, Африки и пр.), к которым относятся, м. пр., *лиманы* (см.) сев. побережья Черного моря, находимые ниже уровня материковых лесов, торфяников и пр. Большое значение имеют в этом отношении коралловые постройки, поднимающиеся с больших глубин; известно, что кораллы могут жить лишь близ поверхности моря, а следовательно,—нахождение их на большой глубине указывает на повышение уровня моря или опускание дна. Существуют памятники переменным колебаниям земной поверхности вверх и вниз, из которых известнейшим является храм Юпитера Сераписа в Пуццуоли, близ Неаполя, построенный в 105 до хр. э. На трех уцелевших мраморных колоннах этого храма на высоте от 3,6 до 7 м над уровнем моря имеются следы истачивания сверлящими моллюсками, раковины которых даже сохранились в пробуренных колоннах. Предполагается, что Пуццуоли испытал следующие движения: 1) поднятие со времени постройки храма до 4 в. хр. эры, 2) опускание от 4 до 16 века, 3) поднятие, в связи с появлением вулкана Монте Нуово в 1538, 4) современное опускание со скоростью 7 м в столетие. Медленные колебания земной коры широко распространены по всему земному шару. Отмечается, что поднятия суши преобладают в околополярных странах, а опускания—в области тропиков, но это не является общим правилом, так как даже на коротких расстояниях наблюдаются движения разных направлений.

Когда впервые в Швеции было открыто поднятие берега, Цельсий в 1743 объяснил его пониженным уровнем

моря, но так как вскоре было обнаружено, что поднятие это является неравномерным, то Плейфер (1802), а затем Х. Л. фон Бух (1807) стали доказывать, что причина явления заключается в абсолютном поднятии участков суши. Этот взгляд был развит Лайелем и надолго укрепился в науке. Затем, когда развивающиеся градусные измерения и наблюдения над качанием маятника показали, что поверхность океана не представляет правильного эллипсоида вращения, и что уровень их изменяется от середины к берегам под влиянием притяжения, производимого материковыми массами, вопрос о В. к. сильно осложнился. Э. Зюс снова стал придавать крупное значение общим повышениям и понижениям уровня моря, при чем понижение уровня моря он объяснял оседаниями, провалами морского дна, а повышение уровня—накоплением осадков и заполнением ими морских впадин. Впоследствии было доказано, что эти общие колебания уровня моря не играют такой большой роли, как предполагал Э. Зюс. Пенк для объяснения крупных В. к. в околополярных странах выдвинул роль ледниковых покровов, которые в течение ледникового периода могли вызывать повышение уровня в прилежащих местностях.

В новую фазу вопрос о В. к. вступил за последнее время, начиная с работ де Геера над поднятием Скандинавии. Де Геер установил, что древние снеговые линии в Скандинавии лежат не везде на одном уровне, а повышаются внутрь страны от 0 до

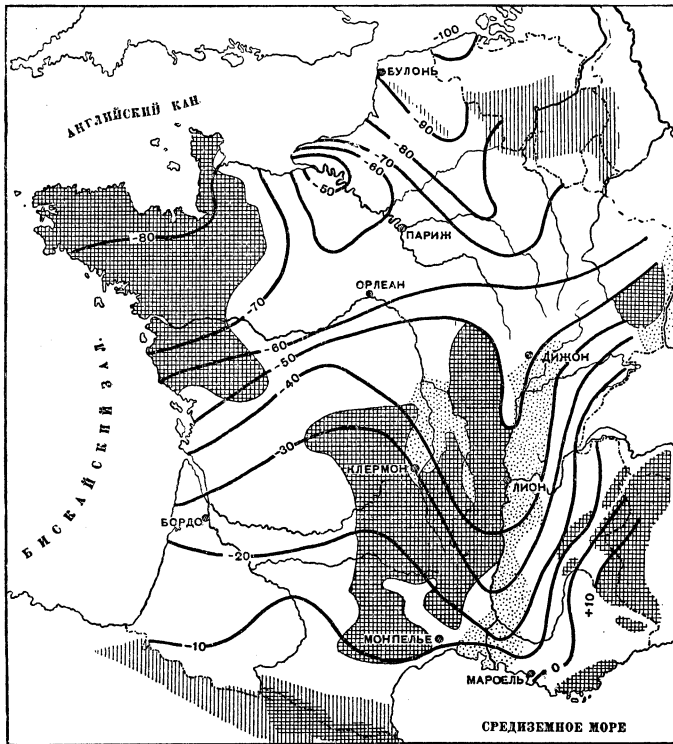
Рис. 1. Современная (составленная Хёгбомом) карта изобаз, показывающая величину послеледникового поднятия Финноскандии в метрах.

Сплошные линии—изобазы; пунктир крестиками—ледораздельная линия.

275 м. Соединив на карте точки, лежащие на одинаковой высоте, он получил так наз. изанабазы, или *изобаза* (см.), т. е. линии равного поднятия суши (см. рис. 1). По карте изанабаз видно, что Финно-Скандинавский массив поднимается сильнее всего в центральной части, в виде пологого куполовидного вздутия. Подобная же работа была сделана и для Сев. Америки и обнаружилась такое же неравномерное воздымание ее сев. части (Канады). Точнейшие нивелировки последнего времени позволили установить В. к. и вдали от морских берегов. Медленное опускание в виде пологой впадины было отмечено в баварских предгорьях Альп, между Мюнхеном и р. Зальцах, где наибольшее понижение с 1887 по 1906 равно 66,4 м.м. Еще более замечательные данные получены относительно Франции (рис. 2), к-рая почти

Рис. 2. Карта изокатабаз (линий одинакового опускания, проведенных через 10 см с 1860 по 1890) Франции.

Вертикальная штриховка—палеозой Арденн; сетка—древние массивы (гнейсы, гранит и пр.); пунктир—молодые области опускания.

вся находится в состоянии медленного опускания со скоростью, достигающей близ Остенде (Бельгия) 3 м в столетие. То же давно известно для Голландии, ограждающей себя плотинами от наступания моря. Все эти факты с несомненностью доказывают наличие крупных вертикальных колебаний земной коры, от которых, следовательно, зависят и перемещения береговой линии; роль же общих изменений морского уровня в этих явлениях ничтожна.

Большинство ученых главной причиной В. к. считает нарушения равно-

весия земной коры. Твердая земная кора подстилается вязким пластичным слоем (*магмой*, см.), на поверхности которого она как бы плавает в состоянии равновесия. Если нагрузка какого-либо участка изменяется, он начинает медленно погружаться или всплывать, подобно плавающей льдине. Такие изменения нагрузки отдельных участков земной коры происходят непрерывно, благодаря размыванию и сносу материала на материках, накоплению осадков на дне морей, образованию и стаяванию ледниковых покровов и, наконец, горообразовательным процессам, связанным с образованием мощных надвигов, покровов и накоплением складчатых масс. Благодаря громадной вязкости магматического слоя, изменения давления вызывают в нем чрезвычайно медленные токи и перемещения масс, с которыми В. к. и связаны. Вековые колебания обнаруживают теснейшую связь с горообразовательными процессами и, м. б., весьма часто вызываются также громадными боковыми давлениями, существующими в земной коре. Роль В. к. очень велика в самом процессе образования горных хребтов. Та или иная область, смятая в складки и получившая сложную внутреннюю структуру, превращается в горную страну лишь благодаря общему ее медленному воздыманию и начинающемуся размыву, расчленяющему приподнятый массив на ряд горных хребтов.

Лит.: Ог, Э., Геология, т. I, гл. XXVIII, 3-е изд., М., 1924; М у ш к е т о в, И. В., Физическая геология, т. I, гл. IX, Ленинград, 1925; W. S a l o m o n, Grundzüge der Geologie, B. I, Stuttgart, 1924; F. E. S u e s s, Zur Deutung der Vertikalbewegungen der Festländer und Meere («Geologische Rundschau», 1920—21). *Е. Милановский.*

ВЕКОВЫЕ НЕРАВЕНСТВА,

или вековые возмущения, охватывающие значительные промежутки времени отклонения движения планет от строгого эллиптического движения. В. н. происходят вследствие того, что планеты притягиваются не только солнцем, но и друг другом. От вековых неравенств следует отличать так называемые

в а р и а ц и и, представляющие собою возмущения с коротким периодом. См. *Возмущения, Небесная механика.*

ВЕКСА (Вёкса), название ряда рек, служащих стоком вод из одного озера в другое (или из озера в реку), соответствует финскому Wuoksa—Вуокса и, повидимому, унаследовано позднейшим русским населением от финских аборигенов. Наиболее известны: 1) В. Галичская, левый приток р. Костромы, вытекает из Галицкого оз., длина 87 км, впадает в Кострому у г. Буй, судоходна для мелких судов на всем протяжении;

2) В. Чухломская, водосток озера Чухломского в р. Кострому, 44 км длины, сплавная; 3) В. Вологодская, левый приток р. Волгоды (близ устья), дл. ок. 30 км, служит стоком небольшого озера Масатова; 4) В.—сток Переславского (Плещеева) оз. в небольшое оз. Сомино, из к-рого далее на З. течет р. Нерль (Волжская); дл. 8 км.

ВЕКСЕЛЛЬ (Wecksell), Иозеф Юлиус (1838—1908), финско-шведский поэт, родом из Або. Начал писать очень рано и к 20-ти годам уже был автором многочисленных рассказов, комедий и поэм на шведском и финском языках. Одна из его пьес «Три жениха» («Tre friare», 1850) прочно вошла в репертуар шведских театров. Завоевал широкую популярность сборником юношеских стихотворений (1858—60) и пьесой «Даниэль Йурт» («Daniel Hjort», 1862), шедшей с большим успехом на сцене шведского театра в Гельсингфорсе и в Стокгольме и переведенной на многие европейские языки (в том числе и на русский, СПб, 1883). Все написанное В. пропитано национал-демократическими тенденциями во вкусе шведско-финской буржуазии. В свое время произвели впечатление на читателя-финна рассказы по сочинениям В. намеки на тяжесть и «историческую несправедливость» зависимости Финляндии от России. Лирика В., благодаря своей простоте, искренности, глубине изображаемого чувства и близости к темам народной поэзии и сейчас высоко ценится в Швеции и Финляндии; последнее издание стихов В. появилось в Стокгольме в 1920, в Гельсингфорсе в 1919.

Лит.: А. Л ö n n б е с к, Josef Julius Wecksell och hans skaldskap (i «Album utg. af Nylandingar», VII, 1881). Г. Поляков.

ВЕКСЕЛЬ И ВЕКСЕЛЬНОЕ ПРАВО. С о д е р ж а н и е:

I. История векселя	221
II. Юридическая природа векселя	223
III. Вексель в капиталистическом хозяйстве	226
IV. Роль векселя в советском хозяйстве	229

Вексель—распространеннейший долговой документ, содержащий обязательство срочной уплаты и составляемый со строгим соблюдением особых форм. В течение своей почти тысячелетней истории В. многократно претерпевал изменения в своих правовых свойствах и в характере своего экономического значения. Для современного В. то определение, к-рое мы только-что дали, не дает перечисления всех существенных его признаков; но если давать определение, к-рое подходило бы к В. во всех фазах его развития, то приходится ограничиться сказанным, с тем, чтобы в дальнейшем изложении указать черты его, подвергавшиеся изменениям.

I. История векселя.

Современный В. ведет свое происхождение из Италии, хотя зачатки подобного института встречались и в истории других стран, напр., у арабов. Как показывает самое название «вексель» (нем. Wechsel от wechseln—менять), по своему происхождению В. тесно связан с операцией размена денег. Размен денег получил в конце ср. вв. особое значение в экономически наиболее развитых районах Европы. В период оживления сношений между различными

государствами многие из них, ничтожные по размерам, имели, тем не менее, собственную валюту. Особенно важное значение приобрели эти операции в Италии в силу ее передовой роли в то время и особенностей ее географического и политического положения. Т. к. путешествия со значительными деньгами на руках были тогда далеко не безопасны, ибо и многие феодалы не брезгли прибегать к грабежу и разбою для удовлетворения возросших в это время потребностей, то распространилось обыкновение при сколько-нибудь отдаленных путешествиях и предстоящих значительных расходах запастись письмами от одних банкиров или менять к другим: письма эти уполномочивали на обратное получение в другом городе и в иной валюте сумм, уплаченных в месте жительства. Такого рода письма стали зачатком перевода по В., в к-ром означаются, по меньшей мере, три лица: т р а с с а н т (выдающий письмо), р е м и т е н т (тот, кто получает письмо—В., уполномочивающее его на получение денег), т р а с с а т (платательщик). Из Италии практика таких писем распространилась по юж. Франции, а потом и по другим странам. Во Франции письма, аналогичные нынешним переводным В., получили первоначально преимущественное распространение на ярмарках; в связи с особенностями ярмарочных отношений, особое значение получила срочность уплаты по В., а также были установлены особые правила взыскания по В., имевшие в виду быстроту и точность удовлетворения. Эти черты стали одной из важнейших особенностей В. и сделали его излюбленной формой долговых документов, особенно среди купцов. Для чисто долговых отношений в пределах одной местности форма перевода по В. с непременным наличием трех участников отнюдь не вызывалась деловыми потребностями: более простым средством выражения долга был бы в этом случае В. п р о с т о й, которым одно лицо обязывается уплатить другому в срок определенную сумму. В 16—17 вв. руководящая роль в развитии В. уже окончательно стала принадлежать Франции. В это время там сложился институт индоссамента (надписи на обороте), составляющий, с примыкающими к нему правилами, едва ли не наиболее существенную и практически наиболее важную черту современного В. До того уступка прав по В. допускалась или по истечении срока (передача прав по взысканию), или обходным путем—посредством оставления в тексте В. пустого места для означения лица, уполномоченного на получение по В. Между тем, развившийся оборот требовал создания максимальной обеспеченности реального удовлетворения векселедержателей. Эта цель была достигнута установлением возможности уступки прав по В. путем передачи его с учинением на нем передаточной надписи, без уведомления должника, при чем каждый приобретатель В. вправе произвести дальнейшую передачу, а все делающие такие надписи (надписатели) являются солидарно ответственными перед последующими векселедержателями. С увеличением числа лиц, через руки к-рых прошел В., растет, т. о.,

надежность и легкость удовлетворения по нему, и В. начинает приближаться по своей роли к деньгам. Весьма существенным различием между В. и кредитным билетом остается, однако, то обстоятельство, что требование, вытекающее из В., еще не отрешено безусловно от тех договорных или иных конкретных отношений, на почве которых оно возникло, и оспаривание действительности этих отношений может лишить это требование его силы. Лишь законодательства 19 в., начиная с общегерманского вексельного устава, придают В. значение абстрактного *обязательства* (см.). Только после этого отпадают все правовые препятствия к тому, чтобы вексель мог «функционировать, как средство обращения, короче, как деньги, как кредитные деньги» (Гильфердинг).

II. Юридическая природа векселя.

Чтобы В. мог успешно выполнять свою роль в современном обороте, правовые нормы должны придать ему длинный ряд особых, связанных друг с другом, юридических свойств и последствий, делающих его своеобразным правовым институтом и составляющих предмет особой юридической дисциплины—вексельного права. В. п. пользуется большим вниманием буржуазного законодателя и юридич. литературы, что объясняется не только важной ролью этого института в современном обороте, но и его специфическим назначением, как обязательства, обещающего самое надежное, быстрое и точно определенное удовлетворение. Из этих специфических свойств В. вытекает необходимость особой разработанности, определенности и точности правовых норм, его определяющих. Положение о В. в РСФСР 1922 является гораздо более кратким, чем иностранные вексельные уставы, что объясняется общим стремлением нашего законодательства к сжатости. По действующему в РСФСР Положению о В. (с немногими второстепенными отличиями оно действует также и в других советских республиках), В. воплощает в себе обязательство абстрактное в том смысле, что самая выдача его обосновывает обязанность платить по нему. Возражения, основанные на обстоятельствах, предшествовавших выдаче В., напр., на том, что В. был выдан в виду полученного векселедателем от векселедержателя обещания выдать такую-то сумму, каковое обещание исполнено не было, могут быть предъявлены лишь первому приобретателю; в отношении же векселедателя с последующими векселедержателями сила В. от этих обстоятельств не зависит. Эта особенность В. имеет своим последствием то, что «каждому векселедержателю, независимо от прав предшественника, принадлежат все права, вытекающие из векселя» (ст. 10 Положения). Исключение представляет лишь тот случай, «когда В. выбыл из владения последнего помимо его воли, и векселедержатель об этом знал или должен был знать при обычной в торговом обороте предусмотрительности».

Вторая черта, которую наш закон приписывает В. и которая находится в теснейшей

связи с абстрактностью его и служит тем же целям, что и абстрактность, это его безусловность. В. должен содержать, под страхом утраты вексельной силы, обещание, «не ограниченное никакими условиями и оговорками» (ст. 2 Положения). Это восприятие должно быть понимаемо в том смысле, что основное содержание обязательства не может стоять под оговоркой, лишаящей его той твердости, какая необходима для торгового оборота; но оно означает также и указание на недопустимость установления в тексте В. каких-либо добавочных обязанностей должника, зависящих от обстоятельств, имеющих наступить впоследствии и тем самым превращающих содержание обязательства в величину не вполне определенную. Отсюда следует, в частности, недопустимость указаний в векселе на проценты, неустойку и т. п.

Выше говорилось уже о значении передаваемости В. и солидарной ответственности надписателей, как свойства, обеспечивающего возрастание надежности и легкости получения удовлетворения по В. Эти свойства В. фиксируются и нашим Положением о В. Первый векселедержатель и последующие приобретатели вправе передавать В. другому лицу, — говорит ст. 6. На уступку прав по В. не распространяется ст. 124 Гражд. кодекса, по к-рой уступка требования кредитором другому лицу допускается только при условии уведомления об этом должника. Векселедатель обязан чинить исполнение всякому, к кому В. дойдет передачей по надписи или по ряду надписей. По иностранным вексельным уставам, передаваемость является свойством В., к-рое не может быть исключено по соглашению сторон, хотя бы на этот счет была учинена особая оговорка на В.; если в нашем законе этого и не сказано прямо, то, надо полагать, лишь потому, что наш законодатель стремился к сугубой сжатости. Согласно ст. 9 Положения, все лица, подписавшие В., а также учинившие на нем передаточные надписи, ответственны перед векселедержателем, в случае неплатежа, удостоверенного *протестом* (см.), как совокупные (солидарные) должники (см. *Солидарные обязательства*). Закон наш, как и иностранные законы, допускает, впрочем, освобождение отдельных надписателей от ответственности путем внесения особой оговорки: «без оборота на меня». Векселедержатель вправе предъявить требование к каждому из обязанных по В. лиц в отдельности, не будучи связан порядком последовательности, в котором они принимали на себя обязательство. Осуществляя свое требование против одного из обязанных по В. лиц, векселедержатель не теряет, однако, тем самым, прав по отношению к остальным обязанным лицам (ст. 9). Каждое обязанное по В. лицо, оплатившее его, имеет право требовать возмещения от векселедателя и всех тех лиц, от коих В. дошел по надписям к оплатившему его.

Интересы быстроты, легкости и беспорядности получения удовлетворения по В. диктуют необходимость точного, для всех понятного и, в связи с тем, единообразного

обозначения на В. всех данных, определяющих отношения кредиторов и обязанных лиц. Многовековой опыт выработал ряд определенных формальных требований (см. *Реквизиты*), к-рым необходимо должен удовлетворять В., чтобы иметь вексельную силу. Наше Положение о векселе, как и иностранные законы, содержит по этому вопросу детальные предписания, подлежащие обязательному исполнению.

Как мы уже упоминали, В. может быть либо простым, либо переводным. Наше Положенне предусматривает и ту и другую формы, при чем, в отличие от иностранных кодексов, основное внимание уделяет и на первое место ставит простой В. (именно к нему относятся приведенные выше статьи Положения). Векселя на предъявителя нашим законодательством не допускаются, т. к. допущение их создало бы конкуренцию банкнотам и могло бы повредить планомерности эмиссионной политики.—Т. к. ответственность по В. является особенно строгой, то закон наш, как и иностранные законы, устанавливает для требований по В. сокращенные сроки давности. Иск по протестованному В. может быть предъявлен векселедержателем к векселедателю простого В и к акцептанту (принявшему В. трассату) переводного в течение трех лет со дня наступления срока платежа по В., а к надписателям и трассанту в течение 9 месяцев со дня учинения протеста в неплатеже (ст. 32). Надписатель, которым В. оплачен, может предъявить иск к предшествующим надписателям в течение 6 месяцев со дня оплаты им векселя. По истечении трех лет со дня наступления срока платежа по векселю, предъявление исков между надписателями не допускается.

Укажем, в заключение, на важнейшие отличия основных типов иностранных вексельных законодательств. Как мы уже говорили, абстрактность была признана свойством В. лишь в 19 веке в германском и последовавших за ним законодательствах. Французский Торговый кодекс, изданный в самом начале 19-го в., требовал и требует посейчас означения в В. полученной *валюты* (см.); в этом с ним сходен ряд других законодательств (в частности—итальянское), составляющих т. н. франц. тип В-ого права. Англо-американское право также не признает абстрактности В. в той мере, как это установлено германским законом. Наше право стоит в этом отношении ближе к германскому. Однако, оно расширяет, по сравнению с иностранными законодательствами, круг возможных возражений со стороны лиц, обязанных по векселю; в частности, оно не признает за всяким векселедержателем всех прав, вытекающих из В. не только тогда, когда он знал о том, что В. выбыл из обладания его предшественника помимо его воли (этот случай признается и другими законодательствами), но и тогда, когда векселедержатель должен был знать о таковом выбытии при обычной в торговом обороте предусмотрительности. Франц. тип вексельного права представляет, по сравнению с германским, еще нек-рые особенности. Французский кодекс не знает бланкового

индоссамента, т. е. передаточной надписи, без означения имени приобретателя, какая допускается вексельными уставами германского типа, соответствующими более высокой ступени экономического развития, а также и советским правом. Характернейшей чертой англо-американ. В-ого права является допущение В. на предъявителя.

В. часто переходят из одной страны в другую и совершают даже кругосветные путешествия. В виду строгости и многочисленности предписаний В-ого права, наличие между отдельными законодательствами значительных отличий неблагоприятно отражается на международных кредитных сделках, что подсказывает мысль о создании международного вексельного устава, проект которого был составлен в 1912, но до сего времени получил лишь очень ограниченное применение. С. Раевич.

III. Вексель в капиталистич. хозяйстве.

Вексельный кредит—одна из форм оборотного кредита, возникающего в процессе товарного обращения при передаче товара с отсрочкой платежа. Предпочтение, оказываемое торговым оборотом вексельному кредиту перед другими формами оборотного кредита (напр., открытый счет), является следствием того, что В. представляет кредитору больше шансов для удовлетворения долгового требования. Большая надежность В. покоится, во-первых, на том, что векселедержатель при развитии оборота имеет возможность взыскать долговую сумму не только с векселедателя (или акцептанта—при переводном В.), но и со всех надписателей: все они солидарно ответственны перед держателем В. Большая надежность вексельных требований обеспечивается также быстротой и строгостью вексельного процесса. Эти факторы еще усугубляются бдительным контролем за участниками вексельного оборота со стороны банков. Оporоченный протестованием векселедатель имеет мало шансов на дальнейшее пользование вексельным кредитом.—Большая обеспеченность и абстрактность вексельного требования дают возможность кредитору еще до истечения срока, на к-рый он предоставляет кредит, использовать полученный В. для усиления собственного кредита. Полученный «покупательский» В. кредитор может д и с к о н т и р о в а т ь, т. е. продать с учетом установившихся к данному моменту процентов. Дисконтер, в свою очередь, может перепродать учтенный им В. третьему лицу и т. д. При этом каждая новая передаточная надпись, сопровождающая учет, увеличивает число хозяйственных единиц, ответственных перед последним держателем векселя, и тем самым повышает надежность последнего.

Эмиссионные банки, в активе которых вексельный портфель имеет специфическое значение, как покрытие выпущенных в обращение *банкнот* (см.), предъявляют к учтываемым В. особенно строгие требования. Коммерческие банки, помимо учета В., применяют форму вексельного кредита, известную под именем банковского *акцепта* (см.). Акцепт солидного банка сильно повышает

качество векселя и создает предпосылку для его легкой оборачиваемости. В., обладающие банковым акцептом, охотно покупаются предпринимателями, ищущими краткосрочного и прибыльного помещения свободных средств. В тех случаях, когда держатель В. не хочет или не может его учесть, он имеет возможность заложить В., хотя бы против части вексельной суммы. Залог В. (с обязательством держателя выкупить его до срока) часто применяется в качестве обеспечения при открытии банком кредита.— В., как орудие кредита, нередко злоупотребляют. При этом существенное значение имеют не столько практикующиеся в обороте разнообразные формы подлога, сколько так назыв. дугые, или *бронзовые векселя*, *дружеские векселя* и *встречные векселя* (см.). В. эти, формально безупречные, экономически фиктивны, поскольку они лишены реального основания в товарообороте. Такого рода В., возникающие лишь для увеличения средств посредством учета, ведут к дезорганизации всего кредитного оборота и способствуют появлению вексельной инфляции. Явления эти принимают массовый характер в периоды недостатка денег.

Основная хозяйственная сфера, в которой применяется вексельный кредит—промышленность и торговля. Значительно реже применяется вексельная форма кредита в сельском хозяйстве, где оборот капитала протекает гораздо медленнее. Роль В. в капиталистическом хозяйстве, вопреки противоположным прогнозам ряда экономистов (в т. ч. и Р. Гильфердинга), непрерывно растет. Правда, военная и послевоенная инфляция, сопровождавшаяся небывало быстрым оборотом товаров и обесценением бумажных денег, подорвали на время значение векселя. Но этот факт является результатом того, что кредит в целом был подорван. С восстановлением устойчивости денежного обращения вексельный оборот также восстанавливается, и притом весьма быстрым темпом (см. ниже статистические данные о Германии). Значение В., как платёжного средства, особенно велико в международном товарообороте (см. *Вексельный курс*).

Крупнейшим центром мирового вексельного оборота и взаимных вексельных расчетов является Лондон. Со второй половины 19 века векселя на Лондон заняли руководящее положение в международном вексельном обороте. Вместе с тем, английский фунт стерлингов стал мировой валютой. В начале 20 в. Париж и Берлин делают усиленные попытки освободиться от гегемонии Лондона. После мировой войны значение Парижа, как международного вексельного центра, почти сходит на-нет. Что касается Берлина,

восстанавливаться его былое значение. Но в послевоенные годы лондонский рынок встретился с более серьезным конкурентом в лице Нью-Йорка, являющегося после мировой войны крупнейшим центром мирового денежного рынка и рынка капиталов. Тем не менее, в области вексельного оборота, по крайней мере, для европейско-азиатских стран, руководящая роль Лондона осталась в силе. Это обстоятельство, помимо сохранившейся выдающейся роли Лондона в мировом товарообороте, объясняется, в первую очередь, превосходством его кредитной организации, в большей степени приспособленной к операциям международного масштаба (см. *Денежный рынок*).

Вексельная статистика лучше всего представлена в Германии. В этой стране Зетбер впервые вычислил средний размер вексельного оборота на основании данных о поступлении вексельного сбора. По исчислениям Зетбера, продолженным в «*Jahrbücher für Nationalökonomie*», вексельный оборот Германии (сумма одновременно находившихся здесь в обращении векселей) составлял в миллионах марок:

1872	1882	1892	1902	1912	1914
3.898	3.377	3.571	5.376	8.511	8.723

Для послевоенных лет соответственные данные исчислены проф. Лейтнером (в милл. марок) в таких суммах:

1914	1924	1925	1926
8.574	7.037	9.955	8.324

Вексельный портфель Рейхсбанка, в среднем, за год составлял (в милл. марок):

1876	1900	1910	1914	1924	1925
402,9	800,2	994,4	1.425,7	1.747,1	1.573,6

По данным Рейхсбанка, вексельный портфель 79 частных кредитных банков на 30 июня составлял в 1927—1.746 милл. мар., в 1926—1.745 милл. мар., в конце июня 1913—2.853 милл. марок. Соответствующие данные для 6 крупных берлинских банков: 1.373, 1.397 и 1.632 милл. марок.—Вексельный портфель пяти крупных лондонских (т. н. Big five) банков и трех крупнейших учетных обществ (Discount companies), Французского банка и трех крупнейших кредитных банков Франции показан в следующей табл.:

Наименование банков	1913	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Англия	} 5 банков . . . 87,7 57,9	} 401,0 94,0	} 268,9 90,4	} 256,9 96,3	} 207,0 115,0	} 191,4 110,5	} 206,0 120,6
(милл. ф. ст.)							
Франция							
Франция	} Франц. банк 1.644,0	} 2.686,0	} 2.386,0	} 2.783,0	} 4.522,0	} 4.387,0	} 4.677,0
(милл. фр.)							
	} 3 кред. банка 3.363,0	} 9.591,0	} 10.260,0	} 10.502,0	} 10.784,0	} 11.507,0	} —

то лишь со стабилизацией германской валюты и восстановлением удельного веса берлинского денежного рынка начинается опять

В отчетах американских кредитных банков вексельные операции не могут быть выделены, т. к. дисконт в них фигурирует вместе

с прочими ссудами (loans and discounts). В среднем, за месяц эти статьи составляли в 1924—12,342 миллиарда долл. В., учетные Федеральными резервными банками, составляли в милл. долларов (к концу года):

Виды операций	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Собственный учет	680	1.702	2.194	2.719	1.179	629	857	314	635	710
Покупка В. на вольном рынке.	278	303	585	255	114	246	336	387	374	378

Для характеристики вексельного оборота в дореволюционной России могут служить данные о вексельном портфеле Государственного банка и акционерных коммерческих банков (см. табл. внизу этого столбца).

IV. Роль векселя в советском хозяйстве.

В условиях хозяйства, переходного от капиталистического к социалистическому.

наличие товарно-денежной формы обмена создает предпосылку к развитию вексельного оборота, как орудия кредита. С введением нэп'а вексельный оборот распространяется чрезвычайно быстро. Опыт вексельного оборота в советских условиях до 1927 не дает еще достаточного материала для точной характеристики его экономической природы. Однако, некоторые особенности нашего В. уже определились с достаточной ясностью. Обобществленные значительной части внутреннегo товарооборота, монополия внешней торговли и банковского аппарата при национализации крупной промышленности и транспорта и усиление планового начала, особенно в области кредита, создают предпосылки к ослаблению того самостоятельного значения, к-рое имеют строгие нормы вексельного права в

Вексельный портфель Российских банков (в милл. руб.).

Годы (на 1/1)	Государственный банк. Учет и спец. текущ. счета под В.	Акционерные коммерческие банки. Учет.
1880	93,4	138,0
1890	82,5	143,0
1900	260,9	406,4
1905	190,3	642,7
1910	255,0	837,5
1911	336,0	1.083,0
1912	505,0	1.241,0
1913	539,0	1.454,0
1914	595,7	1.546,5
1915	618,8	1.511,4
1916	382,2	1.823,9
1917	231,5	2.999,6

капиталистических странах. Весьма существенно и то, что во внутренних отношениях обобществленного сектора В. начинает приобретать черты простого расчетного знака при натуральном хозяйственном обмене. Правда, аналогичные черты имеет вексельный оборот и во взаимоотношениях между отдельными капиталистическими предприятиями. Мы имеем в виду предприятия, юридически сохраняющие свою самостоятельность, но по существу составляющие часть

целого—треста или концерна. В условиях нашего хозяйства, при решающей роли обобществленного сектора, имеющего единого хозяина—государство, возможная сфера применения В. в качестве расчетного знака

значительно шире. Это обстоятельство налагает особый отпечаток на экономическую природу нашего вексельного оборота в целом. Движение вексельного оборота в условиях советского хозяйства по всей кредитной системе представлено в таблице, помещенной ниже.

Обороты Госбанка по учетной операции составили: в 1922/23—65,5 милл. руб.,

Учет векселей по сводным балансам кредитных учреждений в милл. руб. (на 1/Х) (см. «Вестник Финансов», 1927, № 2).

Виды банков	1922	1923	1924	1925	1926
Вся кредитная система СССР .	—	156,3	460,8	1.106,7	1.563,5
В том числе:					
Госбанк СССР .	41,0	76,4	196,8	533,0	805,4
Акц. коммерч. банки	—	33,3	151,4	329,6	330,1
Кооп. банки	—	16,6	43,0	69,0	83,2
Коммун. банки	—	19,1	57,3	107,3	147,4
Система с.-х. кредита	—	4,5	12,0	52,1	138,9
Об-ва взаимного кредита	—	2,9	6,5	23,8	40,6

в 1923/24—685,8 милл. руб., 1924/25—1.960,0 и 1925/26—3.575,7 милл. руб. В приведенной таблице, охватывающей всю кредитную систему СССР, в учет включаются «учтенные векселя» и «специальные текущие счета под векселя», с двумя и более подписями, за вычетом сумм кредитов, оказанных банками другим банкам, поскольку эти кредиты были оказаны в вексельной форме. Таблицей не охвачена сеть первичных кооперативов, выполняющих кредитные функции.

А. Виленичук.

Лит.: Маркс, К., Капитал, т. III, отд. V; Шершеневич, Г. Ф., Учебник торгового права, М., 1919 (отд. IV); его же, Курс торгового права, 4 изд., т. III, М., 1909; Гордон, В. М., Вексельное право, Харьков, 1926; Мовчановский, Б. Ф., Вексель, М., 1927; Вавин, Н. Г., Положение о векселях, М., 1927; Unification de la législation sur la lettre de change et le billet à ordre, Genève, 1926 (изд. Лиги Наций); Lexis u. Terhalla, Wechsel (ср. в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 4 Aufl., Band VII); Hirsch, Deutschlands Betriebskapital Vierteljahreshefte zur Konjunkturforschung, Sonderheit 3, Berlin, 1927.

ВКСЕЛЬНЫЕ МАКЛЕРА, см. *Билль-брокеры*.

ВКСЕЛЬНЫЙ АРБИТРАЖ, деятельность, направленная к извлечению прибыли из расхождения вексельных курсов на различных рынках (см. *Арбитраж*).

ВКСЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ, бухгалтерская книга для записи полученных и выданных хозяйством векселей (см. *Книги счетные*).

ВКСЕЛЬНЫЙ КУРС, сумма денег данной страны, уплачиваемая в этой стране за определенную сумму валюты другой страны,

предоставляемую в распоряжение покупателя на территории последней. Для более детального выяснения сущности В. к. необходимо остановиться на способах *международных расчетов* (см.). Предположим, что берлинский купец А продал парижскому купцу В товара на 10 тыс. франков. Чтобы обеспечить себе платеж в обусловленный срок, А выставляет на В переводный вексель, или *тратту* (см.), которую тот акцептует, обязываясь уплатить А в Париже указанную сумму. Допустим далее, что франц. экспортер В продал герман. купцу Г товара на такую же сумму франков. Если речь идет о странах с золотой валютой, как это было до войны, то на герман. купце Г лежала бы обязанность накануне платежа отправить в Париж золота на 10 тыс. фр., а другой герман. купец, А, должен был бы доставить из Парижа в Берлин деньги, полученные им от В. При свободном размене *банкнот* (см.) на золото, Г мог бы без труда получить необходимое ему количество желтого металла, но ему пришлось бы понести известные расходы на пересылку золота, его страховку в пути и т. д. Германскому купцу А, получившему в Париже от В 10 тыс. франков, также пришлось бы обменять их во Французском банке на золото и доставить его себе в Берлин. Чтобы избежать этого, Г покупает у А тратту на французского купца В и отправляет ее В, который получает по ней платеж от В. Оба платежа оказываются, т. о., урегулированными без всякой пересылки золота. Та сумма марок, к-рую Г заплатит за каждую 100 фр. переводного векселя на французца В, и называется В. к. Берлина на Париж. Возможность покупки тратты на Париж отнюдь не находится в зависимости от случайной встречи германск. импортера со своим соотечественником, к-рый, в силу экспортной сделки, является обладателем долгового обязательства франц. купца. Если импорт данной страны создает постоянный спрос на иностранные платежные средства, то экспорт, наоборот, обеспечивает постоянное предложение тратт на другие страны. Спрос и предложение таких тратт сосредотачиваются обычно на фондовой *бирже* (см.), где участники внешне-торгового оборота заключают сделки с иностранными векселями. Правда, в новейшее время продажа и покупка тратт на другие страны производится, по преимуществу, через банки, но это обстоятельство ничего не меняет в факте существования постоянного рынка заграничных платежных средств.

Почти все страны в своих биржевых бюллетенях фиксируют вексельный курс, как цену, уплачиваемую за определенную сумму иностранной валюты. Напр., котировка германских бирж: 1 ф. ст. = 20,43 марки, 100 фр. = 81 мар.; котировка бирж СССР: 100 марок = 46,3 руб., 1 долл. = 1 р. 94 к. и т. д. Другую картину дают биржевые котировки Англии. Они большей частью обозначают сумму иностранной валюты, которую можно приобрести за 1 ф. ст.: напр., 1 фунт = 20,43 мар., 1 фунт = 4,86 долл. и т. д. Термины «повышение» и «понижение» В. к. имеют здесь, т. о., смысл, прямо противоположный тому, к-рый вкладывают в эти понятия в континентальных странах и, в частности, у нас, ибо увеличение числа долларов, приобретаемых за 1 ф. ст., означает удешевление иностранной валюты — и наоборот.

С развитием современных способов сношений (в особенности почтово-телеграфной

связи) и банкового дела, векселя, в качестве орудия международных расчетов, стали во все возрастающей мере уступать свою роль *чеку* (см.) и *переводу банковскому* (см.), которые подобно тратте представляют собой приказы о платеже.

Если англ. импортеру нужно за купленный товар уплатить в Сев. Америке 25 т. долл., то он может, вместо приобретения соответствующей тратты на Нью-Йорк, купить чек английского банка на американский. Англ. банк либо держит известную сумму долларов на текущем счету в америк. банке, либо находится с последним в договорных отношениях, согласно которым каждый из них получает право выставлять на другого чеки. Купив чек, упомянутый англ. импортер пересылает его по почте своему америк. контрагенту, который предъявляет его к платежу америк. банку. Тот же результат может быть достигнут и при помощи обыкновенного банковского перевода: англ. банк, вместо продажи своему клиенту чека, отдает распоряжение америк. банку о выплате нью-йоркскому купцу 25 т. долл. Клиент может договориться с банком о том, чтобы перевод был сделан не путем письменного распоряжения, отправляемого по почте, а по телеграфу. В этом случае говорят о покупке телеграфного перевода на Нью-Йорк. При всех перечисленных способах платежа расчеты между купцами оказываются ликвидированными. Что же касается кредитных учреждений, при посредстве которых был произведен платеж, то америк. банк дебитур на соответствующую сумму своего лондонского корреспондента, т. е. кредитовый остаток англ. банка на его счете в америк. банке уменьшается, или же он становится должником последнего на известную сумму. Пополнение англ. банка своего счета или покрытие им своей задолженности происходит в процессе постоянных деловых сношений между обоими банками: англійск. банк посылает на *инкассо* (см.) своему америк. корреспонденту *колоннеты* (см.), векселя и др. кредитные документы, и, кроме того, он сам, по поручениям америк. банка или по его чекам, производит в Англии платежи в фунтах стерлингов, за что тот кредитует его счет на соответствующую сумму долларов.

Независимо от того, покупается ли для производства платежа в другой стране переводный вексель (тратта), чек или телеграфный перевод, цену, уплачиваемую в валюте данной страны за любое из этих основных орудий международных расчетов, по укоренившемуся обычаю, принято называть *вексельным курсом*. Термин этот, т. о., устарел, тем более, что тратта в интересующей нас области все больше вытесняется чеком и, в особенности, телеграфным переводом. Поэтому в последнее время для обозначения того же понятия стали применять др. термины: *курс девиз* (под к-рыми понимают как векселя, чеки и переводы, так и прочие кредитные документы, выписанные в иностранной валюте и подлежащие оплате за границей), *интервалютарный курс* (по Кнаппу) и просто *курс валюты*.

Всякая страна, участвующая в мировом хозяйственном обороте, с одной стороны, всегда нуждается в известной сумме девиз для оплаты своего импорта, процентов по внешним займам, стоимости морских фрахтов (иностранным судовладельцам) и для покрытия за границей ряда др. расходов; с другой стороны, та же страна, в качестве экспортера, держателя иностранных ценных бумаг и т. д., всегда располагает известной суммой требований к др. странам (см. *Баланс платежный*). Сумма платежей, к-рые данная страна должна произвести за ограниченный промежуток времени, может превысить сумму причитающихся ей за тот же период поступлений. В таком случае спрос на девизы превысит предложение, и В. к.

на другие страны поднимется. Наоборот, улучшение платежного баланса вызовет падение вексельного курса.

Платежный баланс в целом за рассматриваемый отрезок времени может быть для данной страны, — напр., для Франции, — вполне благоприятным, по это отнюдь не означает, что по отношению к каждой отдельной стране, — например, к Германии, — ее требования превышают ее платежи или эквивалентны им; платежный баланс с Германией может оказаться для Франции и пассивным. Результатом такого явления должно было бы быть — и, действительно, бывает — повышение В. к. Парижа на Берлин. Но если создается такая ситуация, то французу при благоприятных для него В. к. на др. страны будет выгодно, вместо прямой покупки в Париже дивиз на Берлин, приобретать, скажем, английские фунты стерлингов и затем покупать на них в Англии марки. Такие операции, известные под названием вексельного *арбитража* (см.), вызовут на парижском валют. рынке падение спроса на марки, и движение курса дивиз на Германию постепенно придет в соответствие с движением В. к. Франции на прочие страны.

Курсы на векселя, чеки и телеграфные переводы различны. Покупая телеграфный перевод, купец немедленно получает иностранную валюту в той стране, в которой он хочет произвести платеж. При покупке же векселя валюта поступает в его распоряжение лишь по истечении определенного срока. Поэтому вполне естественно, что он за вексель заплатит меньше, чем за телеграфный перевод.

В самом деле, пусть курс Парижа на Берлин составляет для телеграфных переводов 123,46 фр. за 100 мар. Каков будет при этом условии курс векселя сроком через 3 месца? Если бы франц. купец захотел при помощи такого векселя рассчитаться с герм. купцом, то последний вычитал бы, сколько ему при учете придется уплатить банку для получения наличных денег. При учетной ставке Рейхсбанка, равной, скажем, 5% (годовых), он согласился бы принять от своего франц. контрагента трехмесячный вексель лишь со скидкой в 1,25 мар. с каждых 100 марок. А это означает, что и франц. купец купит вексель на Берлин лишь в том случае, если ему будет сделана скидка в размере тех же 1,25% с курса телеграфного перевода (123,46 фр.), что составляет 1,54 франка. Таким обр., курс трехмесячного векселя на Берлин при учетной ставке в 5% составит 100 мар. = 121,92 фр. (123,46 минус 1,54).

Чек по сути дела представляет собою вексель сроком по предъявлению. Поэтому его курс отличается от курса телеграфного перевода лишь на сумму учета за время почтового пробега, т. е. обычно за несколько дней (для чеков на Соединен. Штаты за 10—14 дней). Иностранные векселя покупаются не только как средство платежа, но и как средство краткосрочного вложения капитала. Чем выше учетный процент страны, на которую выписан вексель, тем больше, при прочих равных условиях, спрос на подобные векселя. Это обстоятельство имеет большое значение для выравнивания платежного баланса и, следовательно, для регулирования В. к. (см. ниже).

Чем определяются уровни В. к. и пределы их колебаний? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся сперва на В. к. между странами с золотой валютой, предполагая одновременно: 1) что закон не препятствует

импорту и экспорту золота и 2) что правительство обязано по закону производить чеканку монеты из золота, доставляемого ему частными лицами. При соблюдении этих условий нетрудно определить верхний и нижний пределы колебания В. к. Герман. импортер в нашем первом примере, соответствующем довоенным условиям, должен уплатить французской фирме 10 тысяч фр. Для производства этого платежа он покупает тратту на Париж и пересылает ее своему кредитору. Но то же обязательство он мог бы покрыть, получив в Рейхсбанке золото и переслав его из Берлина в Париж. Из 1 кг чистого золота во Франции чеканилось 3.444 $\frac{4}{9}$ фр., а в Германии 2.790 мар. Это значит, что герм. купец должен был бы доставить во Францию для получения каждых 100 фр. в монетах $\frac{9}{310}$ кг золота ($100:3.444\frac{4}{9}$), за к-рые Рейхсбанк взимает с него 81 марку ($2.790 \times \frac{9}{310}$). Исходя из этого соотношения ($100 \text{ фр.} = 81 \text{ мар.}$), называемого валютным или, точнее, *монетным паритетом* (см.), он для оплаты всего своего долга в 10 т. фр. вынужден был бы переслать во Францию на 8.100 мар. золота. Этой суммы было бы достаточно, если бы герм. купец мог уплатить своему контрагенту золотыми слитками, но т. к. он обязан произвести платеж во франковых монетах или в банкнотах, а Французский банк удерживает за чеканку 1 кг чистого золота $7\frac{4}{9}$ франка = 6,03 марки, то нашему купцу пришлось бы понести добавочный расход в размере 0,175 мар. на каждые 100 франков. Сюда следует далее добавить расходы по упаковке, пересылке и страховке золота, потерю процентов во время пребывания металла в пути, оплату в Париже *куртажа* (см.) и т. д. Все это, вместе взятое, составляло в довоенное время около 0,48 марок на 100 франков.

Надо заметить, что Рейхсбанк, как общее правило, не выдавал для отправки за границу золотых слитков. Если же лицо, нуждавшееся в золоте для вывоза, обменивало в Рейхсбанке банкноты на монеты, оно несло на этом известную потерю, п. ч. иностранный банк принимал их по весу содержащегося в них чистого золота, тогда как внутри страны законным платежным средством считались монеты, с недосесом до 5‰ и с пробой до 2,5‰, ниже нормы. Приведенная цифра расходов в 0,48 марок это обстоятельство учитывает. Нетрудно видеть, что это число не представляет собой строго фиксированной величины. Ее составные части, как, напр., страховая премия и т. д., подвержены изменениям, и потому разные авторы определяют ее для довоенного времени по-разному.

Валютный паритет плюс стоимость пересылки соответствующего количества золота в др. страну и плюс монетная пошлина дают предел, выше которого В. к. на эту страну подняться не может (предел этот называют верхней, или экспортной, золотой точкой). Если бы продавец дивизы на Париж потребовал за нее от нем. импортера по курсу 82 марок за 100 фр., то последний безусловно отказался бы от ее покупки и погасил бы свое обязательство в Париже путем пересылки золота. Падение В. к. ниже монетного паритета также имеет предел. Действительно, герман. обладатель дивизы, выписанной во франц. франках, может предъявить ее к оплате во Франции, импортировать оттуда в Германию золото

и получить за него в Рейхсбанке соответствующее количество марок в монетах или в банкнотах, и т. к. эта операция обойдется ему приблизительно в 0,45 мар. за 100 фр., то он свою девизу на Париж дешевле, чем по курсу 100 фр. = 80,55 мар. (81 минус 0,45) не продаст (это—нижняя, или импортная, золотая точка). Так как стоимость доставки золота зависит от продолжительности пребывания его в пути и от риска перевозки, то интервал между золотыми точками, — следовательно, между пределами колебаний В. к., — как правило, будет тем значительнее, чем больше расстояние между двумя данными странами. Если, напр., для лондонского курса голландского флорина максимальные отклонения от паритета определялись до войны в 0,35—0,55‰, то для лондонского курса турецкого фунта эти отклонения достигали 1,2—1,7%.

Приведенный выше анализ относится к В. к. между странами с золотой валютой, но он остается в силе и для стран с серебряной валютой, если только они не препятствуют ввозу и вывозу серебра и не вводят у себя режима *блокированной чеканки* (см.). В. к. между такими странами в своих колебаниях, обусловленных состоянием платежного баланса, не может выходить за пределы металлических (в данном случае серебряных) точек. Иначе обстоит дело с В. к. двух стран, из которых одна имеет золотую, а другая серебряную валюту. В этом случае В. к., как отмечал уже Маркс, зависит в основном от колебаний относительной стоимости обоих благородных металлов. Если цена серебра, выраженная в золоте, упадет на 20%, то на столько же процентов понизится и валютный паритет страны с серебряной валютой по отношению к стране с золотой валютой. Но отклонения В. к. от этого переменного паритета при наличности свободного экспорта и импорта благородных металлов и свободной чеканки и здесь ограничены металлическими точками.

Особого рассмотрения требует В. к. между странами, из которых, по крайней мере одна имеет бумажную валюту. Пусть паритет между денежными единицами Англии и Франции определяется соотношением 25 фр. = 1 ф. ст. Предположим, что бумажный франк под влиянием *инфляции* (см.) представляет в обращении лишь одну пятую золотого франка, или, другими словами, что он обесценился в 5 раз. Если обесценение бумажного франка не сопровождалось изменением стоимости самих товаров, то мы будем иметь дело с пятикратным повышением общего уровня цен в бумажной валюте. При таких условиях англ. купец, покупавший раньше какой-нибудь товар во Франции за 25 франков, согласится теперь платить за него 125 фр., если только эти 125 фр. будут расцениваться на валютном рынке, как 1 ф. ст. Установление курса на уровне, скажем, 100 фр. = 1 фун. стерл., при указанном обесценении франка, приведет к тому, что англ. купцу придется платить за покупаемые во Франции товары на 25% больше того, что он платит в др. странах (мы отвлекаемся от транспортных расходов); естественно, что он при таком положении

вещей откажется от импорта из Франции. Наоборот, для франц. купца импорт станет крайне выгоден, и он, при наличности неограниченной свободы торговли, будет форсировать ввоз товаров из-за границы. Процесс сокращения экспорта Франции и увеличения ее импорта будет продолжаться до тех пор, пока обусловленное этим процессом изменение спроса и предложения на валютном рынке не приведет курс франка в соответствие с его стоимостью внутри страны. Если, одновременно с уменьшением стоимости франка в 5 раз, произойдет, напр., двукратное обесценение фунта стерл., то курс между обеими этими валютами установится на уровне 1 фун. = 62,5 фр. (2 ф. = 5 × 25 фр.). Мы приходим, следовательно, к выводу, что В. к. между двумя странами с бумажными валютами определяется, в основном, соотношением стоимости денег в первой и второй стране. Это соотношение, к-рое само по себе может подвергаться изменениям, образует как бы новый паритет двух национальных валют, и В. к., в зависимости от состояния платежного баланса, колеблется около него так же, как он прежде колебался около монетного паритета, определяемого содержанием чистого золота в сопоставляемых денежных единицах. Но в то время как отклонения В. к. от монетного паритета были незначительны и кратковременны, интервал между В. к. бумажной валюты и указанным новым паритетом может сравнительно долго оставаться весьма значительным. На самом деле, если курс бумажной валюты какой-либо страны по какой-либо причине устанавливается на уровне, более низком, чем тот, к-рый определяется степенью ее обесценения внутри страны, то сближение В. к. с паритетом может произойти, при прочих равных условиях, лишь путем увеличения экспорта и сокращения импорта товаров, тогда как при золотой валюте та же цель достигается гораздо легче в результате вывоза золота.— Конкретное исчисление паритета двух бумажных валют в соответствии с их обесценением внутри страны представляет собой задачу, практически почти неразрешимую, т. к. движение общего уровня цен, к-рый часто рассматривают, как показатель изменения стоимости денег, на самом деле зависит не только от причин, лежащих на стороне денег, но и от факторов, лежащих на стороне самих товаров. (Если вследствие инфляции бумажный франк, в нашем примере, обесценивается до $\frac{1}{5}$ золотого, то это еще не значит, что общий уровень цен в бумажных франках повысится именно в 5 раз. Если одновременно стоимость товаров в отношении золота понизилась на 20%, то в результате общетоварный индекс будет не 5,0, а 4,0).

Игнорируя это обстоятельство, подробно развитое Рикардо и Марксом, современный шведский экономист Г. Кассель (см.) определяет стоимость денег внутри страны их покупательной силой, измеряемой индексом цен. Кассель поэтому называет устанавливаемый им центр колебания вексельного курса паритетом покупательных сил. Математически этот паритет между странами А и В выражается формулой $P \frac{b}{a}$, где P есть старый монетный паритет, a —индекс цен в стране А, а b —индекс цен в стране В. Указанная теория грешит не только тем, что всякое изменение уровня цен приписывается

ею изменению стоимости денег. Руководствуясь для определения последней индексами цен, которые для 1913 в каждой стране принимаются равными 100, она исходит из ошибочного положения, что при золотом обращении уровень товарных цен был повсюду одинаков. В силу всего этого паритет покупательных сил не может играть роль старого монетного паритета, но, как грубый показатель центра колебаний В. к., он все же имеет известное значение. Так, по исчислениям Кремпа, средний месячный курс доллара по отношению к фунту стерлингов в течение января 1920—апреля 1924 ни разу не спускался ниже паритета покупательных сил, выведенного по методу Касселя, более, чем на 14,3%, и ни разу не подымался выше его более, чем на 3,7%; по данным Кейнса, охватывающим авг. 1919—июнь 1923 и исчисленным по др. индексам цен, максимальное отклонение вниз составляет 12,3%, вверх—2,6%; для курса франка по отношению к доллару соответствующие отклонения не превышали 6,8% вверх и 27,9% вниз.

Ценность серебряных денег с блокированной чеканкой определяется тем количеством золота, к-рое они замещают в обращении: они представляют собой как бы бумажные деньги, напечатанные на серебре. В силу этого вексельный курс таких серебряных денег определяется теми же факторами, что и курс бумажных денег. Но если последний при необузданной инфляции не имеет пределов падения, то падение первого ограничено стоимостью металла, содержащегося в серебряной монете, ибо сколько-нибудь существенное отклонение курса вниз от этого предела неизбежно влечет за собой вывоз серебряных монет за границу, где они продаются по мировой цене серебряных слитков. Само собой разумеется, что курс серебряных денег с блокированной чеканкой может длительно оставаться выше их металлической стоимости, как это было, напр., с индийской рупией с 1898 по 1916. В этом и заключается сходство серебряных денег с бумажными, курс к-рых совершенно не зависит от их материальной стоимости.

Резкие колебания В. к. являются существенным препятствием для развития внешней торговли. Это побуждает отдельные государства к регулированию В. к. методами, к-рые в их совокупности составляют т. н. в а л ю т н у ю п о л и т и к у. Выше уже указывалось на то, что колебания В. к. определяются состоянием платежного баланса страны за ограниченный промежуток времени («балансом дня», по терминологии Пленге). Активность платежного баланса страны способствует повышению курса ее валюты, пассивность его вызывает обратное явление. В силу этого регулирование вексельного курса сводится к максимальному выравниванию платежного баланса, т. е. к установлению равновесия между обязательствами и требованиями страны, поскольку те и другие подлежат покрытию за данный отрезок времени. Если, например, страна имеет в годовом разрезе платежный баланс с положительным или нулевым сальдо, то это вовсе не значит, что баланс этот не будет пассивным в отдельные времена года или месяцы.* Если страна осенью ввозит много хлеба и промышленного сырья или платит проценты по заграничным займам, то может оказаться, что пла-

тежи, которые она должна произвести за границей в осенние месяцы, превзойдут причитающиеся ей в эти месяцы поступления. При этих условиях задача валютной политики заключается в том, чтобы устранить временную пассивность платежного баланса.

Одним из классических способов выравнивания платежного баланса является активная учетная, или дисконтная политика, широко применявшаяся, м. пр., Английским банком. Если платежный баланс страны становится по тем или другим причинам пассивным, то ее центральный эмиссионный банк повышает свою учетную ставку. Векселя этой страны становятся, таким образом относительно более выгодным средством краткосрочного помещения денег, чем при прежней ставке. Ее собственные капиталисты начинают стягивать средства, вложенные ими на короткие сроки за границей, к себе на родину, а иностранные держатели векселей на эту страну, в свою очередь, воздерживаются от продаж, т. к. разница между ценой векселя и телеграфного перевода возрастает и, в соответствии с этим, им приходится делать большие скидки. С другой стороны, увеличение учетной ставки влечет за собой повышение процента, уплачиваемого по вкладам и текущим счетам. Все это вместе взятое вызывает уменьшение пассивности платежного баланса страны, повысившей учетный процент, и курс ее валюты идет вверх. Наоборот, уменьшение учетной ставки, к-рое делается необходимым при возросшей активности платежного баланса, имеет своим результатом понижение В. к.

Дисконтная политика эмиссионного банка может оказывать влияние на В. к. только при наличии ряда весьма существенных условий. Если влияние эмиссионного банка на денежный рынок страны недостаточно сильно, то повышение им своей учетной ставки может не сопровождаться увеличением дисконта частных банков, к-рые продолжают принимать иностранные вклады и учитывать присылаемые из-за границы векселя на прежних условиях. При таком положении вещей мероприятия центрального банка не приводят к цели. Надо, однако, заметить, что даже в странах с достаточным удельным весом эмиссионного банка, как Англия и Германия, бывали случаи, когда частные банки не отвечали на повышение официального дисконта увеличением своих ставок. В таких случаях эмиссионные банки путем дополнительных мероприятий вызывали стеснение на денежном рынке и способствовали повышению частного дисконта. Так, напр., Английский банк и Рейхсбанк с этой целью начинали продажу казначейских обязательств и создавали на денежном рынке добавочный спрос, который приводил к солидарному повышению учетного процента частными банками.

Чтобы активная дисконтная политика центрального банка могла способствовать выравниванию платежного баланса, денежный рынок должен носить действительно международный характер. При наличии напряженных политических отношений между двумя странами или при слабой связи между их банковскими системами, изменение разницы между учетными ставками этих стран может оказаться недостаточным, чтобы вызвать соответствующие передвижки на рынке краткосрочных вложений капитала. Другой предпосылкой успешности дисконтной политики служит устойчивость важнейших мировых валют. В самом деле, пусть страна повысила свою учетную ставку на 2%. При прочих равных условиях это даст заграничному покупателю трехмесячной траты на эту страну добавочных 0,5% прибыли. Но если валюта, в к-рой выписана тратта, понизится за тот же промежуток времени хотя бы на 1%, то ущерб нашего покупателя на курсовой разнице окажется больше его выигрыша от повышения учетного процента. Иначе обстоит дело при вексельных курсах, которые, по своему характеру построения соответствующих денежных систем, не могут выходить за пределы золотых

* Чтобы разграничить понятия платежного баланса за длительный период и платежного «баланса дня», оказывающего непосредственное влияние на В. к., некоторые экономисты называют первый р а с ч е т н ы м б а л а н с о м.

точек: т. к. повышение дисконтной ставки производится в этих случаях страной в такие периоды, когда курс ее валюты близок к своей нижней границе, то покупатель ее векселей имеет основание рассчитывать скорее на курсовую прибыль, чем на курсов. потерю.

Наряду с дисконтной политикой, другим могущественным средством регулирования В. к. служит д е в и з н а я п о л и т и к а. Сущность ее заключается в том, что центральный эмиссионный банк скупает девизы в периоды активного платежного баланса и сбывает их в периоды пассивного баланса. Этим самым предупреждается падение В. к. в месяцы усиленного предложения иностранной валюты и повышение В. к. в месяцы усиленного спроса на нее. Девизной политикой как до, так и после войны широко пользовались эмиссионные банки почти всех стран континентальной Европы, но своего классического завершения этот метод регулирования В. к. достиг в практике старого Австро-Венгерского банка, которому, при формально неразмменных банкнотах, удавалось с середины 1890-х годов до начала империалистской войны удерживать курс кроны на уровне, близком к золотому паритету. Банк всегда имел в своем распоряжении достаточную сумму девиз и был поэтому в состоянии отвечать на увеличение спроса иностранной валюты соответствующим предложением. Если валютные запасы банка оказывались недостаточными, то он продавал в необходимых количествах золотые слитки.

К методам девизной политики следует отнести и те случаи, когда правительство или центральный банк для поддержания своего В. к. держат золото или иностранную валюту в зарубежных банках, пользуясь ими для того, чтобы скупать векселя, выписанные в валюте своей страны, в периоды падения их курса и продавать их в периоды повышения курса. Этот прием также широко применялся в истории денежного обращения и до, и после, и, в особенности, во время мировой войны. В частности, С. Ю. Витте, в течение 1894—97 (т. е. до завершения денежной реформы и формального возобновления размена кредитных билетов) поддерживал курс рубля на одном уровне, опираясь на золотой запас за границей. — Частным случаем девизной политики является в а л ю т н а я и н т е р в е н ц и я. Суть ее заключается в том, что государство или его центральный банк вместо систематической девизной политики прибегают к кратковременным выступлениям на валютном рынке, играя либо на понижение, либо на повышение. Валютная интервенция характерна именно своей неожиданностью и кратковременностью. Если интервенция применяется на протяжении продолжительного периода и продажа (или покупка) валюты производится по б. или м. постоянному курсу, она перестает быть интервенцией и становится обычным приемом девизной политики.

Девизная политика может достигать цели только тогда, когда дело идет о выравнивании платежного баланса во времени, если, например, активность его в течение одной части года дает возможность накопить девизы или золото для покрытия его пассивности в течение другой части года. Если эта

предпосылка отсутствует и страна на протяжении длительного периода обладает пассивным платежным балансом, то девизная политика оказывается не в состоянии обеспечить устойчивость В. к. Так, например, случилось в Германии весной 1923, в период Рурской оккупации. Курс марки в течение января понизился почти в 7 раз, и В. к. на Нью-Йорк достиг рекордной для того времени цифры в 49 тыс. марок. При таких условиях Рейхсбанк, с целью стабилизировать марку, приступил к продаже иностранной валюты из расчета 1 долл. = 21—22 т. марок. Эта «интервенция», растянувшаяся на 10 недель, привела к разбазариванию нескольких сотен миллионов марок из золотых и валютных запасов Рейхсбанка и кончилась тем, что последний должен был предоставить курс марки его собственной судьбе. Неудача девизной политики вытекала в данном случае из того, что платежный баланс Германии был в то время органически пассивен и никаких оснований для его превращения в близком будущем в активный не было. К тому же продолжавшаяся внутри страны бешеная инфляция создавала огромный спрос на девизы как средство накопления и как застрахованное от обесценения средство обращения.

К области валютной политики относятся также в ы в о з и н о с т р а н н ы х ц е н н ы х б у м а г и заключение займов за границей. В первом случае страна делает свой платежный баланс активным, приобретая требования к загранице ценной отказа от источника постоянного притока в страну дивидендов и процентов. Во втором случае она достигает той же цели, становясь должником по отношению к др. странам. Наиболее яркий пример поддержания В. к. на указанной основе дает Англия во время войны. Путем воззвания к населению, введения специального налога на дивиденды от иностранных ценных бумаг и, наконец, путем принудительного их отчуждения англ. правительство к концу 1918 мобилизовало в общей сложности на 3 миллиарда долл. америк. ценностей, которые в течение войны были экспортированы в Сев.-Ам. Соед. Штаты. Наряду с этим были заключены значительные займы как непосредственно у америк. правительства, так и на вольн. денежном рынке заатлантич. республики. Этим путем Англии удалось до начала 1919 удерживать В. к. на Нью-Йорк почти на уровне паритета. Аналогичные меры предпринимало во время войны и франц. правительство.

Поскольку платежный баланс страны определяется в основном ее торговым балансом, поддержание В. к. может быть достигнуто и путем р е г у л и р о в а н и я в н е ш н е - т о р г о в о г о о б о р о т а. Оно сводится к ограничению импорта и к стимулированию экспорта, т. е. к мероприятиям, способствующим активизации платежного баланса. Система этих мероприятий получила наиболее полное развитие в СССР, благодаря монополии внешней торговли. Строгое планирование экспорта и импорта и выдача *лицензий* (см.) с определенными сроками платежа дают государству возможность вести политику активного платежного

баланса и выравнять его в течение года. Благодаря этому Государственный банк в состоянии предоставлять нашим хозяйственным организациям по устойчивому курсу иностранную валюту для покрытия их платежей за границы.

Лит.: Маркс, К., Капитал, т. III, ч. 2; Кемени, Г., Иностранные вексельные курсы и переворот в международных экономических отношениях, М., 1923; Кларк, Дж., Международные расчеты и валютная политика, М., 1926; Кейнс, Дж., Трактат о денежной реформе, М., 1925; Эслен, И., Политика внешней торговли, М., 1927; Шефер, К., Классические случаи стабилизации валюты, М.—П., 1923; «Новые идеи в экономике», сб. № 7, Л., 1924; Гошен, Г., Теория вексельного курса, СПб, 1867, или М., 1890; Беджот, В., Ломбардстрит, СПб, 1901; K. Helfferich, Das Geld, Lpz., 1923; F. Schmidt, Internationaler Zahlungsverkehr und Wechselkurse, Lpz., 1922; G. Cassel, Das Geldwesen nach 1914, Lpz., 1925; его же, Theoretische Sozialökonomie, Lpz., 1921; подр. библиогр. см. ст. Wechselkurse, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 4 Auflage. Ш. Дволацкий.

ВЕКСФОРД (Wexford), правильнее Уексфорд, портовый город на Ю.-В. Ирландии, центр одноименного графства; 12 т. ж. (1921). Гавань хорошо защищена, но недостаточно глубока для океанских судов; аванпортом для В. служит Росслар, в 20 км к Ю.-В. от него. Вывоз с.-х. продуктов, ввоз каменного угля. Графство В. занимает юго-восточный угол Ирландии; площадь 2.350 км²; населения 98.800 ч. (1921); входит в провинцию Лейнстер.

ВЕКТОР, прямолинейный отрезок, определяемый своей длиной, направлением и стороной, в которую он обращен (полярный вектор, рис. 1), или же плоская площадка, определенным образом ориентированная в пространстве с установленным направлением обхода ее контура (осевой вектор, рис. 2). Однако, каждому осевому В. может быть (в 3-мерном пространстве) однозначно отнесен полярный В., именно—перпендикулярный к его

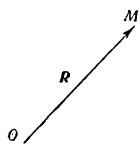

Рис. 1.

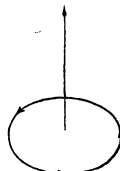

Рис. 2.

плоскости отрезок, длина которого численно равна площади осевого В.; он должен быть при этом обращен в сторону, образующую правый винт с направлением обхода (т. е. наблюдателю, стоящему по направлению этого В., обход контура должен представляться происходящим против часовой стрелки; это направление полярного В. называется с о п р я ж е н н ы м с направлением обхода контура). Вследствие этого под В., если не оговорено противное, обыкновенно разумеют полярный В. Вектор обозначается жирной буквой или двумя буквами, из к-рых первая отмечает начало, а вторая—конец В.: $\mathbf{R} = \overline{OM}$. В. \mathbf{R} , идущий от фиксированной точки O (начала) к произвольной точке пространства M , называется радиусом-В. точки M . При установленном начале каждая точка определяется своим радиусом-В. Длину В. \mathbf{R} обозначают той же буквой обыкновенного шрифта (R). В. \mathbf{K} .

ВЕКТОРНАЯ ДИАГРАММА, графическое изображение соотношений между периодически изменяющимися величинами при по-

моши направленных отрезков, векторов. Если величина y есть простая гармоническая функция времени, $y = A \sin \omega t$, то ее можно изобразить графически (рис. 1) при помощи отрезка OM_1 , вращающегося с постоянной

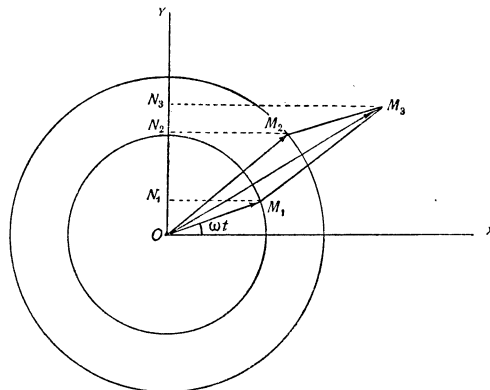

Рис. 1.

угловой скоростью ω плоскости xOy . Длина отрезка OM_1 равна амплитуде колебания A и в каждый данный момент времени t он составляет с осью Ox угол ωt , так что его проекция ON_1 на ось Oy равна $y = A \sin \omega t$. Другая переменная величина того же периода $z = B \sin(\omega t + \varphi)$ может быть изображена при помощи отрезка $OM_2 = B$, вращающегося с той же угловой скоростью, при чем вектор OM_2 опережает вектор OM_1 на постоянный угол $\varphi = \angle M_2OM_1$, называемый сдвигом фаз между векторами или между колебаниями, изображаемыми этими векторами. Проекция ON_2 вектора OM_2 на ось Oy равна $z = B \sin(\omega t + \varphi)$. Сумма этих двух колебаний $y + z$ есть опять-таки периодическое колебание того же периода, изображаемое по амплитуде и по фазе вектором OM_3 , равным геометрической сумме OM_1 и OM_2 . Проекция ON_3 вектора OM_3 на ось Oy равна $y + z$. Можно еще упростить изображение, если считать векторы OM_1 , OM_2 , OM_3 неподвижными и вращать ось Oy в противоположном направлении. Тогда соотношения между колебаниями y , z и $y + z$ изображаются при помощи неподвижной В. д. $OM_1M_2M_3$, при чем проекции векторов OM_1 , OM_2 , OM_3 на вращающуюся ось времени Oy дают в каждый момент времени t соответствующие мгновенные значения колебаний y , z и $y + z$. В. д.-мы применяются каждый раз, когда приходится определять соотношения между периодически меняющимися величинами, например, в теории переменных токов (см.). В. д. чрезвычайно облегчают разрешение задач, встречающихся при вычислении с периодическими величинами; однако, точные результаты может дать только расчет.

Простейшим примером В. д. может служить определение электродвижущей силы в обмотке трансформатора (рис. 2). Пусть напряжение на зажимах одной из обмоток трансформатора изображается вектором OA . Сила тока, проходящего в этой обмотке, изображается при помощи вектора OB , отстающего от вектора напряжения на угол φ . Чтобы этот ток мог проходить в обмотке, необходимо, чтобы в ней существовала электродвижущая сила, отличающаяся от напряжения на зажимах, во-первых, на омическое падение напряжения, создаваемое по закону

Ома сопротивлением обмотки, и, во-вторых, на реактивное падение напряжения, создаваемое индуктивностью обмотки. Омическое падение напряжения изображается вектором AP , имеющим ту же фазу,

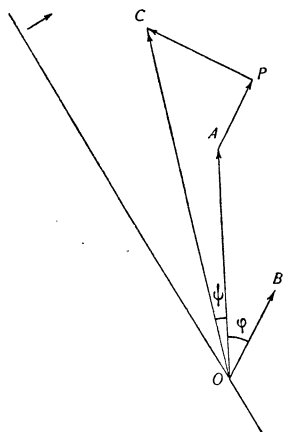

Рис. 2.

что и вектор OB , изображающий силу тока. Реактивное падение напряжения изображается вектором PC под углом в 90° к вектору силы тока OB . Геометрическая сумма векторов OA , AP , PC есть вектор OC , изображающий по амплитуде и по фазе электродвижущую силу обмотки. Он опережает вектор напряжения на угол ϕ . При измененном характере нагрузки сила тока будет изменяться по величине и по фазе относительно напряжения. При этом конец вектора OB опишет некую кривую, кривую называют диаграммой нагрузки. Таким же образом можно составить диаграммы линий

электропередачи, генераторов и двигателей переменного тока.—Если рассматриваемые периодические величины не являются гармоническими функциями времени, то для них тоже можно составить В. д. при помощи эквивалентных гармонических величин (см. *Переменные токи*). Наконец, В. д. можно составлять и для периодических величин, имеющих разные периоды, но тогда самая диаграмма деформируется во времени, при чем ее векторы вращаются один относительно другого. Такие диаграммы встречаются при изучении *биений* (см.), когда рассматривают наложение двух колебаний с близкими периодами.

Лит.: Круг, К. А., Основы электротехники, 2-е издание, Москва, 1926; Френкель, А., Теория переменных токов, Москва, 1928; Черданцев, И. А., Теория переменных токов, 2-е издание, Москва—Ленинград, 1927.

Д. Шильрейн.

ВЕКТОРНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ. Содержание:

I. Возникновение и развитие векторного исчисления	243
II. Векторная алгебра	245
1. Сложение и вычитание В.—2. Координатная В.—3. Умножение В.	
III. Векторный анализ	252
1. Градиент. Давление скаляра на поверхность.—2. В-ное поле и его вихрь.—3. Дифференцирование В. по скаляру. Геометрические и механические приложения.—4. Интегрирование В-ных функций.—5. Дивергенция В-ного поля и теорема Гаусса—Остроградского.—6. Циркуляция в В-ном поле.—7. Теорема Стокса.	
IV. Значение векторного исчисления	261

Векторное исчисление представляет собой совокупность операций, построенных по общей схеме алгебры и анализа, но производимых над векторами (см.). *

I. Возникновение и развитие векторного исчисления.

В. и. принадлежит к числу т. н. «прямых» или «непосредственных» исчислений (*Direkter Kalkul*), часто неудачно называемых еще «абсолютными». Геометрические, механические, физические величины задаются обыкновенно несколькими численными заданиями—координатами, компонентами, параметрами. Соответственно этому, соотношения между такого рода величинами, различные комбинации их в прикладных науках, в классическом их построении выражались аналитически соотно-

шениями и операциями над соответственными числами. Так, равенство двух сил выражалось аналитически тремя равенствами между их компонентами; движение точки выражалось тремя уравнениями, определяющими координаты в функциях времени, и т. п. Прямые исчисления имеют целью производить операции над такого рода величинами непосредственно и этим путем избежать расплывления каждого соотношения или каждой операции на несколько. Комплексное число уже представляет собою величину, определяемую двумя действительными числами; соответственно этому, алгебра комплексных чисел есть уже прямое исчисление. Данная Гауссом (1831) интерпретация действий над комплексными числами, при помощи отрезков на плоскости, уже представляла собою переход к В. и. На нее, однако, долго смотрели только как на иллюстрацию комплексной алгебры, не придавая ей серьезного значения. Первые шаги к непосредственным операциям над геометрическими объектами сделали Мёбиус в своем «*Барическое исчисление*» (см. *Барическое исчисление*) и Беллавитис в «*Метод эквивалентностей*» (см. *Эквивалентности*). Когда алгебра комплексных чисел получила всеобщее признание и значительные приложения, то появилась тенденция дать этой алгебре дальнейшее развитие, т. е. построить комплексные числа, составленные не из двух независимых единиц, а из большего числа их. Задача при этом заключалась в том, чтобы дать такую алгебру высших комплексных чисел, в которой сохраняли бы свою силу все формальные свойства операций обыкновенной алгебры. Это не удалось, а позже Вейерштрасс обнаружил, что это невозможно (подробнее об этом см. *Гиперкомплексные числа*). Но Грасману в Германии и Гамильтону в Англии, почти одновременно и независимо друг от друга, удалось подойти к этой задаче настолько близко, насколько это возможно. Однако, книга Грасмана «*Die lineare Ausdehnungslehre*» (вторая обработка, в к-рой собственно и выполнена эта задача, издана в 1872) содержит целый ряд (до 16) таких систем и изложена крайне трудно; к тому же Грасман был учителем гимназии и не имел аудитории, в которой мог бы распространить свои идеи. Поэтому его книга оставалась долго почти никому неизвестной. Напротив, Гамильтон имел возможность широко распространить свои идеи среди своих слушателей в Кембриджском университете и создал школу учеников, до энтузиазма увлеченных его идеями. «*Кватернионы*» (см.) Гамильтона суть комплексные числа вида $ai + \beta j + \gamma k + \delta$, составленные из четырех независимых единиц ($i, j, k, 1$). В то время, как последователи Кембриджской школы ими пользовались чрезвычайно широко, на континенте их не признавали; между сторонниками и противниками кватернионов шел, казалось, непримиримый спор. К первым принадлежал Максвелл, который в своем трактате по электричеству и магнетизму (1873) широко пользовался кватернионами, вернее подгруппой их вида $ai + \beta j + \gamma k$

* В настоящей статье слово «вектор» сокращенно обозначается В.

(т. е. теми, для которых $\delta=0$). Значение, которое получила книга и все учение Максвелла, заставило ознакомиться с его аппаратом, скоро сделавшимся совершенно неотъемлемым орудием современной теоретической физики. Геометрическое построение теории Максвелловых кватернионов и составляет современное В-ное исчисление. Его математическая разработка дана, главным образом, Гиббсом в Англии, Абрагамом и Фэйлем в Германии, Бурали-Форти и Марколонго в Италии.

В последнее время В-ное исчисление получило исключительно большое значение. В связи с этим, настоящая статья построена таким образом, чтобы первые главы были доступны лицам, не владеющим значительным математическим образованием; дальнейшие главы, посвященные более углубленным вопросам, требуют более значительной подготовки.

II. Векторная алгебра.

1. Сложение и вычитание В. Соответственно определению полярного вектора (см.) в В-ном исчислении два вектора A и B считаются равными ($A=B$), если они имеют одну и ту же длину ($A=B$) и одинаково направлены, т. е. (рис. 1) лежат на одной

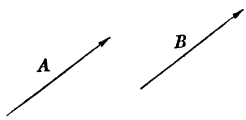

Рис. 1.

и той же или на параллельных прямых и обращены в одну и ту же сторону (эквивалентность Беллавитиса). Соответственно этому, всякий В. может быть

«перенесен в любую другую точку», т. е. из любой точки, как из начала, можно провести один и только один В., равный данному. Перенесение нескольких В-ов в общую точку O называется центрированием их в точке O (рис. 2). Если же мы перенесем второй В. так,

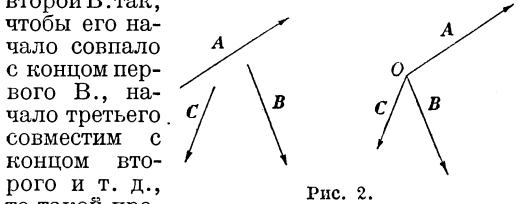

Рис. 2.

чтобы его начало совпало с концом первого В., начало третьего совместим с концом второго и т. д., то такой процесс называется полигонированием В. (рис. 3). Данную совокупность В. можно полигонировать от общего начала в различном порядке, но получающиеся полигоны (ломанные) всегда заканчиваются в одной и той же точке. В случае двух В. оба таких полигона замыкаются в параллелограмм (рис. 4).

Скорости, ускорения и силы выражаются в механике графически В-ами. Обобщая законы сложения скоростей и сил, установленные еще Ньютоном, и выделяя из них геометрическую сторону дела, условились под суммой нескольких В. разуметь В., замыкающий составленный из них по предыдущему правилу полигон, т. е. идущий от начальной к конечной точке полигона. Таким образом, на рис. 3 В. Q (OQ) представляет собой сумму В-ов A, B, C и D :

$$OQ = Q = A + B + C + D.$$

На рис. 4 мы видим, что сложение двух В. следует, т. о., хорошо известному правилу параллелограмма. Теорема о сходимости полигонов, соответствующих различному

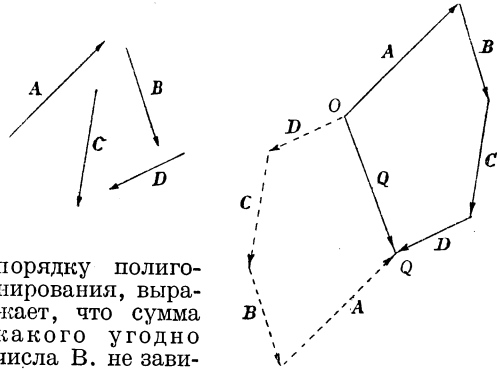

Рис. 3.

порядку полигонирования, выражает, что сумма какого угодно числа В. не зависит от порядка слагаемых (закон переместительности). На рис. 5 мы видим, что

$Q = A + B + C$ можно рассматривать либо как $A + P$, либо как $P' + C$. Так как при этом $P = B + C$, а $P' = A + B$, то $A + B + C = A + (B + C) = (A + B) + C$ (закон сочетательности сум-

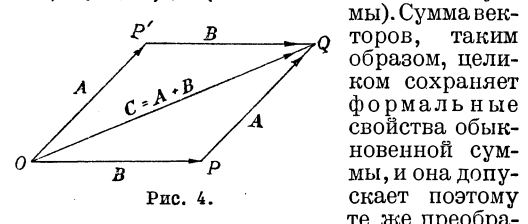

Рис. 4.

мы). Сумма векторов, таким образом, целиком сохраняет формальные свойства обыкновенной суммы, и она допускает поэтому те же преобразования. — Если, как на рис. 4, $C = A + B$, то В. B называют разностью В-ов C и A и пишут $B = C - A$. Если В-ы C и A центрированы (рис. 4), то построение их разности требует проведения В. от конца В. A к концу В. C ; она, так

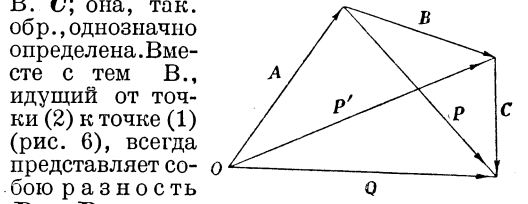

Рис. 5.

обр., однозначно определена. Вместе с тем В., идущий от точки (2) к точке (1) (рис. 6), всегда представляет собою разность $R_1 - R_2$ радиусов-векторов (см. Вектор) этих точек, как бы ни было выбрано начало O .

Повторное сложение В. A n раз ($A + A + \dots + A$) сводится, очевидно, к увеличению длины В. A в n раз, без изменения направления В. и стороны, в к-рую он обращен. Результат естественно назвать произведением В. A на целое число n . Обобщая это определение, под произведением kA В-а

A на какое угодно действительное число k понимают В., к-рый получим, умножая длину В. A на абсолютную величину числа k ,

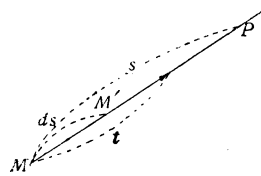

Рис. 6.

сохраняя его направление и обращая его в ту же сторону, если k есть положительное число, и в противоположную при отрицательном k . В частности, $-1 \cdot A = -A$, есть B ., равный по длине, но противоположный B . A . Соотношение (рис. 7)

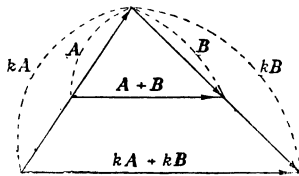

Рис. 7.

$$kA + kB = k(A + B)$$

Рис. 7. есть B -ное выражение теоремы о том, что, отсекая от сторон угла пропорциональные отрезки, мы получаем подобные треугольники. С другой стороны, на рис. 4 мы видим, что

$$B = OP = C - A = OQ - PQ = OQ + QP = C + (-A).$$

Вычитание B . равносильно, т. о., прибавлению противоположного B . Т. о. составляется понятие об алгебраической сумме B -ов, и она сохраняет все формальные свойства алгебраической суммы чисел. На этой стадии B -ная алгебра формально ничем не отличается от алгебры чисел.

2. Координация B . В тесной связи со сложением и вычитанием B . находится численная координация их. Если два B . A и B коллинеарны, т. е. принадлежат одной и той же или параллельным прямым, то один из них может быть выражен через другой умножением на некоторое число: $B = \alpha A$ или $A = \beta B$. Коллинеарность B -ов A и B выражается обыкновенно формулой более общего вида:

$$\alpha A + \beta B = 0,$$

к-рая дает возможность выразить один B . через другой. Если же такое соотношение существует для двух неколлинеарных B -ов, то оба коэффициента α и β должны быть равны нулю.—Если α есть е д и н и ч н ы й B ., т. е. B ., имеющий единичную длину, то всякий коллинеарный с ним B . A может быть представлен в виде $A = A_\alpha \alpha$, где A_α есть число, выражающее длину B . A или отличающееся от нее знаком; это число A_α называется скалярным значением или координатой B . A относительно α . Если два B . A и B не коллинеарны, а третий B . C с ними компланарен, т. е. при центрировании лежит в одной с ними плоскости, то его всегда можно разложить (представить в виде суммы) на два B ., коллинеарных соответственно с A и B (рис. 8); эти слагающие B . можно поэтому представить в виде αA и βB , а потому $C = \alpha A + \beta B$. Так как разложение это совершается однозначно, то и числа α и β определяются однозначно. Особенный интерес представляет случай, когда A и B суть единичные B ., к-рые обозначим через x и y . Всякий компланарный с ними B . можно в этом случае представить в виде

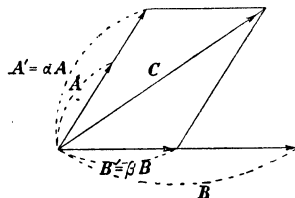

Рис. 8.

Обенный интерес представляет случай, когда A и B суть единичные B ., к-рые обозначим через x и y . Всякий компланарный с ними B . можно в этом случае представить в виде

$A = A_x x + A_y y$; B -ы $A_x x$ и $A_y y$ называются компонентами, а числа A_x и A_y —скалярными значениями или координатами B . относительно x и y . Если B . A не компланарен с B -ми x и y , то к последним пужно присоединить третий некопланарный ни с одним из них единичный B . z , и тогда таким же образом обнаружим, что любой B . A можно представить в виде:

$$A = A_x x + A_y y + A_z z, \quad (1)$$

где A_x, A_y, A_z суть числа—координаты B . относительно координатной системы (x, y, z) ; B -ы $A_x x, A_y y, A_z z$ суть компоненты B -а A . Однако, очень часто во всей литературе слово «компоненты» употребляется также в значении «координаты»; осведомленного читателя это не может вводить в заблуждение.—Всякий B . выражается, т. о., линейно через три независимых (некопланарных) B . В этом смысле B -ная алгебра принадлежит к числу т. н. линейных алгебр трех измерений. Как мы видели, так же выражаются Максвеллово-Гамильтоновы кватернионы. Таковы следствия, к которым приводит установленное понятие об умножении B . на число в связи со сложением и вычитанием B -ов. Т. к. каждый B . определяется тремя координатами, то в дальнейшем всякая B -ная операция сопровождается проведением ее в координатах. Легко видеть, что координаты суммы и разности B . A и B выражаются, соответственно, формулами

$$A_x \pm B_x, A_y \pm B_y, A_z \pm B_z.$$

3. Умножение B . Обращаемся к перемножению B -ов. В B -ной алгебре установлено двоякое умножение B .: скалярное и геометрическое; при первом произведение есть ч и с л о, а при втором—в е к т о р.

Если материальная точка, под действием постоянной силы F , вследствие существующих связей, движется по прямой, образующей с F угол ω , и в нек-рый промежуток времени пробегает отрезок S , к-рый в направлении движения можно рассматривать, как B . S , то выполненная силой на этом пути работа выражается произведением $F S$, где F_s —скалярное значение проекции B . F на S , так что $F_s = F \cos \omega$; $F_s S = F S \cos \omega$. При любом движении той же формулой выражается элемент работы с той разницей, что место B . S занимает бесконечно-малый B .—элемент пути dS . Эта комбинация, встречающаяся чрезвычайно часто во всех прикладных дисциплинах, послужила поводом назвать число $F S \cos \omega$ скалярным произведением B -ов F и S ; в общем виде оно выражается положением:

$$F S = F S \cos(F S) = F_s S = S_f F.$$

Из самого этого определения видно, что скалярное произведение двух B . не изменяется при перестановке множителей. Но и распределительный закон остается в силе. В самом деле, если $A + B = C$, то $(A + B) S = C S$; но $C_s = A_s + B_s$ (проекция суммы равна сумме проекций). Поэтому $(A + B) S = (A_s + B_s) S = A_s S + B_s S = A S + B S$. В силу этого, многочлены, составленные из B -ов,

перемножаются скалярно, как обыкновенные алгебраические многочлены. Т. н. сочетательный закон, однако, здесь падает, и потому именно при перемножении одночленных выражений, составленных из В., обычные правила алгебры не пригодны. Существенную особенность скалярного произведения двух В. представляет еще то обстоятельство, что оно обращается в нуль не только в том случае, когда равен нулю один из перемножаемых В., но и когда $\cos \omega = 0$, т. е. когда В-ы взаимно перпендикулярны. Равенство $\mathbf{AB} = 0$ представляет, так. обр., удобное выражение перпендикулярности двух В-ов; но однозначность действия, обратного умножению, вследствие этого, падает.—Скалярное произведение В. на самого себя, очевидно, равно квадрату его длины $\mathbf{R}^2 = \mathbf{RR} = R^2$. В виду этого, для ортогональной системы координат (x, y, z) , единичные В., ее определяющие, удовлетворяют соотношениям:

$$x^2 = y^2 = z^2 = 1, \quad xy = yz = zx = 0. \quad (2)$$

Если выполним в правой части равенства

$$\mathbf{AB} = (A_x x + A_y y + A_z z) (B_x x + B_y y + B_z z)$$

перемножение по обычным правилам и учтем соотношения (2), то найдем:

$$\mathbf{AB} = A_x B_x + A_y B_y + A_z B_z. \quad (3)$$

Правая часть этого равенства есть выражение, составленное из координат двух В-ов; но так как оно имеет вполне определенное геометрическое значение, то его величина остается неизменной при преобразовании ортогональных координат. Такого рода число, заданное непосредственно или в координатах, но от выбора координат не зависящее, принято в В-ном исчислении называть с к а л я р о м. Разыскание таких скаляров, инвариантов одного или нескольких В., составляет одну из главных задач В-ного исчисления, потому что эта инвариантность имеет своим источником геометрическое, а в прикладных дисциплинах—механическое или физическое значение скаляра.

Угловую скорость тела, вращающегося вокруг оси, принято выражать В-ом Ω , направленным по оси вращения и обращенным в ту сторону, с к-рой вращение наблюдается, как положительное, т. е. идущее против часовой стрелки; длина же В. Ω выражается числом, равным численному значению Ω угловой скорости (рис. 9).

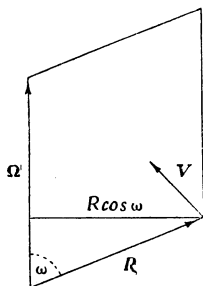

Рис. 9.

При этих условиях скорость \mathbf{V} какой-либо точки M вращающегося твердого тела представляет собою В., направленный перпендикулярно к векторам Ω и \mathbf{R} в сторону вращения и численно равен $\Omega R \sin \omega$. Это, очевидно, полярный В. (см. Вектор). к-рый заменяет осевой В., именно параллелограм, образуемый В-ами Ω и \mathbf{R} , если обходить его периферию, на-

чиная с В. Ω . Такого рода осевые В. и заменяющие их полярные встречаются в прикладных дисциплинах очень часто. В англ.

литературе их с давних пор называли «моментами». По этим указаниям прикладных наук из такого рода концепций выделена геометрическая сторона дела и установлено понятие о геометрическом произведении двух В-ов. Под геометрическим произведением [AB] двух В-ов \mathbf{A} и \mathbf{B} разумеют осевой В., который образует постоянный на этих В-ах параллелограм с обходом его контура, начиная с В. \mathbf{A} ; этот осевой В. заменяется соответствующим ему полярным. Указанное выше обозначение геометрического произведения В. принято, главн. обр., в Германии,—между прочим, в «Энциклопедии математических наук». В Англии, по почину Гиббса, часто предпочитают обозначение $\mathbf{A} \times \mathbf{B}$; некоторые авторы вводят специальные знаки (Бурали-Форти и Марколлонго, Шпильрейн). Если мы переставим множителей В-ного произведения, то обход контура параллелограмма будет происходить в обратном направлении, а потому соответств. полярный В. переменит знак на обратный, и, т. о., $[\mathbf{BA}] = -[\mathbf{AB}]$. Для геометрического произведения В-ов падает, т. о., и переместительный

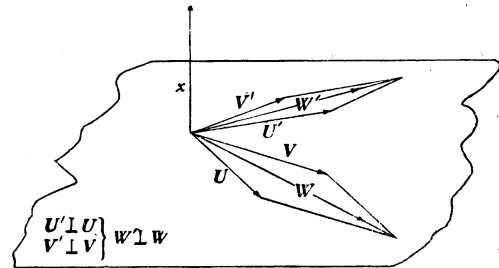

Рис. 10.

закон.—Если \mathbf{x} есть единичный В., а \mathbf{U} —произвольный перпендикулярный к нему В. (рис. 10), то $\mathbf{U}' = [\mathbf{xU}]$ есть не что иное, как В. \mathbf{U} , повернутый вокруг \mathbf{x} на прямой угол в положительном направлении. Если и \mathbf{V} перпендикулярен к \mathbf{x} , то $\mathbf{V}' = [\mathbf{xV}]$ также есть В. \mathbf{V} , повернутый на прям. угол. Но вместе с В-ми \mathbf{U} и \mathbf{V} , на прямой угол поворачивается и В. $\mathbf{W} = \mathbf{U} + \mathbf{V}$, который, т. о., совмещается с В. $\mathbf{W}' = \mathbf{U}' + \mathbf{V}'$ (см. рис. 10), так что $[\mathbf{xW}] = \mathbf{W}'$. Таким образом, $[\mathbf{xW}] = [\mathbf{x(U + V)}] = \mathbf{W}' = \mathbf{U}' + \mathbf{V}' = [\mathbf{xU}] + [\mathbf{xV}]$. Закон распределительный остается в этом случае в силе. Но существенно то, что к этому случаю путем довольно простых преобразований можно привести геометрическое произведение всяких В-ов, для которых, так. обр., закон распределительности всегда остается в силе. В различных алгебрах, ныне построенных, произведение, как это видно уже на скалярном и геометрическом произведении В-ов, определяется многообразно, но всегда так, чтобы закон распределительности оставался в силе [символ $\mathbf{A} \times$ должен представлять собой *дистрибутивный оператор* (см.)]. Соответственно этому, геометрическое перемножение многочленов, составленных из В., выполняется как умножение обыкновенных полиномов, с той только разницей, что в каждом члене перемножаемые В-ы должны сохранять порядок тех многочленов, из которых они

заимствованы. Если x, y и z суть координатные единичные В. в ортогональной системе, то $[xy]$, по указанным выше соображениям, совпадает с z или с $-z$, в зависимости от того, в какую сторону обращен В. z . В векторном исчислении ортогональные координаты всегда выбираются так, чтобы $[xy]=z$ (рис. 11). Тогда

$$[xy]=z, [yz]=x, [zx]=y. \quad (4)$$

Т. к. длина геометрического произведения $[AB]$ численно равна площади параллелограмма, построенного на В-ах A и B , то оно обращается в нуль не только тогда, когда один из переменных В. равен нулю, но и тогда, когда они коллинеарны; в частности, геометрическое произведение В. A на самого себя, $[AA]$, равно 0. Соответственно этому,

$$[xx]=[yy]=[zz]=0. \quad (5)$$

Если теперь выполним умножение в правой части равенства

$$[AB]=[(A_x x + A_y y + A_z z)(B_x x + B_y y + B_z z)]$$

и примем во внимание соотношения (4) и (5), то получим:

$$[AB]=(A_y B_z - A_z B_y)x + (A_z B_x - A_x B_z)y + (A_x B_y - A_y B_x)z. \quad (6)$$

Это дает нам координаты произведения по координатам перемножаемых В. И здесь мы встречаемся с особым рода инвариантностью; именно, в каких бы ортогональных координатах ни были заданы координаты В-ов A и B , числа

$$A_y B_z - A_z B_y, A_z B_x - A_x B_z, A_x B_y - A_y B_x$$

выражают всегда, в соответствующих координатах геометрическое произведение этих В.—То обстоятельство, что геометрическое произведение может быть равно нулю, когда сомножители отличны от нуля, исключает и здесь возможность однозначного обратного действия. Все эти отступления формальных свойств скалярного и геометрического произведения В-ов от свойств произведения обыкновенных чисел имеют следствием все углубляющееся отличие В-ной алгебры от обыкновенной. Развертывание тождественных преобразований, специально свойственных В-ной алгебре, составляет содержание ее дальнейшего развития. Приведем лишь один пример: пусть $E=[A[BC]]$ и $D=[BC]$. В таком случае В. E перпендикулярен к D , к-рый, в свою очередь, перпендикулярен к В-ам B и C ; поэтому В. D лежит в плоскости В-ов B и C , а потому $D=\beta B + \gamma C$. Вычисление устанавливает значения коэффициентов β и γ , а именно:

$$[A(BC)]=B(AC)-C(AB),$$

т. е. $\beta=AC$ и $\gamma=-AB$.

Векторная алгебра дает значительное количество таких соотношений, применение которых чрезвычайно упрощает вычисления, в которых фигурируют векторы.

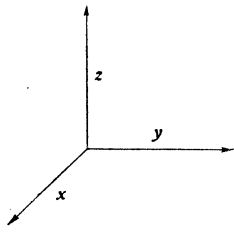

Рис. 11.

III. Векторный анализ.

1. Градиент. Давление скаляра на поверхность. В-ный анализ, т. е. исчисление бесконечно-малых, объектом к-рого служат В-ы, имеет свои корни глубоко в классическом дифференциальном и интегральном исчислениях. Положим, что нам задано скалярное поле, т. е. функция $\varphi(x, y, z)$ от координат точек, вполне определенная в некоторой части пространства. С точки зрения В-ного исчисления, ее можно рассматривать, как функцию радиуса-вектора R точки $M(x, y, z)$. Из точки M проведем луч, определяемый единичным В-ом t (рис. 12). На нем вблизи точки M выберем точку M' и составим разность $\varphi(M')-\varphi(M)$ значений скаляра φ в точках M' и M . Если отношение $\frac{\varphi(M')-\varphi(M)}{\Delta s} = \frac{d\varphi}{ds}$, где Δs —длина отрезка MM' , стремится к определенному пределу, когда Δs стремится к нулю, т. е., когда точка M' стремится к совпадению с M , то этот предел называется ориентированной производной функции $\varphi(x, y, z)$, взятой в направлении t . Не трудно понять, что частные производные $\frac{\partial \varphi}{\partial x}, \frac{\partial \varphi}{\partial y}, \frac{\partial \varphi}{\partial z}$ суть ориентированные производные скаляра, взятые в направлениях осей координат (т. е. В-ов x, y, z). Координаты x, y, z произвольной точки P луча MP (рис. 12), если расстояние MP обозначим через s , выражаются уравнениями:

$$x=s \cos \alpha, y=s \cos \beta, z=s \cos \gamma,$$

где α, β, γ —углы, к-рые луч образует с осями координат. Вследствие этого, значение скаляра $\varphi(x, y, z)$ на этом луче может быть выражено через s , и вычисленная в этом предположении производная $\frac{d\varphi}{ds}$ в точке M

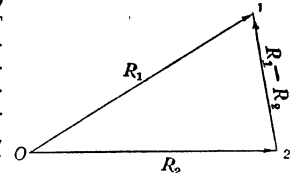

Рис. 12.

и есть ориентированная производная в направлении t . Но, по общим правилам дифференцирования:

$$\frac{d\varphi}{ds} = \frac{\partial \varphi}{\partial x} \cdot \frac{dx}{ds} + \frac{\partial \varphi}{\partial y} \cdot \frac{dy}{ds} + \frac{\partial \varphi}{\partial z} \cdot \frac{dz}{ds}; \quad (7)$$

если теперь через $G(\varphi)$ обозначим В., имеющий координаты $\frac{\partial \varphi}{\partial x}, \frac{\partial \varphi}{\partial y}, \frac{\partial \varphi}{\partial z}$, т. е. положим

$$G(\varphi) = \frac{\partial \varphi}{\partial x} x + \frac{\partial \varphi}{\partial y} y + \frac{\partial \varphi}{\partial z} z, \quad (8)$$

то в силу соотношения (7) $\frac{d\varphi}{ds}$ есть не что иное, как скалярное значение проекции В. $G(\varphi)$ на В. t , определяющий направление дифференцирования:

$$\frac{d\varphi}{ds} = G(\varphi)t.$$

В этом заключается векторный характер ориентированного дифференцирования. Вектор $G(\varphi)$ называют градиентом функции φ или определяемого ею скалярного поля в точке M . Градиент функции часто обозначают также символом $\nabla \varphi$.

Поверхности $\varphi = C$ (где C —произвольная постоянная), на к-рые расслаивается скалярное поле, называются поверхностями и уровня этого скаляра. В каждой точке поля градиент направлен по нормали к поверхности уровня, через эту точку проходящей; он обращен в сторону возрастания скаляра и, т. о., всегда указывает направление наибольшего возрастания функции; численное значение градиента есть наибольшее значение, которое получает в данной точке поля ориентированная производная. Вместе с тем,

$$d\varphi = \frac{\partial\varphi}{\partial x} dx + \frac{\partial\varphi}{\partial y} dy + \frac{\partial\varphi}{\partial z} dz = \mathbf{G} ds,$$

т. е. равно скалярному произведению градиента на бесконечно-малый \mathbf{V} . ds , идущий от точки $M(x, y, z)$ к $M'(x+dx, y+dy, z+dz)$. Эти свойства вполне определяют градиент геометрически и, так. обр., устанавливают, что соотношение (8), определяющее градиент в координатах, инвариантно, т. е. остается в силе при любом преобразовании ортогональных декартовых координат; это можно, конечно, обнаружить и прямым осуществлением этого преобразования. Градиент можно определить геометрически весьма многообразно. Следующая теорема, ведущая свое начало из гидростатики и имеющая очень большое прикладное значение, приводит к одному из лучших определений градиента.—Как известно, гидростатическое давление внутри жидкости в точке M на площадку σ не зависит от направления площадки. По нормали к площадке в ту или в другую сторону оно равно $\varphi d\sigma$, где φ есть скаляр, имеющий определенное значение в каждой точке M . Так как, однако, давление представляет собою силу, то выражающий ее \mathbf{V} можно представить в виде $\varphi d\mathbf{n}$, где \mathbf{n} —единичный \mathbf{V} , направленный по нормали к площадке в ту сторону, в которую мы определяем давление. Отвлекая от этого факта его геометрическую сторону, бесконечно-малый \mathbf{V} . $\varphi d\mathbf{n}$ называют давлением φ на площадку $d\sigma$ в направлении \mathbf{n} . Положим теперь, что в поле скаляра φ выделен объем, ограниченный замкнутой поверхностью; мы можем представить себе, что этот объем занимает тело V . Пусть $d\sigma$ будет элемент этой поверхности, \mathbf{n} —единичный \mathbf{V} , нормальный к ней в точке этого элемента и обращенный внутрь V ; мы сможем смотреть на $\varphi d\mathbf{n}$ как на элемент давления, испытываемого телом V в поле скаляра φ . Разбивая всю поверхность на элементы, суммируя элементарные давления, оказываемые на них скаляром, мы получим \mathbf{V} , к-рый в пределе выражается интегралом $\int \varphi d\mathbf{n}$. Этот \mathbf{V} называется давлением скалярного поля φ на погруженное в него тело V . Еще Грин установил тождество, которое, по установленной выше терминологии и знакоположению, выражается тождеством $\int \varphi d\mathbf{n} = \int dv \nabla \varphi$, где dv —элемент объема тела v , а $\nabla \varphi$, по-прежнему, выражает градиент функции φ . Это тождество, представляющее собою замечательное преобразование поверхностного интеграла в объемный, показывает,

что давление на поверхность тела может быть эквивалентным по своему эффекту некоторому воздействию, оказываемому на каждый элемент его объема. Теорема Архимеда, законы осмотического давления, давления в растворах и др. представляют собой только различные случаи, в которых этот общий закон находит себе применение. С другой стороны, то же тождество показывает, что давление $\int \varphi d\mathbf{n}$ на поверхность тела равняется произведению объема этого тела на \mathbf{V} , который тем ближе к градиенту в нек-рой точке этого тела, чем меньше его объем. Если, поэтому, нек-рую точку этого тела окружить небольшой оболочкой, рассчитать давление, оказываемое на эту оболочку, и это давление разделить на ограничиваемый оболочкой объем, то полученный \mathbf{V} имеет своим пределом градиент поля в точке M , когда оболочка, сжимаясь, стремится свернуться в эту точку. Это может быть принято за определение градиента; из этого определения, обратно, не трудно вывести теорему о давлении.

2. В-ное поле и его вихрь. Понятие о градиенте естественно приводит к векторному полю, т. е. к такой части пространства (она может иногда охватывать и все пространство), в каждой точке которой приложен \mathbf{V} : так, в каждой точке скалярного поля приложен \mathbf{V} —градиент поля. В-ные поля играют огромную роль во всех прикладных науках. Каждую точку гравитационного поля, т. е. поля всемирного тяготения, мы можем рассматривать, как точку приложения силы, действующей на нек-рое стандартное тело в силу всемирного тяготения. В электростатическом поле в каждой точке приложен \mathbf{V} , представляющий напряжение поля; электромагнитное поле определяется двумя \mathbf{V} —электрическим и магнитным в каждой его точке и т. д. В соответствии с изложенным, прежде всего возникает вопрос: не представляет ли заданное \mathbf{V} -ное поле \mathbf{F} градиентное поле некоторого скаляра φ . Чтобы это имело место, выражение $F_x dx + F_y dy + F_z dz$ должно представлять собой полный дифференциал $d\varphi$, а для этого, в свою очередь, необходимо и достаточно, чтобы в каждой точке поля имели место равенства:

$$\frac{\partial F_z}{\partial y} - \frac{\partial F_y}{\partial z} = 0, \quad \frac{\partial F_x}{\partial z} - \frac{\partial F_z}{\partial x} = 0, \quad \frac{\partial F_y}{\partial x} - \frac{\partial F_x}{\partial y} = 0. \quad (9)$$

Это, конечно, имеет место только в исключительных случаях, вообще же левые части этих равенств

$$C_x = \frac{\partial F_z}{\partial y} - \frac{\partial F_y}{\partial z}, \quad C_y = \frac{\partial F_x}{\partial z} - \frac{\partial F_z}{\partial x}, \\ C_z = \frac{\partial F_y}{\partial x} - \frac{\partial F_x}{\partial y} \quad (10)$$

можно рассматривать, как координаты некоторого \mathbf{V} -а \mathbf{C} . Это находит себе оправдание еще в том обстоятельстве, что \mathbf{V} . \mathbf{C} , определенный таким образом в некоторой системе ортогональных декартовых координат, выражается теми же формулами при любом преобразовании таких координат. Этот \mathbf{V} . принято называть вихрем \mathbf{V} -ного поля \mathbf{F} .

В англ. литературе вихрь принято обозначать символом $\text{curl } \mathbf{F}$ (англ. слово curl обозначает вихрь); во франц. и немец. литературе предпочитают символ $\text{rot } \mathbf{F}$ от слова rotation —вращение, т. к. вихревой \mathbf{V} имеет большое значение в теории вращательного движения. В градиентном поле вихрь обращается в нуль, и поэтому такое поле называется безвихренным, а по физическому своему значению—потенциальным: силовое градиентное поле имеет силовую или потенциальную функцию φ .

3. Дифференцирование \mathbf{V} по скаляру. Геометрические и механические приложения. В \mathbf{V} -ном поле \mathbf{V} представляет собой функцию координат точки. Часто приходится, однако, рассматривать \mathbf{V} -ы, приложенные не во всех точках пространства, а в точках некоторой кривой. Такого рода \mathbf{V} представляют собой функции одной независимой переменной—параметра, в k -ром выражены координаты точек кривой: $\mathbf{F}=\mathbf{F}(u)$.

Нарастание $\Delta \mathbf{F} = \mathbf{F}(u + \Delta u) - \mathbf{F}(u)$, к-рое получает \mathbf{V} $\mathbf{F}(u)$, когда независимая переменная получает наращение Δu , представляет собою \mathbf{V} ., стремящийся, при непрерывности вектор-функции $\mathbf{F}(u)$, к нулю вместе с Δu . $\frac{\Delta \mathbf{F}}{\Delta u}$ при этом обыкновенно имеет своим

пределом определенный \mathbf{V} ., к-рый называется производной вектор-функции или, короче, \mathbf{V} -а $\mathbf{F}(u)$ (обозначается $\mathbf{F}'(u)$ или $\frac{d\mathbf{F}(u)}{du}$).

Правила дифференцирования суммы, разности, скалярного и геометрического произведения \mathbf{V} -ов совпадают с обычными правилами дифференцирования; это коренится в том обстоятельстве, что выводы этих правил основываются исключительно на тех формальных свойствах суммы и произведения, к-рые сохраняют свою силу и для \mathbf{V} -ов. Но при дифференцировании геометрического произведения необходимо, конечно, сохранять порядок множителей:

$$\frac{d[\mathbf{F}\mathbf{G}]}{du} = \left[\mathbf{F} \frac{d\mathbf{G}}{du} \right] + \left[\frac{d\mathbf{F}}{du} \mathbf{G} \right].$$

Производная вектор-функция $\frac{d\mathbf{F}(u)}{du}$ обращается в нуль в том и только в том случае, когда \mathbf{F} есть постоянный \mathbf{V} . Дифференцируя, поэтому, равенство

$$\mathbf{F} = F_x \mathbf{x} + F_y \mathbf{y} + F_z \mathbf{z}$$

и принимая во внимание, что единичные \mathbf{V} -ы \mathbf{x} , \mathbf{y} , \mathbf{z} суть постоянные, получаем:

$$\frac{d\mathbf{F}}{du} = \frac{dF_x}{du} \mathbf{x} + \frac{dF_y}{du} \mathbf{y} + \frac{dF_z}{du} \mathbf{z}, \quad (11)$$

т. е. координаты производной \mathbf{V} -а суть производные от координат. Хотя это предложение прокладывает путь к осуществлению дифференцирования вектор-функций средствами классического анализа, но непосредственно \mathbf{V} -ные приемы часто дают несравненно лучшие результаты. Нижеследующие примеры дают об этом представление.

Кривая в \mathbf{V} -ном исчислении задается таким образом, что радиус-вектор ее точки, \mathbf{R} , задается в функции параметра, напр., длины дуги s : $\mathbf{R}=\mathbf{R}(s)$. Если от точки $M(s)$ перейдем к $M'(s+ds)$, то $\Delta \mathbf{R}=\mathbf{R}(s+ds)-\mathbf{R}(s)$ (рис. 13) совпадает с направленной хордой MM' . Легко

видеть, что предельный \mathbf{V} . $\mathbf{R}'(s)=\frac{d\mathbf{R}}{ds}$ будет направлен по касательной к кривой в сторону возрастающих значений s . Численно же мы имеем здесь предел отношения хорды к дуге; поэтому $\frac{d\mathbf{R}}{ds}$ есть единичный \mathbf{V} ., направленный по касательной в сторону нарастания s , т. н. тангентальный \mathbf{V} . \mathbf{t} в точке

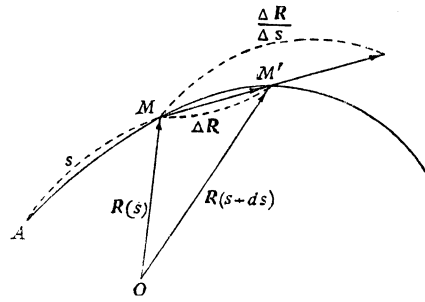

Рис. 13.

M кривой. Т. к. $t^2=1$, то дифференцирование дает $t \frac{dt}{ds} = 0$, т. е. \mathbf{V} . $\frac{dt}{ds}$ перпендикулярен к касательной; он называется главным нормальным \mathbf{V} . в точке M кривой. Если через σ обозначим его длину, а через n —единичный \mathbf{V} . того же направления, то $\frac{dt}{ds} = \sigma n$. Число σ называется кривизной кривой в точке M . Мы видим на рис. 14, что в равнобедренном треугольнике $TM'T'$, в к-ром боковые стороны

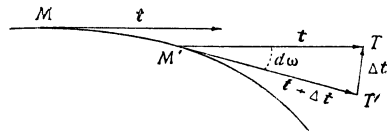

Рис. 14.

$M'T$ и $M'T'$ имеют единицу длины, сторону $TT'=\Delta t$ можно считать численно равной $d\omega$ —углу между смежными касательными, и потому $\sigma = \frac{d\omega}{ds}$. \mathbf{V} . $b=[tn]$ есть единичный \mathbf{V} ., перпендикулярный как к t , так и к n ; он называется биномальным \mathbf{V} . Три \mathbf{V} . t , n , b , очевидно, связаны соотношениями:

$$b=[tn], \quad t=[nb], \quad n=[bt], \quad (12a)$$

$$t^2=n^2=b^2=1. \quad (12b)$$

Т. к. $b^2=1$, то $b \frac{db}{ds} = 0$, т. е. \mathbf{V} . $\frac{db}{ds}$ перпендикулярен к b ; с другой стороны, дифференцируя первое из соотношений (12a), получаем:

$$\frac{db}{ds} = \left[\frac{dt}{ds} n \right] + \left[t \frac{dn}{ds} \right] = \sigma [nn] + \left[t \frac{dn}{ds} \right] = \left[t \frac{dn}{ds} \right]. \quad (13)$$

Отсюда следует, что \mathbf{V} . $\frac{db}{ds}$ перпендикулярен к t .

Будучи перпендикулярным к b и t , \mathbf{V} . $\frac{db}{ds}$ коллинеарен с n , т. е. $\frac{db}{ds} = \tau n$, где τ —скаляр. Число τ называется второй кривизной кривой в точке M .

— Дифференцируя третье соотношение (12a), получим:

$$\frac{dn}{ds} = \left[\frac{db}{ds} t \right] + \left[b \frac{dt}{ds} \right] = \tau [nt] + \sigma [bn] = -\tau b - \sigma t. \quad (14)$$

Это—известные формулы Серре-Френе, составляющие основу всей дифференциальной геометрии кривых. Все остальные формулы этой геометрии развертываются из них с такой же простотой, в то время, как их вывод без помощи \mathbf{V} -ного исчисления представляет значительные трудности. Бурали-Форти дал построение дифференциальной геометрии поверхностей средствами векторного исчисления, которое по простоте и изяществу также оставляет далеко за собой классические методы.

В качестве второго примера приложений \mathbf{V} -ного анализа остановимся на выводе основных понятий кинематики. Движение материальной точки определяется заданием радиуса-вектора \mathbf{R} точки в функции времени $\mathbf{R}=\mathbf{R}(t)$. Само собой разумеется, что \mathbf{R}

зависит от выбора начала. Если мы перенесем начало (рис. 15) из точки O в O' , то в каждый момент движения $R_1 = Q + R$, где Q — постоянный В. $O'O$; поэтому $\frac{dR_1}{dt} = \frac{dR}{dt}$. Отсюда следует, что В. $\frac{dR}{dt}$ от выбора начала не зависит, а характеризуется самим движением. Этот В. называется скоростью в момент t . Функцию $R(t)$ можно представить как сложную функцию $R(s)$, где s — пройденный по траектории путь, зависящий от t . Дифференцируя $R(t)$, как сложную функцию, и вводя обозначение скорости $\frac{dR}{dt} = V$, получим:

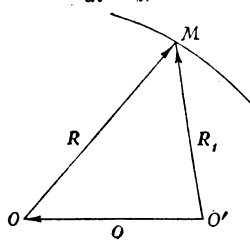

Рис. 15.

$$V = \frac{dR}{dt} = \frac{dR}{ds} \frac{ds}{dt} = tv. \quad (15)$$

Здесь t , попрежнему, есть тангенциальный В., а v есть скалярное значение скорости $V = \frac{ds}{dt}$. $V \cdot W = \frac{dV}{dt}$ называется ускорением движения. Дифференцируя соотношение (15), получаем:

$$W = \frac{dt}{dt}v + t \frac{dv}{dt} = \frac{dv}{ds} \frac{ds}{dt}v + t \frac{dv}{dt} = \sigma v^2 n + t \frac{dv}{dt}, \quad (16)$$

т. е. известно разложение ускорения на тангенциальное и центростремительное. По существу, этими формулами исчерпывается вся кинематика точки.

4. Интегрирование В-ных функций. Совершенно аналогично устанавливается интегрирование В-ных функций. Положим, что функция $F(t)$ задана в интервале от t_0 до t_1 ; разделим этот интервал на части $dt_i = t_{i+1} - t_i$, составим произведения вида $F(t'_i)dt_i$, где t'_i — любое значение, содержащееся между t_i и t_{i+1} , и просуммируем эти произведения. Когда все участки деления dt_i стремятся к нулю, то эта сумма обыкновенно стремится к конечному предельному В-у, к-рый называется определенным интегралом:

$$\int_{t_0}^{t_1} F(t) dt.$$

Если свободная материальная точка M , имеющая массу m движется под действием заданной силы $F(t)$, то при прежних обозначениях:

$$W = \frac{1}{m} F(t); V = V_0 + \frac{1}{m} \int_{t_0}^t F(t) dt, \\ k = R_0 + \int_{t_0}^t V(t) dt = R_0 + V_0 t + \frac{1}{m} \int_{t_0}^t dt \int_{t_0}^t F(t) dt.$$

5. Дивергенция В-ного поля и теорема Гаусса-Остроградского. Как мы видели, учение о градиенте приводит от скалярного поля к векторному; В-ное поле порождает новое В-ное поле — вихревое поле; но оно порождает также имеющее большое значение скалярное поле, образуемое так называемой его дивергенцией. Оно ведет свое начало из гидродинамики. Если V есть скорость частицы движущейся жидкости в нек-рый момент t , а $d\sigma$ — площадка, проходящая через точку M , в к-рой в этот момент находится частица, то количество жидкости, протекающее через эту площадку в элемент времени dt (по объему) определяется слагающей вектора-скорости V_n , направленной по нормали к площадке и обращенной в ту сторону, в которую мы желаем определить ток (положительный или отрицательный); именно, оно равно $V_n d\sigma dt$. Количество жидкости, протекающее через конечную поверхность (рис. 16), равно

$dt \int V_n d\sigma$, где интеграл нужно распространить на всю поверхность. Отвлекая отсюда геометрическую сторону дела, во всяком В-ном поле через любую поверхность, в нем расположенную, представляют себе ток, идущий в какую угодно сторону от него (если он имеет положительное значение в одну сторону от поверхности, то в противоположную он имеет противоположный знак; в этом смысле мы и говорим о токе в любую сторону поверхности). Интеграл, взятый по всей поверхности, $\int F_n d\sigma$ (где F_n есть скалярное значение проекции В-а F на нормаль, обращенную в выбранную сторону поверхности) называют векторным потоком, проходящим через поверхность в эту сторону. Если поверхность замкнутая, то можно говорить о В-ном потоке, вступающем внутрь поверхности, или выходящем из нее. Гаусс и независимо от него Остроградский обнаружили, что выходящий из замкнутой поверхности В-ный поток можно выразить интегралом по объему, ограниченному этой поверхностью, именно:

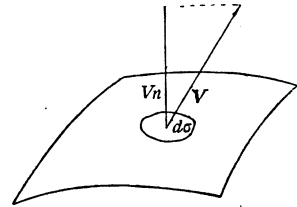

Рис. 16.

$$\int F_n d\sigma = \int \left(\frac{\partial F_x}{\partial x} + \frac{\partial F_y}{\partial y} + \frac{\partial F_z}{\partial z} \right) dv. \quad (17)$$

Выражение, входящее под знаком интеграла множителем при элементе объема, представляет собою скаляр в подлинном смысле этого слова. Это число $\text{div } F$, остающееся инвариантным при преобразовании ортогональных координат, в к-рых оно выражается формулой

$$\text{div } F = \frac{\partial F_x}{\partial x} + \frac{\partial F_y}{\partial y} + \frac{\partial F_z}{\partial z}, \quad (18)$$

и называют дивергенцией В-ного поля.

Тождество (17) известно под названием теоремы Гаусса-Остроградского; если положить $\text{div } F = k$, то оно принимает вид:

$$\int F_n d\sigma = \int k dv. \quad (19)$$

Правую часть этого равенства можно рассматривать, как нек-рую массу, заполняющую огибаемый поверхностью объем с плотностью k . Исходя из этого, воображаемые массы, имеющие в каждой точке В-ного поля плотность, равную (или пропорциональную) его дивергенции, наз. эффективными массами поля; нек-рые авторы предпочитают называть их зарядом поля.

Из соображений, указываемых прикладными дисциплинами, из скаляра k целесообразно выделить постоянный множитель; полагают $k = 4\pi\epsilon\rho$, при чем ϵ называют эффективной постоянной, а ρ — плотностью эффективных масс, или плотностью заряда. Т. о., теорема Гаусса принимает вид:

$$\int F_n d\sigma = 4\pi\epsilon M. \quad (20)$$

Формула (20) выражает, что выходящий в векторном поле из замкнутой поверхности

векторный поток равняется произведению содержащейся внутри поверхности эффективной массы (заряда) на 4π и на эффективную постоянную поля. При этих обозначениях в гравитационном поле, обусловливаемом непрерывно расположенными массами, эффективная масса совпадает с действительной гравитирующей материей, а ϵ есть гравитационная постоянная. В электрическом поле эффективная масса совпадает с тем, что мы называем зарядом поля, а ϵ — с диэлектрической постоянной.—Вообще, тождество Гаусса - Остроградского обнаруживает, что В-ный поток, исходящий от поверхности некоторого тела, может в известных пределах быть эквивалентным воздействию, идущему от каждого элемента объема этого тела. Можно сказать, что в электродинамике две части этого равенства в значительной мере характеризуют два теоретических течения: левая часть — т. н. классическое (до Максвелла), а правая — новый подход Максвелла.

Поле, в котором дивергенция в каждой точке равна нулю, называется *н е з а р я д е н н ы м* (по терминологии электродинамики) или *соленоидальным* (по терминологии теории магнетизма). Вихри C любого В-ного поля F образуют новое В-ное поле; простое вычисление обнаруживает, что это поле всегда соленоидальное; так как эффективные массы в любом объеме поля в этом случае равны нулю, то и векторный поток, из него выходящий, равен нулю. Это можно формулировать иначе. Если рассечь замкнутую поверхность, расположенную в соленоидальном векторном поле, какой-либо линией на две части, то через одну часть входит внутрь ее такой же векторный поток, какой выходит наружу через другую часть.

6. Циркуляция в В-ном поле. Пусть C будет вихревое поле, вызываемое полем F . В этом поле представим себе замкнутую линию и через нее проведем две поверхности, ею ограничиваемые (рис. 17); эти поверхности выделяют замкнутый объем, в который будет через одну поверхность входить такой же вихревой поток, какой через другую будет из него выходить. Если присвоить замкнутой

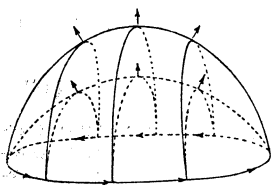

Рис. 17.

линии (контуру) направление обхода и в каждой точке поверхности, этим контуром огибаемой, считать нормаль обращенной таким образом, чтобы с нее обход линии казался направленным против часовой стрелки, то такой поверхности будет этим путем присвоена сторона, сопряженная с направлением обхода. Предыдущему результату можно, соответственно этому, дать следующее выражение. Если через замкнутую линию провести две ограничиваемые ею поверхности, то вихревой поток, отходящий от каждой поверхности в сторону, сопряженную с направлением обхода, будет иметь то же значение. Этот поток, следовательно, не зависит от формы проведенной

поверхности, а вполне определяется выбранным контуром. Он должен, поэтому, и математически получить выражение, определяемое этим контуром. Это связано с понятием о криволинейном интеграле в В-ном поле и о циркуляции. Положим, что в В-ном поле F задана кривая, отнесенная к параметру t (рис. 18). Элемент кривой мы можем рассматривать, как бесконечно-малый В. ds . Скалярное произведение $F ds$ может быть выражено в числах формулой

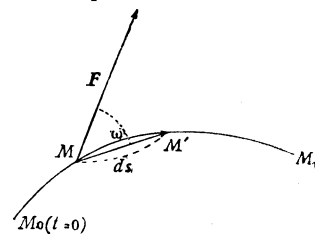

Рис. 18.

$$F ds \cos \omega = F_x dx + F_y dy + F_z dz$$

(ω — угол между F и ds).

Выразив все входящие сюда величины через t , мы получим элемент интеграла, вычисление к-рого приводится к квадратуре:

$$\int_{M_0}^{M_1} F ds = \int_{M_0}^{M_1} F_x dx + F_y dy + F_z dz = \int_{t_0}^{t_1} F \cos \omega ds.$$

Это и есть криволинейный интеграл в нашем В-ном поле по заданной кривой от точки M_0 до M_1 . Криволинейный интеграл по замкнутой кривой называется *циркуляцией* по этой кривой.

7. Теорема Стокса. Циркуляция по любой кривой обращается в нуль в том и только в том случае, когда поле потенциальное, т. е., когда его вихрь во всех точках поля равен нулю. В этом случае и вихревой поток, отходящий от любой поверхности, проведенной через заданную замкнутую кривую, равен нулю. Так наз. теорема Стокса заключается в том, что В-ный поток, отходящий от такой поверхности, всегда равен циркуляции по ограничивающей ее кривой; при циркуляции обход по кривой должен быть только выбран таким образом, чтобы его направление было сопряженным со стороной поверхности, в к-рую направлен поток. Таково чрезвычайно наглядное выражение, к-рое получает теорема Стокса в В-ном исчислении. Оно приводит к следующему геометрич. определению вихря в точке M В-ного поля. Проведем через точку M луч и к нему перпендикулярную плоскую площадку, контур к-рой огибает точку M ; приведа направление контура в соответствие с направлением этого луча, вычислим циркуляцию по контуру в этом направлении. Отношение этой циркуляции к площади, огибаемой контуром, дает в пределе (когда контур уменьшается до нуля) численное значение проекции вихря на исходное направление. То направление, в котором этот предел достигает максимума, есть направление самого вихря. Это геометрическое определение, эквивалентное

координатному определению (10), устанавливает инвариантность последнего.—В электростатическом поле циркуляция по любой кривой равна нулю; это поле—потенциальное. Такое поле не вызывает магнитных сил, магнитный В. равен нулю или остается постоянным во времени, если он был посторонними причинами вызван в этом поле раньше. Это можно формулировать так: в электростатическом поле производная магнитного напряжения $\frac{d\mathbf{H}}{dt}$ обращается в нуль вместе с вихрем электрического поля. В переменном поле как вихрь, так и упомянутые производные, вообще говоря, отличны от нуля. Простейшее соотношение, при котором имеет место такое соответствие, заключается в том, что производная магнитного напряжения пропорциональна вихрю электрического поля:

$$\frac{d\mathbf{H}}{dt} = k \operatorname{curl} \mathbf{E}.$$

Это есть векторное выражение первой группы уравнений Максвелла, который, впрочем, установил и значение коэффициента пропорциональности k ; аналогично, вторая группа уравнений выражает производную электрического напряжения через вихрь магнитного поля.

Существенно важно отметить, что как теорема Гаусса-Остроградского, так и теорема Стокса остаются справедливыми только в непрерывном В-ном поле. Появление критических точек их нарушает; в очень обширном числе случаев (конечного разрыва в изолированных точках, вдоль линии или поверхности) наиболее часто встречающихся на практике, обе теоремы могут быть восстановлены путем приспособления к этим случаям понятия о дивергенции и вихре. Это приводит к поверхностной, линейной или изолированной дивергенции—поверхностному, линейному или изолированному вихрю. Любопытный случай представляет постоянный электрический ток, идущий по какой-либо линии. В магнитном поле этого тока циркуляция равняется всегда нулю, если контур интегрирования не охватывает тока; но если контур охватывает ток, то циркуляция отлична от нуля, линия тока сосредоточивает на себе, в этом случае, все вихри магнитного поля.

IV. Значение векторного исчисления.

Из предыдущего изложения ясно, что В-ный анализ не только распространяет на векторы основы классического анализа, но вводит целый ряд новых операторов дифференциального характера, чрезвычайно приспособляющих аппарат В-ного исчисления к запросам механики и теоретич. физики. В своем развитии В-ный анализ дает формулы для комбинированного производства соответствующих этим операторам действий (например, вихря от вихря, дивергенция градиента и обратно и т. д.); созданный, т. о., алгоритм упрощает изложение и разработку современной теоретической физики в такой мере, что в настоящее время работы по этим дисциплинам никогда не излагаются иначе, как в векторном исчислении.

Вслед за анализом, естественно, должна была появиться и общая теория В-ных функций; в этом направлении, действительно, широко работали Бурали-Форти и Марколлонго. Достаточное развитие, однако, получила только теория линейных В-ных функций (см. *Линейные вектор-функции*), находящих себе широкое применение почти во всех отделах теоретической физики, в особенности, в теории упругости и в электрооптике.

При всем разнообразии материала и методов, две основные идеи, регулирующие и направляющие развитие В-ного исчисления, имеют основное значение. Во-первых,—каждое В-ное соотношение в трехмерном пространстве заменяет 3 соотношения классического анализа. Во-вторых,—классический анализ, оперируя координатами, не отличается непосредственно тех соотношений, которые характеризуют действительно физический процесс, от зависимостей кроющихся в специальной координации. Построенное непосредственно геометрическими методами, векторное исчисление оперирует над величинами, не зависящими от системы координат; в этой инвариантности главный источник силы В-ного исчисления, его приспособленности к запросам прикладных дисциплин. Многие «векторники»-энтузиасты поэтому настойчиво требуют полного изгнания координат из В-ного исчисления (Скаутен, Стрюик, даже Бурали-Форти). По обыкновению, однако, эти стремления бьют дальше цели; они связаны с таким развитием символических методов, усвоение к-рых очень затрудняет их применение. Проблемы прикладного знания настолько трудны, что лишь совместное применение всех орудий математического аппарата дает возможность шаг за шагом с ними справиться. Более того, при разрывании В-ных операций в координатах возник вопрос о таких их выражениях, к-рые оставались бы инвариантными не только при преобразовании ортогональных декартовых координат, но и при переходе от любой координации к другой. Решение этой задачи вывело В-ное исчисление на путь чрезвычайно широкого обобщения: оно привело к новому исчислению, в к-ром В-ное исчисление является только простейшим первым этапом, именно—к *тензорному анализу* (см.).

Лит.: А) Сочинения, наметившие основные идеи В. н.: J. R. Argand, Essai sur une manière de représenter les quantités imaginaires dans les constructions géométriques, P., 1806, 2 изд. с предисловием Гуэля (Houël), P., 1874; C. F. Gauss, Theoria residuorum biquadraticorum, commentatio secunda, Götting. gelehrte Anzeigen, 1832 (Gauss' Werke, Band II, S. 174); A. F. Möbius, Der baryzentrische Kalkül, Lpz., 1827 (Gesamte Werke, Band I); G. Bellavitis, Metodo delle equipollenze, Padova, 1837 (франц. пер.: Exposition de la méthode des équipollences, traduit par C. A. Laisant, P., 1874); H. Grassmann, Die Ausdehnungslehre, vollständig und in strenger Form bearbeitet, B., 1862 (Gesamte Werke, Band I, Teil 2); W. Hamilton, Lectures on Quaternions, Dublin, 1853.—Б) Классическое изложение В. н.: W. Hamilton, Elements of Quaternions, vis I—II, Dublin, 1866, 2 изд. 1899—1901; J. W. Gibbs, Vector-Analysis (изд. по лекциям, читанным в 1881—84, его учеником В. Вильсоном в 1902 и в переработанном виде—в 1913); A. Förpl und M. Abraham, Einführung in die Maxwell'sche Theorie der Elektrizität, Band I, Abschn. I: Vektoren und Vektorfelder, Lpz., 1894 (неоднократно переиздавалось); C. Burali-Forti et R. Marcolongo, Analyse vectorielle générale, v. I, P., 1912.—С) Основные современные руководства: J. Spielrein, Lehrbuch der

Vektorrechnung, 2 Aufl., Stuttgart, 1926; J. A. Schouten, Grundlagen d. Vektor-Affinoranalysis, Lpz., 1914; A. Chatelet et I. Kampe de Fériet, Calcul vectoriel, P., 1924; K. Runge, Vektoranalysis, Lpz., 1919.—D) Краткие, более доступные курсы: R. Gans, Einführung in die Vektoranalysis, 5 Aufl., Lpz., 1922; A. Bucherer, Elemente der Vektoranalysis, Lpz., 1905; S. Valentiner, Vektoranalysis, B., 1922; W. Ignatowsky, Die Vektoranalysis, Band I—II, 2 Aufl., Leipzig, 1921; A. Haas, Vektoranalysis, 3 Aufl., B., 1923; C. Ugali-Forti et R. Marcolongo, Éléments du calcul vectoriel, P., 1910.—E) Сочинения на русском языке: Шпильрейн, Я. Н., Векторное исчисление, ГИЗ, М., 1925; Черданцев, И. А., Основы векторного и тензорного анализа, 2 изд., ГИЗ, М., 1925 (краткий, доступно изложенный курс); Френель, Н. И., Курс векторного исчисления, ГИЗ, Л., 1925. Очень доступное введение в В-ное исчисление можно найти в сочинениях: Филиппс, Г., Дифференциальное исчисление (главы VIII и IX), М.—Л., 1926; его же, Интегральное исчисление (гл. X), Москва—Ленинград, 1927.

В. Казан.

ВЕКФИЛЬД (Wakefield), правильное — Уекфильд, г. в Англии в графстве Йорк при р. Колдер, на восточной окраине Йоркширского промышленного района (15 км к Ю.-В. от Лидса); 53 тысячи жит. (1921). Плотняные и шерстяные фабрики, железодельные и химические заводы; в окрестностях добывается каменный уголь. Один из важных промышленных центров Йоркшира в 16—18 вв., Векфильд в 19—20 вв. имеет второстепенное значение, сравнительно с развившимся рядом с ним Лидсом. Значительный рынок хлеба и скота, производство сельско-хозяйственных орудий.

ВЕНША, местное название *белки* (см.).
ВЕЛАСКЕС, Диего де Сильва (Diego de Silva y Velazquez), великий испанский живописец. Родился в Севилье 1599, умер в Мадриде 1660, происходил из португальского рода де Сильва, к имени к-рого он, по испанскому обычаю, присоединил фамилию матери—Веласкес. Получив гуманистическое образование, учился живописи сперва у Эрреры Старшего (см.), а затем у подражавшего итальянцам Пачеко, на дочери которого он женился (1618). Ранние портретные рисунки Веласкеса исчезли бесследно, и первый период его творчества ныне представлен только рядом бытовых картин со сценами из народной жизни Севильи (кухни и темные подвалы, резко освещенные падающим через небольшие окна светом). Один из лучших написанных В. «подвалов» (bodegones) находится в Эрмитаже, другие—в музеях Будапешта и Берлина; к ним примыкает знаменитый «Водонос» в собрании Веллингтона в Лондоне. Тщательнейшее изображение типов и углубленное изучение всех деталей изображаемого характерны для произведений В. этого периода и свидетельствуют о неизменном влечении В. к действительности и правдивости. Даже немногие религиозные произведения, написанные Веласкесом в это же время, например, «Непорочное зачатие», «Иоанн на Патмосе» (автопортрет, в

и.з.

Англии в частном собрании), и, особенно, большое «Поклонение волхвов» (1619, в Мадридской галлерее) являются, в сущности, бытовыми картинами.

В 1623 В. переселился в Мадрид, где, по протекции временщика Оливареса, был назначен придворным живописцем. В ближайшие годы В. написал ряд портретов короля Филиппа IV, портрет его брата инфанта дона Карлоса и министра Оливареса, изображая их без лести и прикрас, с присущей ему правдивостью, фиксируя с одинаковой меткостью бесцветную усталость вырожденцев из дома Габсбургов и выражение наглости и коварства на лице временщика. Последовательный натурализм раннего периода Веласкеса присущ и его большой quasi-мифологической картине «Вакх» или «Пьяницы» (Los Borrachos, 1628, Мадридская галлерей), далекой от обычной в темах такого рода идеализации. В. изображает бога вина в виде простого испанского парня в обществе бродяг-стариков. В награду за эту картину король отпустил В. в Италию, где последний пробыл почти два года (1629—1631), долее всего задержавшись в Риме и в Венеции, к-рая привлекала его творениями Тиенторетто. Две большие картины—«Кузница Вулкана» (галлерей Прадо в Мадриде) и «Окровавленная одежда Иосифа» (галлерей Эскуриала)—являются художественным результатом этой поездки. При полном сохранении натуралистической основы, они обе обнаруживают, в сравнении с более ранними работами, сильное развитие мастера в сторону живописной свободы как в отношении композиции, так и в отношении фактуры. Последовавшее за возвращением В. из Италии десятилетие является самым плодотворным в жизни художника. Портреты членов королевской семьи занимают и тут видное место среди картин В. На знаменитых «конных портретах», изображающих короля и королеву, наследного принца Балтазара Карлоса, а также, вероятно, родителей короля—Филиппа III и Маргариты Австрийской, наконец, министра Оливареса, с одинаковым мастерством написаны и люди и кони. Каждый из этих портретов имеет свою в высшей степени индивидуальную характеристику: от правдивости В. не отсекся даже и тут, где требовалась высшая степень идеализации и условности. Живописная прелесть этих работ получает удивительную законченность и благодаря прекрасному пейзажному фону с мотивами, взятыми из окрестностей Мадрида. Пейзажный элемент играет заметную роль и в трех портретах более интимного характера, изображающих короля, наследного принца и брата короля, инфанта Фердинанда, в охотничьих костюмах; здесь опять поражают замечательно написанные охотничьи собаки. Немного ранее был исполнен портрет короля, увеличенное повторение которого (в рост), исполненное, вероятно, учеником В., Масо, находится в Эрмитаже. Из прочих портретов 1630-х гг. самые значительные изображают: егермейстера Хуана Матеоса (Дрезденская галлерей), скульптора Мартинеса Монтаньеса (галлерей Прадо), герцога Франческо

Д. ВЕЛАСКЕС.

Ткачихи.
Прадо, Мадрид.

Кузница Вулкана.
Прадо, Мадрид.

Д. ВЕЛАСКЕС.

Портрет Дон-Хуана Австрийского.
Прадо, Мадрид.

Портрет Фердинанда Австрийского.
Прадо, Мадрид.

Моденского (галерея в Модене) и (предположительно) жену Оливареса (Берлинская галерея); к ним, наконец, примыкает самый поздний («погрудный») портрет самого Оливареса (Эрмитаж).

Крупнейшее произведение В. этого времени изображает сдвуч крепости Бреды испанскому полководцу Спинолле, один из немногих успехов испанского оружия против восставших нидерландцев: удивительна та сдержанность, с какой написана В. эта картина, в отличие, напр., от Хосé Леонардо, к-рый, выбрав тот же сюжет, прибегает к внешним традиционным эффектам тогдашней батальной живописи. Изредка встречаются в этот период среди картин В. и религиозные сюжеты: кроме странной аллегории, изображающей привязанного к колонне Христа (Лондонская галерея), полное глубокого трагизма «Распятие» и своеобразное «Коронование Мадонны», отличающееся характерными грузными формами и сочным колоритом (обе в Мадридской галерее). Вероятно, в середине 30-х гг. была написана картина «Отшельники Антоний и Павел в пустыне» (галерея Прадо), в которой особенно поражает пейзаж. Положение В. при испанском дворе оказалось в материальном отношении мало выгодным: длительные перерывы в уплате за исполненные работы стали к тому времени совершенно обычными явлениями в королевском хозяйстве. Король старался хоть отчасти удовлетворить претензии своего живописца назначением его на придворные должности, отвлекавшие В. от художественных работ. Число произведений мастера в течение последних двух десятилетий его жизни сильно уменьшается. Особое место среди картин занимают портреты королевских шутов (Мадридская галерея): вызывая симпатии зрителя к этим уродливым, несчастным людям, Веласкес, всегда одинаково далекий от лести и от насмешки, обнаружил в этих шутовских портретах всю силу подлинно творческого искусства.

В 1649 В., по поручению короля, снова отправляется в Италию, гл. обр., с целью приобретения картин великих итальянских мастеров для Королевской галереи. Соприкосновение с итал. искусством вновь оказало благотворное влияние на творчество В. Первым произведением его последней манеры следует считать знаменитый портрет папы Иннокентия X (в галерее Дория в Риме), сочетающий правдивость изображения личности с редкой прелестью красочной симфонии (оригинальный эскиз портрета принадлежит Эрмитажу). Во время этого же пребывания в Риме В. написаны были два вида виллы Медичи, замечательные импрессионистической свободой письма. После возвращения в Мадрид, в 1651, В. был занят, преимущественно, писанием портретов членов королевской семьи (в частности, второй жены Филиппа IV, Марии Анны Австрийской). Несмотря на мало привлекающее лицо молодой королевы и безобразную моду того времени, живописное мастерство В. сумело и в этих портретах создать красочные симфонии поражающей силы. Неоднократно В. в эти годы писал

короля (галерея Прадо, Национальная галерея в Лондоне, хорошее повторение первого в Эрмитаже). «Венера перед зеркалом» (Национальная галерея в Лондоне), относящаяся к этому же времени, занимает среди произведений художника совершенно обособленное место. В ее натуралистическом контуре и в красочной полифонии более чем где-либо чувствуется противоположность живописно-импрессионистического направления В. пластическому подходу итальянцев к решению аналогичных задач. Возможность для В. согласовать это его направление с действительной монументальностью изображения доказывается двумя большими холстами последнего периода творчества В. Первый из них, именуемый «Las Meninas» («Фрейлины», галерея Прадо), по сюжету изображает сценку из жизни двора: Веласкес пишет портрет инфанты Маргариты, окруженной фрейлинами и карликами, в присутствии ее родителей. В эту случайную сценку В. вложил свой редкий дар изображения сущности человеческого характера. По возрасту изображенной инфанты картина должна быть отнесена к 1656. Судя по технике, очевидно, вскоре после нее была написана другая большая картина В., именуемая «Las Hilanderas» («Ткачихи», — также в галерее Прадо). По заданию она должна была изобразить посещение придворными дамами Мадридской шпалерной мануфактуры, но для В. этот сюжет послужил предлогом скомпоновать великолепную симфонию света и цвета, основной эффект которой определяется полными красоты и силы фигурами работниц в полутемном, эффектно, но вполне естественно, освещенном помещении. Первая по времени в европейском искусстве картина из фабрично-рабочей жизни стала и одним из самых ранних памятников европейского живописно-монументального искусства.

По своему положению в испанском искусстве В. занимает совершенно особое место. В его произведениях живопись впервые оторвалась от религиозных предпосылок, к-рые играли всегда такую большую роль в Испании. Тем самым она превратилась в искусство, разрешавшее ряд чисто формальных проблем, ни в какой мере не связанных с католическим мистицизмом. Реалистическое, сдержанное, скупое на внешние эффекты, но гениальное по силе своей выразительности искусство В. отразило те светские настроения, которые проникли ко второй четверти 17 в. даже в наиболее консервативные круги испанского общества. Живописные приемы В. отличаются поразительным лаконизмом. Он никогда не перегружает своих композиций, никогда не теряется в деталях. Подчеркивая лишь главные моменты события, В. неизменно выдвигает их на первый план, придавая им монументальную значительность. Столь же лаконична и его палитра, базирующаяся на строгих, сдержанных тонах, удачно оттеняющих основные композиционные линии и массивы. В. оказал сильнейшее влияние на весь последующий ход развития европейской живописи. Многие талантливые художники обращались к

изучению его творчества, всегда дававшего стимулы к освобождению от романтической мишур и искусственной стилизации. Особенно многим были обязаны В. два крупнейших художника 19 в.—*Курбе* и *Мане* (см.).

Лит.: На рус. яз. имеются бесцветные монографии С. Бенсюзан, Веласкес, М., 1910, и Э. Фор, Диего Веласкес, СПб., 1913. На иностр. языках: W. Stirling, Velazquez and his works, L., 1855 (франц. перевод с добавлениями W. Burger, P., 1865); M. B. Curtis, Velazquez and Murillo, L. and N.-Y., 1883; Carl Justi, Velazquez und sein Jahrhundert, Bonn, 1888, 2 Aufl., 1903 (лучшая работа); Émile Michel, Velazquez, «Revue des Deux Mondes», 1894; W. Armstrong, The Life of Velazquez, The Works of Velazquez. Portfolio Monographs, №№ 28 и 29, L., 1896; M. Romanos, Velazquez fuero del Museo del Prado, Madrid, 1899; R. A. M. Stevenson, The Art of Velazquez, L., 1895 (ориентировано одностронне импрессионистически); A. Beruete, Velazquez, французское издание (с предисловием L. Bonnat), Paris, 1898, немецкое издание под редакцией Joga, Berlin, 1909 (отличные воспроизведения); H. Kegerer, Velazquez, München, 1920; Klassiker der Kunst, Band VI, Velazquez, 4 Auflage, Berlin und Stuttgart (1925) (сборник воспроизведений); A. L. Mayer, Geschichte d. spanischen Malerei, 2 Auflage, Lpz., 1925; V. Loga, Die Malerei in Spanien, vom XIV bis zum XVIII Jahrh., Berlin, 1923. *Дис. Шмидт.*

ВЕЛЕБИТ, горная цепь в Юго-Славии, на северо-восточном побережье Адриатического моря. Главная вершина—Ваганский верх (1.758 м).

ВЕЛЕНЕВАЯ БУМАГА, плотная, хорошо глазированная бумага, получившая название от ее сходства с пергаментом, называемым по-французски *vélin* (см. *Велень*).

ВЕЛЕНСКИЙ, Пий (род. 1849), польский скульптор. Обучался в Петербургской академии художеств, где получил две золотых медали и заграничную командировку. В 1877 путешествовал по Италии, Германии и Франции. Нек-рое время жил в Риме и затем вернулся в Варшаву. С 1904 управлял Варшавскими рисовальными классами. Типичный представитель академического натурализма конца 19 в. Главнейшие произведения В. находятся в музее Кракова—«Гладиатор», «Ян Кохановский», портрет Листа и другие. В Москве и в Ленинграде также имеется ряд его капитальных работ—«Смерть Актеона», «Гладиатор на арепе», «Баян», «Иоанн Креститель» и др.

ВЕЛЕНЬ (франц. *vélin*, от *veau*—теленок), тонкий, гладкий, белый (без желтизны) пергамент, выделяемый из кожи молодых телят и отличающийся ровным строением; у древних греков и римлян шел на роскошные манускрипты, в новое время употребляется для нек-рых видов живописи.

ВЕЛЁПОЛЬСКИЙ (Wielopolski), Александр, маркиз Гоизага-Мышковский (1793—1877), выдающийся польский политический деятель. Аристократ и помещик, воспитанный за границей, В. был сторонником просвещенного абсолютизма, как единственного пути к выведению Польши из мелко-шляхетского партикуляризма и анархии. Единственную силу, способную провести в жизнь эту программу, он видел в русском царизме. Эта программа В. соответствовала интересам польского крупно-поместного дворянства, но она далеко опережала реальные возможности этого класса. Реальной она стала лишь в конце столетия, когда ее проведение взяла на себя польская буржуазия. В эпоху В. еще слишком сильно было влияние мел-

кой шляхты с ее ярким национализмом и своеобразным демократизмом, и аристократия, как целое, не могла открыто поддерживать царское правительство, боясь изолировать себя от «нации». Поэтому В., человек большого ума и сильного характера, в своей деятельности не знал удач. Избранный в 1830 в сейм Царства Польского, он принадлежал к консервативной партии, склонявшейся к соглашению с Россией. Во время восстания 1830—31 он получает от польского правительства дипломатическую миссию в Лондон для хлопот о посредничестве, но не имеет успеха. Несколько лет спустя после подавления восстания, В. по амнистии возвращается в страну. В 1846 он пользуется построенной австрийским правительством резней польской шляхты крестьянами в Галиции для того, чтобы в анонимной брошюре «Lettre d'un gentilhomme polonais au prince Metternich» (Письмо польского дворянина князю Меттерниху) выступить с призывом к полякам поддерживать Россию, как единственное государство, способное объединить все славянство. Его непопулярность в Польше, созданная ему личной неуживчивостью и высокомерием, после этого выступления еще усиливается. В 1861, когда варшавское Земледельческое общество, по примеру русских дворян, решило обратиться к царю со своим мнением о реформах, В. предложил адрес с требованием конкретных умеренных реформ исключительно для Царства Польского; адрес, однако, был отклонен. Тогда В. проникает к наместнику Горчакову, склоняет его принять программу, начертанную в адресе, и предложить ее правительству. Обеспокоенное начавшимся движением в Польше, правительство соглашается уже 14 марта издать указ, по которому Царство Польское получило местное самоуправление, школьную реформу, административный совет из местных граждан. Заняв влиятельное место в управлении, В. провел ряд прогрессивных реформ (равноправие евреев, перевод крестьян с барщины на оброк, улучшение школьных дела, открытие Главной школы, впоследствии ставшей университетом), но своим деспотизмом, а отчасти и самими реформами, вызвал новое недовольство в обществе. Прибегнув к закрытию Земледельческого общества, он доводит дело до кровопролитных столкновений. Не поладив с наместником Ламбертом, провоцировавшим конфликт с духовенством, В. просит отставки. Однако, на это царское правительство, в виду все усиливающейся волны демонстраций, не могло пойти. В. вызывается в Петербург, получает ряд новых реформ и становится 8 июня 1862 главой гражданской власти и заместителем председателя Государственного совета Царства Польского. Оказалось, однако, что реформы не могут остановить роста национального движения. В поисках выхода, В. решается провоцировать преждевременный взрыв, надеясь легко подавить его, и устраивает 3 января 1863 неожиданный рекрутский набор для того, чтобы лишить движение самого боевого элемента. Однако, взрыв разрастается в восстание. Сломленный этим крушением всего дела

своей жизни, Велёпольский выходит вотставку; остаток жизни он провел в Дрездене.

Лит.: С п а с о в и ч, В. Д., Жизнь и политика маршала Велёпольского, СПб., 1882; Н. L i s i e k i, Aleksander Wielopolski 1803—1877, t. I—III, Kraków, 1878; V. M i c k i e w i c z, Czartoryski, Wielopolski et Mierostawski, Paris, 1863.

Л. Домский.

ВЕЛЕС (Wöhler), Фридрих (1800—82), выдающийся немецкий химик, ученик Гмелина и Берцеллуса, с 1836—проф. химии Геттингенского ун-та. В. принадлежит огромный ряд выдающихся исследований и открытий в области неорганической и органической химии. В 1822 он открывает циановую кислоту и устанавливает ее состав, оказавшийся идентичным с составом открытой почти одновременно Либихом гремучей кислоты, чем было положено начало теории *изомерии* (см.). По этому поводу между В. и Либихом завязалась тесная дружба, и большое число работ они провели совместно. В 1824, выпаривая аммиачную соль циановой кислоты, В. получил кристаллическое вещество, которое, как он доказал в 1828, представляло собою синтетически полученную мочевины. Это открытие обесмертило имя В., как ученого, впервые доказавшего возможность синтетического получения продуктов животного обмена веществ и этим нанесшего непоправимый удар виталистическим идеям. Из дальнейших исследований В. по органической химии замечательны: классическая работа 1832 (совместно с Либихом) над маслом горького миндаля, в результате которой было прочно установлено понятие химического радикала, как неизменно связанной группы атомов; работа 1842 над введенной в желудок бензойной кислотой, которая, соединяясь с гликоколем, выделяется в моче в виде гиппуровой кислоты (пример синтетического процесса в животном организме); в работе 1863 над соединением кремния с кислородом и водородом В. показал, что это сложное соединение может быть рассматриваемо как органическое тело, в к-ром кремний играет роль углерода; далее важны изучение строения амигдалина, получение аллантонина, аллоксанина, гидрохинона и мн. др. В области неорганической химии В. принадлежит: выделение бериллия из бериллиевой земли, получение чистого железа, металлического вольфрама, чистого титана (совместно с Сен-Клер Девиллем), металлического кобальта и мн. др.

Главные работы: Grundriss der unorganischen Chemie, 15 Aufl., Lpz., 1873; Grundriss der organischen Chemie, 10 Aufl., Lpz., 1877; Mineralanalyse in Beispielen, 2 Aufl., Göttingen, 1861; Künstliche Bildung des Harnstoffes, «Poggendorff's Annalen», XII, 1828. Большеинство эксперимент. работ В. появилось в «Анналах» Поггендорфа и Гильберта. Подробн. список работ см. в «Poggendorff's Biographisch.-Literarisches Handwörterbuch», B. II, Lpz., 1863, и B. III, Lpz., 1898.

Лит.: А. В. в о н Н о f m a n n, статьи в «Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft», XV, 1882, XXIII, 1890; «Fr. Wöhler's Jugendbildniss in Briefen

(in K a h l b a u m's «Monographien zur Geschichte der Chemie»), Lpz., 1900; «Aus J. Liebig's u. F. Wöhler's Briefwechsel», 2 B-de, Braunschweig, 1888; J. B e r z e l i u s u. F. W ö h l e r, Briefwechsel, herausgegeben von O. Wallach, 2 B-de, Lpz., 1901. М. Блох.

ВЕЛЕС, древне-русское дохристианское божество, см. *Волос*.

ВЕЛЕС (турец. Кёпрюлю), македонский город Юго-Славии, при р. Вардаре, на ж. д. Ниш—Салоники; 20 т. жит. (1920). В городе и в окрестностях шелководство, виноградарство и виноделие. До 1912 В. принадлежал Турции, после Балканских войн 1912—13 перешел к Сербии, в империалистскую войну был долгое время оккупирован германо-болгарскими войсками; в сент. 1918 занят войсками Антанты.

ВЕЛЕСЛАВИН, Даниил Адам (Daniel Adams z Veleslavina, 1545—99), чешский «архитипограф» и писатель. По его имени названа целая эпоха—«век Велеславина», с ее многочисленными изданиями, прекрасными по внешности, написанными отточенным стилем «высокой чештины». Тщательной обработкой языка как в собственных своих трудах, так и в редактируемых и издаваемых им сочинениях, В. много сделал для выработки чешского литературного языка и оказал большие услуги чешской литературе и образованию. Велеславин, мистр (магистр) свободных наук, преподавал несколько лет в Пражском ун-те; затем занялся типографским делом. Из типографии В. вышли ценные книги по истории, праву, по языкознанию. Некоторые книги писались им самим (так, им было составлено 4 словаря для латинских школ), другие же были переведены, исправлены или дополнены В. («Две хроники об основании Чехии», «Politia historica», 5 книг по праву).

ВЕЛЕС-МАЛАГА (Vélez-Málaga), город в испан. провинции Малага; 24 т. ж. (1923). Расположен на юж. склонах хребта Сьерра-Альгата, в 5 км от Средиземного моря и в 35 км к северо-западу от г. Малаги (соединен ж. д.). Культура южных фруктов, виноделие; в окрестностях—плантации сахарного тростника.

ВЕЛИГЕР («п а р у с о н о с е ц», от лат. velum—парус), личинка моллюсков (морских двустворчатых, многих брюхоногих, особенно передне- и заднежаберных); обладает особым органом движения: предротовой венчик ресничек расположен на особом сократимом выступе кожи—парусе (см. *Велум*), к-рый у брюхоногих вытянут в 2—4—6 лопастей. Подробнее см. *Моллюски*.

ВЕЛИЖ, г., районный центр Великолуцкого окр. Ленинградской обл., на Зап. Двине, пристань; 10.421 ж. (1926). Промышленность мелкая. Рабочие составляют 26% всего самостоятельного населения (1923). В. возник в 16 в. как «город от литовской Украины», имел значение крепости, в 16 и 17 вв. переходил от Москвы к Польше и обратно. Присоединен к России в 1772. До мировой войны играл заметную роль по сплаву в Ригу хлеба и льняного семени.

ВЕЛИЖСКОЕ ДЕЛО, один из крупных процессов по обвинению евреев в преступлениях с ритуальной целью. Возникло в местечке Велиже Витебской губернии в 1823

и закончилось в 1835. В 1823 в Велиже был найден мертвым малолетний сын солдатки Ивановой Федор. Убийцы ребенка не были найдены. Родные убитого заявили, что они подозревают в убийстве евреев. Был арестован ряд евреев, и начато дело по обвинению их в убийстве христианского младенца с ритуальной целью, несмотря на то, что, по указу царя от 6 марта 1817, возбуждение подобного рода дел было воспрещено. Главный суд г. Витебска дело прекратил. Однако, под давлением витебского генерал-губернатора, дело было возобновлено по распоряжению имп. Александра I. Нашлись подставные свидетели из христиан, к-рые заявили, что сами, якобы, участвовали в преступлении совместно с евреями. В. д. снова был придан характер «ритуального» процесса. В связи с ним возник ряд дел подобного же рода в других городах Западного края. По повелению имп. Николая I, Велижское дело было передано в сенат, а затем в Государственный совет, где оно разбиралось под руководством либерального графа Мордвинова (см.). Мордвиновым были составлены по делу заключение и записка, в к-рых он писал, что источник обвинения против евреев—злоба и древнее против них предубеждение. Гос. совет присоединился к точке зрения Мордвинова, дело прекратил и подтвердил «высочайшее повеление» 1817. Евреи, арестованные по В. д. и просидевшие в тюрьме ряд лет, были выпущены на свободу.

Лит.: Гессен, Ю., Из истории ритуальных процессов. Велижская драма, СПб, 1905.

ВЕЛИЗАРИЙ (505—565), византийский полководец эпохи Юстиниана. Совершил ряд походов в Персию, Африку (где разгромил царство вандалов), Италию (взял Рим и в течение года выдерживал в нем осаду готов). Популярный среди солдат, храбрый и удачливый воин, обладавший несметными богатствами, В. казался очень подозрительным Юстиниану, к-рому оказал большую услугу подавлением в Константинополе опасного восстания, известного под названием «Ника» (532). После неудачной войны в Италии В. впал в немилость и был отозван из армии. Существует легенда, исторически неверная, будто Юстиниан велел ослепить Велизария, и он должен был просить милостыню.

Лит.: Диль, Ш., Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке, СПб, 1908.

ВЕЛИКАНОВИЧ (Velikanović), Исо (род. 1869), видный хорватский писатель, с 1918—редактор «Матицы Хорватской» и издатель юмористического журнала «Кнут» (1904—1906). Впервые выступил в 1889 в альманахе «Звонимир» («Zvonimir») и в 90-х гг. печатал в журн. «Venac» и «Nada» стихотворения, повести и комедии, вошедшие в репертуар театра в Загребе: «Женихи» («Prosci», 1896), «Сваговство» («Posvatovsci», 1900) и др. Литературная манера В. сложилась в переходный (от религиозно-традиционного к модернизму) период хорватской литературы. Великанович известен также как автор юмористической поэмы «Умыкание невест» («Otmica», 1901) и «Сремских рассказов» (Срем — его родина) и как переводчик-популяризатор европейских классиков.

Переводы англ., испан., франц., чешск. и нем. классиков, В. все-таки больше всего тяготел к рус. и польским. Замечательны его переводы Пушкина («Борис Годунов»), Мицкевича, Толстого («Крейцера соната»), Гоголя («Мертвые души»), Достоевского («Идиот», «Униженные и оскорбленные»), «Преступление и наказание»), Салтыкова-Щедрина («Господа Головлевы»), Мережковского («Сумерки богов»).

Лит.: M. R a d o š e v i ć, Srijemske priče. Savremeni X, 1915; J. K r i ć, Narodne Novine, 1902, br. 68; J. H r a n i l o v i ć, Venac, 1902. Г. Полюков.

ВЕЛИКАНЫ, люди ненормально высокого роста, к-рый обычно сопровождается и другими аномалиями развития (см. *Гигантизм*). В. нередко фигурируют в мифах разных народов (напр., Атлант в греч. мифологии), в легендах и сказаниях (напр., в сказаниях о Карле Великом с великаном сталкивается Роланд), в народной поэзии—героическом эпосе (напр., в русской былине об Илье Муромце и Идолище Поганом; В-м былина рисует, м. пр., Святогора), в сказках (нем. сказка о В-е в семимильных сапогах, русские сказки о Вырвудубе), наконец, в индивидуальной поэзии (страна гигантов у Свифта в его «Путешествия Гулливера»). В., по мифам и легендам, борются с богами, похищают сокровища, зарывают их в землю и зорко охраняют от предприимчивых искателей кладов; нередко, по этим сказаниям, встречаются В.-людоеды. Деятельностью В. легенды объясняют происхождение гор, землетрясений и т. д. В-ам приписывали возникновение кузнечного ремесла, устройство высоких стен вокруг города из огромных камней без применения цемента—т. н. «циклопические постройки» («циклопы» — одноглазые великаны). Нередко в народных сказаниях, легендах и в индивидуальной поэзии встречается мотив столкновения В. с человеком нормального роста и сил, при чем победа остается на стороне последнего (в Библии—Голиаф и Давид, у Гомера—Полифем и Одиссей, у Уланда—великан и Роланд-оруженосец, и т. д.).

ВЕЛИКАЯ, река, впадает в Псковское оз. в 17 км ниже Пскова, начинается из оз. Малый Вяз, по выходе из которого протекает подряд через 18 мелких озер; дл. 427 км, ширина до 110—200 м, в устье, ниже Пскова, ширина доходит до 1 км, глубина до 6—10 м. В верхнем течении В. глубоко врежется в моренные гряды и имеет быстрое течение, ниже прорывается сквозь выступы известняковой плиты и образует пороги (Выбутский). При впадении образует дельту из 50 о-вов. Ниже Пскова—оживленное судорожество, поддерживающее связь с пристанями Псковского и Чудского озер; на 24 км выше возможен лишь сплав леса. В 1925 прибыло на все пристани реки В. 30.294 т лесных строительных материалов и 7.915 т дров. Замерзает В. в 20-х числах ноября, вскрывается в половине апреля.

ВЕЛИКАЯ ГРЕЦИЯ, так в древности назывались чаще всего греч. колонии вокруг Тарентского залива, иногда и все греческие колонии юга Италии; изредка сюда включали и Сицилию.

ВЕЛИКАЯ ПОЛЬША (Wielko-Polska), область, некогда составлявшая ядро Польши; до 1772—одна из 3 провинций Речи Посполитой; состояла из 13 воеводств, группировавшихся вокруг древней столицы Гнезно;

из них собственно В. П. составляли два воеводства—Познанское и Калишское (см. *Польша*, историч. карта). В наст. время В. П.—лишь исторический термин и в географической литературе не употребителен.

«ВЕЛИКАЯ РОССИЯ», белогвардейская газета, издавалась в Екатеринодаре с конца 1918 по март 1920, вначале под редакцией известного монархиста В. В. *Шульгина* (см.), а впоследствии—б. члена Государств. думы, прогрессиста Н. Н. *Львова* (см.). Первоначально газета выходила под названием «Россия», а затем, после закрытия ее кубанским краевым правительством, была переименована в «В. Р.». Пользовалась большим влиянием на политику Деникина и наиболее решительно проповедывала программу полного восстановления помещичьей собственности и реставрации монархии. Широко распространялась среди добровольческого офицерства, пользуясь поддержкой высшего командования. «В. Р.» представляет собой один из наиболее полных и ценных источников для истории деникинщины.

Лит.: Р о з - в. Г., Белая печать на юге России в 1918—20 гг., «Былое», № 6(34), 1925.

ВЕЛИКАЯ СТЕНА (по-китайски—В а н ь л и - ч а н - ч е н, «стена длиной в десять тысяч ли»), исключительное по своей грандиозности оборонительное сооружение в сев. Китае; была начата постройкой в 213 до хр. эры императором циньской династии Ши Хуан-ди для защиты китайской территории от гуннов (Сюн-ну) и для охраны торгового пути в Центральную Азию, шедшего через провинции Гань-су и Шань-си. В 16 в. В. с. была удлинена приблизительно на 450 км. Общее протяжение ее около 2.400 км. Начинаясь у Шань-хай-гуаня, на побережье Ляо-дунского залива, близ границы Китая и Манчжурии, В. с. идет на Запад, проходя в 55 км к С. от Пекина; пересекает пров. Шань-си, Великая стена тянется далее вдоль границы Китая и Монголии, местами образуя пограничную линию, местами следуя параллельно ей на нек-ром расстоянии; оканчивается в пров. Гань-су, к З. от Су-чжоу. В. с. имеет два ответвления: одно на В., отделяет большую часть пров. Чжи-ли от пров. Шап-си, другое на З., отходит на Ю.-В. в пределах пров. Гань-су. Высота В. с., в среднем, 5—10 м. Приблиз. через каждые 200 м устроены башни до 13 м высоты. При постройке стены употреблялись, в зависимости от местных условий, камень, кирпич и земля. В местах, где опасность вторжения была особенно велика, гл. обр., на В., а также в долинах, В. с. была облицована кирпичом, благодаря чему лучше сохранилась. Снаружи В. с. обведена рвами. У главных застав Великой стены—Шань-хай-гуань, Калган, Янь-мынь и Цзя-юй-гуань—до сих пор содержатся военные посты.

Н. Попов-Гаттиса.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1789—99), см. *Франция*, история.

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ (Magna Carta), хартия или грамота, к-рую англ. бароны заставили подписать 1215 короля Иоанна Безземельного в Реннимеде (состоит из 63 статей). Такие хартии издавались и ранее Генрихом I и Генрихом II и во

многом имели то же содержание, но ни одна из них не приобрела такой славы, как В. х. В эпоху борьбы землевладельческих и городских классов Англии в 16 и, особенно, 17 веках, прежде чем эта борьба пошла по определенно революционному руслу, на В. х. часто ссылались, как на невыблемую часть английской конституции. Высокая оценка ее и в правовом и в политическом отношениях сделалась общепризнанной у английских историков и юристов либеральной школы. Они обращали внимание на то, что в В. х., якобы, сказались высокий политический уровень англ. общества 13 в. и способность отдельных групп его жертвовать своими эгоистическими интересами для общего дела. Вместе с тем, она выгодно отличается своим практическим характером от позднейших отвлеченных деклараций прав. Этот взгляд на В. х. с некоторыми оговорками проводится и в классической конституционной истории Англии Стеббса. Его воспринял блестящий истолкователь «господства права» в Англии Дайси. В дальнейшем изучение В. х., однако, все более вскрывало силу феодальной - аристократических стремлений, которые в ней запечатлелись, и ограниченность ее классовой основы. Хартию начинают рассматривать как плод феодальной реакции, хотя бы и прикрытой фразами, которые могут ввести в заблуждение современного юриста и государствоведа. С этой точки зрения, наиболее замечательный анализ Великой хартии был дан в монографии Мак-Кечни.

Несомненно, В. х., если даже совершенно рассеять политическую легенду, которая ее окутывала, остается весьма важным этапом классовой борьбы, приведшей к созданию парламента и конституции. В эпоху до норманского завоевания (1066) в Англии уже сложился довольно крепкий феодально-помещичий строй, хотя под ним сохранялись местные союзы и местное представительство, участвовавшее в обложении и в суде. Норманское завоевание довершило феодализацию. Однако, в Англии не образовалось такого распыления власти, при котором, по средневековой франц. поговорке, всякий сеньер (помещик) является государем в своем поместьи. Королевская власть, опираясь на прибывших с нею норманских магнатов, оказалась достаточно сильной, чтобы произвести перераспределение земельных владений, предупредившее их чрезмерное скопление в одном сплошном участке и в одних руках, и сама, в результате конфискаций, приобрела крупнейшие земельные имущества. Она начала нарушать те права феодалов-землевладельцев, которые закреплены были за ними обычаям, и в особенности брать с них поборы, далеко выходящие за очень скромные пределы дозволенного в этом отношении феодальным обычным правом. Началась борьба, в к-рой бароны, владевшие своими землями на праве держания их непосредственно от короля, должны были искать союзников и нашли их, прежде всего, в менее крупных землевладельцах, которые держали свои земли уже от баронов. Требуя от

королей отказа от незаконных и преувеличенных поборов, они и сами принимали подобные обязательства по отношению к своим вассалам. Вместе с тем, они привлекли на свою сторону и духовных землевладельцев.

Злоупотребления Иоанна, сына Генриха II, его поборы и конфискации, производившиеся и среди светских и среди духовных владельцев, вызвали вооруженное столкновение, в которое вассалам короля удалось вовлечь и своих собственных вассалов, и высшие церковные круги, и крупное купечество. В результате король должен был уступить и издал требуемую грамоту, сделавши лишь во вступлении к ней оговорку, что она отнюдь не исторгнута насильем, а дана королем по вступительному побуждению, ради спасения его души, возвышения святой церкви и улучшения своего королевства. Хартия гарантирует права и вольности церкви, невмешательство в церковные выборы, подтверждает права феодалов, держащих свои земли от короля, в смысле отказа от произвольных и преувеличенных сборов, от злоупотребления опекой над имуществом несовершеннолетних феодалов и т. д. В дальнейших статьях строго определяются финансовые и др. обязанности этих держателей королевских земель, не допускается принуждение их к уплате денег вместо несения военной службы и т. д. Высший королевский суд не должен изымать дела из феодальных судов, куда они внесены, и разрешать их самовольно, лишая, т. о., феодальных владельцев их судебного дохода. В этой статье ясно видно ослабление королевского суда, который при Генрихе II был противопоставлен феодальному.

В. х. существенно ограничивает фискальные притязания короля некоторыми строго определенными случаями. Другие налоги и сборы могут предоставляться королю лишь с согласия «Общего совета королевства» (ст. 14), состоящего из непосредственных вассалов короля, т. е. из наиболее крупных землевладельцев, что весьма подчеркивает феодально-аристократические тенденции В. х. Наконец, знаменитая статья 39-я, согласно которой ни один «свободный человек» не может быть лишен свободы или имущества, или объявлен вне закона, или изгнан иначе, как по законному приговору суда равных, имеет феодально-классовый характер, будучи предназначен охранять баронов от попыток королевской мести. Ибо «свободный человек», о котором говорится в В. х., вовсе не есть свободный гражданин конституционных актов эпохи, начинающейся с Французской революции. «Свободный человек» В. х.—это феодальный землевладелец или привилегированный горожанин. Самый принцип суда равных есть принцип чисто феодальный. Вместе с тем подтверждаются древние вольности Лондона и других городов (ст. 13). Подтверждается право купцов свободно выезжать из Англии и въезжать в нее, вести торговлю без каких-либо притеснений; только во время войны купцы враждебного государства подвергаются задержанию без вреда для их здоровья и имущества,

и то лишь до тех пор, пока не выяснится, что и английские купцы, находящиеся во враждебной стране, не подвергаются каким-либо неприятностям (ст. 41). Не забыта хартия упомянуть о необходимом для торговли единообразии мер и весов. Все уступки, исторгнутые у королевской власти, закрепляются в ст. 61, по которой комитет из 25 баронов наблюдает за исполнением В. х. Если король будет ее нарушать и не послушается сделанного ему предупреждения, то, по истечении 40 дней, комитет должен организовать вооруженное сопротивление, при чем могут быть захвачены земли и имущества короля, но только должна остаться неприкосновенной его личность, как и его семья. Здесь узаконяется и обставляется юридическими формами право восстаний, что можно встретить и в ряде других средневековых памятников (в венг. Золотой булле 1222, в арагонской «привилегии унии» 1287, в иерусалимских ассизах). В. х., в общем, ничего не говорит о вилланах, т. е. о всей массе зависимого, несвободного сел. населения Англии, и ничего им не дает, за исключением ст. 20, где прямо говорится, что у виллана в порядке штрафа нельзя отнять его земледельческого инвентаря. Очевидно, это ограничение в такой же мере охраняло виллана, как и его господина, на которого виллан работал и интересы которого, прежде всего, защищаются хартией.

Политическое значение В. х. сказывается в той упорной борьбе, к-рая ведется и при жизни Иоанна и после него за ее подтверждение, и в не менее упорных попытках, с другой стороны, при этих вынужденных подтверждениях, исключить, по крайней мере, статьи, наиболее ограничивающие королевское полномочие. Лишь закон (статут) 1369 установил, что В. х. «должна соблюдаться во всех своих статьях, и если какой-нибудь статут будет издан в ее нарушение, он должен считаться не имеющим силы».

Лит.: Петрушевский, Д. М., Очерки из истории английского государства и общества в средние века, ч. 1, СПб, 1904; его же, Великая хартия вольностей, М., 1915, 2 изд., М., 1918; W. Stubbs, Constitutional History of England, vls I—III, Oxford; его же, Select Charters, 8 ed., London, 1895; F. Pollock and F. W. Maitland, History of English Law, vls I—II, 1898; W. S. Mac Kechnie, Magna Carta. A Commentary of the Great Charter of King John, 1905. С. Котляревский.

ВЕЛИКИЕ ГАЙДУКИ (Wielkie Hajduki), бывш. Бисмаркхютте, фабричный пригород города Крулевска Гута (быв. Кенигсхютте) в части Верхне-Силезского промышленного района, отошедшей в 1921 из состава немецкой Верхней Силезии к Польше; 27 тысяч жителей (1921). Крупные металлургические заводы, каменноугольные копи, химическая промышленность.

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ, политический термин, означающий государства с наибольшими материальными ресурсами и наибольшим международным весом. Формирование современных В. д. завершилось лишь к концу 19 века. Перед империалистской войной в их состав входили три старейшие В. д. Европы — Австро-Венгрия, Англия и Франция, — Россия (с Ништадтского мира 1721), Германия (с Аахенского конгресса

1818 и до 1871—Пруссия), Италия (со времени объединения итал. областей в 1867), Соедин. Штаты Америки (со времени гражданской войны 1865) и, наконец, Япония (после победы над Китаем в 1895). Несмотря на провозглашение международным правом формального принципа равенства государств независимо от их размеров и силы, перечисленные В. д. фактически заняли господствующее положение в отношении всех остальных стран. Решения, принятые совместно несколькими из них, стали приобретать значение международно-правовых норм, обязательных для всех. По окончании мировой войны Австро-Венгрия перестала вовсе существовать, Германия в первые годы была лишена возможности вести какую бы то ни было самостоятельную внешнюю политику, а Россия после Октябрьской Революции резко противопоставляет себя всему капиталистическому миру. Самый термин В. д. в первые послевоенные годы почти не применялся, вытесненный термином «главные союзные и объединившиеся державы», введенным Версальским и др. мирными договорами — и обозначавшим 5 В. д.-победительниц. Под этим новым названием указанные В. д. обеспечили себе, в мирных договорах, ряд крупных формальных преимуществ (в частности, в статуте Лиги Наций). Германия, с момента своего вхождения в Лигу, снова вернулась в круг великих держав. Со времени переговоров о Локарнском гарантийном договоре (см. *Локарно*) термин В. д. снова стал употребительным в дипломатических документах. Ю. Ключников.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ, админ. центр *Великолуцкого округа* (см.) Ленинградской области, до середины 1927—уездный город б. Псковской губ.; расположен на реке Ловати (приток озера Ильменя). Узловой пункт на пересечении Московско-Балтийской и Октябрьской ж. д.; 19.624 ж. (1926). Промышленность и торговля незначительны. Ж.-д. мастерские с числом рабочих и служащих около 1.300 ч. (1923); кирпичный завод; 4 жерновых мельницы, электростанция, типография. В В. Л. имеется несколько крупных кооперативных объединений: союз промысловых, с.-х. и лесных артелей, союз с.-х. и кредитной кооперации (96 кооперативов с 8.731 участником в 1925), союз потребительских обществ.—В. Л. известны с середины 12 в. Наряду со Смоленском они были важной крепостью на литовской границе. Город сильно пострадал во время похода Батория и два года (1580—82) находился во власти поляков. В Смутное время был совершенно разорен и после уже не мог восстановить своего прежнего значения.

ВЕЛИКИЕ МОГОЛЫ, название, данное европейцами турецкой династии Бабуридов в Индии, водворившейся там в 1526,—происходит от имени «могулов», т. е. монголов, как персы называли бабуридов. Последние, наоборот, подчеркивали свое турецкое происхождение, никогда сами себя не называя монголами. В. м. правила в северной Индии до англ. завоевания 1761. После этого В. м. сохраняли свой титул, но не имели уже никакой власти. Во время

противо-английского восстания 1857 была сделана попытка вернуть им прежнее значение, но после подавления восстания последний великий могол *Багадур-шах* (см.) был лишен англичанами своего титула, арестован и сослан.

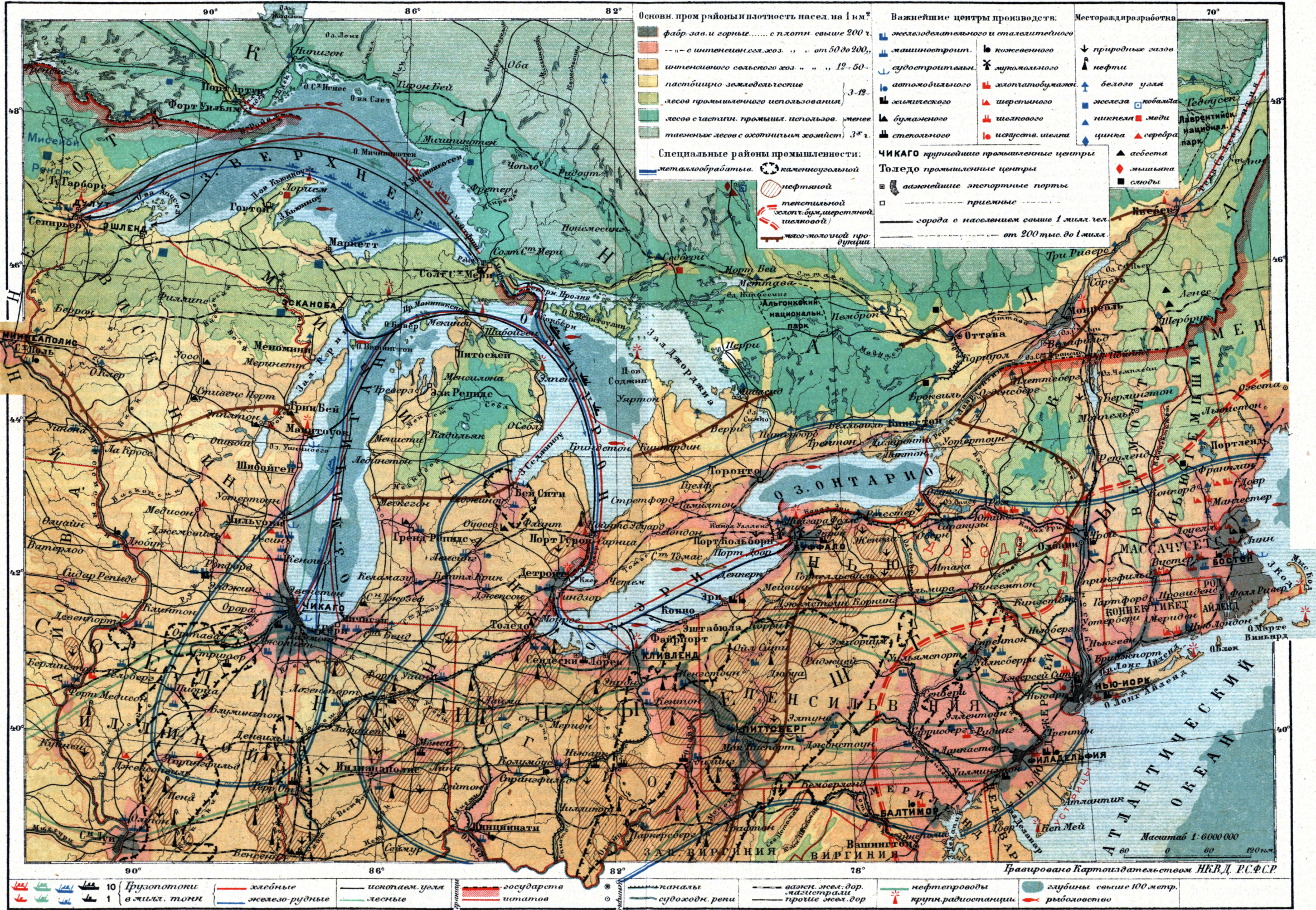
ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА, Сев. Америки (Верхнее, Гурон, Мичиган, Эри, Онтарио), система больших озер бассейна реки св. *Лаврентия* (см.), между Канадой и Соедин. Штатами. Они называются также *К а н а д с к и м и о з е р а м и*. Очень крупные в отдельности (Верхнее—самое большое по площади пресноводное озеро земного шара), В. о. в совокупности образуют целое внутреннее пресноводное море, связанное рекой св. Лаврентия и искусственными водными путями с Атлантическим океаном. По мощности грузооборота В. о. представляют величайший из внутренних водных путей всего мира. Общая поверхность пяти В. о.—245 тыс. км², объем воды в них исчисляется в 25 тыс. км³. Протяжение страны В. о. с запада на восток около 2 т. км, а непрерывного (благодаря каналам) водного пути по ним от зап. берега Верхнего оз. до Атлантического океана больше 3 т. км, что равняется длине Волги; ширина зоны В. о. с С. на Ю. около 1.000 км.

Географический очерк.

Средней параллелью области В. о. является 45° сев. широты, что соответствует Сев. Италии (Турин) и Крыму (Симферополь). Сев. побережья В. о. соответствуют по широте Эльзасу (Страсбург) и сев. Украине (Харьков), южные—средней Италии (Рим, Неаполь) и нашему Закавказью (Батум). Политическая граница между Канадой и Соединен. Штатами проходит, примерно, по середине всех озер и соединяющих их рек; только оз. Мичиган, представляющее как бы громадный, выдвинутый к югу залив озера Гурон, целиком входит в территорию Штатов. Использование гидроэнергии озер на соединяющих их реках, особенно на Ниагаре, урегулировано особыми соглашениями между обоими государствами. Положение озер между наиболее густо населенными и индустриально развитыми районами Канады и Соед. Штатов и создаваемый ими морской, по условиям навигации и типу судов, путь из глубины материка к Атлантическому океану делает бассейн В. о. крупным фактором экономической связи между Канадой и Штатами.

С запада на восток В. о. идут, все уменьшаясь по площади и понижаясь в абсолютной высоте над ур. м. Высшей ступенью этой грандиозной лестницы водных поверхностей является Верхнее озеро. Выше его лежит только озеро Нипигон (3.200 км²), расположенное на выс. 260 м над ур. м. и переливающее излишек своих вод в Верхнее озеро через р. Нипигон. Верхнее оз. соединено с оз. Гурон порожистой рекой Сент Мери с известным водоскатом (Sault Sainte Marie), по имени которого называются сооруженные здесь обводные каналы и расположенные при них два одноименных города *Солт Сент Мери* (см.), один на канадской, другой на северо-американской

ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА СЕВ. АМЕРИКИ

Б. С. Э. Проф. М. Силищенский. Издано в 1950 г. Типо-Лит. ВТУ. им. тов. Дзюбаева Москва.

Область Верхних озер — в общем невысокая, холмистая страна с гнейсовыми и гранитными берегами и островами на озерах, образующими,—главн. обр., в северной их части,—шхеры, напоминающие финляндские. Напоминают здесь Финляндию и разнообразны следы работы ледника как разрушительной и сглаживающей в одних местах, так и созидательной, нагромодившей моренные отложения, — в других. Сильные ветры, особенно северные, разводящие на озерах большую волну, и постоянный, неумолчный прибой у берегов создают на этих пресноводных морях не только картину настоящего моря, но и, как на море, разрабатывают берега, причудливо выдалбливая скалы и насыпая настоящие приморские песчаные дюны, достигающие в окрестностях Чикаго, на юж. берегу оз. Мичиган, высоты в 25 м.

Открытая с севера, как вся центральная равнина Сев. Америки, область В. о. отличается гораздо более суровым и континентальным климатом, чем соответствующие ей по широте зоны Европы, напоминающая в этом отношении климат Сибири. Лето здесь бывает жарче (особенно в зап. части), а зима много холоднее, чем в Зап. Европе. Канадский город Торонто на оз. Онтарио, по широте почти соответствующий Флоренции (средн. годов. +14°, ×), имеет годовую температуру +6°,8 (средняя января —5°,3, июля +19°,8); Порт Артур на Верхнем озере (широта Страсбурга) — годовую +1°,6 (средняя января —15°,1, июля +16°,7); Чикаго, лежащий на широте Рима, имеет среднюю температуру зимы на 11°,3 холоднее, чем Рим. Как видно из вышеприведенной таблицы, все протоки между озерами замерзают, в среднем, месяца на 4. То же касается и большей части береговой зоны Великих озер, за исключением южных, более мягких по климату, побережий озер Мичиган и Эри, а также середины больших озер, где замерзанию долго мешает сильное волнение.

По богатству и разнообразию древесной растительности область В. о. можно сравнить с Уссурийским краем Дальнего Востока СССР. Северо-западная канадская часть области особенно богата лесом, гл. обр., хвойных пород, как Веймутова сосна (*Pinus strobus*), смолистая сосна (*Pinus resinosa*) и др.; в средней широтной зоне распространены смешанные леса (к хвойным пришиваются лиственные породы — береза, рябина, клен); наконец, в южной, кроме разнообразных дико растущих лиственных деревьев, культивируются сахарный клен и виноградная лоза. В районе озер Эри и Онтарио особенно процветает садоводство, плодоводство и огородничество. Богатая пушшиной в эпоху европейской колонизации и борьбы с индейцами, область В. о. в настоящее время сохраняет разнообразных представителей животного мира в обширных и тщательно охраняемых заповедниках (Альгонский и Лаврентийский национальные парки в канадской провинции Квебек). Принимаются также в широком масштабе меры к возобновлению рыбных богатств водных бассейнов. Рыболов-

ство на озерах весьма значительно, как промышленное, так и спортивное. Наибольшее промысловое значение имеют сиг и озерная сельдь. В. Каменецкий.

Экономический очерк.

Экономическое значение В. о. определяется огромной мощностью ресурсов и разнообразностью развития экономики в прилегающих к ним областях Соединенных Штатов и Канады. В. о. протягиваются в длину между важнейшими с.-х. районами северо-американского Запада, выбрасывающими на рынок огромные количества хлеба, и промышленными районами Востока, притягивающими продукцию Запада. Исключительно велики ископаемые богатства, находящиеся в сфере притяжения В. о.: на С.-З. к ним прилегают величайшие в мире залежи железной руды, на Ю.-В. — богатые месторождения каменного угля; характер и положение ископаемых богатств неизбежно вызывают грандиозные перевозки по линии водных путей В. о. Наконец, естественные данные В. о. обеспечивают, при наличии необходимых искусственных сооружений, сквозное сообщение магистрального типа на расстояния свыше 3 тыс. км. Интенсивнейшие хозяйственные связи, втягивающие в сферу экономического влияния В. о. 45 милл. из населения Соед. Штатов и Канады, придают району В. о. огромное единство, перед к-рым отступает на задний план факт политического разделения района. Общие размеры грузооборота на В. о. за последние годы, отношение его к грузообороту всех водных путей Соединен. Штатов, а также соотношения внутренней и внешней торговли В. о. видны из следующих цифр (милл. т):

Годы	Грузооборот	В том числе		Весь грузооборот Соед. Штатов на водных путях
		внутрен. торговля	внешняя торговля	
1922	85,3	73,5	11,8	341,1
1923	113,8	100,5	13,3	433,6
1924	99,5	85,0	14,5	411,6

О месте системы В. о., как пути для грузовых потоков, в ряду др. крупнейших водных путей, можно судить по тому факту, что наиболее важный отрезок ее — Сент-Клер — Детройт (между озерами Гурон и Эри) почти вдвое превосходит по размерам грузооборота Суэцкий и Панамский каналы, вместе взятые.

В отношении мощности грузооборота зап. часть системы В. о. (оз. Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри и соединяющие их протоки и каналы) имеет громадный перевес над восточной (оз. Онтарио, р. св. Лаврентия и каналы шт. Нью-Йорк). Для направления основных грузопотоков В. о. характерно, что потоки, идущие к индустриальному приморскому Востоку, обладают большей мощностью, чем потоки, идущие на Запад, в глубь континента. Основную массу грузов В. о. составляют хлеб, железная руда и уголь.

Главные категории грузов, идущих по В. о. (в милл. т).

Годы	Жел. руда	Уголь	Хлеб и мука	Камень
1915	47,0	26,6	10,0	3,5
1920	59,4	26,8	6,1	7,0
1923	60,0	33,6	10,8	9,0

Хлебный поток В. о. образуется из масс пшеницы (яровой и некоторого количества озимой), отправляемой, преимущественно, из западных областей Канады (Манитоба, Саскачеван и Альберта) и северо-американских штатов Миннесоты и Сев. и Юж. Дакоты. Главные пункты погрузки—Порт Артур и Форт Уильям (канадский берег Верхнего озера), а также Дулут—Сепирьер (порты Соед. Штатов на Верхнем оз.). Пройдя каналом Солт Сент Мери (в 1924—13,6 милл. т хлеба и муки) в оз. Гурон, этот поток усиливается еще погрузкой пшеницы и муки в портах Мичигана (главн. обр., Чикаго и Мильуоки) и дает ответвление, идущее по ж. д. до Монреала и далее к океану; главной же массой он проходит в оз. Эри через систему реки Сент Клер, питая попутно порты Канады и Соедин. Штатов на оз. Гурон и Эри. Здесь он делится на две части: одна направляется на С.-В. и через Буффало, канал Уэлленд (вокруг Ниагарского водопада), озеро Онтарио и реку св. Лаврентия достигает Монреала, Квебека и выходит в океан, дав ветки к экспортным портам Сент Джону и Портленду; другая идет от оз. Эри по каналам и ж. д. на В.—к Бостону, Нью-Йорку, Филадельфии, Балтиморе, центрам как внутреннего распределения, так и экспорта.—Железный поток. Приблизительно в 160 км к С.-З. от Дулута, в шт. Миннесота, лежит гигантское месторождение железной руды Мисебе-Рендж, дающее ежегодно 60% всего железа, добываемого в Соедин. Штатах, и 25% мировой добычи его. Кроме того, в окрестностях оз. Верхнего имеются еще две менее мощных залежи, и несколько месторождений разрабатываются на севере полуострова Мичиган. В 1920 в штатах Миннесота и Мичиган добыли 58 милл. т железной руды, ок. 85% ежегодной добычи Соедин. Штатов и ок. 36% мировой добычи. Главный поток руды достигает Верхнего оз. в западном его углу; наиболее важными пунктами погрузки являются Дулут и Ту Гарборс; затем к этому потоку присоединяется руда, отправляемая через Сепирьер, Эшленд, Эсканобу и Маркет. Проходя через канал Солт Сент Мери в оз. Гурон, поток руды достигает наибольшей мощности, дает крупное ответвление (более 9 миллионов т) на оз. Мичиган, для промышленности Чикаго, Мильуоки и Гери, и достигает главной своей массой оз. Эри. Здесь этот поток разделяется на сотни струй, питая собой огромный металлургический район Пенсильвании и Огайо.—Угольный поток. Залежи высококачественного битуминозного угля имеются в сев. части штата Мичиган, неподалеку от оз. Гурон. Однако, значение этих залежей отходит на задний план перед ролью ги-

гантского угольного района, лежащего на В. и Ю.-В. от оз. Эри в штатах Пенсильвания (с центром в Питсбурге), Огайо и Западная Виргиния. В пятилетие 1917—21 здесь ежегодно добывалось 375 милл. т угля и антрацита (78% всей добычи Соед. Штатов и 40% мировой). Уголь из этого района составляет главнейший обратный груз для судов, доставляющих сюда по В. о. железную руду. Антрацит грузится, гл. обр., в Буффало и направляется в гавани Мичигана и Верхнего оз. (преимущественно в Чикаго, Мильуоки и Сепирьер). Битуминозный уголь грузится в Эштабуле, Толедо и Кливленде (оз. Эри) и перевозится в Дулут, Чикаго, Мильуоки; значительное количество его экспортируется в Канаду (Онтарио). Среди др. грузов массового значения следует отметить: а) лес из западных штатов, доминирующий на рынках В. о. и в больших количествах отправляемый из Дулута и из портов озера Мичиган в Чикаго и Кливленд (общее количество леса, перевезенного по В. о. в 1916—1,5 милл. т); б) известняк, доставляемый из гаваней оз. Гурон в металлургические центры на оз. Мичиган и Эри; в) серу, которая из Техаса и Луизианы доставляется в Нью-Йорк и оттуда в Буффало, Кливленд и др. пункты.

В числе естественных ресурсов района необходимо отметить добычу меди в шт. Мичиган (в 1917—21 ежегодно 81.500 т), никеля в районе Седбери (сев. часть оз. Гурон; $\frac{3}{4}$ мировой добычи); значительную добычу алюминия—возле Ниагарского водопада. Благодаря чрезвычайной дешевизне доставки руды и угля, на берегах озер Мичиган и Эри возникла обширная металлургическая промышленность: крупные заводы все растущего значения в Чикаго, Гери, Кливленде, Буффало (Лаккаванна), а также в Дулуте. Значительное производство железа и стали в Онтарио производится рудой и углем из Соед. Штатов. Увеличивается производство машин, особенно с.-х. Шт. Мичиган занимает руководящее положение в производстве автомобилей (53% стоимости всего ежегодного производства Соед. Штатов). Огромного развития достигло производство муки, сосредоточенное в Буффало, в Порт Колборне (Онтарио) и Толедо (оз. Эри). В Буффало и, в особенности, в Чикаго сосредоточена крупная мясная промышленность. Климатические условия района В. о. благоприятствуют крупному промышленному садоводству у (зап. часть штата Нью-Йорк возле оз. Онтарио), и 23% всего урожая яблок в Соед. Штатах приходится на эту область; большое количество фруктов экспортируется отсюда в Европу. На озерах существует значительное рыболовство (сиги, сельдь, форель и др.). Гидроэлектрическая энергия. В районе В. о. находится величайший используемый источник белого угля—водопад Ниагара, водные ресурсы которого делят между собой провинция Онтарио и штат Нью-Йорк. Идеальные географич. условия: большая река, наличность питающей ее обширной области с обильными и благоприятно

распределяющимися осадками, ряд озер, регулирующих количество воды в реке, вертикальное падение большой высоты—дали возможность создать на американском берегу установки мощностью в 561 т. л. с., на канадской же стороне 22 установки правительственной гидроэлектрической комиссии Онтарио в 1925 давали 860 т. л. с., обслуживая 386 муниципалитетов с 2.250 т. ж. и свыше 400 т. потребителей энергии. Самая значительная линия передачи имела св. 400 км длины. 16,6% канадской электрической энергии экспортировалось в 1925 в Соединенные Штаты. Кроме того, установка на реке св. Лаврентия дает в настоящее время около 220 тыс. лош. сил.

На берегах В. о. лежат более 300 гаваней, имеющих значение в грузообороте района. Наиболее крупная роль из них принадлежит Дулуту, оборот (по тоннажу) которого в 1920 превысил не только оборот любого морского порта Соединенных Штатов, но и всю внешнюю торговлю Нью-Йорка, Нью-Орлеана, Балтимора и Бостона, вместе взятых. После него особенно выделяется рост оборотов Буффало и Кливленда. Развитие грузооборотов этих портов таково:

Годы	Дулут	Буффало	Кливленд
	милл. т		
1890	2,5	0,6	4,1*
1920	42,5	16,3	11,2
1923	53,7	17,1	13,2

* Данные 1891

Годовой грузооборот всех крупнейших портов В. о. (средний за трехлетие 1919—21) представляется в следующем виде:

Название порта	Милл. т
Дулут—Сепирьер	40,4
Чикаго	17,3
Мильуоки	16,3
Буффало	15,3
Эштабюла	13,9
Кливленд	12,9
Порт Артур {	11,8
Форт Уильям }	
Конно	7,3
Детройт	6,9
Толедо	6,3
Эсканоба	5,6
Лорен	5,5
Солт Сент Мери	4,1
Торонто	3,2
Кингстон	2,7

Для перевозки основных грузов В. о. (руды, угля, хлеба) создан специальный тип судов (в 1923 средний размер судов 6—8 тыс. т, но значительное число их может брать до 10—14 т. руды, угля или 1 милл. эл пшеницы); грузы отправляются на большие расстояния (обычно не менее 1.500 км); суда и пристани оборудованы приспособлениями для максимально быстрой погрузки и разгрузки: вагон в 50 т угля разгружается в трюм судна в течение 1 мин.; 10 тыс. т железной руды могут быть перегружены менее, чем в час, и т. д.; усовершенствование техники продвижения судов по каналам выражается, в частности, в переходе от системы шлюзов к системе подъем-

ников, когда (напр., в Питерборо, в Канаде) целое судно значительного тоннажа поднимается механически на высоту нескольких десятков м; необходимость хранить грузы в конечных пунктах до следующей навигации привела к созданию в местах отправки и получения массовых грузов гигантских элеваторов и хранилищ, снабженных всеми техническими усовершенствованиями. В этих условиях плата за провоз и хранение массовых грузов в 1923 достигала только 1/20% за тонну-милю. В 1923 весь тоннаж торгового флота В. о. выражался в 3 милл. т; в числе судов—391 стальных, назначенных для массовых перевозок руды, угля, хлеба и камня (с тоннажем в 2.030 т. т), принадлежащих Соедин. Штатам, и 127 таких же стальных судов (с тоннажем в 308 тыс. т), принадлежащих Канаде. В 1926 тоннаж флота Соед. Шт. на В. о. достиг 2.348 тыс. т.

Все искусственные водные пути системы В. о. распадаются на 3 группы. К первой принадлежат каналы, связывающие между собой озера в направлении главного потока грузов. Сюда относятся: 1) Солт Сент Мери-канал (100 км), собственно, группа каналов (2 проведены Соедин. Штатами, 1—Канадой), соединяющая озеро Верхнее с озером Гурон, в обход порогов на р. Сент Мери. Каналы эти рассчитаны на суда большого тоннажа и пропускают ежегодно, несмотря на то, что они 120 дней в году покрыты льдом, количество грузов, на много превышающее оборот любого из мировых путей подобного рода. Грузовой поток через Солт Сент Мери-канал выражается в следующих цифрах:

Годы	Милл. т
1913	72,6
1921	43,7
1922	59,9
1923	83,0
1924	65,3

Состав потока главных грузов в 1924 был следующий (в милл. т):

Уголь	12,2
Хлеб и мука	13,6
Железная руда	38,6

Как видно из этих цифр, движение главных грузов, идущих к морю (руда, хлеб), превышало в 1924 движение в глубь континента (уголь) более, чем в 4 раза. 2) Система Сент Клер—Детройт, состоящая из искусственно улучшенных для судоходства р. Сент Клер, озера того же имени и р. Детройт и соединяющая оз. Гурон (а через него и Верхнее и Мичиган) с оз. Эри. Этот водный путь имеет длину в 113 км и является мощнейшим из аналогичных торговых путей всего мира, превосходя (как указано выше) почти вдвое тоннаж грузов Суэцкого и Панамского каналов, вместе взятых.

Грузооборот системы Сент Клер—Детройт.

Годы	Милл. т
1910	66,7
1922	62,1
1923	83,6
1924	72,7

Грузооборот Суэцкого канала в 1922—23 составлял в среднем 20,7 милл. т за год, Панамского—в 1922—12,6 милл. т, в 1923—23,2 милл. т. 3) Уэлле-канал

(длина 42 км, глубина 4,5 м), проведенный Канадой в обход Ниагарского водопада и соединяющий оз. Эри с оз. Онтарио. Благодаря этому каналу, возможен прямой водный путь в 3 т. км между Атлантическим океаном и Порт Артуром на Верхнем оз. для судов водоизмещением до 1,5 т. рег. т.

Грузооборот Уэлленд-канала.

Годы	Милл. т
1910	2,1
1922	3,1
1923	3,4
1924	4,5

В наст. время строится и к 1930 будет закончен новый Уэлленд-канал; число шлюзов в нем ограничено 7 (в старом канале их—26), и глубина будет доведена до 7,5 м; благодаря его проведению путь между оз. Эри и Онтарио сократится до 40 км. Ко второй группе относятся два водных пути, дающие грузовым потокам выход к Атлантическому океану. Большое значение из них имеет: 1) Система р. св. Лаврентия. На расстоянии 190 км между оз. Онтарио и Монреалем р. св. Лаврентия имеет 67 м падения, образуя ряд порогов. Вокруг этих порогов проведены 6 коротких каналов (4,25 м глубины), благодаря чему суда с осадкой ок. 4 м могут доходить с В. о. до Монреаля; отсюда путь по реке уже доступен крупн. мор. судам (до 7 тыс. рег. т.).

Грузооборот системы р. св. Лаврентия.

Годы	Милл. т
1910	2,5
1922	3,9
1923	4,1
1924	5,0

2) Другой выход к океану дает система Нью-Йорк—Бардж-канала, соединяющая оз. Эри с Нью-Йорком и состоящая из частей: а) Эри-канал (340 км естественных путей и 220 км канала) от г. Буффало на оз. Эри до г. Трой на р. Гудзон. Эри-канал имеет ответвления, одно из к-рых идет к оз. Чемплин (100 км) и дает грузам с оз. Эри добавочный выход к р. св. Лаврентия и на канадские рынки, создавая вместе с тем и прямой путь к р. св. Лаврентия от Нью-Йорка (720 км), а другое—на Осуега (38 км), представляет добавочный (помимо Уэлленд-канала) путь к озеру Онтарио, в обход Ниагары. Разница уровней оз. Эри и Гудзона преодолевается на канале Эри с помощью 57 шлюзов; б) река Гудзон (искусственно улучшенная для судоходства) от г. Трой до Нью-Йорка (260 км). По главной артерии канала (Буффало—Трой—Нью-Йорк) могут ходить суда до 2.800 т водоизмещения. Благодаря искусственному освещению, движение совершается круглые сутки.

Грузооборот по Эри-каналу.

Годы	Милл. т
1910	2,8
1922	2,1
1923	2,4
1924	2,5

Грузооборот по р. Гудзон.

1919	2,3
1920	2,8
1921	1,7

3) К этой же группе водных путей следует отнести канал Ридо, соединяющий порт

Кингстон (на оз. Онтарио) с р. Оттавой [через р. Ридо (202 км)] и дающий грузам В. о. еще один выход к р. св. Лаврентия и океану. К третьей группе относятся каналы местного значения, а также связывающие В. о. с другими водными системами; таковы: Санитарно-судоходный канал возле г. Чикаго (50 км длины), к-рому предстоит большая будущность, когда состоится проектируемое углубление рр. Иллинойс и Миссисипи; два канала, связывающие оз. Эри с р. Огайо; канал в Иллинойсе, соединяющий оз. Мичиган с р. Иллинойс; канал в Висконсине, служащий связью между оз. Мичиган и р. Миссисипи, и др.

Приведенные данные, обнаруживающие громадный перевес в интенсивности грузооборота зап. части района над восточной, показывают, что В. о. представляют собой в хозяйственном отношении в значительной степени замкнутое «средиземное море» со сравнительно слабым прорывом этой замкнутости в направлении к океану; огромное количество грузов поглощается индустриальными областями, примыкающими к Великим озерам с юго-востока, и сравнительно небольшая доля их выходит из пределов района Великих озер.

Лит.: E. E. Sch., Die Binnenschiffahrt der Vereinigten Staaten von Amerika, Lpz., 1925; «Inland Water Transportation in United States of America», Washington, 1923; «Annual Report of the Director of the Bureau of foreign and domestic Commerce», Washington, 1924.

Н. Профферинсов.

ВЕЛИКИЙ, остров, в Белом море, расположен под полярным кругом у Карельского берега Кандалакского залива (в Карельской Автономной ССР). Площадь В.—около 200 км².

ВЕЛИКИЙ КАНАЛ, Императорский канал (кит. Юй-хе—Императорская река, Юнь-хе—Транспортная река, Юнь-лян-хе—Река для перевозки дала), самый длинный из существующих каналов (около 1.500 км), соединяет Пекин с Хан-чжоу (провинция Чже-цзян). Начат постройкой в 6 веке до хр. э., строился по частям и в конце 13 в. был доведен до Пекина. На своем протяжении канал пересекает рр. Бай-хе, Хуан-хе и Ян-цзы-цзян. При проведении канала широко пользовались готовыми водными путями, реками (в сев. части канал на значительном протяжении идет по руслу р. Вейхе) и озерами (особенно многочисленными на участке между рр. Ян-цзы-цзян и Хуан-хе), отчего путь канала извилист, и ширина его в разных местах чрезвычайно различна. Первоначально целью сооружения канала было облегчение торговых сношений между бассейнами рр. Ян-цзы-цзян и Хуан-хе; с переходом столицы Китая в Пекин по нему, гл. обр., шел подвоз податного риса к Пекину. В течение столетий В. к. служил связью между С. и Ю. Китая. За последнее время канал приходит в разрушение; его торговое значение с развитием морского пароходства и ж.-д. сообщения сильно упало; в настоящее время им пользуются, главным образом, для искусственного орошения.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, в древней Руси титул князей киевских, как управлявших наиболее важной и наиболее богатой областью. В 12 в. титул этот переносится на князей

владимирских; в конце 12-го и начале 13-го веков В. к. именуется и киевские и владимирские князья. С возвышением Москвы В-м к-м владимирским называют себя московские князья; но, одновременно, титул В. к. присваивают себе и князья тверские, рязанские и др., не желающие признавать первенства Москвы; они сохраняют его до полного поглощения Москвой их владений. В 14 веке (при Иване Калите) московский князь начинает называть себя В. к. всея Руси; этот титул остается и за всеми его преемниками, даже после принятия ими царского титула. Великокняжеский титул носили и литовские князья; они называли себя и князьями русскими, опираясь на то, что с начала 14 века в их руках оказываются западно-русские области. В полном титуле царей (вплоть до революции 1917) сохранялось наименование их В. к. различных областей, постепенно входивших в состав Московского государства. В императорский период великими князьями назывались также сыновья императора и его братья и внуки (по мужской линии). Жены великих князей имели титул великих княгинь в том случае, если их брак был заключен с согласия императора и сами они происходили из владетельных фамилий.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД, древнее название *Новгорода* (см.).

ВЕЛИКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ПРОФЕССИЙ (Grand National Consolidated Trades Union of Great Britain and Ireland), рабочая организация, основанная в Лондоне в феврале 1834 при участии *Р. Оуэна* (см.).

ВЕЛИКИЙ ОКЕАН, одно из двух употребительных названий самого большого океана, по площади превышающего всю сушу земного шара и названного Магелланом *Т и х и м* океаном. Название В. о. предложено впервые французским ученым Бюашем. Если термин В. о. признается более правильным географами и океанографами, в особенности русскими и германскими, то название Тихий океан, исключительно употребляемое англичанами и французами, шире вошло в обиход. Термины «тихоокеанские страны», «тихоокеанская проблема», «тихоокеанские конгрессы» и др. производные не имеют в русском яз. разночтений. Географический и географо-экономический очерки В. о. см. *Тихий океан*.

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ, административный центр Северо-Двинской губ., на левом берегу р. Сухоны, недалеко от ее слияния с р. Югом. Пароходная пристань на линии Архангельск—Вологда; 19.092 ж. (1926). Ничем особо не выдающийся в наст. время, с промышленностью и торговлей местного значения, В. У. до 18 в. играл первостепенную роль в качестве важного узлового пункта, через который проходили наиболее оживленные в то время северные торговые пути. Находясь у начала Сев. Двины, этой важнейшей водной артерии Северного края, В. У. лежал на главном пути, связывавшем торгово-промышленные центры страны—Москву, Новгород и др.—с беломорским побережьем, в частности с Архангельском—единственным в то время портом, через к-рый

шла наша торговля с границей. С утверждением московской власти в Сибири значение В. У. еще больше возросло, так как через него проходил главный путь в Сибирский край, по рр. Югу и Лузе на Каму в Кайгород, Соликамск, Чердын и далее. Расцвет В. У. относится к 16—17 вв. Падение экономического и административного значения В. У. началось в первой половине 18 в., в связи с основанием Петербурга и отвлечением торговых сношений с Западной Европой с Белого моря на Балтийское. В наст. время слабая, относительно, промышленность В. У. все же выделяется на общем фоне промышленно отсталой Северо-Двинской губ., для которой В. У. является не только административным, но и крупнейшим экономическим центром. Ценовых промышленных заведений 15, с числом рабочих до 1.200 чел. (1925). Наиболее крупные промышленные заведения: судостроительные и ремонтные мастерские, фабрика валяной обуви, пивоваренный завод, мастерская по изготовлению земледельческих орудий, типография, электростанция, несколько шетиночно-отборочных мастерских. В районе В. У. имеются: крупная льно-прядильная и ткацкая фабрика при селе Красавине с 3.100 рабочих и служащих (1925), 2 фабрики спичечной соломки, фанерный завод, маслобыйный, винокуренный и другие. В В. У. сосредоточено до 35% торговых оборотов губернии (в первой половине 1925/26—6,5 млн. р.). В 1926 в В. У. было: 8 школ I-й ступени с 1.039 уч., 3 школы-семилетки с 921 уч., 2 школы II-й ступени с 470 уч., 5 дошкольных учреждений и учреждений по охране детства; техникумы—механический, сельско-хозяйственный с лесным отделением, акушерский и педагогический; губ. партийная школа, центральная библиотека и др. В. У. имеет ламповую концертную радиостанцию мощностью 1,2 kW в антенне.

В.-у. район расположен в центр. части С.-Двинской губ. Пл.—5.500 км²; население—87.638, на 1 км²—15,9 чел., при средней плотности в губ.—0,9.

Э. Д.

В. У. хранит много ценных художественных памятников. Среди них особенно выделяются: 1) Вознесенский собор (1648), выдержанный в московских формах, 2) Троице-Гледенский собор (1659), с каменной шатровой колокольней, 3) Михайло-Архангельский монастырь, интересный переходами-крыльцами, 4) надвратная Владимирская церковь (1682) с замечательными царскими вратами, 5) Успенский собор (1639—58), 6) Варламовская церковь (1704), 7) Дмитровская церковь (1700), 8) Мироносицкая церковь, 9) Рождественская (1720), в формах к-рой окончательно установился тип устюжского храма 18 в. Из памятников гражданской архитектуры, относящихся к 18 веку, надо отметить: б. духовное училище, б. архиерейские палаты и торговые ряды. В. У. в 17 в. являлся в иконописи центром особых «северных писем»; иконники устюжские выписывались и в Москву (Федор Зубов). Прикладное искусство в В. У. достигает значительного развития и совершенства (деревянная скульптура, резьба из моржевой

кости, кафельное производство, плетенье кружков и шитье). В 18 в. здесь развивается особое художественное производство — «чернь» по серебру (изобретенное устюжанином Жининым в середине 18 в.), славившееся на всю Россию и имевшее громадный сбыт.

Лит.: «Северо-Двинская губерния (географический и культурно-экономический очерк)», вып. 1-й, Великий Устюг, 1924; Дунеев, Б., Северо-русское гражданское и церковное зодчество. Город Великий Устюг, «Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества», т. VI, М., 1915; Евдокимов, И., Север в истории русского искусства, Вологда, 1924. *Н. Р.*

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Содержание:

- I. Географический очерк.** 292
 Положение В.—Геология В. Полевые ископаемые.—Рельеф и гидрография.—Климат.—Растительность. Животный мир.—Население (рост населения; эмиграция; профессиональный и классовый состав населения; географическое распределение населения).—Города.—Этнографический состав населения.—Экономико-географические районы.
- II. Экономический очерк.** 330
 Промышленность (общая характеристика и тенденции развития; послевоенные изменения; организация промышленности; В. на мировых рынках сырья).—Сельское хозяйство.—Транспорт.—Внешняя торговля В.—Денежное обращение, банковская система, денежный рынок.—Гос. хозяйство.
- III. Исторический очерк.** 397
 Ранняя история и средневековье.—Ранняя история.—Англо-саксонский период до норманского завоевания.—Норманский период и позднее средневековье.—Новое время.—Эпоха абсолютизма (1485—1640).—Великая англ. революция (1640—1660).—Реставрация Стюартов (1660—1688).—Старый порядок.—Эпоха промышленного переворота (1760—1832).—Период буржуазного господства. С 1832 до 1850.—С 1850 до 1875.—С 1875 до 1905.—С 1905 до 1918.—Послевоенная Англия. С 1918 до 1923.—С 1925 до 1927.
- IV. Политический очерк.** 593
 Государственный строй.—Право.—Местное хозяйство и управление.—Буржуазные политические партии.—Пресса В.—Религия и церковь.—Санитарное состояние и здравоохранение В.—Вооруженные силы.
- V. Народное образование.** 664
 Англия и Уэльс.—Шотландия.—Образование взрослых и просветительные организации.—Музеи.—Научно-исследовательские учреждения.
- VI. Рабочий класс.** 682
 Экономич. положение.—Социальное законодательство.—Законы о профсоюзах и арбитраже.—Рабочее движение.—Профессиональное движение.—Кооперативное движение.—Партия рабочего класса.—Рабочая пресса.

Великобритания (Great Britain), государство Западной Европы, занимает о-в Великобританию (на нем находятся Англия, Уэльс и Шотландия), о-ва Гебридские, Шетландские, Оркнейские, о-в Мен, о-в Уайт и много мелких островов, окружающих главный; кроме того, в состав В. входят: С.-В. Ирландии и Нормандские о-ва у берегов Франции, в Ла Манше. В. в тесном смысле слова составляют Англия, Уэльс и Шотландия с окружающими о-вами (в их числе о-ва Шетландские, Оркнейские и Гебридские административно включены в состав Шотландии, о-в Уайт—в состав Англии, о-в Мен пользуется нек-рыми особенностями политического устройства). Ирландия до 1922 входила в состав «Соединенного Королевства В. и Ирландии»; с 1922 большая часть ее образует «Свободное Ирландское Государство», а сев.-вост. Ирландия присоединяется к В. как особая часть с собствен-

ным парламентом (см. *Ирландия и Ирландия Северная*). Особое положение в составе В. занимают также *Нормандские острова* (см.). Территория и население составных частей В. выражаются следующими цифрами:

Части В.	Площадь в км ²	Население (1921) (в тыс.)	Плотность на 1 км ²
Англия	131.757	35.681	271
Уэльс	19.343	2.206	114
Шотландия	78.749	4.882	62
О-в Мен	588	60	102
Сев. Ирландия	13.562	1.251	93
Нормандск. о-ва	195	90	462
Всего	244.194	44.170	181

В политическом отношении В. является ядром Британской империи (British Empire), крупнейшей колониальной империи мира, охватившей в совокупности своих владений и стран, находящихся в фактическом обладании В. при сохранении фикции независимости (Египет, Бутан, Непал и др.), свыше $\frac{1}{4}$ суши земного шара и свыше $\frac{1}{4}$ его населения. О ее составе и экономических ресурсах см. *Британская империя*, экономико-географический и историко-политический очерки.

I. Географический очерк.

Положение Великобритании.

Остров Великобритании омывается: на З. Атлантическим океаном и Ирландским морем, отделяющим В. от Ирландии (соединяется с океаном каналом св. Георгия и Северным каналом); на С.—Атлантическим океаном, на В.—Северным (Немецким) морем, на Ю.—проливом Ла Манш (англ.—English Channel, Английский канал) и Паде-Кале (англ.—Dover Strait, Дуврский пролив). Остров вытянут в направлении с Ю.-В. на С.-З., имея наибольшую ширину в юж. части (до 53 параллели). Крайними пунктами его являются: на С.—мыс Деннет (Шотландия) под $58^{\circ}40'30''$ с. ш., на Ю.—мыс Лизард (на полуострове Корнуол) под $49^{\circ}57'30''$ с. ш., на В.—мыс Лоустофт под $1^{\circ}46'$ в. д., на З.—мыс Арднамеркен (Шотландия) под $6^{\circ}14'$ в. д. (крайняя зап. точка в пределах собственно Англии—мыс Лендс-Энд в Корнуоле, под $5^{\circ}43'$ в. д.). Британские о-ва являются частью Европы, наиболее выдвинутой в Атлантический океан. Это положение, вместе с сильной изрезанностью берегов, явилось важным фактором хозяйственной истории В., в значительной степени определившим направление развития ее экономики в сторону мореходства и торговли с того времени, когда через Атлантический океан прошли главные пути мировой торговли (см. Исторический очерк). От В. идут удобные линии сношений и к Западной Европе и к Америке. Главным морем более близких и, вместе с тем, наиболее оживленных сношений, но в то же время и отправным пунктом для дальних сношений является Северное. В начальную эпоху развития англ. мореходства существовавшее значение имел характер берегов В.: к Северному морю В. обращена своей более доступной низменной стороной,

с открытыми долинами полноводных рек, в то время как со стороны Атлантического океана, на З., поднимается гористый, нередко дикий и малодоступный, берег. В самом узком месте пролива Па-де-Кале берег Франции (мыс Гри-Не) находится на расстоянии всего 32 км (пароходная линия Кале—Дувр, 42 км). Из Северного м. открывается дорога и на В.—в Балтийское м., и на Ю.—к побережью Пиренейского п-ова и в Средиземное м.; в новейшее время проведение Суэцкого канала продолжило этот путь на В.—к берегам Индийского и Великого океанов. Помимо положения приконтинентального о-ва, выдвинутого в Атлантический океан, развитию сношений с Западом содействовало и то обстоятельство, что В. лежит в полосе юго-западных ветров, попутных для парусников, идущих из Америки. Благоприятно для судоходства и климатическое влияние этих теплых (особенно благодаря Гольфштрему) ветров: порты не замерзают зимой.

Л. Синицкий.

Геология Великобритании. Полезные ископаемые.

Остров В.—материкового происхождения. Древние горные цепи в графстве Росс (С.-З. Шотландии) являются частью принадлежавшего Северо-Атлантическому материков хребта, к-рый соединял Америку с Европой. В этом хребте наблюдается только докембрийская складчатость. Ему дают название Гуронского хребта, т. к. складки его особенно отчетливо выражены в Канаде, в б. области гуронов. Отделение В. от Америки произошло в конце третичного периода.—Гораздо длительнее была связь с материком Европы. Образование пролива Па-де-Кале относится к концу четвертичного периода. В восточн. Англии находят кости тех же видов крупных млекопитающих, что и в пластах того же возраста по долине р. Соммы (слоны, носороги, гиппопотамы). Кости северного оленя найдены на о-ве Джерси и в наносах Темзы. В топографии В. бывшая связь с материком Европы сказалась двумя горными системами (продолжающимися на материке), которые носят в геологии названия Каледонской и Герцинской складчатых систем. Каледонский хребет сложился в силурийский период. Его следы имеются в Гренландии, на Шпицбергене, на З. Норвегии. В В. он тянется с С.-В. на Ю.-З. в Шотландии, Уэльсе, Ирландии.—В конце палеозоя дальше к Ю. от Каледонского хребта возникла новая складчатость в виде Герцинской горной системы. Как и Каледонская, она подверглась разломам, разбившим ее на отдельные массивы—горы Силезии, Чехии, Шварцвальд, Вогезы, Арденны, холмы Бретани, горы юж. Англии и Ирландии. Направление хребта—с В. на З.; только в центральной части В. горы той же цепи—Пеннинские, образующие становой хребет Великобритании—изменили первоначальное направление на меридиональное.

В геологическом отношении В. распадается на несколько в большей или меньшей степени обособленных геологических областей; таковы: 1) сев. Шотландия, вместе с примыкающими островами, 2) средняя Шотландия, 3) большая часть Уэльса, сев.-

зап. Англия и юж. Шотландия, 4) Корнуол и Девоншир, 5) юго-вост. Англия; в связи с различным геологическим строением, эти части далеко не одинаково богаты полезными ископаемыми.—Первая из этих областей характеризуется сильным развитием докембрийских гнейсов, частью образовавшихся за счет изменения изверженных горных пород, частью осадочных, которым подчинены сланцы и кристаллические известняки; все эти образования прорваны гранитами, диоритами и кварцевыми порфирами. На крайнем С.-З. Шотландии встречаются, кроме того, торридонские песчаники красного цвета, переходящие местами в конгломераты, к-рым приписывается пустынное происхождение. Внедрения гранитов происходили и позднее, но они закончились к началу девонского периода. С начала девона характер движений земной коры меняется, они становятся связанными, преимущественно, с перемещениями по вертикальным трещинам; в связи с этим, в девонский и третичный периоды по линиям разломов происходит излияние базальтов и андезитов, реже—трахитов и риолитов. Сильное развитие разломов по вертикальным трещинам, вместе с преобладанием направленных вверх вертикальных движений суши, способствовало энергичному развитию процессов размыва, благодаря чему осадочные образования девонского периода, представленные «древним красным песчанником», отложения юрского и мелового периодов сохранились в немногих местах либо в опустившихся областях (*грабенах*, см.), либо под защитой базальтовых покровов.—Средняя Шотландия ограничена с С.-З. и Ю.-В. почти параллельно идущими линиями разлома, по к-рым она оказалась сильно опущенной. Целый ряд сбросовых линий меньшего масштаба характеризует и внутреннее строение этой области. В связи с этим, здесь не менее широким распространением, чем на С., пользуются базальты и андезиты, изливавшиеся в девонский, каменноугольный, пермский и третичный периоды. Осадочные образования здесь лучше сохранились от размыва; почти повсеместным распространением пользуется древний красный песчаник девона с обильными остатками рыб, скрывающий более древние образования; реже встречаются каменноугольные образования с прослойками угля как в нижнем, так и в верхнем отделах.—Юж. Шотландия, большая часть Уэльса и сев.-зап. Англия характеризуются последовательно сменяющимися друг друга в юго-вост. направлении отложениями следующих геологических систем: кембрийской (сланцы и песчаники), силурийской (песчаники, сланцы, известняки), девонской (древний красный песчанник), каменноугольной (сланцы, песчаники и известняки, венчающиеся угленосной свитой), пермской (соленосные и гипсоносные песчаники и известняки) и триасовой (красные песчаники). Все эти слои б. или м. интенсивно смяты в складки сев.-восточного простирания. Правильность указанной схемы нарушается тем, что после процессов образования складок эти складки местами были

прорваны глубинными породами и разломаны по сбросовым линиям. Этот фактор является, например, причиной раздробления бывшего сплошного поля продуктивных каменноугольных слоев на ряд мелких

са, 7) сев. Уэльса, 8) Глазго. Размер каменноугольных залежей в разное время определялся как специальными комиссиями, так и отдельными исследователями. Вот сводка нек-рых из таких оценок:

Запасы угля в Великобритании в млн. метр. т.

Источник сведений	Известные и разрабат. залежи	Мало изучен. залежи	Всего	Извлечено со времени оценки	Остающиеся запасы
Корол. комиссия 1871	90.207	56.273	146.480	11.953	134.527
Корол. комиссия 1905	100.914	39.484	140.398	6.147	134.251
Страхан в 1912	133.117	45.610	178.727	4.330	174.397
Джевонс в 1915	136.000	61.000	197.000	2.645	194.355

бассейнов и сохранения к Ю. от Ливерпуля сплошной площади пермских и триасовых отложений, окруженных почти со всех сторон каменноугольными образованиями. — Корнуол и Девоншир характеризуются почти широтным простиранием складок конца палеозоя («герцинская система складчатости»), под резким углом примыкающих к складкам предыдущей области, частью силурийского возраста («каледонская складчатость»), частью более позднего. На поверхность здесь выходят, преимущественно, морские отложения девонской системы, известняки нижнего отдела каменноугольной системы и только в Кардифе (в юж. Уэльсе) — угленосная свита, пользующаяся мировой известностью, благодаря высоким качествам каменного угля. Должны быть упомянуты также граниты и излившиеся породы девонского и каменноугольного периодов. — Юго-вост. Англия характеризуется сравнительно покойным залеганием слоев юрской, меловой и третичной систем, сменяющих друг друга в вост. направлении в сторону Лондона. Южнее, на продолжении складок Корнуола и Девоншира, они частью размыты и смяты в складки широтного простирания. Здесь много рыхлых пород, часто с хорошо сохранившимися остатками морских животных. Так, среди юрских и нижнемеловых отложений широко распространены пески и глины, реже встречаются известняки; верхний отдел меловой системы состоит, главным образом, из мела, частью из глауконитовых песков; третичные отложения представлены, главным образом, песками и глинами. — В четвертичный период большая часть Великобританских островов, за исключением местности, расположенной к югу от Лондона, подверглась оледенению, при чем ледники питались льдом не только из местных шотландских и северо-английских центров оледенения, но и из *Фенно-скандии* (см.). *Г. Мирчинк.*

Среди полезных ископаемых первенствующее значение принадлежит каменному углю, подчиненному, гл. обр., верхнему, реже нижнему, отделам каменноугольной системы. Благодаря дислокациям и размыву, покров угленосной свиты, раньше б. или м. сплошной, разбился на ряд бассейнов, из к-рых важнейшими являются: 1) бассейн Нортгемберленда и Дергема (прав.—Дерем), 2) Ланкашира, 3) Йоркшира, 4) Ноттингема и Дерби, 5) Стеффордшира, 6) юж. Уэль-

В новейших работах действительные запасы угля в В. определяются в 189,5 млрд. т. Цифру эту приводит Э. Обст (E. Obst, England, Europa und die Welt, В., 1927), В. Вейц (Производительные силы мирового хозяйства, I, М., 1927) и др. По абсолютному размеру запасов ископаемых углей Великобритания стоит на шестом месте в мире, но по количеству запасов на единицу площади страны — на первом месте. При этом в числе стран, стоящих впереди В. по абсолютн. размеру запасов, такие страны, как Китай и азиатская часть СССР, являются, с точки зрения разработки их угольных богатств, странами будущего, в настоящем же В. (наряду с Соед. Штатами и Германией) является одним из трех каменноугольных районов мирового значения. Из др. ископаемых наибольшее значение имеют железные руды, встречающиеся притом, преимущественно, в тех же районах, что и уголь. По данным Стокгольмского Международного Геологического Конгресса 1910, действительные запасы железных руд В. определялись в 1.300 млн. т; по официальным данным (подсчет Имперского бюро по минеральным богатствам), запасы определялись на 1920 следующими цифрами (в млн. т):

Род залежей	Достоверные запасы	Вероятные запасы	Возможные запасы
Руды в юрских отложениях	1.212,0	2.177,00	420,00
Руды в каменноугольн. отложениях	1.049,5	1.247,09	5.423,23
Гематиты	45,0	90,00	—
Прочие руды	—	15,55	75,50
Итого	2.306,5	3.529,64	5.918,73

Значительная часть руд, имевшая наибольшее практическое значение, а именно руды юрских пластов относительно бедны железом (25—38%), и только в гематитах содержание железа доходит до 48—49% и даже 51—52%. По данным, опубликованным в нем. литературе и относящимся к 1922 («Wirtschaft und Statistik», № 16, 1922; W. Woytinsky, Die Welt in Zahlen, viertes Buch, В., 1926), запасы железной руды в В. выражаются следующими значительными более скромными цифрами: известные и

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ и ИРЛАНДИЯ

ФИЗИЧЕСКАЯ и СЕЛ.-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КАРТА

разрабатываемые запасы—1.015,2 млн. *т*, вероятные и возможные—4.655,5 млн. *т*. Для всей Европы известные и разрабатываемые запасы определяются в 10.009 млн. *т*, а вероятные и возможные запасы—в 15.785 млн. *т* (по данным Стокгольмского Конгресса, соответственно 13.122 млн. *т* и св. 40.000 млн. *т*). Оловян. и медные руды добываются в Корнуоле и Девоншире, медные и свинцовые руды—в Энглеси, свинцовые и серебряные руды—в Дербишире и Кемберленде, свинцовые руды—в Ланарке. Добыча этих металлов, в более ранние эпохи игравшая видную роль в хозяйстве В. (особенно добыча олова в Корнуоле), в настоящее время имеет очень небольшое значение и составляет ничтожную долю их мировой добычи. Из других ископаемых ресурсов промышленное значение имеют залежи гончарной глины, встречающиеся во многих местах (особенно же в Стеффордшире, где они являются основой развитого керамического производства); залежи каменной соли встречаются в триасовых пластах в районе Честера; в Гремпиенских горах добывается гранит, на Гебридских и Шетландских островах—гнейс.

Г. Мирчинг и С. Б.-К.

Рельеф и гидрография.

Современный рельеф В. создан, с одной стороны, старыми дислокациями, а с другой—последующей денудацией (обнажением под влиянием действия ледника и водных потоков). Рельеф отличается как раздробленностью, постоянной сменой возвышенностей низменностями, так и незначительной средней высотой. Наиболее высокие точки: Бен-Невис (1.343 м) в Гремпиенских горах Шотландии и Сноудон (1.088 м) в горах сев. Уэльса. Преобладающие черты топографии—сглаженная поверхность, широкие равнины с мягкими очертаниями поднятий—свидетельствуют о длительном размывании. Более молодые и смелые формы можно наблюдать лишь в долинах, по соседству с быстрыми реками.—Помимо размывания, рельеф видоизменялся и ледниками. В В. различают общее оледенение, перекрывавшее весь остров и доходившее до Темзы, и последующее местное, ограничивавшееся областью высоких массивов. Наибольшей мощностью отличалось первое. В Западно-Шотландском нагорье толщина льда была в некоторых местах свыше 1.000 м. Ледники образовывали вытянутые впадины, впоследствии заполненные озерами, формировали «бараньи лбы» или «курчавые скалы». Во многих местах остались огромные валуны, подавшие повод для легенд о гигантах («камни гигантов», «гробницы гигантов»). В низинах накопились ледниковые отложения. Одни из них образовали холмы, вытянутые по линии движения ледников («bouldering» или «till» по англ. терминологии); в других случаях наблюдается однообразный ледниковый покров толщиной от нескольких см до 30 м («drift»). Там, где отложения закупоривали выход из долин, образовались озера. Местному оледенению обязан своими более смелыми и разнообразными очертаниями рельеф горных областей Шотландии, Уэльса и «озерного округа» сев.-зап. Англии. Полу-

чился ряд боковых долин и ледниковых цирков. Стекающие в них реки богаты порогами и водопадами. Этим же местным оледенением образованы и многочисленные живописные озера Шотландии («лохи»).

Берега. На характере берегов отразилась топография острова и большая или меньшая твердость слагающих их пород (кристаллические на З., пески и глина, мел и известняк на В.). Высокие части образовали выступы в море; низинам соответствуют впадины, куда глубоко врезалось море. В Шотландии море врезается по заливам Клайд, Форт и Тей. В Англии на З. в море выдвигаются, в виде п-овов, три массива древних гор в Кемберленде, Уэльсе и Корнуоле. Между этими п-вами море затопило низкие равнины, образовавшиеся в области мягких триасовых отложений (зал. Солуей, Ливерпульский зал. и Бристольский канал). На В. высоты Кента образуют выступ в сторону материка Европы. Залив Уош врезывается в низкие равнины, сложенные юрскими глинами. Дальнейшее расчленение берегов прошло при участии вековых движений суши, ее поднятий и опусканий. В периоды опускания море затопляло долины, глубоко внедряясь в сушу. В области бывшего оледенения образовались узкие заливы фьордового характера; на Ю., где не было оледенения, берег имеет рiasовый характер (см. *Берег*). Этими позднейшими преобразованиями берега и создались многочисленные выступы и впадины, благодаря к-рым так необычайно сильно развита береговая линия В.: 1 км берега приходится здесь на 81 км² поверхности, ни одна точка В. не отстоит от берега больше, чем на 120 км; нигде море и морской прилив не проникают так глубоко в сушу. Гулль (Hull), Гул (Goole), Лондон находятся в расстоянии, соответственно, 32, 48 и 64 км от моря и благодаря действию приливов являются все-таки морскими гаванями.

Изорванная береговая линия, созданная как чередованием горных массивов и низин, так и вековыми колебаниями, подверглась затем выравниванию, благодаря действию моря. Это меньше сказалось на З. (вследствие твердости кристаллических пород), чем на В. На З. берега сохраняют свои молодые формы, они крошатся, но не рушатся, как мел, известняк, глина и песчаник на В. Разрушение гранитных берегов образовало на З. множество островов (из 5.500 островов и островков Британского архипелага более 5.000 расположены вдоль западн. берега). На В. море размывает выступы и заносит впадины, образуя о-ва (особенно у устьев Темзы, Уоша и Гембера). О-ва причленяются к берегу при помощи дамб. Разрушение идет менее энергично, чем нарастание. С 1875 по 1910 года от британской территории 2.650 га, а дало ей 15.000 га плодородной земли.

Реки. Небольшие размеры В. и особенности ее климата обусловили свойства рек о-ва. При незначительной длине рек В. они полноводны и образуют короткие, но чрезвычайно удобные естественные пути. Длиннейшая из рек—Северн—имеет 355 км длины; вторая по величине—Темза—332 км.

Наиболее длинные реки находятся в южной, более широкой части о-ва; по мере сужения острова к северу, укорачиваются и реки. Водораздел проходит приблизительно по середине острова; склоны в обе стороны почти равновелики; благодаря симметричному строению водораздела, могли развиться пары рек, близко начинающихся одна возле другой, затем расходящихся—одна на В., другая—на З. Таковы: Темза (В.) и Северн с Эвоном (З.); Трент-Уз-Гембер (В.) и Мерси (З.); Тис (В.) и Иден (З.); Твид (В.) и Клайд (З.). Водораздел очень невысок, что облегчает соединение парных рек каналами. Падение рек очень равномерно, порогов на реках нет (за исключением горных рек Шотландии). Устья имеют вид длинных воронок (эстуариев); благодаря их форме, высота приливов здесь повышается, что делает реки на значительном протяжении доступными для морских судов. Обилие осадков в течение года поддерживает уровень рек на почти неизменной высоте. Отсутствие морозов, а следовательно—и ледостава, делает судоходство возможным в течение всего года. Главная судоходная артерия Англии—Темза—имеет при устье 7—8 км ширины, у Лондонского моста—243 м. Глубина на всем протяжении от устья до моста—не меньше 3,6 м. В лондонские доки Тилбери входят крупнейшие океанские пароходы. Выше Лондона Темза доступна для судов средней величины до Оксфорда, для мелких судов—до Лечледа (295 км от устья). Северн доступен для небольших морских судов до Глостера и для мелких речных судов—до Уеллшула (234 км от устья). Общая длина судоходных рек В.—2.350 км. По запасам водной энергии В. занимает одно из последних мест среди стран Европы; запасы исчисляются в 963 тыс. лощ. сил, из которых уже использовано 210 тысяч.

Озера В. в большинстве ледникового происхождения. Они чрезвычайно многочисленны в сев. и зап. части Северного Шотландского нагорья и на крайнем С.-З. Англии (известный своей живописностью «озерный округ»—Lake district—в пределах графств Кемберленд и Вестморленд). Незначительные по величине озера Шотландии и северо-западной Англии имеют узкую вытянутую форму; короткие речки и ручьи связывают их друг с другом и дают сток небольшим озерным системам в океан. Многие из прибрежных озер чрезвычайно сходны по очертаниям с фьордообразными морскими заливами (и те и другие носят в Шотландии название «лох»). Наиболее значительны из озер Шотландии: Лох Нес (ок. 50 км²), в глубокой долине Гленмор, замечательно правильной формы (имея ок. 40 км длины, сохраняет почти неизменную ширину—1,4 км); озеро служит одним из звеньев системы Каледонского канала; Лох Ломонд (к северу от залива Клайд), самое крупное из озер В. (71 км²); вытянутое в меридиональном направлении (33 км длины), оно в сев. части узко и извилисто, лишь на юге расширяясь до размеров значительного озера (7 км ширины). «Лохы» нередко имеют большую глубину: Лох Нес—240 м, Лох Ломонд—200 м, Лох Морар—360 м, Лох Катрин—170 м. Из озер северо-западной Англии самое значительное Уиндермир (20 км²).

Каналы. Сильно развита в В. сеть каналов, общая длина к-рых достигает 5.137 км. Главные из них пересекают Англию с Уэльсом и Шотландскую низменность. Важнейший из англ. каналов—морской Манчестерский канал (построен в 1887—1894; обошелся в 15 млн. ф. ст.), связывающий Манчестер с морем (выходит в устье Мерси выше Биркенхеда). Длина его 57,1 км, глубина—8,5 м; ширина по дну 36,6 м (у Манчестера—52 м). Канал построен по шлюзовой системе; от устья реки Мерси до Манчестера 4 шлюза. Остальные каналы гораздо более давней постройки. В направлении с Ю. на С.-В. встречаются следующие каналы: 1) канал Темза—Эвон, соединя-

ющий Лондон с Бристолом и с угленосной областью Уэльса; 2) канал от Оксфорда на Темзе до Ливерпуля на Мерси; 3) Большой Осевой Канал (Grand Trunk Canal, построен в 1766—77), связывающий устье Мерси с системой Трента—Гембера, 149 км длины, 91 шлюз; 4) Большой Соединительный канал (Grand Junction Canal, построен в 1805), соединяющий между собой каналы внутренней Англии (144 км длины, 98 шлюзов); 5) канал Лидс—Ливерпуль; 6) система каналов, идущих от залива Клайд к заливу Форт по Шотландской низменности и соединяющих промышленную область Глазго с Эдинбургом; 7) Каледонский канал (1805—47), соединяющий залив Лорн (на Атлантическом океане) с заливом Морей (на Северном м.). Канал шлюзован (28 шлюзов), что заземляет судоходство по нему; значение канала невелико, благодаря его положению на крайнем С. о-ва.

Климат.

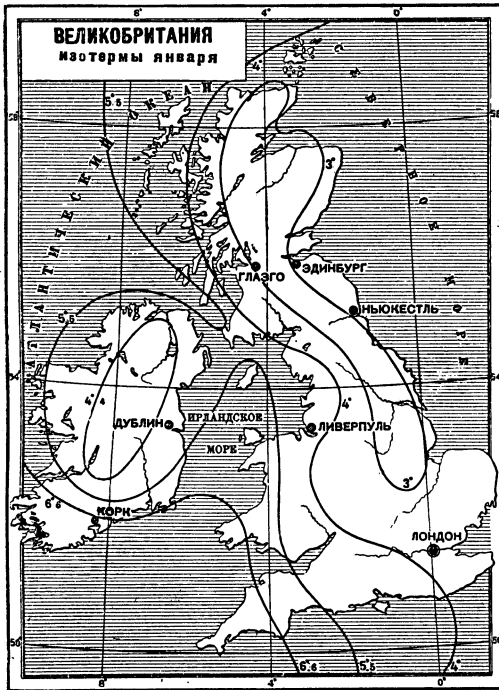
Климат В. гораздо мягче среднего климата полосы между 50 и 60° с. ш. Смягчение годовой амплитуды вызвано преобладанием юго-западн. ветров, несущих тепло и влажность с океана. С наибольшим упорством ю.-з. ветры дуют зимой (когда с особой отчетливостью выражен барометрический минимум у берегов Исландии). Начиная с октября, дожди идут почти без перерыва, уровень рек вздувается, происходят наводнения. Другой отличительной чертой климата является резкая изменчивость погоды, стоящая в связи с ходом циклонов, надвигающихся со стороны Атлантического океана, из разных точек его. Скачки температуры в один и тот же день бывают свыше 10°. Но в то же время годовая амплитуда, особенно на З., незначительна: в Гриниче она равна 13°,4, на З. Ирландии—около 8°. Следующая таблица дает основные климатические показатели для нек-рых пунктов В.:

Название пункта	Широта	Средняя годовая температура	Средняя месячная		
			наиболее холодного месяца	наиболее теплого месяца	средняя
О-в Силли	49°53'	11,2	7,7	16,1	
О-в Уайт	50°40'	10,6	5,2	16,8	
Гринич	51°28'	9,8	3,6	17,0	
Ливерпуль	53°24'	9,3	4,1	15,4	
Йорк	53°57'	8,7	3,2	15,4	
Гейбриды	57°32'	8,6	5,0	12,8	

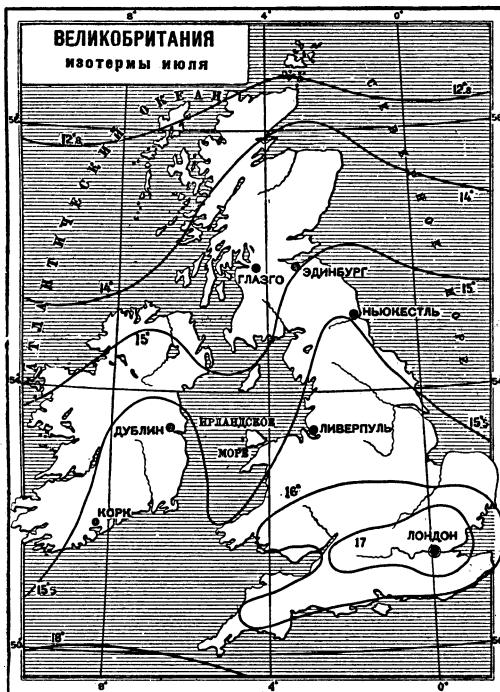
Климат морской, при чем в наиболее типичной своей форме он выражен в Шотландии, особенно на З. ее. Летом солнце не дает здесь достаточно тепла для вызревания хлебов, зимой луга остаются зелеными, нет морозов и снега (за исключением горных областей), постоянные туманы и упорный мелкий дождь. В Гриниче, в среднем, 14 снежных дней в году, в Эдинбурге—21; на Ю.-З. Англии снег редко держится дольше одного дня. На Ю.-В. Англии климат несколько приближается к материковому. Здесь бывают и сильные жары летом и (изредка) сильные холода. В Сеффолке в мае 1833 темп. поднималась до 30° в тени. Зимой 1813—1814 замерзла Темза. В янв. 1928 исключительно сильный снегопад вызвал градоподобное наводнение в бассейне Темзы. Но подобные факты отмечаются метеорологической летописью как необычные.

Дождя получают больше всего зап. области, раньше других принимающие на себя зап. ветры. Наибольшее количество дождя выпадает в западной Шотландии, в озерном

округе, в горах Уэльса и в Девоне [Бен-Невис—380 см атмосферных осадков, Гленко—470 см, Стай (Stye) в Кемберленде—360 см].

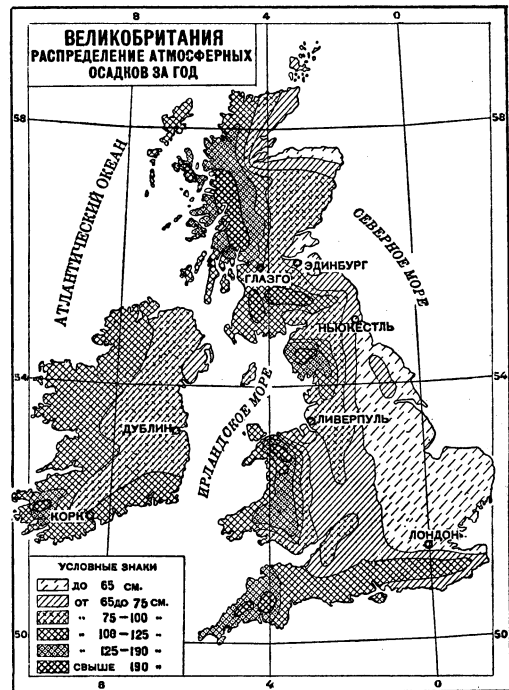

Площадь земель, получающих свыше 150 см осадков, в Шотландии в 3 раза больше, чем в остальной В., но на В. Шотлан-

дии, в области залива Морей—всего 60 см; на В. Англии везде меньше 100 см осад-

ков (Лондон—61 см, Оксфорд—63 см, Спернхед в Йоркшире—50 см).—По средней температуре трех зимних месяцев климат В. напоминает климат Средиземья. Но между ними огромное различие в количестве солнечных дней. В. мало видит солнца. На З. Шотландии из 7 дней—5 дождливых, в Кенте из 7—3. Зимой, если и нет дождя, постоянно все обволакивается туманом, к-рый стоит и над землей и над морем. Густые туманы на море затрудняют движение судов. Иногда все плавание от Нью-Фаундленда до Ла Манша проходит без солнца. На земле даже при хорошей погоде воздух насыщен парами, туман придает неопределенность очертаниям предметов. Особенно

густая мгла покрывает индустриальные города (Лондон, Манчестер), где туман смешивается с дымом многочисленных фабричных труб. Инсоляция достигает на Ю.-В. 40% (от нормального числа часов солнечного освещения), на о-ве Джерси—44% (в августе—55%); Лондон, по сравнению с другими городами Ю.-В., получает на 15%, а зимой на 50% меньше часов солнечного освещения. Еще меньше солнечного света получает запад Шотландии: Глазго—25%, Бен-Невис—17% нормального. Л. Синицкий.

Растительность. Животный мир.

Во флористическом отношении В. входит целиком в палеоарктическую область, специально в провинцию лиственных лесов. Естественных лесов осталось, однако, мало (ок. 3,2% всей площади В.); они состоят, гл. обр., из дубов и частью буков, притом растущих группами в парковом ландшафте. Такой ландшафт распространен, главным образом, в Англии и Ирландии. Мягкий, влажный морской климат делает возможным

разведение во всей юж. В. многих более южных растений, напр., настоящих кедров, ряда араукарий, агав, мирт, камелий и даже апельсина, чем славятся многие английские парки; правда, апельсины плохо цветут и еще хуже плодоносят, точно так же и виноград, требующий более высокой летней температуры и большого количества солнечного света, не вызревает на открытом воздухе. На крайнем западе, в Ирландии есть много атлантических и американских диких растений, происхождение которых до сих пор неясно. Более гористые части Англии и Шотландии заняты обширными вересковыми пустошами и торфяниками; на более возвышенных горах есть настоящая высокогорная флора. Процент необработанных земель в В. чрезвычайно велик (75%—в Шотландии, в частности, в графстве Сетерленд—96%, 50%—в Уэльсе, 25%—в Англии). Причины этого — и малое плодородие почв, и слишком влажный и туманный климат с недостаточным солнечным освещением, не говоря уже о причинах социально-экономического порядка. В Шотландии обширные площади занимают охотничьи владения лордов. Наибольшие пространства зерновые хлеба (пшеница, ячмень и отчасти овес) занимают на Ю.-В. Англии. Кроме указанных растений, большие площади занимает картофель (особенно в Ирландии), затем огородные и садовые культуры. Но в общем хлебные поля и огороды с садами покрывают не более 25% всей площади. Зато луга и пастбища, гл. обр., для выкормки мясного скота, отчасти овец, занимают почти 37%. Они распространены, гл. обр., в зап. частях Англии и в Ирландии. Сочные зеленые травы—отличительная черта растительного мира востока В.; особенно юго-вост. Англия славится рядом специальных культур, напр., хмеля (Кент), льна (Ирландия, особенно Бельфасть), плодовых деревьев, особенно овощей. Многие английские сорта разводимых растений сделались знаменитыми, например, перечная мята, нек-рые лекарственные растения, овощи. Своеобразную особенность многих местностей юго-восточной Англии составляет необычайное развитие оранжерей и парников для разведения овощей и декоративных растений; острова Гернси и Джерси имеют сотни гектаров под стеклом. Овощи преимущественно молодой картофель) и цветы идут, главным образом, в Лондон. *М. Голенкин.*

Животный мир В. настолько истреблен человеком, что охота сохранилась лишь как забава правящих классов. Для народного хозяйства Англии имеет значение, как промысел, не охота, а рыболовство. Животный мир Северного моря исключительно богат и разнообразен. Наибольшее экономическое значение имеет сельдь, передвигающаяся в определенные периоды из больших глубин на мелкие отмели (банки). Наиболее регулярно посещаются сельдями банки на вост. берегах В., при чем движение сельди идет с С. к Ю. С перемещением сельди передвигаются и лодочки флотилии: в июне и июле они находятся возле Оркнейских и Шетландских о-вов; в

августе и сентябре—возле берегов Шотландии и Англии до Гембера; с сентября до конца ноября они стоят перед Ярмутом и Лоустофтом. Около Корнуола с января ловится макрель (она появляется на более южных широтах, чем сельдь). Из глубинных рыб наиболее важной в экономическом отношении является треска. В Северном море она ловится почти весь год. Главная область ее лова—море против берегов Норфолка, особенно Доггер-банк (dogger голландски—треска). Из плоских рыб (они живут на глубинах не выше 40 м, т. к. ищут мест, куда проникает достаточно солнечного тепла) в значительном количестве вылавливается камбала различных видов (соль, тюрбо и др.). Соль встречается в огромных количествах в Ливерпульском заливе.

Ежедневно из Северного моря извлекается, в среднем, около 3 млн. кг рыбы, в год—до 1 миллиарда. Из всего дохода, приспосабливаемого рыбной ловлей в Северном море, на долю Англии и Шотландии приходится 60%; из 30.000 рыболовных судов, собирающихся в Северном море, $\frac{2}{3}$ принадлежит В.; из крупных паровых рыболовных судов— $\frac{4}{5}$ британские. На борту этих судов работает до 75 т. англичан и шотландцев; к ним нужно присоединить еще работающих на суше по солинию и копчению рыбы, по изготовлению бочек и сетей, постройке судов, торговле рыбой. Всего рыбной ловлей и связанными с ней занятиями в В. живет до 250 т. ч. Благодаря рыбной ловле и торговле рыбой вырос и разбогател ряд больших городов: Ярмут, Лоустофт, Гримсби, Гул, Эбердин, Питерхед и др. *Л. Синицкий.*

Млекопитающие, свойственные В., по своему общему составу представляют как бы часть материковой европейской фауны, хотя по количеству видов островная фауна, естественно, беднее материковой. Вследствие изоляции в В. развились нек-рые своеобразные местные формы. Так, напр., образуют виды и подвиды: обыкновенная землеройка—*Sorex araneus castaneus*, водяная кутора—*Neomys fodiens bicolor*, шотландский заяц—*Lepus timidus scoticus*, ирландский заяц—*L. hibernicus*, белка—*Sciurus vulgaris leuciscus*, лесная мышь—*Mus silvaticus Wintoni*, полевка Оркнейских о-вов—*Microtus orcadensis*, рыжая полевка—*Evotomys glareolus britannicus* и др. Из более крупных зверей встречаются: благородный олень—*Cervus elaphus scoticus*, дикая коза—*Capreolus capreolus Thottii*, а из хищников можно упомянуть лесную куницу, барсука, выдру, лисицу и дикую кошку, сохранившуюся в Шотландии.—Орнитологическая фауна довольно богата. Помимо значительного количества гнездящихся, преимущественно воробьиных, птиц, здесь попадает много пролетных форм, как, напр., различные северные кулики и чайки. Из характерных местных рас можно упомянуть имеющую охотничье значение шотландскую куропатку или грауса (*Lagopus lagopus scoticus*). Из хищных птиц довольно многочисленны мелкие сокола (чеглоны, дербнины, пустельги), ястреба перепелятники и коршун; значительно реже встречаются сокола—сапсаны, а зимой иногда залетает белый полярный орел.—Фауна рептилий бедна. Встречаются: широко распространенная живородящая ящерица, более редкая и спорадичная проворная ящерица, обычная веретеница, гадюка, которая водится в Шотландии. Из амфибий можно упомянуть три формы тритонов, два вида жаб и травяную лягушку.

Лит.: A. Demangeon, Les Iles Britanniques, «Géographie universelle», publiée sous la direction de P. Vidal de la Blache et L. Gallois, t. I, P., 1927 (приводится обширная библиография по каждому разделу географического описания В.); E. Obst, Grossbritannien und Irland, in: Andree-Heidrich-Sieger, Geographie des Welthandels, B. I, Europa, S. 669—756, Wien, 1926; P. G. H. Boswell, The British Isles, «Handbuch der regionalen Geologie», III, Heidelberg, 1917; A. C. Ramsay, Physical Geography and Geology of Great Britain, London, 1894;

Avebury, The Scenery of England, London, 1904; A. Geikie, The Scenery of Scotland, L., 1904; E. M. Ward, English Coastal Evolution, L., 1922; H. J. Maskinder, Britain and the British Seas, 2 ed., Oxford, 1907; A. G. Tansley, Types of British Vegetation, Cambridge, 1911; A. Salter, The Rainfall of the British Isles, London, 1921. На русском языке специальных работ по физической географии В. нет; из сочинений общего характера (в большинстве значительно устаревших) можно назвать: Геттнер, А., Страноведение Европы, стр. 82—104, М.—Л., 1925 (перевод с нем.); Реклю, Э., Земля и люди, т. IV, кн. 2, глава XI, СПб., 1898 (пер. с франц.); Филлипсон, А., Европа, в серии «Всемирная География» под общей редакцией проф. В. Сиверса, стр. 551—599 (перевод с немецкого), СПб., 1909.

Население.

Рост населения В. шел чрезвычайно медленно до 18 века. Количество жителей Англии и Уэльса исчисляется в 1480 в 3.700 тыс., в 1580—4.600 тыс., в 1700—5.475 тыс. и в 1750—6.470 тыс. В процентах к населению в начальный момент это дает прирост за 270 лет всего в 75%. С середины 18 века, в связи с торговыми и промышленными успехами В., рост населения идет гораздо более быстрым темпом, о чем дает представление следующая таблица:

Годы	Англия и Уэльс		Шотландия	
	население в тыс.	на 1 км ²	население в тыс.	на 1 км ²
1801	8.893	59	1.608	20
1821	12.000	79	2.092	26
1841	15.914	105	2.620	33
1861	20.066	133	3.062	39
1881	25.974	172	3.736	47
1901	32.528	215	4.472	57
1911	36.070	239	4.761	60
1921	37.887	251	4.882	62
1926	39.067*	259	4.897*	62

* Предположительные данные.

Население Ирландии составляло 5.395 тыс. в 1801, 8.175 т. в 1841, 4.390 т. в 1911 и 4.229 т. в 1926 (в т. ч. 1.256 т. в Сев. Ирландии). Т. о., население В. за последние 125 лет увеличилось более, чем в четыре раза (прирост на 339%), а вместе с Ирландией, население которой за вторую половину 19 века почти вдвое убавилось, благодаря низкому естественному приросту и огромной эмиграции, — в три раза с небольшим. Это увеличение произошло, несмотря на громадный перевес эмиграции над иммиграцией в течение этого периода, и, т. о., относится всецело за счет естественного прироста населения. Изменения рождаемости и смертности (не считая убитых на войне) с 60-х гг. 19 века показывает таблица, начинающая ст. 306.

Из этой таблицы видно, что и рождаемость и смертность в начале 20 в. значительно сократились по сравнению с предшествующим периодом; сократился и естественный прирост. Война вызвала заметное сокращение рождаемости: наибольшее (в Англии) в 1917—17,8 на т. и в 1918—17,7 на т. (в Шотландии наибольшее падение в 1918—20,2); сильный рост смертности, помимо убитых на войне, падает лишь на 1918, что объясняется, гл. образ., сильнейшей эпидемией инфлюэнцы, свирепствовавшей в этом году. Уменьшение естественного прироста

Годы	Англия и Уэльс			Шотландия		
	На тысячу жителей					
	рождаемость	умерло	прирост	рождаемость	умерло	прирост
1861—71	37,6	24,0	13,6	34,8	21,9	12,9
1881—91	34,2	20,3	13,9	32,2	19,1	13,1
1891—901	31,6	19,2	12,4	30,1	18,4	11,7
1911	24,3	14,6	9,7	25,6	15,1	10,5
1914	23,8	14,0	9,8	26,1	15,5	10,6
1916	20,9	14,4	6,5	22,8	14,3	8,5
1918	17,7	17,6	0,1	20,2	16,0	4,2
1920	25,5	12,4	13,1	28,1	14,0	14,1
1922	20,4	12,8	7,6	23,5	14,9	8,6
1924	18,8	12,2	6,6	21,9	14,4	7,5
1925	18,3	12,2	6,1	21,3	13,4	7,9
1926	17,8	11,6	6,2	20,9	13,0	7,9

во время войны задело В. гораздо меньше, чем другие государства, активно участвовавшие в войне. По данным Handwörterbuch der Staatswissenschaften (В. II, Bevölkerungswesen, Jena, 1924), за военные годы рождаемость в В. (с Ирландией) сократилась в среднем лишь на 18% по сравнению с 1913, в то время как в Австро-Венгрии сокращение достигло 53%, в Германии—46%, во Франции—44%, в Бельгии—43%, в Италии—33%. Убитыми на войне В. потеряла 744 тыс., а общие потери населения В. за время империалистской войны исчисляются следующим образом:

Потери за время войны	В тыс.	% ко всему нас.
Потери от сокращения рождаемости	840	1,8
Потери от увеличения смертности (включая убитых на войне и умерших от ран)	925	2,0
Всего	1.765	3,8

Общие потери Германии (также по данным упомянутого выше издания) составили 8,5% населения, Франции—7,4%. Из всех упомянутых выше стран одна В. имела в июле 1919 прирост населения (правда, ничтожный—ок. 1%) по сравнению с июлем 1914. Ближайшие годы после войны дали сильный подъем рождаемости (максимум в 1920) при нек-ром снижении смертности, в последние же годы наблюдается параллельное снижение и рождаемости и смертности и сокращение естественного прироста, упавшего значительно ниже довоенного уровня. В результате как продолжающегося процесса постепенного снижения естественного прироста, так и условий военного времени, десятилетие 1911—21 (промежуток между двумя последними переписями) дало исключительно низкий процент общего прироста населения: в течение 19 в. этот процент для Англии и Уэльса за десятилетие колебался между 18,1 (1811—21) и 11,6 (1881—91), за 1901—11 он составлял 10,9, за 1911—21 всего—4,9; для Шотландии процент прироста составлял в 1821—1831—13,0, в 1891—1901—11,2, в 1901—1911—6,5 и в 1911—1921—2,5. В отношении разделения населения по

полу в Англии и Уэльсе замечается тенденция возрастания относительного числа женщин: так, наименьшее число женщин на тысячу мужчин со времени переписи 1801 было в 1821, когда насчитывалось 1.036 ж. на 1.000 м.; в 1881 на 1.000 м. приходилось уже 1.055 ж., в 1901—1.068 ж., в 1911 столько же и в 1926—1.096 (в последнем повышении, конечно, значительную роль сыграла война); для Шотландии соотношение таково: в 1911—1.062 ж., в 1921—1.080 ж. на 1.000 м. Преобладание женщин особенно заметно в городах (1.114 ж. на 1.000 м.; в сел. местностях—лишь 1.025 ж.); из отдельных графств В. перевес женщин больше всего в Сессексе (1.273) и в Серрее (1.187), т. е. в графствах, тесно связанных с Лондоном (в самом Лондоне—1.165).

Эмиграция.—Процесс формирования экономической и политической мощи В. сопровождался огромным ростом эмиграционного движения. Переход центра тяжести английск. экономики от сел. х-ва к торговле и промышленности, сопровождавшийся массовой пролетаризацией мелких производителей (см. ниже, Исторический очерк), заставил выселиться из В. огромное количество согнанных с земли крестьян и вытесненных конкуренцией машины кустарей. Значительная эмиграция из В. начинается уже с конца 16 в., начало же массовой эмиграции совпадает с эпохой промышленного переворота 18 века. Кризисы полеводства в Англии так же, как и новые успехи фабричной индустрии, каждый раз вызвали усиление эмиграционного потока. Так, низкие цены на хлеб, установившиеся по окончании Наполеоновских войн, вызвали усиленное выселение ок. 1820; в 30—40-х гг. 19 в. выселилось множество кустарей-прядильщиков и ткачей, лишенных заработка, вследствие успехов машинного производства. Падение хлебных цен в результате конкуренции привозного хлеба дало новую волну эмигрантов в 1870, а последовавшее затем усиление пастбищного скотоводства за счет полеводства поддерживало усиленную эмиграцию в течение 1880—90. В Шотландии массовое выселение началось со второй половины 18 в. в связи с переходом к пастбищному овцеводству. В составе прежнего Соединенного Королевства наиболее сильно охвачена эмиграционным движением была Ирландия. Великий исход ирландцев начался после голода в 1846; за 1847—52 эмигрировало свыше 1.200 т. ирландцев, с 1852 по 1920—ок. 4.300 т. Всего за время 1815—52 из Великобритании и Ирландии выселилось 2.369 т. лиц британского происхождения (в т. ч. 1.829 тыс. ирландцев, 430 т. англичан и 110 т. шотландцев), а вместе с лицами небританского происхождения—3.464 т.; за время с 1853 по 1924 включительно эмигрировало 15.261 т. лиц британского происхождения, а вместе с иностранцами—21.585 т. Наибольший подъем эмиграции относится к середине 19 в.: за 1851 выселилось из В. и Ирландии 370 т. ч., более 1.000 ч. в день. На тысячу населения приходилось: 44 эмигранта в 1841, 120—в 1851, 44—в 1861, 64—в 1871, 57—в 1891. Война приостановила эмиграционное дви-

жение, но после 1918 оно возобновляется. Среди стран, принимавших британскую эмиграцию, на первом месте стоят Соединенные Штаты, в которые за 1820—1921 ушло 8.537,5 т. ч. (ок. половины всех эмигрантов из В. и Ирландии), в т. ч.: из Англии и Уэльса—3.594,2 т., из Шотландии—596 т., из Ирландии—4.347,3 т. Эмиграция из Англии и Шотландии, кроме Соедин. Штатов, шла в Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Юж. Африку, Индию, при чем движение в доминионы особенно усилилось в 20 в., в то время как отлив в Соед. Штаты заметно упал (см. таблицу ниже). Переселенцы из Шотландии первоначально шли, главным образом, в Канаду, с середины же 19 века—в Австралию.

Основные направления британской эмиграции за 1815—1900 (в %).

Страны, в к-рые направлялась британская эмиграция	%
Соединенные Штаты	65
Канада	15
Австралия	11
Южная Африка	5
Прочие страны	4

Направления британской эмиграции и иммиграции в 20 в. (включая отъезд и приезд на время) показаны в следующей таблице (до 1922 данные относятся ко всему Соединенному Королевству, после этого — к В. и Северной Ирландии):

Годы	Всего	Все британские страны	В том числе				Все небританские страны	В том числе Соед. Штаты
			Канада	Австрал. и Нов. Зеландия	Южная Африка			
Эмиграция из В. (учтены лица британского происхождения)								
1900	169	61	18	15	21	108	103	
1910	397	249	157	46	27	148	132	
1913	470	322	196	78	26	148	129	
1916	76	44	19	7	8	32	28	
1919	181	137	89	18	8	44	33	
1922	248	172	70	57	21	76	62	
1925	250	176	71	56	21	74	55	
Иммиграция в В. (по месту происхождения иммигрантов)								
1900	97	37	11	9	14	60	55	
1910	165	91	41	13	19	74	59	
1913	227	133	69	21	25	94	77	
1916	85	49	22	7	11	36	31	
1919	154	106	59	9	12	48	40	
1922	149	101	39	17	20	48	34	
1925	163	108	45	18	19	55	36	

Огромное большинство эмигрантов-ирландцев покидало страну навсегда, навсегда уходили и массы пролетаризованных крестьян и кустарей из Англии. Но расширение колониальных владений Великобритании и усиление деятельности англ. буржуазии вне метрополии сопровождались

значительным временным уходом лиц из состоятельных слоев для участия в колониальных предприятиях и ради выгод административной службы в колониях.

Профессиональный и классовый состав населения. Самодеятельное население Англии и Уэльса, по переписи 1921, составляет 45,3% всего населения (среди мужчин самодеятельных—67%, среди женщин—25,6%). По производственному признаку самодеятельное население распределяется следующим образом (учтено население в возрасте 12 лет и выше):

Отрасли производства	Число самодеятельных (в тыс.)	% к итогу
Промышленность . . .	8.127,5	47,3
В том числе:		
Горная	1.283,7	7,5
Металлургич. и металлообработ. (включая машино- и судостроение) . . .	2.196,0	12,8
Текстильная	1.153,8	6,7
Изготовление одежды и обуви	805,7	4,7
Строительная	726,4	4,2
Пищевкусная	540,7	3,1
Бумажная и полиграфическая	356,8	2,1
Деревообделочная	261,9	1,5
Химическая	197,7	1,2
Стеклольно-керамическая	176,5	1,0
Газ, вода, электричество	162,8	0,9
Кожевенная	80,5	0,5
Прочие отрасли	185,0	1,1
Сел. хозяйство	1.124,0	6,5
Рыболовство	40,2	0,2
Транспорт и сообщения	1.203,6	7,0
Торговля и финансы	2.275,1	13,2
Личные услуги	2.046,8	11,9
Администрация и армия	1.335,9	7,8
Свободные профессии. Искусство, развлечения, спорт	514,8	3,0
Прочие профессии и неопределенные профессии	122,0	0,8
Прочие профессии и неопределенные профессии	388,2	2,3
Всего	17.178,1	100,0

В Шотландии самодеятельное население в 1921 составляло 44,6% всего населения (среди мужчин самодеятельные составляли 65,7%, среди женщин—25,1%). По производственному признаку самодеятельное население Шотландии распределяется следующим образом:

Отрасли производства	Число самодеятельных (в тыс.)
Горная промышленность	180,0
Металлургическая и металлообработывающая	368,6
Текстильная	151,2
Сел. хозяйство	183,1
Транспорт и сообщения	155,6
Торговля и финансы	289,4
Личные услуги	199,6
Администрация и армия	143,2
Прочие отрасли	508,6
Всего самодеятельных	2.179,3

Об изменениях в удельном весе отдельных отраслей производства за 1881—1921 (для всего Соединенного Королевства) можно судить по следующей таблице, показывающей долю самодеятельного населения, занятого в главных отраслях в различные моменты этого периода:

Отрасли производства	1881	1891	1901	1911*	1911*	1921
	На 10.000 самодеятельного населения					
Сел. хозяйство	1.250	1.033	860	818	779	675
Рыболовство	48	37	32	29	38	34
Горная промышленность	343	413	461	556	615	674
Металлургич. и металлообработ. и машиностроит.	728	755	887	962	969	1.287
Текстильная	935	864	717	705	740	668
Химическая	41	48	62	81	100	139
Стеклольно-керамическая	102	98	109	95	110	110

* Методы группировки самодеятельного населения по переписи 1921 существенно отличаются от принятых в предыдущих переписях (перепись 1921 включает в ту или другую отрасль всех занятых в ней лиц, в то время как предыдущие переписи исключали конторских служащих, возчиков и т. п. категории лиц, обслуживающих данное производство, но непосредственно в нем не участвующих); вследствие этого данные 1911 для их сравнимости с данными 1921 перечислены (2-ая колонка) по принципам переписи 1921.

Приведенные таблицы показывают распределение самодеятельного населения по отраслям производства (industries), при чем в каждой отрасли отнесены все участвующие в данном производстве, независимо от их профессии в собственном смысле (так, к текстильной промышленности отнесены занятые в производстве канатов, брезента, парусов, ткани в отбелке, окраске материи и т. д., к каменноугольной промышленности—возчики угля и другие категории лиц, обслуживающих каменноугольную промышленность, но не участвующих непосредственно в добыче угля). Собственно профессиональное деление населения, получающееся путем объединения в одну группу всех лиц одинаковой профессии, хотя бы работающих в разных отраслях производства (при этом условии возчики, напр., работающие в каменноугольном, железодельном и других производствах, объединяются в профессии транспортников), дает цифровые соотношения, существенно отличные по сравнению с делением по производственному признаку:

Главные занятия (occupations)	% ко всему самодеятельному населению
Промышленность	48,9
Сельское хозяйство и рыболовство	7,5
Транспорт и сообщения	8,6
Торговля и финансы	9,1
Личные услуги	14,7
Свободные профессии	3,9

Наконец, следует отметить, что благодаря значительному своеобразию английской статистики профессионального состава населения, при обработке данных английских переписей по методам статистики континентальных стран, получают значительные расхождения с английскими данными, вызванные иными методами как классификации населения, так и распределения населения между отдельными профессиональными группами. Так, в германской статистической литературе (Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1927) данные переписи 1921 обработаны следующим образом (наиболее существенные расхождения—в категориях «личные услуги» и «торговля и сообщения», вызванные тем, что германская статистика включает занятых в ресторанном промысле в торговлю, в то время как английская статистика причисляет их к занятым личными услугами):

З а н я т ы я	Ан- глия и Уэльс	Шот- ландия	Вели- кобри- тания
	в % к итогу		
Промышленность	51,4	54,5	51,5
Сельское хозяйство	7,5	10,1	7,8
Торговля и сообщения	22,4	20,7	22,2
Общественная служба и свободные профессии	5,9	5,5	5,9
Личные услуги	7,7	6,1	7,5
Армия и флот	1,4	0,8	1,3
Прочие	4,0	2,3	3,8

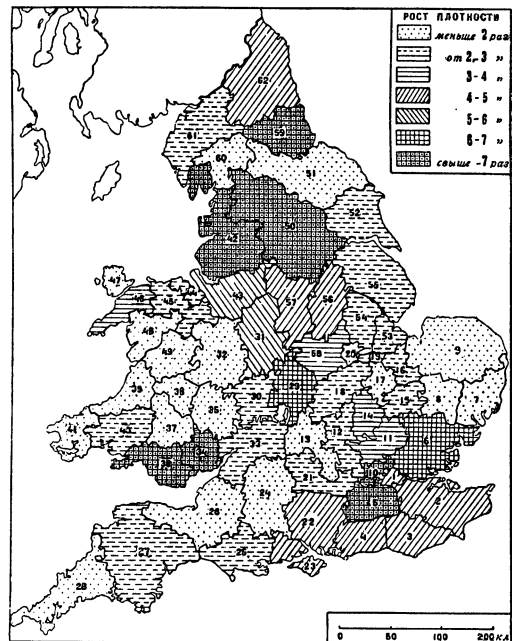
По проценту занятых в сел. х-ве В. стоит на последнем месте среди стран мира: в Германии в сел. х-ве занято 30,5% (1925), в Бельгии—16% (1920), во Франции—40,7% (1911), в Соедин. Штатах—26,3% (1920); по проценту занятых в промышленности В. наряду с Бельгией занимает первое место: в Бельгии—48,5% (1920), в Германии—41,4% (1925), во Франции—35,8% (1911), в Соед. Штатах—34,4% (1920). Необычайно высок в В. процент занятых личными услугами (домашняя прислуга, прислуга гостиниц, ресторанов и пр.). По классовому признаку, согласно официальным данным, самостоятельное население В. разделяется след. образом:

Социальное положение	Англия и Уэльс		Шотландия	
	в тыс.	% к итогу	в тыс.	% к итогу
Работодатели	636,9	3,6	98,2	4,5
Работ. само- стоятельно без приме- нения на- емн. труда	1.076,3	6,3	131,2	6,1
Работающие по найму .	15.464,9	90,1	1.938,2	89,4
Всего . .	17.178,1	100,0	2.167,6	100,0

Точного классового разделения эта таблица, однако, не дает, так как, помимо того, что в последнюю графу (работающих по найму) наряду с рабочими включены служащие самых разнообразных категорий социального и имущественного положения, сюда отнесены также участвующие в производстве члены семей первых двух категорий, к-рые никоим образом не могут быть отнесены к рабочему классу. По подсчету Войтинского (W. Wo y t i n s k y, Die Welt in Zahlen, zweites Buch, В., 1926), число собственно рабочих и служащих (неточно обозначенных им как пролетариат) В. и Северной Ирландии составляет 15.330 т. (при подсчете сведены данные за разные годы—с 1914 по 1924); эта цифра следующим образом распределяется по профессиям:

Отрасли производства	% к итогу
Сельское хозяйство	4,7
Промышленность	54,5
Торговля и сообщения	22,9
Государств. и обществ. служба	6,0
Свободные профессии	1,2
Прислуга	10,7
Всего	100,0

Географическое распределение населения.—Средняя плотность населения всей В. (1921)—181 на 1 км², Англии и Уэльса—251 на 1 км², Англии—271 на 1 км²; по отдельн. индустриальным районам плотность превышает 500 чел. на 1 км² (в Ланкашире—свыше 1.000). Эта огромная плотность создана исключительно скоплениями городского населения, образование которых содействовало индустриализации страны. В городах В. живет свыше $\frac{3}{4}$ населения, в Англии и Уэльсе процент городского населения достигает почти 80%, а в графствах некоторых индустриальных районов составляет 85—90% (95,1% в Ланкашире). К С. от Мерси и Гембера средняя плотность всего населения в английских графствах 380 на 1 км², сельского же населения отдельно всего 35 на 1 км² в промышлен. Шотландской низменности, благодаря крупным городам,

плотность достигает 430 на 1 км², к С. же от Гленмора (северная возвышенность), где нет значительных город. центров—всего 10 человек на 1 км². В начале 18 в. существовал лишь один массив густого населения—к Ю. от линии Уош—Северн. В эпоху промышленного переворота 18 в. образовались районы, притягивающие население к северу от этой линии, в области важнейших залежей камен. угля и железных руд, а также в районах крупнейшей портовых городов. Население Глеморгена выросло за 120 лет (1801—1921) в 17,6 раза, население Монмута и Дергема—почти в 10 раз, Ланкашира—в 7,3 раза, Уорика—в 6,7 раза. В настоящее время наиболее плотно населены здесь: Ланкашир (1.019 на 1 км²), Уорик (556), Глеморген (594), Дергем (563), Западный округ (West Riding) Йоркшира (443), Стеффордшир (450). В Шотландии выделился Ланарк (673 на 1 км²). В Юго-Восточной Англии интенсивный рост населения наблюдался лишь

в графствах, тесно связанных с Лондоном— в Мидлсексе, Эссексе, Серрее. Приложенная картограмма (на ст. 312) наглядно показывает интенсивность роста населения по графствам Англии и Уэльса (с 1801 по 1921).

Следующая таблица показывает распределение населения по графствам Англии и Уэльса, согласно переписи 1921, с указанием плотности населения и процента городского и сельского населения в каждом

графстве. Для сравнения приведены данные о количестве и плотности населения по переписи 1801, и выведено отношение числа жителей в 1921 к числу жителей в 1801, показывающее быстроту роста населения данного графства за 120 лет; сравнение цифр этой графы с соседней справа (% городского населения) показывает связь быстроты роста населения с соотношением городского и сельского населения.

Графства (нумерация соответствует номерам на картограмме, изображающей быстроту роста населения по графствам Англии и Уэльса)	Площадь в км ²	Население в 1801		Население в 1921				
		в тыс.	на 1 км ²	в тыс.	на 1 км ²	отноше- ние к чис- лу жит. в 1801, при- нят. за 1	% город. насе- ления	% сельск. насе- ления
Юго-Восточная Англия (Лондонский бассейн)								
1. Лондон	303	959	3.165	4.485	14.795	4,7	100,0	—
2. Кент	3.949	259	66	1.142	289	4,4	71,7	28,3
3. Сессекс Восточный	2.147	160	42	532	242	4,6	75,1	24,9
4. Сессекс Западный	1.626			196	121		50,3	49,7
5. Серрей	1.869	106	58	930	508	8,8	82,0	18,0
6. Эссекс	3.964	228	58	1.470	371	6,4	81,4	18,6
7. Сеффолк Восточный	2.255	214	56	291	131	1,9	58,6	41,4
8. Сеффолк Западный	1.582			109	69		37,9	62,1
9. Норфолк	5.321	273	51	504	95	1,8	48,9	51,1
10. Мидлсекс	602	71	118	1.253	2.081	17,6	95,5	4,5
11. Гертфорд	1.637	97	60	333	203	3,4	68,7	31,3
12. Беннингем	1.940	108	56	236	122	2,2	42,5	57,5
13. Оксфорд	1.939	112	58	190	98	1,7	48,7	51,3
14. Бедфорд	1.226	63	51	206	168	3,3	61,0	39,0
15. Кембридж	1.276	89	40	130	102	2,3	45,7	54,3
16. Округ Илли	964			74	77		50,5	49,5
17. Гентингдон	947	38	40	55	58	1,4	43,7	56,3
18. Нортгемптон	2.368	132	51	302	128	2,6	61,8	38,2
19. Округ Шиттерборо	217			47	217		75,7	24,3
20. Ретленд	394	16	41	18	46	1,1	18,2	81,8
21. Берншир	1.877	111	59	295	157	2,7	54,2	45,8
22. Гемпшир (Соутгемптон)	3.880	219	51	910	235	4,6	75,1	24,9
23. О-в Уайт	381			95	249		67,3	32,7
24. Вилтшир	3.497	184	53	292	84	1,6	45,6	54,4
25. Дорсет	2.532	115	45	228	90	2,0	54,0	46,0
26. Сомерсет	4.198	274	65	466	111	1,7	51,3	48,7
27. Девон	6.763	340	50	710	105	2,1	69,0	31,0
28. Корнуол	3.513	192	65	321	91	1,7	44,1	55,9
Северо-Западная Англия и Уэльс								
29. Уорик	2.449	207	83	1.390	556	6,7	86,2	13,8
30. Вустер	1.855	146	79	406	219	2,8	66,9	33,1
31. Стеффордшир	3.000	243	81	1.349	450	5,6	83,8	16,2
32. Шропшир	3.487	170	49	243	70	1,4	46,3	53,7
33. Глостер	3.261	251	77	758	232	3,0	69,6	30,4
34. Нонмут	4.415	46	33	451	319	9,8	89,6	10,4
35. Герифорд	2.181	88	40	113	52	1,3	35,3	64,7
36. Глеморген (Уэльс)	2.106	71	34	1.252	594	17,6	82,3	17,7
37. Брекнок	1.899	32	17	61	32	1,9	29,7	70,3
38. Реднон	1.219	19	16	24	20	1,3	31,8	68,2
39. Кардиген	1.793	43	24	61	34	1,4	31,3	68,7
40. Кармарген	2.381	67	28	175	74	2,6	41,6	58,4
41. Пемброк	1.590	56	35	92	58	1,7	44,2	55,8
42. Ланкашир	4.834	674	139	4.927	1.019	7,3	95,1	4,9
43. Чешир	2.662	192	72	1.026	386	5,3	81,3	18,7
44. Флинт (Уэльс)	662	39	59	107	162	2,7	40,5	59,5
45. Денби	1.724	60	35	155	90	2,6	36,0	64,0
46. Карнарвон	1.481	42	29	131	89	3,1	52,1	47,9
47. Энглеси	715	34	48	52	72	1,5	38,2	61,8
48. Меринет	1.709	30	18	45	27	1,5	44,9	55,1
49. Монгомери	2.064	48	23	51	25	1,1	35,6	64,4
50. Йоркшир, Зап. округ	7.176	859	55	3.181	443	4,9	78,5	21,5
51. » Сев. »	5.512			456	33		69,3	30,7
52. » Вост. »	3.035			461	152		81,1	18,9
Иорк, город	15			84	5.600		100,0	—
53. Линкольн Голланд	1.066	209	30	85	80	2,9	44,2	55,8
54. » Кестевен	1.898			108	57		37,8	62,2
55. » Линдсей	3.936			409	104		66,4	33,6
56. Ноттингем	2.186	140	64	641	293	4,6	78,9	21,1
57. Дерби	2.632	162	62	715	271	4,4	60,6	39,4
58. Лейстер	2.156	130	60	494	230	3,8	69,2	30,8
59. Дергем	2.627	149	57	1.479	563	9,9	70,4	29,6
60. Вестморленд	2.043	41	20	66	32	1,6	43,9	56,1
61. Кемберленд	3.938	117	30	273	69	2,3	63,7	36,3
62. Нортгемберленд	5.226	168	32	746	143	4,5	85,1	14,9
Англия и Уэльс	151.100	8.893	59	37.887	251	4,3	79,3	20,7

Распределение населения Англии и Уэльса по плотности и проценту городского населения.

Градация плотности на 1 км²	Число графств	Площадь в км²	% от всей площади	Населен. в тыс.	% от всего населения	% гор. населения		
						средн.	по отд. графствам	
							от	до
До 50	7	11.121	7,4	326	0,9	32	18,2	44,9
50—100	19	46.268	30,6					
100—200	13	36.388	24,1	3.656	9,6	50	35,3	69,3
200—300	11	24.301	16,1					
300—500	5	18.217	12,1	4.555	12,0	65	40,5	85,1
500—1.000	4	9.051	6,0					
Выше 1.000	4	5.754	3,8	10.749	28,4	97	95,1	100,0
Англия и Уэльс	63 (включ. г. Иорк)	151.100	100,0	37.887	100,0	79,3	18,2	100,0

Города.—В следующей таблице дан список крупнейших городов В. (приведены города, имевшие в 1921 не менее 200 т. жит.).

Названия городов	Население в тысячах				
	1801	1851	1901	1921	1925*
Англия и Уэльс					
Лондон	959	2.363	4.536	4.485	4.602
Большой Лондон (включая Вест-Гам, Ист-Гам, Кройдон, Уимблдон и др.)	—	—	6.581	7.480	7.742
Бирмингем	73	242	522	919	946
Бирминг. с предмест. (Уолсил, Сметуик, Вест-Бромич и др.)	—	—	—	1.166	1.210
Ливерпуль	82	397	711	803	856
Ливерп. с предмест. (Биркенхед, Уолси, Бутл и др.)	—	—	—	1.162	1.232
Манчестер	77	336	645	730	756
Манчест. с предмест. (Салфорд, Иклс, Пристич и др.)	—	—	—	1.025	1.062
Шеффилд	46	135	411	491	527
Лидс	53	172	436	458	473
Бристоль	61	154	339	377	386
Вест-Гам (см. выше Большой Лондон)	—	19	267	301	319
Гуль	30	88	240	287	297
Бредфорд	13	140	280	286	290
Ньюкестль	33	88	247	275	286
Ноттингем	29	99	240	263	271
Портсмут	33	72	190	247	233
Сток-он-Трент	—	—	215	240	279
Лейстер	17	63	212	234	242
Салфорд (см. выше Манчестер)	18	85	221	234	245
Плимут	16	53	108	210	192
Кардиф	2	20	164	200	227
Шотландия					
Глазго	77	329	761	1.034	1.052
Глазго с предм. (Парик)	—	—	—	1.104	1.128
Эдинбург	67	160	317	420	425

* Предположительно.
** 1926 предположительно.

Относительный рост городского населения Англии и Уэльса за 1770—1921 характеризуется следующими данными:

Годы	% город. населения	% сельского населения
1770	20,0	80,0
1851	50,2	49,8
1861	54,6	45,4
1871	61,8	38,2
1881	67,9	32,1
1891	72,0	28,0
1901	77,0	23,0
1911	78,1	21,9
1921	79,3	20,7

По проценту городского населения и по концентрированности населения в больших городских центрах—Англия стоит на первом месте в мире. Почти 2/5 ее населения (38%, считая Большой Лондон) живет в городах, имеющих свыше 200 т. ж. (в Германии—20,7%, в Соед. Штатах, считая Нью-Йорк с предместьями—около 24%).

Следующая таблица дает представление об урбанизме Англии; в левой колонке дана градация процента городского населения; в четырех следующих даны (в абсолютных цифрах и в процентах) площадь и население всех графств Англии и Уэльса, имеющих соответствующий процент городского населения; в последней колонке дана средняя плотность населения по каждой группе.

% город. населения	Площадь		Население		Плотность на 1 км²
	км²	% к итогу	В тысячах	% к итогу	
90—100	5.754	3,8	10.749	28,4	1.868
80—90	25.726	17,0	9.075	24,0	353
70—80	22.182	14,7	7.932	20,9	358
60—70	35.665	23,6	5.157	13,6	145
50—60	14.933	9,9	1.681	4,4	113
40—50	31.371	20,8	2.541	6,7	81
меньше 40	15.469	10,2	752	2,0	49
Англия и Уэльс	151.100	100	37.887	100	251

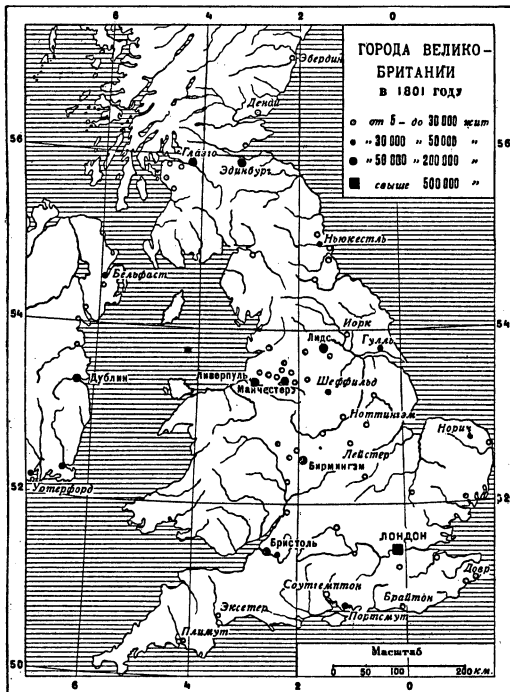
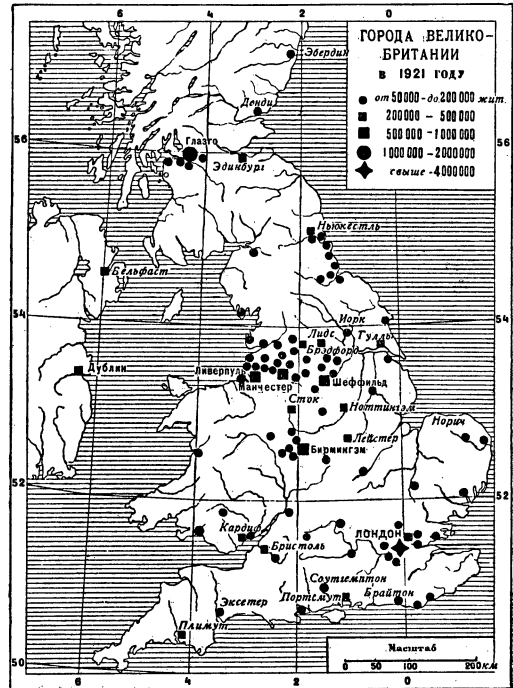
Крупнейшие города Англии во второй половине 14 в.

Города	Тыс. ж.	Города	Тыс. ж.	Города	Тыс. ж.	Города	Тыс. ж.
Лондон	35	Плимут	7,3	Линколин	5,5	Колчестер	4,5
Иорк	11,4	Ковентри	7,1	Лин	5,2	Ньюкестль	4,5
Бристоль	9,2	Норич	6,3	Кентерберн	4,7	Онефорд	3,8

Города.

Среди городов В. различаются два поколения: старые города, выросшие, по преимуществу, благодаря торговле, и новые—промышленные центры (см. таблицы на ст. 315). Торговые города возникали чаще всего в местах пересечения линий сношений, особенно в местах переправы через судоходные реки, где скрещивались водные и сухопутные дороги, где возникали типичны для В. торговые города, возникшие в верхушках эстуариев у последнего моста через реку, у того места, куда еще достигает морской прилив. Такими «городами при мостах» (bridge place) были: Бристоль, Линколн, Норич, Кентербери, Йорк, Рочестер, Соутгемптон, Эксетер, Глостер, Честер и Лондон, в первоначальном развитии к-рого сыграло важную роль его положение у переправы через Темзу (Лондонский мост, London Bridge). Те из узловых пунктов, которые стали рынками и распределительными пунктами для обширных областей, прочно сохраняют свое значение на протяжении всей экономической истории Великобритании. В другом положении оказались торговые города внутри страны, распределительные пункты чисто местного значения. Пережив короткое время блестящего торгового развития, они начинают быстро клониться к упадку, особенно, если сокращается торговля тем специальным продуктом, благодаря к-рому они разбогатели. Упадок торговли шерстью, обслуживавшей запоры разбросанных по деревням кустарей, быстро подорвал значение выросших за счет этой торговли городов «старой Англии»; многие из них представляют

старинные замки, соборы и здания университетов и колледжей, обвитые плющом. Города, созданные промышленным переворотом и образующие, по сравнению с городами старой с.-х. и торговой Англии,

теперь тихие провинциальные города с узкими улицами и деревянными домами, среди которых выделяются памятники прошлого—

новое поколение, ничем не связаны с прошлым. Новые города образовались, по преимуществу, среди каменноугольных бассейнов, в местах, мало привлекательных для человека по своим природным условиям; из 40 крупнейших городов Англии 27 находятся в области угля. Каждый из новых городов является членом целой группы, целого созвездия городов. Помимо городов угля, разбросанных по всему С.-З. Англии, есть еще группа городов хлопка— в Ланкашире, шерсти— в Йоркшире, железа— в центральных графствах и на С.-В.; ряд городов образует особый «горшечный округ» (в Стеффордшире). Промышленный переворот вызвал бурный рост индустриальных центров. Манчестер, Бирмингем, Шеффилд были деревнями в 16 в. Промышленные города нарождаются и сейчас: Крю (Кру) и Суиндон выросли в узлах ж. д. при ж.-д. мастерских, Мидлсборо— возле рудников Кливленда, Гримсби развился благодаря рыболовству. В некоторых случаях возникновение новых торговых связей увеличивало значение уже существовавших торговых пунктов: рост Ньюкестля усилился, благодаря начавшейся его торговле углем с Лондоном, Ливерпуля— благодаря снабжению хлопком и пшеницей промышленных районов Манчестера, Лидса, Шеффилда, Бирмингема; Гульль усилил свои обороты вывозом на континент сперва тканей, затем австралийской шерсти.

Товарные порты в значительной степени специализировались по своему назначению,

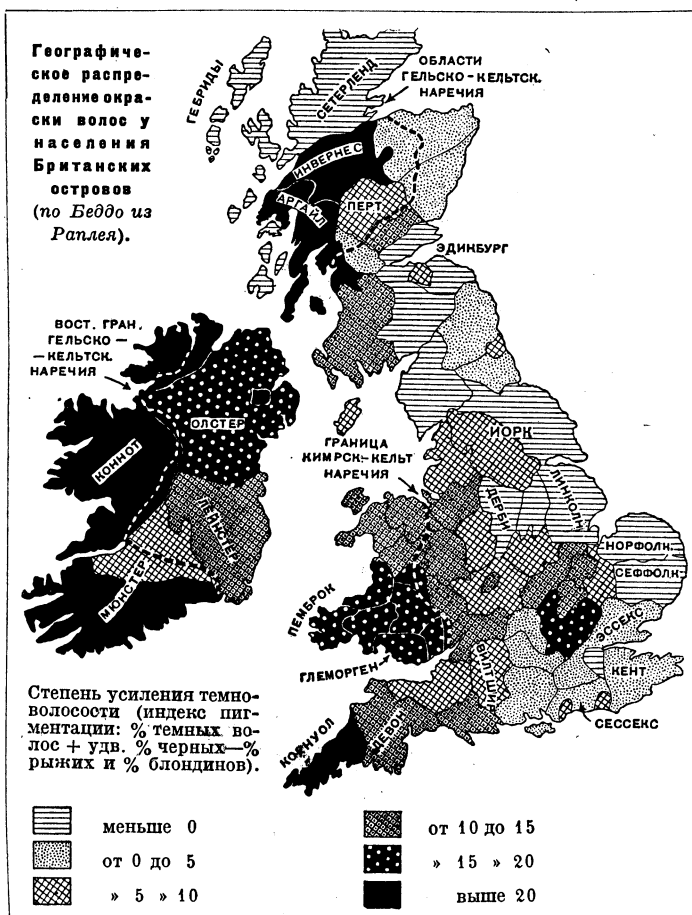
Неся в себе этнические черты перечисленных выше культурных наслоений и влияний, современное население В. (вместе с Ирландией) распадается на две основные группы: 1) англичан и 2) кельтских народностей. Кроме них, имеется небольшое количество евреев и представителей др. национальностей. Англичане (41 млн.) в наст. время заселяют большую часть территории В. Язык их распадается на несколько диалектов (см. *Английский язык*). Ход этнологической истории Англии (см. Исторический очерк), быстрое размножение населения при ограниченности территории сильно изменили этнографический облик англ. народа: во многих местах (особенно у городского населения) наблюдается почти полное исчезновение этнографической самобытности. Все же в ряде особенностей материальной и духовной культуры можно усмотреть древние черты, идущие от англо-саксов, как в типе жилищ, так и в некоторых обычаях земледельческ. быта и семейной жизни, а также в свадебн. обрядах. Так, например, сохранился обычай загораживания церковных дверей скамьей, через которую должны перепрыгнуть жених с невестой, стрельба во время свадебного поезда, отъезд молодой четы из церкви вскачь и т. д.; сохранились древние игры молодежи на Пасху, в празднование Иванова дня и т. д. Однако, эти пережитки (survivals) англ. старины за последнее время довольно быстро исчезают. — Кельты, сохранившие родной язык, живут в Ирландии, частью в Шотландии* и Уэльсе**. По особенностям языка кельтов В. делят на говорящих на гельском наречии — ирландцев, шотландцев и жителей о-ва Мена, и на бретонском или кимрском — жит. Уэльса. К кимрской же группе относился и корнский язык, вымерший в конце 18 века. В этнографическом отношении кельтское население (в Уэльсе, Корнуоле и горной Шотландии) сохранило значительно больше самобытности, нежели английское, хотя и подверглось значительной англоизации (подробнее см. *Кельты*). Особо следует отметить не совсем исчезнувшее даже до сих пор влияние старинного кланового строя на народную жизнь шотландцев, вплоть до остатков тотемизма, открытых Э. Лангом. — Евреи в В. живут давно; в 13 веке

* В Шотландии в 1921 насчитывалось ок. 10 т. человек, говорящих только на гельском яз., и 149 т., владеющих гельским и английским.

** В Уэльсе в 1911 насчитывалось 190 т. человек, говорящих только на кимрском языке, и 787 т., владеющих обоими языками.

они были изгнаны отсюда по распоряжению Эдуарда I, и лишь в 17 веке (в эпоху республики и протектората) вновь стали селиться там; значительная часть нынешних английских евреев эмигрировала в В. из России в 19—20 веках.

Расовая история В. рисуется следующим образом. В верхнем палеолите В. была населена *кроманьонской расой* (см.) (скелет «красной леди», найденный в Певилленде) и, быть может, *ориньякской* (см.), если признавать ледниковую древность за черепом из Галлей-Гилл. Дальнейшая судьба палеолитического населения неизвестна. Неолитическое население так наз. «продолговатых курганов» («long barrows») было длинноголово (указатель ок. 72), сравнительно низкоросло и, по видимому, обладало темной

пигментацией волос и глаз. Этот расовый слой сближают со *средиземноморской расой* (см.). С наступлением бронзового века (эпоха «круглых курганов» — «round barrows») в В. проникает из сев.-восточ. Европы суббрацефальная раса, более высокорослая, нежели предыдущая. Эта раса, быть может, сближается с *восточной расой* (см.), или балтиской расой Нидерландов, Прибалтики, Европ. России (Чепурковский). Впоследствии эта широкоголовая раса, появление которой связано с одной из кельтских волн, смешалась со средиземноморской. Римляне,

несмотря на большое культурное влияние, не изменили расового состава населения (Риплей). Последующие герман. наслоения принесли с собой новый тип т. н. с е в е р н о й расы—высокорослый, длинноголовый, светлопигментированный. Т: о., в основе современных населения В. лежат три основных расовых слоя: средиземноморский и северный, сохранившиеся в ясно выражен. виде до наших дней, и восточный, следы которого обнаруживаются с несколько меньшей ясностью.

По головному показателю население В. мезо- и долихоцефально, при чем головной показатель мало варьирует по округам (от 76 до 80). В цветности наблюдаются большие порайонные различия. Наибольшей степени пигментации (см. карту) достигает в юго-западной части Шотландии, Уэльсе, Корнуоле и Ирландии, т. е. в областях распространения кельтского населения. Наиболее светлыми являются жители вост. побережья В. и сев. Шотландии. Население Англии отличается высоким ростом (средняя, обнаруживая значительные географические вариации, колеблется между 170 и 178 см). Различие в географ. распределении антропологич. признаков (особенно цветности) стоит в связи с расовой историей В., и, т. о., несмотря на интенсивно происходящие смешения, расовый состав современ. населения увязывается с данными этнографии, истории и палеантропологии. Лит.: G. Buschan, illustrierte Völkerkunde, В. II, Т. 2, Stuttgart, 1926; Ripley, The Races of Europe, London, 1900; Г е л ь м о л ь т, Г., История человечества, т. VI, СПб, 1904.

Экономико-географические районы.

Собственно Англия (с Уэльсом) по своим физическим и экономическим условиям ясно делится на две части: Юго-Восток—Лондонский бассейн (или «Столичная Англия») и Северо-Запад—промышленная Англия. Ю.-В.—слегка холмистая, плодородная, отлично возделанная низменность, почти лишенная каменного угля. Жизнь сосредоточивается, гл. обр., в столице с ее семимиллионным населением; из остальных городов только 5 имеют свыше 100 тыс. ж. (Портсмут, Плимут, Брайтон, Суотгемптон и Норич). По Сев.-Зап. Англии проходят две значительные возвышенности—Кембрийская и Пеннинская. На высотах имеются лишь тощие пастбища с вересковыми зарослями, зато нижние склоны и прилегающие равнины с рядом каменноугольных бассейнов стали главными областями промышленной жизни Англии. Здесь нет такого центра, господствующего над всеми остальными, каким является Лондон для Ю.-В., но 3 города: Ливерпуль-Биркенхед, Манчестер-Салфорд и Бирмингем с пригородами, каждый имеет свыше 1 млн. жит., 2 города (Лидс и Шеффилд)—по 1/2 млн., 7 городов—по 1/4 млн. и больше, свыше двадцати—по 100—200 тыс. Раздельная линия между промышлен. Англией и Лондонским бассейном идет от устьев Северна к Уошу.

Для Лондонского бассейна особенно существенны следующие черты: 1) близость материка, доступ к которому открывается через береговую линию от Норфолка до Корнуола,—линию, удобную для сношений с материком и в то же время нуждающуюся в защите; 2) схождение всех главных сухопутных и водных дорог к Лондону; 3) отсутствие сколько-нибудь значительных энергетических ресурсов; 4) благоприятность условий почвы и рельефа для земледелия. Из этих обстоятельств вытекают: огромное коммерческое и относи-

тельно малое промышленное развитие области; гегемония Лондона над всем бассейном, обусловленная как его мировой ролью торгового и финансового центра, так и его значением как естественного узла местных сношений и как распределительного центра Юго-Вост. Англии; наличие районов, сохранивших в экономике значительный удельный вес сельского хозяйства и имеющих относительно высокий процент сел. населения (главн. обр., во внутренних графствах); сосредоточение здесь армии и флота (три крупных военных порта).

Весь бассейн географически может быть разделен на 4 квадранта, сходящиеся к Лондону—юго-восточный, сев.-восточный, сев.-западный и юго-западный. Юго-вост. квадрант образован графствами Kent, Сессекс и Серрей. Когда-то почти весь этот район был покрыт лесом, и заселены были, главн. обр., свободные от леса, известковые холмы (Downs). Теперь главн. часть населения сосредоточивается в долине Темзы и на с.-в. побережья Кента, а также на юж. побережья Сессекса, в местах, наиболее удобных для сношений с континентом и наиболее тесно связанных с Лондоном. Большая теплота лета, обширные пространства равнин, удобных для обработки, способствовали развитию на Ю.-В. земледелия: Kent—главная область хмелеводства в Англии и одна из главных садоводческих областей. Многие из береговых городов (особенно Брайтон) выросли благодаря тому, что они сделались дачными местами для Лондона. Близость к Лондону обусловила быстрый рост населения в северной части квадранта, и близкие к столице города, разросшись, стали теперь ее предместьями. Сев.-вост. квадрант (Норфолк, Сеффорд и Эссекс) отличается монотонностью своей топографии. Развитию земледелия здесь, помимо условий, общих для Юго-Вост. Англии, содействует благоприятный климат, приближающийся по характеру к материковому. На побережья—ряд рыболовных и торговых портов (Гарич, Ипсуич, Ярмут, Лоустофт); здесь, а также в районе, примыкающем к столице (Эссекс), и сосредоточено наиболее густое население. Сев.-зап. квадрант (графства Мидлсекс, Гертфорд, Кембридж, Гентингдон, Бедфорд, Бекингем, Оксфорд, Нортгемптон и Ретленд, округа Питерборо и Или) расположен во внутренней части Англии, не имея непосредственного выхода к морю. Единство ему придают, главным обр., многочисленные ж.-д. линии, радиально отходящие от столицы к Э. и С. Англии. Но, несмотря на изобилие дорог, этот район больше отдален от общего потока экономической жизни, чем в прежнее время. Большая часть сношений только проходит через него и «оказывает на деревенские округа, чем движение судов по Суэцкому каналу на Египет в области Каира» (Мекиндер). Графства этого квадранта, кроме Мидлсекса (большая часть которого представляет фактически пригород Лондона), принадлежат к наименее густо населенным районам Англии (особенно С. квадранта), сохранившим в наибольшей степени аграрный уклон. Эти

внутренние графства—Англия прошлого. Торговля шерстью, благодаря к-рой процветало прежде много городов, заглохла. Лишь кое-куда, благодаря влиянию ж. д. и связи со столицей, просочилась промышленность (Нортгемптон, Бедфорд). Юго-зап. к в д р а н т распадается на две части: ближнюю (восточ. часть района, графства Гемпшир, Вилтшир, Беркшир и Дорсет) и дальнюю (юго-западная—Сомерсет, Девон и Корнуол). Первая представляет сходную область с Ю.-В., симметричную ей по строению, орошению и условиям заселения. Как и на Ю.-В., наиболее густое население расположено двумя полосами: 1) северной, идущей к Э. от Лондона, через Виндзор и Ридинг к Ньюбери, и 2) южной, вдоль побережья, продолжающей полосу густого населения ю.-в. квадранта и идущей от Брайтона через Портсмут, Соутгемптон и Дорчестер; между ними идет полоса сравнительно редкого населения. В юж. полосе центральное положение занимает Соутгемптон. Это порт для сношений с континентом, как и Дувр, но, сверх того, он поддерживает и океанические сношения, как Лондон, имея перед последним преимущество большей близости к открытому океану. Его наружная гавань—Портсмут. Вследствие большего распространения здесь известкового плато, незагороженные пространства тощих пастбищ, пригодных, гл. обр., для овец, занимают здесь больше площади, чем на Ю.-В. Дальний Ю.-З.—в значительной части гористая область с морским климатом. Земледелие соединяется здесь со скотоводством и молочн. хозяйством, особенно развитыми в Девоне, благодаря обилию прекрасных пастбищ. Горные богатства и рыбная ловля Корнуола теперь имеют меньшее значение, чем в прошлом; добываемый в Корнуоле каолин (продукт разложения местного гранита) перевозится в Стеффордшир (морем до устья Мерси, оттуда по каналу), где перерабатывается на заводах в фарфоровые изделия. Вне общего направления хозяйственной жизни района стоит Бристоль, принадлежащий, благодаря своим рудным богатствам и торговле, скорее к промышленной Англии. Плимут и Девенпорт аналогичны по своему положению и отчасти по значению Портсмуту и Соутгемптону.

Лондон, к которому сходятся все описанные четыре квадранта,—единственный город Англии, который по своему многовековому прошлому может быть поставлен в ряду таких исторических городов, как Рим, Париж, Вена, Флоренция, Венеция и Милан. В раннее средневековье, когда Британия была еще пастушеской страной, Лондон был уже значительным городом, тогда как все остальные центры страны, на современную мерку, были простыми деревушками. В эпоху создания торгового могущества Англии, Лондон выдвинулся на место первого порта Европы. Индустриализация Англии, сопровождавшаяся ростом новых городских центров и усилением торговой деятельности портов зап. Англии, не только не подорвала значение Лондона, а, наоборот, косвенно содействовала его усилению; вместе с ростом экономической мощи В.,

рос и лондонский порт, росло могущество Сити, делового ядра торговой и финансовой столицы мира. В течение 19 века Лондон не имел соперников по количеству населения среди городов мира. Лишь с конца 19 в., в связи с общими изменениями условий экономического развития В. (см. Экономический очерк и Исторический очерк), замедлился и рост Лондона, и в 20 веке его обогнал Нью-Йорк («Большой Нью-Йорк» в 1925 почти на 2 млн. жителей больше «Большого Лондона»). Вместе с улучшением путей сообщения Лондон все больше выходил из своих пределов, обростал пригородами и дачными местами; в наст. время множество семей лондонской буржуазии, служащих, даже состоятельных ремесленников живет вне города, сохраняя, однако, постоянную связь со столицей. По своим тесным связям с Лондоном, все 4 квадранта юго-восточ. Англии составляют — одни более, другие менее — спаянные части одной городской общины.

Промышленная с е в е р о - з а п а д н а я Англия распадается на пять районов. 1-й район — «Черная страна» — состоит из четырех «западных центральных графств» (Western Midlands): Уорика, Вустера, Стеффордшира и Шропшира. Экономическое развитие района базируется на находящемся в его пределах железорудных и каменноугольных залежах. На Ю.-В. каменноугольного бассейна, в узле дорог из Лондона, Ливерпуля и Бристоля, находится Бирмингем. Весь этот бассейн—как бы огромный завод, ночью пылающий пламенем доменных печей, днем окутанный их дымом; почва завалена кучами шлаков. Вокруг Бирмингема расположились колыбом города, многие из которых стали его предместьями; они сбывают в него свои продукты: одни—гвозди, другие—разнообразнейшие железные изделия, третьи—чулки, четвертые—сапоги, и т. д. Несколько в стороне стоит сев.-зап. угол Стеффордшира с собственным небольшим каменноугольным полем. Здесь находится знаменитый «горшечный округ» (Potteries), получающий обыкновенную глину на месте, а каолин из Корнуола. Несколько городов, разделивших между собой различные ступени фабрикации (размол, отмучивание глины, формовка, обжиг), слились в одно непрерывное поселение, скопившее в себе свыше 200 тысяч жителей.

2-й район образован 9-ю графствами, расположенными по нижнему течению Северна и в юж. Уэльсе: Глостер, Герифорд, Монмут, Глеморген, Брекнок, Реднор, Кардиген, Кармартен и Пемброк. Они объединяются и физическими особенностями и экономическими отношениями: близостью каменноугольных бассейнов—Глостера, с одной стороны, и Глеморгена—с другой, береговыми сношениями Бристоля с Ливерпулем и ж. д. из Лондона в Голигед и Милфорд, прорезающей эти графства. Промышленность области сосредоточивается в 2 крупных городах: Бристоле и Кардифе. Бристоль (в Глостере) приобрел сперва значение благодаря ввозу скота из Ирландии, затем, благодаря торговле колониальными продуктами (сахар, табак, какао, вест-индские фрукты). Кардиф, Мертир-Тидфил, Суонси

(все три в Глеморгене) и Ньюпорт (в Монмуте) развились благодаря большому каменноугольному бассейну в юж. Уэльсе (через эти города вывозится уголь). В то же время на каменном угле этого бассейна выросла металлургическая промышленность, пользующаяся как собственной, так и привозной железной рудой. Среди промышленных графств юж. Уэльса и примыкающих к ним с С.-З. пустошей резко выделяется, как один из наиболее деревенских округов, еще оставшихся в Англии, Герифорд со своими жирными землями, откормленным рогатым скотом и превосходными садами.

3-й район образован 8-ю графствами, расположенными по р. Мерси и в сев. Уэльсе: Ланкашир, Чешир, Флинт, Денби, Карнарвон, Энглеси, Меринет и Монгомери. По сравнению с предыдущей областью здесь нет такого обширного каменноугольного бассейна, как в южном Уэльсе, но, с другой стороны, в области Мерси промышленность развита значительно больше, чем по нижнему Северну. Как во 2-й области, так и в 3-й есть свои земледельческие округа: Чешир и Энглеси—одни из наиболее цветущих деревенских районов Англии. Главная промышленная деятельность района сосредоточена в области, лежащей между р. Мерси и длинной полосой болот, протянувшейся далее на север. Здесь лежит двойной город Манчестер-Салфорд, окруженный широким кольцом промышленных городов (Уоррингтон, Сент-Геленс, Рочдел, Олдгем, Стокпорт и другие). Самый Манчестер, особенно после проведения к городу морского канала (см. Рельеф и гидрография, каналы), стал больше рынком и портом, чем промышленным городом. В городах же, окружающих его, издавна распространена выделка бумажной пряжи и тканей, при чем между отдельными городами наблюдается известное разделение труда. Здесь развит и ряд промыслов, связанных с хлопчатобумажной промышленностью: выделка прядильных и ткацких машин, производство химических продуктов и т. п. Севернее, по ту сторону болот, вытянулся ряд более отдаленных городов той же группы, продающих в Манчестере свою пряжу и ткани и покупающих хлопок в Ливерпуле. Для С.-З. Англии Манчестер, один из важнейших жел.-дор. узлов В., имеет в известном отношении то же значение, что и Лондон для Ю.-В. Англии, но не в такой исключительной мере; крупнейшее значение в экономической жизни всего района имеет и находящийся рядом с Манчестером Ливерпуль. Последний лежит у широкого устья Мерси, составляя с расположенным на другой стороне Биркенхедом двойной город—Ливерпуль-Биркенхед, представляющий в экономическом отношении единое целое.

4-й район, состоящий из следующих графств—Йоркшир, Дерби, Ноттингем, Лейстер и Линколн,—орошается системой одной реки, Гембера, и является географически более целостным, чем остальные. Проходящая здесь Пеннинская возвышенность представляет обширную область пастбищ; на местной шерсти при посредстве двигателей, установленных на протекающих здесь

быстрых реках, и развилась промышленность зап. Йоркшира (Вест-Ридинг). Восточный Йоркшир (Ист-Ридинг) до 70—80-х гг. 19 века был обширнейшим пшеничным полем Англии. Вследствие вытянутости здешнего каменноугольного поля и разнообразия местных видов промышленности (гл. обр., шерстяная и железоделательная), здесь нет ни одного города, который по своей величине равнялся бы Манчестеру или Бирмингему, но есть ряд крупных промышленных центров, некоторые из которых образуют целые созвездия городов: Лидс—Бредфорд—Галифакс—Геддерсфилд, Шеффилд с рядом более мелких городов, Гулль (все в Йоркшире), Ноттингем, Лейстер и др.

5-й район образован 4-мя сев. графствами—Нортемберленд, Дергем, Кемберленд и Вестморленд. Источником богатства области является камен. уголь, залежи которого находятся возле самого моря, благодаря чему здесь образовался ряд угольных портов и развилось судостроение. Крупных городов здесь три (в Нортемберленде и Дергеме), каждый из них слит из нескольких и расположен на речной дороге: на Тайне лежит комплекс почти слившихся между собой городов—Ньюкестль—Гетсгед—Ярроу—Соут-Шилдс—Норт-Шилдс—Тайнмут; на Уире—Сендерленд и Уирмут; на Тисе—Дарлингтон—Стоктон—Мидлборо—Гартлпул. В узле ж. д.—г. Карлейль (в Кемберленде), один из главных ж.-д. узлов Англии. Кемберленд и Вестморленд—горные страны с множеством красивых озер. Это т. н. «Озерный округ», излюбленная область туризма.

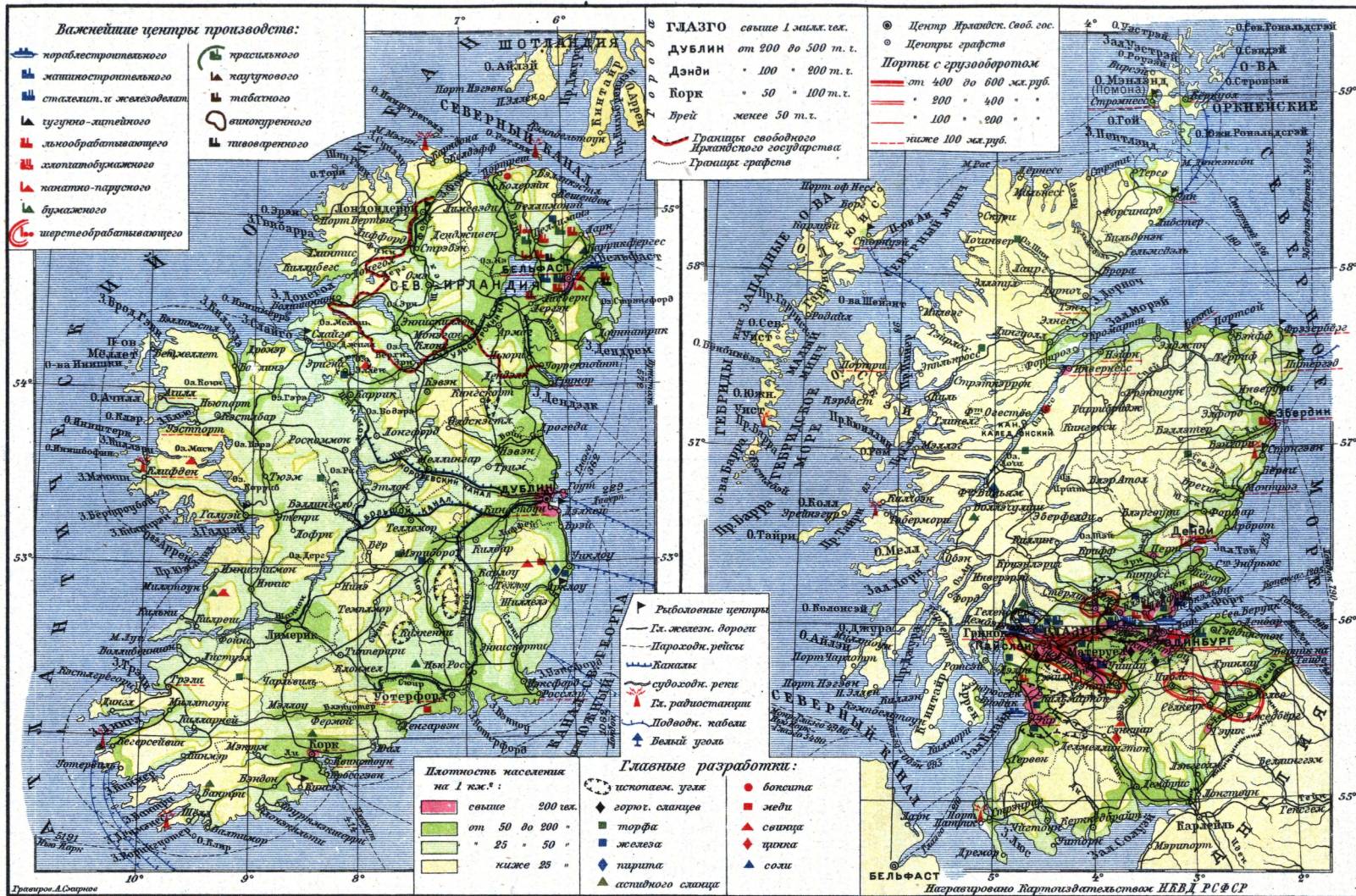
Шотландия.—Изолированное, вследствие преобладания поперечного направления хребтов, и удаленное положение содействовало обособлению жизни Шотландии. По характеру поверхности и почвы и по типу экономики различают: 1) Северное нагорье (Highlands), 2) Юж. возвышенность (Southern Uplands), 3) лежащую между ними низменность (Lowlands), всегда бывшую наиболее богатой частью Шотландии.

1) В Северном нагорьи наблюдаются заметные различия между западом, более высоким и пересеченным, и востоком, с широкими и открытыми к морю равнинами. Под полями, особенно на З.,—ничтожная доля поверхности (в Сетерленде—всего 2%); слишком мало солнца, мало плодородна почва, нехватает удобрения (навозное удобрение пополняется выжиганием вереска). Главным источником дохода является овцеводство, при чем в горных графствах (Сетерленд, Росс, Инвернес, Перт) преобладает шерстное овцеводство. Мясной скот выращивается в горах, а затем перегоняется в более низкие области востока (Эбердин), где собирают очень много кормовых растений и сена. В 19 и 20 вв. произведено значительное облесение горных областей, но главная часть их покрыта ландами, сохраняемыми для охоты. Англ. дворянство, коммерсанты и разбогатевшие промышленники скупают их на перебой друг перед другом. Население, естественно, крайне редко: 3,2 ч. на 1 км² в Сетерленде, 8—в Инвернесе, 9—в Аргайле и в графстве Росс. В этих графствах количество населения почти не возрастает,

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ШОТЛАНДИЯ и ИРЛАНДИЯ

Проф. М. Силищенский

ГОЗНАК

и именно отсюда направляется особенно сильная эмиграция. Несколько более густо население на восточном побережье, где находится ряд рыболовных портов от Эбердина до Вика (Уика) и дальше к С.—Шотландские о-ва, наиболее северная часть В., лежат уже за пределами древесной растительности, и население там живет исключительно рыбной ловлей. Единственный крупный город сев. Шотландии—Эбердин (18 т. ж. в 1801, 159 т. в 1926). Его богатство также основано на рыбе (соленье и копчение сельдей и трески, торговля рыбой). Первая ж. д. по нагорью прошла в 1863. Только три ж. д. соединяют восток с западом.

2) В Ю ж н о й в о з в ы ш е н н о с т и, как и в Сев. нагорьи, запад отличается большей влажностью и более пересеченным рельефом, чем восток. Южная возвышенность менее изолирована, чем Сев. нагорье. Благодаря соседству с густо населенными землями Англии и значительному развитию путей сообщения, здесь не было экономического застоя, обычно свойственного горным районам. Плотность населения на Южной возвышенности—25 (на Сев. нагорьи—10). На востоке, более открытом и богатом, возникли довольно крупные городские центры—Галашилл, Гоуик, Селкирк. Запад возвышенности, с его обширными травянистыми равнинами, является, по преимуществу, скотоводческим. Ниже 200 м над ур. м., среди свежей зелени лугов и дубовых и буковых рощ, разбросаны скотоводческие фермы, вырабатывающие молоко и мясо. Выше 200 м—область овечьих пастбищ. Плотность населения здесь опускается до 3 или 4 чел., очень велика эмиграция. На востоке, по плодородным равнинам, расположенным по реке Твиду, сильно развито земледелие. В Бервике под полями (пшеница и ячмень)— $\frac{2}{3}$ всех земель (наибольший процент пашни во всей В.). В более высоких местах, на горных пастбищах, стада овец; здесь под пастбищами—от 50 до 70% площади. Из шерстных пород особенно выделяются шевियोты (или чевиоты, от Чевитских гор). В Роксберге на 1.000 акров (405 га) приходится 1.244 овцы, в Селкирке—1.072, Бервике—1.085, Пиблсе—891. В связи с овцеводством развилась обработка шерсти. Двигательную силу давали многочисленные горные реки. Старинное производство сохранилось и после замены водной энергии углем. Выработкой шерстяных тканей занимается ряд городов в бассейне реки Твид: Гоуик, Галашилл, Пиблс, Селкирк и другие.

3) Шотландская низменность протянулась с Ю.-З. на С.-В. Вдающиеся в нее эстуарии очень суживают ее размеры. Низменность занимает всего четверть поверхности Шотландии, но благодаря своему плодородию, удобным подступам к морю, минеральным богатствам (уголь и горючие сланцы), удобству для сношений, она в хозяйственном отношении уже несколько столетий является главн. экономическим районом Шотландии. Здесь скопилось $\frac{2}{3}$ ее населения; здесь 2-й по населению (после Лондона) город В.—Глазго. Для поверхности наиболее характерны впадины и долины, извивающиеся коридорами между масси-

вами изверженных пород, трудно поддающихся разрушению. Эти впадины заполнены очень плодородной почвой: плодородие многих местностей шотландской низменности вошло в поговорку. Но это плодородие создано, главным образом, трудом человека. Культура клевера и сеяных трав началась с 1720. Поля овса, ячменя, кормовой репы, картофеля, клевера и люцерны занимают особенно большие площади в графствах Файф и Форфар. Фермы поднимаются здесь до высоты 380 м (наиболее выгодным оказалось откармливание на мясо овец, молочное хозяйство и разведение молодого картофеля). Интенсификация земледелия особенно значительна там, где хозяйство может рассчитывать на городской спрос. Наибольшей интенсивности сельск. хозяйство достигло в трех графствах Лотиан (Восточный Лотиан, Западный и Средний), связанных с Эдинбургом. Бесплодные пески превратились, благодаря полям орошения Эдинбурга, в плодородные поля. Фермы окружены промысловыми огородами (выращивающими ранние овощи), садами, ягодниками, цветниками. Низменность выделяется в Шотландии не только интенсивностью сел. хозяйства, но также и интенсивностью городской жизни, торговли и промышленности. Крупнейшие города, как и в Англии, возникли возле моря, при эстуариях. Промышленность работает на местном угле, на местном и привозном сырье. Особое место занимает г. Эдинбург (в 1926, вместе с гаванью Лейтом в 3 км от Эдинбурга,—425 тысяч жителей). Это не столько промышленный и торговый, сколько административный и научный центр. Вдоль эстуария реки Тей сложилась и развилась традиционная промышленность Шотландии—выделка из джута, пеньки и льна грубых тканей, мешков, парусины и ковров. Центром джутового и льняного производства является Денди. В связи с окрестным садоводством и подвозом по морю сахара и апельсинов, здесь развилась также варка варенья и мармелада из апельсинов. Главным средоточием мировых сношений и крупнейшей промышленности Шотландии (судостроение и текстильная промышленность) является г. Глазго. В нем было 13 т. ж. в 1707, 77 т.—в 1801, 761 т.—в 1901, 1.052 т.—в 1926. Крупным морским портом Глазго стал, благодаря превращению в морской канал реки Клайд (глубина—10,65 м во время прилива). Доки Глазго выпускают ежегодно огромное количество судов (в 1923 по тоннажу—23% всего судостроения В.). Глазго стянул к себе большую часть текстильной промышленности, развившейся в деревнях Ланарка и соседних графств, и оброс филиальными предприятиями в соседних городах, население которых также сильно возросло. Все население графства Ланарк, где лежит Глазго, выросло со 100 т. ж.—в 1750 до 600 т.—в 1850, 1.340 т.—в 1901 и 1.574 т.—в 1926. Л. Синицкий.

II. Экономический очерк.

Промышленность.

Общая характеристика и тенденции развития.—Так как итоги промышленной переписи 1924 полностью еще

не опубликованы, соотношение важнейших отраслей промышленности В. в настоящее время может быть охарактеризовано лишь числом занятых в них рабочих по данным страховой статистики, публикуемым в «The Ministry of Labour Gazette». Данные эти, относящиеся к середине 1925, показывают, что основными отраслями промышленности В. являются каменноугольная, в которой было занято 1.240 т. чел., или 16,9% общего числа рабочих (без строительства), металлическая (железодельная, машиностроение и судостроение—вместе) с 2.183 т. рабочих, или 29,7%, и текстильная с 1.339 т. рабочих, или 18,2% (гл. обр., хлопчатобумажная и шерстяная); далее идут одежно-обувная с 583 т. рабочих, или 7,9% общего их числа, пищевая и табачная с 522 т. рабочих, или 7,1%, бумажная и полиграфическая с 365 т. рабочих, или 5%, химическая с 213 т. рабочих, или 2,9%, и остальные отрасли обрабатывающей промышленности (кроме упомянутой каменноугольной). Слабое развитие всех отраслей добывающей промышленности, кроме каменноугольной, является весьма характерной чертой народного хозяйства В., связанной с незначительностью природных богатств страны. На заре промышленного развития В. удачное сочетание каменноугольных и железорудных залежей сыграло весьма положительную роль. В современных же условиях ископаемых богатств В. явно недостаточно для того, чтобы обеспечить ей место крупнейшей промышленной державы. Железодельная промышленность В. все в большей степени переходит на привозную руду. Выплавка чугуна из местной руды в % ко всей выплавке составляла в 1891—95—58,8%, в 1901—05—53,8%, в 1911—15—50,7% и в 1921—25—42,9%. Качество англ. руды к тому же весьма низкое и, по мере истощения запасов, продолжает снижаться. Так, на выплавку 1 т чугуна, в среднем, расходовалось английской руды в 1901—05 около 3,0 т, в 1911—15 ок. 3,1 т и в 1923—25 около 3,3 т. Между тем, привозной руды на 1 т чугуна, в среднем, шло за эти же периоды примерно 1,2—1,3 т. Добыча остальных руд (кроме железной) в В. почти отсутствует, так же как и добыча благородных металлов. Совершенно отсутствует в В. нефть. Сравнительно незначительны запасы «белого угля», определяющиеся в 850 тыс. л. с., что равно менее $\frac{1}{600}$ мировых запасов. Хотя используется в наст. время около 30% имеющихся ресурсов, однако, величина используемой гидроэнергии (250 т. л. с.) незначительна по сравнению с др. странами: в 50 раз меньше, чем в континентальной Европе, и примерно в 65 раз меньше, чем в Сев. Америке. Запасы древесины в В. также незначительны. Лесная площадь В., вместе с Ирландией, определяемая в 1.229 т. га, составляет около 0,05% мировой лесной площади и ок. 0,3% лесной площади Европы. По проценту лесистости В. и Португалия стоят на последнем месте среди европейских стран. Наконец, и сельское х-во В., незначительное по

своим размерам, не может играть сколько-нибудь существенной роли в снабжении страны сырьем. Лишь шерстяная промышленность потребляет сравнительно большие количества сырья местного происхождения. Т. о., сырьевая и энергетическая база В. сводится почти исключительно к ее каменноугольным ресурсам. Правда, последние, наряду с весьма значительными размерами, также характеризуются: 1) чрезвычайно высокими качествами угля (средняя теплотворность ок. 7 т. кал. против 6,6 т. кал. в континентальной Европе без СССР и 5 т. кал. в Северной Америке), 2) исключительно удобным географическим расположением залежей (вблизи портов и внутренних водных путей, с одной стороны, и железорудных залежей, с другой), 3) незначительной, сравнительно с континентом, глубиной залегающих $\frac{3}{4}$ всех запасов находится на глубине до 1.200 м, в то время как в Вестфальском районе, например, значительная, а по некоторым подсчетам—даже большая часть запасов находится на глубине свыше 1.500 м). Все эти благоприятные моменты, однако, не могут компенсировать незначительности природных ресурсов во всех остальных отраслях, особенно в таких, экономическое значение которых в последние десятилетия чрезвычайно возросло (нефть, цветные металлы).

В таблице на ст. 333—334 дано сопоставление различн. отраслей промышленности В. и др. наиболее развитых промышленных стран, а также показана доля В. в мировой промышленной продукции. Наиболее значителен удельный вес В. в области судостроения. Более подробные данные об этой отрасли дает следующая таблица:

Доля В. в мировом судостроении (в тыс. т).

Годы	Мировой итог	Великобритания	
		абсолютно	в %
1895	1.218	951	78,1
1905	2.515	1.623	64,5
1913	3.333	1.932	58,0
1914—16	1.768	981	55,5
1917—19	5.239	1.377	26,3
1920—22	4.262	1.542	36,2
1923—25	2.028	1.057	52,1
1926	1.675	640	38,2
1927	2.286	1.226	53,6

Если и можно говорить об утере В. в этой области монопольного положения, то, во всяком случае, и теперь судостроение В. по своим размерам примерно равно судостроению всех остальных стран, вместе взятых. По добыче каменного угля В. значительно уступает Соедин. Штатам Северной Америки, но идет впереди всех остальных стран, давая свыше $\frac{1}{5}$ мировой продукции. В остальных решающих отраслях тяжелой индустрии (железодельной, машиностроительной, электротехнической, химической) В. занимает третье место после Соед. Штатов и Германии, при чем на долю В. в этих отраслях приходится ок. $\frac{1}{10}$ мировой промышленной продукции. Ослабление герман. машиностроения, заставившее его в 1925 уступить второе место машиностроительной промышленности В., было временным явлением, и в настоящее время (1928), вероятно,

Доля В. в мировой промышленности.

Отрасли промышленности	Единица измерения	Годы	Мировой итог	Сев.-Америк. Соед. Штаты	Германия	Франция	Великобритания	
							абсолютно	в %
Каменный и бурый уголь (в переводе на каменный) . . .	млн. т	1913	1.241,7	517,0	208,4	40,2	292,0	23,5
		1925	1.228,9	530,8	163,8	60,3*	248,1	20,2
Использование водной энергии . . .	тыс. л. с.	1926	33.000	11.721	1.100	2.000	250	0,8
Производство электр. энергии . . .	в млрд. kW/ч.	1926	163,6	65,8	22,0	9,8	11,0	6,7
Выплавка чугуна	млн. т	1913	78,8	31,5	16,6	8,9	10,4	13,2
		1925	76,9	37,3	10,2	9,9*	6,3	8,2
Выплавка стали	»	1913	76,6	31,8	17,6	7,0	7,8	10,2
		1925	90,8	46,1	12,2	9,0*	7,5	8,3
Машиностроение	млрд. марок (довоен. цены)	1913	13,6	6,8	2,8	0,3	1,6	11,8
		1925	14,7	8,5	1,9	0,4	2,0	13,6
Судостроение	тыс. т	1913	3.333	276	465	176	1.932	58,0
		1925	2.193	129	406	76	1.079	49,4
Электротехническая промышленность	млн. марок (довоен. цены)	1913	3.734	1.078	1.300	150	600	16,0
		1925	7.496	3.609	1.750	368	864	11,5
Текстильная промышленность	млрд. марок	1913	42,5	(8,4)	5,0	3,6	6,0	14,1
Переработка хлопка	тыс. кип	1925—26	24.681	6.395	1.148	1.179	3.022	12,2
Число веретен в хлопчатобумажной промышленности	млн.	1926	163,7	37,6	10,5	9,5	57,3	35,0
Серная кислота	тыс. т	1913	11.545	3.150	2.700	1.480	1.800	15,6
		1925	14.580	6.300	1.800	1.840	1.300	8,9
Азот	»	1913	771	36	121	18	90	11,7
		1925	1.250	98	450	33	88	7,0
Суперфосфат	»	1913	11.457	3.248	1.850	1.980	845	7,4
		1924	10.619	2.835	500	2.304	439	4,1
Анилиновые краски	»	1913	157	3	137	2	5	3,2
		1924	158	31	72	15	19	12,0
Бумажная промышленность	»	1913	9.467	3.389	1.610	725	932	9,8
		1922	12.169	4.410	1.549	746	1.292	10,6

* С Сааром.

восстановлено прежнее соотношение. Существенно большее значение имеет бурный рост железодобывающей промышленности Франции, отодвигающий В. в этой отрасли на четвертое место. Состояние железодобывающей промышленности трех важнейших европейских стран за последние 6 лет видно из следующей таблицы:

Средне-месячная выплавка в тыс. т.

Страны	1922	1923	1924	1925	1926	1927	
Чугун	Германия . .	766	412	651	848	804	1.092
	Франция без Саара . .	427	453	638	706	786	(770)
	Франция с Сааром . .	523	538	754	827	922	(914)
	Великобрит.	415	630	619	528	207	618
Сталь	Германия . .	795	525	820	1.016	1.028	1.358
	Франция без Саара . .	373	426	576	618	699	(686)
	Франция с Сааром . .	478	509	697	749	843	(838)
	Великобрит.	498	718	694	626	301	770

Причудливые конъюнктурные колебания, совершенно своеобразные в каждой из перечисленных стран, препятствуют выявлению общей тенденции развития. Перспективы, кроме того, в громадной степени зависят от судьбы Саарского района. И все же данные за последние 4 года (1924—27), особенно по чугуну, создают определенное впечатление, что Франция обгоняет Великобританию.

Несколько прочнее положение В. в текстильной промышленности. По количеству переработанного хлопка В. идет на втором месте после Соед. Штатов; на ее долю приходится 12—13% всего мирового потре-

ния хлопка. Значительно большую долю составляет В. в мировой хлопчатобумажной промышленности по оборудованию (35% мирового количества веретен, в 1½ раза больше, чем в Соединен. Штатах). Объясняется указанное несоответствие тем, что в В. вырабатываются, в среднем, более тонкие сорта пряжи и тканей, требующие меньше сырья, а также сравнительно слабой нагрузкой промышленности В. Доля В. в мировой хлопчатобумажной промышленности, очевидно, выше, чем ее доля в мировом потреблении хлопка, но ниже, чем это можно было бы думать, исходя из размеров ее прядильного оборудования. Примерно такое же положение В. в мировой шерстяной промышленности. По подсчетам А. Kertesz'a («Die Textilindustrie sämtlicher Staaten», Braunschweig, 1917), мировая продукция всей текстильной промышленности и роль в ней В. для 1913 определяются следующими цифрами (в млн. марок и в %):

Отрасли промышленности	Мировой итог	Великобритания	
		абсолютно	в %
Хлопчатобумажная	25.005	3.502	14,0
Шерстяная	10.310	1.752	17,0
Льняная	1.918	408	21,3
Джутовая	1.392	209	15,0
Шелковая и искусственный шелк	3.918	124	3,0
Итого	42.543	5.995	14,1

Все приведенные данные показывают долю В. в мировой промышленной продукции. Значение ее на мировом рынке, однако, гораздо больше. Объясняется это тем, что

промышленность В. в значительно большей степени, чем промышленность других стран, работает на внешний рынок. Яркое представление об этом дает следующая таблица:

Доля В. в мировом промышленном экспорте.

Отрасли промышленности	Единица измерения	Годы	Мировой итог	Сев.-Амер. Союз. Шт.	Германия	Франция	Великобритания	
							абсолютно	в %
Каменный уголь, кокс и пр. (в переводе на камен. уголь)	млн. т	1913	203,9	29,7	45,7	1,8	99,7	49,0
		1925	165,7	24,3	33,7	5,2	72,4	43,7
Чугун, сталь и стальные изделия	тыс. т	1913	17.102	2.955	6.309	630	5.049	29,5
		1925	16.673	1.705	3.263	3.875	3.791	22,7
Машины	млн. марок (довоен. цены)	1913	2.537	681	738	77	721	28,4
		1925	2.450	853	490	113	599	24,4
Электротехнические изделия	млн. марок	1913	689	112	331	30	156	22,8
		1925	1.385	353	357	78	352	26,4
Продукты химической промышленности	»	1913	3.200	310	910	310	500	16,6
		1925	4.050	650	930	540	550	13,6
Текстильные полуфабрикаты	»	1913	2.697	(22)	205	318	1.156	42,8
		»	7.404	(267)	1.140	1.056	2.944	39,8
Хлопчатобумажная пряжа	тыс. т	1909—13	293,2	—	14,4	8,4	98,4	33,6
		1923—25	225,0	7,8	6,5	11,4	75,2	33,4
Хлопчатобумажные ткани	»	1909—13	767,7	33,5	39,2	44,3	536,8	69,9
		1923—25	730,7	42,6	20,5	45,4	369,1	50,5

На мировом рынке каменного угля и текстильных изделий В. является крупнейшим поставщиком, хотя в последнее время значение ее и здесь немного уменьшилось. Менее прочно ее положение на мировом рынке черного металла, машин и электротехнических изделий, но и здесь на ее долю приходится около $\frac{1}{4}$ мирового экспорта, что, примерно, в $2\frac{1}{2}$ раза превышает ее долю в мировой продукции этих отраслей. Еще слабее участие В. на мировом рынке химических продуктов.

Все приведенные данные характеризуют В. как мощную промышленную державу. Но они не выдерживают никакого сравнения с тем почти монопольным положением,

которое В.—пионер в области промышленного капитализма—занимала до 70-х годов 19 в. На табл. внизу страницы собраны данные, рисующие развитие промышленности В.

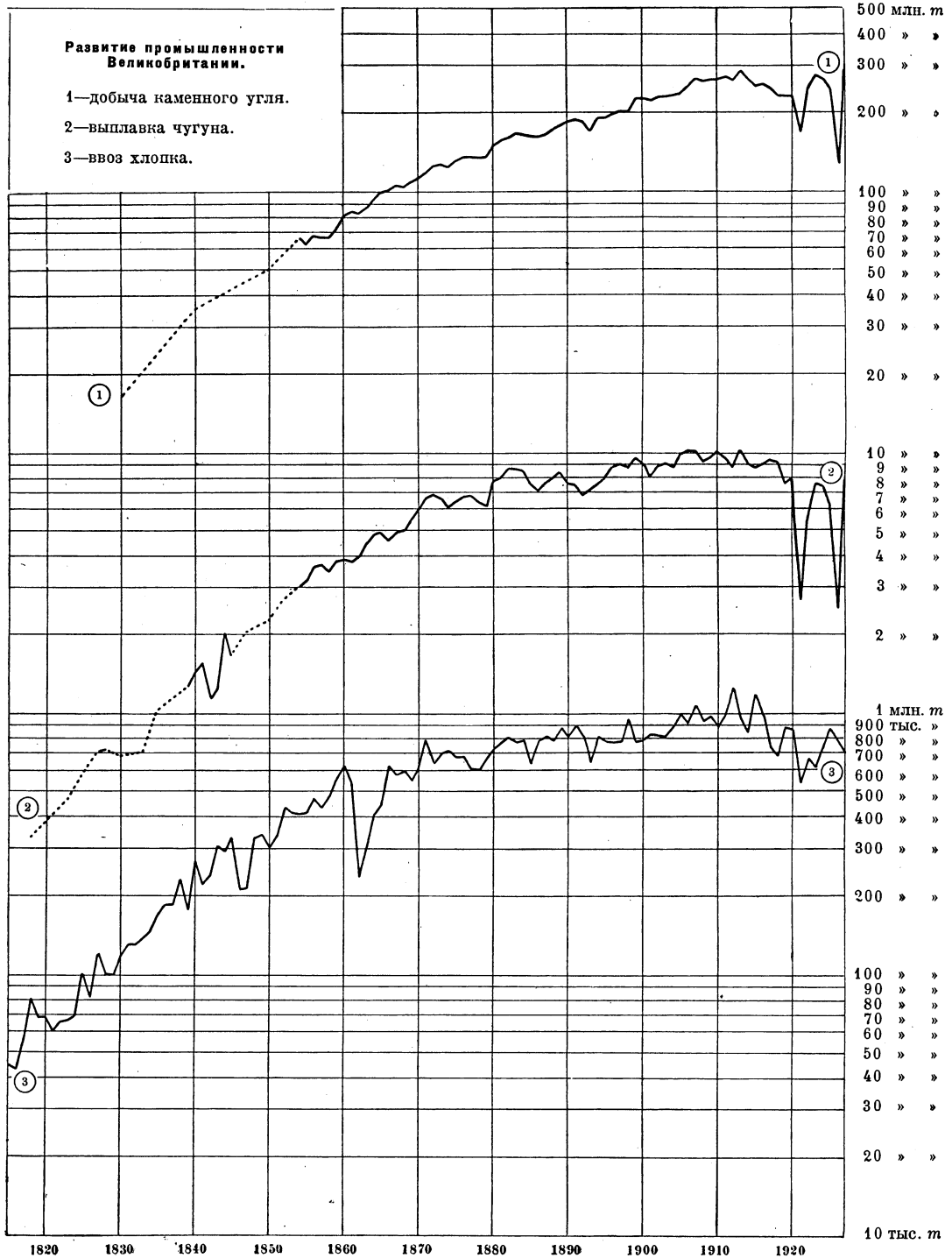
и ее место в мировой промышленности за значительный промежуток времени. Еще в 1870 на долю В. приходилось около половины мировой продукции во всех важнейших отраслях промышленности. Затем доля В. неуклонно падает. Снижение доли В. будет выражено еще более резко, если учесть, что в ней отсутствуют или, во всяком случае, не получили достаточного развития некоторые «новые» отрасли промышленности, значение которых в мировой промышленности быстро растет: нефтяная, отчасти химическая и др. Снижение доли В. в мировой промышленной продукции сопровождалось не только ослаблением ее позиции на иностранных рынках, но и появлением

Страны		1800	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1913	1925
Добыча угля в млн. т	Великобритания	10,3	12,7	—	30,4	49,8	83,3	111,8	149,5	184,5	228,8	268,7	292,0	248,1
	Германия	0,3	1,5	—	3,5	6,8	17,0	34,5	60,0	89,3	149,8	222,4	277,3	272,5
	Союз. Штаты	0,2	0,5	—	1,8	8,1	15,4	33,4	71,6	143,1	244,6	455,0	517,0	530,8
	Остальные страны	1,0	2,8	—	9,8	18,2	29,9	38,1	64,3	95,1	145,8	217,9	253,7	313,6
	Мировой итог	11,8	17,5	—	45,5	82,9	145,6	217,8	345,4	512,0	769,0	1.164,0	1.340,0	1.365,0
% В. к мир. итогу		87,1	72,7	—	66,9	60,2	57,6	51,5	43,2	35,8	29,7	23,1	21,8	18,2
Вылавка чугуна в тыс. т	Великобритания	193	406	691	1.412	2.286	3.891	6.055	7.873	8.031	9.103	10.172	10.425	6.337
	Германия	41	91	122	173	408	539	1.262	2.468	4.100	7.550	13.111	16.632	10.177
	Союз. Штаты	41	112	183	295	569	833	1.70	3.897	9.350	14.010	27.740	31.462	37.288
	Остальные страны	193	417	614	843	1.229	2.032	5.734	4.346	6.389	10.497	15.164	20.290	23.134
	Мировой итог	468	1.026	1.610	2.723	4.492	7.295	12.100	18.584	27.870	41.160	66.187	78.809	76.936
% В. к мир. итогу		41,3	39,6	42,9	51,9	50,9	53,3	50,0	42,4	28,7	22,1	15,4	13,2	8,2
Потребление хлопка в тыс. кип	Великобритания	—	—	500	908	1.176	2.280	2.202	2.808	3.384	3.269	(1907) 3.690	4.274	3.022
	Европ. континент	—	—	276	506	800	1.414	1.472	2.284	3.630	4.576	5.720	8.347	7.210
	Союз. Штаты	—	—	154	270	576	780	800	1.536	2.406	3.635	4.237	5.786	6.395
	Итого	—	—	930	1.684	2.552	4.474	4.474	6.628	9.420	11.480	13.647	18.407	16.627
% В. к итогу		—	—	53,8	54,0	46,1	50,9	49,2	42,3	35,9	28,5	27,0	23,2	18,1

в значительных размерах иностранных фабрикаторов на самом англ. рынке. Ввоз фабрикатов в В. с 63,2 млн. фунтов стерл. в 1890 увеличился до 93,2 млн. в 1900, 156,8 млн. в 1910 и 193,6 млн. в 1913, а в последние годы, 1925—26—27, составлял 288,1, 289,5 и 297,3 млн. В проц. к вывозу фабрикатов ввоз их составлял в 1890—28%, в 1900—40%, в 1913—1925—47%, в 1926—27 уже 53—54%. Особо следует отметить значит. ввоз железа и стали (см. ниже). Отставание промышленности В. от промышленности «молодых» капиталистических стран не только сказывается в размерах производства, но и отражается на его техническом уровне. Уже перед мировой войной американская промышленность и отчасти также промышленность европейского континента (Германия, Бельгия) в техническом отношении стояли выше промышленности В. В послевоенные годы эта техническая отсталость промышленности В., вероятно, не уменьшилась, а даже, наоборот, возросла. Мы приведем лишь несколько примеров: добыча каменного угля механизирована в В. на 19%, в то время как в Соед. Штатах и Германии—более, чем на 60%, и даже в СССР в Донбассе—на 22%; средняя выплавка чугуна на 1 доменную печь составляла в 1925 в В. ок. 42 т. *т.*, во Франции—ок. 65 т. *т.*, в Германии—ок. 97 т. *т.*, в Соед. Штатах—ок. 120 т. *т.* Промышленность В., вместе с тем, характеризуется большей распыленностью по сравнению с промышленностью Сев. Америки и передовых европейских индустриальных государств. Англ. промышленная статистика не располагает данными, к-рые позволили бы в суммарных цифрах охарактеризовать степень концентрации производства, но факт отставания В. в этом отношении не вызывает сомнения. Техническая отсталость и распыленность промышленности В. понижают конкурентоспособность англ. товаров на мировом рынке, и это, в свою очередь, тормазит промышленное развитие В. Т. к. различия в техническом уровне особенно резко сказываются в отраслях, вырабатывающих массовые и грубые изделия, то промышленность В. в этих отраслях более слаба, чем в производстве сложных и тонких изделий. Тенденция к переходу на выработку более сложных и тонких изделий характерна для целого ряда отраслей промышленности В. В металлопромышленности это приводит к отставанию железоделательной промышленности от металлообрабатывающей и переходу ее к выпуску более высоких сортов металла и изделий из него (В. ввозит более 2 млн. *т.* черного металла с континента и из Соединен. Штатов); в области бумажного производства В. ввозит в значительных количествах полуфабрикаты и грубые сорта бумаги и в то же время сама вывозит тонкие сорта бумаги; вывозя высокоценный портланд-цемент, В. ввозит дешевый естественный цемент и т. п. Текстильная промышленность В. также сосредоточивается преимущественно на выработке более тонких сортов. Подобно тому, как ремесло, вытесняемое фабрикой, пытается обычно укрепиться в отраслях, вырабатывающих дорогие и сложные изделия, так и в В., быв-

шей некогда лидером промышленного капитализма, а теперь побиваемой молодыми капиталистическими странами, есть тенденция к переходу на более сложные производства. Но это—лишь переход с первой линии окопов на вторую, за к-рым обычно следует дальнейшее отступление.

Причины относительного падения значения В. в мировой промышленности следует искать в различных направлениях. Прежде всего следует иметь в виду, что исключительное, монопольное положение англ. промышленности было связано с отсутствием или зачаточным состоянием капиталистической индустрии во всех остальных странах. По мере того как другие страны, одна за другой, вступали на путь промышленно-капиталистического развития и двигались вперед по этому пути, удельный вес В. в мировой промышленной продукции тем самым снижался. Но, с другой стороны, несомненно замедление темпа промышлен. развития в самой В., особенно ясно обозначившееся с 1870-х гг. Это замедление темпа ясно видно на диаграмме на ст. 339—340. Причины снижения темпа промышленного развития В., ускорявшего уменьшение доли В. в мировом хозяйстве, в основном могут быть охарактеризованы следующим образом. Прежде всего развитие капиталистической промышленности в континентальной Европе, Сев. Америке, а затем и в др. частях света сужало экспортные возможности англ. промышленности. Как раз в 1870—90-х годах англ. экспорт перестает расти (см. диаграмму на ст. 370). Возобновившийся с конца 1890-х гг. рост экспорта был недостаточным не только для того, чтобы вернуть В. ее бывшее значение на мировом рынке, но и для того, чтобы приостановить ее дальнейшее вытеснение. Громадное значение для промышленного развития В. имел также относительно незначительный размер внутреннего рынка и его медленный рост, что отчасти связано с кризисом сел. хозяйства В., имевшим место во второй половине 19 в., но, вероятно, не вполне изжитым до самой империалистской войны (см. след. главу). Далее следует указать на отмеченную выше бедность страны в отношении природных богатств, к тому же постепенно уменьшавшихся (истощение железорудных залежей и т. д.). Этот момент сказывается все больше, по мере того как развитие мировых производительных сил приводит к снижению значения железа, отесняемого частично цветными металлами, и угля, отесняемого нефтью, «белым углем» и другими источниками энергии. Важнейшим фактором промышленного развития В. вначале было ее исключительно благоприятное географическое положение. Развитие морского транспорта за пределами европейского побережья и северной части Атлантического океана (особенно после прорытия Панамского канала) и быстрое развитие железнодорожного транспорта уменьшало выгоды, связанные и с географическим положением В. Замедление темпа промышленного развития Великобритании было, наконец, связано с усиленным накоплением английского капитала в других хозяйственных

сферах — морском транспорте, международной торговле, страховом и кредитном деле, а также со значительным экспортом капитала в колонии и другие государства. Г. Фиск определяет ежегодный экспорт капитала из Великобритании накануне мировой войны в 900 млн. долл.,

а накопление капитала, оставшегося в стране, в 1.000 млн. долл. Но и накопленные капиталы, оставшиеся в стране, вкладывались в значительной мере не в промышленность, а в перечисленные выше другие хозяйственные отрасли. Эти отрасли наруживали гораздо более быстрый рост.

Укажем в качестве примера на судооборот англ. судов в портах колоний В., который в 1869—73, в среднем, составлял 19,4 млн. т, а в 1909—13 уже 103,7, т. е. увеличился за это время более, чем в пять раз, между тем как промышленная продукция В. за это же время увеличилась лишь в $1\frac{1}{2}$ —2 раза. Доход англ. судоходных предприятий, обслуживающих другие страны, до войны достигал почти 100 млн. ф. ст., а в настоящ. время он еще выше. Несколько десятков млн. ф. ст. получали от иностранцев за комиссионные и другие услуги английские торговые, страховые, кредитные и прочие предприятия (см. ниже главу о внешней торговле). При быстром экономическом росте обширнейших британских колоний и интенсивном развитии всего мирового хозяйства, экспорт капиталов и вложение их в транспорт и всякого рода посреднические предприятия были более выгодны для англ. капитала, чем расширение промышленности в самой метрополии. Вывозимые за границу англ. капиталы, форсируя там развитие туземной промышленности и тем самым отчасти уменьшая экспортные возможности англ. промышленности, т. о., и с другого конца тормазили ее развитие. Замедленный темп накопления в промышленности В. и отчасти связанное с ним отставание в области техники обусловили отсталость и капиталистической организации англ. промышленности. Эта организационная отсталость промышленности В., с одной стороны, понижала конкурентоспособность ее на мировом рынке, где ей приходилось сталкиваться с прекрасно организованной и централизованной индустрией Соед. Штатов, Германии, а отчасти и других стран континентальной Европы, а с другой—тормазила технический прогресс и в итоге была одним из основных факторов общего отставания промышленности В.—Таков сложный переплет факторов, в своем диалектическом развитии обусловивших (уже до войны) падение значения В. в мировой промышленности. После империалистской войны мы видим и абсолютное сокращение промышленного производства. Затяжная промышленная депрессия послевоенного периода требует более детального рассмотрения. *Л. Зиман.*

Послевоенные изменения. — На основании статистическ. данных, имеющих для большинства отраслей промышленности и с. х-ва, Лондонским и Кембриджским экономич. ин-том (London and Cambridge Economic Service) составляется индекс физич. объема производства. Главным недостатком индекса является то, что в нем не находит отражения играющее исключительно важную роль общее машиностроение, по к-рому никаких статистич. данных из года в год не имеется. Другой недостаток заключается в том, что веса основаны на относительно значении отдельных отраслей в 1907, хотя уже к 1913 в соотношении отраслей произошли важные изменения. Но все же этот индекс охватывает достаточно широкие области, чтобы иметь существенное значение. Общий индекс по всем отраслям промышленности (без с. х-ва) и групповые индексы, отражающие важнейшие колебания, приведены ниже (средние за 1907—13=100):

Годы	Общий индекс	Отрасли производства					
		горная	металлич.	текстильная	пищевая	химическая	лесная
1907	100,3	99,9	105,6	102,1	97,1	97,4	101,9
1913	110,7	106,7	119,3	108,2	104,8	108,3	113,2
1920	99,9	84,9	115,7	76,4	114,0	134,5	74,2
1921	70,0	59,8	66,6	58,4	112,4	90,3	42,5
1922	87,2	90,0	75,7	80,1	110,0	114,3	72,8
1923	92,8	103,5	85,6	67,7	103,8	123,4	86,1
1924	98,4	98,1	97,9	73,1	107,8	134,7	101,6
1925	94,9	90,3	87,1	76,3	109,3	128,3	102,1
1926	74,8	49,0	53,0	68,4	108,2	103,8	92,5

Общий индекс, охватывающий и неперечисленные отрасли, указывает на почти постоянный уровень для послевоенных годов, приблизительно на 10—20% ниже уровня 1913, за исключением кризисных 1921 и 1926 (забастовка уголеков), когда производство упало приблизительно на 35% по сравнению с 1913. В особенно важных отраслях промышленности (угольной и, особенно, металлургической и текстильной) падение значительно больше; лучше положение в ряде менее важных отраслей промышленности (в 1926, например, для цементной промышленности индекс был 131, для бумажной и полиграфической—150, для резиновой—176). Индекс, конечно, не принимает во внимание ни увеличения населения, ни увеличения производительной способности предприятий. В 1907 население составляло 40 млн., а в 1926—46 млн., т. е. произошло увеличение на 15%. Недостаёт данных для того, чтобы делать общие предположения относительно увеличившейся производственной мощности в некоторых важных отраслях промышленности, особенно в текстильной, в которой за время 1907—13 вообще не замечалось роста производства; однако, можно предположить, что во всех отраслях металлургическ. и машиностроительной промышленности, а также в химической, испытавших громадное расширение во время войны, мощность оборудования увеличилась не менее, чем на 50% по сравнению с 1913. Уменьшение объема производства имеет поэтому гораздо большее значение, чем это может казаться, судя по индексу. По окончании войны промышленность В. оказалась лицом к лицу с общим экономическим развалом, особенно повлившим на сбыт британских товаров в континентальной Европе, с выступлением новых индустриализованных стран, самостоятельно производящих нужные им товары, и с новыми соперниками на экспортных рынках. Эти факторы сузили возможности сбыта для британских товаров и совершенно приостановили развитие промышленности В., продолжавшееся (хотя и ослабленным темпом) вплоть до самой войны. В то время как индекс производства показывает в послевоен. годы общее падение на 5—10%, доходящее лишь в кризисные 1921 и 1926 гг. до 25—30%, экспортный индекс показывает общее послевоенное понижение приблизительно

на 24%, доходящее в кризисный 1921 до 50% и в 1926—до 32%. До войны промышленный экспорт считался равным, примерно, 30% всего производства; потеря четверти экспорта равносильна приблизительно сокращению производства на $7\frac{1}{2}\%$. Сужение экспортного рынка естественно сопровождалось определенным сокращением и внутреннего рынка.

Остановимся теперь кратко на отдельных важнейших отраслях. Добыча и экспорт каменного угля (включая бункера судов заграничного плавания) составляли:

Г о д ы	Добыча (в млн. т)	Вывоз и бункера (в млн. т)	Остаток для потребления в В.
1913	292,0	95,9	196,1
1923	280,4	99,2	181,2
1924	271,3	80,6	190,7
1925	248,1	68,3	179,8
1926	132,1	28,6	103,5
1927	262,7	69,1	193,6

В 1926, во время угольной стачки, было ввезено около 20 млн. т, и, кроме того, были израсходованы имевшиеся в стране запасы, достигавшие, примерно, 30 млн. т, так что потребление, вероятно, составило около 150 млн. т. В 1927, наоборот, значительная часть добычи ушла на возобновление исчерпанных запасов. Если не принимать во внимание эти колебания, а также сравнительно высокий вывоз угля в 1923 (что было связано с кризисом в Руре), потребление угля в В. упало приблизительно на 8%, экспорт и запасы в бункерах—приблизительно на 30%, а добыча—больше, чем на 10%. Уменьшение потребления угля в В., несомненно, больше связано с понижением общего промышленного уровня, чем с заменой угля иными источниками энергии. Хотя потребление электричества увеличивается, особенно на ж. д., но уголь остается в В. единственным источником для получения электричества, и фактически ж. д. употребляют сейчас угля на 1 млн. т в год больше, чем в 1913. Что касается экспорта, то понижение его связано с частичным вытеснением английского угля на одних рынках (отчасти в связи с германским репарационным экспортом) и потерей других (с прекращением экспорта в одну только Россию был потерян рынок, потреблявший в 1913 г. 6 млн. т). Понижение запасов для судов торгового флота приблизительно на 5 млн. т объясняется, гл. обр., увеличившимся потреблением нефтяного топлива, но до известной степени также и общим понижением британской торговли.

Падение угольной промышленности в В. тесно связано с положением железодельной промышленности, к-рой приходится конкурировать с заграничной не только на экспортных рынках, но даже на самом британском рынке, что видно из таблицы, помещенной сверху ст. 344.

Общая тенденция затемняется результатами угольной стачки 1926, к-рая была причиной не только значительного уменьшения выпуска и повышения импорта в 1926, но

Железо и сталь (в млн. т).

Г о д ы	Производство		Ввоз	Вывоз	Разница между ввозом и вывозом
	чугуна	стали			
1913	10,4	7,8	2,2	5,0	+2,8
1923	7,6	8,6	1,3	4,3	+3,0
1924	7,4	8,3	2,4	3,9	+1,4
1925	6,3	7,5	2,7	3,7	+1,0
1926	2,5	3,6	3,6	2,9	-0,7
1927	7,4	10,2	4,5	4,3	-0,2

и повлияла в дальнейшем на цифры 1927. Ненормальное увеличение выплавки и потребления, наблюдавшееся в самом начале 1927, вызвано было прежде всего стремлением выполнить задержанные заказы. Если оставить в стороне эти особые колебания, общей характерной чертой всего периода, начиная с 1913, является значительное сокращение выплавки чугуна, только отчасти уравновешивающееся незначительным повышением выработки стали. В отношении железа и стали, как и угля, понижение, главн. обр., наблюдается в экспорте, хотя количество этих продуктов, потребляемое в В., также упало. Серьезное значение имеет при этом и иностранная конкуренция на британском рынке, уже в 1924 и в 1925 поднимавшая выше уровня 1913, а под влиянием угольной стачки 1926 принявшая угрожающий характер. Детальных статистических данных о потреблении в В. стали для различных целей не имеется. Но, начиная с 1913, выработка тяжелых машиностроительных фабрикатов понизилась; судостроение, в частности, упало почти на 50%; выработка автомобилей, велосипедов и электрического оборудования возросла, но наиболее существенное увеличение потребления стали связано с заменой ею дерева в новых зданиях и других конструкциях.

Современное положение судостроения и я характеризуется следующими данными. В 1913 году тоннаж судов, построенных на судостроительных верфях В., составлял 1.932 тыс. т, в 1923—646 тыс. т, в 1924—1.440 тыс. т, в 1925—1.079 тыс. т, в 1926—640 тыс. т и в 1927—1.226 тыс. т. Падение это, главным образом, может быть приписано общему падению британской морской торговли и в особенности падению экспорта угля, но частично оно может быть объяснено и конкуренцией в деле морского фрахта как для атлантической, так и для тихоокеанской торговли, со стороны Соедин. Штатов.

О положении общего машиностроения некоторое представление дают следующие данные об экспорте машин:

Экспорт машин (в тыс. т).

В и д ы м а ш и н	1913	1924	1925	1926	1927
Всех машин . . .	698	470	524	484	521
В том числе:					
Двигателей . . .	96	51	57	50	—
С.-х. машин . . .	74	17	21	19	—
Текстильных машин	181	105	125	104	—
Инструментов . .	16,3	11	14	13	—

Снижение общего экспорта машин достигает 25—30%. Единственно важной группой,

показывающей увеличение экспорта, является группа электр. машин, экспорт которых увеличился с 26 т. т в 1913 до 35 т. т в 1926. Это увеличение отчасти вызвано советскими заказами. Повышение в этой области, однако, незначительно по сравнению с падением в др. группах. Среди машиностроительных изделий значительный успех достигнут в автомобильном деле. Выработка автомобилей увеличилась с 22 т. штук в 1912 до 132 т. шт. в 1924 и 200 т. шт. в 1927; вывоз автомобилей также поднялся с 6,5 т. шт. в 1912 до 15,6 т. шт. в 1924 и 36,3 т. шт. в 1927. Значительно развились также авио-промышленность и радиопромышленность. Рост всех этих отраслей, однако, не может компенсировать падения производства и экспорта изделий тяжелого машиностроения. Взятая в целом машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность показывает те же характерные черты, что и уголь, железо и сталь; в ней наблюдается весьма заметное падение экспорта, что должно быть приписано, гл. обр., возросшей индустриализации др. стран, особенно Британской империи (Канады, Юж. Африки, Австралии и Индии).

По данным промышленных переписей, выработка хлопчатобумажных тканей упала с 1907 по 1924 на 24%. Т. к. вплоть до 1913 наблюдался значительный рост текстильной промышленности, то по сравнению с 1913 падение, вероятно, достигло 30%, а может быть и больше. Падение это, повидимому, всецело объясняется падением экспорта, который в 1913 поглощал 75% всей выработки хлопчатобумажных тканей. Следующие цифры показывают падение экспорта хлопчатобумажных тканей (цифры даны в миллионах м²):

Г о д ы	Весь экспорт	В том числе:		
		в Индию	в Китай	в проч. страны
1913 . . .	5.644	2.640	543	2.461
1924 . . .	3.716	1.373	248	2.095
1925 . . .	3.706	1.188	145	2.373
1926 . . .	3.286	1.308	148	1.830
1927 . . .	3.474	—	—	—

Падение экспорта равно приблизительно $\frac{1}{3}$ и почти всецело вызвано сокращением экспорта в Индию и Китай. Общая индустриализация Дальн. Вост., Индии, Китая и Японии означает, что эти рынки никогда не смогут быть вновь завоеваны; африканский рынок, на к-ром наблюдается нек-рое расширение, сравнительно незначителен. Падение экспорта на одну треть равнозначно сокращению довоенной выработки приблизительно на $\frac{1}{4}$.— В шерстяном деле общее понижение выработки, а также экспорта с 1913 составляет 12—15%, а в менее важных отраслях, в льняном и шелковом деле, понижение еще заметнее. Быстро развивается лишь недавно возникшая выделка искусственного шелка, увеличившаяся с 2,5 т. т в 1913 до 12,5 т. т в 1925.

В то время как основные, старые отрасли промышленности, работающие в значительной мере на внешний рынок, переживают

депрессию, ряд отраслей новых или обслуживающих, главн. обр., внутренний рынок находится в неизмеримо лучшем состоянии, а некоторые из них даже быстро развиваются. Кроме уже упомянутых авто-, авио- и радиопромышленности и производства искусственного шелка, следует прежде всего отметить рост ряда отраслей пищевой и табачной промышленности. Так, ввоз необработанного табака (за исключением обратного вывоза) увеличился с 74 тысяч т в 1913 до 84 т. т в 1926 и 96 т. т в 1927. Потребление какао (сырья) увеличилось с 27,6 т. т в 1913 до 57,3 т. т в 1926 и 56,7 т. т в 1927. Ввоз чая для развески и потребления в стране увеличился с 139 т. т в 1913 до 185 т. т в 1926 и 185 т. т в 1927. Быстро развивается резиновая промышленность, что видно из того, что ввоз каучука увеличился с 800 тыс. т в 1913 до 1.629 т. т в 1926 и 1.652 т. т в 1927. Рост перечисленных и ряда др. второстепен. отраслей, однако, отнюдь не может компенсировать упадка основных отраслей промышленности В. Э. Бернс (E. Burns, London).

О р г а н и з а ц и я п р о м ы ш л е н н о с т и. Не так давно еще широко было распространено мнение, будто в промышленности В., в отличие от Сев. Америки и континентальной Европы, совершенно отсутствуют монополистические объединения. В ряде обстоятельных исследований (Н. W. Macrosty в 1907, Н. Levy в 1909 и др.) уже до войны было выяснено, что это положение не вполне соответствует действительности. Правда, в столь важной отрасли, как каменноугольная промышленность, монополистические объединения не прививались, но в двух других важнейших отраслях промышленности В., металлической и особенно текстильной, имелся целый ряд объединений, монополизировавших отдельные (хотя и не основные) производства. Мы укажем лишь наиболее значительные из них. «National Light Castings Association» возникла в 1911 и вскоре охватила 95% чугунолитья, обслуживавшего, гл. обр., строительное дело. Производство рельсов было синдицировано еще в 1880-х гг., при чем англ. предприниматели, наряду с герм. и бельгийскими, выступили организаторами международного картеля (1883), к которому затем присоединились Соед. Штаты, Франция и Россия; картель просуществовал до мировой войны и после войны снова был восстановлен. Кабельное производство было трестировано еще в 1898. Всемирно известное предприятие «J. & P. Coats» уже в 1890-х гг. охватывало значительную часть ниточного производства; в 1897 при его участии возникло новое объединение «Sewing Cotton Company», и в результате не только было монополизировано производство ниток в В., но указанные фирмы развили большую деятельность и за границей. Возникший в 1899 ситценабивной трест объединил 46 фирм, представлявших 85% всего производства ситца. Тонкое бумагопрядение (главн. образ., из египетского хлопка) было в значительной части охвачено объединением «Fine Cotton Spinners and Doublers Association», возникшим в 1898 в результате слияния 31 предприятия и затем присоединившим еще ряд фирм. Мощные

объединения имелись также в области крашения и белия тканей. Наличие целого ряда монополистических объединений в текстильной промышленности В. тем более важно подчеркнуть, что эта отрасль в др. странах и, в частности, в Германии, туго поддается синдицированию. В других отраслях следует отметить: объединение производителей портланд-цемента, возникшее в 1900, а в 1912 контролировавшее около 75% его добычи; объединение производителей технического спирта (возникло в 1907) и виски; обойный трест, контролировавший 98% производства обоев (1898); соляной трест, уже в 1888 объединивший 90% добычи; спичечный синдикат (1907) и другие. По характеру своей деятельности все эти объединения ничем существенным не отличались от монополистических объединений других стран. Насколько успешно эти объединения регулировали цены, можно видеть на примере соляного треста: цена соли (экспортная) в 1878—87 была, в среднем, 12,65 шилл. за 1 т, в 1888—10,81 шилл., в 1889 (с возникновением треста)—16,15 шилл., в 1890—17,97 шилл. и в 1891—17,77 шилл. На внешних рынках английские тресты и синдикаты проявляли меньшую активность, чем, например, германские; однако, и они иногда прибегали к *бросовому экспорту* (см.). Т. о., монополистические объединения имели место в В. уже до войны. Развитие их было, однако, незначительным и совершенно отсутствовало в основных отраслях тяжелой индустрии (каменноугольной, железорудной, железнорудной и отчасти металлообрабатывающей), т. е. как раз в тех отраслях, которые в континентальной Европе и Северной Америке создали наиболее мощные монополистические объединения. В общем и целом, значение и влияние монополистических объединений в В. были значительно меньше, чем в Соед. Штатах и в Германии. Корни организации отсталости промышленности Б. и, прежде всего, ее тяжелой индустрии следует искать: а) в общей технико-экономической отсталости промышленности и, прежде всего, в меньшей ее концентрированности, б) в относительно незначительных размерах внутреннего рынка и высокой экспортности промышленности В., лишавших ее возможности активной политики на внешних рынках подкреплять нажимом на внутреннего потребителя. С высокой экспортностью связано и отсутствие в В. промышленного протекционизма, к-рое нек-рые склонны считать основной и даже единственной причиной относительно слабого развития монополистических объединений в англ. промышленности. Тенденция к переходу промышленности В. на производство готовых изделий отчасти сопровождалась ущербом для интересов производителей полуфабрикатов. Общеизвестно, например, что высокое развитие англ. судостроения (а в некоторой степени—и машиностроения) было отчасти связано с ввозом дешевого металла из-за границы в ущерб местным железнорудным заводчикам. Этот момент также должен быть учтен при анализе причин слабого синдицирования тяжелой индустрии Великобритании.

Во время империалистской войны активн. участие правительства в организации отраслей промышленности, в той или иной мере связанных с обслуживанием воен. действий, естественно форсировало объединение промышленников в этих отраслях. Затруднения, создавшиеся для промышленности В. в послевоенные годы, особенно во время и после стачки горняков в 1926, еще в большей степени толкали предпринимателей на путь объединения. Это стремление промышленников Великобритании к объединению нашло свое выражение, прежде всего, в создании ряда предпринимательских союзов, или ассоциаций, не регулирующих непосредственно сбыта и, тем более, производства и этим отличающихся от синдикатов и трестов, но играющих большую роль в современном хозяйстве страны. Ассоциации эти, во-1-х, способствуют дальнейш. организации промышленности уже в форме синдицирования или трестирования, во-2-х, создают единый фронт предпринимателей против рабочих и, в-3-х, проводят в парламенте и перед правительством политику, соответствующую интересам данной группы предпринимателей. Важнейшими ассоциациями такого рода являются: широко известная ассоциация углепромышленников («Mining Association of Great Britain»), к которой принадлежат почти все владельцы угольных копей; федерация производителей железа и стали («National Federation of Iron and Steel Manufacturers»); «Engineering National Employers' Federation», объединяющая предпринимателей механической промышленности; в хлопчатобумажной промышленности—«Federation of Master Cotton Spinners and Manufacturers Associations» и возникшая весной 1927 «Cotton Yarn Association»; и, наконец, возглавляющая всю промышленность В. «Federation of British Industries», основанная в 1916, а в настоящее время (1927) объединяющая 2.411 фирм и 185 промышленных ассоциаций, включая выпечеречисленные (см. *Британской промышленности федерация*).

Наряду с созданием этих ассоциаций, с начала войны и особенно в последние годы идет усиленным темпом процесс концентрации и создания монополистических объединений в точном смысле этого слова. Этот процесс был отчасти связан со значительным развитием и технической реконструкцией военных отраслей и получил наиболее яркое выражение в химической промышленности. Еще до войны в этой отрасли сложились два мощных концерна—«Brunner, Mond & Co» (см. *Бруннер-Монд*) и «United Alkali Co», уже в 1890 объединившая 48 фирм. Империалистская война привела: а) к значительному расширению этих предприятий; б) к созданию ряда еще других мощных фирм, среди которых прежде всего следует указать на «Nobel Industries Ltd» и «British Dyestuffs Corporation»; в) к сближению всех этих фирм между собой, уже в 1916 приведенному к образованию Ассоциации британских химических фабрикантов; в 1926 оно получило свое завершение в форме создания грандиозного комбината «Imperial Chemical Industries», объединившего 4 упомянутые

фирмы, располагающие вместе капиталом в 42,5 млн. ф. ст. (см. «*Империальная химическая промышленность*»). Этот комбинат, имеющий обширные международные связи и связанный также с друг. отраслями промышленности В. (антрацитовые копи, фабрики искусственного шелка и др.), объединяет в наст. время большую часть химической промышленности В. Вне его находятся пока лишь две сравнительно крупные фирмы: «British Alizarine Co» и «Holliday». — Концентрация машино- и судостроительной промышленности далеко не приняла еще такой законченной формы, но и в этих отраслях дала значительные результаты. Империалистская война привела здесь к созданию ряда мощных концернов, среди которых на первом месте могут быть поставлены колоссально разбогатевшие на военных поставках фирмы «Викерс» («Vickers») и «Армстронг» («Armstrong Whitworth Ltd»). В ноябре 1927 началось слияние этих двух предприятий путем создания новой компании «Vickers — Armstrong Ltd». Слияние этих двух фирм, являющихся крупнейшими поставщиками военного снаряжения не только для В., но и для ряда европейских и внеевропейских государств, имеющих и контролирующих ряд крупнейших предприятий — машино- и судостроительных, электротехнических, железодельных и даже каменноугольных — не только в В., но и за границей, несомненно является событием большого значения (см. *Викерс*). — После стачки горняков 1926 в ряде районов каменноугольной промышленности ведутся переговоры об образовании объединений синдикатского типа. Вместе с тем, следует отметить создание в каменноугольной и железодельной промышленности ряда вертикальных объединений, примером которых может служить *Болдуин Лимитед* (см.). Наличие мощных вертикальных объединений, в известной мере, задерживает горизонтальную централизацию в тяжелой индустрии в форме синдицирования. В остальных отраслях происходит не только усиление прежде созданных объединений, но и создание ряда новых. В качестве иллюстрации можно указать на рост основанного еще в 1904 предприятия «Courtaulds», располагающего в наст. время капиталом в 26 млн. ф. ст. и контролирующего около 90% всего производства искусственного шелка в В. Наконец, необходимо отметить процесс сращивания промышленности с банками, который идет усиленным темпом в последние годы и который в свою очередь ускоряет создание и усиление капиталистических объединений в промышленности. Промышленность В., т. о., в последние 1½ десятилетия сделала значительный шаг вперед по пути централизации. Но она отнюдь не догнала в этом отношении промышленность Соед. Штатов Сев. Америки и даже промышленность важнейших европейских индустриальных стран. *Л. Зиман и Б. Леперсон.*

В. на мировых рынках сырья. Экономическое могущество В. в известной мере основывается на том, что она контролирует значительную часть мировых ресурсов сырья. Для В. проблема сырья имеет громадное значение с точки зрения прило-

жения капиталов и обеспечения ее промышленности сырьем. В. контролирует мировые источники сырья в качестве: 1) собственника сырьевых монополий, 2) крупнейшего потребителя сырья и 3) распределителя сырья для др. рынков. Значение сырьевых монополий, в частности — монополии каучука, особенно увеличилось в последнее время; по словам Стемпа, английский капитал получает больше доходов на сырьевых монополиях, чем в собственной промышленности.

Значительные запасы угля В. имеет в самой метрополии. Из мировых нефтяных ресурсов английск. и союзный с ним голландский капитал контролирует от 1/4 до 1/3 известных ресурсов нефти на земном шаре: в Персии и Месопотамии 13,6% мировых нефтяных ресурсов, в Британской и Голландской Индии — 9,2% и в Европе и Америке — около 5%. Важнейшей нефтяной компанией в В. является *Роял Деч Шелл* (см.), с которой тесно связана Англо-Персидская компания. Крупнейшим акционером Англо-Перс. компании является правительство Великобритании (около 50% акций). В борьбе за нефть внешняя политика В. тесно переплетается с политикой указанных двух компаний. Нефтяная политика В. основывается на принципе монопольного использования нефтяных ресурсов тех территорий, к-рые входят в сферу влияния В. Договором в Сан-Ремо (1920) В. и Франция обязались взаимно поддерживать друг друга в области нефтяных концессий в пределах Румынии, Малой Азии, территории вост. Российской империи и Галиции. В своих колониях В. и Франция по этому договору предоставили друг другу право участия на равных основаниях в нефтяных разработках. В. в своих колониях исключает иностранные капиталистические группы из числа концессионеров. Крупнейшим антагонистом Роял Деч Шелл является американ. компания *Стандард Ойл* (см.). Наиболее важными пунктами столкновения нефтяной политики В. и Соединен. Штатов являются: Венесуэла, Аргентина, Турция, Месопотамия и СССР. Крупной победой Великобритании следует считать приобретение мусульманской нефти (1925), тогда как Стандард Ойл считает своей победой заключение этой компанией в 1927 соглашение с Нефтьсиндикатом СССР о продаже советской нефти на Ближнем Востоке.

В. контролирует около 70% мирового производства олова. Англ. капитал является собственником предприятий по добыче олова на о-вах Малайского архипелага, в Голландской Индии, Сиаме, Борнео, Австралии, Южной Африке и Нигерии. Одновременно с этим В. является центральным рынком и распределителем олова для государств европейского континента, в т. ч. и для СССР. — В отношении важнейшего текстильного сырья — хлопка, В. зависит в значительной степени от Соед. Штатов, откуда она ввозит до 60% необходимого ей количества. В сферу влияния В. входят, однако, территории, с которых в 1924 было собрано до 27% всего мирового сбора хлопка; из мирового ввоза на В. приходилось

30%. Хлопковая политика В. ставит задачей развитие хлопководства в колониях и зависимых территориях, в частности—в Месопотамии и Африке. По шерсти на долю В. в 1924 приходилось более одной трети всего мирового ввоза и ок. 18% мирового вывоза; объясняется это тем, что Великобритания является рынком шерсти, распределяющим таковую для стран Центр. и Вост. Европы, выступающих покупателями на лондонских аукционах. Следует отметить, что Франция, Германия и в последнее время СССР стремятся перенести закупку шерсти из Лондона непосредственно в Австралию (Брисбен), в чем встречают содействие австралийских экспортеров. По джуту у Британская Индия, находящаяся под экономическим и политическим господством В., производит до 98% всего джута, поступающего на мировой рынок.—В области каучука В. диктует условия на мировом рынке. На долю Британской империи приходится немногим более 50% всего сбора каучука (гл. обр., в Малайских государствах); кроме того, в Голландской Индии, дающей ок. 40% мирового сбора, до $\frac{1}{3}$ всех предприятий принадлежит англ. владельцам. В. искусственно сокращает вывоз каучука из Малайских государств с целью удержать цены на высоком уровне (по т. н. схеме Стивенсона, к-рой присоединилась и часть плантаторов Голландской Индии). Соед. Штаты, для которых каучук является необходимым условием развития автомобильного транспорта, а также важным военным материалом, пытаются вести борьбу с В. путем организации единого закупочного центра (пула), использования регенерата (испорченной резины), разведения каучука в Либерии (Файерстон), в Мексике (Форд) и других странах. Кроме того, в Соединенных Штатах производятся опыты по изготовлению синтетического каучука.

Благодаря своему преобладанию на рынке нек-рых видов сырья, топлива и продовольствия, Великобритания имеет возможность регулировать мировые цены, устанавливать организационные формы торговли, типовые договоры, стандартную сортировку, упаковку и т. п., что, в свою очередь, укрепляет положение В. в качестве экспортера и импортера.

И. Завич.

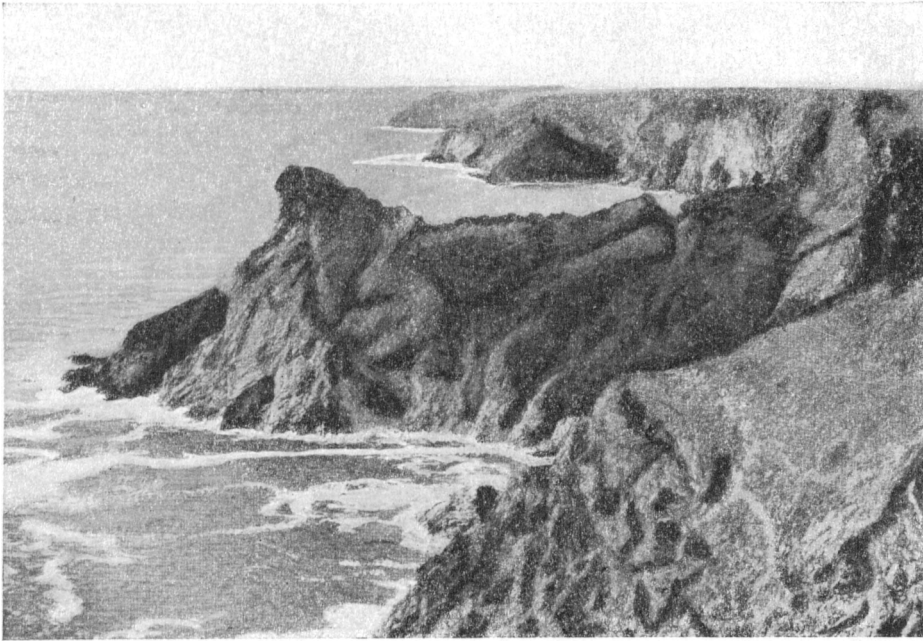
Лит.: Леви, Г., Основы пародного хозяйства Англии, Москва, 1924; Варга, Е., Англия и Германия, М., 1927; Грановский, Е., Угольный кризис в Англии, Л., 1926; «Угольный кризис в Англии», доклад комиссии Ллойд Джорджа, М.—Л., 1926; Вильямс, Д., Формы капиталистических объединений в каменноугольной промышленности, Л., 1925; A. Hettner, Englands Weltwirtschaft und ihre Krisis, Berlin, 1917; E. Obst, England, Europa und die Welt, B., 1927; H. Levy, Monopole, Kartelle und Trusts in der Geschichte und Gegenwart der englischen Industrie, 2 Aufl., Jena, 1927; H. W. M. A. Costy, The Trust Movement in British Industry, L., 1907; P. Fitzgerald, Industrial Combination in England, L., 1927; Статистич. данные см.: «Statistical Abstract of the United Kingdom» (ежегодник), Л.; W. Page, Commerce and Industry, L., 1919; Muhlha 11, Dictionary of Statistics, Ldn, 1899.

Сельское хозяйство.

История современного сельского х-ва В. до империалистской войны может быть разделена на три основных периода. Исходным пунктом первого периода были промышлен-

ный переворот и индустриализация страны, создавшие чрезвычайно емкий рынок для сел.-хоз. продуктов и тем самым обеспечившие подъем сел. х-ва. Сел. х-во В. не только росло количественно, но и достигло значительных успехов в отношении рационализации производства и повышения качества продуктов—успехов, выразившихся в замене трехполья плодосменной системой, в расширении посева кормовой репы (Норфолькская система), в замене прорыхлых пастбищ усовершенствованным луговым хозяйством, введении новых орудий и машин, новых способов осушки почвы и новых приемов удобрения, в больших достижениях в области разведения племенного скота, в значительном развитии агрономической науки (Артур Юнг и другие). Кульминационным пунктом подъема был конец 18 в. и начало 19 в. (период Наполеоновских войн), когда с.-х. цены стояли необычайно высоко. Несмотря на заметное снижение хлебных цен с окончанием войны против Наполеона, благоприятная в основном сел.-хоз. конъюнктура сохранялась в течение всей первой половины 19 в. Она просуществовала нек-рое время даже после отмены в 1846 хлебных пошлин, т. к. высокий уровень хлебных цен на континенте позволил в течение нек-рого времени поддерживать высокие цены и в В.—Вторая половина 19 века характеризуется исключительно быстрым ростом ввоза с.-х. продуктов в В. Средний годовой ввоз пшеницы с 1811 по 1910 по двадцатилетиям составлял: 1,5—5—21—37—73 млн. *г.*, а накануне войны, в 1911—13, он уже достигал 88 млн. *г.* Ввоз мяса начался примерно в середине 19 в.; еще в 1850-х гг. он составлял 44 т. *т.*, в 1880-х гг. он уже превысил $\frac{1}{2}$ млн. *т.*, а в начале 20 века—1 млн. *т.* Ввоз сыра и масла, в 1850 составлявший только 30 т. *т.*, в 1870 достиг 98 т. *т.*, в 1890—209 т. *т.*, а в 1910—уже 339 т. *т.* Не менее быстро рос ввоз яиц. Этот быстрый рост с.-х. импорта был обусловлен развитием мирового транспорта, связавшего В. с крупными производителями с.-х. продуктов как на Европейском континенте, так и за океаном, а также с усовершенствованиями в области холодильного дела, сделавшими возможной перевозку на значительные расстояния скоропортящихся продуктов. Значительный ввоз с.-х. продуктов и снижение с.-х. цен (особенно хлебных) вызвали упадок сел. х-ва В., наиболее ярко выраженный в последние 3 десятилетия 19 в.—Наконец, последний период, непосредственно предшествовавший войне, характеризовался постепенным изживанием с.-х. кризиса, что было связано, с одной стороны, с улучшением мировой с.-х. конъюнктуры, а с другой—с реорганизацией самого сел. х-ва В. Основные статистические данные о динамике сел. х-ва В. с середины 19 в. до империалистской войны даны в табл. на след. ст. Наибольшему сокращению (более, чем вдвое за 45 лет с 1868 по 1913) подверглась культура пшеницы. Посевы остальных зерновых хлебов и прочих культур сократились значительно меньше (примерно на $\frac{1}{10}$). Сокращение посевных площадей привело к значительному увеличению площади пастбищ и лугов. Несмотря на это, овцеводство

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

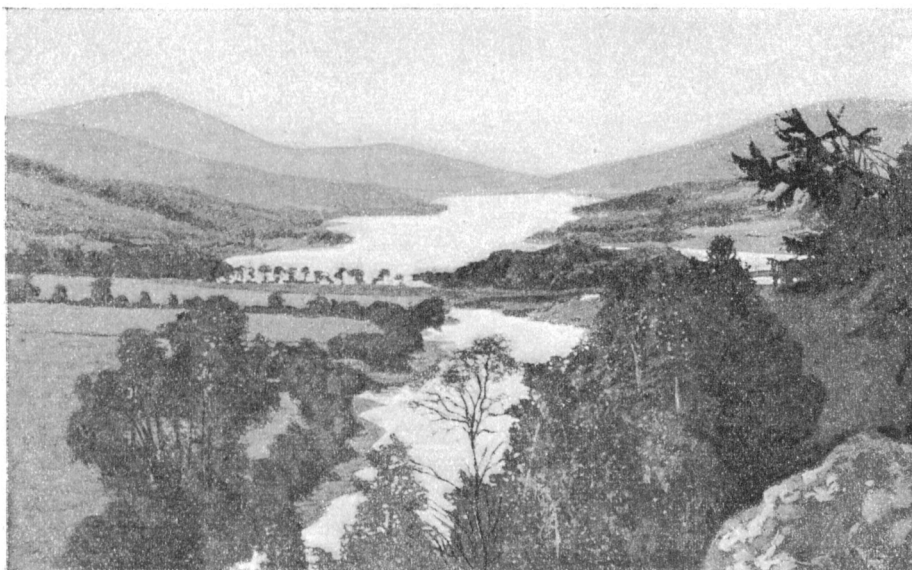

Мыс Лизард, крайний южный пункт Великобритании. Типичный скалистый берег юго-западной Англии.

Мыс Флемборо в восточной Англии. Типичный меловой берег.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Озеро („лох“) Теммел и долина в графстве Перт (Шотландия).

Поле в графстве Кент. Уборка ячменя.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Соутгемптон, главный порт южного побережья Англии. Общий вид порта; у пристаней — крупнейшие океанские пароходы.

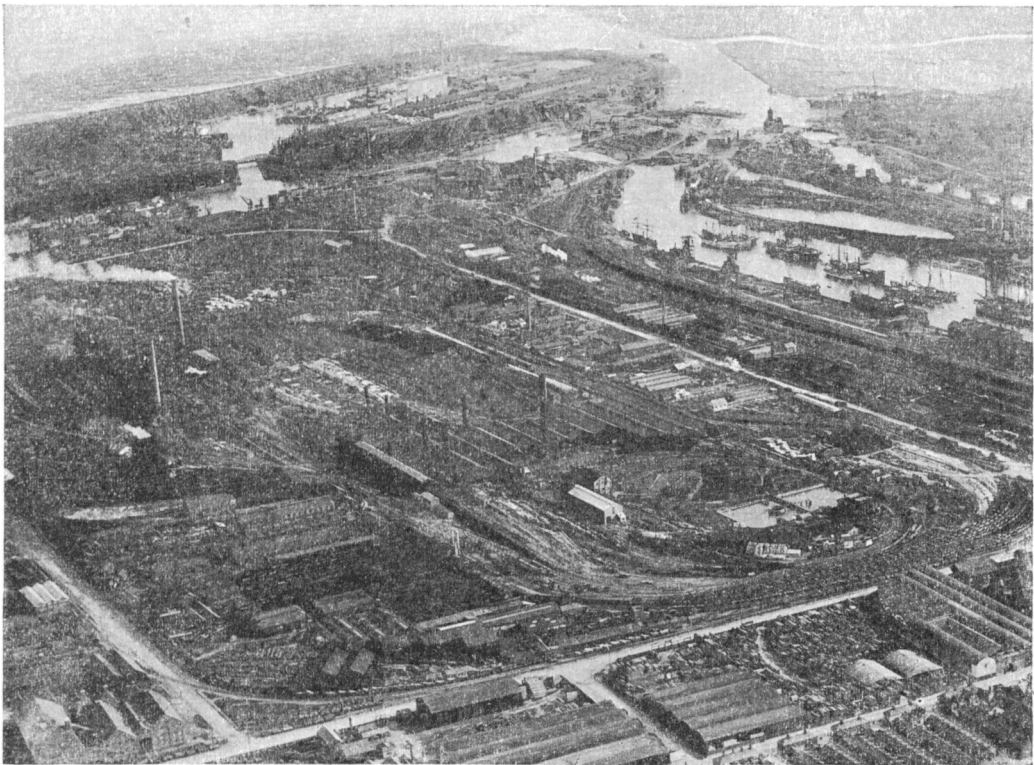
Ливерпуль, главный порт западной Англии. Часть доков Ливерпульского порта, вмещающих величайшие океанские суда. На первом плане — шлюзовые ворота, позволяющие сохранять уровень воды в бассейнах во время отлива.

Б. С. Э.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

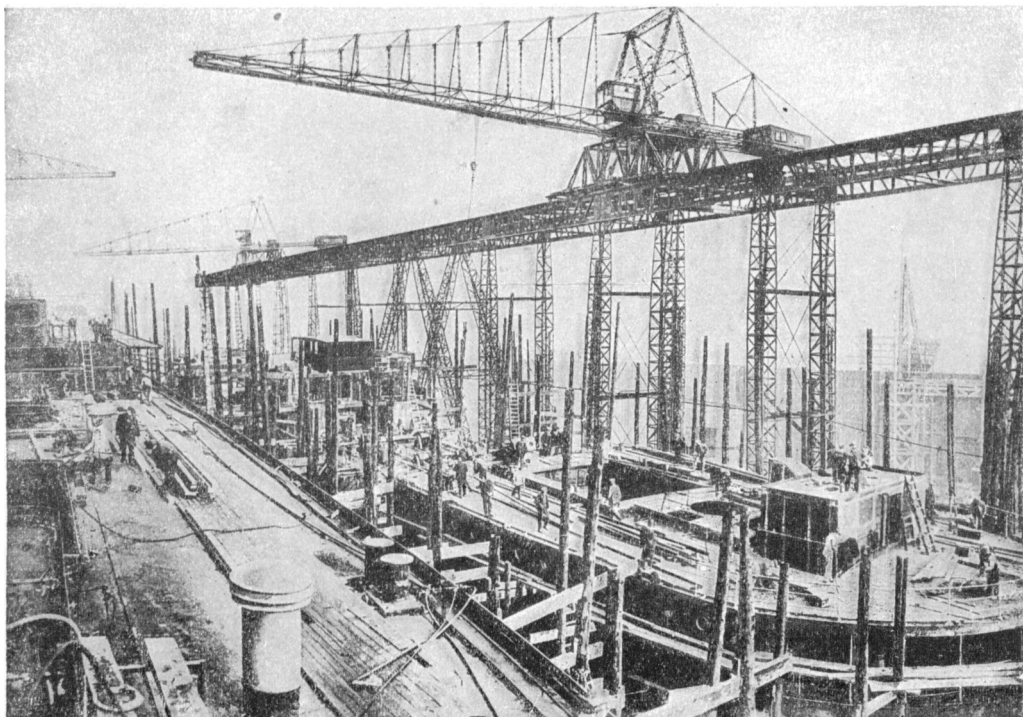

Ньюкастль, главный каменноугольный порт и судостроительный центр северо-восточной Англии.

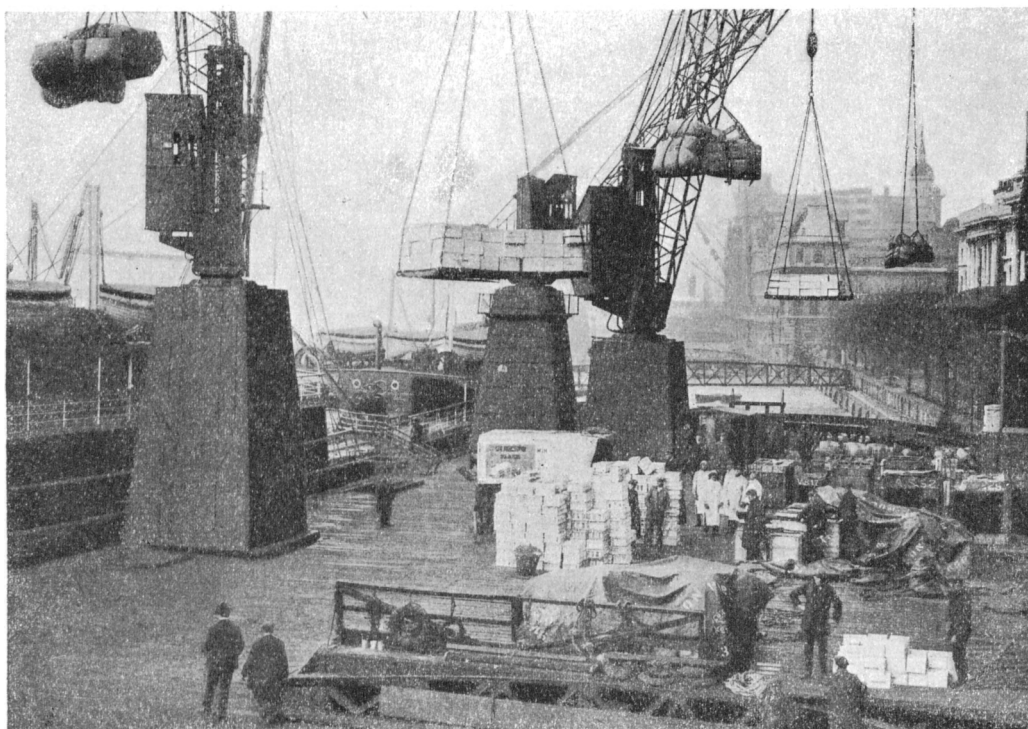

Кардиф, крупнейший порт Великобритании по вывозу каменного угля.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

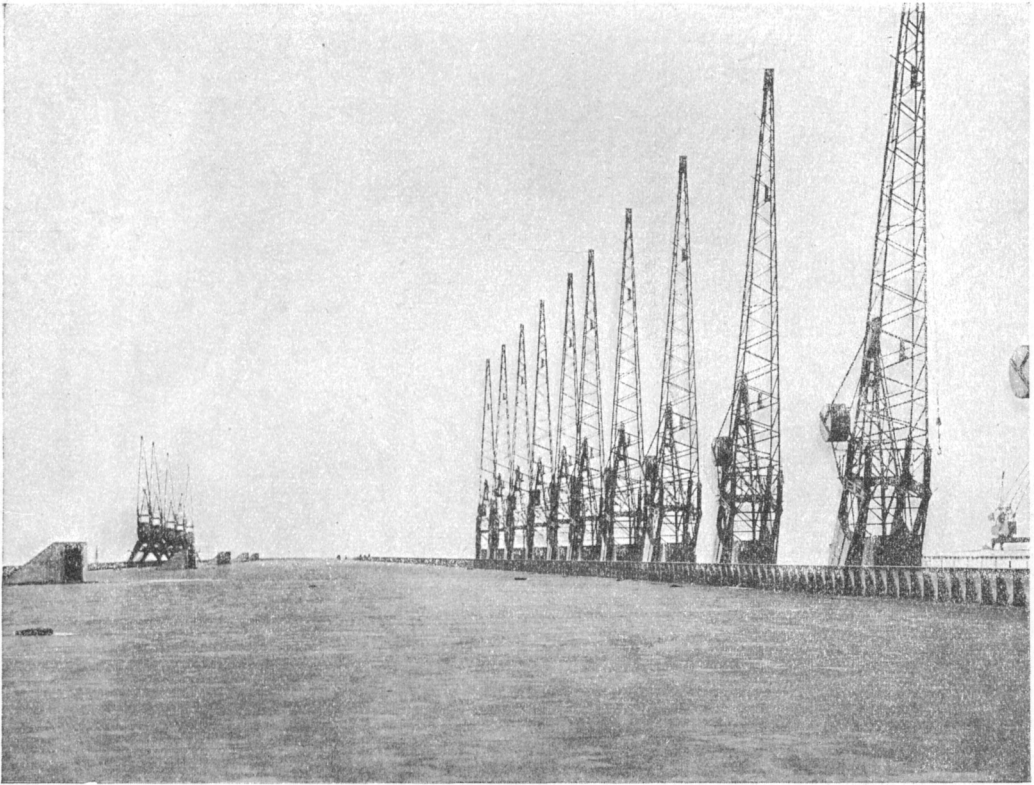

У о л с е н д, предместье Ньюкестля. Судостроительная верфь. На снимке — 2 строящихся судна, одно из них (налево) — нефтеналивное.

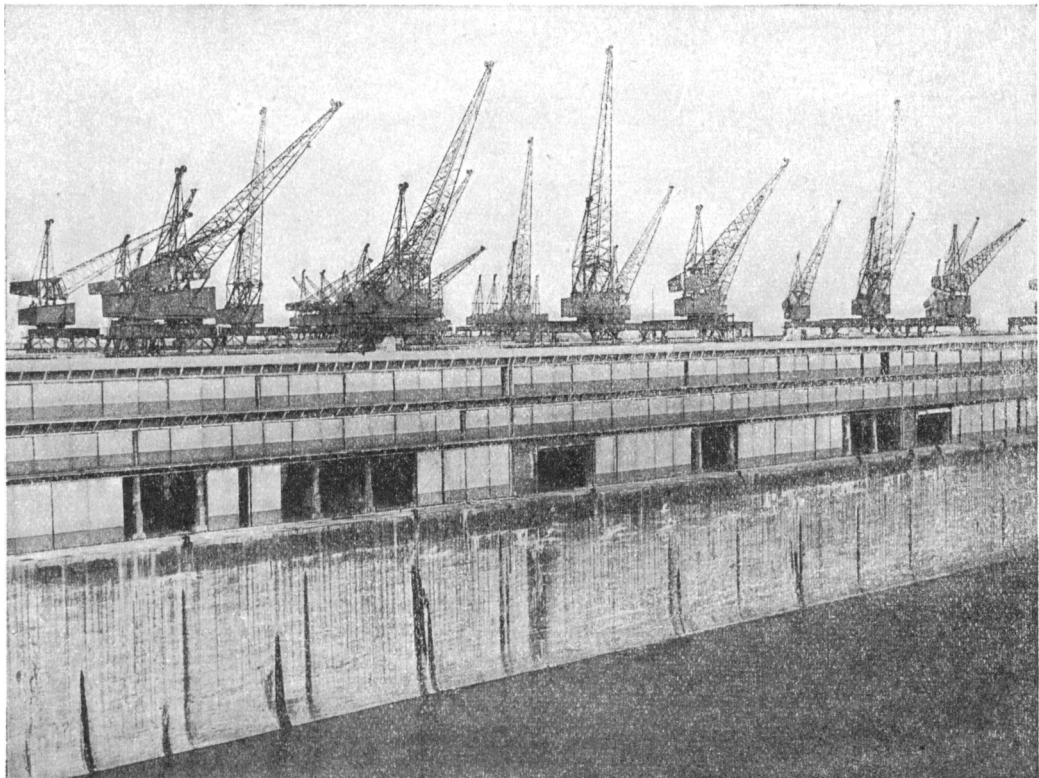

Лондонские доки. Разгрузка парохода.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Л и в е р п у л ь. Подъемные краны нового дока (так называемый док Гладстона, 460 м длины).

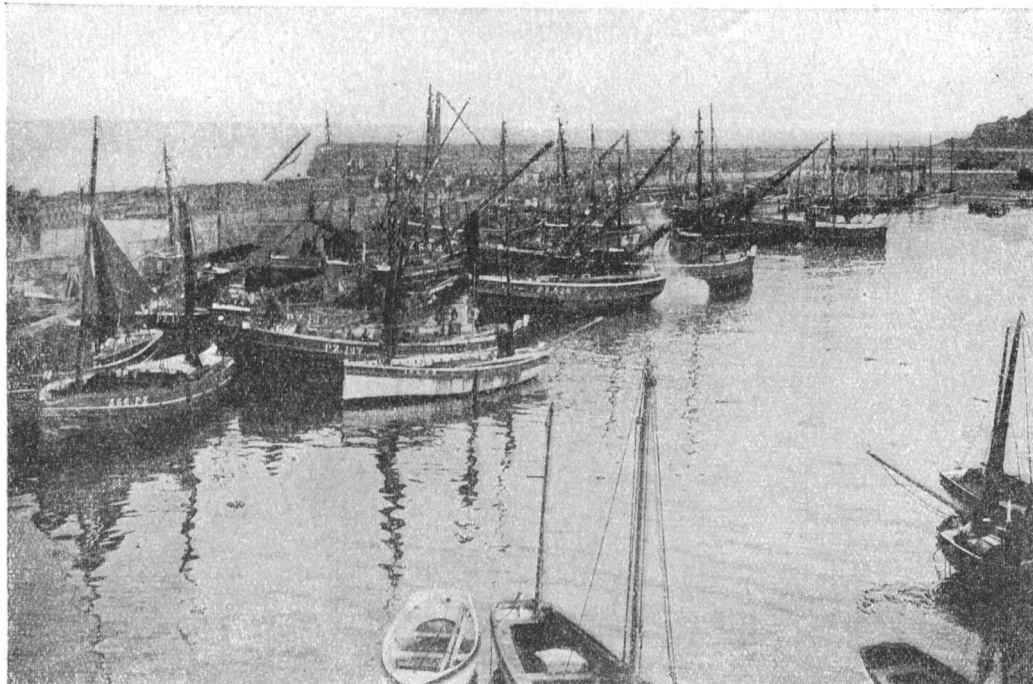
Л и в е р п у л ь. Подъемные краны на пристани.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

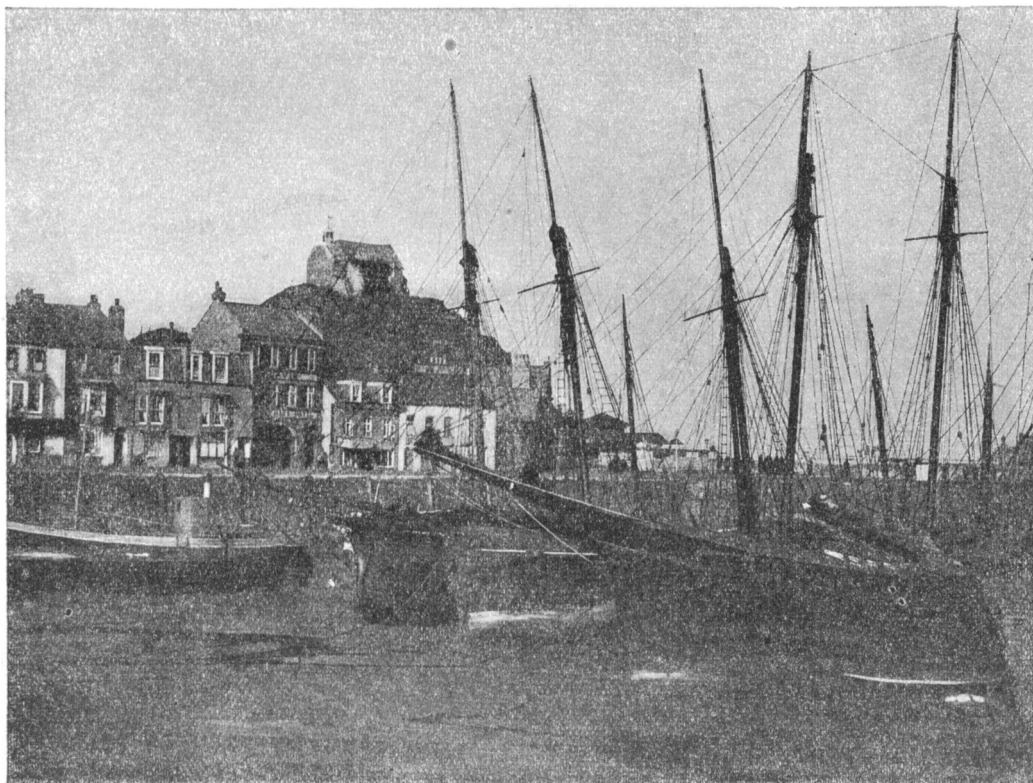

Г р и м с б и, один из крупнейших рыболовных портов Англии.
На снимке—момент продажи прибывшего улова.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

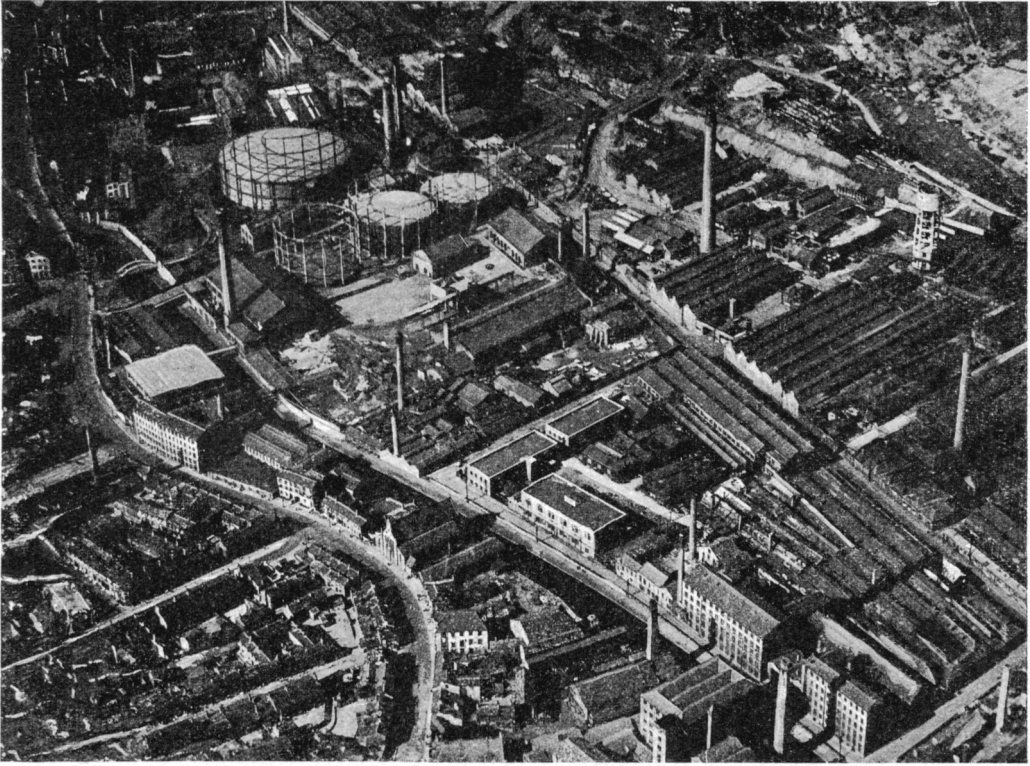

Ньюлин, небольшой рыболовный порт юго-западной Англии (графство Девон).

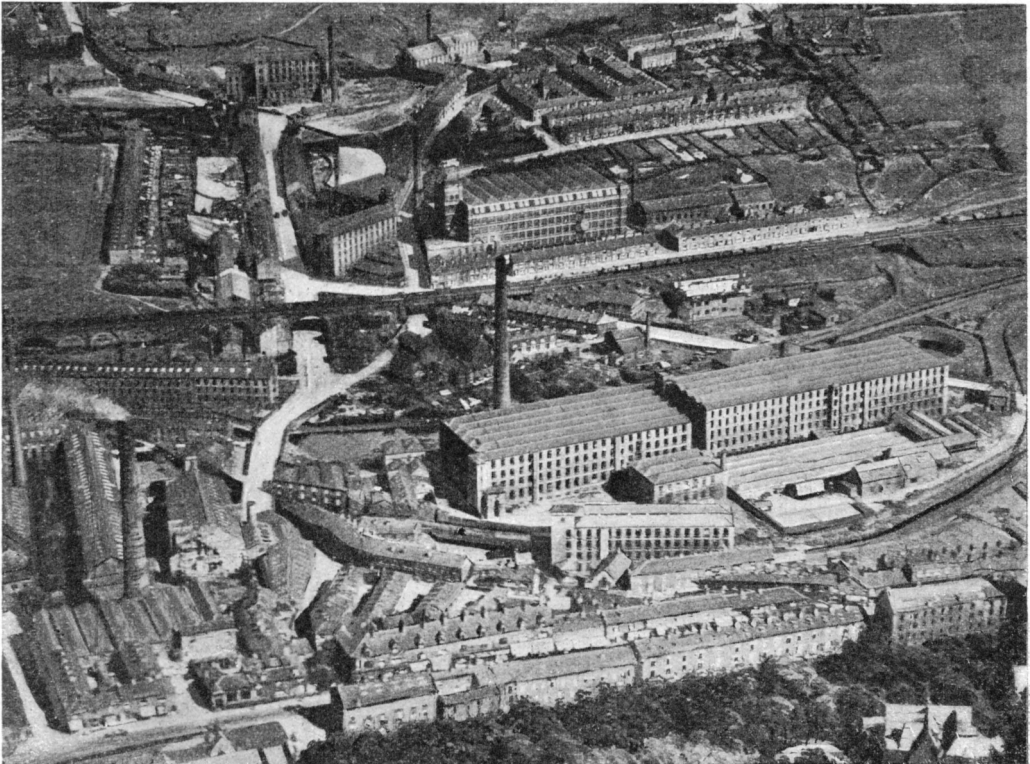

Илфрекум, небольшой портовый город юго-западной Англии (графство Девон). Гавань во время отлива.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

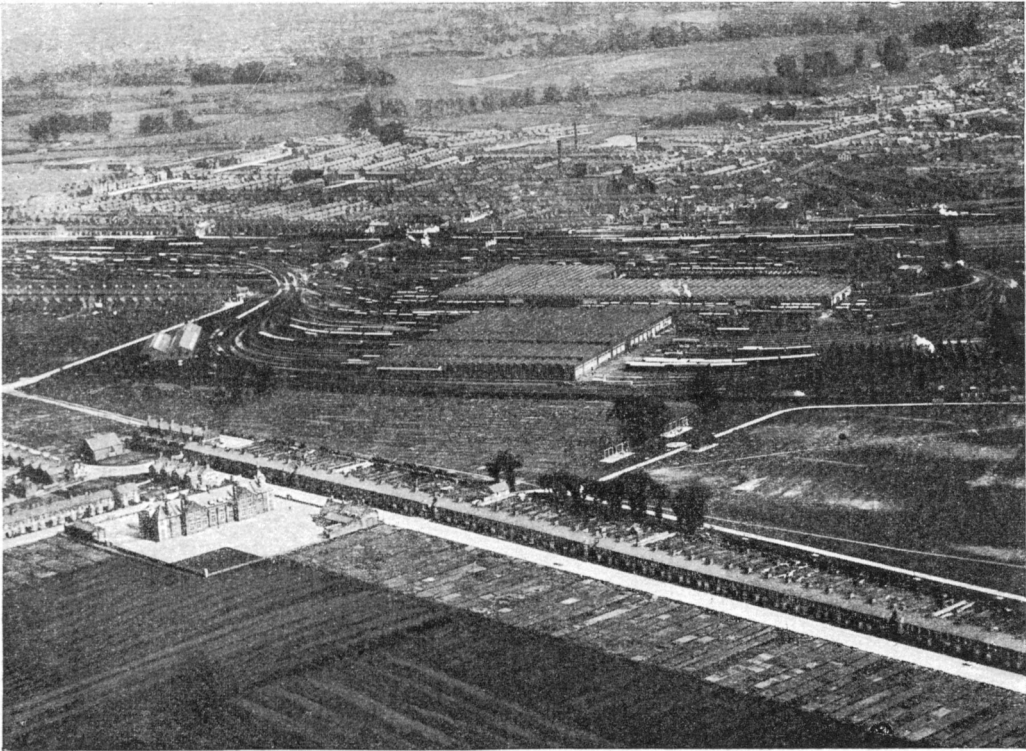

Г е д д е р с ф и л д , один из индустриальных центров Йоркшира. Газовый завод, текстильная фабрика, механические мастерские и рабочий квартал (налево внизу).

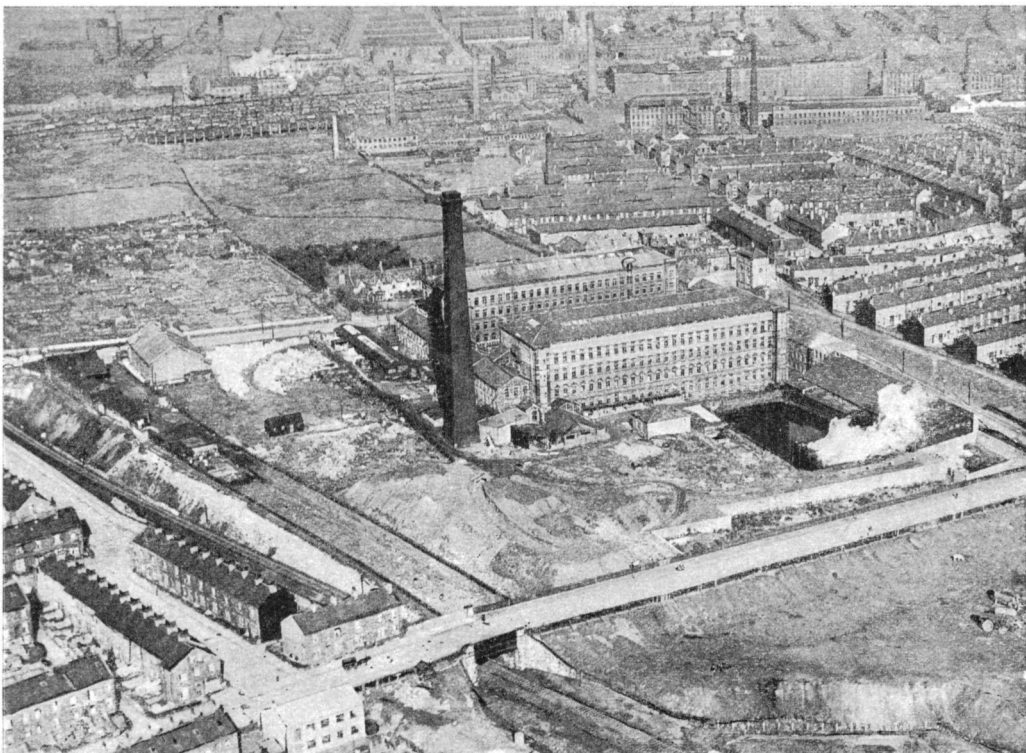

О л д е м , фабричный город близ Манчестера. Хлопчатобумажные фабрики.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

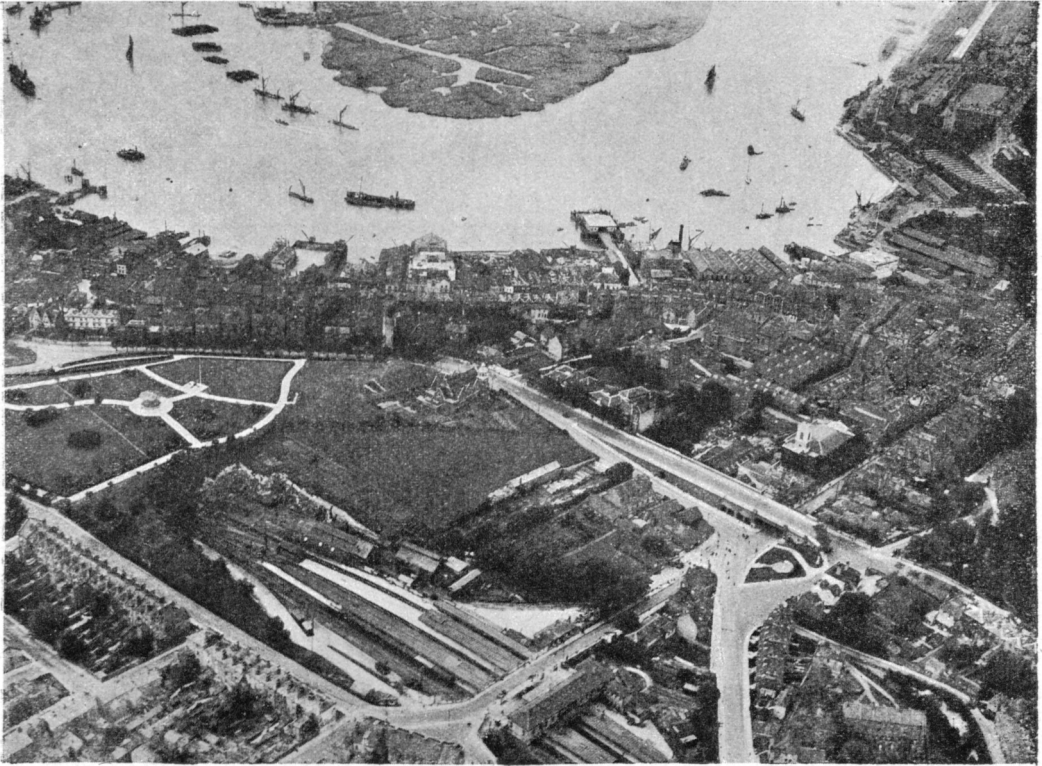

С у и н д о н. Важный железнодорожный центр.

Б р е д ф о р д, один из главных центров шерстопрядильной, суконной и камвольной промышленности Великобритании. Текстильные фабрики и жилища рабочих.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Ч е т е м, порт в восточной Англии (графство Кент); наверху в правом углу — судостроительные мастерские.

Аэродром в г. Лиме (графство Кент, к западу от Фолкстона).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Квартал Шепердс Буш в Гаммерсмите (западное предместье Лондона). Населен главным образом мелкой буржуазией. Внизу налево — линия метрополитена.

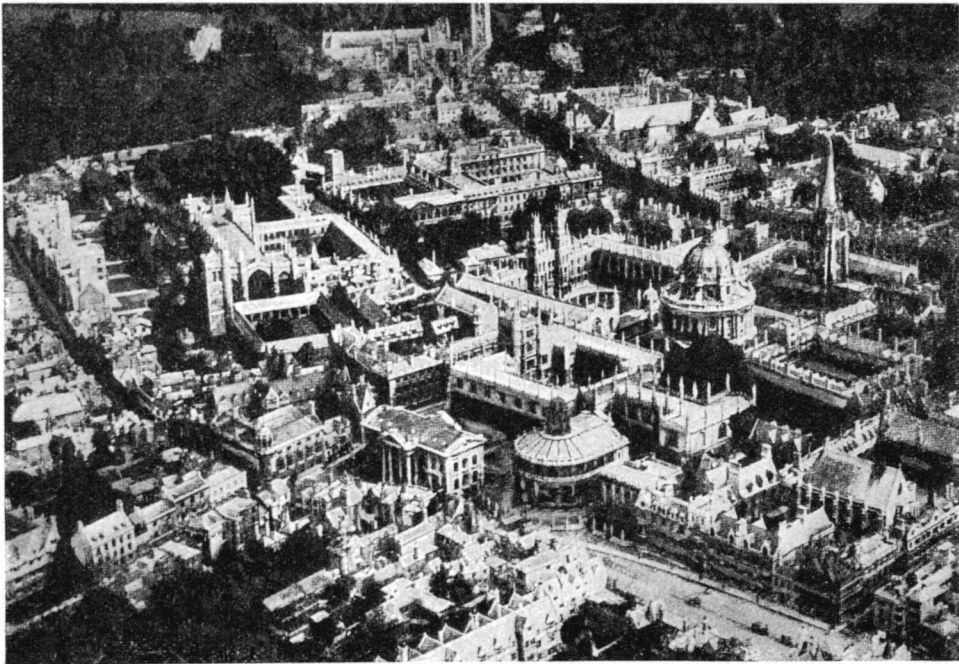

Кеннингтон, рабочее предместье Лондона в его восточной части, близ доков. Характерна чрезвычайная скученность построек. На заднем плане — линия южной ж. д.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

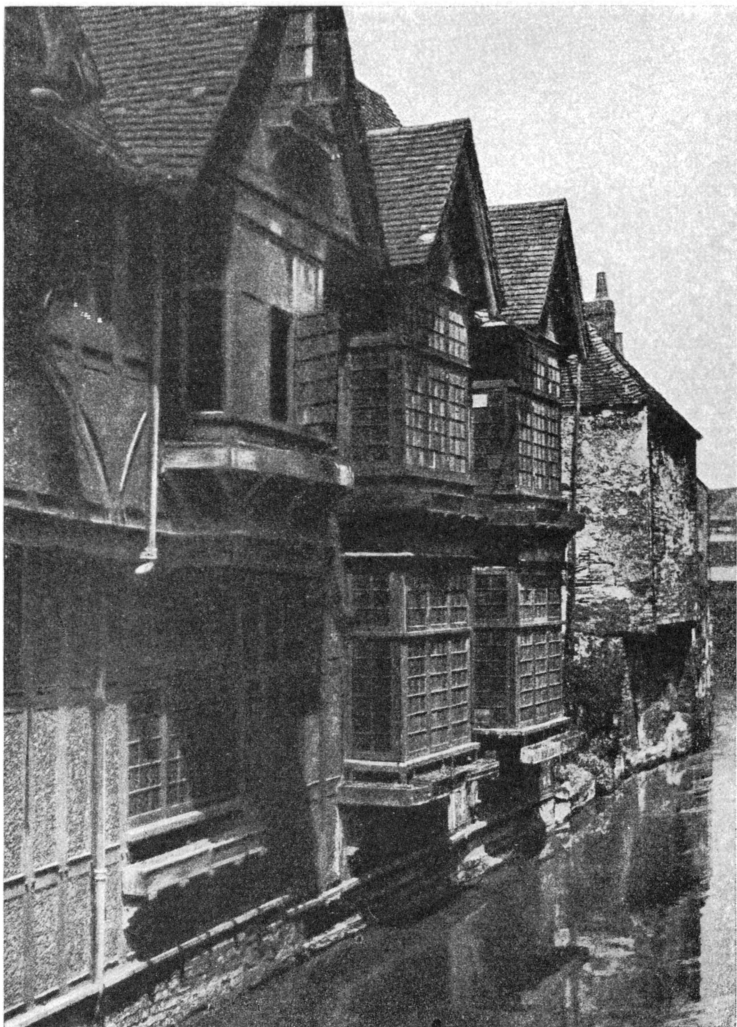

И о р к: Старая часть города; собор и старинные крепостные ворота.

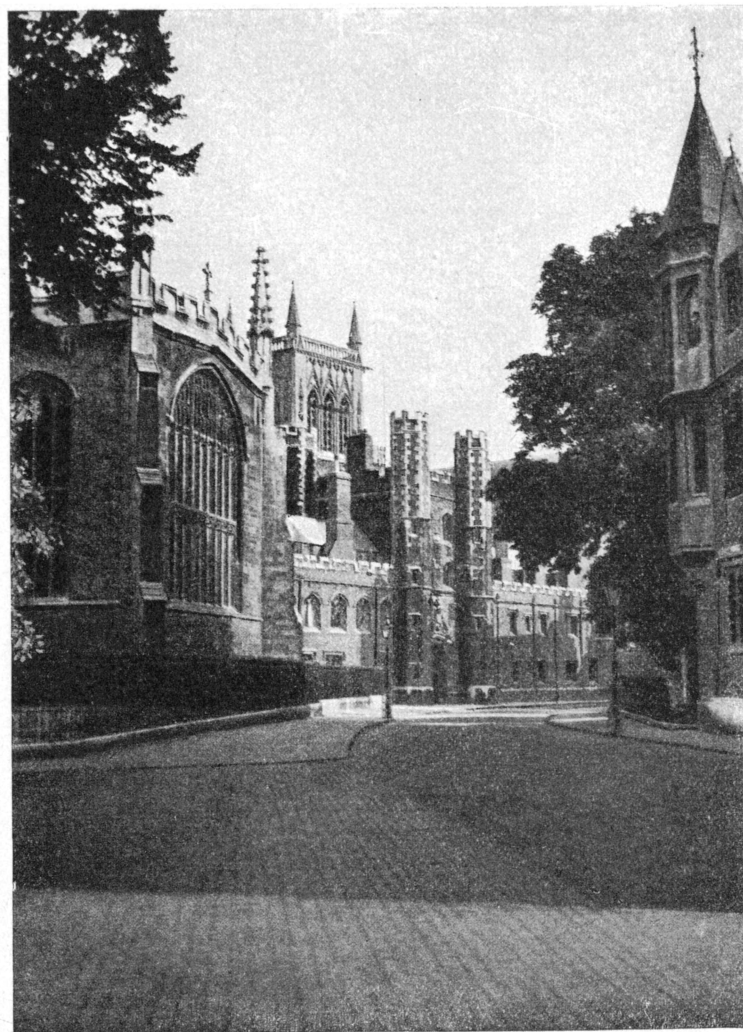

О к с ф о р д. Общий вид на университетские здания.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

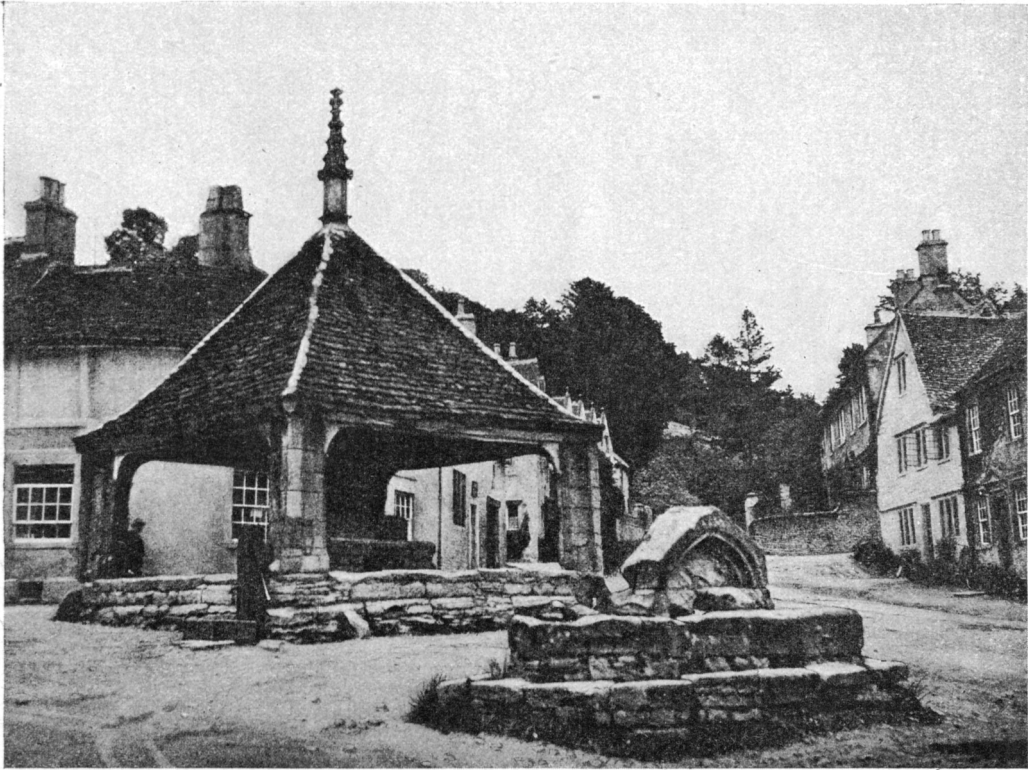

Б. С. Э. Кентербер и. Старинный дом цеха ткачей.

Кембридж. Старинный университетский город.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

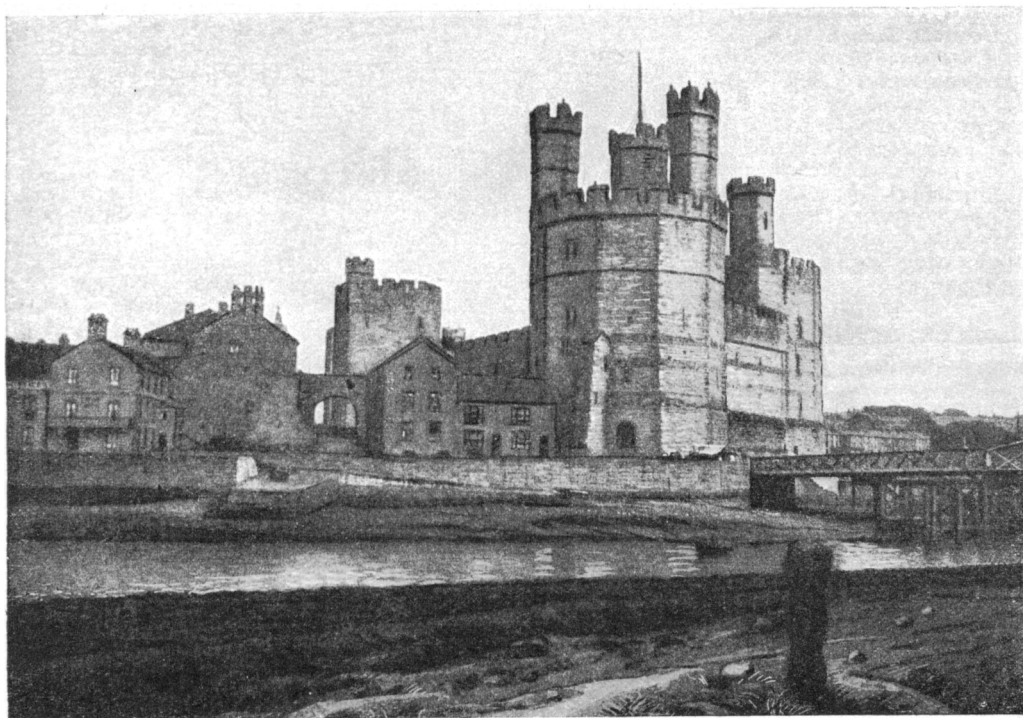

Старинная рыночная площадь в маленьком городке графства Вилтшир.

Деревенские постройки в графстве Сомерсет (один из районов Англии, наиболее сохранивших сельскохозяйственный характер).

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Замок Карнарвон в Уэльсе, один из наиболее известных старинных замков Англии.

Старинный замок в графстве Кент.

Элементы с. х-ва	1855	1868	1883	1898	1913
Вся с.-х. площадь	12.030*	12.090	13.125	13.142	12.920
В том числе:					
луга и пастбища	5.842*	4.941	6.416	6.701	7.109
посевная площ.	6.188*	7.179	7.009	6.441	5.811
все зерновые хлеба	3.513*	3.817	3.488	2.995	2.801
пшеница	1.363*	1.478	1.057	850	710
Крупн. рогат. скот	4.353	5.424	5.963	6.622	6.964
Овцы	24.370	30.712	25.068	26.743	23.931
Свиньи	2.506	2.309	2.618	2.452	2.234
Лошади	1.855	—	1.411	1.517	1.324

* 1851 г.

также выявляло тенденцию к сокращению. Лишь крупное рогатое скотоводство неуклонно развивалось. Но и оно дало за 45 лет (1868—1913) прирост лишь на 23,4%, в то время как население В. за 40 лет (1871—1911) увеличилось на 56,6%. Приведенные данные не вполне характеризуют эволюцию сел. х-ва В., так как они, с одной стороны, не отражают качественных изменений с.-х. производства, а с другой—не охватывают т. н. второстепенных отраслей его. Между тем, та перестройка с. х-ва В., к-рая перед империалистской войной позволила ему преодолеть с.-х. депрессию, как раз заключалась в широком развитии этих «второстепенных отраслей» и переходе на производство, гл. обр., высококачественных и ценных продуктов. Несмотря на неуклонный рост мясного импорта, производство мяса в стране не сокращалось; ввозилось преимущественно дешевое мясо (охлажденное), внутреннее же производство обслуживало потребность в более ценном свежем мясе. Племенной скот, благодаря своим высоким качествам, даже вывозился. Несмотря на развитие ввоза сыра и масла, молочное хозяйство росло, частично перейдя на поставку свежего молока и сливок (75—80% всей молочной продукции продается фермерами в виде молока). Развивалось и птицеводство, несмотря на увеличившийся ввоз яиц и битой птицы. Значительное развитие получило огородное и садовое хозяйство, поставляющее опять-таки наиболее ценные сорта фруктов. Отдельные районы В. специализировались на производстве тех или иных продуктов. «Так, Кент знаменит теперь своим садоводством и огородничеством (впрочем, он всегда был хмелеводческим графством); Эссекс стал известен в качестве скотоводческой области; отдельные части Линколншира (Isle of Axholme) занялись усиленным разведением сельдерея, а старые графства, с преобладающими молочными хозяйствами на богатом лугами западе, Кемберленд, Дорсетшир и Девоншир, сумели увеличить свою славу, поскольку увеличился спрос специально на их продукты. Девонширские сливки стали до известной степени такой же „маркой“, как честерский сыр или иоркширская ветчина. С.-х. продукты, производство которых рассматривалось в 70-х гг. как *quantité négligeable* в сравнении с господствовавшим еще хлебопашеством, и на к-рые старые англ. сельские хозяева смотрели с пренебрежением, стали через несколько десятилетий играть в сель-

ском хозяйстве Англии главную роль. Земледелие же стало во многих случаях лишь придатком скотоводства в „сместанном“ производстве и служило своей плодосмен, системой в первую очередь для снабжения скота кормом» (Г. Леви).

Животноводственный уклон сельского хозяйства В. ясно виден из данных след. таблицы о стоимости с.-х. продукции (при рассмотрении абсолютных цифр этой таблицы следует иметь в виду, что увеличение стоимости продукции в 1923 сравнительно с 1908 почти всецело объясняется ростом цен):

Виды продуктов	В млн. ф. ст.		В %	
	1908	1923	1908	1923
Продукты полеводства	46,6	54,0	30,9	20,8
Скот	61,4	95,0	40,7	36,7
Молочные продукты	30,0	79,0	20,0	30,5
Шерсть	2,6	4,2	1,7	1,6
Птица и яйца	5,0	13,5	3,3	5,3
Фрукты и пр.	5,2	13,0	3,4	5,1
Всего	150,8	258,7	100	100

Статистические данные о послевоенных изменениях сельского хозяйства В. приведены в следующей таблице:

Элементы сельского хозяйства	1913	1919	1922	1926
Вся с.-х. площадь	12.920	12.847	12.445	12.330
В том числе:				
луга и пастб.	7.109	6.432	6.516	6.728
посев. площ.	5.811	6.415	5.929	5.602
все зерновые хлеба	2.801	3.361	2.990	2.519
пшеница	710	1.066	822	644
Крупный рогатый скот	6.964	7.410	6.869	7.451
Овцы	23.931	23.353	20.122	24.062
Свиньи	2.234	1.825	2.450	2.345
Лошади	1.324	1.337	1.308	1.307

Во время империалистской войны затруднительность ввоза побудила правительство принять ряд экстрен. мер для расширения с.-х. и прежде всего хлебной продукции (создание особого продовольственного департамента, «Food Production», введение гарантированных минимальных цен и т. п.). Средн. годовая цена местной пшеницы в Лондоне с 1913 по 1918 поднималась, напр., след. образом (в шиллингах за квинтал): 27,2, 30, 37, 49, 63,8 и 61,3. Даже в 1919 и 1920 она еще держалась на уровне 54,5—55,2 шилл. В результате мы видим увеличение посевной площади с 1913 по 1919 на 600 тыс. га, в том числе под одной пшеницей—на 350 тыс. га. С заключением мира возобновление импорта привело к кризису сел. х-ва, охватившему даже крупное рогатое скотоводство. В последние годы (1921—27) сельское х-во В. эволюционирует в том же направлении, как и до войны: посевная площадь сокращается, луга и пастбища увеличиваются, крупное рогатое скотоводство растет и т. д.—В наст. время на долю сельского х-ва В. приходится лишь около $\frac{1}{12}$ всего самодостаточного населения.

Подчиненная роль сел. х-ва объясняется, однако, не только этим, но и тем, что сел. х-во В. доставляет лишь незначительную часть продовольствия и с.-х. сырья, потребляемых населением и промышленностью В. По данным Imperial Economic Committee, сельск. х-во В. дает лишь 18% всего количества потребляемой в стране пшеницы и пшеничной муки, 44% говядины, 41% баранины, 34% свинины, 31% сыра, 17% масла, 34% яблок, 42% груш. Здесь перечислены лишь продовольственные продукты; снабжение В. сельско-хозяйственным сырьем еще в большей степени зависит от заграницы.

В политической жизни В. вопросы, связанные с сел. х-вом, играют более значительную роль, чем это можно было бы думать, исходя из его удельного веса в народном хозяйстве страны. Это обстоятельство связано с социальной структурой сельского х-ва. В.—страна преимущественно крупного землевладения. Единственная сводка статистических данных о землевладении относится к 1874—75. По этим устаревшим и неудовлетворительным данным, не различающим земельных участков в городах и деревнях, 46% всей земли принадлежат 1.454 землевладельцам, владевшим более, чем 5.000 акрами (около 2.000 га) каждый, 31% принадлежал 11.337 собственникам, имевшим по 500—5.000 акров (около 200—2.000 га), и 23%—остальным владельцам, число которых превышало 1 миллион. Лендлорды, владеющие большей частью с.-х. земли, сами редко ведут хозяйство, а в большинстве случаев землю сдают в аренду. Сами собственники обрабатывали в % ко всей площади:

В 1887	15,3%	В 1907	12,2%
» 1892	14,7»	» 1912	10,9»
» 1897	14,5»	» 1918	17,7»
» 1902	13,1»	» 1922	17,7»

До войны % земли, обрабатываемый арендаторами, неуклонно рос. Во время войны, под влиянием исключительно высокой с.-х. конъюнктуры, многие фермеры приобрели собственные участки, но и теперь более 4/5 всей с.-х. площади используется на арендных началах. Группировка ферм по размерам, за исключением самых мелких, т. н. «Allotments» (до 1 акра или 0,4 га), по данным 1922, дана в следующей таблице:

Размеры ферм в га	Число ферм в тыс.	Площадь в тыс. га	В % ко всей площади
0,4— 2,0	96,6	117	0,9
2,0— 20,2	227,2	1.839	14,8
20,2— 40,5	70,8	2.093	16,8
40,5—121,4	80,6	5.547	44,6
Более 121,4	15,5	2.849	22,9
Всего . . .	490,7	12.445	100,0

Почти половина всей площади приходится на фермы размером 40,5—121,4 га. По данным 1925 для Англии и Уэльса, фермы этой группы имели, в среднем, почти по 5 рабочих, а фермы несколько меньшего размера (20,2—40,5 га), в среднем, по 2 рабочих. Т. о., преобладающей социальной формой сельск. х-ва В. является капиталистическое фермерство, гл. обр., на арендованной земле.

Но и владельцы мелких ферм в своей массе не являются крестьянами в обычном смысле. Значительную часть их составляют, напр., т. н. «фермеры-джентльмены», живущие преимущественно с дохода на капитал или от торговых и прочих предприятий, но в то же время имеющие небольшое сельское хозяйство. Изменения, происшедшие за последние десятилетия в составе фермеров, показаны в следующей таблице:

Число ферм (в тыс.).

Величина ферм в га	1885	1895	1905	1913	1924
0,4— 2,0	135	118	110,3	110,7	94,0
2,0— 20,2	233	235	233,0	233,3	224,9
20,2—121,4	144,3	147,6	150,6	151,9	151,4
Более 121,4	19,7	19,6	17,9	17,1	15,3
Всего . . .	532	520	511,7	513,1	485,6

Приведенные в таблице данные выявляют, с одной стороны, ликвидацию значительного числа мелких ферм, а с другой—некоторое уменьшение числа самых крупных ферм, что отчасти связано с интенсификацией сельск. х-ва и сокращением овцеводства. Наиболее устойчивыми являются средние капиталистические фермы площадью 20,2—121,4 га. Отсутствие в В. класса мелких собственников весьма беспокоит правящие классы, полагающие, что «крестьяне являются лучшим оплотом против социализма» (слова лорда Солсбери). С конца 19 в. время от времени, особенно в моменты обострения безработицы, изыскиваются способы создания мелких сел. хозяйств. Еще в 1880-х гг. под руководством министра Джозефа Чемберлена и известного депутата Джесси Коллина велась агитация за создание государством парцелированных хозяйств. Лозунг этой агитации был: «Three acres and a cow» (три акра и корова). В 1892 был издан закон о мелких владениях (Small Holdings Act), по которому 4/5 покупной цены мелких участков сужает государство, покупатель же немедленно вносит лишь 1/5, а остальную сумму он затем постепенно выплачивает государству. Практические результаты этого закона были ничтожны: за 1892—1902 образовалось лишь 47 мелких хозяйств на площади в 230 га. В 1907 был издан новый закон, допустивший принудительное отчуждение и принудительную аренду земли органами местного управления в целях насаждения мелких хозяйств. Результаты этого закона были хотя и больше, чем акта 1892, но все же незначительны.

В.— крупнейший потребитель с.-х. продуктов. Наличие столь емкого рынка обычно является предпосылкой значительного развития сел. х-ва. Развитие сел. х-ва в В., однако, тормозится социальными отношениями, отчасти охарактеризованными выше. Прежде всего, тяжелым бременем для фермерского хозяйства являются громадные арендные платежи, в 1925 составлявшие только в Англии и Уэльсе, по данным министерства земледелия, 42.350 тыс. ф. стерлингов. Ведение хозяйства на арендованной земле, кроме того, вообще не обеспечивает

достаточной его устойчивости, тем более, что весь судебно-административный аппарат находится в руках лендлордов и при спорах обычно становится на их сторону. Приобрести участок земли в собственность фермер, за редкими исключениями, не может. С одной стороны, несмотря на юридическую подвижность земельной собственности, фактически дробление крупных владений в В. почти не имеет места. С другой стороны, земельные цены в В. чрезвычайно высоки; земля здесь ценится не только с сельскохозяйствен. точки зрения, но и как предмет роскоши: для спорта, охоты и т. п. Далее, фермеры находятся в большой зависимости от банковского и торгового капитала. Значительная часть капитала, вложенного фермерами в земли (там, где они являются собственниками участков), в постройки, скот и инвентарь, является не чем иным, как ссудой, взятой в банке непосредственно или через поставщиков материалов, оборудования и пр. Этот кредит, оплачиваемый чрезвычайно высоко, особенно тяжело ложится на мелких фермеров. Наконец, и в области сбыта своей продукции фермер сталкивается с концентрированным торговым капиталом, диктующим ему свои условия. Так, снабжение Лондона и юж. Англии молоком в большей своей части находится в руках мощной компании «United Dairies Ltd», обладающей капиталом в 4 млн. ф. стерл. и фактически монопольно устанавливающей цены, получаемые фермерами. Мукомольное дело также захвачено рядом картелей, из которых, напр., «Spillers Milling and Associated Industries», вместе с объединенными с ним обществами, владеет капиталом в 12 млн. ф. ст. То же мы видим в торговле фруктами, салом и друг. с.-х. продуктами.

В борьбе с концентрированным торговым капиталом фермеры пытаются стать на путь кооперации. Кооперативные т-ва для сбыта с.-х. продуктов существуют, однако, лишь в небольшом масштабе. В 1924 весь оборот обществ не достигал и 5 млн. ф. ст. Число товариществ, реализующих разного рода продукты, и их оборот в 1924 были таковы:

Род реализуемых продуктов	Число т-в	Оборот в тыс. ф. ст.
Молочные продукты	63	1.447,6
Яйца и птица	43	349,3
Фрукты и овощи	18	304,9
Скот	9	375,1
Скот (на ярмарках)	18	1.082,0
Бойни	11	415,2
Беконные заводы	6	694,8
Шерсть	13	200,0
Всего	181	4.866,0

Кроме товариществ для сбыта, существует некое число фермерских обществ для кооперативной закупки необходимых в сел. х-ве предметов. В 1924 в них участвовало около 60 т. ч., с паевым капиталом в 1 млн. ф. ст. и общим оборотом свыше 8 млн. ф. ст. Капиталистические элементы сел. х-ва организованы в В. в две главные ассоциации: 1) Центральную ассоциацию землевладельцев (Central Landowners' Association),

задачей которой является «противостоять покушениям на частную собственность»; ассоциация распространяет свое влияние на 45 отделений; членам ее принадлежит, в общей сложности, 2 млн. га земли; 2) Национальный союз фермеров (National Farmers' Union) с числом членов в 100 т., зарегистрированный как профессиональный союз и имеющий местные отделения во всех главных с.-х. центрах. Рабочими организациями являются: Национальный союз сел.-хоз. рабочих (National Union of Agricultural Workers) с числом членов в 30 т. ч., Шотландский батрацкий союз (Scottish Farm Servants Union) с числом членов в 10 т. ч. и Рабочий союз (Workers' Union), объединяющий с.-х. рабочих вместе с рабочими др. областей производства и не указывающий отдельно цифр членов, занятых в сел. х-ве. Число организованных с.-х. рабочих не достигает даже 10% всего числа их; взаимоотношения между работодателями и рабочими весьма часто строятся на чисто индивидуальных началах. Отчуждение с.-х. рабочих от общего движения рабочего класса способствовало тому, что уровень жизни у них чрезвычайно низок, так же как и организованность. Между тем, класс капиталистов, с целью противодействовать растущей производственной и политической мощи трудящихся, позаботился об учреждении в с.-х. местностях целого ряда организаций, в известной мере даже субсидируемых из государственных сумм. К числу таких начинаний относятся женские отделы (Women Institutes), бюро сельских промыслов (Rural Industries Bureau), а также разного рода сельские клубы (Village Clubs), в большинстве случаев тесно связанные с церковью. Классовой отсталости сел.-хоз. рабочих способствует также и стремление деревенской молодежи отходить от сельского х-ва к др. занятиям, вследствие чего процент трудящихся, достигших 55 лет, в сел. х-ве выше, нежели во всех остальных областях производства.

Лит.: Бернс, Э., Англия, в «Очерках по аграрному вопросу», том I, вып. 4, М., 1925; Левин, Г., Основы народного хозяйства Англии, М., 1924; Ляшенко, П. И., Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства, М., 1927; М. Е. Seeborn, The Evolution of the English Farm, L., 1927; C. S. Orwin and W. R. Peel, The Tenure of Agricultural Land, 2 ed., Cambridge, 1926; C. S. Orwin, The Economics of Small Holdings, Cambridge, 1927; G. C. Brodric, English Land and English Landlords, L., 1881; «Agricultural Tribunal of Investigation». Final Report, L., 1924. Статистические данные см.: «Agricultural Returns for Great Britain» (официальное изд. Board of Agriculture), L.; «Annuaire international de statistique agricole», Rome (ежегодники Международного с.-х. ин-та). Э. Бернс (E. Burns, London).

Транспорт.

Жизненным нервом и одним из важнейших условий политич. и экономич. развития Великобритании в течение последних столетий было ее морское судоходство. Выступив в качестве великой морской державы позже других стран (Испании, Франции, Нидерландов), В. к концу 18 в. уже обладала значительным торговым флотом. В конце 16 в. англ. флот имел около 50 т. т и в конце 17 в. — около 300 т. т, в то время как для флота Нидерландов в 17 в. Уильям Петти дает цифру в 900 т. т.

Но уже в 1799 англ. флот состоял из 11.487 судов в 1.337.181 т с экипажем в 99.309 ч. Картину дальнейшего роста флота В. дает следующая таблица (суда более 100 рег. т):

Торговый флот Великобритании.

Годы	Число судов	Тоннаж в тыс. рег. т брутто	% мирового тоннажа
1799	11.487	1.337	—
1840	—	3.311	—
1870	—	7.149	—
1890	9.167	10.242	48,4
1900	8.914	13.241	45,8
1910	9.417	17.516	41,9
1913	9.214	18.696	39,8
1920	8.561	18.330	32,0
1925	8.559	19.441	30,1
1927	8.216	19.309	29,6

Как видно из приведенных в таблице относительных чисел, рост флота В. отставал от роста мирового флота, особенно во время мировой войны, в связи, главн. образом, с колоссальным ростом флота Соед. Штатов Сев. Америки.—Флот В. производит прежде всего огромную работу по обслуживанию ее внешней торговли. Из общего грузооборота англ. портов (не считая каботаж) на суда под англ. флагом приходилось в 1913—56,6%, а в 1926—даже 64,7% (в Соед. Штатах Сев. Америки на суда под своим флагом в 1913 приходилось только 25,8% общего грузооборота и даже в 1926, после того как эта страна обязалась огромным собственным флотом—лишь 35,5%). Перевозка пассажиров за границу и из-за границы в 1925 составила 3.104 тыс. человек, из коих 2.508 т.—в сообщении с континентом Европы. Доход от перевозки грузов во внешней торговле В. и пассажиров в 1923, 1924 и 1925 составил 146, 155 и 138 млн. ф. ст. К этому нужно добавить, что англ. суда производят значительные, но не поддающиеся учету, перевозки между чужими портами. Для характеристики роли англ. флота на важнейших путях мировой торговли можно указать, что, по данным, например, на 13/VII 1925, на пути в Австралию и из нее находилось всего 132 пассажирских и товарных парохода, из к-рых 112 было под англ. флагом, на пути в Индию и из нее—152 парохода (из них 97—под английским флагом). Наконец, англ. торговый флот совершает огромную работу по перевозке грузов между своими же портами (каботаж). Судоборот в каботаже составил в 1913 ок. 65 млн. нетто-т, а в 1924, 1925 и 1926 соответственно—47.260, 47.166 и 34.067 т. т.

В качестве во многом отношении флот Великобритании также стоит высоко, что видно из следующей таблицы:

Состав тоннажа мирового флота и флота В. в 1925 в %.

Вместимость судна в рег. т брутто	Флот В.	Мировой флот	Возраст судна	Флот В.	Мировой флот
До 2.000	13,6	17,1	Менее 5 лет	25,5	21,0
2.000—6.000	44,7	49,2	5—15 »	44,6	45,2
6.000—10.000	26,3	25,4	Более 15 »	29,9	33,8
Более 10.000	15,4	8,3			
Всего . .	100	100	Всего . . .	100	100

В. несколько отстает от мирового флота в целом в отношении перевода судов на жидкое топливо: у нее было в 1926—4,9 млн. т на жидком топливе, т. е. около 25% всего тоннажа, в то время как в мировом флоте—около 30%. Наоборот, тоннаж моторных судов составлял в В. около 5% против 4,2% в мировом флоте. Парусное судоходство во флоте В., как и в мировом, сходит на-нет: в 1926 осталось парусных судов (вместимостью свыше 100 т) лишь 405 с общим тоннажем в 136 т. т брутто. В 1924 на судах торгового флота В. работало 234.317 человек, из них 167.078 англичан, 54.954 индуса и 12.285 других национальностей.

Развитие флота В. искони было делом частной инициативы. Суда принадлежали значительному числу предприятий, иногда небольших, часто индивидуально руководимых. Пока В. строила железные суда дешевле любой другой страны, пока Лондон был посредником в торговле между Европой и внеевропейскими странами, и в нем сложились нити мировой торговли, англ. флот имел крупные преимущества. Но к концу 19 в. эти преимущества постепенно утрачивались, флоты европейских стран и Америки стали развиваться, континент начал обходиться без посредничества Лондона. Тогда в английском флоте стали сказываться отрицательные стороны конкуренции между многочисленными предприятиями. В 1910, после ряда лет, очень неблагоприятных для судоходства, началась процесс слияния судоходных предприятий, и заметно стала усиливаться роль регулярного линейного судоходства в ущерб «бродячему». В 1901 в руках линейного судоходства была треть тоннажа, а в 1911—уже более половины. Война и связанные с ней затраты на судостроение дали слиянию дальнейший толчок, и в послевоенное время ясно выделились пять больших судоходных объединений типа концернов, в руках к-рых находится ок. 40% всего тоннажа Великобритании. Это: 1) группа Peninsular and Oriental (P. & O.) Со, возникшая вокруг старой линейной фирмы того же имени, имеющая ок. 2 1/2 млн. т; 2) группа Royal Mail Steam Packet Co с 2 млн. т; 3) концерн Эллермана—более 1 млн. т; 4) группа Фернес (вокруг старой фирмы Furness, Withy & Co)—около 0,8 млн. т; 5) концерн Кюнарда—ок. 1 млн. т (из старой фирмы Cunard Line). Кроме того, имеет большое влияние International Mercantile Marine Co, зависящая от Моргана (в свое время к ней перешел почти весь флот Эллермана).

Исключительное значение для транспорта В. имеют морские порты. Структура берегов В. и устья ее многочисленных рек благоприятны для развития ее портов. Если учесть только важнейшие порты В. с разбивкой их на три группы—общие, специально угольные и с преобладанием пассажирского движения,—то их работа характеризуется цифрами, приводимыми в таблице на стр. 361. Грузооборот отдельных главных портов В. достигает огромных размеров. Так, средняя по прибытию

Судооборот портов В. и Сев. Ирландии в тыс. т нетто.

Виды перевозок и группы портов	Прибытие		Отправление		
	1913	1924	1913	1924	
Внешняя торговля	11 общих портов	52.604	63.035	48.296	58.894
	11 угольных »	28.754	26.479	35.559	33.091
	7 пассажир. »	5.787	5.839	5.679	5.847
	Прочие	9.977	8.557	8.602	7.763
	Всего . . .	97.122	103.910	98.136	105.595
Каботаж	11 общих портов	22.577	19.314	26.802	24.056
	11 угольных »	17.400	14.941	11.152	9.220
	7 пассажир. »	4.394	4.248	9.484	4.219
	Прочие	20.903	14.026	17.673	14.917
	Всего . . .	65.274	52.529	65.111	52.412

и отправлению по внешней торговле в тысячах нетто-т в 1925 и 1926 составила: Лондон—17.161 и 20.472, Ливерпуль—13.273 и 13.666, Соутгемптон—9.261 и 9.651, Ньюкестль—7.871 (1924), Кардиф—6.389 и 3.778, Плимут—4.836 и 5.409, Глазго—4.559 и 4.378, Гулль—4.512 и 4.721. Само собой понятно, что такие порты должны достигать огромных размеров: так, напр., в Лондоне 53 км причальных линий. Не все порты Великобритании отвечают современным требованиям. Многие из них создавались по частям, в течение более чем столетия, и частично устарели. Порты В. находятся под сильным влиянием прилива и отлива, и не все из них при отливе имеют глубину, требующую от современных портов мирового значения—12,2 м (40 фут.); даже подходы к Лондону при отливе имеют всего 9,1 м (30 фут.). Для наиболее крупных судов это вызывает необходимость простоя в ожидании прилива. Местами порты недостаточно просторны, причальная линия мала, и часть груза с судов идет не на набережную, а в подаваемые к противоположному борту баржи: даже в Лондоне так разгружается больше половины грузов. Подъемных кранов и перегрузочных приспособлений относительно меньше, чем в портах континента. Так, напр., в Лондоне на 100 м набережной приходится 0,55 подъемного крана, в Ньюкестле—0,74, а в Гамбурге—4,54. Подъездные пути (гузевые и автомобильные) к Лондонскому порту так тесны, что автомобили проталкиваются в порт с необычайной медленностью. К этому нужно прибавить более высокую оплату грузчиков по сравнению с континентом и более высокие портовые сборы. Произведенное в 1924 обследование обнаружило, что в 12 портах В. портовые сборы составляли 12,3 пенса с т, а погрузка и выгрузка—25,6 пенса, в то время как, в среднем, для Антверпена, Роттердама, Гавра и Дюнкерхена соответственные цифры были 5,2 и 16,0 пенсов. Для приведения важнейших портов в современный вид нужно затратить, по имеющимся расчетам, около 20 млн. ф. ст. Такое состояние портов отчасти объясняется и тем, что их развитие (и притом не целых портов, а их частей) было предоставлено частной инициативе. В 20 в. правительство приняло ряд мер к реорганизации портов. Так, напр., в 1908 было

учреждено объединенное правление Лондонского порта (Port of London Authority), к которому перешли после выкупа все доки и склады и к-рое теперь имеет 13 т. служащих. В состав правления порта входят 18 выборных членов из числа грузоотправителей, получателей и судовладельцев. Бристольский порт находится в руках городского самоуправления, выкупившего его по частям у владельцев. Ливерпульский порт управляется специальной комиссией из 28 человек, в состав коих входят выборные от купечества и судовладельцев и т. п.—В качестве особого со-

оружия следует упомянуть морской канал от Ливерпуля до Манчестера, открытый в 1894 и сделавший Манчестер морским портом. Глубина в этом канале—28 футов (8,5 м), длина—около 57,1 км. Однако, пропускная способность канала ограничена, и грузооборот Манчестера едва ли может превысить 5 млн. т в год.

Уже в 18 веке экономическое развитие В. повелительно требовало развития внутренних путей сообщения. Без них не могли развиваться ни каменноугольная промышленность, ни металлургия, ни легкая промышленность. Прежде всего должно быть отмечено развитие внутренних водных путей. Быстрое и блестящее развитие сети водных сообщений началось во 2-й половине 18 в., после того как постройка *Бриджерского канала* (см.) доказала выгоду этого рода сооружений и их огромное значение для угольной промышленности. В несколько десятилетий страна покрылась сетью водных путей, соединивших центральные районы с Гуллем и Ливерпулем—Манчестером на С., и с Лондоном и Бристолом на Ю. Кроме того, существовали и прямые водные пути между Гуллем и Ливерпулем, Лондоном и Бристолом. Постройка каналов и шлюзование рек шли за счет частной инициативы в порядке выдачи концессий парламентом. Жел.-дор. строительство остановило дальнейшее развитие водных путей. Насколько развилась сеть водных путей, видно из того, что из Лондона в Ливерпуль можно было попасть тремя различными водными путями, протяжением 392—430 км, из Лондона в Бристоль—также тремя путями (285—352 км), из Ливерпуля в Гулль—также тремя путями (240—301 км) и т. п. Но при значительном развитии сети она страдала тем недостатком, что разные ее части, принадлежавшие разным владельцам, имели различный размер шлюзов, глубину и ширину каналов, не говоря уже о необычайной многочисленности шлюзов. Всем этим шлюзовые перевозки затруднялись и удорожались. Тем не менее и грузовое и даже пассажирское движение на шлюзованных реках и каналах было очень значительно, и многие из компаний, владевших водными путями, получали блестящие дивиденды (до 25—30%). В противоположность др. странам Европы, где развитие водных путей, остановленное

конкуренцией железных дорог, возобновилось затем в 70-х гг. 19 в., в В. водные пути остались в том положении, в каком были в 30-х гг. 19 в. и, за редкими исключениями, не развиваются. Значительную часть внутренних водных путей В. скупили ж. д.: к 1846—ок. 1,2 т. км, а к 1882—уже ок. 2 т. км из общего протяжения ок. 7,4 тыс. км. Передко каналы совсем закрывались (около 40 случаев). Ж. д. по мере технического прогресса удешевляли свою перевозку, на водных же путях единственным методом удешевления является увеличение размера судов, требующее перестройки шлюзов и каналов; а так как владельцы каналов не делали этого, то каналы постепенно становились все менее способными к конкуренции. В то время как во Франции типовое судно на внутренних водных путях поднимает 300 т, в Германии 400—1.000 т, в Великобритании на многих водных путях обрабатываются суда менее 100 т грузоподъемности. В 1907 парламентской комиссией был составлен проект переустройства некоторых важнейших водных путей под суда в 100 т и 300 т, но обнаружилось, что это потребует затраты в 23—31 млн. ф. ст. Владельцы каналов воздерживаются от таких вложений, и в результате водные пути теряют значение, и грузооборот их падает. В то время как в 1888 по внутренним водным путям В. было перевезено 36 млн. т, в 1898—39 млн. т, а в 1905—43 млн. т, перевозки по внутренним водным путям, начиная с 1920, не превышают 20 млн. т. В англ. прессе подымается поэтому от времени до времени вопрос о национализации внутренних водных путей. Протяжение функционирующих водных путей сейчас составляет: естественных—2.350 км, искусственных—5.137 км.

Железные дороги.—Необходимость переброски значительных масс дешевых грузов повела к раннему развитию в В. рельсовых путей с конной тягой. Многие угольные копи и металлургическ. заводы были соединены друг с другом и с ближайшими водными артериями таким рельсовым путем. В одном южном Уэльсе в 1811 их было 241,4 км. С 1825 началось применение на рельсовых путях паровой тяги, и возникли железные дороги в современном смысле слова. Ж. д. пришли, так. обр., в В. на подготовленную почву и завершили эволюцию внутреннего транспорта. Первая, пробная, ж. д. с паровой тягой была построена от Стоктона до Дарлингтона (1825), затем—более длинная дорога от Ливерпуля до Манчестера; успех последней дал толчок к дальнейшему развитию строительства. В парламент ежегодно поступало все большее количество ходатайств о концессиях на постройку ж. д. К концу 1848 работало уже ок. 8 т. км ж. д., и основные контуры ж.-д. сети В. вполне оформились. В наст. время (1925) длина ж.-д. сети В. составляет 32,8 т. км (из них 17,7 т. двухколейных и 2,8 т. многоколейных). Почти такова же была длина сети и к 90-м гг. 19 века; это показывает, что уже к тому времени страна была насыщена ж. д. На 100 км² территории приходится 16 км ж. д. и на 10 т. жит.—8,8 км. Грузооборот ж. д., постепенно развиваясь,

к 1913 достиг 370 млн. т. После войны размер грузооборота несколько уменьшился и в период 1922—25 составлял в среднем 339 млн. т. Характерно, что в составе грузооборота ж. д. В. доминирующую роль играют уголь и др. минеральные грузы: в 1924 уголь составлял 52%, а прочие минеральные грузы 19% всего грузооборота. По абсолютному грузообороту ж. д. В. занимает третье место в мире (первое—Соед. Штаты Сев. Америки, второе—Германия). Огромных размеров достигает также пассажирское движение: в 1913 было перевезено 1.549,8 млн. чел., в 1924—1.746,8 и в 1925—1.743,3 млн. чел. Благодаря относительно малым размерам территории и густоте населенных центров, средний пробег груза (91 км в 1924) и пассажира (18 км) невелик. Большое значение для ж. д. В. имеет еще и то обстоятельство, что торговые круги привыкли к отправке грузов мелкими партиями и при условии весьма срочной доставки, при чем в большинстве случаев дороги берут на себя доставку на дом. Тесное перелетение пассажирского движения на короткие расстояния с неизбежными частыми отправками поездов и отправкой мелких партий грузов налагают особый отпечаток на эксплуатацию ж. д. и делают ее отсталой. В В. до сего времени сохранили преобладающее значение вагоны малой грузоподъемности (8—12 т) и поезда небольшого веса, отправляемые часто и идущие с большой скоростью. В 1925 работавшие на сети 721,4 тыс. товарных вагонов имели среднюю грузоподъемность лишь в 10,9 т, а средний состав поезда—всего около 35 вагонов. При этом нагрузка вагона при перевозке «разных грузов» составляла 2,86 т, т. е. он использовался лишь на 28%, и только при перевозке угля средняя нагрузка поднималась до 9 т (т. е. до 90%). Характеризуемая изложенным общая отсталость эксплуатации ж. д. В. объясняется в известной мере также и тем, что дороги искони находились в руках конкурирующих друг с другом многочисленных компаний. Перед войной в В. было 214 самостоятельных жел.-дор. предприятий. Правда, уже с середины 19 в. начался процесс слияния отдельных ж.-д. компаний, образовалось неск. групп, каждая из к-рых имела в своих руках от 1,5 до 4 т. км путей, но раздробленность все же была очень велика. Т а р и ф ы на ж. д. первоначально регулировались концессионными уставами каждой из них, а с 1888 было установлено право их регулирования специальной комиссией по ж. д. и каналам. К 1893 эта комиссия провела значительную реформу тарифов. — Во время войны 1914—18 правительство взяло управление ж. д. в свои руки, но гарантировало владельцам определенный доход. Затем эта гарантия была продлена и на 2 первых послевоенных года. Правительство понесло огромные убытки по выплате владельцам гарантированных доходов; но общность управления сетью, несмотря на военную обстановку, повела к улучшению эксплуатации. После войны ж. д., хотя и были возвращены их владельцам, но в организации ж. д. произошли значительные изменения. В 1919 было учреждено

Годы	Перевезено грузов, исключая бесплатные, в млн. т	Перевезено пассажиров в млн.	Финансы			Наличие подвижного состава			Средняя грузо-подъемн. 1 товарн. вагона в т
			доходы	расходы	чистый доход	паровозы	вагоны пассажир.	вагоны товарные	
1913	370,2	1.549,8	119,8	75,7	44,1	23,6	55,0	735,3	—
1920	323,1	2.185,6	238,9	232,0	7,0	24,6	52,2	732,4	—
1921	221,3	1.736,7	217,8	226,7	-8,9	25,0	52,3	740,2	10,4
1922	306,5	1.748,9	219,3	174,8	44,5	24,2	51,6	722,6	10,5
1923	348,8	1.771,8	205,8	166,0	39,8	24,2	51,0	714,2	10,6
1924	340,9	1.746,8	203,4	166,8	36,5	24,2	51,2	718,6	10,7
1925	321,0	1.743,3	199,6	165,0	34,6	24,2	50,8	721,4	10,9
1926	224,7	—	181,4	164,5	16,9	—	—	—	10,9

министерство путей сообщения, а в 1921 через парламент проведен закон о принудительном слиянии значительной части ж.-д. предприятий (121) в 4 больших группы; вне группировки остались лишь узкоколейные пути, городские и пригородные ж. д. и т. п. Эти четыре новых предприятия: Южные ж. д. (3.550 км), Большая Западная (6.097 км), Лондон — Средняя Англия — Шотландия (11.608 км) и Лондон — Северо-Восточная (1.081 км). Кроме того, законом 1921 установлен особый тарифный трибунал, ведающий ж.-д. тарифами.

Основные данные о перевозках, подвижном составе и финансах железных дорог В. перед империалистской войной и в последние годы резюмируются помещенной выше таблицей (без Ирландии).

Без рельсовый транспорт, жестоко пострадавший с началом ж.-д. эры, за последнее время, в особенности после войны, благодаря автомобилю, вновь начинает быстро развиваться. Количество автомобилей в В. (с Ирландией) к началу 1926 достигло (в тыс.): 660,7—пассажирских, 18,0—омнибусов, 224,3—грузовых и 571,6—мотоциклов, всего—1.474,6. В среднем для всей страны считают, что грузооборот дорог в 1922 по сравнению с довоенным возрос в $4\frac{1}{2}$ раза. При таком колоссальном росте движения многие дороги пришлось радикально переделать, некоторые асфальтировать или даже покрыть слоем железобетона. Это потребовало огромных расходов (с 17,5 млн. ф. ст. в 1914/15 они возросли до 40,2 млн. ф. ст. в 1922/23). Дороги в В. находятся в ведении органов местного управления, иногда его первичных ячеек, не располагающих средствами для поддержания дорог большого автомобильного движения. К тому же при транзитном, во многих случаях, характере автомобильных перевозок, от него выигрывают, главным образом, городские центры, а не промежуточные сельские местности. Поэтому с 1919 в В. введено довольно высокое обложение автомобилей; получаемые от этого средства поступают в особый дорожный фонд, из которого выдаются ссуды и пособия органам местного управления на поддержание и улучшение дорог. Этот фонд в 1921 составлял 9,4 млн. ф. ст., а к 1924 увеличился уже до 14,6 млн. фунтов стерлингов.

За последние годы довольно быстро развивается связь Великобритании с континентом при помощи аэротранспорта. Внутри страны его роль невелика. Итоги

развития английского аэротранспорта видны из следующих цифр, охватывающих и внутреннее сообщение:

Годы	Сделано тыс. км	Перевезено пассажиров	Перевезено грузов в т
1920	875	5.799	139
1921	362	5.256	19
1922	1.153	10.393	218
1923	2.517	15.552	333
1924	1.506	13.601	550
1925	1.387	14.068	462
1926	1.179	16.775	679

В сношениях Великобритании с заграничьем, наряду с английским аэротранспортом, большую роль играет и иностранный, что видно из следующей таблицы:

Годы	Число полетов		Перевезено пассаж.	
	аэротранспорт		аэротранспорт	
	англ.	иностр.	англ.	иностр.
1920	2.854	768	5.799	584
1921	993	2.404	5.256	5.475
1922	2.891	2.048	9.490	2.869
1923	2.559	2.016	11.947	3.189
1924	2.794	2.044	10.456	7.402
1925	2.891	2.399	10.602	10.119

Лит.: Зайцев, А. Ф., Очерки железнодорожной политики, вып. 1, Великобритания, Соед. Штаты и Франция, М., 1924; Неприханов, А., ряд статей о ж. д. Великобритании в журналах: «Транспорт и Хозяйство» за 1926, «Железнодорожное Дело» за 1926 и «Вестник Северо-Кавказских Железных Дорог» за 1926; Бернштейн-Коган, С. В., Внутренний водный транспорт, т. I, М., 1927; Jackson, The Development of Transportation in Modern England, Cambridge, 1916; A. W. Kirkaldy, British Shipping, its History, Organisation and Importance, London, 1919; W. Tetley Stephenson, Communications, L., 1924; H. W. Macrosty, Statistics of British Shipping, «Journal of the Royal Statistical Society», III, 1926; «Brassey's Naval and Shipping Annual» (ежегодник), L.; «The Journal of the Institute of Transport», L., 1923—26; E. Cleveland Stevens, English Railways, L., 1915; E. Pratt, British Railways and the Great War, 2 vls, L., 1921; «Returns of the Capital Traffic, Receipts and Working Expenditure of the Railway Companies of Great Britain» (официальная ж.-д. статистика), L.; J. H. Clapham, An Economic History of Modern Britain. The Early Railway Age 1820—1850, Cambridge, 1926. С. Бернштейн-Коган.

Внешняя торговля В.

Значение внешней торговли в народном хозяйстве В. характеризуется следующим: 1) В. ввозит из-за границы до $\frac{3}{4}$ необходимого ей продовольствия; 2) основные отрасли англ. промышленности, как, напр., хлопчатобумажная, всецело зависят от ввозного сырья; 3) до 75% хлопчатобумажной, 30% машиностроительной промышленности, 30% металлургии, 25% каменноугольной

и 20% шерстяной промышленности работают на внешний рынок.—Развитие внешней торговли Великобритании с начала 19 века показано в нижеследующей таблице и диаграмме на ст. 370 (и таблица и диаграмма построены без учета изменения покупательной силы фунта).

Внешняя торговля Великобритании.

Годы	Вывоз англ. товаров	Обратный вывоз	Весь вывоз	Ввоз	Сальдо торгового баланса	Оборот	
						в млн. фунтов стерлингов	
1801	24,9	10,4	35,3	31,8	+ 3,5	67,1	22,2
1810	34,0	9,5	43,5	39,3	+ 4,2	82,8	—
1820	38,4	10,6	49,0	32,5	+ 16,5	81,5	21,4
1830	61,2	8,5	69,7	46,3	+ 23,4	116,0	21,5
1840	102,7	13,8	116,5	67,5	+ 49,0	184,0	20,0
1850	175,4	21,9	197,3	100,5	+ 96,8	297,8	20,4
1860	135,9	28,7	164,6	210,5	- 45,9	375,1	25,2
1870	199,6	44,5	244,1	303,3	- 59,2	547,4	25,0
1880	223,1	63,4	286,5	411,2	- 124,7	697,7	21,0
1890	263,5	64,8	328,3	420,7	- 92,4	749,0	—
1900	291,2	63,2	354,4	523,1	- 168,7	877,5	—
1910	430,4	103,8	534,2	678,3	- 144,1	1.212,5	—
1913	525,3	109,6	634,9	768,7	- 133,8	1.403,6	15,2
1922	719,5	103,7	823,2	1.003,1	- 179,9	1.826,3	—
1923	767,3	118,5	885,8	1.096,2	- 210,4	1.982,0	—
1924	801,0	140,0	941,0	1.277,4	- 336,4	2.218,4	15,5
1925	773,4	154,0	927,4	1.320,7	- 393,3	2.248,1	15,2
1926	651,9	125,6	777,5	1.243,0	- 465,5	2.020,5	—
1927	709,1	123,1	832,2	1.219,3	- 387,1	2.051,5	—

* 1801—80 по Mulhall'y; 1913, 1924 и 1925 по данным Лиги Наций.

Промышленный переворот конца 18 века поставил Великобританию надолго впереди других стран, дав английским предприятиям значительное техническое превосходство. В последующий период для развития внешней торговли В. большое значение имело наличие в ней квалифицированной рабочей силы—рабочих третьего и четвертого поколений со времени промышленного переворота. Раннее развитие англ. экспорта в заокеанские и колониальные страны, развитие англ. судоходства и вовлечение англ. капиталом целых континентов в мировой хозяйственный оборот сделали В. в 19 веке средоточием мировой торговли. Уже в начале 19 в. англ. реэкспорт достигал значительных размеров. Благодаря налаженности своих торговых и финансовых связей, организации страхования грузов и мощному морскому флоту, В., как торговая держава, сохраняет значительные преимущества и в наст. время. В первой половине 19 в. англ. экспорт развивался быстрее, нежели импорт. Англ. товары проникали в те страны, которые были ранее недоступными для В. вследствие колониальных монополий (испан. колонии в Юж. Америке) или дальности расстояния. Развитие англ. импорта задерживалось наличием хлебных пошлин, к-рые ограждали интересы крупных аграриев—лендлордов. Победа промышленного капитала, нуждавшегося в дешевом хлебе для поддержания заработной платы на низком уровне, выразившаяся в парламентской реформе 1832, привела к отмене хлебных пошлин в В. (1846). В первую четверть века

после отмены хлебных пошлин сельское хозяйство В. еще не испытало на себе влияния привозного хлеба. Но с 1870 дешевый хлеб американского «среднего запада» и юга России был брошен на европейские рынки в небывалом количестве. Появление новых товаров—мяса, растительного масла и семян,

красителей, химических товаров, резины и т. п.—способствовало развитию английского импорта. В 50-х годах В. становится страной пассивн. торгового баланса, с избытком покрывая, однако, пассив во внешней торговле развитием «невидимого экспорта», т. е. доходами с вложенных за границей англ. капиталов, от торгового флота, страхования, банковск. и комиссионных услуг и т. п.

В первой половине 19 века английский экспорт развивался прежде всего по линии текстильных изделий, к-рые и к началу империалистской войны составляли очень значительную часть всего вывоза (до 40%). Со второй половины 19 века в англ. вывозе начинает увеличиваться доля изделий тяжелой индустрии, а затем электротехнической и химической промышленности. Вместе с тем англ. вывоз все более характеризуется высоким качеством и дороговизной товаров; В.

все более переходит на выработку товаров, получаемых в последней стадии производственного процесса, а ввоз полуфабрикатов в Великобританию увеличивается.

Доля В. в мировой торговле в 1913 составляла 15,2% мировых торговых оборотов; в мировом импорте эта доля была несколько выше—16,5%, а в мировом экспорте меньше—13,9%, соответственно с общим строением англ. внешней торговли. В 1925 доля В. в мировых торговых оборотах была та же, что и в 1913—15,2%; но т. к. превышение англ. импорта над экспортом значительно возросло, то доля В. в мировом импорте увеличилась до 17,8%, а доля В. в мировом экспорте, напротив того, уменьшилась до 12,4%.—В. уступила по экспорту первое место в мировой торговле Соед. Штатам. Для правильного суждения о размерах внешней торговли В. в наст. время необходимо сопоставлять с довоенными данными цифры импорта и экспорта, исчисленные (мннистерством торговли В.) на основании довоен. цен.

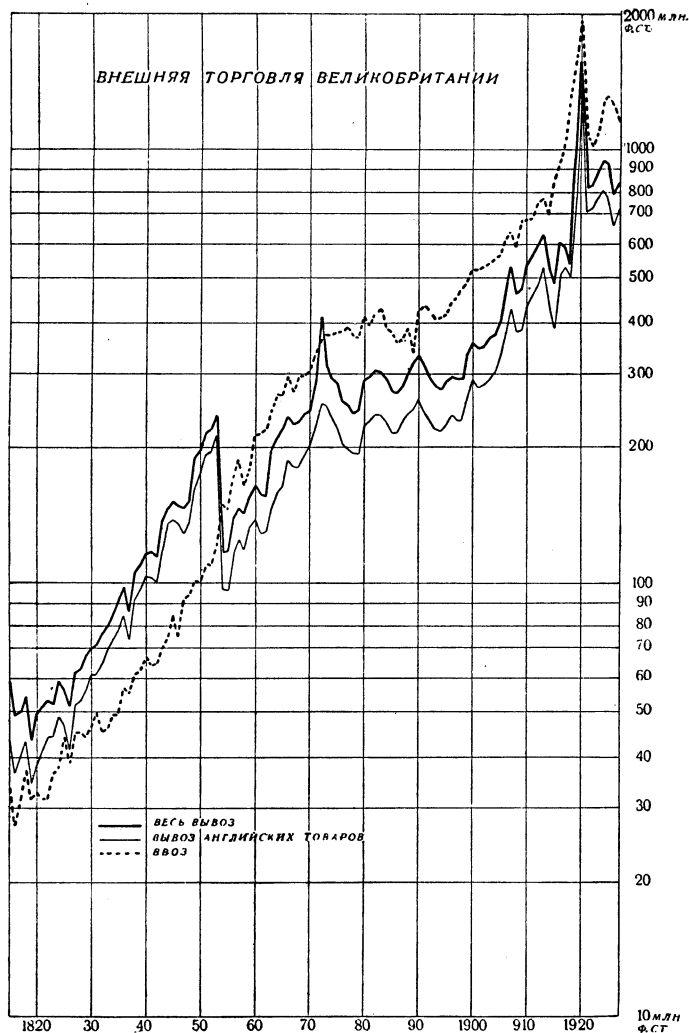
Внешняя торговля В. в % к 1913 (исходя из довоенных цен).

	1913	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Ввоз . . .	100	86	96	104	108	112	114
Вывоз . . .	100	69	77	76	76	68	79
Обратн. вывоз . . .	100	81	86	88	88	76	80

Эти данные показывают, что вывоз из В. составляет менее 1/5 довоенного (1926, вследствие стачки углекопов, нельзя считать нормальным), тогда как ввоз превышает довоенный на 8—14%. Сокращение экспорта В.

после мировой войны объясняется рядом причин, из к-рых основными являются следующие: 1) обнищание, а следовательно и падение покупательной способности европейского рынка, особенно в отношении высококачественных и дорогих товаров, которые производит в значительной мере английская промышленность; 2) рост промышленности и развитие протекционизма в заокеанских странах и английских доминионах, особенно усилившиеся в связи с отрывом их от индустриальной Европы во время империалистск. войны; 3) выступление на рынках Дальнего Востока и Юж. Америки конкурентов — Соедин. Штатов и Японии, замещающих Англию; 4) сравнительно высокие издержки производства в экспортных отраслях англ. промышленности по сравнению с промышленностью стран-конкурентов, вследствие технической отсталости многих предприятий, слабой трестификации, высоких государственных и местных налогов и жел.-дор. тарифов. Наряду с этими основными причинами, следует указать и на некоторые факторы временного характера: репарационные поставки Германии, валютный демпинг (см.) конкурентов Англии — Германии, Франции и Бельгии, политику дефляции в Великобритании, связанную с возвращением к золотой валюте, и др.

Превышение ввоза в В. над вывозом из нее, усилившееся в послевоенные годы, нашло отражение в цифрах торгового и платежного баланса Великобритании; активное сальдо платежного баланса значительно сократилось, как видно из следующей таблицы статей платежного баланса в 1913 и 1923—1927, составленной на основании последних расчетов (1928) министерства торговли:

При незначительности активного сальдо платежного баланса Великобритании обращает на себя внимание значительный фактический экспорт капиталов из Великобритании в виде эмиссии ценных бумаг. Это объясняется следующим: 1) вероятной недооценкой министерством торговли активных

Платежный баланс В. (в млн. ф. ст.).

Статьи баланса	1913	1923	1924	1925	1926	1927
Актив						
1. Чистый доход от судоходства	94	115	140	124	120	140
2. Чистый доход с вложен. за границей англ. капиталов	210	150	195	239	273	270
3. Доходы комиссионные, от страховых, банковых и т. п. услуг	35	40	75	75	75	78
Итого	339	305	410	438	468	488
Пассив						
Превышение ввоза товаров и драгоценных металлов над вывозом	158	203	324	384	475	392
Сальдо в пользу В.	+181	+102	+86	+54	—7	+96
Эмиссия ценных бумаг	198	181	134	88	112	139

статей платежного баланса; 2) участием иностранных капиталов в эмиссиях на лондонском денежном рынке; 3) приливом краткосрочных вкладов в В. из других стран— в частности, Соед. Штатов, Франции, Голландии; 4) продажей В-ей ранее принадлежавших ей иностранных ценных бумаг и покупкой иностранными государствами и доминионами английских ценных бумаг (о вывозе капитала см. ст. *Британская империя*, т. VII, ст. 515—17).

В. ввозит, гл. обр., продовольствие и сырье и в меньшей степени— фабрикаты, вывозя взамен преимущественно готовые фабрикаты и уголь. Нижеслед. таблица дает представление о строении англ. импорта и экспорта:

Группы товаров	В о з					Вывоз (без обратн. вывоза)				
	1860	1880	1900	1910—1913	1923—1926	1860	1880	1900	1910—1913	1923—1926
	в млн. фунтов стерлингов									
I. Продовольствие, напитки, табак	77,4	183,2	220,2	273,1	545,1	5,1	9,4	14,5	30,1	52,2
II. Промышл. сырье	102,4	161,7	192,3	266,7	385,6	15,7	27,6	41,9	59,1	92,2
III. Фабрикаты	23,7	52,6	93,2	172,9	297,8	108,8	174,7	232,1	375,4	588,4
Всего (с прочими)	210,5	411,2	523,6	717,9	1.234,3	135,9	223,1	291,5	474,2	748,4
	в % к итогу									
I. Продовольствие, напитки, табак	36,8	44,6	42,1	38,0	44,2	3,7	4,2	5,0	6,3	7,0
II. Промышл. сырье	48,6	39,2	36,8	37,1	31,2	11,5	12,3	14,4	12,5	12,3
III. Фабрикаты	11,3	12,8	17,8	24,1	24,1	80,1	78,4	79,6	79,2	78,6

В этой таблице обращает на себя внимание устойчивость основных соотношений в экспорте (ок. 80%—фабрикаты), а в импорте— ярко выраженная тенденция к увеличению доли фабрикатов и некоторому снижению доли сырья. В 1860 ввоз сырья превышал ввоз фабрикатов в $4\frac{1}{3}$ раза, а в 1923—26—менее, чем на одну треть.

Важнейшие статьи вывоза и ввоза В. в среднем за год показаны в следующей табл.:

Главные статьи импорта (1923—26)	Меры	Количество	Стоимость в млн. ф. ст.	Главные статьи экспорта (1923—25)	Меры	Количество	Стоимость в млн. ф. ст.
Мясо	тыс. т	1.549,5	111,3	Хлопчатобумажные ткани	млрд. м ²	3,6	147,4
Хлопок	» »	739,4	104,5	Машины	тыс. т	478,1	92,8
Пшеница	» »	5.227,5	63,4	Железо, сталь и изделия из них	млн. т	4,1	74,3
Шерсть	» »	344,7	62,8	Уголь	млн. т	65,0	74,1
Масло	» »	279,4	48,8	Шерст. и камвольные ткани	млн. м ²	174,9	38,4
Лесоматериалы	» »	—	46,1	Авто	—	—	29,1
Нефть и нефтепродукты	млн. гал	73,0	40,6	Одежда	—	—	28,4
Чай	млн. кг	221,4	37,5	Хлопчатобумажная пряжа	млн. кг	75,3	26,4
Сахар	тыс. т	1.701,8	36,4	Разные посылочные ткани и изделия	—	—	26,4
Цветн. металлы и изделия из них	—	—	34,1				
Фрукты и орехи	—	—	32,6				
Железо, сталь и изделия из них	млн. т	2,5	22,4				

Из послевоенных изменений в импорте главнейшими являются весьма значительный рост ввоза нефти и нефтепродуктов (в связи с развитием автогосударства и применением нефти в качестве топлива в морском транспорте и промышленности), а также увеличение ввоза полуфабрикатов из железа и стали, суровых текстильных тканей, одежды и машин. В железодельной и

сталелитейной промышленности В. переходит на изготовление сложных и дорогих фабрикатов для экспорта; в текстильной промышленности изготовление тонких тканей для экспорта восстановлено в большей степени, нежели экспорт дешевых тканей. Основными товарами в англ. обратном вывозе (реэкспорте) в 1923—26 были (в среднем за год): чай—20,6 млн. кг (6,9 млн. ф. ст.); хлопок—66 тыс. т (9,5 млн. ф. ст.); шерсть—183 тыс. т (29,9 млн. ф. ст.); меха, кожи и шкуры—на 12,5 млн. ф. ст.; резина—81 тыс. т (14,6 млн. ф. ст.). Значение В. как посреднического центра в мировой торговле после империалистской войны не упало, если принять во внимание, что основным

рынком англ. реэкспорта является значительно обедневшая Европа, и что теперь усилилась непосредственная торговля Соед. Штатов колониальными товарами. Удержанию В. ее позиций в посреднической торговле способствовали выпадение посреднической роли Германии во время войны 1914—1918 и отсутствие у ней достаточных кредитных ресурсов после войны, чтобы вновь начать соперничество с Англией, а также воз-

вращение фунта стерлингов к золотому стандарту, вернувшее фунту значение международного платежного средства. Посреднические функции В. в мировой торговле тесно связаны с сосредоточением мирового страхования морских грузов в Лондоне и брокерской организацией В. Ежегодный доход В. по платежному балансу от банковских, брокерских и страховых услуг составляет

75 млн. ф. ст., из которых до 15 млн. ф. ст. приходится на премии по морскому страхованию. Функции брокеров заключаются в: 1) сбыте сырья, 2) установлении стандартов товара, 3) установлении формы контрактов и арбитража, 4) учете потребительских и производственных факторов рынка. Сплошь и рядом брокеры принимают на себя кредитование как продавца, так и покупателя сырья—таково положение со льном, лесом, пушниной, чаем и т. п.

Данные о распределении импорта и экспорта В. по частям света приведены в статье *Британская империя* (т. VII, ст. 509—510), а также в следующей таблице:

Состав внешней торговли В. (в % к итогу).

Части света	Ввоз				Вывоз			
	1893	1903	1913	1925	1893	1903	1913	1925
Европа	45,9	45,5	44,3	34,9	43,9	39,1	34,7	35,5
Сев. и Центр. Америка	26,6	28,0	25,7	26,6	18,9	17,4	12,1	12,4
Юж. Америка	4,1	6,3	9,0	8,4	8,0	6,6	9,5	8,6
Африка	4,8	4,6	4,8	7,5	5,9	13,0	9,8	11,0
Азия	11,1	9,3	9,7	13,1	16,9	14,6	25,2	21,6
Австралия и Океания	7,5	6,3	6,5	9,5	6,4	9,3	8,7	10,9
Британские владения	22,9	21,0	27,7	32,3	28,4	33,2	34,5	39,0
Прочие страны	77,1	79,0	72,3	67,7	71,6	66,8	65,5	61,0

Данные эти показывают, что в отношении более чем одной трети своего вывоза и ввоза В. зависит от европейского рынка. Несомненно увеличение доли британских владений во внешней торговле В., но это увеличение не таково, чтобы В. могла вести политику, направленную к созданию замкнутой хозяйственной системы в *Британской империи* (см.). Главными конкурентами В. были до войны и остаются в настоящее время Германия и Соединен. Штаты (в меньшей степени Франция и др. страны). Начиная с последней четверти 19 в., В. начинает уступать им по темпу развития внешней торговли. Конкуренция Германии до войны имела успех, главн. образом, потому, что ее промышленность лучше была поставлена как в техническом отношении, так и в организационном, в частности—в отношении организации сбыта. Преимущества Германии особенно сказывались в производстве массовых дешевых товаров. Конкуренция Соедин. Штатов основывается на больших ресурсах и лучшим оборудовании их промышленности и на огромной потребительской способности внутреннего рынка, создающей возможность массового производства товаров и удешевляющей стоимость производства в таких отраслях промышленности, которые в В. во время депрессии принуждены работать значительно ниже своей производственной способности. В последнее время американск. конкуренция сделала большие успехи на многих рынках, ранее являвшихся почти исключительно монополией Англии. Так, на долю Соедин. Штатов в 1913 приходилось 13,7% всего импорта Австралии, а в 1925—24,6%. В то же время доля В. сократилась с 51,8% до 43,9%. В Новой

Зеландии доля Соед. Штатов повысилась с 9,5% до 16,4%; в Аргентине—с 14,7% до 23,4%; в Юж. Африке—с 8,9% до 14,7%. В то же время доля В. сократилась в Новой Зеландии с 59,7% до 52,0%, в Аргентине—с 31,1% до 22,6%, в Юж. Африке—с 56,8% до 50,0%. Во внешней торговле СССР доля Соед. Штатов выросла с 5,8% до 26,8%; правда, доля В. также несколько увеличилась—с 12,6% до 15,6%, но политика правительства В. по отношению к Советскому Союзу, вызвавшая в 1927 разрыв дипломатических отношений, угрожает свести на-нет и эту благоприятную сторону в развитии торговых сношений Великобритании.

Торговая политика.

В течение второй половины 19 в. свобода торговли была основным принципом торговой политики В. Первый серьезный удар фритредерским традициям был нанесен в конце 1890-х и начале 1900-х годов агитацией в пользу тарифной реформы министра колоний Джозефа Чемберлена, выдвинувшего проект имперского таможенного союза, отделенного от остального мира высоким таможенным барьером. На парламентских выборах 1906 консервативная партия, принявшая схему Чемберлена,

потерпела жестокое поражение, и вопрос о тарифной реформе исчез с политич. сцены на 10 лет. Во время империалистской войны консервативная партия возвращается к схеме Чемберлена. Стоящие за консерваторами крупные промышленники стремятся путем тарифной реформы сохранить за собою на послевоенное время англ. и имперский рынки. В 1923 консервативная партия, выдвинувшая в своей программе лозунг тарифной реформы в целях борьбы с безработицей, терпит поражение на выборах и в 1924 устами своего лидера Болдуина официально отказывается от проведения в жизнь тарифной реформы в парламенте, избранном в 1924. После империалистской войны В., т. обр., все еще остается в основе страной «свободной торговли», хотя первые серьезные удары ее фритредерству уже нанесены. Таможенный тариф В. охватывает лишь небольшую часть ввоза и при этом в большинстве случаев установлен с фискальной, а не с протекционной целью. Таможенные доходы В. в 1920 составляли 117,1 млн. ф. ст. (около 14% бюджета), из к-рых 103,6 млн. ф. ст. было собрано с пошлин фискального характера (на пиво, вино, напитки, чай, кофе, какао, сахар, сахарин и табак) и лишь 13,5 млн. ф. ст. с пошлин протекционного характера (на оптические изделия, автомобили, перчатки, краски и химические товары, часы, музыкальные инструменты, упаковочную бумагу и т. д.).

Протекционизм в Великобритании развивался в двух направлениях: 1) защиты английской промышленности от иностранной конкуренции и 2) предоставления британским владениям таможенных преимуществ на английском рынке.

В области защиты от иностранной конкуренции в самой В. последняя ограничилась введением в 1915 так наз. пошлин Мак-Кенна (в размере $33\frac{1}{4}\%$ ad valorem) на музыкальные инструменты, велосипеды, автомобили и их части, часы и кинематографические фильмы и изданием Safeguarding of Industries Act'a (закон о защите основных отраслей промышленности, 1921), по которому устанавливались пошлины на красители, синтетические лекарства, научные инструменты, магнето, вольфрам, иглы, газовые колпачки и др. Оба эти мероприятия были направлены, главным обр., против Германии и носили на себе следы военных мероприятий: многие из подвергшихся таможенному обложению товаров принадлежали к категории таких, производство к-рых в В. было признано необходимым в целях государственной обороны (например, краски и красители). В 1924 «Рабочее правительство» Макдональда отменило пошлины Мак-Кенна, но затем они были восстановлены консервативным министерством Болдуина в 1925. С 1925, в согласии со специальным циркуляром министерства торговли, закон о защите промышленности дополняется рядом новых товаров, вне связи с военными пундами: таковы установленные в 1925—26 пошлины на ножевые изделия, перчатки, искусственный и натуральный шелк и изделия из него, упаковочную бумагу, восстановление пошлины на газовые колпачки.

Если консервативная партия упорно борется за введение протекционизма, то либеральная партия является принципиальной защитницей фритредерства. Либералов поддерживала до последнего времени часть буржуазии, наиболее заинтересованная в свободной торговле—фабриканты хлопчатобумажной промышленности и судоходные компании. В вопросах таможенной политики Рабочая партия обычно следует за либеральной партией. Рабочая партия выдвигает против протекционизма ряд аргументов, среди к-рых наиболее существенны следующие: 1) таможенный тариф бессилён принести пользу э к с п о р т н ы м отраслям промышленности, т. е. как раз тем, которые находятся в тяжелом положении, и 2) пошлины удорожают стоимость жизни и понижают реальную заработную плату. Вместе с тем, среди членов Рабочей партии существует течение, стремящееся к активной таможенной политике против тех стран, которые применяют «систему выжимания пота» в промышленности. В 1925 многие из членов Рабочей партии голосовали за консервативное предложение об установлении пошлины на турецкие сушеные фрукты, т. к. эти пошлины защищают на англ. рынке производителей Австралии от «недобросовестной» конкуренции Турции, где царит эксплуатация дешевого труда.—Коммунистическая партия В. считает, что проведение в жизнь протекционистской программы консерваторов приведет к понижению реальной заработной платы, а развитие имперских преференций—к усиленной эксплуатации широких трудящихся масс В. капиталистическими группами, руководящими ввозом имперского продовольствия и сырья, и к укреплению господства В. над колониальными народами. Компартия считает, в то же время, что подлинная «свобода торговли» неосуществима в капиталистическом обществе, поскольку последнее лишает народы отсталых и колониальных стран права вести самостоятельную торговую политику. Компартия В. поэтому требует предоставления свободы торговли политикой народам Индии, Египта и Китая, отвергает фритредерство в капиталистической В. и рассматривает борьбу между фритредерами и протекционистами

как борьбу между различными буржуазными группировками, пытающимися использовать пролетариат в своих интересах.

Британские владения пользуются в таможенном тарифе В. скидкой в $33\frac{1}{4}\%$; в 1925 правительством Болдуина были проведены специальные пошлины на консервы, мед, сушеные фрукты и изменена пошлина на сахар с целью предоставить преимущества доминионам (см. *Британская империя, историко-политический очерк*).

Торговая политика В. ставит себе задачей добиться преимуществ для английских товаров на внешних рынках по сравнению с товарами др. государств, или, во всяком случае, поставить их в одинаковые условия с последними, а также с туземными товарами. Торгово-договорная политика В. направлена в сторону самого расширительного толкования права наибольшего благоприятствования, прорыва лицензионной системы и государственной монополии внешней торговли. В. боролась с лицензионной системой в Чехии и Австрии (1921—23), государственной монополией внешней торговли в СССР (1921—27). Ей удалось разбить созданный кооператорами Новой Зеландии контроль над экспортом молочных продуктов (1926—27). Она упорно борется за сохранение привилегий и неравных договоров в Китае. Среди мероприятий торговой политики В., имевших целью форсировать вывоз англ. товаров, на первое место следует поставить проведенную в 1921 и расширенную и измененную в 1926 с х е м у э к с п о р т н ы х кредитов. По этой схеме департамент внешней торговли В. выдает гарантии экспортерам в размере от одной до двух третей ценности иностранного векселя, выданного за товар англ. производства, вывезенный из В. Сроки гарантии обычно невелики; гарантия имеет целью страхование экспортера от потерь, связанных с форс-мажор, и распространяется на все страны, кроме СССР и государств Дальнего Востока (Китая и Японии). Схема экспортных кредитов не оправдала возложенных на нее надежд, и в 1926 специальная комиссия признала желательным прекратить действие ее в 1929.

Из государственных учреждений В. внешней торговлей ведают: министерство торговли (Board of trade) и департамент внешней торговли (Department of overseas trade). В компетенцию министерства торговли входят подготовка торговых договоров, торговая политика, статистика внешней торговли и торговое мореплавание. Департамент внешней торговли—учреждение новое (с 1917—18). В 1927 принято решение о слиянии его с министерством торговли. Он подчинен министерству торговли и министерству иностранных дел, а ему, в свою очередь, подчинены все торговые представительства Великобритании при посольствах и консульствах за границей и торговые представители Великобритании в доминионах. Департамент внешней торговли ведает всей работой по политической, оперативной и экономической информации о внешних рынках, организацией выставок и ярмарок и отделом экспортных кредитов.

Лит.: Леви, Г., Основы народного хозяйства Англии, М., 1924; Санталов, А. (ред.), СССР на англ. рынке, Лондон, 1926; Гранат, И., Классы и массы в Англии в их отношении к внешней торговле, М., 1927 (излишне теоретична, требует критического подхода); A. Bowley, England's Foreign Trade in the 19-th Century, L., 1922; A. Balfour, Committee on Industry and Trade. Survey of overseas markets, L., 1926; «Committee of Industrial and Commercial Policy», Final Report, L., 1918; L. Robertson, Foreign Trade Facilities of the United Kingdom, N.-Y., 1922.

Статистич. данные см. в 4-томных ежегодн. «Annual Statements of Trade and Navigation of U. K.», L.; в ежемесячн. «Monthly Accounts of Trade and Navigation» и в еженедельн. «Board of Trade Journal». И. Звавич.

Денежное обращение, банковая система, денежный рынок.

Денежная система В. в своих основах восходит к тем преобразованиям, которые были проведены в конце 18 в. Важнейшие принципы законодательства того времени сохранили свое значение до сих пор, но, вместе с тем, многое было изменено в течение 19 века и снова реформировано после войны 1914—18. До денежной реформы 1798 в В. существовала свобода чеканки в отношении как серебряных, так и золотых монет; государственной властью было установлено определенное соотношение между стоимостью тех и других. Фактически в течение 18 в. в денежном обращении В. преобладало золото, так как закон оценивал серебряную монету несколько ниже, чем рынок ценил содержащийся в ней металл. К концу столетия на рынке произошло снижение стоимости серебра. «Дешевый» металл начал вытеснять золото, поступая в крупных количествах на монетный двор. Тогда в целях сохранения золотого обращения, к которому население привыкло, правительство прекратило свободную чеканку серебра (1798), сохранив только свободу чеканки золота. Этим мероприятием в Великобритании установлен был золотой монометаллизм. Конкретное содержание монетн. законодательства в том виде, в каком оно действовало до империалистской войны, заключалось в следующем. Платежным средством без ограничения суммы были золотые монеты достоинством в 1 фунт стерлингов (соверен) и в полфунта, которые чеканились из золота $\frac{11}{12}$ чистоты (соверен содержит 7,3224 г чистого золота). Чеканка производилась монетным двором свободно и (для крупных партий) бесплатно. Фунт стерлингов делится на 20 шиллингов, а шиллинг на 12 пенсов. Серебряные деньги, обязательные к приему на сумму до 40 шиллингов до 1920 чеканились из серебра, содержащего $\frac{925}{1.000}$ чистоты, а с тех пор из серебра, содержащего $\frac{560}{1.000}$ чистоты, достоинством в 5 шилл. (крона), $2\frac{1}{2}$ шилл. (полукрона), 2 шилл. (флорин), $1\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ шилл. Монеты в $1\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ пени (фартинг) чеканятся из бронзы. По золотому паритету на русские деньги (после денежной реформы 1895—98 так же, как теперь на деньги СССР) фунт стерлингов равен 9 р. 46 коп. Другую часть денежного обращения составляли (и составляют) банкноты Английского банка (см. *Банк Английский*), достоинством в 5 ф. ст. и выше. Кроме того, на небольшую сумму банкноты выпускались несколькими местными банками (в 1921 исчез последний из местных банков, сохранявших

эмиссионное право). Порядок выпуска банкнот пересмотрен был в 40-х годах 19 в. при Роберте Пиле, и акт 9/VII 1844 регулировал его в течение всей второй половины 19 и начала 20 в. Английский банк имел право выпуска банкнот, не покрытых золотом, на твердо установленную сумму, в 1844 составлявшую 14 млн. ф. ст. (а накануне войны достигавшую 18.450 т. ф. ст.). Все банкноты сверх этой суммы должны были быть покрыты полностью золотом. Банкноты подлежали свободному обмену на золото и были (и остались) законным платежным средством. Количество банкнот в обращении в последние десятилетия до войны было невелико и колебалось около 25 млн. ф. ст., между тем как количество золотых монет в обращении было, повидимому, в 4—5 раз больше. Банкнота Английского банка была полным и безусловным представителем золота. Скромные размеры выпуска банкнот не помешали Английскому банку занимать место руководящего центра английской, а в связи с этим (до войны, по крайней мере)—до известной степени и всей мировой банковской системы (за время войны положение, однако, существенно изменилось). Очень жесткие условия выпуска банкнот, созданные законодательством Роберта Пилля, стимулировали рост депозитных банков в В. и развитие чекового обращения. Платежи чеками уже во второй половине 19 века играли несравненно большую роль, чем платежи наличными деньгами (см. ниже).

В первых числах августа 1914, в связи с началом империалистской войны, Англ. банку разрешено было выпускать непокрытые золотом банкноты сверх контингента, установленного актом Пилля (банк почти не воспользовался, впрочем, этим разрешением). Главные изменения в денежной системе заключались, однако, не в этом, а в том, что, во-первых, фактически прекращен был свободный обмен банкнот на золото и, во-вторых, казначейству разрешено было выпускать свои билеты (emergency notes) достоинством в 1 и $\frac{1}{2}$ ф. стерлингов, объявленные законным платежным средством. По закону эти билеты были разменны на золото, но фактически закон не соблюдался. Целью выпуска казначейских билетов было поддержание ликвидности банкнот. Казначейская эмиссия была использована для финансирования войны; банки, содействовавшие реализации гос. займов, сами опирались при этом на возможность получения ссуд казначейскими билетами. Во время войны в В., так. обр., фактически установилась бумажно-денежная система. Соотношение казначейских билетов и банкнот в обращении видно из табл., помещенной на ст. 379.

Курс фунта стерл., благодаря энергичным мероприятиям казначейства и америк. помощи, держался во время войны близко к паритету. По окончании войны и вслед за прекращением действия специального англо-американского финансового соглашения, курс фунта сильно упал и потерял одно время (1920) до 30% своей стоимости (по курсу на доллар). Затем он снова поднялся и стал опять приближаться к паритету в 1924, когда стало известно, что правительство

Денежное обращение В. (в млн. ф. ст.).

Годы (конец)	Билеты Англ. банка в ре- зерве каз- начейства	В о б р а щ е н и я		
		билеты Англ. банка	казнач. билеты	и т о г о
1914	—	36,1	38,5	74,6
1915	—	35,3	103,1	138,4
1916	—	39,7	150,1	189,8
1917	—	45,9	212,8	258,7
1918	—	70,3	323,2	393,5
1919	4,0	87,3	356,2	443,5
1920	19,5	113,4	367,6	481,0
1921	19,5	107,1	325,6	432,7
1922	22,0	102,9	295,4	398,3
1923	22,4	105,7	299,1	404,8
1924	27,0	101,3	296,3	397,6
1925	56,3	88,5	296,8	385,3
1926	56,3	84,3	287,9	372,2
1927	56,3	82,5	299,8	382,3

Великобритании намерено вскоре возвратиться к золотой валюте. Правительство Болдуина провело в начале 1925 через парламент билль о золотой валюте, и с тех пор последняя восстановлена в Англии, хотя и не в том виде, в каком она функционировала до войны. Закон 1925 отменил (оставшиеся до того времени формально неотмененными) постановления об обязанности Английского банка обменивать свои банкноты на золотую монету и об обязанности казначейства производить такой же обмен своих билетов. Он отменил также постановления, обязывавшие Монетный двор чеканить золото для всякого предьявителя металла. Монетный двор обязан выполнять только заказы Английского банка. Но, отменяя свободу чеканки золота и свободный обмен банковых билетов на золотую монету, тот же закон устанавливает обязанность Английского банка продавать всякому желающему золото в слитках на банкноты или казначейские билеты по твердой цене в 3 фунта 17 шилл. 10½ пенс. (т. е. на 5 пенсов выше, чем до войны) за тройскую унцию (31,103 г) золота указанной пробы с тем только ограничением, что банк не обязан продавать слитки, содержащие меньше 400 унций (11,94 кг) чистого золота. Этими постановлениями создан своеобразный вид валюты, приближающейся к золотой валюте, ибо билеты Английского банка и казначейства по закону разменны на золото, но только на золото в слитках, а не на золотые монеты. Это—золотая валюта (золотой монометаллизм) без обращения золотых монет. В этом смысле основания англ. денежной системы достаточно полно установлены актом 1925. Денежная система, однако, не определена еще в некоторых существенных своих частях. Со временем предстоит слияние обеих частей ныне существующей эмиссии (банковской и казначейской), изменение прежнего законодательства в смысле увеличения непокрытого золотом контингента банкнот (современные золотые резервы Английского банка покрывают лишь ок. 40% всех находящихся в обращении банковых билетов и бумажных денег) и, может быть, установление иного принципа покрытия банковых билетов, чем тот, который был установлен «банковым актом» Роберта Пиля, т. е. принципа более близкого к тем, которые применяются на европейском континенте.

Банковая система В. схематически может быть изображена следующим образом. Вершину составляет Английский банк. В Англии он является ныне единственным эмиссионным банком и хранителем всего золотого резерва. Последнее обстоятельство выражено после войны еще сильнее, чем до нее, потому что золото, находившееся раньше в обращении, сосредоточено в наст. время в значительной мере в Английском банке. По размерам своего баланса Английский банк не больше крупнейшего депозитного банка, но, тем не менее, именно он является центром и последним оплотом денежного рынка В. Все банки держат свои свободные средства в Английском банке. Текущий счет в Английском банке рассматривается всяким кредитным учреждением как наличные деньги. Неиспользованное эмиссионное право Английского банка или то количество банкнот, которое эмиссионный департамент этого банка, в соответствии со своими золотыми резервами, передал банковому департаменту, а последний не обработал на активные операции, образуют ту действительную наличность, к-рая в случае необходимости может быть еще предоставлена банковской системе. Если эта наличность начинает снижаться, положение на денежном рынке становится напряженным, и наступает период сжатия кредитов для восстановления равновесия. Необходимый маневр Английский банк продельвает путем повышения учетной ставки. Будучи хранителем денежной системы, он является, вместе с тем, органом, регулирующим денежный рынок и общее направление работы банковской системы. Однако, эта регулирующая роль становится заметной лишь в периоды некоторого напряжения. Вся банковая система настолько мощна, что в спокойное время она (точнее—основная ее часть) работает совершенно самостоятельно. Говоря о регулирующей роли Английского банка, следует отметить, что со времени войны усилилось также регулирующее влияние казначейства (министерства финансов).—Вслед за Английским банком существовавшее звено банковской системы образуют так называемые «акционерные», или депозитные банки (Joint stock banks).

Акционерные банки В. (без Английского банка).

Годы	Число банков	Число отделений	Капиталы и резервы фонды	Депозиты	Учет и ссуды
1890	114	3.178	83,6	460,3	329,9
1895	109	3.703	84,3	550,2	373,9
1900	87	4.832	95,0	693,9	465,7
1905	70	5.717	99,2	728,1	470,2
1910	54	6.423	98,5	827,4	538,6
1915	46	7.278	97,9	1.133,2	568,2
1920	28	8.540	146,1	2.240,7	1.416,3
1925	26	10.032	158,7	2.047,7	1.299,3

Жесткость Пилевского законодательства об эмиссии банкнот послужила одним из оснований пышного расцвета депозитных банков. На их пассивах сосредоточены

миллиардные депозиты (вклады, текущ. счета); чек, к-рым распоряжается владелец банковского депозита, стал наиболее распространенным платеж. средством в В. уже во 2-й половине 19 в. (во время войны пользование чеками в мелком обороте относительно несколько сократилось). Число депозитных банков в наст. время невелико, но каждый из них представляет собою огромную организацию и силу. Эдгар Яффе в своем классическом описании англ. банковской системы («Das englische Bankwesen», 2 Aufl., Lpz., 1915) делит эту категорию банков на несколько групп: лондонские и банки (Metropolitan Banks), работающие только в Лондоне и, в свою очередь, распадавшиеся в 19 в. на три подгруппы: банки в Сити (City Banks), банки в Западной (аристократической) части Лондона (Westend Banks) и банки в пригородах (Suburban Banks); далее лондонские банки с филиалами в провинции (London and Provincial Banks), которые составляли на рубеже 20 в. самую энергичную и быстро развивающуюся часть англ. банковской системы; и, наконец, провинциальные банки. Однако, еще в работе Яффе указывается, что эта классификация не вполне уже соответствует действительности. В наст. время она еще менее отвечает действительному положению вещей. Процесс концентрации банковского дела протекал (и продолжает еще протекать) с чрезвычайной интенсивностью, и в этом процессе упомянутые выше категории кредитных учреждений (с присоединением к ним еще частных банкирских контор, игравших прежде на лондонском рынке большую роль) слились в несколько мощных банковых институтов, подлинных левиафанов в области банковского дела. Среди них особенно выделяются пять банков, которые получили название «пяти больших» (Big Five); это — «Midland Bank», «Lloyds Bank», «Westminster Bank», «Barklay's Bank» и «National Provincial Bank» (см. таблицу). Пассивные операции этих банков

Некоторые данные о крупнейших банках В.

Название банков	Депозиты	Основные и запасные капиталы	Число отделений (в 1926)
	в млн. ф. ст. (31/XII 1927)		
Bank of England	285,7 *	18,1	11
Midland Bank, Ltd	374,4	25,3	1.905
Lloyds Bank, Ltd	357,2	25,8	1.713
Barclay's Bank, Ltd	317,8	26,1	1.895
Westminster Bank, Ltd . .	280,6	18,6	947
National Provincial Bank, Ltd	273,6	19,0	743
Bank of Liverpool & Martins, Ltd	62,9	4,7	390
District Bank, Ltd	53,7	3,9	379
Williams Deacon's Bank, Ltd	32,7	3,2	193
Итого по 9 банкам . .	2.038,6	144,7	8.176

* Депозиты и эмиссия банкнот.

закключаются в привлечении депозитов, а активные — в выдаче ссуд под ценные бумаги, под товары и товарные документы, в акцепте и в учете векселей. В последней операции они редко имеют дело непосредственно с последним клиентом, а пользуются услугами посредников, благодаря чему усложняется все строение банковской системы. Такими посредниками являются «вексельные маклеры» (см. *Билль-брокеры*) и «дисконтные конторы» (discount houses). И те и другие суть кредитные учреждения, — иногда мелкие, иногда средние, иногда весьма крупные, — выполняющие специальную функцию на денежном рынке В. Депозитные банки В. предпочитают ссужать деньги брокерам и конторам потому, что эти «посредники» опираются на огромный опыт и на знание специальных отраслей торговли (как внутренней, так, особенно, и внешней), и, кроме того, участие этих посредников дает депозитным банкам дополнительную, весьма важную и часто весьма солидную гарантию исправности возврата выданных сумм. В предоставлении денег брокерским и дисконтным конторам депозитные банки заинтересованы еще и потому, что конторы значительную часть этих денег принимают в качестве ссуд до востребования, т. е. в такой форме, которая наиболее удобна для тех банков, пассивы коих слагаются из депозитов. Билль-брокеры обеспечивают полученные ими ссуды отчасти векселями, находящимися в их портфеле, отчасти ценными бумагами, в которые вложен их собственный, нередко весьма значительный, капитал. Если при выдаче ссуд для учета векселей депозитные банки пользуются посредничеством билль-брокеров, то при выдаче ссуд под ценные бумаги они пользуются аналогичными услугами «фондовых брокерских контор» (stock-brokers). Далее, как на существенную часть банковской системы В., следует указать на «иностраные и колониальные банки» (Foreign and Colonial Banks). Это — банки, работающие под англ. руководством и на англ. капиталы. Они финансируют внешнюю торговлю В. и обслуживают помещения англ. капиталов в иностранные предприятия. В состав этой категории входят как банки с правлениями в колониях (и вообще за границей) и филиалами в Лондоне, так и банки с правлениями в Лондоне и филиалами за границей. Эти банки работают в Соед. Штатах Сев. Америки, в государствах Центр. и Юж. Америки, на Ближнем и на Дальнем Востоке (Египет, Персия, Турция, Япония, Китай) и во всех британских колониях. Они регулируют платежный оборот, вытекающий из внешней торговли и финансовых операций Англии на мировом рынке, они же авансируют значительную часть средств, обращающихся в экспортной и импортной торговле. Их участие во внешней торговле позволяет фирме, продающей товары в Лондон, получать за них деньги немедленно по погрузке товаров, и фирме, покупающей товары в Англии, платить деньги лишь по прибытии товаров в страну назначения. Они же принимают участие в размещении на лондонском денежном рынке колониальных и др. ценных бумаг как публичных займов,

так и частных облигаций и акций. К этой группе банков отчасти примыкает группа торговых и банковских домов, известная под названием «merchant banks»; к ним относятся фирмы, пользующиеся мировой известностью, как Ротшильд, Беринг, Шредер, Клейнворт и др. Они работают, главн. обр., на собственные крупные капиталы, занимаются не только чисто банковыми, но и товарными операциями и принимают значительное участие во внешней торговле (см. *Банкирские конторы*). Довольно значительную роль на лондонском рынке играют еще филиалы иностранных банков, работающих на иностранные же капиталы. Среди этих последних америк. банки имеют в последнее время, естественно, наибольший вес. Все описание, данное выше, носит схематический характер и стилизует действительные явления. В наст. время нет такой строгой специализации в банковом деле В., какая была в прежнее время. Крупные акционерные «депозитные» банки занимаются всеми банковыми операциями и очень часто приходят в непосредственное соприкосновение с клиентами—торговцами и промышленниками. Другие банки и банкиры работают не только на собственные капиталы и заемные средства, но также на привлеченные депозиты. Самый процесс концентрации, в котором сливались в одно учреждение банки разных типов, содействовал сглаживанию существовавших раньше различий. Однако, в известной мере, специализация функций все же сохранилась до сих пор.

Денежный рынок В. до войны был самым влиятельным и мощным во всем мире. Это объяснялось ролью В. во внешней торговле, обилием капиталов, которые Лондон мог предоставлять краткосрочно и долгосрочно другим странам, возможностью повсеместно использовать платежные средства, выписанные в фунтах, и, наконец, превосходной постановкой работы в англ. банках. Война нанесла денежному рынку В. очень серьезный удар. Страной, кредитующей все мировое хозяйство, является теперь не В., а Соединенные Штаты Сев. Америки. Свободные капиталы, которые В. в состоянии экспортировать, стали сравнительно невелики, и по временам В. приходилось даже накладывать запрещение на инвестирование капиталов за границей. Но в качестве центра для финансирования мировой торговли и, гл. обр., для производства расчетов по мировой торговле Лондон все еще сохраняет свое значение. Банковская система В. все еще представляет собой один из наилучше налаженных механизмов в условиях капиталистического хозяйства, а географическое положение В. продолжает благоприятствовать ей, ибо главный ее конкурент, Соед. Штаты Сев. Америки, находится в стороне от тех путей мировой торговли, к-рые связывают между собой различные части всего восточного полушария.

Лит.: «Банковая Энциклопедия», под ред. Л. Н. Яснопольского, том I, Киев, 1914; Каценеленбаум, З. С., Учение о деньгах и кредите, т. I—II, Москва, 1927; Юровский, Л. Н., Современные проблемы денежной политики, М., 1926; Кленович, С., Мировой денежный рынок, М., 1927; его же, Банки за границей, М., 1926; Беджот, В., Ломбардстрит, СПб, 1901; Витгерс, Г.,

Денежный рынок, Москва, 1923; Вебер, А., Депозитные и спекулятивные банки, М.—Л., 1928; G. Cl a r e, A Money Market Primer, L., 1892; C. C o n a n t, History of the Modern Banks of Issue, L., 1896; H. M a c l e o d, Theory and Practice of Banking, 2 vls, L., 1892—93; E. J a f f é, Das englische Bankwesen, Lpz., 1904, 2 Auflage, 1915; H. Withers, The Stock Exchange, London, 1904; F. Burkart, Die fünf grossen englischen Depositenbanken, Basel, 1925; Ch. d'O r l é a n s, Les banques de dépôt en Angleterre avant, pendant et après la guerre, Paris, 1927; G. E. B o n n e t, La politique monétaire anglaise d'après la guerre, Paris, 1923; много материалов в журнале «The Bankers Magazine», выходящем в Лондоне с 1844. Л. Юровский.

Государственное хозяйство.

В развитии государственного хозяйства В. в капиталистическую эпоху можно различить четыре основных периода. П е р в ы й период, относящийся к эпохе первоначального накопления и промышленного переворота, охватывает 17 в., 18 в. и первые 15 лет 19-го века. В этот период, ценой почти непрерывных и грандиозных по тому времени войн, молодой капитализм В. утвердил за собой мировое господство на море, создав огромное колониальное государство. Семь наиболее крупных войн, создавших Британскую империю, продолжались в общей сложности ок. 70 лет. Контроль парламента за расходованием гос. средств, установленный с 1688, дает возможность довольно точно определить стоимость этих войн:

Война в Ирландии против Франции (1688—97)	32,6 млн. ф. ст.
Война за Испанское наследство (1702—13)	50,7 » »
Война с Испанией (1718—21)	4,5 » »
Войны с Испанией и за Австр. наследство (1739—48)	43,7 » »
Семилетняя война (1756—63)	82,6 » »
Американская война (1776—83)	97,6 » »
Война с Францией (1793—1815)	831,4 » »

Итого 1.143,2 млн. ф. ст.

Эту огромную по тому времени сумму можно рассматривать как основной капитал, вложенный при основании того грандиозного предприятия, к-рое именуется Британской империей. Для более полного представления о бремени войн, легшем на народное хозяйство В., необходимо эту сумму увеличить, по меньшей мере, до 1,5 млрд. ф. ст., присоединив расходы на армию и флот мирного времени, издержки более ранних войн (начиная с Елизаветы), высокие издержки взимания налогов (свыше 10%), колоссальные переплаты контрабандистам, собиравшим в тот период с населения часто больше, чем фиск, и, наконец, огромные потери при заключении займов (см. ниже).

Строение государственных расходов В. в этот период всецело определялось общим направлением внешней политики. В мирные годы этого периода расходы составляли, по Dowell'ю (в млн. ф. ст.):

Г о д ы	Армия и флот	Платежи по гос. долгу	Итого	Гранд. управл.-ние (без Имп.-дин)	Всего
1702	1,3	1,17	2,47	0,7	3,17
1738	1,85	2,0	3,85	0,95	4,8
1755	2,0	2,6	4,6	1,0	5,6
1775	3,81	4,6	8,41	1,2	9,61
1792	6,25	3,3	15,55	2,0	17,55
1816	34,0	32,0	66,0	2,0	68,0

Эти цифры не исчерпывают всех гос. расходов: судебно-административные функции выполнялись или за счет местного управления или же за счет непосредственных поборов с населения (fees), фактически представлявших нечто среднее между узаконенной взяткой и современной пошлиной; кроме того, бюджетные росписи не включали значительных расходов по взиманию налогов. Однако, эти неточности мало меняют дело: расходы по армии и флоту и платежи по государственному долгу, представлявшие издержки внешней политики, подавляли все остальные расходы даже в мирные годы. Сопоставление имеющихся исчислений национального дохода В., конечно, далеко не точных (King, Mulhall, Colquhoun), с цифрами государственных расходов (по Vocke) дано в следующей таблице:

Г о д ы	Национ. доход * (в млн. ф. ст.)	Г о д ы	Гос. расходы (в млн. ф. ст.)
1688	45	1688—1701	5,5
1775	122	1761—1775	9,4
1812	430	1815	97 **

* Национальный доход показан в 1688 и 1775 для Англии и Уэльса, а в 1812 для всей Великобритании (включая Шотландию).
** В т. ч. 30 млн. ф. ст. платежей по гос. долгу.

Национальный доход всего Соединенного Королевства превышал указанные суммы в 1688 и 1775 примерно на $\frac{1}{4}$, в 1812—на $\frac{1}{5}$. Но, с другой стороны, если с известным приближением учесть издержки взимания налогов и содержание административно-судебного персонала, то цифры гос. расходов также повысятся примерно на 20—25%.— Отношение между гос. расходами и национальным доходом, кроме эпохи Наполеоновских войн, не представляет ничего исключительного и не выше, напр., чем в предреволюционной России, где, при национальном доходе ок. 15 млрд. руб., гос. расходы составляли ок. 2,4 млрд. руб., т. е. поглощали ок. 16% национального дохода. Указанное сравнительно благоприятное положение объясняется большим % промышленного населения В., производительность труда которого уже в то время была значительно выше, чем у земледельческого населения, и сверхприбылями от колониальной торговли.— Отношение между национальным доходом и гос. расходами не вполне, однако, характеризует тяжесть последних, ибо в описываемый период она ложилась почти исключительно на плечи трудового населения. Социально-классовая природа госуд. хозяйства Великобритании в этот период определялась не только характером гос. расходов, но и составом гос. доходов, в системе которых подавляющая роль принадлежала косвенным налогам. Акцизы (введенные впервые в 1643) и таможенные пошлины вытеснили почти все остальные виды налогов. Освобождая аристократию от остатков феодальных повинностей и платежей (право короля на поставки, право первой купли, право опеки и т. д.), парламент «выкупал» их путем предоставления королю акцизов. Последние

очень скоро охватывают не только такие типичные объекты косвенного обложения, как спиртные напитки, табак, соль и т. п., но чуть не все предметы товарного оборота: льняные, бумажные и шелковые изделия, кожи, стекло, бумагу, мыло, крахмал, синьку, кирпич, свечи, уксус, хмель и т. д. При введении акцизов, в соответствии с интересами земельной аристократии, соблюдалось лишь одно правило: «чтобы акциз был как можно дальше от земли» (Девенент), т. е. не затрагивал прямо или косвенно интересов землевладельцев. Ставки акцизов и таможенных пошлин достигали огромных размеров, что неизбежно вызывало неслыханное развитие контрабанды. В 1783 едва третья часть потребляемого чая была ввозима открыто. В 1822 в Ирландии и Шотландии акциз на спиртные напитки уплачивался с 20,7 млн. л, действительное же потребление оценивалось примерно в 73 млн. л. Корчемную водку приносили на рынок под эскортом вооруженных людей, презирая всякие законы. В 1733 правительство Уолпола пыталось осуществить «всеобщий акциз» с тем, чтобы ликвидировать все остальные налоги. Однако, несмотря на безраздельную диктатуру земельной аристократии, это предложение вызвало всеобщее возмущение и было отклонено. Впрочем, довольно скоро государство на деле реализовало почти универсальное косвенное обложение. В эпоху борьбы с Французской революцией акцизами было обложено все, что только можно было обложить; назначались премии тем, кто мог изобрести еще новый косвенный налог. К концу рассматриваемого периода косвенные налоги отнимали у рабочих до 40% их заработной платы. История прямого обложения в рассматриваемый период, как и история акцизов, дает исключительно яркие примеры наглости господствующих классов.

При зачаточном состоянии госуд. кредита, ведение войн требовало в дополнение к косвенным налогам резервных источников дохода в виде прямых налогов. Кроме того, в конце 17 века были еще нивы воспоминания революционной эпохи, вынуждавшие господствующий класс чем-либо проявлять свое участие в несении государств. расходов, тем более, что лорды были только-что освобождены от их феодальных повинностей короне. При таких условиях в 1689 был введен общий подоходно-поимущественный налог, получивший затем название земельного налога (Landtax), колебавшийся от 1 до 4 шилл. с 1 ф. ст. дохода от земли, жалований и т. д. Однако, по мере удаления от революционной эпохи и параллельно развитию гос. кредита, земельная аристократия свела роль этого обложения почти к нулю. Уже в год введения подоходно-поимущественного налога лендлорды, в качестве компенсации, выговорили себе премии на вывоз хлеба (1689). В дальнейшем, сохраняя хлебные пошлины, лендлорды, вместе с торгово-промышленной буржуазией, постепенно обрасывали с себя этот прямой налог, путем приостановки переписки облагаемой недвижимости. В 1798 правительство навсегда зафиксировало ничтожный размер земельного налога, дававшего около 2 млн. ф. ст., и допустило выкуп его. В эпоху борьбы с революционной Францией, когда были исчерпаны и косвенные налоги и кредит, правительство Питта было вынуждено в 1798 ввести временно подоходный налог в размере 10%. Однако, лишь только война была закончена, налог был уничтожен, несмотря на невиданное напряжение гос. бюджета. Парламент постановил сжечь все акты, документы и книги, относившиеся ко взиманию налога, и не успел до тех пор, пока ему не представили доказательства, что книги и документы были уничтожены именно посредством огня.

В течение всего периода прямое обложение составляло ничтожную часть гос. доходов.

До 1798 прямые налоги были представлены лишь одним поземельным обложением, дававшим до 2 млн. фунтов стерлингов, временный подоходный налог давал в 1799—1805 по 5—6 млн. ф. ст. и в 1808—15 по 11—15 млн. ф. ст. Все остальное покрывалось акцизами и таможенными пошлинами, к которым в незначительных размерах присоединялись гербовые сборы. К концу периода (1818), после отмены временного подоходного налога, из общей суммы налогов в 51,6 млн. ф. ст. акцизы давали 24,7, таможенные пошлины—11,6, гербовые сборы—6,7, земельный налог—1,5, остальные налоги—около 7 млн. ф. стерлингов.

В непосредственной связи с налоговой политикой стояла политика государственного кредита. Система косвенных налогов, не отличавшаяся эластичностью, была непригодна для покрытия резко повышающихся военных расходов. Не желая отказываться от агрессивной военной политики или обращаться во время войны к обложению имущих классов, государство нашло выход в гос. кредите. С конца 17 века войны ведутся за счет займов, при чем каждый раз вводится новый акциз, являющийся залогом для кредиторов. Сочетание акцизов с государственным кредитом давало возможность вести самые напряженные войны за счет плательщиков косвенных налогов, не прибегая к прямому обложению имущих классов.

Наряду с этой основной функцией, гос. кредит выполнял в этот период еще другую, побочную функцию, являясь орудием непосредственного обогащения буржуазии. Огромная доля всего гос. долга В. (500 млн. ф. ст. из 860) возникла в годы бумажно-денежной инфляции (1798—1815), когда снижение курса бумажных денег по отношению к золотым слиткам достигало 30%, а покупательная сила денег по отношению к товарам снижалась еще более. В дальнейшем, с восстановлением размена на золото, гос. кредиторы получили колоссальное обогащение за счет плательщиков косвенных налогов. Размеры этого обогащения увеличивались также тем, что почти все гос. займы были низкопроцентными, и для успешной их реализации правительству приходилось выпускать их по очень низкому курсу; для того, чтобы получить 354 млн. ф. ст., государство выдало обязательств на 526 млн. ф. ст. К этому узаконенному ограблению налогоплательщиков присоединялись махинации знаменитой комиссии по погашению гос. долга, к-рая «погашала» одни займы путем заключения др., более убыточных для государства.

Сопоставление гос. расходов В. с методами их покрытия показывает, что основной функцией гос. бюджета в этот период было покрытие издержек внешней политики за счет трудящихся масс. Это был своего рода метод внеэкономической эксплуатации пролетариата, крестьянства и многочисленного в 17 и 18 вв. класса ремесленников. Ту часть прибавочной стоимости, которую не удавалось захватить в экономической борьбе, молодой капитализм выкачивал посредством налогов для финансирования колониальных войн; ограбление подчиненных классов прикрывалось в этом случае лозунгами патриотизма и национальной обороны. Эту внеэкономическую эксплуатацию, обычно недостаточно оцениваемую, следует поставить на одно из первых мест среди методов первоначального капиталистического накопления в В. Разграблению целых материков, которое было предпосылкой расцвета англ. капитализма, предшествовало ограбление трудящегося населения В. посредством системы косвенных налогов и гос. кредита.

Одну из характерных особенностей гос. хозяйства В. рассматриваемого периода представляли огромные расходы по содержанию бедных, не имеющие аналогий в истории гос. хозяйства других стран.

Экспроприруя средства производства у широких масс крестьян и ремесленников, английский капитализм был в то же время заинтересован в поддержании физического существования созданного им многочисленного слоя пауперов, представлявших собой запас дешевой рабочей силы. Кроме того, к концу 18 в. была сведена ниже физического минимума заработная плата многих категорий рабочих. Издержки по содержанию пауперов и по дополнительной оплате занятых рабочих были возложены на плательщиков местных налогов, в т. ч. ремесленников, мелких торговцев, мелких землевладельцев и фермеров. «Так называемый спиргемлендский акт 1795 санкционировал систему прибавок, при которой работодатель платил половину заработной платы, а все плательщики налогов—работодатели или нет—уплачивали другую половину» (Роджерс). Расходы по содержанию бедных составили крупнейшую статью расходов гос. хозяйства В., достигая: в 1698—819 т. ф. ст., в 1776—1.720 т., в 1790—2.250 т., в 1800—4.800 т., в 1813—8.640 т. ф. ст. На поддержание бедных тратилась половина того, во что обходилось содержание армии и флота мирного времени.

Второй период в развитии гос. хозяйства В. охватывает около 50 лет от окончания периода войн за преобладание до завершения реорганизации налоговой системы В. к началу 70-х годов 19 в. В этот период гос. хозяйство В. находится под влиянием грандиозного гос. долга, унаследованного от предшествовавшего периода, и отражает в своей эволюции влияние промышленного переворота, вызвавшего гигантский рост народного хозяйства В. и переход политического преобладания к промышленному капиталу. Строение расходной части гос. бюджета В. характеризуется в этот период невиданными размерами платежей по гос. долгу и снижением, абсолютным и относительным, остальных расходов (см. таблицу на ст. 389). Войны этого периода, кроме Крымской, носили характер военных экспедиций, не вызывая значительных расходов; издержки Крымской кампании составили для В. 69,3 млн. ф. ст., остальные же семь военных столкновений (войны в Китае, в Абиссинии и др.) стоили всего 23,2 млн. ф. ст. В итоге издержки по ведению войн составили за 50 лет второго периода 92,5 млн. ф. ст. против 929 млн. ф. ст. за такой же отрезок времени предшествующего периода. Платежи по гос. долгу, унаследованные от предшествовавшего периода войн, составили за 53 года (1818—1870) колоссальную сумму в 1.619 млн. ф. ст., т. е. превзошли все остальные затраты государства за этот период, составлявшие 1.416,8 млн. ф. ст. Гос. бюджет в большей своей части превратился в орудие перераспределения национального дохода, возлагая на плательщиков, гл. обр., косвенных налогов огромные платежи в пользу гос. кредиторов. Система госуд. кредита позволяла капиталистическим классам В. в течение десятилетий поддерживать косвенное обложение на том исключительно высоком уровне, до которого оно было доведено в момент военного напряжения. Перераспределение национального дохода посредством гос. кредита и значительное снижение всех гос. расходов, кроме платежей по гос. долгу, несомненно сыграли очень крупную роль в быстром росте капиталистич. накопления

В. в данный период. Одним из заслуживающих внимания моментов этого периода было включение в гос. бюджет издержек по содержанию административно-судебного аппарата, который до этого в значительной степени финансировал сам себя за счет пошлин (fees), крайне удорожавших судебный процесс и закрывавших для малоимущих даже двери классового суда. Это изменение вызвало значительный рост гос. расходов на гражданское управление в 40-х и 50-х годах.

Гос. расходы В. в млн. ф. ст.

Годы	На армию и флот	На граждан. управление	Итого	Платы по гос. долгу	Всего (без почты)
1820—21	16,7	9,7	26,4	32,0	58,4
1840—41	14,1	9,7	23,8	29,4	53,2
1850—51	15,4	11,2	26,6	28,1	54,7
1860—61*	31,4	15,2	46,6	26,2	72,8
1870—71	23,1	15,9	39,0	28,8	67,8

* Год китайской войны.

В области гос. доходов косвенные налоги попрежнему доминировали, но наряду с ними значительное развитие получило и прямое обложение; в этом отношении В. шла впереди всех остальных капиталистических стран. Коренная реорганизация податной системы была произведена в течение 1842—70. Были уничтожены целые сотни мелких акцизов и таможенных пошлин, и почти все косвенное обложение было сведено к налогам на алкогольные напитки, табак, чай и кофе. В качестве дополнения к косвенному обложению были введены подоходный налог и несколько реорганизованные наследственные пошлины. Ежегодно вотируемый парламентом подоходный налог неизменно удерживался на сравнительно низком уровне и использовался лишь в качестве резерва к системе косвенного обложения (до самого конца этого периода подоходный и др. прямые налоги составляли лишь 20—25 % всех налоговых поступлений). Причины этого изменения в финансовой политике лежали в экономическом перевороте, подготовленном в предшествующий период. К 30 г. 19 в. заработная плата пролетариата была снижена до такого минимума, что широкие слои рабочего класса перешли на положение призываемых за счет местных налогов. Голодный уровень зарплат и чрезмерная эксплуатация рабочих привели к прямому вырождению английск. пролетариата. Одновременно сократился приток дешевой рабочей силы из англ. деревни. Между тем, быстрый прогресс производственной техники требовал повышения квалификации пролетариата, что было связано с необходимостью повышения его жизненного уровня. Английск. капитализм должен был позаботиться о правильном воспроизводстве рабочей силы путем повышения реальной заработной платы. К этому принуждал его и рост сопротивления пролетариата, организовавшегося с развитием крупнокапиталистического производства и пере-

шедшего к революционным методам действия (чартизм). Поставленная перед дилеммой — итти ли исключительно по пути повышения заработной платы или же частично заменить это повышение снижением косвенных налогов, промышленная буржуазия выбрала второй путь. К этому ее толкало также то, что универсальное косвенное обложение, охватывавшее почти все виды промышленной продукции, чрезвычайно тормазило весь производственный процесс, опутывая его целой сетью обязательных предписаний и нормировок. Этот последний момент, однако, вопреки господствующим взглядам, играл лишь второстепенную роль. Снижение косвенных налогов и замена их подоходным и наследственным позволяли привлечь к несению налогового бремени и земельные магнатов, так что промышленная буржуазия, наиболее заинтересованная в финансовой реформе, получала ее, как и отмену хлебных пошлин, отчасти за счет земельной аристократии. Отмена многочисленных косвенных налогов и пошлин и повышение заработной платы подняли покупательную силу трудящихся масс и привели к быстрому росту поступлений от оставшихся косвенных налогов, что дало возможность буржуазии уже в 1860-х гг. снизить ставки подоходного налога с 3 до 2%, а затем еще ниже. Буржуазия предполагала даже совершенно отменить подоходный налог. Еще во время выборов 1874 Гладстон обещал своим избирателям отмену подоходного налога. Лишь с 1874 промышленная буржуазия перестает рассматривать подоходное обложение как временное; в последующем периоде на место «теории резервного фонда» постепенно выступает «теория равновесия» между прямыми и косвенными налогами. Новая система косвенных налогов в максимальной степени соответствовала периоду высокого индустриального развития с преобладанием наемного труда. Падая на предметы не первой необходимости, как то — алкоголя, табака и т. п., обложение распределялось среди рабочих крайне неравномерно и потому с большим трудом могло быть учтено при установлении уровня заработной платы; ни табак ни, тем более, алкоголь не входили обычно в тот «бюджетный набор», стоимость которого клалась в основание при установлении или пересмотре тарифов заработной платы.

Реорганизация налоговой системы повела к значительным изменениям в политике гос. кредита, к-рый в предыдущем периоде давал возможность перелгать военные расходы на плательщиков косвенных налогов. В новых условиях косвенное обложение, не доведенное по социально-политическим условиям до предельных границ в мирное время, допускало возможность повышения его во время войны, дававшей необходимую для этого политическую мотивировку. Повышая б. или м. одинаково обе части системы — и прямое и косвенное обложение — государство до известных границ могло покрывать военные издержки, ни в чем не изменяя обычной системы распределения госуд. расходов. Госуд. займы применялись

теперь лишь постольку, поскольку издержки войны выходили за пределы возможного повышения налогов. Главным «резервным фондом» для покрытия значительных военных расходов попрежнему оставался государственный кредит, а не подоходный налог. Первым серьезным опытом новой политики госуд. кредита было покрытие расходов Крымской войны: ее издержки в 69 млн. фунтов ст. были покрыты, с одной стороны, повышением налогов (подоходного, на сахар, чай, кофе и солод), а с другой—гос. займами. Расходы по другим, более мелким, войнам, вплоть до Англо-бурской, покрывались исключительно за счет повышения налогов. С другой стороны, излишки доходов использовывались для погашения гос. долга. В результате сумма последнего постепенно снижалась: в 1816—840 млн. ф. ст., в 1841—791 млн., в 1856 (Крымская война)—808 млн., в 1870—792 млн. ф. ст. Это уменьшение гос. долга В. представляло резкий контраст с непрерывным ростом гос. долгов на континенте, где в это время безраздельно господствовала система косвенных налогов и где, в связи с этим, считали, что «народ тем богаче, чем больше у него гос. долг» (Дитцель): во Франции, напр., займами покрывали не только военные издержки, но и дефициты мирного времени.

Третий период в развитии гос. хозяйства В. охватывает около 40 лет от завершения реорганизации налоговой системы В. до империалистской войны 1914. В течение первых 30 лет этого периода в мировом положении и во внешней политике В. не произошло сколько-нибудь серьезных изменений. Английский капитализм продолжал сохранять подавляющее превосходство на всех морских путях без сколько-нибудь значительного напряжения госуд. бюджета. Количество материальных средств, которое могло выделить для морских вооружений любое из континентальных государств Европы, поглощенных в этот период соревнованием сухопутных сил, было значительно меньше того, что могла выделить для своего флота В., имевшая незначительную сухопутную армию. В связи с этим, расходы В. по внешней политике стояли в первые 20 лет рассматриваемого периода почти на одном уровне (см. табл. на ст. 392), обеспечивая неизменное благополучие гос. бюджета, наиболее ярко проявлявшееся в систематическом снижении ставок подоходного налога; в то же время рост поступлений от косвенных налогов позволял снизить также ставки косвенного обложения.

Положение стало серьезно меняться к концу 19 в. Издержки внешней политики, особенно связанные с вооружением на море, снова начинают расти как абсолютно, так и относительно, частью — в связи с наступательной политикой англ. империализма (Англо-бурская война), частью — под влиянием превращения в морскую державу Германии. Вторым моментом, оказавшим большое влияние на эволюцию гос. расходов В. в этот период, был огромный рост новых, факультативных, функций государства, в виде расходов на народное образование, здравоохранение и поддержание городского благо-

устройства, к которым в конце периода (1911) присоединились задачи социального

Государственные расходы В. кроме почты (средние по трехлетиям, в млн. ф. ст.).

Периоды	Армия	Флот	Издержки управления	Платения по госуд. долгу	Пособия местному самоуправлению	Итого
1863—65	14,6	10,7	14,1	26,3	—	65,7
1873—75	14,9	10,4	16,3	27,1	—	68,7
1883—85	17,9	11,6	23,2	27,6	—	80,3
1893—95	18,1	17,6	23,3	25,1	7,2	91,3
1905—07	27,9	31,9	34,4	28,7	11,1	134,0
1911—13	28,0	45,3	55,9	24,5	9,6	163,3

страхования, проведенного Ллойд Джорджем. Вынужденное взять на себя эти функции, частью под давлением пролетариата, частью под влиянием прямой заинтересованности самих капиталистических классов, государство передало почти все эти функции местному управлению, в связи с чем данный период был периодом огромного роста местного хозяйства (см. Местное самоуправление и хозяйство). К концу периода хозяйство местного управления по своим размерам уже примерно сравнялось с общегосударственным хозяйством.

Если в деле расширения местного хозяйства В. стояла на первом месте среди капиталистических стран, сделавшись родиной «муниципального социализма», то в области «гос. капитализма» В. осталась позади всех крупных государств Европы, быстро обзаводившихся в этот период сетью казенных ж. д. (Германия, Россия). За исключением почты и телеграфа, гос. хозяйство В. продолжало до конца сохранять в своей доходной части чисто налоговый характер.

Эволюция гос. доходов в рассматриваемом периоде протекала под влиянием тех же факторов, которые вызвали реорганизацию налоговой системы в предшествующем периоде. В 70-е и 80-е годы, под влиянием роста населения и повышения его материального уровня, продуктивность косвенных налогов значительно возросла. При сравнительно умеренном росте гос. расходов, это создавало для капиталистических классов возможность отмены подоходного налога и покрытия всех расходов за счет косвенного обложения. Однако, по соображениям классовой стратегии, диктовавшей в этот период политику подачек и сохранения низких цен, английский капитализм продолжал развивать систему прямого обложения, постепенно снижая удельный вес косвенных налогов. «Теория равновесия» между прямыми и косвенными налогами к концу периода оказалась реализованной—по крайней мере, по отношению к системе общегосударственных налогов.

Хищническая, как и раньше, англ. буржуазия считала теперь целесообразным согласиться на рост подоходного и наследственного налога, наживая на этих уступках огромный социально-политический капитал. «Каждая уступка сопровождается горячими излияниями в прессе, парламентских прениях и на публичных митингах, при чем на все лады восхваляется мудрость данных реформаторов и важность проведенной реформы. Небольшая уступка имущих классов

прославлялась как неслыханное благодеяние, и широкой публике внедрялась мысль, что на богатых людей возложено совершенно исключительное и буквально разорительное податное бремя» (П. Гензель).

Область прямого обложения в этот период испытала изменение в двух направлениях. Наряду с подоходным налогом, начинает играть крупную роль наследственный налог, значительно реформированный в 1894. Реформа вызвала сильнейшее сопротивление земельной аристократии и была победой промышленной буржуазии и денежного капитала, получивших возможность замедлить таким путем рост подоходного налога. Ставка наследственного налога, в 1894 поднятая до 8%, в 1910 снова была повышена до 15% (для крупных наследств). Значительно реформирован был и подоходный налог. Строгая пропорциональность налога, сохранявшаяся со времени его введения, заменяется (в 1910) прогрессией в форме введения дополнительной ставки (Super-tax) для крупных доходов свыше 5.000 ф. ст.; «незаработанные» доходы облагаются несколько выше, чем «заработанные» (1907).

Поступления налогов в В. (в млн. ф. ст.).

Бюджетные годы	Акцизы и тамож. пошлины	Подоходный налог	Наследственный налог	Гербовые пошлины	Земельн. и подоход. налог	Итого
1870—71 . . .	42,9	6,4	8,4		2,7	60,4
1880—81 . . .	44,5	10,6	11,1		2,7	68,9
1890—91 . . .	44,3	13,2	13,5		2,6	73,6
1895—96 . . .	52,5	16,1	14,1	7,4	2,5	92,6
1900—01 . . .	64,0	26,9	17,2	7,8	2,5	118,4
1905—06 . . .	70,0	31,4	17,3	8,2	2,7	129,6
1913—14 . . .	75,0	47,0	27,4	10,0	2,7	162,1

Четвертый период начинается империалистской войной 1914—18, открывшей эпоху напряженной борьбы В. за удержание своего экономического и военно-морского преобладания. Война обошлась В. в 8.740 млн. ф. ст.; если же присоединить к собственно военным издержкам также расходы, непосредственно связанные с войной до 31 марта 1920, то цифра расходов поднимется до 11.267 млн. ф. ст. Расходы за шесть лет войны превысили сумму всех гос. расходов В. в мирное и военное время за 225 лет, начиная с 1688, т. е. почти за весь капиталистический период (10.940 млн. фун. ст.). Методы покрытия военных расходов В., сильно отличающиеся от методов континентальных государств, по существу вполне соответствовали принципам ее финансовой политики, установившимся начиная с Крымской войны. Значительная часть расходов (3.600 млн. ф. ст. из 11.267, или около 36%) была покрыта б. или м. равномерным повышением обложения отдельных классов.

Общая сумма налоговых поступлений, в 1913 составлявшая 162 млн. ф. ст., превысила в 1920 1 млрд. ф. ст., возросли в 6 с лишним раз. Прямые налоги, составлявшие накануне войны около половины всех налоговых поступлений, к концу войны давали почти $\frac{2}{3}$; однако, вследствие понижения необлагаемого минимума в подоходном налоге со 160 до 130 ф. ст. и общего повышения уровня цен, под действие прямых налогов подпали широкие слои мелких служащих и рабочих, обложенных раньше только косвенными налогами. Число плательщиков подоходного налога возросло с 1,3 млн. ч. в 1915 до 3,9 млн. в 1919 и в 1925 еще оставалось на уровне 2,3 млн. Кроме того, на трудящиеся классы (как и на имущие классы) легло сильное повыше-

ние местных налогов, построенных преимущественно на обложении квартирной платы. Поскольку повышения косвенных налогов было недостаточно для покрытия военных расходов, а одностороннее увеличение прямого обложения должно было повести к серьезному нарушению установившейся налоговой системы, на сцену вновь выступил гос. кредит, при помощи которого было покрыто ок. 7,2 млрд. ф. ст., или ок. $\frac{2}{3}$ всех военных расходов. Наряду с налоговыми и кредитным покрытием расходов, была в незначительных размерах использована также бумажно-денежная эмиссия.

О строении гос. бюджета В. после войны см. в ст. *Бюджет государственной*. Из общей суммы гос. расходов в 821 млн. ф. ст. в 1927—552 млн. ф. ст., или 67%, приходится на расходы британского империализма, в т. ч. 117 млн. ф. ст.—на армию, военный и воздушный флот, 63 млн. ф. ст.—на военные пенсии и 364 млн. ф. ст.—на платежи по гос. долгу, которые поглощают теперь ок. $\frac{1}{3}$ всех налоговых поступлений, так что современный бюджет В., как и 100 лет назад, представляет собой наполовину орудие перераспределения национального дохода в пользу гос. кредиторов. Соответственно с этим, проблема гос. долга представляет сейчас едва ли не важнейшую проблему гос. хозяйства Великобритании.

Весьма существенным моментом этой проблемы является то, что подавляющая часть гос. займов В. заключена в период значительного снижения покупательной силы фунта; сумма гос. долга (на 31 марта каждого года) и уровень цен, характеризующий бюджетным индексом (на июль каждого года), изменялись следующим образом:

Годы	Госуд. долг (в млн. ф. ст.)	Бюджетный индекс
1914	706	100
1915	1.166	125
1916	2.140	148
1917	3.854	180
1918	5.951	203
1919 *	7.439	208
1926	7.616	166

* Резкий скачок в 1919 объясняется грандиозными операциями по консолидации и конверсии долга, снизившими размеры ежегодных платежей за счет увеличения суммы капитального долга.

С повышением покупательной силы фунта после войны, реальная величина гос. долга значительно возросла и продолжает расти в связи с определившейся тенденцией снижения мирового уровня цен. Результатом этого автоматического роста гос. долга является обогащение класса капиталистов за счет трудящихся классов, несущих косвенные—а частью и подоходный—налоги. Если считать, что при современной налоговой системе В. на трудовые классы населения падает около половины всех налоговых платежей и, соответственно, половина всех платежей по долгу, то получается, что система гос. кредита обеспечивает капиталистическим классам на неопределенно долгое время ежегодную контрибуцию более, чем в 150 млн. ф. ст., реальная величина которой автоматически возрастает.—Общая сумма гос. долга на 31 марта 1927 официально определена в 7.616 млн. ф. ст., из которых на внешний

долг падало 1.101 млн. ф. ст. Долг Соедин. Штатам, по которому уже начаты платежи, составляет 958 млн. ф. ст., при ежегодных взносах в 40 млн. ф. ст.; остальное составляют, гл. обр., долги «союзникам». Долг «союзников» в пользу В. официально определен в 1.937 млн. ф. ст., из которых «обеспеченных» (по которым уплачиваются проценты) пока лишь 349 млн. ф. ст.; из числа «необеспеченных» за Россией числится 843 млн. ф. ст., за Францией — 676 млн. ф. ст. Наряду с колоссальными платежами по государственному долгу, одной из характерных особенностей расходной части современного бюджета Великобритании являются огромные расходы на военные пенсии.

Обложение в послевоенные годы продолжает быть чрезвычайно высоким. Довоенный лозунг либеральной программы о свободном от налогов «первом завтраке», т. е. об отмене налогов на чай, кофе и какао, является теперь лишь воспоминанием о безвозвратно минувшем периоде гос. хозяйства капиталистической В. В дополнение к прежним, сильно возросшим, налогам, «первый завтрак» рабочих в наст. время несет налог на сахар, превысивший все остальные виды его обложения. Обложение пива с 1880 возросло в 15 раз; высокое и прежде обложение спирта — с 1890 — в 7 раз, обложение табака за время войны — в 2½ раза и т. д. Измерителем напряжения прямых налогов в течение последних десятилетий является рост ставок подоходного обложения, составивших:

Годы	Число пенсов с 1 ф. ст. дохода	В % к доходу
1843—54 . . .	7	2,9
1856—57 . . .	16	6,7
1864—70 . . .	5—7	2—3
1875—76 . . .	2	0,8
1879—85 . . .	5—6	2,0—2,5
1888—94 . . .	6—7	2,5—2,9
1895—1900 . .	8	3,3
1900—1909 . .	12—14	5—6
1910—1913 . .	12—14 (18—20)*	5—6 (7,3—8,3)*
1927	48 (120)*	20 (50)*

* В скобках — максимальный % обложения доходов свыше 30 тыс. ф. ст.

В области налоговой политики заслуживает быть отмеченной также ликвидация в 1920 (введенного в 1910 министерством Ллойд Джорджа) особого обложения земельной ренты (см. Местное управление и хозяйство).

Пребывание у власти рабочего правительства (1924) не внесло никаких существенных изменений в финансовую политику В. Одним из пунктов программы Английской рабочей партии после войны было введение налога на капитал с целью погашения госуд. долга. Став у власти, Рабочая партия ничего не сделала для уменьшения госуд. долга. Пролетариат В., как и сто лет назад при диктатуре земельной аристократии, продолжает расплачиваться за внешнюю политику английского капитализма.

Общее предствление об эволюции основных гос. расходов Великобритании за последние 100 лет дает следующую таблицу:

Годы	Национал. доход	Государственные расходы				
		на внешнюю политику	на грандиозные управленческие**	итого	по гос. долгу	всего
В млн. ф. ст.						
1818—19 . . .	400	15,5	10,0	25,5	32,0	57,5
1840—41 . . .	504	14,1	9,7	23,8	29,4	53,2
1883—84 . . .	1.270	27,9	21,5	49,4	29,7	79,1
1895—96 . . .	1.423	38,2	31,5	69,7	25,0	94,7
1903—04* . .	1.750	59,2	45,4	104,6	28,5	133,1
1913—14 . . .	2.250	77,2	69,8	147,0	24,5	171,5
1927—28 . . .	4.000	187,8	214,3	402,1	364,0	766,1
В % к национальному доходу						
1818—19 . . .	100,0	3,9	2,5	6,0	8,0	14,4
1840—41 . . .	100,0	2,8	1,9	4,4	5,8	10,5
1883—84 . . .	100,0	2,2	1,7	3,7	2,3	6,2
1895—96 . . .	100,0	2,7	2,2	4,9	1,8	6,7
1903—04 . . .	100,0	3,4	2,6	6,9	1,6	7,6
1913—14 . . .	100,0	3,5	3,1	6,6	1,1	7,7
1927—28 . . .	100,0	4,7	5,4	10,1	9,1	19,2

* Расходы даны для 1906—07, т. к. 1903—04, находившийся под влиянием Англо-бурской войны, не типичен.

** В т. ч. издержки взимания налогов, резко снизившиеся с переходом к прямому обложению.

Как видно из таблицы, до 80-х гг. расходы по внешней политике (армия, флот, военные пенсии) относительно снижались, к началу же 20 в. снижение сменяется неуклонным ростом, что объясняется потерей В. ее прежнего монопольного положения на морских путях. Как в начале, так и в конце столетнего периода, гос. хозяйство В. испытало величайшее напряжение в связи с тяжелыми войнами. Однако, глубоким отличием является то, что в начале 19 в. война с Францией завершила длительную борьбу за преобладание, обеспечившую В. почти на 100 лет неоспоримое превосходство на море, экономический расцвет и низкие издержки внешней политики; к концу же периода грандиозная война начинается новую эпоху напряженной борьбы, связанной со стремлением удержать уже поколебленное могущество, при чем темп роста народного дохода оказывается замедленным. Британская империя становится предприятием с непрерывно растущими издержками, уже сейчас далеко превышающими издержки ее конкурентов. Так, реальные издержки внешней политики Соединенных Штатов Северной Америки составляли в 1927 лишь 1,1% национального дохода, т. е. в четыре раза меньше, чем у Великобритании.

Лит.: Янгул, И., Анкия. Опыт исследования англ. косвенных налогов, М., 1874; Озеров, И., Подоходный налог в Англии, М., 1898; Гензель, П., Налог с наследства в Англии, М., 1907; W. Voske, Geschichte der Steuern des Britischen Reichs, Lpz., 1866; St. D o w e l l, A History of taxation and taxes in England, I—IV, L., 1888; B. Mallet, British Budgets, L., 1913; A. d. W a g n e r—H. D e i t e, Finanzwissenschaft, B. I, T. 3 (Steuergeschichte vom Altertum bis zur Gegenwart) u. B. II [Die Britische Besteuerung im 19 Jahrhundert und bis zur Gegenwart (1815—1910)], Lpz., 1910—12; F. r. Z a h n, Die Finanzen der Grossmächte, Berlin, 1908; O. S c h w a r z, Die Finanzsysteme der Grossmächte, Lpz., 1909; «Die Staatsausgaben von Grossbritannien, Frankreich, Belgien und Italien in der Vor- und Nachkriegszeit», Berlin, 1927; ежегодные «Finance Accounts of the United Kingdom», Annual Reports of the Inland Revenue Department», «Reports of the Commissioners Customs and Excise».

Д. Кузовков.

III. Исторический очерк.

Ранняя история и средневековье.

Ранняя история.—Смена ранних культур и рас на территории Британии не вполне установлена наукой. Она рисуется в главных чертах приблизительно в следующем виде. В речных наносах и пещерах оставил немногочисленные следы палеолитический человек, охотник и рыболов, к-рого относят к *кроманьонской расе* (см.). В эту эпоху В. не отделялась морем от континента Европы и соединялась с Францией, Германией и скандинавскими странами; Темза была притоком Рейна, к-рый впадал в Ледовитый океан. В В. можно предполагать ту же смену палеолитических культур и рас, к-рая наблюдается в остальной северо-западной Европе (см. *Каменный век*). За эпохой палеолита следует длительный переходный период, за время к-рого обнаруживаются лишь незначительные следы человека. Повидимому, именно в это время В. стала отделяться от континента и превращаться в остров; от нее отделяется Ирландия; климат, флора и фауна делаются похожими на те, которые мы видим в В. в более позднюю эпоху; большая часть страны была покрыта густыми лесами. Затем мы застаем в В. низкорослого и длинноголового неолитического человека (средиземноморская раса), жившего не только охотой и рыболовством, но и скотоводством и мотыжным земледелием, знавшего лук и стрелы, глиняную посуду и ткань льна и насылавшего над мертвыми характерные продолговатые курганы. К этой расе начинает примешиваться другая, круглоголовая, явившаяся из-за моря и оставившая круглые курганы. Каменные орудия начинают вытесняться бронзовыми; расчищаются леса; повидимому, сильно возрастает население. Охота оттесняется на задний план земледелием и скотоводством; рядом с льняными тканями появляются шерстяные. Развивается добыча металлов и торговля ими (олово и медь в юго-западной Англии, золото в Ирландии). Олово и золото идут и на континент. Около 1000 до хр. э. финикийские купцы начинают вывозить из В. олово и ввозить туда восточные товары. Британская бронза и ирландское золото вывозятся в скандинавские страны в обмен на янтарь. Появляются крупные поселения, многочисленные укрепленные пункты на холмах. Погребения указывают на развитие рабства. Места культа отмечаются огромными камнями, расставленными стоймя в виде круга (эти сооружения появляются уже в неолитическую эпоху). В эпоху позднего бронзового века, примерно за 800—700 лет до хр. э., на территории В. начинают появляться кельты, в переселениях к-рых видны три главных племенных волны. Сначала переселяются гелы, или гойдели (их язык сохранился и до настоящего времени в Ирландии, сев. Шотландии и на о-ве Мене). Повидимому, они мирно внедряются среди туземного населения и смешиваются с ним. Позднее (около 400 до хр. э.) появляются кимры, или бритты, родственные тем галлам, которые населяли большую часть теперешней

Франции; кимрский язык и поныне сохранился в Уэльсе. Кимрским племенам пришлось завоевывать остров. В эпоху расселения кимров бронзовые орудия вытесняются железными. 3-я кельтская волна (около 200 до хр. э.) была представлена племенем белгов, живших в сев. Галлии; они заняли край о-ва к Ю. от Темзы. Повидимому, все кельтские переселения в В. шли с побережья между Сенной и Рейном и направлялись на юго-восток о-ва. Каждая новая волна переселенцев не только оттесняла прежнее население, но и смешивалась с ним. Кельты явились в В. уже с значительной примесью чужих рас (особенно иберийской); у белгов была, повидимому, значительная германская примесь; так. обр., население В. отличалось крайней сложностью и пестротой и по расе и по культуре.

Нам очень мало известно об общественном строе кельтов в В. Повидимому, строй этот был очень похож на строй племен, живших в средней и сев. Галлии. Британцы распались на ряд племен, иногда соединявшихся в непрочные федерации. В юж. и вост. частях страны, на равнинах, развивалось земледелие. Скотоводство господствовало в холмистых и гористых местностях С. и З. Повидимому, в строе британцев очень важную роль играли родовые отношения. Можно думать, что крупное землевладение уже оказывало воздействие на общественные порядки Британии и перестраивало их на аристократических началах, подчиняя широкие массы населения влиянию небольших групп магнатов. У кельтов были укрепленные поселения городского типа, большие дороги, которыми впоследствии воспользовались римляне. Британские кельты разрабатывали рудники; сохранились бронзовые, железные и золотые изделия, сработанные очень искусно, с своеобразным орнаментом. Британия вела торговлю с континентом; уже и тогда центром этой торговли был Лондон. Наибольшим спросом пользовались британское олово и свинец. Уже за 200 лет до хр. э. у британцев была своя монета, походившая на греческие монеты Филиппа Македонского.

Тесная географическая и культурная связь Британии с Галлией привела к первому столкновению британцев с римлянами. Цезарь во время покорения Галлии сделал две экспедиции в Британию и добился номинальной покорности от юго-вост. племен (55—54 до хр. э.). Но никаких мер к удержанию этого завоевания принято не было, и Британия еще 100 лет оставалась независимой. За это время шло мирное завоевание острова римскими купцами, римской монетой и римской культурой. Но следом за купцом явился и солдат. Новое, планомерное завоевание Британии начато было в 43 хр. э. Предлогом для завоевания была поддержка, оказывавшаяся независимыми кельтскими племенами Британии национальному и религиозному брожению среди кельтов Галлии; но, повидимому, главной причиной были интересы римских купцов, уже акклиматизировавшихся на британской почве, а также вождения римских банкиров и спекулянтов. По крайней мере, с самых первых шагов завоевания,

римские ростовщики и особенно знаменитый стоический философ Сенека так успешно повели дело кредитования британских князьков и взыскания по долговым обязательствам, что уже в 60-м г. на этой почве происходит кровавое восстание всего востока Британии. Манили римлян и минеральные богатства острова. Немедленно после его захвата они стали разрабатывать олово, свинец, железо. Завоевание восточн. и средней Британии не встретило значительного сопротивления. Труднее было покорение севера. Горной Шотландии так и не удалось покорить. Свои завоевания римляне закрепили системой фортов и военных дорог. Центром, к которому сходились эти дороги, был Лондон. К концу 1 в. хр. э. можно уже говорить о прочных успехах римской культуры в Британии. Романизации подверглись, гл. обр., южная и восточная, отчасти средняя Британия. Археология показывает, что эпохой наивысшего расцвета римской культуры в Британии был 3 в. и начало 4-го. Возник ряд римских колоний и романизованных городов, построенных по римскому образцу. Сохранилось очень много остатков деревенских домов, вилл и хуторов, тоже римской архитектуры. Повидимому, в южной и вост. Британии были широко распространены «виллы» того типа, к-рый лучше известен нам в римской Галлии,—большие поместья, с сидящими на наделах рабами, крепостными и арендаторами, с господской землей, обрабатываемой частью руками дворовых рабов, частью барщинной работой держателей наделов. Но романизация Британии далеко не была полной. Рядом с поместьями римского типа мы можем предполагать и другие формы организации сельского хозяйства, вплоть до самых первобытных. Во всяком случае, земледелние сделало в Британии известные успехи. Британия порой вывозит хлеб в Галлию, продовольствуется гарнизоны, расположенные по Рейну. Между островом и континентом поддерживаются оживленные торговые сношения, охраняемые специальным «британским флотом». С конца 3 века напор герман. племен на империю дает себя знать и в Британии. Северо-германские пираты делают регулярные набеги на вост. и юж. берега острова. Римлянам приходится организовать специальную защиту этого «Саксонского берега», как его стали называть. С конца 4 в. римлянам приходится напрягать все силы для защиты самого сердца империи от германск. банд. В связи с этим они начинают стягивать в наиболее опасные места оккупационные войска с окраин. В начале 5 в. Британия была совсем очищена от римских войск; туда перестали посылать из Рима чиновников; Британия перестала быть римской провинцией.

Англо-саксонский период до норманского завоевания. — С начала 5 в. и до конца 6-го Британия окутана для нас густым мраком. За это время набеги германск. пиратов на остров превращаются в широкие колонизационные предприятия. Большие массы северо-германских племен—англов, саксов, ютов и фризов—переселяются в Британию, ведут борьбу с местным

кельто-римским населением и покоряют его; независимые кельтские племена остались только на С. и на З. На территории Британии образуется ряд германских королевств, и утверждается германский язык. Открывается новый период, получивший название англо-саксонского. Страна получает название Англии. Едва ли может быть сомнение в том, что римские порядки оказали сильное воздействие на послеримское развитие, по крайней мере, в наиболее подвергшихся романизации вост. и юж. областях, которые в течение многих столетий оставались самыми населенными, богатыми и культурными частями страны. Колонизовавшие Британию племена жили раньше по побережью Немецкого моря и подвергались воздействию римской культуры еще на своей германской родине. Покорению ими Британии предшествовал, повидимому, длительный процесс частичных переселений и постепенного внедрения в кельто-римское общество. Германцы не явились на остров в качестве носителей совершенно новых, непохожих на римские, общественных начал. Их общественный строй так же, как и строй римской империи, был проникнут феодальными тенденциями развития. Еще до переселения новые господа Британии представляли аристократическое общество с развитой собственностью на землю, с крупным землевладением, опирающимся на труд несвободных держателей, с военной аристократией, окруженной вооруженными дружинами; эта аристократия представляла также главную политическую силу, влияние которой отгесняло на задний план старинные формы прямого народовластия. Переселение на остров и завоевание должны были еще усилить ее роль. Уже ранние англо-саксонские памятники (законы южно-английских королей 7 в.) рисуют нам общественный строй с определенно аристократическими чертами. Общество делится на богатых и знатных («эрлы»—eorls) и простых («керлы»—ceorls). Керлы—б. ч., мелкие землевладельцы; они часто впадают в задолженность у эрлов. Иногда керлы сидят не на собственной земле, а на господской, и платят с нее оброк; если они получают от владельца еще и обзаведение, то к оброку присоединяются и барщинные повинности. Такие отношения приобретают длительный характер; получивший обзаведение уже не может уйти от своего господина; если он уйдет, его возвращают. Отношения зависимости создавались не только путем поселения на чужой земле. Нередко свободные крестьяне сами вступали в зависимость от сильного соседа, чтобы найти покровителя. Слабая государственная организация плохо охраняла личность и имущество. Родовые союзы слабели и распадались; искусственные соединения для взаимной защиты («гильдии») также не проявили достаточной жизнеспособности. Единственной защитой для человека, к-рый не мог сам себя защищать, было покровительство сильного соседа; но обратной стороной покровительства была зависимость. Кроме свободных, мы встречаем в англо-саксонском обществе и полусвободных и рабов. В состав полусвободных вошло, повидимому

главн. обр., покоренное туземное население. Вокруг крупных землевладельцев группируется значительная масса свободного и полусвободного населения. Возникает новая группировка общества, перебивающая старинные родовые отношения. Господин («глафорд», «лорд») получает часть *вергельда* (см.) своих людей. Привилегированное положение в обществе занимают дружинники короля и знатных лиц («гезиты», «тены»); эти дружинники получают от своих патронов земли в обеспечение службы (аналогично континентальному «бенефицию»); эти земли порой значительны по размерам, представляя целые поместья с сидящим на них земледельческим населением. Короли и знатные раздают землю и монастырям; в их дарственных грамотах перечисляются десятки деревень с платящими оброк крестьянами.

Процесс феодализации развивается в англо-саксонском обществе по тем же основным линиям, что и в странах континентальной Европы. С течением времени все больше растет значение военно-землевладельческой аристократии и зависимость от нее населения. В законах 10 века предполагается, что все мелкие свободные люди, особенно же безземельные, состоят под патронатом сильных людей. Лорд помогает своим людям на суде; ему принадлежит полицейская власть над ними, надзор за их поведением; в случае требования властей, он представляет их в суд. Развивается и собственный суд лорда над его людьми. Зависимое население, в свою очередь, обязано лорду платежами и повинностями. Простые свободные постепенно отодвигаются от военных дела, переходящего в руки дружинников, из которых вырабатывается класс профессиональных воинов; к этому классу примыкают все землевладельцы, обладающие известной степенью зажиточности; название «тенов» распространяется на весь этот класс. Так совершается характерное для феодальной системы разделение общества на военно-землевладельческий класс и на зависимый от него и обязанный содержать его своим трудом класс крестьянский. Росту политической власти землевладельческого класса над крестьянским содействовало и государство; стараясь в своих целях использовать те отношения, к-рые сложились в обществе помимо него, оно закрепляло их своим авторитетом. Короли старались использовать власть лордов над населением в целях охраны внутреннего мира; они возлагали на лордов ответственность за их людей; поэтому государство следит, чтобы никто не оставался вне этих феодальных связей—у каждого должен быть свой лорд. Наряду с этим, англо-саксонские короли передавали в руки аристократии политические права и над свободным населением. Они жаловали тенам и монастырям свои судебные права и связанные с ними доходы, а также и чисто финансовые права над населением (натуральные подати, проездные, торговые и рыночные пошлины). Так. обр., население должно было уплачивать лорду все то, что оно раньше уплачивало королю. Совокупность таких прав лорда называлась «сокой», и свободные люди, стоявшие в такой зависимости от

лорда, назывались «сокменами». Под властью крупных владельцев—монастырей и тенов—собираются различные группы земледельческого населения. Здесь мы видим и посаженных на землю рабов, и полусвободных и свободных крестьян, осевших на чужой земле и связавшихся ссудой или добровольно ставших в зависимость от лорда, и, наконец, людей, находившихся лишь под его сокой. Постепенно эти разряды начинают нивелироваться; их объединяет общий признак—зависимость от лорда и несение в его пользу известных взносов или повинностей. Орудием нивелировки служит та социальная ячейка, вокруг которой все больше перестраивается англо-саксонское общество, по мере его феодализации,—поместье (потом оно получило название «манор», утвердившееся за ним в исторической литературе). Поместье было известно римской Британии; зачатки его были налицо и у древних германцев. Едва ли может быть сомнение в том, что оно существовало у англо-саксов с самого начала их поселения на острове. Оно растет, множится и крепнет за счет самостоятельного мелкого землевладения по мере аристократизации англо-саксонского общества. Оно становится тем аппаратом, при помощи которого военно-землевладельческий класс завладевал необходимыми для его существования и службы трудом земледельческого населения. Посаженный на землю раб или полусвободный арендатор, задолжавший крестьянин несли свою барщину или отработывали свои долги на барской земле поместья, уплачивали свои взносы в контору поместья. Но поместье возникает и там, где не было ни барской земли, ни барщинников. Для сбора доходов с населения соки, для хранения этих доходов, значительная часть к-рых поступала в натуральном виде, возникали по деревням господские конторы и амбары, к к-рым приписывались деревни и двory соки. Так проникает поместье в свободные деревни; и тут оно постепенно растет и засасывает свободное крестьянство, заводя барский двор и барскую землю, заменяя систему натуральных взносов системой отработок на барском поле.—Процесс феодализации делал крупные успехи в англо-саксонском обществе; но он был еще далеко не завершен. Поместье еще далеко не закончило своей нивелирующей работы, далеко еще не перемололо несвободных, полусвободных и свободных земледельцев в одну массу крепостных; свободное крестьянство, хотя бы и находящееся под частной властью, все еще составляет видную прослойку в англо-саксонском обществе, верхним краем своим близко соприкасающуюся с низами военно-землевладельческого класса—рыцарями. В англо-саксонском обществе еще сохраняют силу дофеодальные элементы. Нельзя упускать из виду и других нефеодальных элементов.

Торговля и промышленность играют заметную роль в самых ранних пор англо-саксонского периода. Географическое положение острова очень благоприятно для развития торговых сношений с континентом; если они ослабели во время герман. набегов и переселений, то скоро возникают вновь.

В 7 в. мы застаем оживленный обмен между Англией и материком, особенно через Бретань. С 10 в. очень важны торговые связи с Нормандией. Попржежнему Лондон является главным центром внешней торговли, но рядом с ним развиваются и другие портовые города. Уже закладывается основа будущего английск. торгового могущества: шерсть вывозится во Фландрию; в 7 веке из Англии вывозятся грубые сорта сукна, в 8 веке наблюдается большой экспорт этих сукон во Франкское королевство. Развиваются и крепнут и внутренние торговые связи. Географические условия страны давали для них благоприятную почву. Англия была страной небольшой (Шотландия, Ирландия и Уэльс не входили в ее состав); ее территория равнялась приблизительно трети Франции; в стране не было резких естественных границ; реки, море и, наконец, римские дороги связывали отдельные части страны в одно целое. Географическое распределение земледелия на Ю.-В. и скотоводства на С.-З. создавало почву для внутреннего обмена. Рано начинают выступать города. Много римских городов продолжают существовать и в англо-саксонский период. С 7 века возникает много новых городов. Некоторые из них выступают в качестве крепостей, главных укреплений, пунктов в областях. Особенно много таких «бургов» возникает с конца 8 в., когда Англию начинают тревожить постоянные набеги датчан и норвежцев. Порой города возникают вокруг монастырей. Каково бы ни было их происхождение, города делаются центрами местной торговли и промышленности. Некоторые города и прямо возникают в силу удобного торгового положения. К середине 11 в. в Англии было уже свыше 80 городов. Правда, многие из них только укреплением отличаются от больших торговых сел; они окружены полями и выгонами, и сел. хозяйство составляет главное занятие или подспорье для значительной части их населения.

Если мы теперь обратимся к политическому строю Англии, то и здесь увидим рядом с феодальными чертами и старые, дофеодальные связи и новые, возникающие на почве растущего экономического объединения страны. Этому экономическому объединению соответствует рост объединения политического. В Британии после завоевания англо-саксами образовалось несколько мелких королевств. Но вскоре мелкие королевства сливаются в крупные (Нортумбрия—на С., Мерсия—в центре, Уэссекс—на Ю.), из которых каждое по очереди стремится установить гегемонию над всей страной. В начале 9 в. уэссекские короли объединили под своей властью почти всю Англию. Между тем, начавшиеся в 8 в. датские набеги стали переходить в колонизацию. На вост. берегу о-ва образуются датские поселения; датчане составляют «войско», т. е. постоянные отряды для дальнейших набегов внутрь страны. В конце 9 века они захватили большую часть Англии; в руках уэссекских королей уцелел лишь Ю.-З. Датчане принесли с собой несколько иные порядки, чем те, которые господствовали у англо-саксов. У них общественную основу составляла масса свобод-

ных крестьян-воинов; феодализация в их среде не сделала таких успехов, как у англосаксов. Но, в общем, их учреждения, нравы, язык—тоже северо-германские—были близки к англо-саксонским, и оба народа легко ассимилировались. С середины 10 в. Англия снова объединяется—то под властью англо-саксонских, то датских королей.

И в отдельных англо-саксонских королевствах и в объединенной Англии власть короля не была неограниченной; король делил свою власть с так назыв. «советом мудрых» или «уитенагемотом», т. е. с собранием крупнейших духовных и военных землевладельцев: епископов, аббатов, крупнейших тенов. Такой политической строй соответствовал феодальным порядкам, переносившим на магнатов значительную долю государственной власти. Все важнейшие дела король решал со своими «мудрыми». Уитенагемот имел даже право выбирать и низлагать короля. Дофеодальные порядки лучше всего сохранились в местном самоуправлении, организованном по большим округам—«шайрам», или графствам, и по их подразделениям—«сотням». Дважды в год созывалось собрание графства. На него должны были являться все б. или м. крупные духовные и светские землевладельцы графства и от каждой деревни староста, священник и четыре крестьянина. Это были по преимуществу судебные собрания; здесь же совершались разные юридические акты; наконец, собрание графства разрешало вопросы о раскладке и сборе податей, об организации обороны. Собрания сотен были аналогичного состава и решали те же дела, только в более узких территориальных рамках. Самые крупные землевладельцы не посещали собраний графства и сотен лично, а возлагали эту обязанность на кого-нибудь из своих вассалов. Так. обр., эти собрания являлись по преимуществу собраниями рыцарей и зажиточного крестьянства, при чем рыцарям принадлежала главная роль. В собраниях сотен и графств видят остаток старинных народных собраний, существовавших когда-то у древних германцев. Местное самоуправление было непосредственно связано с королевской властью через королевских приказчиков, председателей собраний на собраниях и собиравших королевские доходы. В графствах эти приказчики назывались шерифами.

В положении королевской власти мы наблюдаем и успехи феодализации, и живучесть дофеодальных начал, и зародыши нового политического строя, базирующегося на нефеодальной хозяйственной основе. Король—глава феодальной аристократии, и притом глава, весьма стесненный привилегиями этой аристократии. Но он опирается и на более широкие массы населения, организованные на дофеодальной основе. В то же время он и король всей Англии, страны с растущей торговлей и денежным оборотом. Его ресурсы не исчерпываются земельными владениями, повинностями его крестьян и службой его тенов. Важную статью его доходов составляют торговые пошлины; начинает развиваться и прямое денеж. обложение в виде т. н. «датских денег», собиравшихся

сначала для того, чтобы откупаться от набегов датчан, а потом и на другие экстренные расходы государства. Т. о., у королевской власти была нефеодалная база для борьбы со стремившимся разложить эту власть феодализмом. Успеху этой борьбы содействовало то обстоятельство, что во второй половине 11 века на англ. престол сел завоеватель—герцог Нормандский (1066). Завоевание чрезвычайно усилило материальные ресурсы короны и позволило ей поставить феодализм в подчиненное положение.

Норманский период и позднее средневековье.—Короли Норманской и следовавшей за ней Анжуйской династий сохранили и усилили связь с рыцарством и верхними слоями крестьянства и опирались на них в борьбе с феодализмом. Но еще более широкую базу для укрепления королевской власти дало развитие торговли и промышленности, выдвинувшее новые общественные классы и новые материальные ресурсы. В этом отношении очень важна тесная связь, установившаяся у Англии с восточной завоевательницей—Нормандией. Нормандия была страной оживленной торговли. Уже в 10 в. у нее был деятельный обмен с Англией и Норвегией. В 11 веке она считалась богатейшей из областей Франции. Нормандцы, как и их скандинавские предки, были авантюристы, завоеватели и купцы. В Нормандии раньше, чем где бы то ни было, денежное хозяйство стало проникать вглубь поместной жизни и перестраивать ее на новый лад. За Нормандским герцогом явились в Англию не только сеньеры и рыцари, но и ремесленники и купцы. Во второй половине 12 века в руках Анжуйской династии сосредоточилось $\frac{2}{3}$ Франции. Но больше всего торговое развитие Англии было связано с ростом торговли и промышленности во Фландрии. Рост Брюгге вызывал ответный рост Лондона. Фландрская шерстяная промышленность не могла обходиться без англ. шерсти. Вывоз шерсти из Англии быстро растет. Вывозные пошлины на шерсть делаются одним из главных источников королевских доходов. Англ. шерсть идет не только во Фландрию. В 13 в. в Англию ездят за шерстью нем., франц., испан., северо-итальянские купцы. Торговавшие с Англией фландрские и франц. купцы образовали в 13 в. Лондонскую Ганзу,—объединение для вывоза шерсти. Англия торговала не только шерстью: кельнские купцы вывозили из Англии олово. Знаменитая Немецкая Ганза в 14 в. открыла ряд контор в портовых городах Англии. Она ввозила на остров из Вост. Европы сырье—хлеб, рыбу, лес, меха, медь, из зал. Германии—металлические изделия, полотна. Из Англии Ганза вывозила шерсть, сукно, соль, олово, свинец. Ганза проникала и во внутреннюю торговлю, принимая участие в ярмарках, занимаясь розничной продажей. С середины 14 века англичане делают попытку взять организацию экспорта шерсти в свои руки. Устраивается особая компания купцов «складочников». Вся торговля должна была идти через «склад», помещавшийся сначала в Брюгге, потом перенесенный в Англию и, наконец, утвердившийся в Кале. Эта

попытка взять вывоз шерсти в англ. руки исходила от правительства, желавшего централизовать торговлю шерстью, чтобы интенсивнее использовать ее в целях фискальной и иностранной политики: приостановка вывоза шерсти, от к-рого зависело снабжение шерстяной промышленностью Фландрии, а также и многих др. стран, была могучим орудием внешней политики в руках англ. королей. Но Англия стремится использовать свою шерсть не только для вывоза, но и для развития национальной промышленности. Шерстяная промышленность, рассчитанная на вывоз, берет свое начало еще от англо-саксонских времен. С норманским завоеванием в Англию явилось много фландрских текстильщиков. Эмиграция фландрцев в Англию повторяется несколько раз. Особенно значительных размеров достигла эмиграция в середине 14 века, в результате кризиса промышленности и социальной борьбы во Фландрии. В Англию явились крупные предприниматели, с большим числом обученных подмастерьев и рабочих.

Развитие собственной шерстяной индустрии вызывает в Англии борьбу с иностранным ввозом и стремление к завоеванию новых рынков. Англия нацупывает новые страны, еще не завоеванные фландрскими, итал., немец. и франц. сукнами. В 13 веке начинается экономический расцвет скандинавского севера, и продвигается нем. колонизация Заэльбья и балтийских берегов. Уже в 13 в. англичане завязывают там торговые связи. В 14 в. они завоевывают своими сукнами рынки Тевтонского ордена и успешно конкурируют с Ганзой. Во второй половине 14 в. Англия вывезла шерсти вдвое меньше, чем в первой, но зато значительно увеличила вывоз сукна. Одновременно с этим англичане стремятся развить собственный торговый и военный флот. В 1369 был издан первый навигационный акт, предписывавший англ. купцам возить товары на англ. же кораблях. В конце 14 в. создается компания «купцов-авантюристов», занятых преимущественно прокладыванием новых путей для англ. суконного экспорта. Англия проникает в Средиземное море, конкурирует с цветущей промышленностью итал. городов. Англ. сукно распространяется от берегов Балтийского моря до Италии.

Англ. торговля и промышленность, особенно торговля шерстью и сукном и суконная промышленность, идут в значительной мере мимо городов и организуются на более широкой, национальной основе. Во внутренней и внешней торговле важнейшая роль принадлежала ярмаркам. Из них трехнедельная ярмарка в Стурбридже близ Кембриджа имела европейское значение. Туда съезжались и ломбардские банкиры, и купцы из Венеции и Генуи, и ганзейцы, и испанцы, и французы со своими товарами. Сюда же стягивались со всей страны шерсть, железо, свинец, олово. Был ряд других ярмарок с местным значением. И промышленность в Англии не укладывалась в городские рамки. Прядение и тканье обычно производились кустарным путем в деревнях; в городах сукна лишь подвергались отделке. Даже когда суконная промышленность стала

перемещаться в города (с конца 13 в.), в деревне продолжали выделываться грубые сорта, находившие хороший сбыт и внутри страны и за границей, как полуфабрикат. Купец, связанный с обширными рынками, выступает в качестве организатора этой деревенской промышленности. Таким образом, английские города, кроме Лондона, который всегда имел не местное, а национальное значение, не играли в Англии той крупной роли в истории промышленности и торговли, как на континенте Европы. Им приходится развиваться в рамках национального хозяйства и при наличии сильного национального государства.

История англ. городов не знает той драматической борьбы с феодальными сеньерами, в которой завоевывали право на самостоятельность многие города континента. Большая часть англ. городов была расположена на королевских землях; да и сеньеры в Англии были гораздо менее самостоятельны, чем на континенте. Обычно англ. города покупали у короля и сеньеров право на самоуправление. Широта покупаемых прав зависела от размеров предлагаемой суммы и от степени нужды короля или сеньера в деньгах. Иногда права самоуправления покупались сразу, иногда — по частям. Городам приходилось нередко делать еще и дополнительные доплаты королям и сеньерам за подтверждение старых пожалований. Больше всего города добивались права взять на откуп все следующие королю или сеньеру взносы и повинности. Вместо них горожане уплачивали определенный ежегодный взнос («фирму») и сами определяли и раскладывали повинности и платежи, к-рые должны были идти в пользу города. Другой важной привилегией было освобождение городов от участия в судах сотен, а иногда и графств, и предоставление им самостоятельных судов. С финансовым и судебным самоуправлением тесно связывалось право выбирать своих должностных лиц. В нек-рых городах с приобретением права на откуп податей и повинностей было связано право на «купеческую гильдию»: только тем давалось право торговать или заниматься ремеслом в городе, кто принимал участие в уплате лежащей на городе «фирмы». С ростом промышленности, с дифференциацией различных промышленных и торговых профессий, купеческая гильдия распадается на ряд отдельных «ремесленных гильдий», число к-рых все растет. Эти ремесленные гильдии можно назвать принятым в науке немецк. именем «цехов». В некоторых городах, в том числе в Лондоне, совсем не было купеческой гильдии, и цехи возникали самостоятельно. В Англии цехи не достигли такой самостоятельности, как на континенте. Они в гораздо большей степени были подчинены городу и государству. Цехи служили для городов или для государства органами надзора над промышленностью. Наибольшей самостоятельности добивались цехи в больших городах В., особенно в Лондоне. Цехи стали возникать с 12 века, раньше всего в текстильной промышленности. Во второстепенных городах ремесленные цехи были

сначала организациями мелкого ремесла; но в больших городах, особенно в Лондоне, в ряде цехов с самого начала заправляют богатые мастера, мелкие капиталисты. С 14 в. во всех значительных англ. городах выделяются преуспевающие цехи, к-рые все больше начинают превращаться в объединение мелких капиталистов, стремящиеся исключительно к охране своих монополий. Доступ в число членов цеха, легкий в первое время, начинает теперь всячески затрудняться. В связи с этим начинает обостряться разделение на классы внутри цехов. В мелкоремесленном цехе подмастерье мог рассчитывать со временем сделаться мастером. В новом аристократическом цехе между мастерами и подмастерьями образовалась непроходимая грань. Мастера все больше отходят от ремесленной работы и берут на себя торговые и организационные функции. Поэтому с конца 14 века начинают возникать самостоятельные организации подмастерьев, особенно многочисленные в Лондоне. Мастера сначала пробуют бороться с этими рабочими организациями, но потом предпочитают поставить их под свой контроль, включив их в цеховую систему в качестве подчиненных организаций. Рядом с преуспевавшими цехами, или «компаниями», как их стали теперь называть, образуются и чисто торговые «компании» из состоятельных купцов; в больших городах и они распадаются по специальностям. Звание члена «компании» считалось почетным. Младшие сыновья родовитых фамилий охотно входят в число членов «компаний». Со своей стороны стараются покупать земли и входить в круг землевладельческой аристократии: Англия не знает резкой грани между «буржуазией» и «благородными», характерной для более феодализованных стран континента Европы. В руки промышленной и торговой аристократии 14 века переходит и главная роль в городском самоуправлении.

Развитие промышленности и торговли совершенно преобразует и весь уклад англ. деревни. В 11—12 вв. окончательно складывается в Англии крепостное поместье (манор). В маноре различаются две главных части: господская земля (домен) и земли держателей. Обычно леса и пастбища находятся в общем пользовании лорда и держателей. Пахотные же земли находятся в индивидуальном пользовании; часто они лежат чересполосно. Обычно господская пашня составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всей пахотной земли манора. Держательские земли распадаются на две главных группы: свободные и вилланские (крепостные) держания; главная их разница в том, что свободные держания платят лорду денежные (или натуральные) взносы, а вилланские несут рабочие повинности. Для распределения этих повинностей вилланские наделы разделены на несколько разрядов. Держатели полных наделов (виргат — в среднем около 30 акров, или 12 *ga*) несут рабочие повинности в полном размере и отдают лорду, в среднем, от 150 до 200 рабочих дней в году. Держатели половинных наделов несут приблизительно половину повинностей. Держатели

мелких наделов (коттеры) несут незначительные рабочие повинности. Повинности были, большей частью, фиксированы обычаями. Вилланы были лично несвободны и не имели права уходить из манора без разрешения лорда. Господская земля обрабатывалась отчасти при помощи рабочих повинностей держателей вилланских наделов, а отчасти руками живших на господском дворе дворовых рабочих; часть их была несвободна и происходила от прежних рабов или вербовалась из крепостных; но среди них был также известный процент наемных рабочих. Крепостные и свободные держатели манора периодически собирались на манориальное собрание под председательством господского приказчика (манориальная курия). Это была по преимуществу курия для крепостных. В ней разбирались земельные споры между крестьянами, совершались акты передачи крепостной земли; здесь же налагались взыскания на неисправных барщинников, на нарушителей порядка и т. д. С 13 века манориальные курии стали вести подробные протоколы. Жизнь вырабатывала в каждом поместьи особые нормы обычного права, т. н. манориальный обычай. Этим обычаем регулировались все отношения между лордом и крепостными. Для крепостных манориальная курия была единственной инстанцией, а манориальный обычай был единственной гарантией, охранявшей их земельные права от захватов лорда, а их фиксированные барщины и платежи от произвольных повышений: королевские суды не давали хода искам вилланов против их лордов. Но манориальный обычай не мог быть надежной охраной для вилланов: у них не было средств принудить лорда повиноваться решению манориальной курии. К тому же обычай оставлял довольно значительный простор произволу помещика. Численное соотношение между свободными и крепостными держаниями сильно варьировало по местностям. Крепостное барщинное держание сильнее всего развилось в земледельческих местностях средней и юж. Англии, слабее—на холмистом и скотоводческом С.-В. Северо-восточные графства, где сильны были датские элементы, отличаются значительной сохранностью свободного крестьянства. В целом для Англии характерно сильно развитое свободное держание (по-английски «фригольд»), в основе своей представляющее дофеодалный, лишь незначительно захваченный поместной организацией элемент. Элементы свободы сохраняются и в положении крепостных вилланов. Эта неполнота феодализации английской деревни объясняется в значительной мере тем, что хозяйство крупных владельцев не зависело всецело от подневольного труда. Как среди крепостных, так и среди свободных крестьян наблюдается значительная земельная теснота. Уже во время норманского завоевания малоземельные (коттеры) составляли ок. 45% всего сельского населения. Значительная часть крестьянства не могла прокормиться со своих наделов и принуждена была искать заработка на чужой земле—прежде всего на земле лорда. Даже наиболее крепостные и барщинные

поместья не могли обойтись без наемного труда. Наряду с покоящейся на «внеэкономическом» принуждении эксплуатацией крепостного, рано развивается и эксплуатация малоземельного крестьянина на экономическом основе—отделении, хотя бы и неполном, рабочего от средств производства. Другим моментом, не дававшим установиться чисто феодальным отношениям, было раннее проникновение в поместное хозяйство коммерческих мотивов. Правда, структура крепостного поместья была рассчитана прежде всего на удовлетворение надобностей большого потребительского хозяйства лорда. Но уже очень рано поместье начинает торговать—прежде всего хлебом и шерстью. С ростом городов и торгового оборота мы все чаще встречаемся с продажей лордами излишков своего хозяйства; в торговле с.-х. продуктами принимают участие и крестьяне. Возникают местные рынки, которые через скупщиков начинают связываться между собой и с заграницей. И доменальное и крестьянское хозяйства все больше тягиваются в торговлю; это влечет за собой ряд важных перемен в строе поместья. Теперь лорд не связан больше необходимостью вести доменальное хозяйство, т. к. все необходимые ему продукты он может купить на рынке; для него деньги представляют теперь больший интерес, чем продукты сел. хозяйства или труд крепостных. Крестьянин, и прежде всего зажиточный крестьянин, может заметить свои повинности денежными платежами и тем избавить свое хозяйство от назойливого манориального контроля. Значительная часть лордов отказывается от неуклюжей и неудобной, требующей большого надзора, системы барщинных работ и заменяет их фиксированными денежными платежами крепостных. Эта замена называется коммутацией. Некоторые из таких лордов продолжают вести свое хозяйство при помощи наемных рабочих. Но по большей части хозяйственно неповоротливые феодалы, особенно большие сеньеры, не умеют приспособиться к новым условиям и предпочитают отказаться от доменального хозяйства и сдать домен со всем инвентарем в аренду целиком или по частям. Наконец, некоторые лорды и, в первую очередь, лучшие хозяева того времени—монастыри—сумели использовать манориальную систему для извлечения возможно большей выгоды из развития рынка. Они не только не шли на коммутацию, а, наоборот, усиливали, насколько возможно, барщину в своих манорах. Вследствие всего этого структура барского хозяйства в 13—14 вв. отличается крайней пестротой. Коммутация шла крайне неравномерно и в территориальном отношении. Скорее всего она шла там, где крепостное право и барщина развились всего слабее—в сев. и зап. графствах, особенно благоприятных для скотоводства. Англия давно вывозила шерсть. С 12 века шерсть делается самым важным предметом англ. вывоза, особенно с ростом шерстяного производства во Фландрии. В сев. и зап. районах овцеводство начинает все больше вытеснять земледелие и с ним старинные барщинные порядки; упорнее они держались в среднем и южном районах

Англии, заинтересованных преимущественно в хлебной торговле. Быстрое развитие английской промышленности и торговли в 13—14 вв. вызывало значительн. отход населения от сел. х-ва. Заработная плата в городе была выше, чем в деревне. Малоземельное крестьянство отливает в города. Еще важнее было быстрое развитие деревенской шерстяной промышленности, дававшей заработок малоземельному населению деревни. В связи с этим начинает чувствоваться острый недостаток рабочих рук в сел. х-ве, и помещикам, к-рые в большинстве зависели в ведении доменального хозяйства от наемных рабочих, делается все труднее. Они пробуют законодательными путем воспрепятствовать уходу с.-х. рабочих, заставить их насильно работать на помещиков, понизить растущую заработную плату. Особенно обострилось положение после большой чумы 1349. Но законодательные меры были тщетны: оскудение рабочих рук в сельском х-ве и рост зароботн. платы продолжаются. И лордам приходится все чаще отказываться от своего хозяйства и сдавать домен в аренду. Больше всего выиграли от создавшегося положения зажиточные крестьяне, в меньшей степени, чем помещики, зависимые от наемного труда. Они стараются использовать затруднительное положение помещиков и на выгодных условиях снимают в аренду помещичьи домены; они скупают и земли мелких крестьян, уходящих в города; они все больше овладевают рынком. Из помещиков наибольшую живучесть и приспособляемость обнаружили мелкие и средние рыцари, к-рые не могли, подобно магнатам, жить на сеньериальные доходы. Они упорно ведут хозяйство, борются с повышением заработной платы, арендуют земли у больших землевладельцев, заводят овцеводство. 14—15 вв.—золотая пора для англ. зажиточного крестьянства. Ему мешают только те помещики, особенно духовные, к-рые не желают расстаться с барщиной, и те, к-рые путем повышения арендной платы хотят положить в свой карман возможно большую долю его дохода. Программа крепкого крестьянства—ликвидация крепостного права и барщин, фиксация арендной платы—была выставлена во время великого восстания 1381 (так называемого восстания Уота *Тайлера*, см.). Впрочем, это восстание имело и другие причины: одним из поводов к нему послужил рост налогового гнета в связи с бесконечной («Столетней») войной на континенте. Несмотря на неудачный конец восстания, сопротивление крестьянства, и особенно зажиточной его части, барщине и крепостничеству не могло не содействовать ликвидации старых феодальных отношений.

В связи с дороговизной рабочих рук и подвозом в Англию хлеба из прибалтийских стран, уменьшаются выгоды англ. земледелия; между тем, спрос на шерсть все растет. Овцеводство делается выгоднее земледелия даже в центральных и юж. графствах, несмотря на покровительственные законы, поощрявшие вывоз хлеба и ограничивавшие вывоз его. Все эти условия приводят к повсеместной ликвидации крепостничества и барщинной системы. Крестьяне выкупают свою

личную свободу и свои барщинные повинности; правда, некоторые пережитки и того и другого сохранялись еще долго. Выкуп повинностей не стирал окончательно черт крепостничества, лежавших на вилланском держании. Оно попрежнему является держанием лишь по манориальному обычаю и не пользуется защитой в судах. В 15 веке поместье, эта социальная опора феодализма, находится в состоянии полного разложения. Крепостные крестьяне в огромном большинстве эмансипировались от власти помещиков. Верхушка их вступила с ними в успешную конкуренцию в области хозяйства. Разлагается старая деревенская община с ее чересполосицей и принудительным севооборотом. В деревню все настойчивее стучится городской капитал, выросший в торговле и промышленности.

Политическая история Англии после завоевания представляет процесс постепенного вытеснения феодализма национальным государством, носителем которого являлся король, опиравшийся на рыцарство, верхние слои крестьянства и на растущую силу торговли и промышленности. В первое время государство организуется на полуфеодальных началах, но при этом стремится заставить феодализм служить своим интересам. Вильгельм Завоеватель получил в свои руки огромные земельные владения,—как прежние владения англо-саксонских королей, так и обширные конфискованные земли. Юридически вся Англия стала его вотчиной. Из этой вотчины он наделял своих норманских и французских сподвижников; все надения, все требования, все привилегии—все это исходило от короля. На Англию была накинута более симметрично, чем где бы то ни было, сложная паутина феодальных отношений, но со строгим подчинением всей системы центру. Политические права даже крупнейших сеньеров были отмерены скупю; военная служба, хотя бы и через посредство сеньеров, шла только в пользу короля; король внимательно следил за поступлением всех феодальных доходов, полагавшихся ему с его вассалов. Но он смог превратить феодальную систему в свою административную и финансовую машину лишь потому, что он опирался, подобно своим англо-саксонским предшественникам, на нефеодальную базу. Он требует присяги от всех свободных людей, чьими бы вассалами они ни были; он поддерживает нефеодальную систему собраний сотен и графств; в представленных там верхах крестьянства и в мелком рыцарстве он находит прочную опору для подчинения себе феодальной системы. Королевская власть опирается на крупные доходы нефеодального характера. Для учета и упорядочения унаследованного от англо-саксонских королей поземельного налога производится в 11 в. всеобщая поземельная перепись всей Англии, дошедшая до нас в виде знаменитой «Книги Страшного суда». С развитием обмена все больше растут доходы от торговых, особенно вывозных, пошлин. Шерифы собирают по графствам судебные доходы и доходы с королевских доменов. Рост городов увеличивает суммы собираемых с них «фирм» и

уплат за привилегии. Наконец, развивается кредит, которым короли очень охотно пользуются. С Вильгельмом Завоевателем из Нормандии явились евреи; они стали в непосредственную зависимость от короля, который оказывал им покровительство, но и облагал их тяжкими поборами.

Феодалные сеньеры не склонны уступать королевской власти; на этой почве возникает ряд анархических выступлений, достигших наивысшей точки в середине 12 века. Но королям, имеющим широкие материальные ресурсы и опирающимся на поддержку широких слоев населения, удается сломить эти выступления. Не встречая теперь никакой серьезной оппозиции, королевская власть начинает стремиться к абсолютизму. Король уже не считается со своей феодалной курией («Великим советом», преемником англо-саксонского уитенагемота). Развивается постоянное центральное управление бюрократического типа с отделениями судебным и контрольно-финансовым. Представители королевской власти на местах (шерифы) ставятся под строгий контроль, часто сменяются; их берут из людей незнатного происхождения. Центральные учреждения тесно связываются с местами, рассылая по графствам судебные и финансовые комиссии для розыска о различных правонарушениях, о злоупотреблениях чиновников, для раскладки податей. Королевские судьи применяют новые методы судопроизводства и постепенно оттесняли феодалные суды. Практика королевских судов вырабатывает новые основы англ. права, так наз. «общее право»; оно приводится в систему англ. юристами 12 и 13 вв. Усиливая таким образом свою власть и свое влияние, короли подкапываются под самые основы феодализма. Они отказываются от военной службы феодалов и вместо того взыскивают с них денежные взносы. Войны они предпочитают вести при помощи более послушных наемных войск. В то же время короли возрождают старинное народное ополчение и требуют вооружения всех зажиточных крестьян (с 13 в. даже и крепостных). Но развитие королевского абсолютизма, усиливающийся гнет налогов, безрассудная внешняя политика, приведшая к временной потере почти всех франц. владений англ. короны и к позорной капитуляции перед папским престолом, объединяют против короля все классы населения. Сеньеры (большие бароны, как их называли) воспользовались этим для организованного воздействия на короля. Одним из памятников этой борьбы является т. н. «Великая хартия вольностей» (см.) 1215, в к-рой король обещал не налагать новых податей без согласия Великого совета, т. е. сезда всех непосредственных вассалов короны, и сделал ряд других уступок феодалам. Борьба особенно обострилась в 50-х и 60-х гг. 13 в., и баронам и королю приходилось искать поддержки у рыцарей и у городов; их представители начинают приглашать в Великий совет (или парламент, как его стали называть), к-рый созывался при участии обеих сторон. В вооруженной борьбе королю удалось одержать победу; но она не привела к восстано-

влению самодержавия. Осложнение правительственных задач, рост государственных расходов (за 1275—1303 они выросли почти вдвое), огромные долги, в которые вошел король,—все это заставляло его искать поддержки у рыцарей и горожан, особенно в налоговых вопросах. Главную роль в государственных доходах стали теперь играть налоги на движимость и торговые пошлины. О размерах их и о способе раскладки королю приходится договариваться с плательщиками, т. е. с графствами и городами. С конца 13 в. короли часто созывают парламенты с участием представителей от рыцарей и горожан. Особенно усилилось значение парламента, когда Англия вступила в бесконечную и дорогую войну с Францией за обладание промышленной Фландрией, бывшей главн. рынком для английского сырья [так. наз. *Столетняя война* (см.), 1337—1453 с перерывами]. Война велась преимущественно при помощи наемных войск и потребовала снаряжения военного флота. Королям приходилось очень часто обращаться к парламентам за деньгами. В парламент приглашались «большие бароны» и духовные сановники (архиепископы, епископы, аббаты больших монастырей) лично, от каждого графства по два рыцаря и по два представителя от тех городов, которым король предоставлял это право. В парламенте были представлены только верхи городского населения. Представители низшего духовенства сначала тоже приглашались в парламент, но потом они вышли из его состава и вотировали налоги на особых собраниях духовенства («конвокациях»). Парламент скоро распадается на две палаты: в одной заседают большие бароны и духовные сановники (она получает название палаты лордов, или верхней палаты), в другой—представители плательщиков налогов, т. е. рыцари графств и горожане (ее называли палатой общин, или нижней). Свое согласие на налоги общины обыкновенно ставили в зависимость от согласия короля провести ту или иную нужную им меру. Таким образом развивается законодательная власть парламента. Особенно возросло влияние нижней палаты при королях новой Ланкастерской династии (с конца 14 в., старшейся заручиться поддержкой рыцарства и городов. Палата общин добивается для себя свободы слова, контроля над правительственными расходами, ответственности королевских советников перед парламентским судом; одно время даже назначение королевских советников переходит в руки парламента. С конца 13 в. политика правительства все больше определяется интересами торгово-промышленных классов и рыцарей. Вся внешняя политика направляется интересами англ. шерсти и англ. сукна. В деревне правительство пробует закабалить помещика сельского рабочего, запрещает ему уходить в город и старается понизить его заработную плату. С середины 14 в. в графствах рядом с шерифами возникает новая власть—мировые судьи, назначавшиеся из числа местных рыцарей. В руках этих мировых судей все более сосредоточивается местное управление. В 15 веке избирательные

права в парламент ограничиваются свободными держателями с известным цензом; выбирать в парламент можно было только рыцарей. Главная роль в хозяйственной и политической жизни страны все более перемещается в руки рыцарей, промышленников и купцов. Феодалы все более переходят на положение праздного и общественно ненужного класса. Но они все еще представляют грозную силу. Столетняя война вызвала оживление феодализма. Магнаты приняли в ней деятельное участие; они окружали себя большими отрядами, снаряженными из слуг и всякого рода деклассированных людей, преимущественно благородного происхождения. Свиты эти не распускались и в мирное время и служили для поддержания престижа магнатов и на родине. То и дело магнаты вступают в настоящие феодальные войны, в бесконечные дворцовые интриги. Парламентские выборы производятся под их давлением. Королевская власть временами делается игрушкой в их руках. Из-за них Англия потеряла во Франции все свои завоевания. После окончания Столетней войны раздоры усиливаются. Феодалы начинают жестокую борьбу друг с другом. Эта смутная эпоха феодальных войн получила в истории название «Войны алой и белой розы» (одни феодалы поддерживали Ланкастерскую династию, другие—Йоркскую; у Ланкастерского дома была в гербе алая роза, у Йоркского—белая). Феодалы взаимно разоряли и истребляли друг друга в этой войне; население сильно терпело от военных действий и от политической разрухи. Быстро развивающееся сел. хозяйство, промышленность и торговля действительно нуждались в сильной власти, которая могла бы подавить усобицу и установить прочный внутренний порядок. Лондон и торгово-промышленный Ю.-В. Англии возлагают сначала свои надежды на Йоркский дом. Восстание Джека Кеда в 1450 было связано с попыткой купечества, рыцарства и крестьянских верхов положить конец анархии и освободить корону из рук феодальных клевретов. Посаженный на престол Лондоном король Йоркской династии Эдуард IV (1461—1483) повел жестокую политику казней и конфискаций, увеличивая земли короны за счет феодальных магнатов. Он стремился создать финансовый базис для самостоятельной королевской власти, стараясь обходиться без парламента и перенося центр тяжести на принудительные займы. Расширяются судебные прерогативы короны и ее судебные доходы. После смерти Эдуарда IV смуты возобновились и были окончательно подавлены лишь после восшествия на престол новой династии Тюдоров (с 1485).

Новое время.

Эпоха абсолютизма (1485—1640).— Уже к концу средневековья намечаются основные особенности капиталистического развития Англии, предопределившие ее победу в борьбе за мировую гегемонию. Англия отстала от феодально-разбойничьих государств Пиренейского полуострова в захвате и эксплуатации колоний; она далеко отстала

от Голландии в деле развития мореходства и торговли. Еще в середине 17 в. голландская торговля и голландский флот во много раз превосходят английские. Англия 16—17 вв. представлялась наблюдателям аграрной деревенской страной с огромным преобладанием сел. населения над городским. К началу 17 в. едва ли одна пятая населения жила в городах, и города, если не считать Лондона и еще немногих портов, были незначительны. Но за этой отсталой внешнестью скрывался могучий, глубокий и разносторонний рост капитализма, который ни в одной стране Зап. Европы не проникал так равномерно во все области экономической жизни. Уже в 15 в. Англия становится страной, вывозящей сукно. В 60-х гг. 16 в. для одного из министров Елизаветы была составлена записка о состоянии англ. внешней торговли. По приведенным в ней приблизительным данным, сукно составляло свыше 80% всего англ. вывоза. К началу 17 века самой крупной из англ. торговых компаний оставалась компания купцов-авантюристов, в руках к-рой сосредоточивалась суконная торговля с континентом. К 1608 ее годовой вывоз оценивался в миллион ф. ст. При этом вывозилось почти исключительно неотделанное и неокрашенное сукно, изготовленное из англ. шерсти. Т. о., англ. торговля была тесно связана с англ. промышленностью, а англ. промышленность — с англ. сел. х-вом. Рост торгового капитала в Англии тесно переплетен с ростом капитала промышленного и с капиталистическим перерождением сел. х-ва. Производство организуется в национальном масштабе. Внутренний рынок не разбит таможенными заставами и легко становится национальным; промышленность в главной своей отрасли мало связана с городами и местными рынками. Англ. экспортная промышленность— производство неотделанных сукон—является преимущественно деревенской промышленностью, организуемой на домашне-капиталистических началах; технически она была доступна малообученным деревенским мастерам; капиталом было привольнее в деревне, чем в городе, где ему приходилось преодолевать ряд цеховых стеснений. Из многих деревень той эпохи с течением времени вырастают крупнейшие промышленные центры. Т. о., аграрная внешность Англии прикрывала наметившуюся уже в ср. вв. перестройку промышленности на капиталистических началах и на национальной, а не на городской основе. Лондон (в к-ром к 17 в. числилось до 200 т. ж.) возглавлял эту национальную систему, руководил экспортом и необходимым для промышленности и торговли кредитом. Через него шел почти весь англ. вывоз: в 1604 таможенные пошлины в Лондоне дали ок. 110 т. ф. ст., между тем как в остальных городах они не составляли и 20 т. ф. К концу 16 в. Лондон начинает соперничать с центром европейской торговли и кредита—Амстердамом. В 1570 основывается Лондонская биржа.

Развитие промышленности и торговли сопровождается капиталистическим перерождением сел. х-ва. К началу 16 в. крепостничество почти совсем исчезает в Англии,

исчезает и крепостное хозяйство. Барская земля (домен) переходит в руки зажиточных крестьян, деревенских кулаков, к-рые путем аренды на длительные сроки значительно расширяют свое землепользование. Они первые положили в свои карманы барыши, связанные с ростом разделения труда и развитием шерстяной промышленности. Зажиточное крестьянство переходит к более интенсивным методам земледелия, к разведению скота для убоя и, главн. образом, к овцеводству. Старые порядки деревенской общины—принудительный севооборот, чересполосица и общинные пастбища с их ограничительными правилами выпаса,—не уживаются с новыми экономическими запросами. Деревенская буржуазия старается ликвидировать общинные распорядки путем переделов, не обращая внимания на жалобы беднейшего крестьянства, оттесняемого на худшие земли и лишавшегося прав на общинный выпас. Уже в 13 веке лорды маноров начали выделять в свою пользу части общего пастбища, основывая «новый домен» или сдавая захваченные части общинной земли в аренду разного рода предпринимателям из числа разжившихся крестьян. Мертонский статут Генриха III (1235) узаконил захват пустошей. Это явление, известное под названием огораживания, получило особенно широкое распространение в связи с ростом овцеводства: в 16 веке огораживания пошли бурным темпом. Зажиточное крестьянство стояло в особо выгодных условиях по отношению к лендлордам. Отношения между ними продолжали в значительной мере оставаться близкими к феодальным; потомки прежних вилланов, копигольдеры, платили за свои наделы раз навсегда установленные ежегодные платежи; сроки их держания были длительные, часто держания были наследственными. Аренда ими домена также обычно носила полуфеодальный характер: иногда он сдавался по копии протокола манориальной курии, чаще—в очень длительную аренду за неподвижную ренту. Рост доходности сельского хозяйства шел, т. обр., целиком в руки кулаков. Положение особенно обострилось со времени революции цен, осложненной в Англии усиленной порчей монеты королевской властью. Падение ценности денег при сохранении прежних платежей быстро подтачивало доходы лендлордов и увеличивало доходы сидевшего на земле крестьянства. Между лендлордом и крестьянином начинается ожесточенная борьба за ренту. Лендлорд стремится отделаться от старинных отношений, основанных на феодальном обычая и определявших раз навсегда размеры крестьянских повинностей; он старается избавиться от построенных по их образцу длительных аренд и заменить все эти отношения арендой капиталистической, арендой на короткие сроки и за подвижную ренту. Словом, он хочет заменить феодальную ренту капиталистической. С этой целью лендлорд нередко использует свои феодальные права. Копигольд плохо охранялся феодальным обычаем, и у лендлорда были широкие возможности обезземелить копигольдера без нарушения обычая и законов,

которые в 16 в. берут манориальный обычай под свою охрану. Лендлорд нередко пользуется своим влиянием и положением для того, чтобы насильственно согнать крестьян с земли, не считаясь ни с какими обычными или законными нормами. Лорды стараются собрать розданный в длительные аренды домен, увеличить его за счет крестьянских земель, но не для того, чтобы вести на нем свое хозяйство: обычно они сдают свои земли, но на новых условиях, условиях краткосрочной аренды и подвижной ренты. Лорду выгоднее иметь дело с одним или немногими большими арендаторами, чем со значительным числом мелких и средних. Арендаторы (вышедшие из числа тех же кулаков, мелкого дворянства и городских капиталистов), отдавая лендлордам повышенную ренту, стремятся повысить доходность хозяйства и усиленно проводят политику огораживаний и перехода к овцеводству. Так. обр., замена феодальных отношений капиталистическими сопровождается смещением деревенского населения, частичным обезземелением крестьянства, вытеснением мелкого арендатора крупным. Этот процесс, начинаясь в конце 15 в., идет через 16, 17 и 18 вв., завершаясь окончательной ликвидацией общинного строя и почти полным исчезновением крестьянства в 19 в. Капиталистическое перерождение начинается всего раньше на Ю. и В. Англии. В 16 в. огораживания распространяются преимущественно на центральные графства; в 17 веке они продвигаются дальше на С. В науке долго господствовало мнение, что в 17 в. процесс огораживаний, соединения ферм и обезземеления крестьян приостановился. Это ошибочное мнение основывалось на том, что в 17 веке замолкает шум, поднимавшийся в литературе 16 в. противниками капиталистического перерождения деревни. Но этот факт говорит скорее о том, что ряды таких противников поредели (хотя отдельные голоса продолжают раздаваться) и что сопротивление экономическим переменам ослабело. В 17 в. мы видим быстрый рост населения и спроса на продукты питания. Рядом с огораживаниями для разведения овец усиленно развивается огораживание для улучшенного земледелия и для разведения убойного скота. Цены на хлеб растут гораздо скорее цен на шерсть. Цена на хлеб и рента пахотной земли вырастают в течение 17 века в 7—8 раз. Огораживания в 17 в. идут без перерыва все усиливающимся темпом.

Разрушаемая старая деревня отвечает упорным сопротивлением. Крестьяне часто долго и упорно отстаивали свои права перед разными судами, но на стороне лордов очень часто был закон и всегда сила и влияние; к тому же судебный процесс стоил дорого и не всегда был под силу крестьянам. Крестьяне не останавливаются и перед насильственными действиями. 16-й и первая половина 17-го века—время почти непрерывных аграрных волнений, иногда стоящих на границе настоящей гражданской войны. Аграрные волнения присоединяются ко всем крупным движениям эпохи. Крестьяне выставляют свои требования в большом феодальном движении английского

севера (так наз. «Благодатное паломничество» 1536—37, см. ниже); в 1549 восстание охвачено почти все юж. и вост. графства («восстание Кета»); в 1550, 1552, 1554, 1569, 1595 мы видим волнения в разных местах Англии, не считая индивидуальных случаев опрокидывания изгородей и насилий над огораживателями и их агентами. В 1607 в средних графствах огромные толпы восставших крестьян, называвшие себя «левелерами» (уровнителями) и «диггерами» (копателями), разрушали изгороди и засыпали канавы. Крупные волнения, повторявшиеся много раз, были связаны с осушением болот в восточной Англии, ибо из-за осушительных работ терпели ущерб общинные права крестьян на болота. Местами крестьяне разрушали дамбы и затопляли осушенные местности.

Сильно изменяется состав и характер класса лендлордов. Война алой и белой розы, казни и конфискации сокрушили былую мощь феодального землевладения. Огромные феодальные владения перешли в руки короны при Эдуарде IV и Генрихе VII. Реформация передала в руки короны монастырские земли, на которых особенно упорно держались феодальные отношения. Эти земли не задерживались в руках короны, постоянно нуждавшейся в деньгах; они пустились в продажу, переходили из рук в руки и в конечном счете скоплялись, главн. образом, в руках купцов и промышленников, обладавших накопленным капиталом и охотно помежавших его в землевладение, которое, кроме хороших доходов, давало еще и политическое влияние. 1540—1550—время бешеной спекуляции землями аббатов, а потом гильдий и религиозных братств (конфискованных при Эдуарде VI): Земли жадно приобретаются, часто в расчете на выгодную перепродажу. Покупщики спешат оправдать свои расходы, набавляя ренты на крестьян. Купцы следят за расточительными наследниками больших феодальных владений, опутывают их долгами и прибирают к рукам их земли. Через своих агентов они всюду следят за поступающими в продажу дворянскими имениями и стараются их не упустить. Вблизи торговых и промышленных центров вся земля переходит в руки буржуазии, пополняющей, таким образом, ряды землевладельческой аристократии. Образуется новое дворянство, с новыми хозяйственными навыками и новой психологией; оно не связано с крестьянством никакими старинными отношениями и традициями; в земле эти новые дворяне видят прежде всего источник дохода и власти. И старому дворянству приходится волей-неволей тянуться за ними. Феодальное дворянство, переживающее кризис ренты и разоряющееся при дворе, старается позолотить свои гербы браками с богатыми купеческими дочками. Лондон делается ярмаркой невест. Так происходит буржуазное перерождение землевладения. Государство в своей борьбе с политическим влиянием феодализма и с хронической пустотой казны немало этому содействует. Капиталистическое перерождение сельского хозяйства и землевладения не шло одинаковым темпом во

всех областях Англии. В отсталых графствах С. и Э. упорно сохраняются старинные методы земледелия и старые полуфеодальные отношения, основанные на местном обычае, крепко держатся старинные связи между лордами и держателями. Могущество и влияние измеряются здесь не числом акров во владении, а количеством зависимых людей. На С., близ шотландской границы, долго сохраняется старинное военное держание; крестьяне обязаны были под предводительством своих лордов нести военную службу по охране границы; но нередко они принимают участие и в частных войнах англ. лордов с шотландскими, и в усобицах. С С. и Э. идут феодальные восстания против королевской власти в 16 веке; в 17 веке С. и Э. становятся за короля против буржуазии.

В деревне издавна была развита шерстяная промышленность. Уже с конца средн. веков деревенская шерстяная промышленность начинает организовываться как домашне-капиталистическая. Рядом с мелким производителем, покупающим шерсть или пряжу небольшими партиями и продающим свой товар на ближайшем рынке, все большую роль начинает играть крупный предприниматель, покупающий шерсть большими партиями (редко непосредственно у производителей, чаще у скупщиков) и раздающий ее для обработки шерстобитам, чесальщикам, прядильщикам, ткачам, валяльщикам и продающий сукно торговцам и экспортерам. Часть работы иногда выполняется в крупной мастерской; т. о. развивается комбинированный тип домашней промышленности и мануфактуры. С 16 в. начинают попадаться очень крупные мастерские мануфактурного типа. Один суконщик брал в аренду монастырские помещения, чтобы устраивать там суконные мануфактуры. В одной из них он рассчитывал дать работу 2 т. чел. Фирма Уинчкомб в Ньюбери приобрела европейскую известность в середине 16 в. Переход к домашне-капиталистической системе наблюдается и в ряде др. отраслей промышленности, к-рые начинают обслуживать национальный рынок. Всюду наблюдается выделение капиталистической верхушки, подчиняющей мелких производителей и рабочих. Ряд цехов превращается в олигархические компании, в которых руководящая роль принадлежит кучке капиталистов, организующих связь с рынком. Промышленность все больше уходит в пригороды и в сел. местности, где не было никаких преград для эксплуатации и где труд был дешевле; она опирается отчасти на сел. хозяйство. Все чаще слышатся жалобы мелких производителей на то, что капиталисты, согласившись между собой, дают им сырье по дорогим ценам, обвешивают их при выдаче, дешево оплачивают их труд, прибегают к расплате товарами; все более растет эксплуатация женского и детского труда. Расширение рынка делает его неустойчивым и ставит в зависимость от внешних случайностей; в шерстяной промышленности нередки кризисы, сопровождающиеся рабочими волнениями. В 1527 прекращение сношений с Германской империей лишило англ.

купцов возможности сбыть свое сукно. Сукноделы, привезшие сукно в Лондон, не нашли покупателей. Тогда они сами стали отказывать в работе работавшим у них прядильщикам, чесальщикам, валяльщикам и пр., что вызвало волнения в ряде графств.— Перестройка промышленности на национальной основе и рост заграничного вывоза тяжело отражаются на ряде городов, работавших раньше на ограниченный рынок. Город, в котором наиболее преуспевшие отрасли промышленности стали уже перестраиваться на капиталистических началах, упорно борется с деревенской промышленностью, старается оживить и усилить старые городские и цеховые привилегии. Некоторые города отстаивают свои экономические позиции в связи с развитием специальных промыслов (аппретура камвольных тканей в Нориче), за к-рыми они стремятся закрепить монополию. Предприниматели, связанные с деревенской промышленностью, естественно, являются врагами монополий и сторонниками широкой свободы производства и эксплуатации.

Англ. внешняя торговля в 16 в. связана, главн. образом, с экспортом англ. товаров, т. е. преимущественно неотделанного сукна. Англ. купцы вытесняют своего главн. соперника, Нем. Ганзу, и добиваются отмены всех ее привилегий в Англии (1552). Они стремятся оттеснить иностранных купцов от транспорта английских товаров и добиваются ряда запрещений вывозить англ. товары иначе, как на англ. кораблях. Эти «акты о мореплавании», ведущие свое начало еще от 14 в., в 16 в. возобновляются и усиливаются. Перемещение главных торговых путей из Средиземного моря на океан превратило Англию из окраины в один из центров мировых торговых связей. Рядом со старой компанией купцов - авантюристов, монополизовавших торговлю англ. сукном в Немецком море, возникает ряд новых компаний для завоевания более отдаленных рынков. В 1553 англичане, в поисках северного пути на Дальний Восток, попадают в Московское государство, а в 1554 организуется «Московская» компания. В 1585 выдается патент компании для торговли с Марокко, в 1588— для торговли с Гвинеей. В 1579 Ислендская компания получила патент на торговлю с Балтийским морем, в 1581 Левантская—на торговлю с вост. частью Средиземного моря. В 1600 создается знаменитая Ост-Индская компания. Все это—сплоченные и централизованные корпорации капиталистов с большим политическим влиянием. Делаются попытки закрепить в новооткрытых землях. В 1606 основывается Виргинская компания, через которую начинается колонизация Америки. Сначала выселяющиеся из Англии джентльмены ищут золота, потом переходят к культуре табака. В дело вкладываются большие капиталы. Колонизация продвигается к С. (отцы-пилигримы в Новом Плимуте, 1620). Присоединяются Вест-Индские о-ва; для снабжения их рабами захватываются опорные пункты в Африке (см. *Британская империя*).

Морская торговля тесно переплетается с разбоем. Англия и Голландия в 16—17 вв.

были первыми пиратскими державами. Разбойничьи экспедиции снаряжались купеческими компаниями; в них принимало деятельное участие и дворянство, особенно с зап. побережья Англии. Грабили, гл. обр., испанские и португальские суда и побережье испан. Америки. Дворяне-пираты не прочь пограбить и англ. купцов, при чем, благодаря заступничеству двора, им это порою сходит с рук. В пиратских экспедициях принимала участие королева Елизавета, главная пайщица экспедиций знаменитейшего из англ. морских разбойников—Френсиса Дрейка. К грабежу присоединяется торговля неграми и контрабандная торговля с испан. Америкой. Вест-Индские о-ва были для Англии сначала главной базой для морского разбоя и контрабанды. Англ. флаг к концу 16 века появляется во всех концах света. Политика Англии все более направляется на сокрушение морского могущества Испании. Англ. пираты составили главную часть того флота, который нанес поражение испан. «Непобедимой Армаде» в 1588.

Эпоха крушения феодализма и быстрого роста буржуазии и буржуазного дворянства, сопровождавшаяся обостренной социальной борьбой и расширением задач национальной политики, настойчиво выдвигала сильную, авторитарную и независимую государственную власть. Феодалы не могли оказать ей серьезного противодействия, буржуазия в ней нуждалась. В эпоху династии Тюдоров (1485—1603) и при первых двух Стюартах в Англии вырабатываются политические порядки, близкие к континентальному абсолютизму и даже в некоторых отношениях его предвещающие. Но в целом феодализм был в Англии слабее, чем в абсолютистских странах континента, буржуазия была тесно переплетена со значительной частью дворянства, имевшего сильную базу в местном самоуправлении и в нижней палате, и в Англии не мог утвердиться абсолютизм в завершенной форме. Несмотря на развитие бюрократических учреждений, дворяне заполняют все видные места в местном самоуправлении; из их числа назначаются шерифы, командиры милиции и, наконец, мировые судьи—главная опора дворянской власти на местах; компетенция мировых судей чрезвычайно расширяется именно в 16 веке. Буржуазно-дворянский парламент часто был в полной зависимости от короны, но с ним все же приходилось считаться, на него приходилось опираться. Буржуазия и буржуазное дворянство нуждаются в сильной монархической власти для подавления политического феодализма, для энергичной внешней политики, для дележа феодальной собственности и замены ее буржуазной. Парламент отказывается от многих вольностей, приобретенных им за время ослабления королевской власти в 15 веке, расширяет права королевского законодательства и почти неизменно поддерживает корону. Корона в борьбе с феодальной реакцией, опирающейся на континентальные феодально-абсолютистские державы, предпочитает держаться за парламент и перелгать на него часть ответственности за рискованные и непопулярные меры.

Королевская власть широко пользуется своим правом давать городам представительство в парламенте; многие из новых парламентских городов незначительны, и выборы в них зависят от местных органов короны; особенно много парламентских городов возникает на юго-западе, где были расположены обширные коронные владения. Это был один из способов подбирать угодный короне парламент. Но, несмотря на сохранение парламента, значительный уклон в сторону абсолютизма несомненен. Тюдоры развивают бюрократическую административную систему. Расширяются полномочия королевского совета («Тайного совета»), пополняемого теперь в значительной мере выходцами из буржуазии; из него выделяется ряд судебно-административных учреждений, которые делаются органами проведения политики абсолютизма; как судебные учреждения, они соперничают со старыми, недостаточно гибкими судами общего права, слишком связанными традицией и старым правом. Такими учреждениями в центре являются Канцлерский суд, Звездная палата, Палата прошений, потом Высокая комиссия (по церковным делам). Ряд финансово-административных органов был создан в связи с секуляризацией. Создаются и провинциальные органы Тайного совета (окраинные советы). Тайный совет и его органы ведут энергичную работу, производят обширные и сложные статистические обследования страны, вырабатывают новые юридические нормы, контролируют местное самоуправление. Выросшая из феодализма королевская власть далеко не была прогрессивна по своим социальным симпатиям. Король продолжает оставаться главой феодального общества и опираться на ряд феодальных доходов. Большая часть дворянства держит земли на праве рыцарского держания, предоставлявшего короне большие доходные права при опеке, выдаче замуж наследниц и т. д. Но сложившиеся в течение 15—16 вв. объективные условия толкали корону на выполнение той политической программы, к-рая диктовалась интересами буржуазии и буржуазного дворянства; когда корона шла вразрез с этими интересами, мероприятия ее парализовались. Генрих VII (1485—1509) докончил разгром политической мощи феодализма, начатый во время Войны роз. Попытки феодальных баронов восстать против новой власти были подавлены; были проведены огромные конфискации, значительно обогатившие королевскую казну; феодалам воспрещено было держать вооруженные свиты. Множество военных слуг феодалов перешло в ряды люмпенпролетариата. Очень поредела и потеряла политическое влияние аристократическая палата лордов. В первом парламенте Генриха VIII было всего 18 светских перов; потом их число стало расти, заполняясь креатурами королевской власти. При Елизавете их было до 60, сильно выросло их число при Стюартах. Сильнейший удар феодальным порядкам, чрезвычайно усиливший позиции буржуазии, был нанесен реформацией и грандиозной экспроприацией монастырских имуществ. Кроме фискальных

целей, королевская власть преследовала здесь также цель окончательного подчинения себе такого могущественного орудия, как церковь, и устранения вмешательства пап в свою политику. В 1534 была окончательно разорвана связь с Римом, и на место папы «верховным главою церкви» был поставлен король. Церковные суды стали королевскими судами, избрание епископов фактически превратилось в назначение их королем. Король получил право определять вероучение. Церковный гнет, центр к-рого переносится из папской курии в королевский совет, усиливается. В жизнь верующих вносятся полицейские приемы. Ересь делается государственным преступлением, вводится строгая церковная цензура. При этом догматы и обряды католической церкви сначала сохранялись в полной силе. Но в своей борьбе с католиками правительству пришлось вскоре вступить на путь религиозной реформации и сделать ряд шагов по направлению к протестантизму (см. *Англиканская церковь*). Гораздо радикальнее была корона в деле конфискации церковных имуществ. В силу статута 1534 духовенство было принуждено платить королю $\frac{1}{10}$ своих доходов. Потом были закрыты монастыри, и все их имущество передано короне. Часть монастырских земель была раздарена высшим коронным чиновникам, но большая часть их была продана или обменена на другие земли. Выручка правительства была очень значительна. Разрыв с католичеством и секуляризация представляли тяжкий удар по феодализму. Удар этот не был принят безответно. На С. Англии поднимается восстание (1536—37), т. н. «Благодатное паломничество» (Pilgrimage of Grace). Это очень сложное по своему социальному характеру движение, в котором соединились разные классы сходящего со сцены феодального общества. В 1549 поднимается брожение в западных графствах, где антикатолические тенденции сходятся с религиозной реакцией. Феодально-католическая реакция, поддержанная империей, торжествует при королеве Марии (1553—58); парламент послушно восстановил католичество, но монастырские земли все же пришлось оставить новым владельцам. Ее преемнице Елизавете (1558—1603) пришлось выдержать тяжелую борьбу с феодально-католическим движением, нашедшим поддержку в Испании. В Англии католическое движение было всегда сильнее на севере (восстание северных эрлов в 1569). Многие феодальные аристократы лишь внешним образом примкнули к государственной церкви и продолжали втайне держать в своих замках католических паперов. Понятна яростная ненависть англ. буржуазии к католичеству, осложненная страхом перед главной соперницей на море—католической Испанией, а потом Францией. Ненависть усиливалась страхом отобрания монастырских земель. В Англии развивается бешеная травля католиков; католичество делается пугалом для англ. буржуазии на два с половиной столетия. Немало содействовали этому и кровавые восстания ирландцев против насильственного внедрения англ. колонистов, англ.

права и англ. веры. В интересах буржуазии действует корона и в области торговой политики; рост внешней торговли—одна из давних забот королевской казны. Уже первые Тюдоры ведут энергичную торговую политику, стараясь поставить английскую промышленность и торговлю в выгодное положение на международном рынке. Тюдоры покровительствуют мореплаванию и судостроению.

Государство Тюдоров очень самоуверенно пробует разрешать те сложные вопросы, которые были выдвинуты социальной перестройкой общества. Здесь оно стояло далеко не на буржуазной точке зрения и хотело разрешить многие трудные проблемы путем восстановления старинных отношений или, по крайней мере, приостановки совершающихся перемен. Поэтому многие из его мер были обречены на неудачу. Так, правительство старалось задерживать аграрные перемены, запрещая уменьшать число крестьянских и фермерских хозяйств, ограничивая число овец, к-рым может владеть один человек, предписывая возвращать пашню, обращенную под пастбище, в ее прежнее состояние. Правительство боялось, что обезземеление крестьян приведет к ослаблению военной мощи страны; кроме того, крестьянин считался наиболее надежным плательщиком налогов. К тому же, крестьяне и сами непрерывно напоминали о себе вспыхивавшими то там то сям волнениями (см. выше). Мероприятия правительства бывали нередко вызваны крестьянскими восстаниями; их боялись, т. к. правительство имеет основания опасаться и за внутреннюю и за внешнюю безопасность государства. Парламент, в котором было немало огораживателей, покорно принимал акты против огораживаний; но есть все основания думать, что они плохо проводились в жизнь местными властями. Временами королевский совет открывает поход против огораживателей, назначаются королевские комиссии, производятся расследования, нарушители статута привлекаются к суду и штрафуются, но потом опять все идет по-старому. На той же точке зрения стоит правительство в своей политике по отношению к промышленности. Оно старается задержать развитие деревенского капиталистического производства и сосредоточить промышленность и местную торговлю в городах. Но из этих предписаний приходится делать столько изъятий, что практическое их значение почти что сводится к нулю. В том же социально-консервативном, цеховом духе были составлены и знаменитые статуты о подмастерах 5-го и 39-го года царствования Елизаветы (1563, 1597), эти своего рода цеховые уставы для всей Англии. Эти статуты подводят итоги всему прошлому рабочему законодательству, начиная с 14 в. Но, тормозя развитие капитализма такими правилами, как семилетнее ученичество, как ограничение числа подмастеров, эти статуты в сущности прикрепляли рабочих и отдавали их в полное распоряжение нанимателей. Правительство хотело взять в свои руки регулирование заработной платы, быстро падавшей в условиях

революции цен; но потом это дело было передано в руки мировых судей и городских властей, т. е. самих же нанимателей; устанавливался не минимум, а максимум заработной платы. Растущий капитализм хорошо умел обходить неудобные стороны рабочего законодательства и извлек всю возможную для себя выгоду из других его сторон. Правительство стояло на цеховой точке зрения и в вопросе о технических нововведениях. Стараясь регулировать технику, оно борется с техническими переменами, связанными с вытеснением труда. На средневековой, докапиталистической точке зрения стоит оно также и в своих попытках разрешить вопрос о растущем безработном пролетариате—следствии роста рента, огораживаний, смещения крестьянства и упадка городской промышленности. В условиях начальных стадий капитализма безработица выливалась в бродяжничество и нищенство. Продолжая старую традицию, восходящую к законам о бродягах 14 века, законодательство Тюдоров смотрит на безработных, как на уклоняющихся от работы злоумышленников, которых надо терроризировать, дисциплинировать и насильственно вернуть к трудовой жизни. Средством для этого является кнут, обращение в рабство; в случае рецидивов, виновным грозит выжигание клейм, цепи, тюрьма и, наконец, смертная казнь. Вместе с тем создаются «законы о бедных» для тех, кого закон решается признать действительно нуждающимся. Заботы о них возлагаются на приходы, которые должны собирать для этого средства. Церковные старосты и приходские смотрители заботятся о содержании немощных и должны принудительно отдавать детей бедняков в ученичество (т. н. «приходское ученичество», впоследствии худший вид эксплуатации детского труда), закупать сырье и давать его для обработки нуждающимся; иногда приходские бедняки должны были обходить приход и работать на каждого, кто пожелает их пригласить. Делаются первые опыты с работными домами.

К концу 16 века землевладельческая, торговая и промышленная буржуазия перерастает рамки абсолютизма. Королевская власть перестает отвечать интересам тех классов, к-рые были главными двигателями роста производительных сил в стране. Она перестает содействовать развитию этих сил и делается для них тормазом. Англ. буржуазия и буржуазное дворянство начинают держаться независимее по отношению к королевской власти. Это объясняется не только столетием капиталистического развития, значительно укрепившим социальный вес буржуазии: ряд объективных условий толкал корону на конфликт с буржуазией. В Англии почти не существовало постоянных налогов. Королевская власть обходилась доходами со своих доменов, таможенными пошлинами, права на которые обычно давались парламентом королю пожизненно; на прямые налоги (субсидии) смотрели как на экстренную меру, и налагали их всякий раз с особого согласия парламента. Чтобы не зависеть от парламента, королевской власти приходилось изыскивать др. способы

пополнения казны. Генрих VII пополнял свои доходы конфискацией имущества феодалов, Генрих VIII—секуляризацией монастырских владений, Эдуард VI—отобранием имущества у гильдий и религиозных обществ. Широко практиковались принудительные займы (benevolences). Растет королевский долг. Елизавета оставила новой династии долг в 400 тыс. ф. ст.; через пять лет он вырос до миллиона. Революция цен и связанное с ней падение ценности рент и всех денежных доходов должны были сильно отозваться на денежных поступлениях в королевскую казну, и нужда в денежных доходах делается все сильнее. Корона ищет их, где пошло. Участие в прибылях от морских разбоев и распродажи остатков домена не разрешают вопроса. Корона стремится паразитически эксплуатировать растущий капитализм разными способами, вызывающими крайнее раздражение у буржуазии; вокруг короны кормится избалованный и пышный двор, многочисленная и нечестная бюрократия, к-рые также требуют своей доли.

Столкновения короны с парламентом начались еще при Елизавете. Главный вопрос, вызывавший спор между короной и буржуазией, связан с правом короны раздавать патенты на монополии в разных отраслях промышленности и торговли. На этом праве корона старалась обосновать систему перекачивания новых источников дохода в карманы короля и двора. Буржуазия восставала не против самого принципа монополий, а против злоупотреблений правом короны и против той дезорганизации, которую в дела буржуазии вносила неразборчивая и корыстная раздача монополий. Корона берет за свои пожалования большие деньги. Двор становится центром раздачи монополий, сомнительные дельцы охотно платят большие взятки придворным за удачно проведенное дело. Среди монополистов нередки люди дворянского звания, даже титулованные, спешившие снять сливки с новых источников дохода. Другим вопросом, разделявшим парламент и корону, был вопрос религиозный. Буржуазия была мало удовлетворена церковной реформацией, передавшей управление церковью в руки короны и зависимых от нее епископов и мало изменившей католическую обрядность; ее идеалы были ближе к кальвинизму с его подчинением церкви богатым мирянам и с буржуазной простотой обряда (см. *Буржуазия*). Эти пуритане (от лат. *purus*—«чистый», т. к. они хотели очистить англиканскую церковь от католического «язычества») восстают против роскошной жизни аристократии и двора, против нравов *old merry England* (старой веселой Англии), бичуют театр, стараются завести строгую, скучную, деловую жизнь, уменьшить число праздников и зато ввести строгое соблюдение воскресного дня. В городах они пользуются значительным влиянием. В некоторых англ. епархиях городская аристократия принимает участие в церковном управлении. Пуританское движение выступает уже с 60-х гг. 16 в.; в начале 90-х гг. оно уже настолько сильно, что правительство начинает против него преследования, надолго загоняющие его в подполье; но оно

дает знать о себе постоянно. К концу 16 века распространяются и более радикальные секты—сепаратисты, близкие к немецким анабаптистам. Многие из англ. сектантов уходят в Голландию и основывают там свои общины. Если кальвинизм был особенно популярен среди торговой буржуазии, то более радикальные течения, превыше всего ставившие религиозную свободу, отражали демократические чаяния мелкой буржуазии и нарождавшегося промышлен. капитала.

При новой династии Стюартов (с 1603) борьба между короной и буржуазией принимает все более резкий и затяжной характер. Отталкиваемый требовательностью и скупостью буржуазии, абсолютизм все более склоняется в сторону феодальной реакции и тем все более обостряет конфликт, приводящий в конце-концов к революции, к-рая сметает и абсолютизм и остатки феодализма. У королевской власти осталось в распоряжении очень мало доменов; конфисковать нечего; коронный долг растет; ценность денег падает; субсидию дают неохотно. В погоне за деньгами и за социальной опорой правительству приходится оживлять старые феодальные порядки. Смелясь над страстью Якова I возводить людей в рыцарское звание, но это было связано с рядом доходов для короны. В рыцари обязаны были вступать все землевладельцы с доходом не менее 40 ф. ст. За уклонение от рыцарского звания брали штрафы; в 1630—31 таких штрафов набрали 115 т. ф. ст. Торгуют феодальными званиями—продают титулы перов, создают новые титулы (баронетство) и пускают их в продажу. Стараясь восстановить старые лесные законы норманских королей. Преследования ограживателей, возобновлявшиеся несколько раз при Карле I, предпринимались, гл. обр., с целью вымогательства денег и раздражали помещиков, не давая облегчения крестьянам. Но, во всяком случае, перед нами налицо феодальная реакция, задерживающая превращение феодальной собственности в буржуазную. Отказываясь от сотрудничества с буржуазией, королевская власть не отказывалась, однако, от права эксплуатировать растущее буржуазное богатство; но она хочет делать это властной рукой, не спрашивая ни у кого разрешения. Ожесточенный конституционный спор между королем и парламентом, между королевской «прерогативой» и парламентской «привилегией», при Якове I и Карле I, представляет борьбу между притязаниями короны паразитически эксплуатировать капиталистическое развитие и стремлением буржуазии поставить под свой контроль взимание налогов и ту политику, к-рая ведется на собранные правительством деньги. Система принудительных займов, издавна практиковавшаяся англ. абсолютизмом, получает новую жизнь; правительство старается собирать без разрешения парламента торговые пошлины, пробует вводить новые налоги под видом восстановления старинных сборов допарламентской эпохи («корабельные деньги»). Раздача монополий и патентов идет усиленным темпом, внося порой полную дезорганизацию в жизнь старых компаний.

Нелепой монополией, выданной компанией предприимчивых мошенников, Яков I поставил на край гибели стариннейшую и влиятельнейшую компанию купцов-авантюристов и всю суконную торговлю Англии с Нидерландами. При дворе образуется специфическая атмосфера делечества, погоня за кушем. Вызывающие бешеные протесты монополии отменяются, но скоро вырастают опять. Корона и сама пробует выступать в роли монопольного предпринимателя. Корона стремится наложить руку и на колониальные доходы. В 1624 закрывается оппозиционно настроенная Виргинская компания, которой заправляла крупная буржуазия Сити. Зато корона поощряет заморские авантюры вельмож, раздавая концессии на огромные земельные площади в Америке.

Поворот в сторону феодализма очень ясно выступает и в церковной политике Стюартов. Англиканство отходит от идеологической близости к буржуазии, от протестантизма и все более поворачивает в сторону католичества; судьба государственной церкви тесно связывается с судьбами абсолютизма. В 1604 король Яков I дал пуританскому духовенству очень точную формулу соотношения между религией торгового капитала и религией абсолютизма: «Если вы хотите собрания пресвитеров на шотландский манер, то это так же мало согласуется с монархией, как черт с богом... Не будет епископа, не будет и короля (no bishop—no king)». Поворачиваясь спиной к пуританству, абсолютизм поворачивался спиной к буржуазии. Спасаясь от религиозных преследований и стремясь к сверхприбылям, пуритане начинают переселяться в Америку, где в широком масштабе развертывают пиратство, работоторговлю, контрабанду, снаивание, ограбление и истребление туземцев, а также организуют опытно-показательную пуританскую церковь. К негодованию англ. буржуазии Стюарты терпимы к католикам. Этот поворот опирается на сочувствие остальных деревенских округов, особенно на С. и З., где католичество уцелело в быте. Во внешней политике Стюарты явно склоняются к связи с опорами феодального абсолютизма на континенте—с Испанией и Францией, хотя под давлением буржуазии и парламента им не всегда удается выдерживать эту линию. Отрываясь все более от буржуазии, королевская власть старается установить самодержавие, при чем она видит пример и опору в практике и теории континентального абсолютизма; Яков I и сам теоретизировал на политические темы. Невозможность добиться покорного парламента по тюдоровскому образцу сказывается с каждым новым созывом. С 1629 король (Карл I) совсем перестает созывать парламент и 11 лет правит как абсолютный монарх. Раздражение буржуазии и связанных с ней классов быстро нарастает на почве разрухи, вызванной финансовыми вымогательствами короны, ее неудачной внешней политикой и преследованиями пуританства. Начало революции было положено в Шотландии (с начала династии Стюартов Шотландия находилась в личной унии с Англией), на которую королевская власть ста-

ралась распространить англ. бюрократические порядки и англиканскую церковь. Восстание вспыхнуло в равнинной Шотландии (Lowlands), представлявшей одну из наиболее капиталистически развитых областей Великобритании и главную опору пресвитерианства. В 1639 начинается гражданская война, в к-рой шотландцы сразу берут перевес и переходят англ. границу. Невозможность справиться с шотландской революцией без войска и денег заставила короля, после нескольких неудачных попыток выйти из положения, обратиться, наконец, к парламенту. Но созванный в апреле 1640 так наз. «Короткий парламент» вместо того, чтобы вотировать субсидию, нападает на королевскую политику, заявляет о парламентском верховенстве и пытается вступить в сношения с шотландскими революционерами. Парламент был немедленно разогнан, но это привело к нарастающему революционному настроению у лондонской буржуазии и к требованиям созыва нового парламента. После новых побед шотландцев и новых неудачных попыток найти деньги, правительство уступило, и 3 ноября 1640 собрался знаменитый Долгий парламент.

В е л . а н г л . р е в о л ю ц и я (1640—60). В Долгом парламенте был представлен, главн. образом, дворянско-землевладельческий класс и в значительной меньшей степени—купцы, фермеры и крестьяне. Но буржуазия, особенно лондонская, принимает живейшее участие в политических событиях, организуя подачу петиций и манифестации, открывая или закрывая свои денежные мешки в зависимости от хода дел Парламент чувствует крепкую опору и действует уверенно и решительно. Он добивается казни главного советника короны по делам администрации, Страффорда, и тюремного заключения (а потом и казни) главного советника по церковным делам, архиепископа Лода. Когда король пытался оттянуть осуждение Страффорда, Сити приостанавливает реализацию государственного займа, и натравленная его дельцами толпа днем и ночью с шумом окружает королевский дворец. Парламент упраздняет главные бюрократические органы короны—Звездную палату, Палату прошений, Высочую комиссию, Окраинные советы, и устанавливает правила, гарантирующие регулярный созыв парламента. Все способы, которыми корона пыталась получить деньги помимо парламента, объявляются незаконными; постановляется, что впредь ни один налог не может взиматься без согласия парламента. Это было началом революции. Так оно было понято и теми слоями английского населения, которые страдали от роста капиталистических отношений. Настроение в деревне становится все более тревожным; в разных местах вспыхивают аграрные волнения, сопровождающиеся опрокидыванием изгородей, захватом дворянских владений, отказом в уплате ренты. Нарастает брожение среди городских ремесленников. Дворянство и купечество, взявшие верх после созыва Долгого парламента, начинают чувствовать страх перед ростом демократического движения. Положение осложнялось

интригами короля, старавшегося опереться на армию против парламента, и страшных ирландских восстанием против угнетателей — английских и шотландских колонистов, переселившихся в Ирландию при Елизавете и Якове I. Король сам довел дело до резкого разрыва с парламентом и Лондоном; он уехал на север, и обе стороны стали готовиться к войне. Объявление войны последовало со стороны короля в августе 1642. Англия распалась на два лагеря. На сторону короля стали все северные графства, большая часть западных и отчасти примыкавшие к ним центральные, всего около $\frac{3}{8}$ всего королевства. Но это были самые отсталые, бедные и малонаселенные части Англии. На стороне парламента оказался весь восток, почти весь юг, большинство центральных графств и промышленные округа северо-запада. Кроме того, на его сторону стали также все важные портовые города и главные центры торговли и промышленности внутри страны. Старая феодальная Англия, вместе со двором и связанными со двором кругами, стала на сторону короля, новая буржуазная или буржуазно перерождающаяся Англия стала против короля. Солдатами королевской армии были, гл. обр., крестьяне отсталых местностей, где сохранились патриархальные феодальные связи. К буржуазии примкнули широкие слои крестьянства, фермерства, ремесленников, учеников, подмастерьев, сельского и городского пролетариата; впрочем, обе стороны пополняли свои войска принудительными наборами, так что в составе каждой армии было много случайных элементов; немало, наконец, особенно в деревне, было пассивных элементов, видевших в гражданской войне лишь разорение для своего хозяйства. В процессе гражданской войны разнородные элементы, объединившиеся сначала в общем революционном движении, начинают выделяться, распадаться и вступать в борьбу друг с другом. Сначала руководящая роль принадлежит буржуазному дворянству и торгово-финансовой буржуазии, парламенту и Сити. Они неохотно идут на революцию, больше боятся народа, чем короля, тем более, что гражданская война бьет их по карману: крестьяне и арендаторы перестают платить ренты, в коммерческих делах начинается застой. Войну они ведут вяло и все время стараются договориться с королем. Но в то же время они решительно ликвидируют остатки феодализма в землевладении. Финансовая нужда, вместе с заинтересованностью буржуазных кругов и требованиями шотландских союзников, заставила отменить епископат и пустить в продажу епископские поместья, а также земли, конфискованные у короны и сторонников короля. Конфискации производились в разных формах, часто весьма смягченных, но, в общем, они привели, особенно после победы парламента, к крупнейшим перестановкам земельной собственности, переходившей из рук наиболее феодальной части дворянства в руки буржуазии. Это было завершением процесса, начатого конфискациями Эдуарда IV и Генриха VII и продолженного секу-

ляризацией монастырских владений. В 1646 была отменена система рыцарских держаний, и земельная собственность стала вполне буржуазной; это освобождение касалось лишь лендлордов, ставших теперь полными собственниками той земли, на к-рую у них до сих пор были лишь феодальные права; пережитки феодализма, уцелевшие в положении крестьян-копигольдеров, были сохранены. Зато после 1642 не было издано ни одного акта против огораживаний. Абсолютизм все же старался защитить мелкого держателя; буржуазная революция готовила ему решительный удар. Последний билль против огораживаний был внесен в парламент в 1646, но провалился во втором чтении. Парламент вел узко классовую политику и в налоговом вопросе. Введенное им обложение («акциз») падало на предметы широкого потребления и особенно тяжело обрушивалось на малоимущих. При этом акциз по графствам сдавался откупщикам, которые старались нажать на нем побольше прибыли. В том же духе шла и церковная политика. Английские пресвитериане, опираясь на шотландских союзников, устанавливали новую государственную церковь, близкую к шотландскому кальвинизму, вводят строгую цензуру, преследуют демократическую печать. Классовая политика парламента не остается без ответа. Крестьяне сильно страдали от военных действий, от неурожаев, от введенного парламентом обложения. Они выступают с требованиями об отмене десятины, прекращают уплату рент лендлордам, местами отказываются от уплаты государственных налогов и даже переходят к открытым возмущениям. Продолжаются аграрные волнения на почве осушения болот. Нарастает оппозиция как в самом парламенте, так и вне его. Слышится резкая критика парламентской тирании, раздаются протесты против цензуры (см. *Мильтон* и *Лилберн*). Множатся и усиливаются радикальные («индепендентские») секты. Но главной опорой демократической оппозиции становится парламентская армия, реформированная в 1645 по инициативе Оливера Кромвеля. Армия стала организующим центром тех социальных групп, к-рые до этого времени покорно шли за парламентом или глухе и разрозненно проявляли свое недовольство. Главный контингент реформированной армии составил из крестьян, фермеров, ремесленников и мелких торговцев. Выходцы из этих слоев заполняют и низшие офицерские места и проникают в командный состав, в большинстве, впрочем, джентльменский. В армии устанавливаются радикальные настроения с ярко выраженной религиозной окраской. В процессе политической борьбы эти настроения оформляются и выливаются в политические программы. По доминирующему религиозному складу армия может быть названа индепендентской; она опирается на радикальные и индепендентские круги вне армии. Это — довольно сложная и пестрая и в социальном, и в политическом, и в религиозном отношениях группировка, объединяемая общим требованием политической демократии и религиозной свободы.

Сюда входят представители промышленного капитала, желающие свободы промышленности от цеховых стеснений; купцы, страдающие от монополий больших компаний; примыкающие к этим группам слои дворянства. Они составили верхушку индпендентства, представленную в армии, главным образом, командным составом с Кромвелем во главе. Мелкобуржуазная и солдатская индпендентская масса избрала своим идейным вождем лейтенанта Джона Лилберна, который в 1645 ушел из армии, но поддерживал с ней непрерывную связь. К Лилберну и его последователям прилагали кличку «левелеров» (уравнителей); они же звали армейскую верхушку «грандами». Индпенденты проникают на дополнительные выборах 1645—46 (на место ушедших роялистов) и в парламент и составляют там значительную и сплоченную группу.

Реформированная армия одержала решительную победу над королем. В 1646 он оказался в плену у шотландцев, которые в следующем году выдали его парламенту. С установлением верховенства парламента и ликвидацией феодализма блок верхов торгового капитала и буржуазного землевладения считает революцию завершенной. Он теперь старается примириться с королем, особенно в виду нарастающей опасности со стороны радикальной армии, с которой к тому же нечем расплатиться. После победы над королем столкновение между парламентом и армией становится неизбежным. Парламент, желая отделаться от армии, постановляет частью распустить ее, а частью отправить на подавление ирландского мятежа. Но армия разойтись не желала. Радикальные низы армии (левелеры) требуют решительных действий. Солдаты организуются, выбирают своих представителей («агитаторов»), которые выступают от лица всей армии, держат связь с внеармейскими левелерами, ведут переговоры с командным составом. Верхушка («гранды») с Кромвелем во главе старается занять среднюю позицию. Но когда парламент, раздраженный находившей опорой в армии революционной агитацией, постановил приступить к роспуску армии, обе армейские партии объединились, и армия приступила к захвату власти. В июне 1647 солдаты и офицеры подписали торжественное обещание не расходиться, пока не будут удовлетворены армейские требования, и организовали общеармейский совет, в который входило высшее командование, офицеры (по 2 от полка) и солдаты (тоже по 2 от полка); таким путем командование взяло под свой контроль солдатскую организацию. Армия предъявила парламенту «Декларацию», в которой провозгласила свое право говорить от имени народа, и представила ряд политических требований, в т. ч. требование чистки парламента, установления срока его роспуска и введения веротерпимости. Армия делается центром революционного движения в стране. В нее поступают петиции из разных концов Англии, к ней обращаются, как к верховному государственному учреждению, минуя парламент. Петиции нередко носят радикальный

характер и толкают армию на решительные действия. Армия начинает диктовать свою волю парламенту; по ее требованию исключаются из его состава наиболее ненавистные ей члены. Наконец, в авг. 1647 армия оккупирует Лондон. Армия и индпенденты стали у власти; на очереди был вопрос о политическом переустройстве, и тотчас же обнаружилось противоречия между двумя основными группами в среде индпендентов. Появилось два конституционных проекта—один офицерский, так наз. «Основные предложения» (выпущенный еще до оккупации Лондона), другой—солдатский, т. н. «Народное соглашение». На общеармейской конференции в Петни (Putney) близ Лондона, где присутствовали и внеармейские левелеры, была сделана попытка договориться, при чем обе стороны подробнее раскрыли свои программы. Индпендентская верхушка требовала избирательной реформы, которая отняла бы избирательные права у пришедших в упадок городов и передала их многочисленным графствам, т. е. деревенским и новым промышленным округам. В основу избирательного права должен быть положен имущественный ценз. Программа грандов включает, кроме того, требование уничтожения монополий, введения свободы промышленности и торговли. Гранды предполагали сохранить власть короля, правда, очень значительно ее урезав, и обходили вопрос о палате лордов. Левелеры требовали близкого ко всеобщему избирательного права (потом они согласились на исключение наемных слуг и призреваемых, т. е. пролетариата); они хотели сосредоточения всей власти в руках народных представителей и провозглашали неотъемлемые права личности, на первом месте—религиозную свободу. Непримиримость противоречий в программах армии и рост левелерского движения, начавший переходить в солдатские волнения, вызвали тревогу у командного состава. Гранды поспешили подавить солдатское движение крутыми мерами. Общеармейский совет был упразднен, и его место занял совет офицеров; солдаты должны были обещать безусловную верность начальству. Рост власти индпендентской армии вызвал сближение между роялистами и пресвитерианами. Когда весной 1648 вспыхнули роялистские восстания в разных частях Англии, роялистам сочувствовали и пресвитериане; к восстанию присоединились шотландцы, недавние противники короля. Кромвель быстро подавил восстание и разбил шотландцев. В связи с контрреволюционной опасностью, левелерские настроения опять поднялись; левелеры заговорили властным языком, к которому пришлось прислушиваться и грандам. Армия подает в ноябре 1648 «Ремонстрацию», в которой требует суда над королем и его сообщниками и нового парламента, избранного на основе широкого избирательного права. В виду того, что парламент не прекращал переговоров с королем, армия произвела радикальную чистку парламента (так наз. чистка Прайда), исключив из него всех негодных армии членов; оставшаяся небольшая кучка стала покорным орудием

в руках армейского командования. В янв. 1649 был образован верховный трибунал для суда над королем; король был приговорен к смерти и казнен 30 янв. 1649. Парламент объявил Англию республикой «без короля и палаты лордов».

Перед новой республикой стала тяжелая задача укрепления нового строя в условиях тяжкого внутреннего кризиса и внешних затруднений. Гражданская война и ряд неурожаев привели к голоду и эпидемиям; цены на продукты питания крайне возросли при почти неподвижном состоянии заработной платы. Налоги все увеличивались. Англия потеряла за это время внешний рынок, а внутренний был парализован; в связи с этим наблюдается развал промышленности и главной ее отрасли—суконного производства. Восстание в Ирландии, начавшееся еще в 1641, привело к полному отпадению большей части острова; признать республику отказалась и значительная часть англо-шотландского населения Ирландии. Ирландцы ведут переговоры с континентальными врагами Англии. В Шотландии пресвитериане соединяются с роялистами и приглашают к себе сына казенного короля (Карла II), вокруг которого собирается большая армия для вторжения в Англию. Далеко не усмирены и монархические движения внутри страны, особенно среди дворянства. Усиленные интриги при иностранных дворах (гл. обр., при французском) ведет роялистская эмиграция. Америк. колонии, особенно южные, не признают республики и склонны отложиться от метрополии. В то же время растет и раскол в среде победителей. На почве народных бедствий и недовольства в 1649 наблюдается значительный подъем левелерского движения в среде солдат, выступает Лилберн с яростными обличениями Кромвеля и индепендентской верхушки, которые правили через остатки «охвостье» Долгого парламента и через назначенный ими Государственный совет. В ряде полков начинаются бунты: солдаты требуют демократических реформ и призывают к отказу от платежа несправедливых налогов. В Лондоне похороны расстрелянного солдата и процесс Лилберна (привлеченного за подстрекательство к восстанию, но оправданного присяжными) выливаются в значительные антиправительственные манифестации. Выступают, наконец, группы, стоявшие левее левелеров,—деревенская и городская беднота, выставившая коммунистическую программу. Местами они захватывают общинные пустоши и начинают их обрабатывать (см. *Левелеры, Диггеры, Уинстенли*). Хотя левелеры, и особенно Лилберн, спешат отгородиться от всяких обвинений в коммунизме, но между ними и «истинными левелерами» есть ряд связующих звеньев.

Опираясь на дворянские и кулацкие элементы в армии, военное командование с Кромвелем во главе решительно подавляет солдатские мятежи; захваты общинных пустошей были ликвидированы жестоким крестьянством. Сам Кромвель отправился на усмирение Ирландии (1649).

Ирландская кампания была проведена с необычайной жестокостью и закончилась грандиозной экспроприацией земли у туземного населения; массы ирландцев были обезземелены или переведены на худшие и меньшие наделы на северо-западе о-ва. Отнятые у них земли пошли на вознаграждение не получившим жалования солдатам и офицерам, на расплату с поставщиками армии и т. д. Вокруг этих земель развивается усиленная спекуляция; солдатские паи были в большинстве случаев скуплены спекулянтами, и в Ирландии создано крупное англ. землевладение. В 1650—52 были приведены к покорности Шотландия и роялистские америк. колонии. Этими победами был положен конец недружелюбно-выжидательному отношению континентальных держав; европейские дворы один за другим спешат признать англ. республику. Правительство переходит к восстановлению торговли, разрушенной за время гражданской войны. Здесь Англии пришлось столкнуться с Голландией, главной торговой державой той эпохи, успевшей за это время захватить в свои руки англ. торговлю и англ. рыболовство. В 1650 англичане воспретили иностранцам торговлю с английскими колониями без особого разрешения. В 1651 издается знаменитый Навигационный акт, являющийся продолжением длинной серии подобных же мероприятий, начиная со средневековья. Согласно этому акту, внеевропейские товары должны ввозиться в Англию лишь на англ. кораблях, европейские же—или на англ. кораблях, или на кораблях той страны, в которой эти товары были произведены. Затем следовало специальное постановление, охранявшее интересы английского рыболовства. Эти акты были направлены прямо против Голландии, сила к-рой заключалась в транспортном и рыболовном флоте; из торговли с англ. колониями Голландия извлекала больше выгод, чем сама Англия. Подрывало голландскую торговлю и то, что англичане считали себя вправе захватывать нейтральные, т. е., главн. обр., голландские корабли, везшие грузы, принадлежавшие странам, враждебным Англии. Война с Голландией шла от 1652 до 1654. Она велась в Ламанше, в Немецком и в Средиземном морях, в Атлантическом океане. Огромный торговый флот голландцев был их наиболее уязвимым местом. Им пришлось дробить военный флот для охраны торговых путей. Все экономическое благосостояние Голландии зависело от транзитной торговли, и англичане, расстроив эту торговлю, подрезали ее жизненный нерв. Голландия не могла выдержать длительной войны и пошла на уступки. Англия добилась тесного союза, т. е. подчинения Голландии; Голландия на это не пошла, но ей все же пришлось признать навигационные акты и уплатить контрибуцию. Ее монопольное положение в транзитной торговле было подорвано. В 1654 Кромвель заключил договор с Португалией, по которому англичане были уравнианы с португальцами в праве торговать с португальскими колониями, и португальцы обязались пользоваться англ. судами для перевозок через

океан. Вслед за голл. войной начинается победоносная война с Испанией. Авторитет Англии в мировой политике в эпоху республики стоял высоко,—как никогда раньше.

Победы нового государства на внешнем и внутреннем фронте обеспечили ему признание со стороны некоторых, прежде враждебн. ему, групп землевладельцев и представителей торгового и денежного капитала. За новое государство стоят и новые землевладельцы, пожившиеся на распродаже земель в Англии и в Ирландии. На Кромвеля начинают смотреть, как на опору прочного общественного порядка и национального могущества. Но непрерывающаяся роялистская контр-революция и революционное брожение демократии при слабости социальной базы нового политического строя делают военную силу единственно надежной его опорой. Опираясь на армию, Кромвель делается фактически диктатором Англии. В 1653 он разгоняет, наконец, «хохостье» Долгого парламента. Вместо него он, совместно с офицерским советом, собирает индепендентский парламент по назначению из «богобоязненных людей», намеченных местными индепендентскими общинами. Когда этот парламент, в котором шла упорная борьба между умеренными сторонниками Кромвеля и радикальными религиозными энтузиастами, не оправдал его надежд, он без церемоний разогнал и его. Новая конституция была выработана офицерским советом; в декабре 1653 Кромвель принес ей присягу в качестве пожизненного лорда-протектора Английской республики. Избирательный закон соответствовал программе «грандов». Избирательные округа были перераспределены с большим перевесом графств над старыми городами. Был установлен избирательный ценз в 200 ф. ст. Парламент должен был избираться каждые три года. Исполнительная власть передавалась протектору, ограниченному Государственным советом, независимым от парламента. Устанавливалась довольно широкая веротерпимость (с исключением для католиков и англикан). В собравшемся в 1654 парламенте преобладали люди порядка и собственности, главн. обр., дворяне, и республиканское меньшинство было из него вычищено; но его попытки ограничить власть протектора привели к роспуску, и Кромвель стал править без парламента. Рост роялистских и демократических движений приводит к установлению военной диктатуры и военного положения: вся Англия делится на 10 (потом на 11) полицейских округов, во главе которых поставлены «генерал-майоры» с очень широкими полномочиями. Политическая полиция и сыск были поставлены превосходно, и заговоры прекратились, но недовольство продолжало нарастать. Финансовая нужда заставляет протектора в 1656 созвать парламент, который, прежде всего, подвергся чистке. Буржуазия и дворянство тяготеют к режиму военной диктатуры, они требуют отмены военного положения и генерал-майоров, они желали бы восстановления тех порядков, которые установились до захвата власти армией. Парламент же-

лает восстановления монархии, верхней палаты и государственной церкви и предлагает Кромвелю корону. В виду бури протестов в армии, Кромвель не решился принять королевский титул, хотя фактически монархический порядок и был восстановлен; такое положение, однако, не удовлетворило ни роялистов ни республиканцев. Кромвель умер 3 сент. 1658 в обстановке назревающей новой гражданской войны. После его смерти власть фактически переходит к высшему офицерству; буржуазия и дворянство, в условиях создавшегося политического хаоса, все более обращаются к мысли о примирении на известных условиях с легитимной монархией Стюартов, как к единственному средству установить прочный политический порядок. Генерал Монк, наместник Шотландии, вступает в переговоры с сыном казненного короля; Карл Стюарт дает обещание сохранить за новыми владельцами земли, распроданные во время революции, дать амнистию, соблюдать веротерпимость и уважение к конституции и уплатить армии недоданное жалование. Собравшийся в 1660 парламент восстановил палату лордов и старую конституцию и провозгласил Карла Стюарта королем. Народные массы, которым республика и протекторат дали лишь войны, налоги и генеральское господство, отнеслись к реставрации пассивно.

Реставрация Стюартов (1660—1688). Реставрированная монархия не сдержала обещаний, данных Карлом Стюартом. Она жестоко расправилась с теми деятелями революции, которые не успели скрыться или стать на ее сторону. Была восстановлена государственная англиканская церковь и проведены суровые законы против «диссентеров» (пресвитериан и сектантов). Но главных социальных сдвигов, произведенных революцией, реставрация не коснулась. Правда, были отобраны назад земли епископских кафедр, распроданные во время революции; отчасти были возвращены земли, конфискованные у роялистов. Но, в общем, перемещение земельной собственности, вызванное революцией, осталось в силе. Королю пришлось подтвердить отмену рыцарских держаний. Капиталистическое перерождение деревни стремительно продолжается после реставрации. Развивается техника сельск. хозяйства. Производятся успешные опыты по улучшению севооборота, разведению кормовых растений, по улучшению породы скота. Законодательная борьба с огораживаниями; прекратившаяся уже в первые годы Долгого парламента, больше не возобновляется. Направление аграрной политики теперь всецело определяется интересами лендлордов и капиталистической аренды. Среди земельной аристократии распространяется юридическая практика, закрепляющая нераздельность и неотчуждаемость ее имений. Актом об оседлости до крайности стесняется ограниченная уже и ранее свобода передвижения с.-х. рабочих. Появляется ряд хлебных законов, устанавливающих свободу вывоза для англ. хлеба и облагающих ввоз хлеба в Англию высокими пошлинами по системе скользящей

скалы. Ограничен был также ввоз мяса и убойного скота. Идет усиленный нажим на копигольд и превращение его в краткосрочную аренду. Отменяется избирательная реформа и восстанавливается старая система, обеспечивавшая преобладание в парламенте крупным землевладельцам—собственникам захудалых («гнилых») местечек и их ставленникам. При всем своем верноподданстве и преследовании неверноподданных элементов парламент настойчиво отстаивает свои права, упорно желает определять направление политики, скупно отмеряет деньги королю. Парламент заставляет короля считаться с его желаниями, если не в назначении, то, во всяком случае, в отставке министров.

Интересы торговых и финансовых кругов осуществлялись через давление банкирских контор Сити, державших в своих руках кредит, без которого уже не могло жить государство. Сити держит в финансовой зависимости от себя видных государственных деятелей, и много джентльменов в парламенте живет на его подачки. Политический вес торгового и денежного капитала несравненно выше, чем его представительство в парламенте. Вторая половина 17 века— время стремительного роста торгового и денежного капитала. Экономист 17 в. Давенант определяет ежегодный прирост национального богатства в Англии около 1688 в 2 млн. ф. ст. Из них, по его расчетам, обмен с колониями давал 900 тысяч, вывоз сукна и сырья в страны Европы—500 т., торговля с Ост-Индией—600 т. Англия все более делается колониальной державой, в ее экономике доходы от колоний выдвигаются на первое место. За эпоху реставрации (1660—88) тоннаж англ. флота увеличился вдвое. Акт о мореплавании был переиздан несколько раз. Рядом с коммерческим растет и военный флот. По расчетам того же Давенанта, сукна производится на 8 млн. ф. ст. в год; на 6 млн. потребляется в стране, на 2 млн. вывозится. Сукно все еще представляет главный предмет англ. экспорта. Таможенные доходы за эпоху реставрации увеличиваются вдвое, при чем около половины всего вывоза падает на Лондон. Столица становится местом крупнейшего накопления капиталов. Необычайно быстро идет создание новых акционерных монопольных компаний, направляемых, гл. обр., на эксплуатацию колоний; среди них на первом месте стоят Королевская африканская компания (для вывоза черных невольников на Антильские о-ва) и Компания Гудзонова залива (для торговли мехами). Растут капиталистические предприятия и в промышленности (особенно в добычании и обработке металлов). Дворянство и буржуазия собирают богатую жатву с завоеваний революции. Но положение трудящихся стремительно ухудшается. Завоевания капитализма в области промышленности и сел. х-ва ведут к вытеснению мелкого самостоятельного производителя. Крестьянин разоряется, джентльменское землевладение все более внедряется в деревню. Мелкий мастер попадает в безвыходную зависимость от предпринимателя, рабочий и

батрак находятся в полукрепостном состоянии, реальная заработ. плата понижается. Дворянскому парламенту и Сити была нужна королевская власть, чтобы положить конец революционному брожению; но им нужен был послушный король, который за их деньги проводил бы их политику. Реставрированные Стюарты и их окружение очень мало подходили для этой цели. Карл II (1660—85), авантюрист, привыкший жить на чужой счет, мотает деньги без счету и толку. Вокруг него собирается распущенная и хищная компания, стоящая государству огромных денег. Скупно отмеряемых парламентом сумм и взяток с купцов не хватает. И реставрированная монархия применяет метод паразитирования при чужих дворах, ставший ей привычным за время междоусобицы. На место главной соперницы англ. капитализма все более выдвигается Франция Людовика XIV и Кольбера, строившая мануфактуры, лихорадочно создававшая торговый флот и торговые компании и стремившаяся занять первое место среди европейских держав. В Сити чрезвычайно сильны антифранцузские настроения; и теперь, как в эпоху Елизаветы, когда главная морская соперница, Испания, связывалась в умах буржуазии с католичеством, антифранцузские настроения выливаются в антикатолические. Но Карл II, не считаясь с настроениями буржуазии, социальный и политический вес которой быстро растет вместе с ростом промышленности и торговли, предпочел продать франц. королю «всю англ. промышленность вместе с торговлей». За денежное вознаграждение Карл II допустил закрытие франц. рынка для англ. товаров и подчинил иностранную политику Англии франц. интересам. Он продал Франции завоеванный Кромвелем Дюнкирхен, обещал ей помощь в борьбе против Голландии и поддержку притязаний Бурбонского дома на испанские Нидерланды. Но и франц. денег не хватает, и королю приходится все время лавировать между Людовиком XIV и парламентом. Начав по требованию французов войну с Голландией, он принужден ее прекратить по настоянию парламента, но продолжает негласно помогать французам людьми и припасами и смотрит сквозь пальцы на захват их каперами англ. судов. Он то издает указы о веротерпимости по отношению к католикам и диссентерам, то за субсидии от парламента отменяет их и соглашается на проведение Акта о присяге (Test Act, 1673), по которому все не принадлежащие к англиканской церкви, и особенно католики, лишаются права занимать должности на государственной службе. За это парламента дает ему субсидию в 1.200 т. ф. ст. Получив под тем или иным предлогом деньги от парламента, он спешит распустить его и берет с французов деньги за отсрочку нового созыва. Он прибегает к таким средствам, как отказ от уплаты лондонским банкирам долгов государственного казначейства, что вызывает страшное потрясение в финансовых кругах Сити, подрыв торговых операций и разорение вкладчиков. Влиятельные представители крупного землевладения в обеих палатах,

опираясь на банкирские и торговые круги, складываются в сильную оппозиционную партию, объявляющую решительную борьбу абсолютистским притязаниям, вероисповедной и иностранной политике короны. Борьба ведется вокруг вопроса о лишении брата короля, Якова, ревностного католика и убежденного абсолютиста, права наследования престола. Для обеспечения себя от произвола короны оппозиция проводит акт о « *Habeas Corpus* », в силу которого каждый арест должен производиться по мотивированному приказу, и арестованный должен в кратчайший срок либо представляться в суд либо освобождаться (1679). В это время возникают клички «виги» и «тори», к-рыми стали называть друг друга оппозиция и сторонники короля. Число вигов и их притязания растут с каждым новым созывом парламента. Одно время дело едва не доходит до вооруженного столкновения. Король переносит заседания из явно вигского Лондона в торийский Оксфорд и отправляется туда в сопровождении гвардии. Вооружаются и виги. Страх перед возобновлением гражданской войны повернул настроение правящих классов в сторону реакции. Правительство проводит изменение в составе городских корпораций, усиливающее его влияние на местные и парламентские выборы; вигские вожди, под предлогом раскрытия заговора на жизнь короля, были казнены или вынуждены бежать. Последние четыре года своего царствования Карл II правил без парламента, опираясь на французскую субсидию и террористический режим. Яков II взшел на престол беспрепятственно (1685). Попытки восстания были подавлены со страшной жестокостью. Выборы в парламент дали огромное большинство тори. Но слишком грубый поворот короля, также подчинившего свою политику указаниям франц. двора, в сторону католицизма и абсолютизма вызвал тревогу даже у торийского дворянства и англиканского духовенства, испугавшихся за свои земли и доходы; частичная приостановка платежей по государственным обязательствам ударила по буржуазии. Страшный разгром протестантской буржуазии во Франции (отмена Нантского эдикта в 1685), встретивший полное одобрение у короля и двора, еще усиливает тревогу и недовольство. Выпущенная королем в 1687 (гл. обр., в интересах католиков) декларация о веротерпимости, приостанавливавшая все законы, каравшие за церковные правонарушения, не привлекла к нему симпатии диссентеров, огромное большинство которых принадлежало к буржуазии, но вызвала крайнее озлобление у лиц англиканского вероисповедания, особенно у духовенства, несмотря на обещание охранять за англиканской церковью все ее владения и доходы. По инициативе лондонских банкиров и купцов, представители знатных землевладельческих фамилий (тори и виги), вместе с высшим духовенством, обратились к голландскому штатгальтеру—Вильгельму Оранскому, зятю Якова II, с просьбой о вооруженной интервенции (июнь 1688). В ноябре Вильгельм высадился в Англии, дворянство

стало на его сторону, войска начали переходить к нему. Яков, покинутый всеми, бежал во Францию. Созванный в янв. 1689 парламент («конвент») объявил Якова отказавшимся от престола (чтобы не придавать низложению революционного привкуса) и передал королевскую власть Вильгельму Оранскому (*Вильгельму III*, см.), который особой «Декларацией прав» обязался соблюдать парламентские привилегии.

Старый порядок.—Англ. буржуазия, отстраняя неприятное воспоминание о первой революции с ее насильственным характером и выступлением широких народных масс, не находит слов для превознесения «славной», «великой», «бескровной» революции 1688. Действительно, революция 1688 была завершением буржуазной революции в Англии; в ней верхи буржуазного землевладения, торгового и банкирского капитала покончили с последним остатком феодализма в виде паразитической полуабсолютной монархии, стеснявшей свободное развитие национального капитализма. Землевладение, торговый и банкирский капитал стали у власти, подчинив себе ослабленную и связанную буржуазной конституцией королевскую власть. Основы этой конституции были даны в «Декларации прав» 1689, переработанной потом в знаменитый «Билль о правах». Этот билль лишил короля права приостанавливать действие законов или освобождать от обязанности их исполнять (чем особенно злоупотреблял Яков II); королю воспрещалось собирать какие бы то ни было налоги без разрешения парламента; ему воспрещалось держать в мирное время постоянную армию иначе, как по особому постановлению парламента; предписывалась часто созывать парламент и объявлялась свобода речи в парламенте, а также свобода петиций; подтверждался, наконец, акт о присяге 1673. Сильные в среде буржуазии диссентеры получили согласно «Акта о веротерпимости» право публично совершать богослужения и выбирать своих священников и пресвитеров. Дальнейшие основы буржуазной конституции были заложены «Актом о престолонаследии» 1701, обеспечивавшим за победившими группами слабую и покорную королевскую власть. Сначала престол должен был перейти к младшей дочери Якова II—Анне, а после ее смерти к ничтожным князьям маленького нем. государства Ганновер, лишенным всяких связей в Англии. Этот же акт установил (давно уже выдвигавшийся парламентом) принцип ответственности королевских министров перед парламентом, потребовав под каждым актом королевского совета подписи ответственных за него министров и лишив короля права давать помилование привлеченным к парламентскому суду министрам. Судебная власть была сделана независимой от короля и подчинена парламенту, к-рый один получил право смещать судей. «„Glorious revolution“ („славная революция“) вместе с Вильгельмом Оранским поставила у власти дельцов из кругов крупных землевладельцев и капиталистов» (Маркс). Конец 17-го и 18 в.—золотое время английской землевладельческой аристократии. Крупные земельные

собственники были самыми богатыми людьми в Англии. Революция 1688 пополнила их ряды новым приливом свежих сил из буржуазной среды. Начинается грандиозное расхищение гос. земель, пущенных в продажу под предлогом покрытия военных расходов. Были конфискованы и распроданы имения католиков, не пожелавших перейти в протестантство. Еще раз была экспроприрована Ирландия, ответившая, как и Шотландия, на «славную революцию» восстанием; ее коренное католическое население было лишено всяких политических прав, переданных протестантским господам. Землевладельцы согласились на введение поземельного налога (*land-tax*) в 1689, но вознаградили себя новыми хлебными законами, установившими премии на вывоз хлеба. Для охраны интересов англ. промышленности был издан ряд запретительных мер, гарантировавших ей дешевое сырье и свободу от иностранной конкуренции; шерстяная промышленность в Ирландии была задумана окончательно. Быстрый рост колоний и их спроса на англ. фабрикатy ускоряет развитие англ. промышленности. В интересах торгового капитала развивается энергичная внешняя политика, парализовавшаяся до сих пор подчинением Стюартов франц. двору. Все войны со времени «славной революции»—войны за колониальные доходы. В этой борьбе Англия соединяется с Голландией против своего главного соперника—Франции. Начинается длинный ряд войн с Францией, затянувшихся больше чем на столетие (1689—1815), в которых Англия завоевывает первенство в колониях и на морях. По Рисвикскому миру (1697) англ. мануфактурам был облегчен доступ во Францию. Сильный удар Франции был нанесен в так назыв. «Войне за Испанское наследство», в к-рую Англия вступила, опасаясь усиления Франции в Средиземном море и в Америке. По закончившему эту войну Утрехтскому миру (1713), Англия закрепилась свои позиции на Средиземном море присоединением Гибралтара и о-ва Минорки. В Америке Англия получила земли по Гудзонову заливу и ценнейшее право монопольного ввоза рабов в испанские колонии (*асиенто*); права на торговлю с испанскими колониями были даны ей в очень незначительных размерах, но они открывали широкий простор для контрабанды. На почве торговли с колониями, контрабанды и особенно работорговли стремительно вырастает экономическая мощь Ливерпуля. По Метуэнскому договору 1703, Англия получила ряд привилегий в Португалии и окончательно подчинила ее своему влиянию. Возникает множество новых акционерных компаний; старые расширяют свой капитал и свои обороты. Старая Ост-Индская компания, опиравшаяся на подкуп короля и двора, уступает место новой, опиравшейся на подкуп министров и парламента; торговля с Индией и Китаем быстро развивается. Всякого рода предприятия, часто совершенно дутые, начинают расти, как грибы. За займы правительству или путем подкупов акционерные компании получают монополии, дающие им сказочные барыши.

Часто берут патенты только для того, чтобы вздуть цены на акции, без всякого намерения вести дело всерьез. Вокруг акционерных обществ возникает бешеная спекуляция. В 1711 создается знаменитая Компания южных морей для торговли с испанскими колониями и для рыбных промыслов. Этой компании при помощи заинтересованных в деле министров удалось взвинтить свои акции с номинальной стоимости в 100 ф. ст. более чем до 1.000 ф. ст. (в август 1720). Оживление биржи сказывается и на др. акциях; в 1720 акционерные компании растут одна за другой. Дело кончилось грандиозным крахом, быстрым падением ценности акций и крупным министерским скандалом. Англ. предприятия пользуются отчасти иностранными капиталами. Подрыв торговой монополии превращает Голландию в течение второй половины 17 в. в страну рантье; накопленные в торговле, грабеже и в эксплуатации колоний капиталы устремляются в другие страны и, в первую очередь, в Англию, оплодотворяя развитие англ. торговли и промышленности. Голландцам принадлежала значительная часть акций Ост-Индской компании, Компании южных морей, Английского банка. Банкиры Сити оказали новому правительству важную поддержку, дав ему крупную ссуду. Банкирский капитал извлекает большие выгоды из военных предприятий в виду стремительного роста государственного долга, доходящего к 1697 до 21½ млн. ф. ст. и приносящего высокие проценты. Английский банк, основанный в 1694 и начавший свою деятельность со ссуды государству в 1.200 т. ф. ст., должен был централизовать и организовать государственный кредит с правом принимать вклады, учитывать векселя и производить другие финансовые операции. За ним последовало множество других банков. Кредитование государства делается одним из важных источников накопления капитала.—Правящие классы Англии взяли в 1688 власть в свои руки, чтобы без всяких ограничений наживаться за счет трудящихся. Хлебные законы и охранительные пошлины тяжело ударили по малоимущим классам. Закон об оседлости был повторен и усилен. Положение рабочих в текстильной промышленности непрерывно ухудшается. Войны ведут к непрерывному повышению налогового бремени, и уплата высоких процентов по государственному долгу еще более усиливает это бремя. Между «славной революцией» и серединой 18 века англ. крестьянство, еще довольно многочисленное в конце 17 в., перестает существовать как класс.

После революции 1688 в Англии устанавливается политическое господство землевладельческой олигархии, тесно связанной с интересами торгового и денежного капитала (партия *вигов*, см.). Предоставляя аристократии управление и связанные с ним выгоды, поддерживая ее на выборах и делась с ней доходами, торговый и финансовый капитал получает взамен строгое проведение меркантилистической политики. Став в своей наиболее влиятельной части вполне буржуазной и по происхождению и

по психологии, англ. «знать» крепко держится за феодальные титулы (очень щедро раздаваемые и покупаемые), цепко удерживает в своих руках и округляет земельные владения, ревниво охраняет старинные избирательные порядки, гарантировавшие ей главную роль в местном управлении и в парламенте. После 1688 виги стремятся удержать власть в руках родовой олигархии. Среди вигских министров мы видим все время представителей немногих фамилий—Кавендишей, Росселей, Стенгопов, Пелгемов; изредка попадают неродовитые люди, но это исключительные таланты, как Уолпол или Питт. Но торговая, промышленная и денежная буржуазия от этого не в накладе. Первая половина 18 в.—эпоха крепкого союза землевладельческой, торговой и финансовой буржуазии, объединившейся в партии вигов для эксплуатации Англии и империи. Ядро партии тори составила масса англ. дворянства, особенно мелкопоместное дворянство, к-рое не могло тягаться с «аристократией» и ее ставленниками в местном управлении и в парламенте и было, так обр., отеснено от государственного пирога, а также та часть дворянства, которая была меньше затронута капиталистическим перерождением сел. х-ва и сохраняла дореволюционную «кавалерскую» психологию («кавалерами» во время гражданской войны назывались сторонники короля) и привязанность к Стюартам; сюда же входила часть знати, лишившаяся доходов, которыми она пользовалась при дворе Стюартов. К этим слоям примыкало и англиканское духовенство, недовольное возвышением диссентеров, составлявших крупную силу среди буржуазии и в партии вигов, и нек-рые лишенные добычи и потому недовольные круги торгового и промышленного капитала. Тори не сочувствовали завоевательным планам, мечтали о реставрации Стюартов (если они откажутся от католичества) и обличали партийное господство и подкупность вигов.

Виги преобладали в парламентах и в королевском совете Вильгельма III (1689—1702); но сопротивление массы сельского дворянства новым военным планам короля привело к победе тори в конце его царствования. Преемница Вильгельма III, Анна Стюарт (1702—14), составила королевский совет из тори, но в 1705 виги прошли в большинстве в парламент и, при поддержке нек-рых тори, перекрасившихся в вигские цвета, постепенно завладели и советом, несмотря на сопротивление королевы. С этого времени начинает устанавливаться порядок, согласно к-рому министерство должно образовываться из членов партии, преобладающей в нижней палате. Бесконечно затянувшаяся война за Испанское наследство вызвала раздражение против вигов; выборы 1710 дали сильное торийское большинство и привели к власти торийский кабинет, который начал переговоры о мире. Чтобы победить сопротивление палаты лордов, где у вигов было незначительное большинство, торийское министерство прибегло к назначению 12 новых торийских перов, что создало весьма важный конституционный прецедент. Торийское министерство на-

мерено было после смерти Анны посадить на престол претендента из дома Стюартов. Но вигам удалось осуществить акт о престолонаследии и призвать ганноверского курфюрста Георга (Георг I, 1714—27). Биржа нервно реагировала на перипетии интриг за престол понижением и повышением бумаг. Раскол среди тори, из коих некоторые испугались возвращения Стюартов и католической опасности, способствовал победе вигов на парламентских выборах; назначение новых перов восстановило за ними большинство и в верхней палате. В течение следующих 46 лет (1714—60) могучий рост англ. буржуазии дает непрерывный перевес вигам, к-рые все время сохраняют большинство в парламенте. Короля почти совершенно отстраняют от участия в политической жизни, и вся власть сосредоточивается в руках вигского кабинета. Больше 20-ти лет (1721—42) во главе кабинета стоял Роберт Уолпол (см.). В его правление особенно упрочивается значение премьеры и единство кабинета. В эту эпоху окончательно складывается та англ. конституция, которая потом нерушимо стоит до 1832, а с некоторыми поправками и до гораздо более позднего времени.

Располагая огромными земельными богатствами и денежными средствами, виги стараются создать своего рода олигархическую республику с королем, сведенным к конституционной декорации. Первые короли ганноверской династии вполне подходили для этой цели. Королевское «вето» фактически выходит из употребления еще со времен Анны. Уолпол, сверх того, подкупил королевскую власть, увеличив цивильный лист на 100 т. ф. ст. в год и не жалея денег на взятки королевским фавориткам. Преобладание в парламенте стоило вигам дороже. Система «гнилых местечек» создавала самую благоприятную почву для давления на выборы со стороны могущественных землевладельцев и для подкупов. Голосовать за вигов было выгоднее, потому что они были богаче. В 18 веке система подкупов («коррупция») делается одной из основ англ. политического строя наряду с «всемогуществом» парламента и кабинетской системы. Кандидаты в парламент подкупали избирателей на деньги, отпущенные для этой цели их патронами и покровителями, министры подкупали членов парламента, раздавая им должности, пенсии, денежные подарки. В первом парламенте Георга I из 550 членов 240 получали пенсии от правительства; потом это число возрастает. Сами министры снимали жирные сливки с прибылей торговых, промышленных, колониальных и банковых магнатов и компаний и грабили плательщика налогов, занимая множество выгодных sinecur. «Всемогущество» англ. парламента, к-рый простым актом мог изменить основы англ. конституции, было выражением всемогущества стоявшей за ним олигархии. Виги стараются всячески подчинить себе нижнюю палату и изолировать ее от внешних влияний. В 1716 они проводят «Семилетний акт», устанавливающий семилетний срок полномочий нижней палаты. В 1694 был установлен

трехлетний срок, чтобы отнять у короля возможность слишком долго сохранять полномочия удобного ему парламента; так, Карл II сохранял свой первый «кавалерский» парламент в течение 17½ лет. Но теперь на место короля стала вигская олигархия и послепила узаконить длительные сроки полномочий парламента. Парламент окружает свои заседания тайной, и только после долгой борьбы (1771) пресса получила право печатать отчеты о заседаниях. Виги сохранили проведенный торийским парламентом (1711) закон, установивший для кандидатов от графств высокий ценз в 600 ф. ст. год. дохода с недвижимости; впрочем, иногда они пускали в ход фиктивные цензы.

Эпоха от начала новой династии и почти до конца правления Уолпола (1714—39), несмотря на ряд мелких войн, была, в общем, временем внешнего мира и укрепления англ. капитала на завоеванных позициях. Экономическая политика Уолпола носит консервативный характер: она охраняет сложившиеся интересы и недоверчиво относится к новшествам; охрана старинной суконной промышленности вызывает гонение на новую — хлопчатобумажную. Принципом Уолпола было «*Quaerita non movetur*» — «не трогать того, что лежит спокойно». Господство торгового и денежного капитала и крупного землевладения закреплялось острожно, практически, без резких политических нововведений. «Акт о присяге», не допущавший лиц неангликанского вероисповедания к занятию государственных должностей, не отменялся; но он систематически обходился в интересах диссентеров, представлявших большую силу в партии вигов.

Но скоро интересы англ. капитала и, в первую очередь, торгового, начинают вырастать из тех границ, к-рые были очерчены международным положением Англии. Торговый капитал начинает требовать большей решительности и агрессивности во внешней политике. В парламенте в среде вигов начинает складываться оппозиция, к-рая рядится в воинственно-патриотический костюм, настаивает на войне с Испанией, препятствовавшей контрабандной торговле англичан с ее америк. колониями. Крепнущая торговая буржуазия начинает тяготиться политическим патронатом землевладельческой олигархии и считает возможным основать свое политическое господство на более широком фундаменте; вигская молодежь («мальчишки», как их презрительно называл Уолпол) выступает с обличениями коррумпции, говорит об изменении выборных порядков. Среди них на первое место выдвигается блестящий оратор Уильям *Питт* (см.). В 1739 «патриоты» добились объявления войны Испании; выборы 1741 не дали Уолполу большинства в парламенте, и он вышел в отставку (1742). Виги переходят к воинственной внешней политике, направленной, в первую очередь, против главной соперницы Англии — Франции. Франция успела за это время оправиться от временного упадка, подчинила своим интересам Испанию, стала опять энергично вмешиваться в европейскую политику, добиваясь доминирующего положения на континенте

Европы. Она развивает энергичную колониальную политику в Индии и в Америке; в Индии она первая приступает к созданию большой колониальной державы, развивает торговлю по всему юж. побережью Азии, отесняя англичан. В Америке она занимает огромные территории, охватывая англ. колонии с С. и с З. Англия вмешивается в континентальные войны Франции, создает против нее коалиции, помогает ее врагам деньгами, но главное внимание обращает на сокрушение ее колониальной мощи. «Война за Австрийское наследство» (1740—48) была мало удачна для Англии. После заключения мира продолжают столкновения в Америке, где французы закрепляли свои захваты линией фортов и натравливали на англ. колонистов туземные племена, и в Индии, где англичане, в свою очередь, встали на путь создания колониальной державы, забирая в свои руки финансы индийских князей (откупа налогов), вмешиваясь в их распри и подчиняя их своему влиянию, и в Средиземном море, где французы заняли один из главных опорных пунктов Англии (о-в Минорку). В 1756 началась т. н. «*Семилетняя война*» (см.), в которую были вовлечены все крупные державы Европы, от России до Испании. Для Англии это была война против усиления Франции и за вытеснение ее из Америки и Индии. Душой войны стал Питт, выдвинутый англ. купечеством, несмотря на то, что у него не было достаточной поддержки в парламенте, что ему пришлось резко столкнуться с лидерами вигов, и что король терпеть его не мог. Торгово-капиталистические круги заставили принять его в правительство и поручить ему ведение войны. Питт облакает политику воинственного торгового капитала и колониального захвата в наряд пламенного патриотизма; он постоянно патетически взывает к могуществу и славе отечества; для него не существует вопроса, может ли «отечество» быть неправым; он стал кумиром англ. буржуазии и образцом для всех будущих захватчиков и империалистов. Но Питт был не только блестящим оратором, но и энергичным политическим деятелем. Он настойчиво повел политику выдвинувшего его торгового капитала, не считаясь с традициями своих аристократических товарищей по партии, назначая на руководящие военные места людей из буржуазии. Поддерживая Пруссию богатыми субсидиями и маленьким вспомогательным корпусом, Питт сосредоточил всю энергию на морской и колониальной войне. Война окончилась полной победой Англии в колониях. В 1763 Парижский мир отдал в руки Англии Канаду и все земли на В. от Миссисипи. Испания уступила ей Флориду. В Индии у французов осталось лишь несколько опорных пунктов для торговли. Французская колониальная держава была разрушена.

С середины столетия начинается кризис в партии вигов; интересы торгового и денежного капитала начинают расходиться с политикой землевладельческой олигархии, оказавшейся мало пригодной для широких завоевательных планов. Питт (внук чиновника Ост-Индской компании) пробует

нащупать более широкую социальную базу для господства торгового капитала, чем та, на которую опирались виги. Он, как и тори, поднимает голос против «партийного застоя», против господства олигархии, против коррупции, высказывается за избирательную реформу. В центре его политических воззрений стоит государство и государственный интерес, под которым у него скрываются интересы англ. торговли. Развивая агрессивную внешнюю политику, торговый капитал желает единого и твердого руководства политической жизнью. Питт мечтает о сильной и популярной монархии и себе отводит роль посредника между нею и представителями «нации». И в этом отношении Питт был близок к нек-рым торийским политикам и особенно к *Болинброку* (см.) с его идеей «короля-патриота». Расхождение между землевладельческой олигархией и торговым капиталом приводит к развалу партии вигов, к ее распаденю на фракции, осложняемому борьбой за власть между отдельными аристократическими фамилиями. Этим положением пользуется корона для того, чтобы, учитывая ясно наметившуюся потребность капитала в сильной власти, попытаться стать центром новой перегруппировки общественных сил. Честолюбивый и неуравновешенный Георг III (1760—1820) пробует взять руководство политикой в свои руки и править через своих «друзей», оттеснив вигов. Он старается опереться на некоторые торийские группы и берет в свои руки выработанную вигами систему коррупции; при помощи ее он создает в парламенте партию «королевских друзей». Симпатии торговых и финансовых кругов он стремится привлечь энергичной колониальной политикой. В это время в центре англ. политики стоит вопрос об отношениях с америк. колониями. Стремление метрополии усилить эксплуатацию растущего богатства этих колоний и переложить на них часть государственных расходов вызвало резкий отпор со стороны окрепшей америк. буржуазии, отстаивавшей свои права на контрбанду, на работу наравно, на спаивание и обирание туземцев и на присвоение их земель. Агрессивная политика министерства «королевских друзей» привела к отпадению колоний и к войне, к-рой воспользовались соперники Англии—Франция, Испания и Голландия; враждебное положение заняли и другие континентальные державы, раздраженные бесцеремонным хозяйничанием англичан на море. В результате Англия лишилась 13 америк. колоний и Флориды, опять перешедшей к Испании (Версальский мир 1763. См. *Соединенные Штаты*, исторический очерк). Это было крахом как королевской политики, так и старой политики меркантилизма. Вопрос об организации власти и направлении политики осложняется крупнейшими экономическими переменами, в полосу которых Англия вступает около середины 18 века.

Эпоха промышленного переворота (1760—1832). — Сделавший крупные успехи в 16 и 17 веках процесс вытеснения мелкого собственника и мелкого фермера крупной собственностью и круп-

ной арендой усиливается в 18 веке в обстановке господства землевладельческой олигархии. Ему содействуют крупные перемещения собственности и процесс возникновения класса новых землевладельцев из богачей, нажившихся на торговле, спекуляции или заморских предприятиях (особенно в Индии). Капитализм все глубже проникает в деревню. Процесс огораживаний, не прерывавшийся в 17 в., усиливается в 18-м, распространяясь на отсталые, сохранившие общинные порядки, районы. К старым способам огораживания присоединяются новые: землевладельцы стараются использовать свое влияние в парламенте для ликвидации старых отношений и повышения ренты. Огораживания начинают производиться в силу парламентских актов, в основу которых кладутся петиции собственников известной части земли данного прихода; эти акты предписывали произвести размежевание и огораживание общинных пустошей или всех земель этого прихода и устанавливали общие правила размежевания и огораживания. С 1700 до 1760 прошло 208 актов, предписывавших полное или частичное огораживание отдельных приходов; они коснулись, в общем, более 312 тысяч акров. С 1760 до 1801 было издано 2.000 актов, действие которых распространилось более, чем на 3 млн. акров. Инициатива принадлежала обычно крупным землевладельцам, повышавшим таким путем доходность своих земель. Пользуясь своими связями в парламенте, они беспрепятственно проводят акты, затрагивающие интересы сотен людей; протесты, если они не исходят от достаточно сильных людей, не принимаются во внимание. Расходы по проведению акта через парламент, по размежеванию и огораживанию налагаются на все население прихода и особенно тяжело ложатся на малоимущих; иногда лорд и священник освобождаются от участия в расходах. Больше всего страдают от огораживаний мелкие владельцы, лишившиеся права выпаса на общинных пустошах и права собирать топливо в лесу; в хижинах сельских рабочих и мелких мастеров домашней промышленности исчезло молоко, стало нечем топить печи. Порой им приходится продавать свои наделы, чтобы оплатить расходы по огораживанию. Многие поселенцы на общинной земле (т. н. скваттеры), не имевшие юридических прав на свои хижины, безжалостно сгонялись. Крестьянство как класс, в общем, перестало существовать уже к середине 18 в.; не видно, чтобы остатки среднего и зажиточного крестьянства, сохранившиеся в деревнях общинного типа, страдали от огораживаний. Очень выигрывали от огораживаний священники. Огораживание обычно сопровождалось коммутацией десятины, т. е. заменой прав священника на $\frac{1}{10}$ продукта своего прихода выделением в его пользу части приходской земли, при чем обычно выделялось больше $\frac{1}{10}$. Священники собирают в своих руках значительные земельные участки, стараются скупить побольше земель; они примыкают по своим интересам к мелкому и средн. дворянству. Десятина иногда была в руках светских людей, особенно владевших

прежними монастырскими землями (часть десятины еще в средн. века перешла в руки монастырей и при Генрихе VIII была конфискована и отчуждена короной вместе с остальным монастырским имуществом). Т. о., на коммунции десятины наживались и светские землевладельцы. Захватывая с середины 18 в. отсталые сельские районы и стремительно усиливаясь, огораживания преобразуют характер наименее затронутых капитализмом слоев англ. дворянства и духовенства, быстро выходящих теперь на дорогу буржуазного развития.

Отрыв от земли широких масс крестьянства и деревенского полупролетариата, вместе с гигантским накоплением капитала, выросшего на почве эксплуатации колоний, особенно Индии, на вывозной торговле, на работоторговле, на кредитовании государства, на эксплуатации кустаря, на земельной ренде, создали предпосылки для крупных изменений в промышленности, давно уже начавшей становиться на капиталистические рельсы. Уже в 17 в. капитал начинает в широких размерах приливать к промышленности; учреждается ряд акционерных компаний для разработки рудников, для применения новых технических приемов в металлургии, для выработки полотна, бумаги, селитры... Шерстяная промышленность уже давно стала принимать домашне-капиталистические и мануфактурные формы. В некоторых отраслях (напр., в чулочной-вязальной) уже с 16 в. применяются сложные ручные станки. В 18 в. техника производства делает быстрые успехи больше всего в новой для Англии хлопчатобумажной промышленности, к-рая, несмотря на все ограничения и запрещения, быстро выдвигается на первое место в текстильном производстве. Отсутствие цеховой и правительственной регламентации производства создавало именно в этой отрасли особо благоприятные условия для введения технических усовершенствований. На это толкал и самый характер массового производства дешевого продукта; дешевизна сырья выдвигала среди издержек производства на первый план заработную плату и создавала особо сильный стимул к ее сокращению. Ряд изобретений, начиная с летучего челнока Келя (1733), преобразовывает технику тканья и особенно пряденья (см. *Промышленный переворот*). Новые изобретения начинают применяться и в шерстяном производстве. Приложение машин, особенно после применения к ним центральных двигателей (сначала воды, потом пара), ускоряет развитие крупного производства и вытесняет мелкого производителя. Не менее радикальный переворот происходит в металлургической промышленности, давно уже привлекавшей крупные капиталы. Ряд изобретений открыл возможность массового производства чугуна, железа и стали улучшенного качества. Развивается производство орудий производства; особенно после введения паровых двигателей железные машины всюду вытесняют деревянные. Быстро растут новые промышленные центры; промышленность и вместе с ней население перемещаются с Ю.-В. Англии на С.-З. (См. выше, Экономико-географические районы).

Промышленность становится золотым дном для капиталов, накопившихся в других областях экономической деятельности; открывается как бы новая Индия; происходит крупное перемещение капиталов в промышленность и стремительный их рост в этой области. В течение короткого времени удельный вес промышленного капитала в экономической жизни страны увеличивается во много раз; в индустрии начинают видеть главный источник национального богатства. Новая индустриальная Англия выдвигает новые требования и, прежде всего, требование экономической свободы, т. е. свободы эксплуатации рабочего, не стесненной никакими цеховыми и государственными предписаниями; индустриальный перевес Англии над всеми другими странами земного шара делает для англ. промышленного капитала выгодной политику открытых дверей; свобода торговли все более ставится на очередь в противовес старой меркантилистической политике.

К 80-м гг. 18 в. намечается новое размещение общественных сил. Рядом с развалом старого вигизма, от к-рого отходит агрессивный торговый капитал в лице «новых вигов» (группы Питта), образуется новый центр, вокруг которого начинают объединяться господствующие классы. Сельское дворянство и духовенство, составлявшие главную опору партии тори, подвергаются основательному капиталистическому перерождению. Их стюартовские (или «якобитские»), как тогда говорили) симпатии давно сданы в архив, особенно после неудачного вторжения в Англию претендента из дома Стюартов (1745—46). Тори делаются «такими же буржуа, как и прочие» и «отличаются от других буржуа ровно в той мере, в какой земельная рента отличается от торговой и промышленной прибыли» (Маркс); если они еще не сделались таковыми, то стремятся к этому, спешат ликвидировать последние остатки старой патриархальной деревни и с этой целью тянутся к парламенту, тянутся к власти. Переродившись в буржуа, они легко находят почву для соглашения с другими буржуазными группами. «Новые тори» выражают «демократические» симпатии, говорят о необходимости единения с «народом», понимая под этим широкие круги буржуазии, нерешительно заговаривают об избирательной реформе. Они провозглашают энергичную завоевательную политику, но при этом не склонны к поддержке притязаний старого монополистического торгового капитала и меркантилизма, скомпрометированных американской политикой и Ост-Индской компанией, переживавшей полный организационный развал в пору усиленного роста англ. колониальной державы в Индии (см. *Индия*). Вокруг нового торизма происходит новая коалиция господствующих классов; сюда переходят многие виги; «новый вигизм», во многом предваривший идеологию нового торизма, послужил для них мостом. Не случайность, что крупнейшим лидером нового торизма стал Уильям Питт, младший сын знаменитого вождя новых вигов. Вокруг тори начинает сплачиваться торговый, денежный и промышленный капитал,

поскольку последний нуждался в помощи государства для открытия внешних рынков, для борьбы с иностранной конкуренцией и с рабочими. Но постепенно промышленный капитал начинает обособляться и вести самостоятельную политику, добиваясь участия в политической власти. Начало этого нового «радикального» течения относится уже к концу 60-х годов 18 в. К нему примыкают некоторые круги промышленной буржуазии, а также недовольная экономическими переменами мелкая буржуазия, а потом и растущий фабричный пролетариат. Близко к этому течению подходят левые круги перешедших в оппозицию вигов. Радикалы ведут борьбу за свободу печати, отстаивают права избирателей против провоза парламента (дело *Уилкса*, см.); в связи с этим развивается участие широких масс в обсуждении политических вопросов, входят в обычай многолюдные митинги; растет политическая пресса, добывающаяся права печатать отчеты о парламентских заседаниях, прежде окруженных тайной. Вскоре основным требованием радикалов делается расширение избирательного права. Возникает ряд обществ, посвящающих себя изучению и пропаганде вопросов конституционной реформы.

В 1783 король поставил во главе правительства Уильяма Питта младшего. Не располагая большинством в нижней палате, Питт распустил ее. Выборы 1784 дали ему огромное большинство, при чем особенно его поддерживала буржуазия. С этого времени и до 1830 у власти стояли тори (временами в правительство включалось несколько министров-вигов). Виги надолго делаются лишь придатком торийской партии, «политической амфибии», как их назвал Маркс.—Парламент и места в управлении остались попрежнему в руках землевладельцев, теперь торийских. Исходившие из разных кругов предложения избирательной реформы не имели успеха; старая система «гнилых местечек» так же хорошо обслуживала тори, как прежде вигов. Но, чувствуя за собой поддержку более широких общественных кругов, чем у вигской олигархии, Питт старается покончить с вигской и королевской системой коррупции. Уступая попрежнему дворянству политическую власть, буржуазия ждет от него энергичной защиты ее интересов. Ученик Адама *Смита* (см.), Питт отказывается от системы меркантилизма, из которой Англия уже выросла, и переходит к умеренному фритреду (свободной торговле). В 1786 он заключил торговый договор с Францией, основанный на взаимном понижении пошлин. Немедленно сказалось промышленное превосходство Англии; баланс сложился очень неблагоприятно для Франции, и ее промышленность стала сильно терпеть от англ. конкуренции. Торговля с Америкой после отпадения колоний быстро развивается и дает большие прибыли, чем при господстве меркантилизма. Правительственный контроль кладет предел монопольному хозяйничанию Ост-Индской компании в Индии (Ост-Индский билль 1784; отдельные меры в этом направлении принимались и

раньше). Питт придавал огромное значение развитию англ. промышленности и росту техники. Ему рисовались грандиозные перспективы захвата английским капиталом всего земного шара. Фабриканты пользовались постоянной поддержкой правительства, не отказывавшего им в ссудах и подачках; зато к протестам и требованиям рабочих правительство было глухо. Питт (вместе с Уилберфорсом) провел суровые законы против рабочих союзов (см. ниже; Рабочее движение).

Французская революция сначала привлекла симпатии англ. буржуазии. Под влиянием революции новую силу получают радикальные течения. Возникает ряд обществ и клубов для пропаганды радикальных реформ. В 1791 было основано «Лондонское корреспондентское общество», связанное с целым рядом отделов в провинции и поддерживавшее сношения с революционными клубами во Франции; это было наиболее демократическое и революционное из англ. обществ; его базой была мелкая буржуазия, в нем господствовали республиканские симпатии. Но скоро радикализм Французской революции и ответный рост англ. радикализма всполошили господствующие классы. Уже в 1790 появляется знаменитый памфлет Борка «Размышления о Французской революции» (см. *Борк*). Эта книга вызвала резкие протесты; в ответ на нее возникла целая радикальная литература, в которой рядом с политическими начинают звучать и социальные мотивы, отражающие страдания рабочих, вызванные промышленным переворотом и первыми завоеваниями фабричной системы. Страх перед революцией заставляет господствующие классы теснее сплотиться вокруг торийского знамени. Успехи Французской революции, занятие Бельгии, главного пути англ. сбыта на континент, и угроза занятия Голландии заставили Англию присоединиться к врагам революционной Франции и начать с ней войну (в начале 1793). Одновременно с этим была объявлена война революционному движению внутри страны, к-рое стало усиливаться вследствие роста налогов и цен на хлеб. Радикалы подверглись суровым репрессиям. Был приостановлен акт о « *Habeas Corpus*» и изданы законы, ограничившие свободу печати и собраний; радикальные клубы были закрыты. Война, к-рая продолжалась 22 года, была войной как на внешнем, так и на внутреннем фронте. Военные части формировались в расчете не только на действия против французов, но и на подавление рабочих и крестьянских волнений; распределение их по казармам в разных частях страны носило характер военной оккупации. Не всегда можно было положиться и на войска. В 1797 два раза бунтовали матросы военного флота; они подняли революционные флаги и выбрали матросские комитеты. Революция рассчитывает на помощь Франции; Ирландские революционеры вступают в переговоры с французами. Предположенная французская экспедиция в Ирландию (наведшая страшную панику на английскую буржуазию) не состоялась, и ирландское восстание было подавлено с обычной жестокостью.

Автономия Ирландии была отменена, и она была объединена с Англией («Уния» 1800). Война по своим целям и приемам напоминает войны 18 века. Англичане стремятся не допустить усиления Франции в Европе, захватить колонии ее и ее союзников, обеспечить за собой господство на море. Для этого создаются коалиции, отпускаются деньги врагам Франции, субсидируется контр-революция. Почти все поражения достались на долю союзников Англии; Англия же одерживает ряд морских побед и обеспечивает за собой преобладание на море. Разгромив голландский флот и захватив голландские колонии в Юж. Африке, Англия стала монополистом по транзитной торговле. Быстро растут англ. владения в Индии. Торговцы наживают огромные барыши; торговые обороты Англии быстро растут. Еще выгоднее была война для финансистов, наживавшихся на огромном росте государственного долга, который за 25 лет увеличился почти в 4 раза. Огромные барыши давало сел. хозяйство; уже до войны Англия стала страной, ввозящей хлеб; сокращение подвоза хлеба вызвало сильный рост цен, сопровождавшийся и ростом ренты; спрос непрерывно возрастал с быстрым ростом земледельческого населения; постоянным потребителем была армия. Стали возделываться земли, не приносившие раньше дохода; усиленным темпом идут мелиорации в сел. хозяйстве. Собственники, ведущие хозяйство на своей земле, закладывают свои земли, чтобы вложить побольше капитала в земледелие и использовать рост цен, к-рому не предвидится конца. В эпоху войн с Французской республикой и с империей огораживания идут особенно усиленным темпом. Для лендлорда, фермера и уцелевшего еще хозяина-собственника война была золотым дождем. Но для рабочего высокие цены на средства питания при медленно растущей заработной плате обозначали переход к полуголодному существованию. То там то сям в Англии вспыхивают голодные бунты, сопровождающиеся разгромом лавок и захватом продовольствия.

Промышленники наживались на военных поставках. Потери одних рынков компенсировались развитием других. *Континентальная блокада* (см.) не наносила серьезного ущерба Англии в виду развития америк. рынка и контрабанды во всех видах, к-рой Франция не могла воспрепятствовать. Война не задержала хода промышленного переворота. Перепись 1811 впервые показала перевес населения, занятого в промышленности, торговле и мореплавании, над занятым в сел. хозяйстве. Только к концу войны разрыв с Америкой сильно ударил по англ. промышленности, лишив ее главного рынка (и контрабандного пути) и создав перерыв в доставке америк. хлопка. В промышленных кругах нарастает недовольство затяжной войной, недовольство высокими ценами на хлеб, вызывающими повышение заработной платы; к концу войны союз между господствующими классами, основанный на общей выгоде, дает трещину. Промышленный капитал, выросший и созревший во время войны, начинает все больше созна-

вать свои самостоятельные классовые интересы. Нарастает недовольство и среди рабочего класса, по к-рому больно бьет начавшийся промышленный застой, и среди мелких мастеров домашней промышленности, для к-рых бедствия промышленного застоя осложняют тяжкий процесс вытеснения мелкого производства фабрикой. 1811—12 означены в ряде графств небывалыми по силе волнениями рабочего люда, направленными на разрушение машин (см. Рабочее движение, *Луддиты*). Положение еще более обострилось после окончания войны. Огромный государственный долг всей тяжестью лег на плательщика налогов, а правящие классы поспешили переложить его на широкие массы трудящихся; парламент отменяет введенный Питтом подоходный налог и вводит взамен него налоги на предметы первой необходимости. Землевладельцы поспешили застраховать себя от падения ренты, возросшей во время войны на 70%, путем новых хлебных законов (1815), допускаящих ввоз иностранного хлеба лишь в том случае, когда в стране цены стояли не ниже 80 шилл. за четверть (крайне высокая цена), и облагающих ввозимый хлеб пошлинами. Эти законы не могли удержать средние цены на хлеб на военной высоте, но создали почву для крайних колебаний в ценах и для спекуляций, гибельно сказывавшихся на фермах и особенно на мелких хозяевах-собственниках, многие из к-рых успели влезть в долги и заложить свои земли во время войны (см. выше). Конец войны нанес окончательный удар остаткам англ. крестьянства. Но хлебные законы были выгодны для лендлордов, т. к. они давали им возможность не снижать рент. Землевладельцы—как торы, так и виги—единодушно поддерживали хлебные законы; когда их невыгода для фермеров начинает сказываться, их подновляют и исправляют, чтобы снова обморочить фермеров и удержать ренты на прежней высоте. Хлебные законы тяжело отражались на бедноте, особенно на рабочих, и были крайне тягостны для промышленной буржуазии. Промышленность, несмотря на прекращение войны, переживала тяжкий кризис. Надежда на европейские рынки не оправдалась; обдешевшие после войны европейские нации не могли поглотить всей накопившейся в избытке англ. продукции; к тому же они сами стали развивать фабричную промышленность и старались оградить себя от англ. конкуренции. Сошел со сцены такой выгодный потребитель, как сильно возросшая к концу войны армия, пополнившая теперь ряды безработных и люмпенпролетариата. Ряд промышленных предприятий обанкротился, производство стало сокращаться, наступила безработица. Промышленники стараются спасти свои прибыли сокращением заработной платы; но хлебные законы ставили этому сокращению тесные границы, искусственно повышая стоимость воспроизводства рабочей силы. Борьба с хлебными законами и с парламентом. порядками, обеспечивавшими преобладание интересов землевладения, стала очередной задачей промышл. буржуазии. Но зато землевладельцы прекрасно спелись с финансистами,

давши им банковый закон 1819, по которому государственные долги, выпущенные по цене ниже номинальной, оплачивались процентами с полной суммы выпуска. Основой соглашения было «мошенническое повышение государственной ренты в обмен на такое же повышение земельной ренты» (Маркс). Все это еще более усиливало тяжесть налогов.

В своей борьбе за парламентскую реформу промышленная буржуазия старается использовать рост революционного движения в среде рабочих и мелкой буржуазии, ибо в условиях англ. политической жизни требование парламентской реформы соответствовало и их интересам. Многочисленные петиции, с которыми гибли кустари и фабричные рабочие обращались в парламент, оставались без результата. В ответ им раздавались речи о принципах политической экономии, не допускающих государственного вмешательства в свободу эксплуатации. Убедившись в том, что парламент находится в руках их врагов, рабочих и ремесленников стали стремиться овладеть им сами, а это естественно выливалось в требование всеобщего избирательного права. Это требование в Англии носило резко социальный характер, было вопросом «вилки и ножа», как потом характеризовал чартизм один из его проповедников. Этим движением среди мелкой буржуазии и рабочих искусно воспользовались промышленники, чтобы на плечах трудящихся проехать в парламент. В период между 1816 и 1832 рабочие, батраки и мелкая буржуазия ведут почти непрерывную борьбу, к-рая, однако, приводит лишь к завершению буржуазной революции, открыв промышленникам путь к власти. Усиленно идет агитация за всеобщее избирательное право и за годичные парламенты (см. *Коббет*). Образуется ряд политических клубов для пропаганды избирательной реформы; члены их вербуются, главн. обр., из рабочих и ремесленников. Устраиваются массовые митинги и внушительные манифестации, подаются петиции. В 1817 подготовлялся заговор в Лондоне; заговорщики собирались захватить Тоуер и Английский банк. По всей стране идут волнения, организуются шествия на Лондон, вспыхивают новые бунты против машин, горят скирды и амбары, идут разгромы продовольственных лавок. Парламент объявил приостановку акта о «*Набеас Корпус*». Правительство старается дезорганизовать революционные движения путем шпионажа и провокации; мировые судьи и священники, игравшие роль добровольных жандармов, засыпают доносами министерство внутренних дел; в промышленных районах войска держатся все время наготове; отдельные вспышки подавляются оружием; судьи чинят свирепую классовую расправу над бунтовщиками. Растет число преступлений против собственности, вызываемых все увеличивающейся нуждой; одновременно с этим растет и свирепость наказаний. В 1819 в Манчестере произошло избивание кавалерией мирного митинга, созданного для голосования петиции о всеобщем избирательном праве; на месте остались убитые и раненные.

Правительство принимает знаменитые шесть пунктов (так называемые «законы для затыкания ртов»). Мирные судьи получили право домашних обысков, печать была поставлена в самые тяжелые условия. Вводится террористический режим, загоняющий на время радикальное движение в подполье. В 1820 был раскрыт новый террористический заговор в Лондоне.

В двадцатых годах положение англ. промышленности облегчается: открываются новые рынки в отложившихся от Испании южно-американских колониях. Одновременно с этим стихает революционное движение и смягчается террористический режим. Проводится отмена ряда суровых уголовных законов, смягчаются суровые законы против рабочих коалиций. В торийском правительстве появляются лица, настроенные примирительно по отношению к интересам промышленного капитала (см. Роберт *Пиль*, *Кеннинг*). Несколько смягчаются хлебные законы, понижаются пошлины на иностранные товары, что было уступкой требованиям промышленников-фритредеров. Кризис 1829 снова обострил положение. Французская революция 1830 напугала правительство и придала духу радикалам. С новой силой вспыхнуло революционное брожение в северной промышленной Англии и в Лондоне. Возникает ряд тайных клубов, подготавливающих вооруженное восстание. Промышленная буржуазия, ремесленники, рабочие снова настойчиво выдвигают требование парламентской реформы. В земледельч. графствах начинается упорное восстание батраков,—«последняя крестьянская война» в Англии, со всеми явлениями аграрного террора. Промышленная буржуазия старалась использовать вызванные революционным движением страхи в своих интересах, но и сама побаивалась революции и готова была пойти на любой компромисс. Для этой цели выдвигается опять забытая «политическая амфибия»—партия вигов; она берет на себя задачу провести такую реформу, к-рая внесла бы успокоение или раскол в ряды врагов и в то же время нанесла бы как можно меньше ущерба господствовавшим классам. Эта задача была разрешена вигами не без успеха; она была значительно облегчена тем, что промышленники и сами боялись раздутой ими бури и проявили самую большую сговорчивость. Упрямее были торы, устами *Веллингтона* (см.) провозгласившие существующую парламентскую систему верхом возможного на земле совершенства. Но и им пришлось пойти на уступки. Образовалось министерство из вигов и умеренных торы, выдвинувшее весьма умеренную программу реформ, которая, несмотря на сопротивление рабочих, а может быть и благодаря ему, нашла полное одобрение в промышленных кругах. Выборы 1831, на к-рых виги выступили под лозунгом билля о реформе, дали им большинство в нижней палате, впервые за 47 лет; на пути билля стояла еще торийская палата лордов. Тогда радикалы из промышленной буржуазии в союзе с вигами, субсидировавшими движение из секретных фондов правительства, подняли усиленную агитацию среди рабочих,

обещая им в перспективе всеобщее избирательное право. Агитация имела больший успех, чем этого могли желать сами агитаторы. Начались серьезные волнения среди рабочих, нередко выливавшиеся в насильственные действия; почувствовалось приближение революции. Великим мастером по маневрированию рабочими волнениями был буржуазный радикал Френсис Плес (см.). Наконец, угроза изъятия вкладчиками сбережений из банков и назначения вигских перов сломила сопротивление верхней палаты, и билль стал законом (1832).

Виги довели реформу ровно до той грани, до которой нужно было ее довести, чтобы буржуазия не осталась совершенно неудовлетворенной. Один из вигских вождей, защищая реформу перед парламентом, характеризовал ее, как «самое аристократическое из мероприятий, когда-либо предлагавшихся нации». Избирательный закон 1832 очень мало изменял избирательное право. Он уничтожил 56 гнилых местечек и для 30 других уменьшил число депутатов с двух до одного; 66 мест было отдано новым индустриальным городам и столько же деревенским округам (графствам); 15 мест было дано Ирландии, Шотландии и Уэльсу. Был установлен однообразный ценз для избирателей в графствах—40 шилл. годового дохода с земли для фригольдеров (фактически это охватывало всех фригольдеров) и 50 ф. для кошигольдеров и арендаторов. В городах, вместо крайне пестрых старинных избирательных прав, был установлен однообразный ценз: избирательные права получили все собственники и арендаторы домов, приносящих не менее 10 ф. чистого дохода (в Англии дом обычно представлял одну квартиру). Число избирателей увеличилось очень мало; рабочие, вынесшие на своих плечах борьбу за закон, почти не вошли в число избирателей. Зато промышленному капиталу был открыт доступ в парламент. Это была с виду скромная победа, но она пробила первую брешь в старинной политической системе и открыла для промышл. буржуазии путь к власти. *Е. Косминский.*

Период буржуазного господства.

Период политического господства англ. буржуазии, начавшийся с 1832, распадается на четыре отрезка приблизительно одинаковой длины. Годы 1832—1850 являются годами закрепления и расширения завоеванных буржуазией позиций. Буржуазия осуществляет свою классовую программу политических, экономических, социальных и административных «реформ» за счет поземельной аристократии и успешно отстаивает свою власть против революционных покушений рабочего класса. Следующее двадцатипятилетие, 1850—75, является годами наивысшего расцвета и полноты власти промышленного капитала. Англ. капитализм делает головокружительные успехи, превращает Англию в «мастерскую мира». Политическое господство буржуазии нераздельно, и ее реформаторская деятельность замирает. Несмотря на свой либерализм и пацифизм, она ведет активнейшую политику вовне и деятельно расширяет

свой колониальный рынок. Рабочий класс получает подачки и переходит на соглашательские рельсы. Конец периода, однако, знаменуется острым промышленным кризисом, классовые противоречия обостряются, но буржуазия все же достаточно сильна, чтобы замирить рабочий класс реформами. Третий период, 1875—1905, обнаруживает первые признаки экономического и политического загнивания буржуазии. Англ. капитализм все более и более теряет свое исключительное положение на мировом рынке и заодно внутренне перерождается: «либеральный» капитал легкой промышленности, склонный к индивидуализму и пацифизму, отесняется на задний план капиталом тяжелой промышленности, более воинственным, с протекционистскими наклонностями и политически блокирующимся с крупным землевладением, а также и финансовым капиталом, соединяющим, по специфическим английским условиям, фритредерство «короля хлопка» с агрессивным империализмом железа и стали. Английскому капитализму не до реформы, но рабочий класс в общем и целом спокоен, благодаря прогрессивному падению цен. Однако, этот период ознаменован первыми зачатками социалистического движения: в этом отражается моральный распад либерализма, от к-рого отходит некоторая часть разочарованной интеллигенции и радикальных слоев рабочего класса. Во внешней политике — империалистическая агрессия в разных направлениях и множество колониальных войн. Наконец, четвертый период, продолжающийся до сих пор, может быть охарактеризован как период явного, хотя и постепенного, разложения англ. капитализма, не желающего, однако, мириться с положением и бешено борющегося за свои позиции вовне и внутри. Вовне идет подготовка к войне против Германии, затем сама война. Внутри идет наступление на рабочий класс; одновременно делаются попытки подкупить его реформами. Рост цен, однако, обостряет противоречия, и рабочий класс создает Рабочую партию и развивает стачечную борьбу колоссальных размеров. Либерализм разлагается окончательно и фактически сходит с политической арены. Остаются две противоборствующие общественные силы — реакционная буржуазия и рабочий класс, без посредствующего буфера, и положение становится революционным.

1832 — 1850. — Реформа 1832, сломившая монополию политической власти поземельной аристократии и верхнего слоя денежной и торговой буржуазии, открыла доступ к власти промышленной и средней торговой буржуазии, но политическое острое этого крупного изменения в соотношении сил было притуплено тем обстоятельством, что ее провели не народные массы, а та же поземельная и торговая аристократия в той части ее, к-рая была объединена в партии вигов—либералов того времени. Здесь перед нами яркий пример той политической мудрости, которой отличались, со времени Симона де Монфора, английские правящие классы, не располагавшие, благодаря островному

положению страны, обеспечивавшему ее внешнею безопасность, значительн. армиями и учитывавшие уроки гражданских войн прошлых столетий. Когда напор народных масс в пользу какой-нибудь меры начинал принимать опасные формы, сами господствующие классы становились во главе движения, перенимали лозунги масс и, искусно обкарав их, проводили укороченную меру в виде реформы, предупреждая, т. о., осуществление ее революционным путем и фактическое осуществление власти другим классом. Благодаря этому, сохранялась также преемственность общественных и политических традиций, игравшая роль тормоза в дальнейшем продвижении вперед; правивший до сих пор класс в общем и целом обеспечивал не только свое дальнейшее существование, но и изрядную долю своего прежнего влияния даже при новом режиме. Парламент, избранный в 1832, на основе преобразованного избирательного закона, доказал правильность этой тактики: по социальному составу он почти ничем не отличался от прежних и насчитывал на 658 чел. более 400 «джентльменов без профессий», т. е. членов аристократических семейств, и 128 военных разного рода, также членов аристократ. родов: итого—более 528 лиц помещичьего класса плюс 84 банкира, негодянта и других представителей крупного торгового-финансового капитала. Выходило, что тот же класс, к-рый правил раньше, продолжал как будто править и сейчас; только политическая физиономия его стала иная: подавляющее большинство новых депутатов принадлежало к вигам, к партии, проводившей реформу и считавшейся с необходимостью войти в сделку с «духом времени», т. е. с выросшим значением промышлен. капитала.

Виги, за весьма кратким перерывом, созданным неконституционным капризом короля Вильгельма (Уильяма) IV, так и остались у власти до 1841 (кабинеты лорда Грея и лорда Мелборна). Хотя на новых выборах большинство получили тори (или, как сейчас они впервые переименовали себя, консерваторы), образовавшие кабинет под председательством сэра Роберта Пилля, однако, и они продолжали политику в «духе времени», доведя ее даже до такого яркого завершения, как отмена хлебных пошлин, этого главного экономического оплота поземельной аристократии. В 1846 виги вернулись к власти и оставались у кормила правления вплоть до 1852 (кабинет лорда Джона Ресселя), продолжая политику своих предшественников по буржуазному преобразованию общества. Необходимо отметить, что в данный период представители поземельной аристократии фигурировали в качестве вождей обеих борющихся партий. Одни аристократические фамилии были традиционно — виги, другие традиционно — тори, и иногда даже в одних и тех же семьях один сын записывался в одну партию, а другой — в другую. Класс же выигрывал и в том и в другом случае. Ныне такое распределение уже делается между консервативной и Рабочей партиями — сын Болдуина, лидера консервативной партии, и Освальд Мозли,

зять лорда Керзона, принадлежат к Рабочей партии. Т. о., рассматриваемый период, несмотря на смену правительств и партий, представляет одно целое, связанное единой задачей—утверждения буржуазного общества. Его законодательное творчество совершенно исключительно по своей важности и «насыщенности», достигая наивысших пунктов в преобразовании «закона о бедных» 1834 и в вышеупомянутой отмене хлебных пошлин 1846. Первая из этих двух мер, проведенная через обе палаты с необыкновенной быстротой (менее, чем в четыре месяца), упразднила одним росчерком пера веками сложившуюся практику обязательного приходского вспомоществования неимущим деньгами или натурой на дому, без стеснения свободы, и устанавливала обязательность оказания помощи нуждающимся особыми выборными комиссиями (подчиненными во всех деталях своей административной деятельности центральному органу в Лондоне) лишь в рабочих домах, при чем в домах этих введен был в буквальном смысле слова каторжный режим, чтобы в них колебались вступать даже лица, стоящие перед угрозой голодной смерти—своей или лиц, от них зависящих (детей, престарелых родителей). Целью этого неслыханного по своему варварству акта было, с одной стороны, пощадить карманы налогоплательщиков, а главное — лишить полуголодных кустарей, разоряющихся ремесленников и сельских батраков последней их опоры и загнать их на фабрику и завод. Это был завершительный грандиозный акт в том процессе экспроприации трудовых масс Англии, который начался еще в 16-м столетии «огораживанием» общинных земель. Сами законодатели настолько хорошо понимали значение его и его возможные последствия, что уклонялись от открытого голосования, и отдельные статьи его проходили при весьма незначительном числе депутатов в палате. По той же причине он был проведен с такой поспешностью. Он вызвал глубочайшее возмущение не только среди народных масс, но и других слоев общества, и введение его в силу нередко наталкивалось на вооруженное сопротивление. Закон о рабочих домах сыграл определенную роль в истории возникновения чартизма. Но буржуазия, расправившаяся в свое время с последним, преодолела также и сопротивление рабочим домам, и новый закон вошел в силу. Ужасы этого закона являются одной из наиболее позорных страниц социальной истории буржуазной Англии, но текстильным фабрикам Ланкашира и Йоркшира был обеспечен огромный приток дешевой рабочей силы мужчин, женщин и детей.

Другая из упомянутых двух реформ была проведена уже за счет помещиков. Начиная с 1791, привозный хлеб облагался высокими пошлинами, которые были обратно пропорциональны ценам на внутреннем рынке, так что последние никогда не могли пасть ниже известной, очень высокой цифры. Скала беспрерывно поднималась и в 1815 была установлена в таких размерах, что пошлина действовала как полное запрещение,

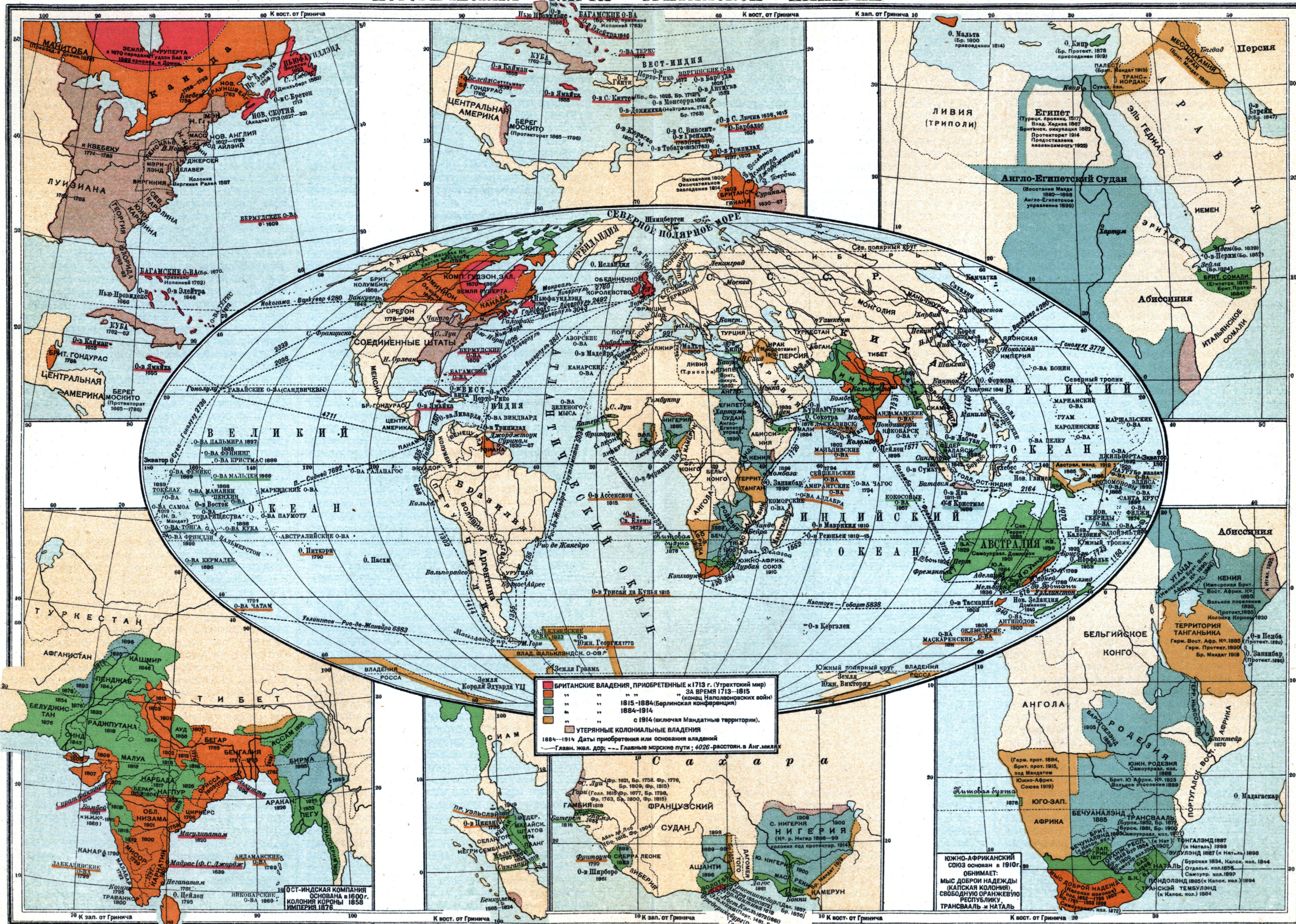
когда цены на внутреннем рынке падали до 80 шиллингов за квартал—цифры исключительно высокой. Пока от этого аграрного ростовщичества страдали «низшие сословия» (повальный голод был хроническим явлением со времени Наполеоновских войн), только филантропы и демагоги заговаривали о борьбе с ним. Вопрос сразу обострился, когда в нем оказалась заинтересованной промышленность, т. е. капиталисты, стремившиеся к понижению себестоимости продукции путем снижения заработной платы и земельной ренты. В 1837 восстал у них пророк в лице Ричарда Кобдена, к-рый создал для борьбы с хлебными пошлинами знаменитую Лигу и сумел при помощи религиозных и пацифистских лозунгов развить колоссальную агитацию среди мелкой буржуазии и рабочего класса. Консервативное министерство, во главе к-рого стоял Роберт Пиль, в конце-концов, не устояло против напора: в 1846 оно провело в парламенте акт, устанавливавший на ближайшие три года твердые ставки на привозный хлеб с тем, чтобы с 1850 пошлины были совсем отменены. Характерно, что в палате лордов, этом оплоте помещичьей власти, реформу поддержал сам *Веллингтон* (см.)—так властно стала диктовать буржуазия свою волю всему государству. Эта реформа, если и не была началом свободной торговли в строгом смысле слова (уже за год до этого тот же Пиль отменил в своем бюджете пошлины на 430 предметов из общего числа 813), то все же открыла для англ. промышленности новую эру фритредерства, этого символа хозяйственного индивидуализма и политического либерализма. Интересам буржуазии теперь должна была подчиниться даже поземельная аристократия.

Если и не столь ярки, то одинаково важны были и другие меры, проведенные правительствами и парламентами в рассматриваемый нами период. Значительнейшей из них было новое городское положение, изданное в 1835. Согласно этому положению (годом раньше ему предшествовало аналогичное положение для Шотландии) 184 города, которые пользовались до этого правами юридического лица под видом «корпораций» и управлялись по системе внутренней кооптации советами из представителей архаических купеческих гильдий, местных аристократов с примесью попов и благотворителей,—ведавшими, гл. обр., имущественные дела церковных и благотворительных учреждений—получали отныне совет, выбираемый квартиронанимателями, платящими налог в пользу бедных, и ведающий делами городского благоустройства. Избирательная система, хотя и более либеральная, нежели парламентская, все же содержала достаточно ограничений. Недемократичность ее усугублялась еще тем, что активное избирательное право (и это была уступка консерваторам-помещикам) было связано с трехлетним пребыванием в данном городе, а пассивное—с довольно высоким имущественным цензом. Кроме того, совет должен был еще кооптировать в свою среду «ольдерменов» (старшин) в числе одной трети собственного состава сроком на шесть лет, в

то время, как сам он выбирался на три года и в числе одной трети возобновлялся каждый год. Несмотря на это, реформа и тут уничтожила монополию дворянской власти и передавала последнюю в руки буржуазии не только крупной, но и средней и даже отчасти мелкой. Это имело тем более серьезное значение, что городам с этого времени впервые предоставлено было право завести собственную постоянную полицию и собственную магистратуру, что положило конец дворянской системе добровольных «констеблей» и бесплатных «мировых судей» и установило начало вооружения буржуазии. Это обстоятельство сыграло значительную роль в борьбе с чартистским движением (вероятно, предвидением революционной вспышки народных масс оно и было подсказано). Нужно заметить, что формально новое положение распространялось лишь на старые города, уже имевшие корпоративное устройство, и не относилось к таким городам, как Манчестер или Бирмингем, которые этих древних прав не имели. Но им предоставлено было ходатайствовать об этих правах, и эти ходатайства, конечно, беспрекословно удовлетворялись.

Другими реформами, заслуживающими внимания, были: так наз. отмена невольничества (1833)—мера, состоявшая в том, что обанкротившимся вест-индским плантаторам уплачено было 20 млн. ф. ст. за то, чтобы они согласились через семь лет отпустить на волю своих невольников, к-рых они все равно не могли уже замещать новыми, т. к. торговля рабами была запрещена еще в 1807; введение в 1836 гражданской записи браков; учреждение в 1839 особого комитета (при Тайном совете) по народному образованию—первое в Англии проявление внимания к делу просвещения со стороны государства, которое, однако, отнюдь не задавалось еще целью создавать собственные школы, а лишь решило выдавать субсидии церковным школам; наконец, ряд церковных и финансовых реформ, упразднивших или смягчивших некоторые аномалии и анахронизмы эпохи помещичьей бесхозяйственности и реакции и установивших новые начала обложения. К числу последних относятся закон о выкупе церковных десятин и введение (Пилем) подоходного налога, игравшего впоследствии такую решающую роль во фритредерских бюджетах Гладстона и других либералов. Все эти и другие законодательные меры, сыпавшиеся точно из рога изобилия, создавали новое буржуазное государство и подтверждали тот тезис, что лишь после завоевания власти каким-нибудь классом возможно такое преобразование общества, которое этому классу нужно. Никакого «эволюционного» вращающегося общества в другое нет и быть не может. Этому не противоречит тот факт, что тот же класс вынужден бывает иногда проводить или соглашаться на меры, создающие в данном обществе как бы зародыш др. общественного строя, интерес к-рого ему противоречат. Таково, например, фабричное законодательство, которое как раз в обозреваемый период сделало некоторые решительные шаги. В истории рабочего класса Англии

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

не было периода более ужасного, чем двадцатые и тридцатые годы девятнадцатого столетия. Безграничная жадность молодого промышленного капитала, жадность, олицетворявшаяся в соответствующем типе людей,—черствых, холодных, бесконечно жестоких и хитрых—не знала тогда удержа. Наглость и безнаказанность, с какой эта разрушительная работа продельвалась, вызывали глубочайшее возмущение у всех гуманных людей, а также у тех многочисленных тори, которые с весьма понятной ненавистью взирали на поднимающийся класс, угрожавший им лишением монополии власти, а потому и умалением их доходов, и вместе с тем искренно усматривали в разрушительной деятельности страшную опасность для традиционных основ старого английского общества. Трон и алтарь, семейные связи и отцовская власть, «патриархальность» отношений в родовом поместье и «бескорыстная» (т. е. бесплатная) служба государству—словом все то, на чем покоилось старое общество, из чего, как казалось тори, выросли его старое величие и мощь, все это беззастенчиво разрушалось и попиралось ногами новых варваров ради денежных выгод, ради богатств, к-рыми они даже не умели с достоинством пользоваться.

Из рядов тори и вышли, по большей части, те неустанные агитаторы за фабричное законодательство, т. е. за ограничение алчности капитала, имена которых записаны на страницах социального движения Англии. Таковы в особенности Ричард *Остлер* (см.), Джон Филден (сам фабрикант) и Майкл Седлер (особняком стоит Эшли, лорд Шефтсбери, для к-рого борьба за фабричное законодательство была преимущественно средством отвлечения масс от чартистского движения). Все они и их единомышленники были идеологами помещичьего строя, противниками эмансипации католиков, реформы парламента и отмены хлебных пошлин, но вместе с тем они глубоко ненавидели новый «средний класс» с его безграничной жестокостью и жадностью, его пошлой бентамистской философией и его бесцеремонным попираем землевладельческих интересов. Знаменитые письма Остлера в «Лидском Меркурии» о «невольничестве в Йоркшире» составили целую эпоху в истории Англии. Уже в 1831 году Седлер внес в парламент законопроект о десятичасовом рабочем дне, который, конечно, провалился. Сам он на выборах 1832 был провален *Маклеем* (см.), но его законопроект был перенят лордом Эшли, к-рый добился назначения анкетной парламентской комиссии. В результате ее работ парламент в 1833 принял акт, запретивший ночную работу подростков и детей, ограничивший их дневной труд двенадцатью часами и установивший впервые правительственную фабричную инспекцию. Для того времени, при господстве идей Бентама и Нассау Сениора, это был—в особенности в части, относящейся к инспекции—большой шаг вперед, обьяснявшийся не только давлением со стороны тори, но и грозным движением среди рабочих, находившихся тогда всецело под влиянием Роберта Оуэна

и его агитации за «Всеобщий рабочий союз» и всеобщую забастовку. Фабриканты пытались оказать сопротивление проведению нового закона в жизнь, развивая сильнейшую агитацию за его изменение и саботируя применение отдельных его предписаний; само правительство пробовало даже внести в парламент смягчающую новеллу; однако, из этих усилий ничего не вышло, и закон остался в силе. В дальнейшем удалось даже улучшить и расширить отдельные его положения, и, напр., в 1842 был совершенно запрещен подземный труд женщин и детей в шахтах. Но самым значительным успехом было проведение в 1847, после напряженной агитации лорда Эшли и его друзей, закона о десятичасовом рабочем дне—формально лишь для подростков и женщин, на деле, однако, для всех рабочих текстильной промышленности. В этом случае еще больше, нежели в предыдущих, основной пружиной реформы было давление рабочих масс и сознание правящим классом неотложной необходимости противопоставить чартистской агитации что-нибудь помимо полицейской силы. Чартисты ясно видели эту политическую подоплеку агитации Эшли и всячески изобличали ее; тем не менее, когда акт был проведен, вождь их Фергюс *О'Коннор* (см.) первый приветствовал его в «Северной Звезде», как великую «победу принципа» и практический успех рабочего класса. Как известно, Маркс повторил ту же оценку буквально в тех же словах семнадцатью годами позже. Расчет авторов закона оправдался: он, несомненно, нанес тяжелый удар чартистскому движению и идее революции вообще.

Это замечательное движение—первое революционно-классовое движение современного пролетариата, во многом предвосхитившее основные лозунги и формы всего дальнейшего рабочего движения в Европе вплоть до Октябрьской Революции—возникло десятью годами раньше и составило своего рода диалектический аккомпанемент отмеченному в предыдущих строках процессу укрепления и развития экономической и политической силы буржуазии. Предательство этой буржуазии, увлекавшей на борьбу за парламентскую реформу народные массы во имя общих интересов обоих «несвободных» классов против поземельной аристократии, а в решающий момент принявшей компромисс вигов, к-рый обезпечил власть ей одной; поведение этой буржуазии после того, как она получила власть,—в особенности созданный ею исключительный закон против бедных; наконец, сильный промышленный кризис, разразившийся в 1836 и с некоторыми небольшими перерывами тянувшийся ряд лет—все это, на фоне всеокушающего нажима капитализма на разорившийся и обнищавший трудовой народ, вызвало к жизни революционное движение чартизма. Для его установки оказались решающими два обстоятельства: пример буржуазии, использовавшей государственную машину для преобразования общества в своих классовых интересах, и трагический провал в 1834 «мирного» и аполитического движения оуенистов за всеобщее объединение

рабочего класса в целях ниспровержения капиталистического строя путем всеобщей забастовки. Это движение, которое приняло огромные размеры, охватив до полумиллиона рабочих, рассыпалось при первом же ударе со стороны правительства, воспользовавшегося ничтожным предлогом, чтобы арестовать, предать суду и сослать в тогда еще дикую Австралию на семь лет каторги 6 сел. батраков из Дорсетшира. Рабочие видели, какое значение имеет политич. власть и как мало можно сделать, не имея ее.

Основным стержнем чартистского движения стала поэтому борьба за власть, а основной его платформой—знаменитый чартер (charter—хартия), содержавший требования о всеобщем избирательном праве, тайной подаче голосов, равных избирательных округах, ежегодных выборах, отмене всяких избирательных цензов и дие-тах для депутатов, т. е. та программа парламентского демократизма, которая впоследствии вошла в политический обиход радикально-демократической партии. На этом основании буржуазные историки в течение долгого времени изображали чартистское движение, как движение радикально-буржуазное, которое было исторически изжито постепенным развитием демократии в Англии. Такое толкование как бы сугубо оправдывалось тем обстоятельством, что у чартистов, действительно, не было никакой социальной программы и что отдельные их вожди и публицисты имели различные взгляды по экономическим вопросам настоящего и будущего. Одни требовали национализации земли для раздачи ее в аренду или собственность мелким фермерам; другие считали кооперацию будущей формой землевладения и землепользования; третьи придавали решающее значение денежной реформе и усматривали главное зло в восстановлении золотого обращения; четвертые готовы были уничтожить фабрики и восстановить мелкое кустарное производство; пятые, напротив, ценили значение машин и проектировали в будущем крупное производство на артельных началах, и т. д. Все это было весьма туманно и противоречиво, и в свое время эта теоретическая неясность рассматривалась как одна из причин неуспеха движения. Со здоровым чутьем реального чартисты отвечали своим опустившим критикам, упрекавшим их в отсутствии определенных и готовых планов будущего: нужно раньше овладеть государственной машиной, а потом уже яснее будет виден путь строительства. Овладение же государственной машиной они мыслили себе не иначе, как революционным путем—путем всеобщей забастовки и вооруженного восстания. Правда, они вносили свои билли в форме гигантских петиций в парламент и производили в палате речи в защиту своих требований, но это была такая же форма агитации, как и массовые митинги и, в известном смысле, даже их конвент, к-рый они хотели противопоставить парламенту, как выражение организованной народной воли против буржуазии и помещиков. В основе они стремились к мобилизации и организации рабочих масс

для непосредственной борьбы за власть, в которой они видели орудие преобразования общества в интересах трудового народа.

С величайшей тонкостью чартист. публицисты и теоретики, как Бронтерр *О'Брайен* (см.), разбирались в классовом строении буржуазного общества и с громадным талантом и величайшей последовательностью проповедывали классовую борьбу. Движение, к которому вначале примкнули в большом количестве мелкобуржуазные элементы—в особенности в Лондоне—быстро освободилось от них, когда фракция революционного действия (так назыв. «партия физической силы»), представлявшая фабричный пролетариат, получила перевес над оппортунистическим крылом («партия моральной силы»), выражавшим настроения мелкой буржуазии и ремесленничества. Но оно само не в состоянии было устоять против фритредерской агитации за свободу торговли и торийской агитации за фабричное законодательство, привлехших—и, во всяком случае, отвлекших от политической борьбы—массы незрелого пролетариата, и против правительственного террора, проводившегося с помощью новой буржуазной полиции и белой гвардии—«специальных констеблей»—из буржуазных и аристократических слоев. Однако, основной причиной неудачи этого замечательного движения все же было то обстоятельство, что английский капитализм после 1848 вступил в фазу своего расцвета и оказался в состоянии удовлетворить минимальные потребности среднего рабочего. Этот год фактически и отмечает конец чартистского движения; 10 апреля 1848 лондонская буржуазия нанесла сокрушительный моральный удар чартистам, противопоставив их демонстрации свою собственную демонстрацию и заставив их отступить; от этого удара чартизм больше уже не оправился. Это был также удар по революционному движению континентальных рабочих, т. к. победа англ. буржуазии укрепила тыл буржуазии континента и дала ей возможность перейти в наступление и развить рабочий класс. Июньские дни в Париже были прямым отражением апрельских дней в Лондоне.

Это поражение не осталось без влияния и на судьбы соседнего острова—Ирландии, где национальное движение,—по существу, классово-крестьянское движение против англ. помещиков,—возглавленное *О'Коннелем* (см.), ничем не отличавшимся от англ. буржуазных радикалов и б. фактическим их союзником во всех внутри-англ. вопросах, стало вновь обостряться после реформы 1832 в результате разочарования ею. Правительство Грея прибегло к обычному приему: оно провело в 1833 небольшую церковную реформу, упразднившую в Ирландии десяток англиканских епархий и отменившую ту часть десятины, к-рая шла на содержание англиканских церковных зданий, но вместе с тем объявило на острове исключительное положение и отмену Habeas corpus и наводнило его войсками. Словесные протесты *О'Коннелля*, родственники которого занимали правительственные посты, не обманули его соотечественников, и в 1842, в момент подъема чартистского движения,

ирландская молодежь основала лигу «младойрландцев», провозгласив своим лозунгом возрождение ирландской национальности всеми средствами. Под давлением ее и под влиянием чартистского подъема сам О'Коннель вступил на путь массовой агитации за расторжение унии с Англией. По всей стране прокатилась волна колоссальных митингов, и возникли политические клубы. Правительство опять ответило церковной реформой, предоставившей ирландской католической церкви право владеть недвижимостью и определившей субсидию католической духовной семинарии в Мейноте, а также тяжчайшими репрессиями. Сам О'Коннель для видимости был арестован, но вскоре по суду освобожден. Так правительство, играя на националистически-клерикальных чувствах ирландского крестьянства, отделялось от аграрного вопроса и разоружало реформистски настроенных вождей. Но в 1846 на страну стал надвигаться голод, самый страшный в истории несчастного ирландского народа, а помещики вместо того, чтобы оказывать помощь, стали сгонять с земли мелких и разоренных крестьян, сливая участки их для сдачи фермерам. «Молодая Ирландия» выступила вновь, и националистическая пресса заговорила о вооруженном восстании. Правительство на этот раз предприняло целый ряд мер для облегчения тяжелого положения страны, организовав общественные работы и открыв границы для ввоза заграничного хлеба. Пиль воспользовался голодом для преодоления сопротивления английских помещиков и проведения отмены хлебных пошлин. Однако, голод все возрастал, целые деревни и даже округа вымирали, сотни тысяч спасались в Америку, и волнение среди народа становилось все сильнее. Осенью 1847 правительство объявило страну на осадном положении, но февральская революция вызвала новый подъем движения, и вероятность открытого восстания стала серьезной. Но французское временное правительство в лице министра иностранных дел Ламартина, к которому эмиссары «Молодой Ирландии» Смит О'Брайен и Мигер отправились за помощью, вылило на них ушат холодной воды, а крах чартистского движения в апреле еще более обескуражил националистов. Правительство, у которого освободились руки, наводило Ирландию войсками, *Nabes corpus* был опять приостановлен, и при помощи массовых арестов и суровых судебных приговоров (каторжные работы и ссылка в Австралию) движение было вскоре разгромлено. Вследствие этого террора, а также колоссальной эмиграции, отнявшей у Ирландии в течение шести лет (1845—1851) свыше полутора миллиона чел., самых решительных и предприимчивых из всего населения, национальное движение в стране замерло на долгое время, чтобы воскреснуть лишь через двадцать лет.

С поразительной энергией новая власть продолжала разрешать также проблемы колониального управления и колониальной экспансии, — вопреки всем сентиментальным и пацифистским лозунгам, к-рые тогда уже

стали раздаваться в среде квакеров, филантропов и фритредеров. В самый момент «реформы» Нижняя Канада — одна из двух провинций, на которые делилась северо-американская колония — находилась в состоянии открытого мятежа. Население ее было французское, но управление было в руках англичан, т. к. исполнительная власть, включая так наз. законодательный совет, состояла из лондонских назначенцев и не была ответственна перед выборной палатой. Последняя объявила бойкот правительству и оказалась от утверждения бюджета до тех пор, пока колонии не дано будет полное самоуправление. Конфликт продолжался пять лет, и в 1837 правительство Джона Ресселя провело в парламенте резолюцию, передававшую установление и сбор налогов в колониях колониальным губернаторам. Когда палата Нижней Канады ответила на этот новый акт насилия протестом, то ее разогнали. В стране поднялось тогда восстание под предводительством *Патико* (см.). Оно продолжалось, с перерывами, несколько лет. Плохо организованные повстанцы, имея против себя Верхнюю Канаду, населенную английскими выходцами и активно помогавшую короне, встречая лишь спорадическую поддержку со стороны Соединенных Штатов, оказались в конце-концов все же победителями: лондонское правительство вынуждено было провести в 1840 через парламент акт, передававший выборной палате полный контроль над финансами колонии и фактически, если и не юридически, устанавливавший ответственность перед ней вновь созданного министерства. Одновременно, однако, обе провинции Канады были слиты в один колониальный организм. Этим положено было начало самоуправлению английских «доминионов» (в отличие от коронных колоний), которое было впоследствии распространено и на другие владения этого же типа и сохранилось в существенных чертах вплоть до наших дней. Заслуга по выработке этой колониальной конституции принадлежит лорду Дергеу, посланному в 1838 губернатором в Нижнюю Канаду, который, несмотря на жестокость, проявленную им во время своего управления, оказался либеральным политическим мыслителем.

Другой характер носило и другой исход имело «восстание» на Ямайке. Местные плантаторы, получившие, помимо миллионов выкупа, еще и своих невольников на семилетнее «обучение» свободе, установили такое обращение с ними, что вызвали не только восстание негров, но и возмущение общественного мнения в Англии. Однако, лишь на пятом году «обучения» правительство и парламент решили вмешаться и провели закон, фактически устанавливавший досрочное прекращение этого переходного «воспитательного» периода. Ямайская палата неохотно подчинилась, а когда лондонский парламент провел второй акт, передававший губернатору управление тюрьмами, где томились и подвергались пыткам негритянские «мятежники», то она объявила губернатору бойкот и прекратила свою деятельность. Ее распустили, но и новая палата продолжала

саботировать законодательную работу. В апреле 1839 правительство внесло в парламент проект, приостанавливавший на пять лет ямайскую конституцию, но встретило такое сопротивление со стороны внезапно появившихся отовсюду поборников колониальных «свобод» (к которым примкнули и ирландцы), что, получив большинство всего в пять голосов, оно вынуждено было выйти в отставку. Ямайские плантаторы торжествовали. В течение двух лет они оставались господами положения, и лишь в 1841 правительству Пила удалось, не без унижения, провести в парламенте акт, предоставлявший ямайской палате срок для возобновления своей конституционной деятельности, угрожая, в противном случае, приостановкой конституции; но к этому времени и самый период «ученичества» невольников пришел к концу, и спор стал беспредметным.

Одновременно новое правительство, столь занятое внутренним законодательством и колониальными делами, находило время вести, базируясь на Индии, и активную политику экспансии. В 1838, якобы с целью предупредить русских, помышлявших с помощью персов захватить Герат, индийское правительство объявило слабого афганского эмира Дуст-Мухаммеда низложенным и, введя войска в Кабул, провозгласило его преемником своего клеветра Шуджу. Однако, низложенный эмир не сразу покорился своей участи, и почти 2 года англичанам пришлось с ним воевать, прежде чем он сдался и был отослан ими в Индию. Но уже через несколько месяцев, осенью 1841, по всей стране вспыхнуло восстание: англичане были прогнаны из Кабула и частью вырезаны, частью захвачены в плен. Весной 1842, однако, англичане вновь собрались с силами и, вторгнувшись в Афганистан через Хайберский проход, разбили афганскую армию, освободили своих пленных и 16 сентября вновь заняли Кабул. На этот раз они удовлетворались восстановлением на троне Шуджи, после чего, оставив в Кабуле своего резидента, вернулись к себе. Но едва они удалились, как Шуджа был убит, и Дуст-Мухаммед снова занял престол. Англичане сочли благоразумным больше не повторять этих попыток и даже отозвали инициатора их, индийского генерал-губернатора. Впоследствии они заключили с Дуст-Мухаммедом договор мира и дружбы (см. *Афганистан*, исторический очерк).

Частичное объяснение этого благоразумия следует искать в том обстоятельстве, что англо-индийскому правительству (которое тогда еще было правительством частной Ост-Индской компании) пришлось в это время вести войну и в Китае. Это была знаменитая война — первая — за внедрение опиума, против которого китайцы отчаянно боролись, пока в 1839 они, по примеру американских колонистов, не захватили в Кантоне, главном тогдашнем порту, свыше 20.000 ящиков с ядовитым зельем, ценностью до 5 млн. фунт. ст., и не предали их сожжению. Последовала одна из гнуснейших войн в истории, закончившаяся в 1842 *Нанкинским миром* (см.), по к-рому Англия полу-

чила в вечное владение о-в Гонконг и контрибуцию в виде возмещения за «убытки» в размере 6 млн. ф. ст.; кроме того, пять портов, включая Кантон и Шанхай, были объявлены открытыми для иностранной торговли. Этим актом насилия началась история взаимоотношений Китая с капиталистическими державами, представляющая непрерывную цепь злодеяний.

Вообще же, иностранная политика Англии, едва успевшей отдохнуть от потрясенной борьбы с Наполеоном, политика, руководимая знаменитым *Пальмерстоном* (см.), приобретает к этому времени чрезвычайно беспокойный и провокационный характер, переходивший временами в подлинное бретерство. Проведя почти двадцать лет на посту военного министра, Пальмерстон, став в 1830 министром иностранных дел, продолжал, по существу, свою прежнюю работу, но другими средствами, идя часто вразрез с основной либерально-пацифистской политикой вигийских кабинетов, где он, выходя из ирландских лендлордов и долгое время член торийской партии, оставался живым воплощением того компромисса между обеими партиями аристократии, который осуществлен был в реформе 1832. Прикрываясь то фразами о правах угнетенных национальностей, то лозунгом невмешательства во внутренние дела других стран, то принципом борьбы против абсолютизма, Пальмерстон на деле преследовал одну только цель — сохранение политической гегемонии Англии на всем континенте, для чего все средства и все лозунги признавались им одинаково годными. Питая особенную подозрительность и неприязнь в отношении России и Франции, двух политических антиподов на континенте, Пальмерстон, не стеснялся, вступал в союз с царским абсолютизмом против либеральной Франции, когда нужно было отстранить или ослабить влияние Франции в Нидерландах, на Пиренейском полуострове или в Египте, и, наоборот, объединялся с Францией против России, когда ему нужен был союзник против последней в Дарданеллах. Меттерниха он ненавидел как воплощение реакции на континенте; но это не мешало ему перлюстрировать письма итальянских революционеров и сообщать их содержание австрийскому правительству; а когда австрийцы dokonчили раздел Польши захватом «вольного» города Кракова, то «свободолюбивый» руководитель английской внешней политики отделился беззубым протестом. В виде краткого перечня дипломатических достижений Пальмерстона за обозреваемый период можно отметить: 1) отделение Бельгии от Голландии (окончательно признанное лондонск. трактатом 1839), чем затруднялся захват первой Францией; 2) дипломатическое и вооруженное вмешательство в борьбу Мехмета Али, вице-короля Египта, с Турцией, чуть не закончившееся разрывом между Англией и Францией, но приведшее, в конце концов, к лонд. трактату 1841, по к-рому за Мехметом Али остался египетск. пашалык, при чем Турция сохраняла, однако, все свои владения; знаменитый Унклар-Скелесский

договор между Россией и Турцией был аннулирован, и Дарданеллы остались закрытыми для военного флота всех держав, кроме самой Турции; 3) аналогичное вмешательство во внутренние междоусобицы в Португалии и Испании под предлогом поддержки либеральных элементов против абсолютизма, но на деле для разъединения этих стран и для уничтожения французского влияния на полуострове, где расположен ключ к Средиземному морю—Гибралтар; 4) удачное предотвращение вмешательства европейск. держав в борьбу швейцарской федерации против отделившихся реакционных кантонов, находивших поддержку у держав Священного Союза и даже Франции; 5) сохранение полного нейтралитета во время борьбы 1848—49 гг. Италии против Австрии, и военная демонстрация в Дарданеллах против России и Австрии, когда эти державы стали требовать от Турции выдачи Кошута и др. венгерских революционеров. Во всем этом было много нелепого и непоследовательного, много театрального, рассчитанного лишь на внешний эффект, как показывает инцидент с ростовщиком доном Пачифико, португальским евреем, рожденным в Гибралтаре, т. е. формально британским подданным, который был «обижен» греческим правительством и ради «защиты» которого Пальмерстон послал флот в Афины, так как-де британский гражданин, как некогда римский, должен повсюду и при всех обстоятельствах найти защиту у своего отечества. Все же, в основном, Пальмерстон проводил определенную линию—сохранять и давать чувствоваться гегемонию Англии в Европе.

1850 — 1875. — Если предыдущий период можно, с точки зрения основного его содержания—прихода к власти промышленной буржуазии, назвать учредительным, то следующее двадцатипятилетие является периодом органического развития страны под ее руководством. В этот период английский капитализм, не встречая нигде серьезной конкуренции и обеспечив себе, введением свободной торговли, сырье и хлеб по самым дешевым ценам мирового рынка, развивает огромную деятельность и создает небывалое в истории благополучие для господствующих классов. Все имеющиеся статистические данные о развитии промышленности, транспорта, внешней торговли и госуд. финансов В. (см. выше, в экономических статьях) рисуют необычайно мощный хозяйственный рост В. со времени прихода к власти промышленной буржуазии, в особенности—с начала пятидесятих годов до середины семидесятых, и характеризуют ту экономическую основу, на которой развернулась история и сложилась специфическая социально-политическая физиономия обозреваемого нами периода.

Прежде всего промышленная буржуазия победоносно закрепилась на своих позициях, морально—как класс, создавший это неслыханное благополучие, материально—как класс, собравший в своих руках такие несметные богатства. Огненные она подчиняет себе не только политически и экономически, но даже и идеологически все другие классы—аристократию с монархией и ра-

бочий класс и правит неограниченно в государстве и обществе. Старая вражда к ней торийского землевладения отмирает: процесс падения хлебных цен происходит, благодаря недостаточному развитию транспорта, очень медленно и после отмены хлебных пошлин, и ведет к техническому улучшению земледелия и переходу к более прибыльному скотоводству, и, в результате, к росту земельной ренты. Землевладельческая аристократия, приятно разочарованная, идет даже на сближение с крупным капиталом, банковским и промышленным, через акционерные общества, получающие теперь широкое распространение. Торийская (консервативная) партия заметно идет на ущерб. Достаточно указать, что начиная с 1846 и до февраля 1874 консерваторы были у власти всего три раза, при чем общая длительность их правления составила менее 5 лет; остальное время, свыше двадцати трех лет, было заполнено «либеральными» министерствами. Напрасно Дизраели (впоследствии лорд Биконсфильд) делает попытку в сороковых годах оживить торизм под флагом «молодой Англии», выдвигая платформу социальных реформ под эгидой трона и алтаря: его попытки не имеют никакого успеха, и торийская партия продолжает гнить. Во второй половине шестидесятых годов, пользуясь кризисом, возникшим в связи с оживившимся рабочим и ирландским движениями, Дизраели, став премьер-министром, смело вступает на путь реформ, рассчитывая гальванизировать торийскую партию новой программой и привлечением в нее элементов из народа; но последние в нее не идут, и партия возрождается к жизни лишь во второй половине семидесятых годов на платформе империализма. Старые аристократические пережитки в конституции, палата лордов и корона, едва дают себя знать; многим даже казалось, что они отмирают. Палата лордов лишь в 1860 делает попытки продемонстрировать свое существование отказом голосовать за внесенную в бюджет отмену акциза на бумагу, но попытка эта кончается столь плачевно, что впрямь до 1909 палата больше не осмеливается повторять ее. Монархия в лице королевы Виктории также отодвигается политически все более и более на задний план, а со смертью принца Альберта (1861), мужа Виктории, уходит с авансцены и физически. Виктория удаляется в свои вдовьи покои, о ней забывают, и республиканство становится модной доктриной. Монархия начинает оживляться лишь во второй половине семидесятых годов одновременно с торизмом и империализмом под волшебной палочкой Дизраели.

Т. о., либерализм остается хозяином положения, и после смерти Пальмерстона, «последнего вига», в 1865, начинает постепенно расставаться со старым вигизмом; в 1-ый гладстоновский кабинет 1868 впервые попадают чистые представители буржуазии из банковских и промышленных кругов (Гошен, Брайт и др.), равно как из кругов свободных профессий, к-рые отныне занимают в английских кабинетах все больше и больше места. Но (и это вторая характерная черта рассматриваемого нами периода), если

власть промышленной буржуазии уже не оспаривается отныне никем, то и сама буржуазия уже больше не ищет борьбы, сосредоточивается на наживе и, довольная существующим порядком вещей, провозглашает гражданский мир и *laissez faire*, превозносит чудодейственные качества самодеятельной, самодовлеющей личности, осуждает, как противоречие всем законам общественного развития, государственное вмешательство в борьбу классов—словом, переходит на позиции «манчестерства», «административного нигилизма» и кобденской «свободной игры» общественных сил.

Отсюда проистекает одна из самых характерных особенностей эпохи—необычайная скудость внутреннего законодательства. Буржуазия, несмотря на полноту своей власти, не только не осуществляет конституционных реформ, оставляя нетронутыми пережитки абсолютистски-феодальной государственности и усматривая в этом «нигилизме» верх государственной мудрости, но и вообще перестает заниматься какими бы то ни было реформами, ограничиваясь лишь самыми необходимыми и минимальными законодательными актами.

Вплоть до второй половины 60-х гг. тянется эта полоса затишья, точно буржуазия устала от своих преобразовательных трудов предыдущего периода и решила, что дела, и бездальнейших усилий с ее стороны, могут идти хорошо. Лишь тяжелый финансовый кризис 1866, последовавший за еще более тяжелым и длительным хлопковым кризисом, вызванным гражданской войной в Америке, пробудил буржуазию от ее приятного почивания на лаврах, но и тогда инициатива исходила не от либералов, а, как выше было упомянуто, от консерваторов в лице Дизраэли. Фактически законодательное творчество первых пятнадцати лет данного периода исчерпывается двумя историческими гладстоновскими бюджетами 1852 и 1860, упразднившими последние остатки протекционизма и утвердившими принцип максимального освобождения от обложения предметов ежедневного потребления (чая, сахара и т. д.,—«свободный утренний стол»), открытием доступа в парламент евреям (в сущности, Ротшильду), благодаря соответствующему изменению в формуле присяги королеве,—изменению, еще не открывавшему, однако, двери парламента неверующим, как показал тридцатью годами позже знаменитый конфликт с *Бредло* (см.), и, наконец, неудачной и несерьезной попыткой Дизраэли в 1859 провести в парламенте новое расширение избирательного права.

Зато в области внешней и колониальной политики этот период представляет картину необычайного оживления. «Манчестерское» вероучение о «мире, экономии и реформе»—*peace, retrenchment and reform*, как гласил тогдашний лозунг—как будто противоречило этому, и, действительно, сам Кобден и Брайт и их сподвижники неустанно протесовали против всякой «активизации» иностранной политики, полагая, что принцип невмешательства и всеобщей гармонии интересов имеет приложение и в области международных отношений. Они были против

Крымской войны, против непрестанной склоки с Францией и за предоставление колониям права распоряжаться своей собственной судьбой. Но в этой области буржуазия, связанная с вигизмом, платила дань своему аристократическому партнеру, который продолжал традиции Кеннинга и, опираясь на военные элементы, располагал большой долей независимости в руководстве иностранной политикой. Во главе ее продолжал стоять тот же Пальмерстон, широко использовавший необыкновенный престиж, который Англия тогда имела на всем континенте. Это был век не просто международного гегемонии Англии; это был век настоящей англomanии, когда все английское, от техники до бакенов и от парламента до ростбифа, вызывало повсюду непомерный восторг. Открытая в 1851 в Лондоне всемирная выставка, первая в своем роде, еще более поразила воображение современников смелостью своего интернационального замысла и мощью английского промышленно-технического гения. Это был апофеоз англ. буржуазии; нового класса, пришедшего к власти и отметившего новую эру в человеческой истории. Хотя авторыее (первоначальная мысль принадлежала прекраснодушному принцу Альберту) и провозглашали выставку зарей новой эпохи всеобщего мира, но уже три года спустя англо-франко-итальянские пушки гремели под стенами Севастополя, так как Пальмерстон никак не мог согласиться с тем, чтобы Россия, под предлогом защиты христианского населения Османской империи, приблизилась к Константинополю. В этой войне, встретившей осуждение со стороны кобденистов, Англия пожала весьма мало военных лавров и много медико-санитарных и интендантских скандалов, и хотя война окончилась весьма плачевно для российского самодержавия (Парижский мир), однако, и в самой Англии она оставила неприятный осадок: она стоила очень много денег и сильно подорвала военный престиж Англии (что оказало прямое влияние на положение в Индии); Пальмерстону же, мечтавшему об отнятии Кавказа, не удалось добиться этого (подобно тому, как не удалось добиться успеха французам, рассчитывавшим на восстановление независимой Польши).

За Крымской войной последовал ряд других, более мелких, в разных частях света: в 1856 произошло столкновение с Персией, опять из-за Герата, давшее англичанам возможность исторгнуть некие торг. привилегии и право оперировать флотом в Персидском зал. против торговли невольниками, а впоследствии против пиратов—очень удобное право, оставшееся в силе и по сей день не без выгоды для всей англ. политики на Среднем Востоке, включая Кувейт и Месопотамию; в следующем году вспыхнула война с Китаем из-за «оскорбления», нанесенного английскому флагу кантонскими властями,—война, закончившаяся бомбардировкой, взятием и разграблением Кантона, открытием пяти портов для англ. консулов и самого Пекина для англ. резидентуры под видом дипломатической миссии, а также уплатой Англии контрибуции в четыре миллиона

таелей; затем в 1862, вследствие убийства английского консульского чиновника в Йокогаме, началась война с Японией, выразившаяся в бомбардировке неукрепленных городов и окончившаяся уплатой приличной контрибуции и открытием ряда портов для англ. торговли; далее, в 1868, была предпринята военная экспедиция в Абиссинию, тоже из-за насилия над консульским чиновником, окончившаяся взятием и разрушением столицы Магдалы и самоубийством негуса; наконец, в 1873 разразилась война в западной Африке с племенем Ашанти, которое не захотело уступить англичанам свою землю и за это поплатилось весьма жестоко: тысячи жителей были истреблены артиллерийским огнем, столица Кумаси была сожжена, и «царь» племени Должен был уплатить 50.000 унций золота в виде контрибуции и открыть беспрепятственный доступ английским товарам. Эта война явилась началом новой эры англ. колониальной экспансии на «черном» материке, приведшей к проникновению в Африку и других держав и эвентуальному разделу ее. Она явилась, в частности, исходным пунктом борьбы с бурами и проекта Каир-Капштадтской ж. д., сыгравшего большую роль в столкновении с Германией. Одновременно и в сношениях с так наз. цивилизованными государствами англ. дипломатия вела, если и не воинственную (тяжелые уроки Крымской войны еще не были забыты), то вполне реакционную политику, достойную ее деятельности в перечисленных выше углах земного шара. Для Италии, закончивавшей тогда свою национально-освободительную борьбу, она ровно ничего не сделала, хотя как раз в этом пункте даже промышленная буржуазия, заинтересованная в объединении итальянского рынка, охотно поддерживала бы ее активность. В результате она не сумела помешать своей франц. сопернице захватить в 1858 Ниццу и Савойю. Этот захват вызвал большое возмущение в Англии, которое было отлично использовано правительством для создания паники и увеличения армии и флота, укрепления и расширения доков и морских гаваней и создания корпуса добровольцев (1859), впоследствии разросшегося в целую систему территориально-милиционного типа; но этим дело и ограничилось. Годом раньше (1858) английская дипломатия отличилась во франко-английском инциденте, возникшем в связи с покушением *Орсини* (см.) на жизнь Наполеона III: на требование франц. правительства о выдаче сообщников *Орсини*, укрывавшихся в Англии, Пальмерстон услужливо ответил внесением в парламент билля о «конспирациях» и инсценированием процесса против д-ра Бернара, одного из этих сообщников, по заведомо ложному обвинению его в соучастии в убийстве какого-то англичанина в Париже. Но Бернар был оправдан присяжными, билль был демонстративно провален в палате, и сам Пальмерстон должен был на время выйти в отставку. Однако, и тут правительство ухитрилось, под предлогом якобы угрожающих со стороны Франции военных санкций, добиться увеличения военных кредитов и создать паническое настроение, в шуме

которого были забыты его собственные грехи. Столь же реакционна была позиция английской дипломатии в европейских кризисах, вызванных польским восстанием 1863 и захватом Шлезвиг-Гольштейна в 1864. По обоим вопросам Англии не только не удалось вмешаться на основании международных договоров, но по второму из них была даже обязана это сделать, так как торжественно обещала Дании защиту против посягательства на ее территорию. В обоих случаях ее энергичное вмешательство приветствовалось бы ее собственным общественным мнением и по существу, с точки зрения принципа национального самоопределения, могло бы быть вполне оправдано. Но и в том и в другом случае дипломатия Пальмерстона ограничилась бумажным протестом, несмотря на то, что по польскому вопросу Франция предлагала европейскую конференцию, а по вопросу о Шлезвиг-Гольштейне самому Пальмерстону было ясно, что присоединение этих провинций к Пруссии означало не только усиление одного из самых реакционных государств на континенте, но и создание в будущем—как он сам писал—Кильского канала, невыгодного для самой Англии. В обоих случаях поведение английской дипломатии диктовалось враждой к Франции и желанием создать против нее противовес в лице сильной Пруссии. Этим же объясняется и бездеятельность Англии во Франко-прусской войне (1870—1871), хотя после объявления республики во Франции общественное мнение в Англии круто повернуло против победителей.

Но едва ли не самым характерным проявлением реакционности внешней политики Англии была ее позиция во время гражданской войны в Америке (1861—65), когда она, опасаясь превращения Соединенных Штатов из страны аграрной в страну промышленную, открыто стала на сторону рабовладельческих штатов, признав их воюющей стороной и помогая им оружием, кредитами и пропагандой. Вследствие захвата северянами каперского судна «*Алабама*» (см.), Англия сама едва не была вовлечена в войну, но этому во-время помешал решительный протест рабочих масс, которые, несмотря на беспримерный кризис и безработицу, созданные прекращением подвоза хлопка, стояли на стороне северян. Поведение английского рабочего класса в этом случае является одной из славнейших страниц его истории.

Впрочем, воздержание от военных авантюр диктовалось британск. правительству еще и осложнениями внутреннего порядка, начавшимися вскоре после Крымской войны в различных частях Британской империи, перекинувшимися впоследствии на Британск. о-ва и в значительной степени парализовавшими активность англ. дипломатии. Самым крупным из этих потрясений было вспыхнувшее в Индии восстание (1857—59), где пресловутая Ост-Индская компания, не довольствуясь нагробленными территориями, повела в сороковых и пятидесятых годах особенно интенсивную завоевательную политику, пользуясь всяким предлогом, чтобы уничтожить независимые и полунезависимые туземные государства и присоединить

их территории к тем, которые непосредственно подвергались ее беспощадной эксплуатации. Достаточно упомянуть, что за восемь лет правления вице-короля лорда Далгузи (1848—1856) территория британской Индии увеличилась больше, чем на одну треть. В первый раз правители и народы Индии были загнаны англичанами в один лагерь. К этому присоединилась потеря англичанами военного престижа под Севастополем. В результате, в мае 1857 вспыхнул в туземных полках мятеж, который, найдя широкий отклик среди беспощадно разоряемых и давно уже волновавшихся крестьянских масс, а также среди экспроприруемых туземных князей, вскоре перешел в народное восстание. Борьба с обеих сторон велась с крайним ожесточением. Англичане расправлялись с повстанцами с неслыханным варварством: сжигались или сносились артиллерийским огнем целые селения, пленников массами расстреливали из пушек, вождей публично вешали, имущество их конфисковались, семейства брались в заложники. Восстание было подавлено лишь к началу 1859, после чего «хартия» (чартер) Ост-Индской компании была аннулирована и управление страной перешло непосредственно к короне. По этому поводу королева Виктория издала знаменитый манифест, в котором народам Индии обещались всякие блага и который, конечно, остался мертвой буквой.

Столь же «доблестно» расправились англичане с восстанием негров на о-ве Ямайка в 1865. Несмотря на свое «освобождение», негры продолжали находиться в фактическом рабстве у плантаторов, и восстание их, руководимое Гордоном, баптистским проповедником из их же среды, было актом полного отчаяния. Губернатору Эйру нетрудно было, однако, подавить его, после чего началась невероятно жестокая расправа: свыше 400 человек, включая Гордона, были повешены, другие 600 человек, в том числе множество женщин, подверглись публичной экзекуции, и свыше 1.000 жилищ были сожжены. Даже лондонское правительство и парламент были скандализированы; Эйр был смещен, и ямайская конституция была приостановлена. Но когда по возвращении Эйра в Англию группа влиятельных лиц, среди которых находились Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер, стала требовать предания Эйра суду, то оказалось, что он имел на своей стороне не только правительство и суд, но и большинство общественного мнения во главе с такими популярными моралистами и эстетами, как Карлейль, Рескин и Теннисон. Эйр не только избежал судебной кары, но даже получил от правительства пожизненную пенсию как заслуженный колониальный деятель.

Тем временем—несомненно, в связи с потрясениями в др. частях империи, а также под влиянием хозяйственного кризиса—в Ирландии после долгого перерыва возродилось национально-революционное движение. Уже во второй половине пятидесятых годов возникло пропагандистско-революционное общество «Феникс», начертавшее на своем знамени лозунги отделения Ирландии от Англии и преобразования ее в неза-

висимую республику. Об-во просуществовало недолго: в 1858 оно было раскрыто, и вожди его были арестованы и сосланы в каторжные колонии. На его месте возникло тогда знаменитое «фенианское братство»—партия политического террора, sporадически действовавшая в течение 10—12 лет и наводившая немалую панику на англичан. Но массовым влиянием она не пользовалась, и ее террористические акты имели лишь то значение, что вновь ставили ирландский вопрос в порядок дня. Питалась она, главным образом, поддержкой из Америки, откуда ирландские эмигранты посылали людей, деньги и оружие. Уже в 1866 правительство сочло нужным прибегнуть к старому средству—к приостановке для Ирландии действия акта Habeas corpus—и объявило ряд районов на военном положении. Несколько сот человек было арестовано и осуждено на каторжные работы. Интересно отметить, что как конспиративное террористическое общество, фенианское братство оказало известное влияние на русское революционное движение. Деятельность фенианцев ограничивалась лишь отдельными выступлениями, по большей части неудачными. В 1867 группой фенианцев были отбиты среди бела дня на улицах Манчестера двое арестованных вождей, к-рым удалось скрыться. Из участников их освобождения, однако, более половины было поймано и пятеро из них приговорены к смертной казни. Фактически трое подверглись публичной казни после гласного суда, на к-ром они выступали с героическим мужеством. Смерть этих «манчестерских мучеников» (среди них—дед Дж. Ларкина), как их прозвали в Ирландии, вызвала сильное движение в разных городах Ирландии и привела к аналогичной попытке освободить двух фенианских узников из одной из лондонских тюрем. Тюрьма была взорвана динамитом, при чем несколько человек было убито и несколько сот ранено. Часть заговорщиков была поймана, несколько было сослано в каторжные колонии, а один был повешен. Несмотря, однако, на эти легкие победы над ирландскими революционерами, англичане чувствовали, что ирландский вопрос не может быть таким образом разрешен. Консервативное правительство Дизраели вынуждено было признать, что вопрос об Ирландии стал в порядок дня, и заявило о своем намерении внести ряд законопроектов касательно Ирландии, включая аграрный. Ему, однако, не суждено было осуществить свои намерения, так как оно было сброшено Гладстоном, проведшим резолюцию об отделении ирландской протестантской церкви от государства. На выборах в ноябре 1868 либералы получили огромное большинство, после чего провели ряд законодательных мер, касавшихся Ирландии. Протестантская церковь была упразднена при весьма щедрой компенсации, данной духовенству (1869), а в следующем году был проведен земельный акт, который возлагал на помещиков обязанность в случае досрочного прекращения ими аренды, а также при нормальном окончании ее срока, вознаграждать своих арендаторов за произведенные ими, но не вполне

окупившиеся еще мелиорации; закон давал также арендаторам некоторую возможность выкупать свои земли у помещиков. Этот скрупул, к тому же еще оскопленный лордами в верхней палате, акт не содержал в себе никаких данных для сколь-нибудь радикального разрешения аграрной проблемы в Ирландии. Но все же это была первая законодательная мера, затронувшая ирландскую аграрную проблему вообще и открывшая собой эпоху прямой борьбы за землю, окончившуюся лишь через сорок лет. Либералы сами так мало верили в чудодейственную силу своих реформ, подкрепленных амнистией фенианцам, что одновременно с этим сочли нужным провести через парламент в ускоренном порядке новый исключительный закон против Ирландии, дававший широчайшие полномочия полиции по производству обысков и арестов, закрытию газет и т. д. Специально для графства Уэстмит (провинция Лейнстер), чрезвычайно неблагоприятного по части аграрных беспорядков и террористических актов, был издан особый дополнительный закон, предоставлявший местным властям право приостановить Habeas corpus сроком на два года и действовать по законам военного времени. Эта комбинация уступок с террором была удачно рассчитана на отрыв от революционного движения ирландской буржуазии и интеллигенции, как это было при О'Коннеле. Действительно, в 1870 Исааком Баттом, некогда боровшимся против О'Коннеля, была основана «ассоциация по введению гомруля для Ирландии», ставившая себе целью добиться конституционными методами административно-политического самоуправления для Ирландии при сохранении за английским парламентом всей полноты власти по внешним и имперским делам. В следующем и 1872 г. ассоциация удалось провести в парламент первых своих восемь представителей, в том числе самого Батта. Этим положено было начало новой, конституционно-парламентской фазе национальной борьбы, оказавшей такое тлетворное действие на ход последней, и заведшей ее, в конце-концов, в бесславный тупик, из которого она была выведена лишь революционным восстанием 1916 и дальнейшим развитием его в уличных боях с вооруженными силами Англии в 1919—1920 годах.

Но осложнения еще более серьезного характера возникли для правящей англ. буржуазии внутри самой страны со стороны рабочего класса. Последний, после краха 1848, пережил глубокий психологический и идеологический кризис, который искусно был использован реформистами из собственного и буржуазного лагерей для создания примиренческого, антиреволюционного настроения, характеризующегося отказом не только от революционной, но даже и самостоятельно-классовой политической борьбы вообще, и устремлением в сторону «малых дел» в виде потребительски-кооперативного строительства, организации касс взаимопомощи, клубов самообразования и т. п.; в то же время приняла огромные размеры эмиграция в колонии. Профсоюзы (тред-юни-

оны), отказавшись от революционных целей и методов, приняли форму замкнутых организаций для рабочих высокой квалификации, перекрыли боевые функции густой сетью страховых функций на разные несчастные случаи, устранили массы от прямого участия в профсоюзной политике, сделав вождей единственными вершителями ее, и основной линией своей тактики провозгласили не борьбу, а соглашение с предпринимателями. Это было полное примирение с буржуазным обществом, к-рое могло, однако, создаться и укрепиться лишь на почве реальных достижений в области заработной платы и условий труда вообще. Действительно, примерно с середины столетия заработная плата в основных отраслях промышленности начинает заметно повышаться; напр., средний ланкаширский прядильщик, который еще в 1833 зарабатывал 27 шилл. (около 14 руб.) в неделю, а в 1850 и того меньше, а именно 20 с половиной шилл., в 1859 зарабатывал 24, а в 1865—30 шиллингов в неделю. Точно так же углекоп в Ланарке (юг Шотландии), к-рый в 1841—1850 зарабатывал три шиллинга в день, в 1861—1870 зарабатывал почти четыре, а в следующее пятилетие почти 7 шиллингов в день. У строительных рабочих заработная плата между 1850 и 1860 гг. поднялась на десять, а между 1860 и 1870 гг. еще на восемь процентов. В общем, согласно правительственным данным, заработная плата рабочего класса выросла в 1860 на 19, в 1865—на 27 $\frac{1}{2}$ и в 1870—на 34 процента по сравнению с цифрами 1850. В отношении продолжительности рабочего дня законодательство бездействовало, но за этот период вошел в силу акт 1847, и его благие последствия сказались не только в текстильной, но и в других индустриях, где рабочим удалось отвоевать более короткий рабочий день и добиться отмены сверхурочного труда. Кое-что было, наконец, сделано и в области законодательной охраны труда: в 1850 была установлена инспекция в шахтах, десятью годами позже—в некоторых химических производствах, а в 1867 новый закон распространил действие фабричного законодательства на все промышленные заведения. Все это было чрезвычайно недостаточно, но облегчало напряженное положение и дальнейшую борьбу профсоюзов за лучшие условия труда.

Борьба эта, несмотря на весь пацифизм тред-юнионов, все же не могла заглохнуть, и в истории этого периода можно отметить несколько весьма жестоких схваток между рабочими и предпринимателями, среди которых было еще не мало «зубров». Лишь в немногих случаях эти схватки увенчались успехом для рабочих, но, в общем и целом, «социальный мир» нарушался вовсе не рабочими, а самими хозяевами, которые по малейшему поводу прибегали к локаутам в широчайших размерах, используя пробелы в существующем законодательстве для того, чтобы бить рабочих и судебно-полицейскими мерами. Так, предпринимателями был выкопан старинный акт чуть ли не 14-го века о «хозяевах и слугах», который давал возможность арестовывать и сажать в тюрьму работников, нарушавших договор. Закон,

явно созданный в эпоху крепостничества, когда ловили тяглых крестьян, оказался, по компетентному суждению юристов середины 19 в., вполне применимым к условиям капиталистического хозяйства, и рабочих, объявлявших забастовку без законного предупреждения, стали хватать и сажать в острог. Те же остроумные юристы нашли, что хотя тред-юнионы и не незаконны с точки зрения обычного права, но они все же не имеют прав юридического лица и поэтому не могут привлекать к ответственности должностных лиц, обокравших союзные кассы. Все это, а также участвовавшие по всей стране случаи избивания штрейкбрехеров и, в частности, взрыв начиненной динамитом жестянки на квартире одного штрейкбрехера в Шеффилде (1866) (быть может, и подброшенной полицией)—дали удобный повод хозяевам поставить вопрос о «природе» тред-юнионов вообще и потребовать их упразднения, как заговорщических и террористических организаций. В основе всего этого наступления на тред-юнионы лежал сильнейший промышленный и финансовый кризис, из которого капиталисты думали выйти путем энергичного нажима на рабочий класс. Вожди тред-юнионов делали все от них зависящее, чтобы не давать разгораться острой классовой борьбе. Они старались доказать хозяевам и буржуазной публике, что их организации вовсе не сторонники стачки, а, напротив, верят в мирное разрешение споров и в сотрудничество классов вообще; рабочих они убеждали не бунтовать, а действовать «конституционными» методами через парламент и общественное мнение. Массы все же были настолько возбуждены, что и вожди, и даже правящие сферы вынуждены были считаться с их настроением, которое ясно принимало угрожающий характер, выражавшийся, например, в сочувствии Интернационалу и в выдвигании давно, казалось, уже забытого вопроса о демократизации избирательного права. Как ни бушевала капиталистическая стихия, правительству пришлось не только провести через парламент отмену закона о «хозяевах и слугах», но и расширить избирательное право путем распространения избирательного ценза на значительные слои рабочего класса (1867), получившего, т. о., впервые после более чем полувековой борьбы, возможность проникнуть в парламент. Характерно, что эти реформы проведены были консервативным правительством, в котором Дизраэли играл главную роль: это был отчасти запоздалый отголосок старого классового антагонизма, отчасти шахматный ход в конкурентной борьбе с либералами, которые до этого сделали несколько слабых попыток провести избират. реформу, но потерпели неудачу. Но комбинация эта не спасла консерваторов на всеобщих выборах 1868 от поражения.

Пришедшие к власти либералы тоже должны были предпринять какие-нибудь меры для успокоения рабочих, и в 1871 они провели закон, дававший профсоюзам права юридического лица и признававший их легальное право на существование. Однако, либералы должны были дать кое-что и капиталистам: по другому одновре-

менно проведенному закону, всякие враждебные по отношению к штрейкбрехерам действия, составляли наказуемый проступок. Это фактически сводило на-нет первый закон и создало в рабочих массах еще более угрожающее настроение. На всеобщих выборах 1874 рабочие впервые выставили собственные кандидатуры и провели в парламент двух своих профсоюзных вождей: Александра Макдональда и Томаса Берта. Для того времени это было событие колоссальной важности, к-рое произвело переполох в буржуазном обществе. Это было как бы восстание рабочего класса против всей той хитросплетенной идеологии, которую так, казалось, удачно навязали ему после краха чартизма, и оно грозило возобновлением классовой борьбы в ее самой опасной, политической форме. В 1867 вопрос об избирательной реформе был фактически решен в пользу рабочих после того, как лондонская толпа, желавшая проникнуть в Гайд-Парк на митинг, опрокинула заграждавшую ей дорогу полицию, сломала железную решетку и, не считаясь с возможностью подвергнуться нападению со стороны вызванных войск, провела свой митинг. Это был акт, по тому времени, почти революционный, так как он обозначал выход рабочей массы из традиционного повиновения конституции и законам. В 1874 появление в парламенте двух рабочих, выбранных рабочими же на независимой платформе и с наказом вести борьбу за уничтожение «касторжного» закона о штрейкбрехерстве, казалось прямым возвращением к чартизму. Случаю угодно было, чтобы и на этот раз, как семь лет тому назад, Дизраэли находился у власти. Он немедленно провел, в замену акта 1871, другой закон, допускавший «мирное» наблюдение за штрейкбрехерами и, вместо упраздненного закона о «хозяевах и слугах», ввел новый акт о «работодателях и рабочих», уравнивший обе стороны в отношении заключаемого ими договора и устранивший в последнем кабалные моменты (1875). То же консервативное правительство провело в течение ближайших лет еще несколько других полезных реформ в области охраны труда женщин и детей в промышленных предприятиях (закон о фабриках и мастерских 1878), общественной гигиены и санитарии (закон о раб. жилищах 1875 и др.) и охраны безопасности морских судов и занятых на них матросов [акт о торг. судоходстве 1879, устанавливавший предел нагрузки судна, так наз. линию *Плимзола* (см.)].

Ничего этого не дало бы тогда правительство либералов, тесно связанное с промышленным капиталом и исповедывавшее кодендовскую веру. Лишь впоследствии, встревоженное популярностью консерваторов, оно само пошло по этому пути. До этого же единственно важным законодательным актом либералов был закон о всеобщем обучении (1870), впервые создававший в Англии общественные школы на средства, получаемые от налогов: до того времени школы, народные и другие, существовали либо на частные либо на церковные средства. Какие соображения побудили либеральное правительство провести эту реформу, видно

из заявления, сделанного министром Форстером, внесшим законопроект: «От немедленной организации начального образования зависит наше промышленное благополучие... Если большинство наших рабочих останется и впредь необученными, то мы скоро погибнем в международной конкурентной борьбе. От этой же немедленной организации школ зависит также функционирование нашей конституции... Дав народу политические права, мы не должны долго мешкать, а должны дать ему образование...

Наконец, от немедленной организации образования зависит и наша национальная мощь... Если мы хотим сохранить наше положение в семье народов, то мы должны восполнить нашу немногочисленность повышенным умственным развитием индивидов». Международная борьба, экономическая и военная, в результате образования новых мощных государств («культурные государства сплавляются по всему миру в национальные массы», говорил в той же речи Форстер), и необходимость противодействовать зарождавшейся в рабочем классе после Парижской Коммуны опасной идеологии—таковы основные мотивы этого исторического законодательного акта. Из других реформ либерального правительства (Гладстона) того времени следует отметить: упразднение системы продажи и покупки офицерских патентов (1871), посредством которой до сих пор выполнялись вакансии в командном составе английской армии, и одновременную реорганизацию английской армии на территориальной основе—меру, явно продиктованную прусским образом; отмену вероисповедного ценза кандидатов на преподавательские должности при университетах (1871); учреждение нового министерства местного управления (1872) и введение на выборах тайной подачи голосов (1872). Первая из перечисленных мер сильно затронула интересы аристократии и богатой буржуазии и, вероятно, не прошла бы через палату лордов. Гладстон трусливо провел ее внепарламентским путем в порядке королевского декрета, основываясь на том, что упраздняемая им система была в свое время введена этим же способом. Это был уже второй его конфликт с палатой лордов. Следующий его конфликт, двадцатью годами позже, в связи с ирландским гоумрулем, положил конец его собственной карьере и уничтожил либеральную партию вообще,—политическое возмездие за неведение буржуазией до конца дела демократических реформ.

1875—1905.—Середина семидесятых годов является поворотным моментом в истории Англии. Как раз в 1873—74 происходит самый промышленный кризис. Хотя с 1875 конъюнктура начинает поправляться, она никогда уже больше не достигает такого высокого и длительного уровня, как в предыдущие два десятилетия: депрессии, переходящие иногда в кризисы, учащаются и происходят затем приблизительно каждые

десять лет. Английская промышленность и торговля, конечно, продолжают разворачиваться, но уже темпом более медленным и со значительными перебоями (см. диаграмму на ст. 339—340). Особенно ярко замедление темпа хозяйственного развития отразилось на цифрах внешней торговли. Так средний годовой вывоз составлял:

Периоды	1851—55	1856—60	1861—65	1866—70	1871—75	1876—80	1881—85	1886—90	1891—95
Вывоз в млн. ф. ст.	181,7	149,1	188,8	234,7	297,7	258,0	295,3	298,6	287,5

Причину этого явления искать недалеко: на мировом рынке появились два новых производящих государства чрезвычайной мощности—Германия и Соединенные Штаты Северной Америки, которые к тому же оградили себя охранительными тарифами и из которых Германия уже выступала активным конкурентом на мировом рынке. Еще в пятилетие 1870—74 Англия вылавляла в среднем 6,4 млн. *t* чугуна в год, а Германия всего 1,8 млн. и Америка 2,2 млн. *t*. В пятилетие же 1895—99 Англия вылавляла всего двумя миллионами тонн больше, а именно: 8,6 млн., между тем как Германия вылавляла до 6,7 млн., т. е. на пять млн. больше, а Америка даже превзошла Англию, вылавляя в среднем 10,6 млн. *t*. В следующее пятилетие не только Америка удержалась на первом месте, вылавляя в среднем свыше 16 млн. *t* против английских 8,6 млн., т. е. вдвое больше, но и Германия опередила Англию своей цифрой в 8,9 млн. В отношении же стали Германия, начиная с 300.000 *t* в среднем в 1870—74, обогнала Англию уже в 1895—99 годах, произведя в среднем 5.100.000 *t* против английских 4.200.000 *t*. Америка, начав с 140.000 *t* в год в первое пятилетие, достигла цифры в 7.600.000 *t* в последнее пятилетие. Что касается внешней торговли, то тут цифры весьма знаменательны. Ограничиваясь экспортом, мы имеем для Англии среднюю за пять лет, 1870—74, в 235 млн. ф. ст., а для Германии—114 млн., для Сев.-Ам. Соед. Шт.—96 млн. ф. ст. В пятилетие 1895—99 Англия вывозила в год в среднем на сумму в 238 млн., Германия—на 181 млн. и Сев.-Ам. Соед. Шт.—на 213 млн. ф. ст. Последние быстро нагоняли Англию, германская же экспортная торговля во всяком случае росла гораздо более быстрым темпом, чем английская: фактически последняя стояла на одном месте. Однако, уже в следующее пятилетие, 1900—04, Германия со своими 236 млн. близко подошла к Англии с ее 238 млн., а Америка даже опередила ее, вывезши в среднем в год на 292 млн. ф. ст. Англия не только потеряла свою прежнюю промышленно-торговую монополию, но заметно отодвигалась на третье место по ряду важнейших производств и по внешней торговле, имевшей для нее решающее значение.

Но одновременно с этим процессом в недрах англ. промышленного капитала шел другой, внутренний процесс передвижения

центра тяжести от «короля хлопка» к тяжелой промышленности, в частности — к железодобывательной и машиностроительной. Хлопчатобумажная промышленность, продолжая оставаться самой богатой и самой значительной (после сельского хозяйства) отраслью производства в Англии, все же начинает постепенно застаиваться, в то время как тяжелая индустрия занимает все больше и больше места в английской экономике, включая столь важный для нее экспорт. Последовательные народные переписи показывают медленное, но неуклонное падение числа лиц, занятых в текстильной (гл. обр., хлопчатобумажной) промышленности (1,6 млн.—в 1851, 1,5 млн.—в 1861, 1,4 млн.—в 1871, 1,3 млн.—в 1881 и приблизительно столько же в след. переписные годы), и быстрое нарастание числа лиц, занятых в металлургии (от 505.000—в 1851 до 1.426.000—в 1901) и горной промышленности (от 372.000—в 1851 до 906.000—в 1901). Точно так же в отношении экспорта вывоз продукции тяжелой индустрии, составлявший во второй половине 60-х годов лишь немногим больше 40% вывоза текстиля, уже через 10 лет составляет почти 70% и, постепенно повышаясь, обгоняет его в начале текущего столетия и составляет 110% его. Это изменение в строении английского капитализма имеет большое значение, как потому, что как раз металлургическая промышленность подвергается сильнейшей конкуренции со стороны герман. и америк. соперниц и раньше других отраслей англ. промышленности проникается протекционистскими тенденциями, что сближает ее с крупным землевладением, так и потому, что она придает колониальной и отчасти внешней политике Англии новое направление, превращая ее из орудия поисков и обеспечения рынков сбыта, каким преимущественно она была в эпоху гегемонии текстильного капитала, в орудие захвата источников сырья и приобретения концессий на сооружение больших предприятий. Это стремление заставляет капитал в этих индустриях организоваться в гораздо большей степени, чем это делал капитал в хлопчатобумажной промышленности, блокироваться с финансовым капиталом, к-рый отныне и в Англии начинает играть организационную роль, и проявлять сильную активность вовне, опрокидывая старые манчестерские лозунги о невмешательстве и всеобщем мире. Этот период отмечен поэтому в истории Англии развитием новейшего империализма.

Все эти тенденции выявлялись, конечно, постепенно. В 1879 Бисмарк ввел свой знаменитый протекционистский тариф, нанесший первый удар английскому экспорту изделий тяжелой промышленности. Одновременно с этим начала с большой силой сказываться конкуренция американск. хлеба, взрошенная индустриализацией американского сельского хозяйства и мощным развитием американского транспорта; и английский капитализм сразу почувствовал резкую перемену в мировой конъюнктуре. Прежний оптимизм, самоуверенность и самодовольство получили тяжелый удар, и

вместе с ними пошатнулась вера в непогрешимость кобденовских либеральных доктрин о вреде государственного вмешательства, о всепасающих свойствах свободной игры сил, о *laissez faire* и т. п. Старые торийские элементы—поземельная аристократия и крупный торговый или скорее колониальный капитал—первые поддались разочарованию и отошли от этих доктрин; за ними постепенно последовал капитал вышеуказанных отраслей тяжелой промышленности (металлургической и машиностроительной) и капитал колониально-банковский. Подкрепляемые военными кругами, колониальным чиновничеством и сферами придворно-дипломатическими, эти элементы создали базу для возрождения и развития подлинной консервативной партии на общей для всех их основе: усиление государственной власти (в частности, монархии), смычка с самоуправляющимися колониями, как основа для создания, на германский образец, мощного имперского рынка и военно-хозяйственного организма, закрепление старых и приобретение новых колониальных позиций, наконец, протекционизм. Под либеральными знаменами оставались текстильная, судостроительная и ряд других индустрий, не испытывавших еще иностран. конкуренции, финансово-торговый капитал, связанный с континентальной торговлей, и вся мелкая буржуазия и рабочий класс, кровно заинтересованные в свободной торговле, означавшей для них низкие цены на предметы потребления. На вид это была еще очень внушительная сила, но она внутренне уже не была едина, и ее буржуазная часть тянулась все больше в консервативный лагерь по мере обострения не только внешнего, но и внутрен. положения в силу противоречий между ней и ее плебейскими партнерами.

Действительно, одновременно с реакцией против либерализма в сторону консерватизма среди мелкобуржуазной интеллигенции заметна стала реакция против либерализма в сторону социализма—или того, что тогда понималось под этим названием, т. е. фактического «этатизма» и «коллективизма». Толчок к этому был дан известной книгой Генри *Джордана* (см.) «Прогресс и бедность» (1879), которая своей беспощадной критикой частного землевладения пришла как раз ко двору в момент сильнейшей селско-хозяйственной депрессии и воплей помещиков о субсидиях и протекционных тарифах и читалась нарасхват миллионами людей. Немного позднее интеллигенция открыла и «Капитал» Маркса, а кроме того, и социальные реформы Бисмарка. В результате возникли первые социалистические организации — марксистская Социал-демократическая федерация и социально-реформистское Фабианское общество, и при этом—не без влияния также и ирландской «Земельной лиги»—еще Общество национализации земли. Все это были интеллигентские кружки с весьма незначительным участием рабочих, но одно их появление, а еще больше агитация, развернутая С.-д. федерацией среди безработных, не на шутку перепугали буржуазию, перед к-рой внезапно вырос «социальный вопрос».

И радикалы, и консерваторы, и «реформеры», и церковники, и журналисты, и писатели—все заговорили о социализме. В лондонский Истенд, где скопились миллионы пролетариев, бросились интеллигенты,—одни [Чарлз Бутс, автор многотомной статистической работы о «Жизни и труде лондонской бедноты», и другой Бутс—Уильям, «генерал» *Армии Спасения* (см.), автор книги «В трущобах Англии»] в исследовательских целях, а другие (Арнольд Тойнби, основатель названного по его имени «народного ун-та» Тойнби Голл) для «просвещения» масс, в то время как на севере, в Бирмингеме, Джозеф Чемберлен, богатый промышленник и радикал, открыл «муниципальный социализм», как «настоящее» решение социального вопроса. В настоящее время ясно видно, что никакой опасности для буржуазного строя от всего этого «социализма» и даже от агитации социал-демократов не было: рабочий класс, как выяснится ниже, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны предпринимателей в области заработной платы, как раз тогда вступил в полосу неожиданного «благополучия», вследствие прогрессивного падения цен на предметы потребления рабочих, и воспринимал социалистическую агитацию скорее, как чудачество. Но для современников это было серьезное явление, и «красный призрак» сыграл не малую роль в процессе перехода целых пластов буржуазии в консервативный лагерь. Мало того, либерализм, вынужденный считаться с наличием в его лагере рабочих масс, ныне сам рвет со старыми аристократически-вигскими традициями и становится на путь демократических лозунгов, заглушая голос социалистических агитаторов, и этим еще более углубляет разрыв с консерваторами и усиливает их ряды и значение. В этом отношении кардинальную роль сыграл переход либералов на платформу гомруля для Ирландии, приведший к первому открытому расколу в партии, и первые назначения профсоюзных вождей на министерские, судебные и др. важные посты, закрепившие влияние либералов на рабочий класс через его верхушку, но вместе с тем лишившие их поддержки ряда капиталистич. групп.

Таким образом, постепенно, в течение обозреваемого нами периода, консерватизм стал господствующей идеологией английской буржуазии, в то время как либерализм, путаясь в противоречиях между собственной классовой сущностью и тактическими соображениями партийно-политического характера, терял сторонников, терял самоуверенность, внутренне перерождался и неуклонно приближался к гибели. Внешним выражением этого перемещения центра тяжести между обеими буржуазными партиями было то, что либеральная партия в течение обозреваемого периода пробыла у власти в совокупности около восьми с половиной лет, а все остальное время—около 22 лет—правили консерваторы. При этом замечательно (и, с точки зрения обусловленности исторического процесса, характерно), что перевес в личностях все же несомненно был на стороне либералов, воз-

главлявшихся почти все время таким крупным человеком, как *Гладстон* (см.), не говоря уже о светилах меньших, хотя также значительных, как *Морлей* (см.), и Гаркорт. Напротив, консервативные вожди, как Солсбери и *Бальфур* (см.), представляли собой посредственности, а главный из них—*Дизраели-Виконесфилд* (см.), был политический шарлатан и авантюрист, память которого только потому почитается консерваторами, что он оказался на гребне первой волны, поднявшей партию со дна, на котором она пролежала свыше сорока лет.

Дизраели, как уже говорилось выше, начал в 1874 с социальных реформ, но очень скоро оборвал этот курс, когда оказалось, что он не пришелся по вкусу его сторонникам. С 1875 он берется за иностранную политику, которой после смерти Пальмерстона либералы мало интересовались. В это время египетский хедив, запутавшись в сетях англо-французских банкиров-ростовщиков, как раз искал покупателя на имевшиеся у него в распоряжении акции Суэцкого канала в количестве почти половины всего числа их, и Дизраели, узнав об этом через Ротшильдов, купил их, не спросив даже парламента. Банкиры и хлопчатобумажные фабриканты пришли от этого смелого акта в восторг, так как он сулил им поддержку правительства в их проникновении в обетованную страну. В одинаковом восторге были милитаристы и колонизаторы, которые предчувствовали, что такое проникновение рано или поздно завершится захватом этой стратегически важной страны. Действительно, в самое короткое время хедив, искусно доведенный до банкротства, вынужден был согласиться на англо-французский финансовый контроль, затем на образование министерства с участием представителей англо-французских кредиторов; когда же он в 1879 вздумал восстать против такого режима и апеллировать к народным представителям, его бесцеремонно убрали и сослали. Довершить этот процесс «проникновения» и выжить французского партнера пришлось уже премьернику Дизраели, либеральному Гладстону. Сам Дизраели успел за это время провести другое, еще более важное, дело, а именно—прогнать царскую Россию с путей к Константинополю. История, вероятно, не знает другого такого удачного блефа, как тот, которым Дизраели заставил царское правительство, и без того напуганное двусмысленной позицией Австрии, согласиться на пересмотр продиктованного его победоносными войсками мира в Сан-Стефано и дать себя так терроризировать на конгрессе в Берлине, что от всех его планов на Балканах ничего не осталось. Театральной посылкой флота в Дарданеллы и вызовом нескольких полков туземных войск из Индии Дизраели, поддерживаемый Бисмарком и Андраши, сумел так утратить царскую дипломатию, что та сдала свои позиции, согласившись на пересмотр Сан-Стефанского мира. Во имя безопасности и целостности Оттоманской империи (которую он тут же сам ограбил, забрав у нее в долгосрочную аренду о-в Кипр), Дизраели (тогда уже лорд

Биконсфильд) уничтожил Великую Болгарию и Великую Сербию, раздробив их на части, отдал Боснию и Герцеговину во «временную» оккупацию Австро-Венгрии и принудил Россию удовольствоваться Бессарабией, когда-то (по Парижскому миру) у нее отнятой. Современники Биконсфильда были правы, когда праздновали его победу, не стоившую Англии ни единого выстрела, как одну из самых блестящих в летописях ее дипломатии.

Биконсфильд стал настоящим национальным героем, каким не был даже Пальмерстон, и хотя его дальнейшая деятельность в той же области иностранной политики — его неудачная война с Афганистаном и проведенное, вопреки всем договорам, присоединение Бурской республики Трансвааля, за которым последовала варварская война с зулусами — не дала ему никаких новых лавров, но все же после его смерти в 1881 он был единогласно причислен не только консерваторами, но даже в значительной степени его политическими противниками, к сонму величайших государственных деятелей Англии 19-го столетия. Само собой разумеется, что в этом особенно твердо были убеждены консерваторы, в актив которых он вписал такие громкие успехи и которых он этими успехами поставил на ноги. Они простили ему и его еврейское происхождение, и его шарлатанские манеры, и его квази-народнические симпатии и даже нашли глубокий смысл в его романтических восточных фантазиях, включая присвоение в 1876 королеве титула императрицы Индии, которое еще недавно вызывало у них, как и у других, громкий смех. Фактически, однако, Дизраели-Биконсфильд сыграл свою роль, явившись отцом новейшего английского империализма, как в практическом смысле увязки иностранной политики Англии с финансовым капиталом, так и в смысле проповеди сближения с самоуправляющимися колониями, которые он сам всего двадцать лет до этого называл «жерновами на шее Англии». В частности, его вызов индийских войск в Дарданеллы в 1878 имел не только символический, но и практический смысл: отныне Англия пользуется в своих крупных военных предприятиях и войсками колоний — первая форма осуществления Единой империи.

Неудачами последних лет Биконсфильда в Афганистане и Южной Африке воспользовался Гладстон, который в 1875, при виде первых успехов своего соперника, решил было совсем удалиться с политической арены, но, вдохновленный его ошибками, вновь вернулся к политической жизни, выступив против его иностранной политики в качестве пацифиста и поборника прав малых наций в знаменитом агитационном турне по Мидлоттиану (1880), одному из шотландских графств. Как политическая агитация в массовом стиле, это турне и само по себе явилось крупным историческим событием, исключительным в истории Англии примером апелляции официального парламентского лидера непосредственно к народным массам, как вершителям политических судеб страны. Вид семидесятилетнего старика,

с огромною силой красноречия обращающегося к народу с протестом против завоевательной и насильнической политики консерваторов в разных углах земного шара и провозглашающего на десятках открытых митингов вечные и нерушимые принципы национального самоопределения и национальной свободы в отношении балканских и всяких других народов, включая египетский, бурский, афганский и др. (об ирландцах, однако, Гладстон не обмолвился ни словом), — это зрелище, невиданное в Англии, произвело громадный эффект и привлекло на выборах 1880 такое огромное число избирателей к либеральным урнам, что либералы получили в новом парламенте большинство в 120 голосов над своими соперниками и большинство в 50 голосов над ними же вместе с ирландцами [последние под предводительством знаменитого *Парнела* (см.), занявшего пост лидера после смерти Исаака Батта в 1879, получили на этот раз под лозунгом гомруля до 65 мандатов]. Это был грандиознейший успех в истории английского парламентаризма, и можно было подумать, что возрождение консервативной партии было лишь мимолетным эпизодом, за которым опять должна последовать бесконечная эра либерализма. Но не прошло и двух-трех лет, как либерализм уже стал банкротом, не будучи в состоянии, по внутренней дряблости, устоять перед реакционными силами и сдержать свои обещания. Египетская трагикомедия продолжала развиваться, словно никакая смена политического режима и не было, пока в 1882, вследствие восстания египетской армии и народных масс, правительство Гладстона не увидело себя «вынужденным» предпринять вооруженную интервенцию и, по самоустранении Франции, «оккупировать» Египет. Гладстон расточал направо и налево десятки уверений, что «оккупация» эта лишь временная, впредь до восстановления «порядка», но он пробыл у власти еще четыре года, вернулся к ней после некоторого перерыва еще раз на три года, а оккупация продолжалась и продолжается в измененном виде по сию пору.

Не довольствуясь завоеванием Египта, правительство Гладстона затеяло еще завоевание Судана, номинальной провинции Египта, отложившейся от него после захвата его англичанами, и в течение двух лет вело там позорную войну, пока английские войска не были истреблены вместе со своим генералом Гордоном в Хартуме (январь 1885). Тогда Гладстон, уже отвлеченный другими делами, отказался от своего плана. С Афганистаном, где война первоначально возникла из-за недопущения английской дипломатической миссии в Кабул, Гладстон поспешил пойти на мировую в виду явной невозможности завоевать эту страну и даже вернул ей отхваченный было Кандагар, но взамен присоединил к Индии Кветту, которая, как официально мотивировалось, была стратегически не менее ценна.

В Трансваале положение сложилось при либеральном правительстве не менее скандально, чем при консерваторах. Министр колоний лорд Кимберлей заявил, что Трансвааль должен остаться в пределах

Британской империи, а когда буры восстали (1880), то против них были посланы войска. Лишь после того, как англичане были несколько раз разбиты наголову, Гладстон вступил в переговоры и вернул Трансваалу независимость, но под «сюзеренитетом» Англии. Однако, буры не успокоились и грозили новым восстанием, и лишь тогда одиозное слово «сюзеренитет» было изъято из договора, но буры должны были обязаться не вести самостоятельной иностранной политики. И здесь принципы Мидлотианской кампании оказались нарушенными.

Во всех этих случаях либерализм не мог оказать должного сопротивления консерват. и милитаристским элементам вне и внутри своей партии и тем доказал, что время его расцвета прошло. В делах внутренней политики он оказался столь же несостоятельным. С первого же дня открытия нового парламента правительство попало в смешное положение, отказавшись, под напором консервативного меньшинства, дать право вновь избранному радикальному депутату Чарлзу Бредло (см.), присяжному атеисту, принести «светскую» присягу на верность королеве и препятствуя ему также присягнуть по обычной религиозной формуле, так как он заявил, что считает ее формальностью. Впоследствии сами же консерваторы, вновь очутившись у власти, в 1888 преспокойно провели билль, узаконявший присягу по светской формуле. Но пока глэдстоновское правительство находилось у власти, оно не находило выхода из положения, и история эта сильно дискредитировала его в глазах всех честных либеральных и радикальных элементов. Если не столь открыто, то, по существу, еще более глубоко либеральное правительство было дискредитировано в вопросе об избирательной реформе. Обещанное им на выборах распространение избирательного права на мелких фермеров и с.-х. рабочих было им проведено в 1884 и дало до двух миллионов новых избирателей. Конечно, это далеко еще не означало всеобщего избирательного права, но и оно казалось консерваторам настолько серьезным и опасным нововведением, что палата лордов отказалась закон пропустить. Став перед фактом такого реакционного поведения лордов, либеральное правительство не пошло, однако, на конфликт, для которого ему понадобилась бы мобилизация народных масс, а начало секретные переговоры с консерваторами, согласившимися в конце концов пропустить билль в палате лордов, если им одновременно дадут такое перераспределение округов, которое бы обеспечило перевес в деревне помещикам. Либерализм (который, конечно, также рассчитывал на благодарность сельских избирателей, когда давал им избирательное право) принял компромисс, и оба билля одновременно стали законом. Ту же половинчатость и слабость либеральное правительство обнаружило еще раньше в связи с законом об ответственности хозяев за увечья (1880)—первым актом этого рода в Англии: уступая давлению консерваторов, а также капиталистов из собственной партии, правительство само изуродовало билль, представив обоим сто-

ронам, хозяевам и рабочим, право уклониться от его действия путем создания собственного заводск. компенсационного фонда из совместных взносов. Но окончательно либерализм погубил не только свою репутацию, а, в конечном счете, и себя, как политическую партию, в ирландском вопросе, который он выдвинул не столько из принципиальных, сколько из партийно-политических соображений в форме, предопределившей с самого начала полную его неудачу. 1879 год был отмечен и в Ирландии сильным кризисом, вызванным голодом во всех западных графствах, и массовым выселением мелких арендаторов-крестьян за неплату аренды; выселения имели целью создать широкую базу для более выгодн. скотоводства. Возобновились, после долгого перерыва, прежние аграрные беспорядки, и возникла «Национальная земельная лига» под руководством Майкела Девида, отбывшего уже восемь лет каторжной тюрьмы за свою прежнюю деятельность, и под председательством Парнела. Лига, ставившая себе целью борьбу с помещичьим произволом, выбрасыванием с участков крестьян и применявшая впервые с замечательным эффектом против лендлордов оружие *бойкота* (см.), приобрела в короткое время огромное число сторонников и навела страх на всю страну. Одновременно в английском парламенте с таким же эффектом применялось ирландской фракцией—также впервые—оружие обструкции, как средство заставить правительство серьезно заняться земельной реформой и дать Ирландии самоуправление (гомруль). Либеральное правительство мечтало вначале о том, чтобы не возобновлять исключительных законов Биконсфильда, и даже провело через палату общин небольшой акт о компенсации выселенных без достаточного основания арендаторов, который, однако, был провален в палате лордов без особенного сопротивления со стороны правительства, потерявшего уже из-за него одного из своих влиятельнейших членов, лорда Ленсдауна.

Но правительство не выдержало, однако, своей роли и в начале следующего же 1881 внесло и провело, несмотря на свирепейшую обструкцию парнейлистов, ценой нарушения старых парламентских процедур, два исключительных закона в ограждение помещичьей собственности и общественного порядка. Вслед за этим оно провело и новый земельный акт, устанавливавший принцип судебного вмешательства в определение размеров «справедливой» ренты арендаторов— принцип, который всего десятью годами раньше сам Гладстон жестоко осуждал, как нарушающий основу священного права собственности. Так как борьба в Ирландии происходила не столько из-за размеров ренты, сколько из-за бесчинств лендлордов, выбрасывавших крестьян десятками тысяч с участков, то новый акт не внес никакого успокоения, и аграрный террор принял еще более угрожающие размеры. Удары быстро посыпались с обеих сторон: правительство распорядилось арестовать Парнела и еще семерых вождей; земельная лига ответила приказом прекратить платежи

ренты впредь до их освобождения; в свою очередь, правительство реагировало роспуском лиги и многочисленными арестами среди ее членов, на что ирландцы ответили созданием другой «ирландской национальной лиги» и основанием тайной террористической организации «непобедимых». В конце концов, правительство оказалось в тупике: оно должно было либо сдаться либо отказаться от какой бы то ни было либеральной политики в Ирландии, что на ближайших выборах грозило ему разгромом. Оно робко пошло по первому пути: лорд-лейтенант Ирландии (представитель короны), лорд Каупер, и статс-секретарь (министр) по делам Ирландии, действительный правитель ее, Форстер, вышли в отставку и были заменены известными своими ирландскими симпатиями лордом Спенсером и лордом Фредериком Кавендишем. Одновременно начаты были с Парнелом секретные переговоры в тюрьме, закончившиеся сделкой: правительство обязалось урегулировать вопрос о платежных недоимках арендаторов, служивших помещикам предложением к выселениям, а Парнел и его друзья освобождались из тюрьмы и брались успокоить ирландское население. Сделка была заключена (так наз. «килмайнгемский договор») — по имени тюрьмы) но через несколько дней, 6 мая 1882 года, только что прибывший в Дублин новый статс-секретарь, Кавендиш, идя по Феникспарку в сопровождении своего помощника, всем ненавистного Берка, подвергся нападению, и оба были убиты. Перепуганный Парнел немедленно предложил Гладстону, что он устранился от политической деятельности, и вместе с Диллоном и Девитом выпустил прокламацию с выражением своего негодования по поводу «подлого убийства». Но Гладстон не принял искупительной жертвы и через несколько дней внес в парламент новый исключительный закон, превосходивший все прежние своей свирепостью, и, после яростной борьбы с ирландской обструкцией, провел его в начале июля. Одновременно, однако, им был также проведен закон, регулирующий вопрос о недоимках, согласно уговору с Парнелом. Благодаря такой комбинации кнута с пряником и улучшившейся хозяйственной конъюнктуре, в Ирландии наступило некоторое затишье, но настроение страны ярко выразилось в 1885, когда правительство, введенное в заблуждение внешним спокойствием, решилось направить принца и принцессу Уэльских с визитом к ирландскому народу: «высокие гости» были повсеместно встречены черными флагами. В ответ правительство заявило, что в виду приближающегося истечения срока действия исключительных законов, оно намеревается вскоре предложить сохранение в силе наиболее существенных их статей. Но ему не суждено было уже это выполнить: через месяц оно пало по вопросу о бюджете под соединенным ударом ирландцев, консервативной оппозиции и нек-рых отколовшихся либералов.

За все эти годы правительство Гладстона ни разу не посмело высказаться в пользу гомруля и принять какие-либо меры к б. или м. серьезному разрешению аграрного вопро-

са. В том и другом пример ему показали теперь консерваторы, к-рые, в виду невозможности для либералов дольше оставаться у власти, согласились перенять у них бразды правления, несмотря на отсутствие у них большинства, при условии, однако, сохранения либералами благосклонного нейтралитета до ноября, когда должны были быть готовы новые избирательные списки. С характерной для английских государственных людей беспринципностью, исключительно в целях обеспечения себе ирландских голосов на выборах, новое правительство Солсбери сейчас же заявило, что не возобновит исключительных законов, а, вступив в секретные переговоры с Парнелом через нового лорда-лейтенанта, лорда Карнарвона, дало свое принципиальное согласие на предоставление Ирландии самоуправления в том или другом виде. Одновременно оно провело (1885) через парламент закон (так наз. акт Ашборна, по имени его ближайшего автора, лорд-канцлера Ирландии) о создании фонда в 5 млн. ф. ст. для выдачи ирландским арендаторам-крестьянам ссуд из 4% годовых с погашением в 49 лет для приобретения в собственность обрабатываемых ими участков. Это была первая серьезная мера в ирландском земельном законодательстве, к-рая через 18 лет получила в руках тех же консерваторов дальнейшее развитие, действительно развязавшее аграрный узел в Ирландии.

Попутно правительство провело еще несколько небольших, но полезных реформ в других областях — в жилищной (по борьбе с антисанитарными жилищными условиями), в административной (особый секретариат по делам Шотландии), в колониальной (закон о федерации австралийских колоний) и пр. Такой законодательной энергии в течение каких-нибудь пяти месяцев Англия давно уже не видывала, и либералы, несмотря на всю зависть и на опасения за впечатление, к-рое это произведет на избирателей, вынуждены были, согласно уговору, оказывать правительству полную поддержку. В отчаянии либералы стали придумывать новые аттракционы для избирателей: радикал Чемберлен выпускал, будто бы за свой частный риск и страх, радикальнейшие программы, предусматривавшие бесплатное школьное обучение, прогрессивный подоходный налог, а главное, принудительный выкуп земли по всей Англии для передела между мелкими собственниками и создания нового крестьянства, — чем приводил в ужас своих аристократических коллег; сам Гладстон, при посредстве своего сына, выпустил другую «неавторизованную» программу, включавшую ирландский гомруль, чем также вызвал негодование тех же коллег. В конце концов, на выборах в декабре 1885 либералы потеряли свое прежнее абсолютное большинство, получив лишь 335 мандатов, консерваторы получили 249 мандатов, ирландцы — 86. Другими словами, консерваторы вместе с ирландцами располагали ровно таким же количеством голосов, как и либералы, и ирландцы стали господами положения. Надо заметить, что главные потери либералов пришлись на городские округа, причем в Лондоне впервые прошло

консервативн. большинство; выиграли они в сел. районах и в Шотландии, где Гладстон провел вторую «мидлотланскую» кампанию.

Эти выборы оказались для либеральной партии исторически решающими: они заставили Гладстона окончательно вступить на путь гомруля, как единственного, к-рый мог обеспечить его партии пребывание у власти. Таким образом, пресловутое обращение Гладстона в парнеловскую веру было делом не либеральных и свободолюбивых его принципов, а исключительно делом парламентской тактики, т. е. самого дешевого политического оппортунизма. Это не только свидетельствовало о политическом истощении английского либерализма, но практически предвещало его участь: гомруль не мог быть осуществлен чисто парламентским путем (т. е. без обращения к содействию народных масс, к чему либерализм вовсе не был склонен), если к этому не было доброй воли консерваторов, располагавших палатой лордов; консерваторы же, поиграв с Парнелом, чтобы добиться успеха на выборах, немедленно отказались от своих обещаний, справедливо усмотрев в передаче гомруля либералам вернейшее средство погубить их. Действительно, когда новый парламент собрался в январе 1886, всем было уже известно, что Солсбери, формально оставшийся еще у власти, откажется от гомруля и вместо этого собирается ввести в Ирландии новые исключительные законы. В тронной речи так и сказано было, что правительство сильнейшим образом возражает против расторжения унии между обеими странами (хотя гомруль вовсе этого не означал) и что оно примет меры к поддержанию в Ирландии порядка. В результате правительство пало при первом же голосовании, и 1 февраля Гладстон взялся сформировать либеральный кабинет. Но целый ряд выдающихся либеральных вождей, как лорд Гартингтон, Гошен, Брайт и лорд Дерби сразу отказались войти в кабинет, будучи противниками «расторжения унии» с Ирландией; к концу марта ушли и «радикалы» — Чемберлен и Тревелиан, также перешедшие на платформу «единства империи». Они все основали совместно группу либералов-юнионистов, которые вначале сотрудничали с консерваторами лишь по ирландскому вопросу, а затем вступили с ними в общую коалицию, участвуя в их кабинетах, и, наконец, совершенно с ними слились. Раскол прошел по всей либеральной массе, и, когда в начале апреля Гладстон внес в парламент свой проект гомруля, то относительно его участи не могло быть сомнения. После двухмесячной ожесточеннейшей борьбы в парламенте и вне стен его, проект был 8 июня провален большинством в 30 голосов, так как на сторону противников перешло не менее 93-х либералов. Парламент был немедленно опять распущен, и на новых выборах либералы оказались разбитыми наголову: они получили всего 191 мандат, между тем как консерваторы получили 316, а либералы-юнионисты — 78 мандатов. Не помогло либералам и то, что 85 ирландцев были на их стороне: все-таки их противники имели абсолютное большинство в 118 голо-

сов. Это был крах, от которого либерализм не оправился в течение целых двадцати лет: на протяжении всего этого периода, за исключением незначительного перерыва в три года, в Англии хозяйничали консерваторы, так преобразив ее, что по своему возвращении к власти в 1906 либералы не узнали ни ее, ни себя.

Пока что на ближайшие 6 лет 1886—92 консерваторам была обеспечена власть, при чем, в противоположность предыдущему своему кратковременному пребыванию у власти, они не обнаружили теперь особенного желания законодательствовать. В Ирландии воцарился главный секретарь по делам Ирландии — Бальфур (племянник Солсбери), который беспощадной рукой, на основе драконовских исключительных законов, подавлял национальное движение. На это ирландцы отвечали террором, аграрным и индивидуальным, и бешеными обструкциями в парламенте, но не добились никаких результатов, кроме расширения ашборнского акта увеличением фонда выкупных ссуд до 30 миллионов ф. ст. Для вящего посрамления Парнела «Таймс» в 1887 выпустил с сенсационными разоблачениями некоего Пиготта, опубликовавшего факсимиле письма Парнела, из которого явствовало, что Парнел стоял за систему индивидуального террора. Год спустя суд, к которому обратился Парнел, установил, что это факсимиле было подложное и что Пиготт был простой провокатор и фальсификатор. Это был не первый случай пользования фальшивками в англ. политической жизни: в борьбе с американскими колониями англ. правительство выпустило целый том подложной переписки Вашингтона. В 1890 «Таймс» получил свой реванш: Парнел был уличен в интимной связи с женой одного из своих друзей, последовал скандальный процесс о разводе, сам благодетельный Гладстон выступил открыто против грешника, и в самой ирландской фракции произошел раскол. Последний не прекратился и после смерти Парнела в следующем году, что еще больше облегчило положение консерваторов.

За эти годы своего правления консерваторы провели лишь два акта первоклассной важности: создание губернского самоуправления в 1888 (советы графств), покончившее, наконец, с архаической системой приходов и мировых судей, и введение в 1891 бесплатного начального школьного обучения. Зато они развили энергичную деятельность в области колониальной политики, присоединив множество новых территорий в Юж. Африке (Матабеле, Машона, Ниасса и Бечуаналенд) и пышно отпраздновав пятидесятилетний юбилей царствования Виктории в 1887 созывом первой имперской конференции, на которой обсуждены были вопросы совместной военной обороны империи. И в области внешней политики правительство Солсбери было довольно активно: в 1885 оно, в союзе с Бисмарком, предупредило вмешательство России в болгарские дела в связи с филиппопольским переворотом и содействовало окончательному высвобождению Болгарии из-под тяжелой русской опеки; в 1890 оно произвело с Германией обмен

Занзибара на Гельголанд. В 1892 парламент, выбранный шестью годами раньше, закончил свое существование, и на выборах в июле либералы несколько поправили свои дела, получив 55 новых мест. Этого выигрыша, к-рый пришлось даже не на самую Англию, а на остальные части Соедин. королевства, было бы недостаточно, чтобы дать либералам перевес, но к этому числу присоединялся 81 мандат ирландцев, и Гладстон мог образовать министерство, опираясь на большинство в 40 мандатов. Совершенно ясно было, что английские избиратели не дали ему мандата на гомруль, но столь же ясно было и то, что без гомруля, т. е. без поддержки ирландцев, он не сможет образовать министерства. Принципы и на этот раз были принесены в жертву парламентскому оппортунизму, и Гладстон образовал министерство. В феврале следующего 1893 был внесен второй билль о гомруле, отличавшийся от первого тем, что он предусматривал ирландское представительство в английском парламенте, меж тем как первый его исключал. Как и первый билль, этот новый проект оставлял внешние, военные и таможенные дела за английским парламентом. Лишь к началу сентября удалось, после скандальных спен и даже драк, провести билль в третьем чтении большинством всего в тридцать слишком голосов, после чего палата лордов провалила законопроект 419 головами против 41.

Это было настоящим издевательством, но Гладстон не обмолвился ни словом протеста, понимая, что его дело проиграно. Он оставался у власти еще 6 месяцев, при чем за это время лорды заставили его взять обратно новеллу к закону об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, настаивая на сохранении системы договорных изъятий, которую он хотел упразднить, и искалечили почти до неузнаваемости другой его законопроект об организации мелкой сельской единицы. Смолчав по поводу действия лордов в вопросах о гомруле и ответственности предпринимателей, Гладстон счел нужным по последнему поводу сказать нечто весьма загадочное относительно «состояния вещей, к-рое не может продолжаться»; через несколько дней, 3 марта 1894, он подал лично в отставку и навсегда ушел с парламентской арены разбитым и политически обанкротившимся, как до него не уходил ни один английский государственный деятель. Он умер в 1898, свидетель и деятельный участник расцвета и гибели английского либерализма. Его правительство, однако, осталось еще у власти, и лидерство вместе с премьерством перешло к лорду Розбери, зятю Ротшильда, империалисту чистейшей воды, который при Гладстоне был министром иностранных дел и в качестве такового в 1893 едва не затеял было войны с Францией из-за территориального спора у границ Сиамы, присоединил Уганду в Центральной Африке и окончательно «замирил» и аннексировал Матабелеленд, передав его эксплуатацию монопольной компании (chartered company) под управлением пресловутого Сесиля Родса. Переход власти к такому деятелю тоже

был знамением времени, так как гораздо больше прав на наследие Гладстона имели старые соратники его — Уильям Гаркорт и лорд Спенсер, страдавшие, однако, тем недостатком, что они продолжали оставаться либералами. Выбор Розбери под давлением двора и финансового мира был, таким образом, новой капитуляцией перед консервативными силами. Розбери не скрывал, что он не верит в гомруль, и считал своей основной миссией вести активную, т. е. империалист. иностранную политику, в продолжение славных традиций Пальмерстона и Дизраели. Но задача эта оказалась ему не под силу, он только успел добиться усиления армии и флота и, воспользовавшись первым предложением в виде случайного неблагоприятного для правительства голосования в палате, вышел в отставку.

Это был естественный исход при создавшемся тяжелом положении в правительственной партии, оставшейся и без программы и без авторитетных вождей. 24 июня 1895 правительство подало в отставку, после чего либералы уже не видели власти в течение целых десяти лет. Солсбери вновь сформировал кабинет, но, не имея большинства, распустил парламент и вернулся к власти с огромным абсолютным большинством (в 152 мандата) консерваторов и либерал-юнионистов над соединенными либералами и ирландскими националистами. Оба либеральных вождя, Гаркорт и Морлей, потерпели поражение, а с ними и несколько других министров. Такого разгрома в Англии еще не переживала ни одна партия. Новое правительство, в которое вошли и либерал-юнионисты, чувствуя свою силу, не скрывало своей реакционной сущности как во внутренней, так и во внешней политике, и период власти его принадлежит к самым мрачным в новейшей истории Англии. Вплоть до конца столетия, в течение пяти лет, фактически не было проведено ни одного акта внутреннего законодательства, к-рый имел бы прогрессивное значение, кроме закона о вознаграждении рабочих (1897), возложившего, наконец, на предпринимателя денежную ответственность за увечья, получаемые рабочими при работе. Зато эти годы были полны самых рискованных авантур в области внешней политики и захватнических войн в области колониальной. Новый парламент только собрался, а правительство уже успело объявить предпринятую Розбери «временную» оккупацию Читрала (близ Памиров) окончательной; через несколько месяцев было подавлено восстание в Ашанти (Западная Африка), и в том же году начался конфликт с Соед. Штатами из-за границы между Британской Гвианой и Венесуелой, который едва не кончился войной. В 1896 было предпринято завоевание Судана, продолжавшееся два года и закончившееся уничтожением армии дервишей при Омдурмане в великой бойне, после которой победители несколько раз прошли по полю сражения, добывая раненых «врагов». Вскоре после этого произошло знаменитое столкновение в Фашоде (в Судане же), куда проник франц. отряд майора Маршана с целью предупредить аннексию территории Англией.

Англия потребовала увода отряда и спуска французского флага, и в течение шести недель висела угроза войны между соперничающими империалистическими державами. Французы в конце-концов отступили и отказались от своих притязаний на Судан. В промежутке Англия принимала деятельное участие в комедии протестов, разыгранной европейским «концертом» по поводу армянских погромов в Турции (1895—96), но охотно допустила войну между Турцией и Грецией (1897) из-за Крита, надеясь, что последняя победит и получит Крит, после чего Англия сможет использовать его как морскую базу. Турция, однако, разбила греков наголову, а Крит был занят международными войсками. В том же 1897 был отпразднован шестидесятилетний юбилей царствования Виктории, и опять была созвана колониальная конференция, на к-рой Канада выступила впервые с предложением ввести преференциальные таможенные тарифы между разными частями империи, а Южная Африка поднесла английскому флоту броненосец, как свой взнос в общую систему имперской обороны. Оба начинания получили впоследствии значительное развитие. Но громче всех других деяний консервативного правительства, в к-ром главную роль скоро стал играть Джозеф Чемберлен, министр колоний, бывший радикал, а ныне апостол империализма, была его попытка «взорвать» изнутри Трансвааль, а когда она позорно сорвалась,—его открытое нападение на обе юж.-африк. бурские республики.

Стого времени, как Гладстон «сдал» Трансвааль, консервативная партия не переставала волноваться, так как вскоре там были открыты богатейшие золотые россыпи, надлежавшей эксплуатации которых при помощи черных и желтых невольников сильно мешало бурское кулацко-крестьянское правительство Крюгера. Собравшиеся со всех концов мира, в том числе и из Англии, международные спекулянты громко вопили о бесправии иностранцев (так наз. «уитлендеров»), и премьер Капской колонии, он же директор Южно-африканской монопольной компании (chartered-company), Сесил Родс, взяв на себя патристическую задачу свергнуть тиранию Крюгера и ввести Бурскую республику в состав Британской империи. В Родезии (этим именем были названы в честь Родса территории Матабеле и Машона, сданные в эксплуатацию его компании) были сорганизованы вооруженные банды, в самом Йоганнесбурге, центре золотых россыпей, было подготовлено восстание братом Родса, при помощи денег и оружия, тайно полученных от Родса, и 1 января 1896 первая банда, под предводительством губернатора Родезии и единомышленника Родса—Джемсона, перешла границу. Благодарное предприятие провалилось, однако, на следующий же день: банда была окружена, два десятка человек были убиты в свалке, а остальные с самим Джемсоном во главе сдались. Получился крупнейший скандал (давший, между прочим, повод к знаменитой поздравительной телеграмме кайзера Вильгельма к Крюгеру, внесшей первое и чрезвычайно сильное обостре-

ние в англо-германские отношения), так как все улики были налицо. Совершенно ясно было участие не только Сесила Родса, но и самого Чемберлена, который не один раз до этого выступал публично в защиту угнетенных иностранцев и был закадычным другом Родса. Дело, однако, окончилось ничем. Уступая обещаниям и лести, Крюгер, опасавшийся гнева Англии, выдал преступников, с тем чтобы их судили английским судом, и лишь требовал себе возмещения материальных и моральных убытков в размере 660.000 ф. ст. за первые и одного млн. за вторые. Англия по-рыцарски выполнила свои обещания: Джемсон получил целых 15 месяцев обыкновенного тюремного заключения в качестве политического преступника, его ближайшие друзья—и того меньше; претензии по материальным убыткам были признаны обоснованными, но никогда не получили удовлетворения, а претензии по моральным убыткам были со смехом отвергнуты. Сам Сесил Родс вышел в отставку, но под суд не попал, и хотя парламентская комиссия, которой было поручено расследовать это грязное дело, вполне подтвердила его виновность, Чемберлен открыто в палате общин взял его под свою защиту, заявив, что честь Родса осталась незапятнанной.

Уже тогда говорили, что Чемберлен вынужден был сделать такое заявление, так как имел основание опасаться, что в противном случае Родс раскроет и его роль в этой аванюре. Для буров же стало совершенно ясно, что им придется еще раз с оружием в руках отстаивать свою независимость против английского хищника. И действительно, через два года положение опять обострилось, благодаря агитации за уравнивание иностранцев в Трансваале в правах с бурами, а когда Крюгер наотрез отказался удовлетворить наглое требование Чемберлена о натурализации всех иностранцев-спекулянтов и биржевиков, имевших пятилетнее пребывание в Трансваале, обе стороны стали готовиться к войне. Последняя разразилась 11 окт. 1899. Буры смело вторглись в английскую колонию Наталь, и затем в течение трех лет маленький народ мужественно боролся с сильнейшей державой мира, нанося ей поражение за поражением и сдавшись лишь чудовищному превосходству сил (под конец войны 60.000 буров боролись с 450.000 англичан) (см. *Англо-Бурская война*). Буры сдались не безусловно: по мирному соглашению в Верейнингге (Vereeniging, 1 июня 1902), англичане обязались уплатить бурам 3 млн. фунт. стерл. за сожженные фермы и выдать дальнейшую крупную сумму на льготных условиях на восстановление последних, а кроме того, предоставить им в кратчайший срок самоуправление по образцу доминионов с сохранением национального языка в школах и судопроизводстве. Этот «успех» стоил англичанам свыше 50.000 человек убитыми и ранеными и увеличения государственного долга на 250 млн. ф. стерл. Зато Трансваальская республика и Оранжевое Свободное Государство были включены в состав Британской империи, как об этом давно

мечтали английские империалисты. Кроме того, англичане по своему обыкновению не преминули обмануть своих противников, обратив присоединенные территории в коронные колонии под управлением наместника с неограниченными полномочиями. Этим англичане, торжественно заявившие в начале войны устами премьера лорда Солсбери, что они «не ищут ни земель, ни золота» в этой войне и предприняли ее в защиту угнетенных «уитлендеров», оправдали первую часть своей бескорыстной программы; вторую же они доказали тем, что на присиски были свезены десятки тысяч китайских кули, нанятых путем всевозможных посулов и приставленных к работе в рудниках при условиях, напоминавших самые мрачные страницы невольничества. Это был достойный эпилог к позорнейшей войне, округлившей награбленные в течение последней четверти века территории до трех с половиной миллионов квадратных миль и увенчавшей здание британского империализма конца века уничтожением самостоятельности двух республик с культурным «белым» населением, и восстановлением рабства под британским флагом.

Но война эта имела и более глубокое историч. значение: она выразила и одновременно закрепила отмеченный еще египетским походом 1882 сдвиг, происшедший в недрах англ. буржуазного общества за последнюю четверть века в сторону усиления удельного общественного веса финансового капитала, который в союзе с крупным капиталом тяжелой промышленности и помещичьим землевладением отныне выступает вперед как решающая сила в консервативной партии, передвигая еще больше в ее сторону политический центр тяжести. Либеральная партия совершенно пасует перед таким противником. Несмотря на бесславный уход Розбери, возглавлявшееся им правое ее крыло не только не ослабело, но оказало сильнейшее сопротивление выбору в лидеры Гаркорта, наиболее видного из старых гладстонянцев, и последним, во избежание открытого раскола, пришлось пойти на компромисс, согласившись на кандидатуру мало заметного и совершенно невлиятельного, хотя и не лишеного мужества и политической честности, сэра Генри Кембел-Баннермана, б. военного министра. Новый лидер не пользовался никаким авторитетом, и когда началась Бурская война, раскол все же произошел: трое столпов либерализма: Асквит, Грей и Холден (все трое ныне лорды, а последний—недавний член рабочего правительства Макдональда), объявили себя сторонниками войны и основали фракцию «либерал-империалистов». Напрасно радикальная молодежь в рядах либеральной партии во главе с Ллойд Джорджем, тогда впервые выступившим на широкую политическую арену, и в союзе с социалистами, старалась мобилизовать мелкую буржуазию и рабочих против войны. Консерваторы заглушали их голоса небывалым патриотически-террористическим грохотом своей прессы, своих мюзик-холлов, церковных проповедей и уличных демонстраций, заставляя либералов прятаться по углам и

вынуждая редакции либеральных газет путем давления на их собственников либо умерять, либо совсем менять тон. Идеологический и моральный распад либеральной партии дошел до крайних пределов, и когда консерваторы, воспользовавшись шовинистским угаром в результате первых побед над бурами, в сентябре 1900 внезапно объявили новые выборы, либералы получили всего 186 мандатов, их ирландские друзья—82, а сами консерваторы в союзе с юнионистами вернулись к власти, имея 411 мандатов.

Очутившись, таким образом, в положении диктаторов, консерваторы могли, казалось, делать со страной все, что они хотели. Действительно, с этого момента начинается их работа по пересмотру всех основ внутренней и внешней жизни Англии. Эра либеральных и демократических реформ, открывшаяся в 1832, сменяется отныне, соответственно изменившемуся соотношению сил и настроению в капиталистическом классе, попятным движением в сторону общественной и политической реакции и укрепления экономических позиций крупного капитала и землевладения. Уже в 1899 консервативное правительство осмелилось провести реформу, которая шла вразрез со всей предыдущей линией общественно-политического развития Англии. В 1888 лондонское общественное самоуправление самими же консерваторами было объединено в руках вновь созданного совета лондонского графства. По мысли тогдашних прогрессистов (радикалов и фабианцев), этот совет должен был сыграть роль лондонской «коммун», осуществляющей муниципальный социализм, но ему все же мешало в его деятельности существование неликвидированного плутократического и архаического самоуправления лондонского Сити на основе древних купеческих гильдий. Теперь лондонское самоуправление было еще больше раздроблено передачей части функций совета районным городским советам, оплотам мелкого лавочничества. Это была определенно реакционная мера, подсаживавшаяся отчасти боязнью перед общественной силой больших размеров, отчасти желанием разрушить оплот радикализма. В 1902 консервативное правительство провело вторую реформу в том же направлении, упразднив выборные демократические городские школьные советы и передав школьное дело в руки полу-автономных комиссий при муниципалитетах. Эти комиссии, составлявшиеся отчасти из членов муниципалитетов и отчасти путем кооптации из представителей церковных и благотворительных обществ, брали на свое иждивение не только общественные, но и церковные школы, до тех пор прозябавшие в недостатком средств на содержание зданий и преподавательского персонала.

Ряд др. реакционных мер был проведен тем же правительством, в том числе питейная реформа, сущность к-рой сводилась к выдаче полной компенсации питейным заведениям, не получавшим, вследствие избытка их в районе, возобновления годовичного патента, а главное—акт об иностранцах (1905), к-рым впервые в английской истории урезывалось право въезда в Англию «нежелательных»—

преимущественно неимущих—элементов и устанавливалось право высылки лиц, подвергшихся судебной каре. Этим было положено начало законодательству, которое во время и со времени империалистской войны дало пышные плоды в виде исключительных мер против иностранцев, замешанных в политической агитации. Один только акт можно поставить консервативному правительству в заслугу: земельный акт для Ирландии 1903, явившийся расширением и дополнением старых ашборнских актов, предусматривавших выкуп земель сидевшими на них арендаторами-крестьянами. И в данном случае, так наз. акт Уиндема (по имени его автора, статс-секретаря по делам Ирландии, кузена Бальфура, тогдашнего премьера) тщательно избегал момента принуждения, но он создавал поощрительную систему продажи земель при помощи выдаваемых лендлордам премий в 12% сверх покупной цены, определяемой государственными комиссиями. Цена вместе с премией выплачивалась продавцам-лендлордам сполна процентными бонами; арендаторы же, ставшие собственниками, выплачивали государству в виде ренты выкупную цену с процентами в течение почти 70 лет. Это была смелая мера, возлагавшая на ирландское крестьянство большое и незаслуженное бремя и преподнесившая помещикам щедрый подарок за счет налогоплательщика. Но бремя это все же было на 15—20% легче того, которое ирландское крестьянство несло до тех пор, и мера эта, действительно, развязала аграрный узел в Ирландии. Лендлорды охотно расставались с землей на столь выгодных условиях, и через десять лет половина всей земли уже находилась в руках новых собственников из ирландского крестьянства.

Вековой кошмар лендлордизма пришел, т. о., к концу, и можно было ожидать, что консерваторы, не будучи уже больше заинтересованы в материальной эксплуатации Ирландии, не окажут дальнейшей сопротивленности и ее политической эмансипации. Действительно, в их среде стали эвфемистически поговаривать о «деволюции» (передаче самой Ирландии ведения дел, касающихся ее самой) одновременно с общей мерой децентрализации государственного управления по составным частям Великобритании (Англии, Шотландии и Уэльса), и сам Уиндем, не называя гомруля по имени, занялся разработкой проекта ирландской автономии. Началась явная тенденция к ограблению либералов по единственной оставшейся у них серьезной части программы, но внутренний кризис в самой консервативной партии, приведший к падению консервативного правительства, помешал ее развитию. Этот кризис был вызван неожиданным обращением Чемберлена в протекционистскую веру и начатой им в 1903 кампанией за хозяйственное объединение Англии с колониями на основе предоставления последним пониженных ставок на предметы их сельско-хозяйственного вывоза и введения, в виде ответа на запретительные иностранные тарифы, собственного высокого тарифа против иностранного импорта. Т. к. глава правительства, Бальфур, колебался принять эту программу и занял

нерешительную позицию, не дававшую удовлетворения ни Чемберлену, ни фритредерским членам кабинета, то и Чемберлен, и часть последних одновременно вышли в отставку, и по всей консервативной массе пошел раскол. Аграрии и представители тяжелой индустрии в значительной своей части откликнулись на агитацию Чемберлена: как раз в эти годы германская железодельная промышленность забрасывала английский рынок своим бросовым экспортом; но легкая индустрия—в особенности текстильная—и другая часть тяжелой (как судостроительная), не боявшиеся иностранной конкуренции, остались на стороне свободной торговли. Конечно, и рабочий класс и мелкая буржуазия, кровно заинтересованные в низких ценах на предметы потребления, выступили решительно против введения пошлин, и либеральная партия неожиданно почувствовала под ногами твердую почву. Старые разногласия внутри нее сразу улеглись при виде столь внезапно вырвавшейся заманчивой перспективы притти опять к власти, и сомкнутыми рядами она выступила в защиту свободной торговли. Между обоими лагерями возгорелась яростная борьба, в пылу которой даже либерал-империалисты присоединились к изболительной кампании против консерваторов за их варварские методы во время и после войны. Ясно было, что жажда пересмотра старого либерально-фритредерского наследия завлекла наиболее смелых консерваторов слишком далеко, и после тщетных попыток в течение двух лет сохранить равновесие и вернуть единство своей партии, Бальфур, в виду ряда поражений на дополнительных выборах, вынужден был распустить палату и назначить в январе 1906 новые выборы.

Консерваторы были разбиты, и либералы с триумфом, после десятилетнего перерыва, вернулись к правительственным скамьям, имея в своем распоряжении большинство в 356 голосов (включая мандаты ирландцев и рабочих). Так. обр., многообещавшая деятельность консерваторов преждевременно оборвалась, но начатая ими работа по переоценке всех ценностей оставила после себя такую глубокую и широкую трещину, что даже их противники не в состоянии были перешагнуть через нее, несмотря на взятый ими в начале правления сильный разбег. Все, что консерваторы успели сделать, осталось в силе и после них, а то, что они только намечали, было ими развито впоследствии, когда они снова вернулись к власти. В одной области, а именно в области иностранной политики, они заложили основы нового здания, воздвигнутого и законченного самими либералами. За время Англо-Бурской войны соперницы Англии бесперечно воспользовались ее затруднениями, чтобы закрепить свои позиции за ее счет. Россия сильно ослабила английское влияние в Персии и Турции, заручившись в этих странах особыми правами в области железнодорожного строительства. Германия в 1900 развернула свою знаменитую судостроительную программу с открыто провозглашенной в мотивировочной части закона целью «создать для Германии такой

сильный военный флот, чтобы война даже для самого могущественного морского противника была связана с опасностями, ставшими его собственное существование под вопрос». Франция, в лице Делькассе, искала союза с Россией и Германией с целью образовать континент. блок против Англии—проект, который не удался лишь благодаря отказу Германии. Годом позже Россия стала решительно наступать на Дальнем Востоке, угрожая главным позициям Англии.

Как раз в это время, в январе 1901 года, умерла, после 64-летнего царствования, старая королева Виктория, а в июле 1902 вышел в отставку и сошел с политической арены старый лорд Солсбери. Эти две личности, символизировавшие старую Англию с ее ориентацией в континентальных отношениях на Германию против Франции и России, были сменены: на троне—Эдуардом VII, франкофилом и другом банкиров, персонально не любившим кайзера, а на посту премьера—Бальфуром с лордом Ленсдауном в качестве министра иностранных дел (оба—свободные от германофильства). В такой обстановке консервативное правительство стало искать средств отразить надвигавшееся со всех сторон против Англии наступление. Еще в ноябре 1899, вскоре после начала Бурской войны, когда Россия обнаружила первые признаки агрессивности, Чемберлен, к-рый вообще был поклонником Германии, как родины *Zollverein* 'а (таможенного союза) и государственного социализма, публично, в речи, произнесенной им в Лейстере, предложил Германии союз. В 1901 это предложение было повторено. Но Германия, одинаково не желавшая выступать в интересах Англии против России и в интересах Франции против Англии, оба раза отклонила предложение; обеспокоенная Англия обратилась тогда к Японии и союзом с ней (1902) обеспечила себя против России. Для Англии это поведение Германии явилось доказательством того, что ее затея создания большого флота, действительно, связывалась с агрессивными планами против английского могущества. Между тем и экономическое соперничество Германии стало к этому времени ощущаться особенно остро. Германские товары проникали во все углы земного шара и с успехом вытесняли английские, и в самой Англии германский бросовый экспорт 1900—01 гг. оказал самое разрушительное действие. Протекционистская агитация Чемберлена, отчасти вызванная этими явлениями, оперировала в своей аргументации экономической «опасностью» со стороны Германии, чем усугубляла антигерманское настроение в промышленных кругах и среди широкой публики. Вскоре в антигерманскую агитацию вмешались и нек-рые крупные представители финансового и, в частности, банковского капитала. Дело шло о концессии по сооружению Багдадской жел. дор., которую получили германские банки и к которой они хотели привлечь и английский капитал, но в пропорции и в форме, мало удовлетворявших английские аппетиты. Вокруг доли участия английского капитала в финансировании, строительных работах и управлении дороги разгорелся

страстный спор, и т. к. немцы не шли на уступки, то в апреле 1903 Бальфур публично заявил в палате, что английская сторона отказывается продолжать переговоры. Это был решающий момент в истории англо-германских отношений: торгово-промышленный, политический и финансовый антагонизмы сплелись в один клубок, и Германия стала предметом яростных нападок в английской прессе как милитаристская держава, стремящаяся ниспровергнуть мировое положение Англии и нанести ей смертельный удар в Индии через Месопотамию.

Этим определилась новая внешнеполитическая ориентация Англии на весь последующий период. Уже в том же 1903 начались переговоры с Делькассе, к-рый еще недавно старался объединить континент против Англии, на предмет ликвидации старых колониальных споров; через несколько месяцев король Эдуард и французский президент Лубе обменялись дружественными визитами, и в апреле 1904, после первых поражений России на Дальнем Востоке, изолированная Франция с удовольствием подписала с «коварным Альбионом» известное соглашение, к-рое под знаком «сердечного согласия» положило начало англо-французскому сотрудничеству против Германии. Возвещенное всему миру как величайшее завоевание мирной политики нового времени, это соглашение в своей опубликованной части имело своим содержанием размежевание колониальных сфер, среди которых Египет и Марокко занимали главное место: Франция отказывалась от своих давнишних притязаний на Египет, а Англия делала то же самое в отношении Марокко. Однако, соглашение содержало и секретные статьи (ставшие известными значительно позже), которыми обе державы обязывались помогать друг другу отстаивать свои «приобретения» против третьих держав, и в 1905, когда кайзер демонстративно совершил поездку в Танжер, чтобы заявить протест Германии против закрытия Марокко для германского проникновения, угрожаящее выступление Англии показало, что «сердечное согласие» на деле маскировало союз двух империалистических держав против Германии, составляя первое звено в окружении ее.

Второе звено было лишь подготовлено консервативным правительством: к началу 1905 созрели первые плоды англо-японск. союза против России в виде целого ряда поражений последней на полях Манчжурии, и Англия немедленно стала думать о том, чтобы к антигерманской коалиции привлечь и вытесняемую из Дальнего Востока и очутившуюся без ориентации Россию. Англия начинает вести переговоры с Америкой на предмет прекращения ставшей для нее уже ненужной борьбы Японии с Россией, побуждает Рузвельта, своего верного друга, предложить воюющим сторонам свое посредничество и сама охотно прощает тяжелый проступок адмирала Рождественского, в припадке паники расстрелявшего флотилию английских тральщиков у Доггер-банка, близ англ. вод, которую он принял за японские миноносцы. Англия незримо участвует в портсмутск. переговорах, противодействует

притязаниям своего японского союзника на получение с русских контрибуции и приглашает возвращающегося домой через Париж Витте посетить дружественный Лондон. Остальное уже доделывают за консерваторов сменившие их у власти либералы, которые продолжают политику окружения Германии и провоцирования войны с ней вопреки всем своим пацифистским традициям. Это поведение либералов было самым большим триумфом их консервативных предшественников.

Реакционному перерождению правящей буржуазии в этот период соответствовало и реакционное настроение среди рабочего класса—настроение, которое, по существу, и сделало возможным безнаказанное хозяйничание правящих кругов. Рабочий класс в эти годы находился в состоянии полной политической летаргии, и даже профсоюзное движение пришло в застой. Заработная плата поднималась весьма медленно или даже не поднималась совсем. Достаточно указать, что между 1875 и 1899, т. е. в течение двадцати пяти лет средняя заработная плата у строительных рабочих повысилась на 14,4%, у металлургов повысилась на 10%, у горняков на 4,4%, у текстильщиков упала даже на 6,6%, а у всех этих групп, вместе взятых, повысилась только на 5,1%. И в других направлениях условия труда не улучшились заметным образом. Тем не менее, классовая борьба английского пролетариата почти прекратилась не только на политическом, но и на профсоюзном поприще. Правда, со времени первого избрания рабочих депутатов (1874) в парламент попадали депутаты отдельных профсоюзов, а на выборах 1892 попали в парламент даже «социалисты»: Кир Гарди и Джон Бернс. Но профсоюзные депутаты проходили по либеральному списку в качестве либералов; в качестве либерала же прошел и Бернс, бывший социал-демократ; Кир Гарди же, прошедший под социалистическим флагом, но на весьма умеренной платформе, уже на следующих выборах 1895 очутился за бортом. Поскольку организованные рабочие занимались политикой вообще, они по большей части следовали за либеральным знаменем, а текстильщики одно время даже за консервативным. К социализму же, как уже указывалось выше, они относились не только равнодушно, но и с нескрываемой насмешкой и враждой, и социалистические организации—и левые, как Социал-демократическая федерация, и правые, как основанная в 1893 Кир Гарди, Независимая рабочая партия—прозябали, превращаясь в секты и нередко совсем распадались. Немногом лучше обстояло дело в профсоюзной области. Число забастовок падало с каждым годом, сами профсоюзы были распылены, обнимали лишь небольшую часть рабочего класса и нередко между собой враждовали, а массы, в них организованные, бездействовали, предоставляя всю инициативу, всю власть и все решения своим «вождям», т. е. чиновникам. В 1889 произошла генеральная забастовка доковых рабочих в лондонском порту, стяжавшая себе историческую известность

тем, что это было первое в Англии крупное выступление «необученных» рабочих, до тех пор неорганизованных, и притом еще под руководством социалистов, как Том Манн, Джон Бернс, Бен Тиллет, Элеонора Маркс-Эвелинг и др. Забастовка эта всколыхнула всю буржуазную общественность, к-рая почувяла угрозу в том, что на сцену выступил уже не вышколенный и выдрессированный, либерально настроенный рабочий—аристократ из тред-юнионистов, а «плебей» рабочего класса, да еще под руководством социалистических агитаторов.

Но опасения одних и надежды других оказались одинаково неосновательными. Правда, со времени этой забастовки датируется организация чернорабочих, т. е. рабочих, не проходивших стажу ученичества, предусматриваемого уставами англ. профсоюзов; соответственно этому сама эта организация отличалась от традиционной тред-юнионистской формы тем, что была более демократична, менее замкнута и менее обременена теми функциями взаимопомощи, к-рые составляли такой тормаз для боевой деятельности старых тред-юнионов. Тем не менее, и этот новый элемент не внес в рабочее движение Англии никаких перемен в политическом смысле и остался политически так же мало сознателен, как и более «аристократические» слои пролетариата. Не было недостатка в крупных стачечных выступлениях и со стороны самой этой аристократии. Таково была геройская борьба машиностроителей в 1897 формально за 8-часовой рабочий день, а по существу за право коалиции, и таково же была забастовка горняков четырьмя годами раньше в ответ на требование снижения заработной платы. Ни в том, ни в другом случае рабочие не выиграли, но и в политическом отношении эти забастовки не дали никаких результатов. В борьбе машиностроителей замечательно было то обстоятельство, что она встретила деятельное сочувствие среди радикальной буржуазии не только в самой Англии, но и в других странах: отказ хозяев в признании профсоюзной организации воспринимался ею, как угроза самому существованию тред-юнионизма, в котором она усматривала наилучший оплот против социализма. Это было верно постольку, поскольку тред-юнионизм в эти годы представлял квинт-эссенцию классовой незнательности и сам еще углублял ее. А последнее обстоятельство объясняется тем, что как раз эти годы были годами прогрессивного падения цен (ровно наполовину между 1875 и 1900), благодаря развитию хлебного и сырьевого экспорта Америки, России и нек-рых английских доминионов, и мощному развитию промышленного производства в Германии и других странах. Этот фактор, содействуя росту реальной заработной платы, ослаблял боевую энергию тред-юнионов и рабочего класса вообще и привязывал их еще крепче к либеральной партии, основным лозунгом которой было сохранение и развитие свободной торговли, т. е. ввоза продуктов и товаров по самым низким ценам мирового рынка. Благодаря этому, обозреваемый период представляет собою эпоху глубочайшего падения рабочего

движения в Англии, пору наибольшего застоя и глубочайшей несознательности его. На этом и могли выезжать безнаказанно обе буржуазные партии и в особенности либеральная, к-рая, несмотря на значительный отход от нее буржуазных элементов, все же могла еще держаться на политической арене, благодаря поддержке рабочих масс. Однако, в след. период эта поддержка стала исчезать, и соответственно этому постепенно растаяла и либеральная партия.

1905—1918. — Неожиданное возвращение к власти либералов после десятилетней тяжелой реакции, созданной господством консервативной партии, вызвало большой энтузиазм в широких слоях буржуазии, средней и мелкой, а также в значительнейшей части рабочего класса, напуганного призраком протекционизма и угрозой вздорования жизни. Вслед за либералами все «прогрессивное» общественное мнение говорило о новой эре мира и реформ, стараясь не думать об идеологическом разброде и политической дряблости, обнаруженных либерализмом за последние десять лет, и не останавливаясь на том знаменательном факте, что глэдстонянцу Кембел-Баннермену пришлось принять в кабинет на самые важные посты трех либерал-империалистов—Асквита в качестве министра финансов, Грея в качестве министра иностранных дел и Холдена в качестве военного министра. Игра случайностей создавала исторический мираж, который мог обмануть лишь тех, кто в парламентских комбинациях усматривал основное содержание политических процессов: на деле внезапное оживление либерализма было лишь румянцем на лице обреченной на смерть политической партии, которая, фактически, в рассматриваемый период окончательно распалась и сошла на положение беспомощной третьей партии, уступив свое историческое место другой, сумевшей под флагом квази-социализма постепенно отойти у нее ее основное ядро среди рабочих и мелкобуржуазной интеллигенции. Появление этой новой партии в виде довольно крупной парламентской фракции из 29 рабочих, объединенных на платформе независимости от обеих буржуазных партий под предводительством «социалистической» организации, известной под именем Независимой рабочей партии, было на деле угрожающим пятном на светлом фоне либерального возрождения. Возникши в 1900, в период затишья рабочего движения, эта рабочая партия выступила на выборах с 50 кандидатами, которые собрали свыше 300.000 голосов и из к-рых 29 прошли в парламент. Рабочее парламентское представительство, которое до сих пор входило в состав либеральной партии и даже сейчас, в новом парламенте, насчитывало 12 человек, сидевших на либеральных скамьях, теперь вступило в новую фазу: оно приняло форму третьей партии, грозившей разрушить всю политическую арифметику правящей буржуазии и особенно гибельно отразиться на судьбах либеральной партии, жившей последние четверть века поддержкой рабочего класса. Правда, эти новые люди (хотя и именовавшиеся в большинстве

случаев социалистами) обнаружили во время выборов так мало революционности, что сплошь и рядом получали голоса либералов; однако, их присутствие все же было чревато для либеральной партии неприятными последствиями.

В свое время, в 1902 и 1903 годах, когда Английская рабочая партия впервые выступила на дополнительных выборах и провела в парламент трех своих кандидатов в местах, где либерализм до тех пор был единственным конкурентом консерватизма, либеральному негодованию не было пределов. Сейчас это негодование успело улечься, но, имея перед собой целую рабочую фракцию, либерализм почувствовал глубокое беспокойство и стал искать способов обезвредить ее, как это в свое время удалось сделать Глэдстону, назначившему рабочего товарищем министра и открывшему другим рабочим доступ к различным постам. При образовании своего кабинета Кембел-Баннермен счел поэтому также нужным включить в его состав «рабочего», и выбор его пал на бывшего социал-демократа и революционера, а к тому времени уже радикального члена совета лондонского графства, Джона Бернса, к-рого он назначил министром местного управления. Но этот маневр не мог уже иметь того значения, какое имело назначение Томаса Берта в 1885: Бернс давно уже не работал за станком, давно порвал с рабочим движением вообще и не состоял даже членом Рабочей партии. Нужно было пойти навстречу новым силам иными путями— путем реформ и, прежде всего, необходимо было удовлетворить основное требование рабочих по урегулированию вопроса о правах тред-юнионов. Дело в том, что Рабочая партия, формально возникшая в 1900 как простой комитет по упорядочению парламентских кандидатур, выдвигавшихся всевозможными организациями, и через некоторое время уже обнаружившая признаки распада, была спасена знаменитым решением в 1901 кассационного суда палаты лордов по делу одной организации железнодорожников (в «Тафской долине»), привлеченной компанией к гражданской ответственности за убытки, причиненные ей «дикой» стачкой: высокие судьи нашли, что кассы союзов ответственны за деяния их должностных лиц и должны уплатить убытки, которые эти деяния причиняют. Это был тяжелый удар по тред-юнионизму, поднявший на ноги рабочий класс и поставивший перед новой партией реальную политическую цель, чрезвычайно оживившую избирательную кампанию и обеспечившую рабочим кандидатам серьезную победу. Хотя решение лордов получило немедленное и открытое одобрение либеральных юристов, Асквита и Холдена, но те же лица, очутившись в кабинете, очень скоро нашли, что можно посмотреть на вопрос с другой стороны, и после нек-рого сопротивления подчинились своему шефу, когда он, выдержав несколько бурных схваток с рабочей фракцией, требовавшей полного восстановления неприкосновенности профсоюзных касс и не соглашавшейся ни на какие компромиссы, уступил по всей линии и провел

во всех отношениях удовлетворительный «акт о конфликтах в промышленности» (1906).

Это была первая и самая громкая победа новой партии, к-рая сильно укрепила ее позицию в рабочем классе. Одновременно был принят закон о ликвидации ввоза и труда китайских кули в Юж. Африке, и покоренным республикам была дарована автономия на правах доминионов. Вопрос о гомруле на выборах не стоял и поэтому новым правительством не затрагивался, хотя ирландцы и оказывали последнему полную поддержку. Свободная торговля была торжественно подтверждена декларациями и закреплена конструкцией бюджета на основе беспощинного ввоза и прямого обложения. Старый закон 1897 о вознаграждении рабочих за увечья был теперь распространен на все без исключения промыслы и занятия; школьным управлениям разрешено было впервые снабжать школьников горячими завтраками на средства налогоплательщиков. Все это было сделано в первые два года. В апреле 1908 Кембел - Баннермен внезапно умер, и премьером стал Асквит. Вторым по значению лицом после него стал Ллойд Джордж, который до тех пор занимал скромный пост министра торговли, но в качестве такового оказал ценные услуги фритредерскому делу, опубликовав ряд статистических обследований главных стран Европы с целью доказать, что британская индустрия вовсе не нуждается в искусственной поддержке и что другие страны скорее страдают, чем выигрывают от протекционизма. Но еще ббльшую услугу он оказал как правительству, так и капиталистическому классу вообще ликвидацией в 1907 угрозы всеобщей железнодорожной забастовки — первой угрозы этого рода в Англии и первого опасного симптома начавшегося «беспокойства» среди рабочих. Вопреки всем прецедентам и принципам невмешательства, он смело вмешался в конфликт и, склонив обе стороны принять его посредничество, рядом удачных маневров навязал железнодорожникам, руководимым тогда Ричардом Беллом, известным либерал-рабочим (впоследствии вознагражденным за свои услуги теплым правительственным местечком), решение о согласительном и арбитражном разбирательстве всех недоразумений и конфликтов через длинный ряд иерархически расположенных инстанций. В результате, во-первых, союз железнодорожников утратил роль руководителя железнодорожных служащих, и во-вторых, железнодорожные служащие были опутаны сетью примирительных инстанций, которая свела возможность борьбы к минимуму.

Ллойд Джордж стал, благодаря этой удаче, еще более, чем благодаря успеху его фритредерской агитации, популярнейшей фигурой в капиталистическом мире и в новом кабинете получил портфель канцлера казначейства (министра финансов), что по английским традициям означает и замещение премьером. Для либерального правительства и для либерализма вообще это выдвижение умного и талантливого радикала и демагога было настоящим спасением, потому что к этому времени весь запас вдох-

новения и отваги, почерпнутый ими на выборах, уже иссякал, и старые вожди типа Асквита, чувствовавшие свою родственную близость к консерваторам, в особенности сейчас, когда появилась «рабочая опасность», уже топтались на месте и не знали, что предпринять. Правда, в самом парламенте эта опасность не была велика: новые рабочие депутаты, руководимые номинально Кир Гарди, а на деле Макдональдом и Сноуденом, после первых успехов опочили на лаврах и подобно рабочим-либералам регулярно голосовали с правительством, не проявляя ни малейшей склонности к серьезной критике или инициативе. Но вонне «беспокойство» (unrest) возрастало с каждым днем. Конъюнктура цен — этот основной фактор, до сих пор умиротворяюще действовавший на рабочий класс, — резко изменилась: под влиянием ряда обстоятельств (индустриализация Америки, сократившей свой вывоз пищевых продуктов и сырья, сильное удешевление продукции золота, благодаря росту добычи его на россыпях Юж. Африки, и т. д.) цены на предметы рабочего потребления стали быстро расти (между 1896 и 1908 на 15%), и соответственно этому рабочий класс пришел в движение, забастовки участились, и старые формы и методы тред-юнионизма оказывались все более бессильными перед новыми требованиями. В юж. Уэльсе среди горняков шла горячая борьба против неорганизованных с целью заставить их войти в союз — явление беспримерное в летописях аристократически-замкнутых тред-юнионов. В Ланкашире, среди прядильщиков, славившихся до сих пор своей законопослушностью, внезапно вспыхнул дух мятежа, и большая группа их объявила забастовку вопреки давнишнему соглашению о примирительно-арбитражной процедуре при решении недоразумений, на что хозяева ответили всеобщим локаутом, которому рабочие сопротивлялись в течение семи недель. Известно было, что сильнейшее брожение происходило среди металлистов, транспортников, железнодорожников и целого ряда других категорий рабочих, и что под их давлением, а также под влиянием жестокой критики социал-демократов, сама Рабочая партия начинала ощущать беспокойство.

Либерализму необходимо было показать, что традиционные чары его не иссякли, и Ллойд Джордж заставил ленивого Асквита согласиться на ряд смелых реформ. В 1908 сразу были проведены две крупные меры: восьмичасовой рабочий день для горняков и государственные пенсии для престарелых. Обе меры стояли уже много лет в порядке дня, и значение их не умалялось от запоздалого принятия их. В следующем 1909 были созданы комиссии из представителей от хозяев, рабочих и правительства, для установления норм оплаты труда в некоторых т. н. потогонных индустриях, славившихся своими невольничьими условиями труда: впервые государство открыто отказалось от принципа невмешательства в дело установления норм заработной платы. Но для дальнейших реформ, которые задумал Ллойд Джордж, — для введения государственного страхования от безработицы и на

случай болезни и инвалидности—требовались новые источники дохода, и в 1909 он внес свой исторический бюджет, приведший к знаменитому конституционному—на деле социальному—конфликту между обоими крылами правящей буржуазии. Этим бюджетом предусматривалось дальнейшее развитие подоходного и наследственного налогов, а главное—вводился налог на капитальную ценность земли в соединении с дополнительным налогом на «незаработанный» прирост этой ценности. В абсолютных цифрах этот налог пока-что был совершенно ничтожный (около одной пятой процента), но для помещичьего землевладения это было революционным новшеством, покушением на самые основы его существования. И без того законодательные реформы правительства и, в особенности, реформаторское усердие Ллойд Джорджа вызывали в консервативных кругах, т. е. в кругах земельной аристократии и крупного промышленного и финансового капитала, беспримерное раздражение—тем более, что этим опровергался их тезис о невозможности финансировать социальные реформы, не прибегая к протекционистским принципам; с новым покушением на интересы землевладения, да еще с усилением подоходного налога дерзость либералов, казалось, дошла до крайнего предела.

Загорелась полемика, какую Англия не видывала со времени борьбы за «билль о реформе». Героем ее, бесспорно, был Ллойд Джордж, который с неслыханной силой демагогии повел борьбу против «лендлордизма», точно он в самом деле думал его уничтожить, и произносил зажигательные речи (из коих самая знаменитая была произнесена в пролетарском квартале Лондона, Лаймгаузе), как будто готовил революцию. Полемика перешла в серьезнейший политический конфликт, когда палата лордов, получив на одобрение бюджет, проведенный в палате общин, бесцеремонно отвергла его,— акт, не имевший себе равного, ибо бюджетные права до сих пор считались исключительной прерогативой палаты общин. Пресловутая неписанная конституция Англии дала, т. о., трещину при первом же напоре внутренних социальных противоречий—при том даже не между основными классами общества, буржуазией и пролетариатом, а между двумя крылами той же буржуазии. Но эта трещина также показала, до какой ярости дошли элементы, объединенные в консервативной партии, в борьбе с мелкой буржуазией и союзным с ней рабочим классом, и насколько они сознавали превосходство своих сил над либеральной партией, несмотря на парламентское большинство последней. И они, действительно, не ошибались. Казалось бы, либеральное правительство, воодушевленное социально-демократическими идеалами и руководимое столь ревностным поборником реформ, как Ллойд Джордж, должно было ухватиться с радостью за этот предлог, чтобы покончить с таким, ставшим уже притчею во языцех, реакционным и ультра-недемократическим учреждением, как палата лордов. Не была ли эта палата главным оплотом реакции во время борьбы за ре-

форму парламента? Не была ли эта палата тем орудием, при помощи которого была уничтожена «великая мечта» Гладстона о гомруле для Ирландии? Но подобно тому, как Гладстон в свое время молчаливо перенес оскорбление, нанесенное либерализму лордами, так и теперь радикальнейшее правительство не осмелилось поднять брошенную ему в лицо перчатку. Либерализм слишком хорошо знал цену этого учреждения в прошлом, когда оно спасало его от его собственного радикализма, уродуя и калеча законопроекты, которые он, скрепя сердце, проводил в палате общин во исполнение своих избирательных обещаний. Либерализм предвидел также и полезность палаты лордов в будущем, когда солидарность обществу буржуазных интересов заставит его пойти на единый фронт с консерваторами против рабочей опасности. Наконец, он ценил учреждение, куда он мог направлять своих богатых друзей в награду за их финансовую поддержку, т. к. с некоего времени у обеих партий создавалась практика награждения перством богатых выскочек, делавших крупные взносы в их партийные кассы, при чем эта практика была развита у либералов еще больше, чем у их противников: высчитано было, что с 1868 до 1912 гг. либералы возвели в перское достоинство 164, а консерваторы—149 человек. То обстоятельство, что большинство этих перов-назначенцев переходило—даже если они были первоначально либералами—в консервативные ряды, как только усаживалось на скамьях верхней палаты, лишь подчеркивало внутреннюю пустоту либерального демократизма и, конечно, не облегчило задачи либерального правительства в данный момент.

Подумав немного, либеральное правительство решило ответить на провокацию палаты лордов роспуском парламента и назначением новых выборов. Это было своего рода хакари. Выборы состоялись в янв. 1910, и в результате их число либеральных депутатов уменьшилось до 275, а число консервативных депутатов увеличилось до 273, так что решающая роль перешла к рабочим, насчитывавшим теперь в объединенной фракции 40 мандатов, и ирландским националистам, располагавшим 82 мандатами. Это было равносильно поражению, тем более унижительному, что отныне правительство зависело от рабочих и ирландских, т. е. чужих, голосов. Правда, и рабочие и ирландцы были далеки от мысли использовать положение в интересах своих избирателей и ни словом не заикались о каких-либо собственных требованиях. Но от этого положение правительства не стало более легким: отказавшись от борьбы, когда оно располагало собственным огромным большинством, оно еще менее склонно было воевать при помощи чужих, и притом еще мало «респектабельных», голосов. Будучи вынуждено выдвинуть требование не только о законодательном зафиксировании исключительного права нижней палаты контролировать бюджет, но и об отмене безусловного вето верхней палаты по всем законодательным проектам вообще, оно поэтому ограничилось покамест проведением

в палате общин простых декларативных резолюций в указанном смысле, надеясь, что лорды испугаются и сдадут свои позиции без парламентского боя. Но лорды не побоялись резолюций, и правительство очутилось перед необходимостью действовать формальным законодательным путем. К счастью, в этот момент умер король Эдуард VII, а новый король, не желая ознаменовать начало своего царствования неприятными ссорами, предложил обеим сторонам попробовать договориться внепарламентским путем. Хотя это предложение было выражением явного недоверия к парламентской процедуре, либералы, эти столпы демократии, с радостью ухватились за него, но переговоры ни к чему не привели. Оставалось действовать, и храброе либеральное правительство... вновь распустило парламент. На этот раз оно твердо обещало, что если оно вернется к власти, то оно не поколеблется, в случае дальнейшего упорства противника, заполнить палату лордов таким числом своих сторонников, что противники окажутся в меньшинстве.

Выборы произошли в дек. того же 1910: обе партии получили равное число мест—по 272 каждая, —и решающий голос остался за 84 ирландцами и 42 рабочими. Дальше идти было некуда, и правительству пришлось, наконец, внести свой билль, который лишал палату лордов права касаться финансовых законопроектов вообще, а в отношении других законопроектов предоставлял право отвергать их два раза, после чего, будучи проведены палатой общин без изменения в третий раз, они представлялись королю на подпись, минуя палату лордов. Одновременно билль сокращал срок полномочий парламента с семи до пяти лет. Консерваторы оказали биллю сильнейшее сопротивление, не останавливаясь перед скандалами и драками, какие до тех пор учинялись лишь ирландцами, к великому негодованию тех же консерваторов, печальников парламентского достоинства и декорума; но билль все же прошел не только через палату общин, но и палату лордов. Часть последних — т. н. «дайхардовцы» (от «die-hard», английское выражение, которое тогда впервые вошло в употребление и которое можно перевести: умирай, но не сдавайся)—осталась непреклонной до конца и готова была идти на любой риск, но большинство, поддерживаемое королем, сочло благоразумным не доводить до такой крайности, когда палата могла подвергнуться осквернению и дискредитации от введения в нее «маргариновых» аристократов. По существу, палата лордов теряла немного: ее покушение на право контроля бюджета, правда, было отбито (во время переговоров она уже сама предлагала взять обратно свои притязания); зато она получила компенсацию в виде до сих пор формально не признававшегося за нею права дважды отклонять любой законопроект, какова бы ни была степень единодушия в нижней палате, и тем приобрела возможность легально саботировать неудобное ей законодательство в течение, по крайней мере, двух лет. В руках консерваторов это было удобное оружие, которым они это

следствии не преминули воспользоваться. В общем, либералы вышли из состязания без большого выигрыша: их колебания и половинчатость всем были ясны, и так же ясно было всякому, что даже то, что они сделали, они сделали не по собственной воле, а под нажимом чужой партии—в данном случае ирландской,—от к-рой они парламентами зависели. Начиная с этого момента, консерваторы, забыв все условности классовой солидарности, начинают наступать на либералов со всех сторон, используя для этой цели все те, якобы нейтральные, внепарламентские учреждения, к-рые в свое время, во славу принципа компромисса, не были сметены либерализмом вигов и Гладстона. Не только королю, не только палата лордов, но и институт судей, бюрократия, офицерство и даже должность спикера палаты общин остались вне «партий» и парламентской ответственности, и сейчас они, как естественные кристаллизационные пункты консерватизма, своим острием повернулись против либералов. В целом ряде судебных процессов, возникших, как это всегда бывало, на почве личных перебранок и коррупционных эпизодов во время выборов, судьи почти неизменно выносили неблагоприятные приговоры, когда ответчиками являлись либеральные кандидаты и их избирательные агенты, в то время как консервативные ответчики отделялись легко или оправдывались. Чиновничество в целом ряде ведомств (исключая лишь такие «либеральные», как министерство торговли или труда) также не скрывало своей враждебности к либералам, производило назначения, преимущественно, из консервативных кругов и саботировало начинания либеральных министров и начальников. Даже спикер, к-рый по своему положению и традициям должен являться воплощением и образцом беспристрастия и беспартийности, совершенно явно и совершенно бесцеремонно, при решении вопросов парламентской процедуры и порядка предоставления слова, давал предпочтение консерваторам и консервативным предложениям. Эти скандальные явления переворачивали вверх дном все англ. политич. и конституционные традиции и показывали лишний раз, что при каждом серьезном внутреннем конфликте, хотя бы даже и не строго классового характера, знаменитая конституция Англии обнаруживает чрезвычайную хрупкость.

Конституционный конфликт 1909—1911 гг. открывает, таким образом, период острых внутренних столкновений, дошедших, как видно будет ниже, накануне войны до военного бунта, в связи с ирландским вопросом: война спасла Англию от глубочайшего кризиса. В этом, а не в мнимом торжестве либерализма, как писали буржуазные историки, заключается историческое значение упомянутого конституционного конфликта. За ним уже более или менее гладко могли пройти внесенные (1911) Ллойд Джорджем законопроекты о государственном страховании рабочих от безработицы и болезни (на основе совместных взносов рабочих, предпринимателей и отчасти государства) и закон о парламентских

диетах, вызванный особыми обстоятельствами, о которых речь будет ниже. Борьба, однако, возобновилась в следующем 1912, когда правительство внесло два законопроекта: об отделении церкви (англиканской) от государства в Уэльсе, сплошь почти диссидентском, и о гомруле в Ирландии.

Первый из законопроектов, являвшийся своего рода долгом чести Ллойд Джорджа, уэльсца родом, диссидента по вероисповеданию и парламентского представителя от Уэльского округа, отвечал давнишним требованиям уэльсцев, не имевших никакой охоты платить налоги в пользу чуждой им церкви, и по существу имел не религиозное, а финансовое значение, т. к. англиканская церковь давно уже перестала мечтать там о прозелитизме и больше всего заботилась о своих доходах, составлявших свыше 500.000 фунт. ст. в год. Билль пошел ей в этом весьма либерально навстречу: около 300.000 ф. ст. представляли добровольные взносы англиканской паствы и поэтому оставались неприкосновенным достоянием церкви; из остальных же сумм, поступавших в виде доходов по землям и капиталам, в свое время пожертвованным церкви, билль предлагал отнять в пользу государства в Уэльсе всего около 175.000 ф. ст. (т. к. они получались с имущества, представлявших государственную собственность), и то лишь постепенно в течение сорока лет. Билль о гомруле был, конечно, векселем, выданным ирландцам, и ныне, когда палата лордов была как будто обезврежена, вексель этот был предъявлен правительству к уплате под угрозой свержения его. Билль предлагал создать для Ирландии особый парламент из двух палат, к-рый ведал бы чисто местными делами при сохранении за английским парламентом не только исключительного ведения «имперских» дел, но и права вето на все вообще акты его. Ничего скромнее этого проекта нельзя было и придумать; очевидно было, что сами ирландцы-националисты, предводимые со времени Парнела—Редмондом (адвокатом из богатой ирландской помещичьей семьи) и столько лет верой и правдой служившие либеральной партии, готовы были принять любую плату за оказанные ими услуги, лишь бы оправдать свою репутацию в глазах ирландского избирателя. Казалось бы, что и консерваторы должны были отнестись к такому скромному гомрулю без особенной неприязни: ведь сами они проектировали нечто подобное в последние годы своего правления, а с тех пор мобилизация земельной собственности в Ирландии сделала значительные успехи, лендлордизм исчезал, и сами ирландские крестьяне, превратившись в собственников и будучи связаны тесными хозяйственными узами с английским рынком, менее всего думали об отделении от Англии и разрушении целостности Британской империи. Фактически несколько прохладное отношение ирландских националистов-парламентариев к старым лозунгам гомруля объяснялось этим изменением в хозяйственно-политических отношениях обеих стран: они, главным образом, хлопотали о гомруле, чтобы раз навсегда избавиться от этого единственного

препятствия, стоявшего еще на их пути к превращению в лояльнейших британских граждан. Но консерваторы должны были бы не только отрешиться от всех традиций парламентской борьбы, но и забыть поражение, которое они понесли недавно от либералов и их союзников, чтобы решиться на примирение с гомрулем, и внесение билля о нем в парламент послужило для них сигналом к возобновлению борьбы с правительственной коалицией в еще более острых формах, чем раньше. Не будучи больше в состоянии пугать общественное мнение жупелом ирландского сепаратизма, они перенесли на этот раз центр тяжести агитации на вопрос об Ольстере, северо-восточной провинции Ирландии, некогда заселенной английскими и шотландскими поселенцами и с тех пор считавшейся цитаделью протестантизма и лоялизма. Еще при Гладстоне противники гомруля постоянно спекулировали на том, что, в случае предоставления Ирландии собственного управления, Ольстеру угрожает засилье со стороны ирландского национализма и католицизма; они не стеснялись утверждать, что Ольстер будет сопротивляться гомрулю силой.

Однако, с олстерской «цитаделью» дело обстояло не особенно благополучно: население его, даже протестантское, к-рое, однако, лишь немногим превышало численность католического (56 процентов), давно уже перестало чувствовать себя «английским» и принимало активнейшее участие в национально-ирландских восстаниях против Англии еще в конце 18 века. В пяти графствах из девяти, на которые подразделялась провинция, католики были в большинстве, а подавляющее большинство даже протестантских жителей носит чисто ирландские имена. Важнее еще было то обстоятельство, что в 1912 из 31 представителя, к-рых провинция посылала в парламент, 16, т. е. больше половины, стояли за гомруль и составляли часть ирландской националистической фракции. Но в отдельных районах мелкобуржуазные и люмпенпролетарские элементы, возбуждаемые попами с обеих сторон, нередко затевали кровавые драки между собой, и это дало повод консерваторам снова заговорить об Ольстере и повторить старые угрозы о его праве на восстание. Сам Бонар Лоу.—глава консервативной партии, сменивший Бальфура на посту лидера,—громко провозгласил это право и был поддержан всем сонмом консервативных светил, в том числе столь прославившимся ныне лордом Биркенхедом, тогда еще простым сером Фредериком Смитом, и адвокатом Карсоном, восседающим ныне на высомом судейском кресле в палате лордов. Последний, не будучи даже олстерцем, а настоящим дублинцем, взял на себя организацию вооруженного сопротивления: для этой цели он создал милицию, численность к-рой постепенно доведена была до 100 тысяч человек, снабдил ее оружием, тайком доставленным из Германии, учредил пост главнокомандующего и даже временное правительство во главе с собственной персоной, и издал для публичной подписки по кромвелевскому образцу «ковенант», т. е.

клятвенный договор, к-рым подписавшие его обязывались во имя господ бога не признавать в Ольстере никаких ирландских парламентов и оказывать вооруженное сопротивление попыткам ввести их. Это был открытый вызов парламентаризму и конституционализму, тем более оригинальный, что он исходил от самых ярых защитников порядка; но либеральное правительство, как бы расписываясь в своей слабости и трусости, не пошевелило даже пальцем, чтобы запретить или подавить это мятежное движение, хотя оно никогда не колебалось наводнять стачечные районы целыми армиями усмирителей и даже стрелять в бастующих. Напрасно потратив время на закулисные переговоры, правительство вынуждено было в 1913 провести билль через палату дважды, так как лорды его отвергли, затем внесло его в третий раз, сделав при втором чтении заявление о том, что оно готово предоставить олстерским графствам право, путем плебисцита, изъять себя из действия гомруля на срок в шесть лет. Это была трусливая уступка вооруженным бандитам, которая, однако, ни к чему не привела, так как консерваторы потребовали безусловного и перманентного исключения из закона о гомруле всех графств с преобладающим «английским» населением. В видах предосторожности, правительство решило тогда двинуть на север Ирландии некоторые воинские части, расположенные близ Дублина, и тут произошла величайшая катастрофа: офицеры отказались исполнить приказ и подали в отставку, а правительство не только не отважилось подвергнуть их репрессиям, но еще выдало им документ о том, что их и не предполагалось посылать против Ольстера.

Английская конституция дала вторую, еще более глубокую, трещину, а английский либерализм распался в своей политической немощи. Глубоко дискредитированное правительство кое-как провело свой билль, который мог ныне уже быть представлен королю на подпись, и внесло в палату новеллу о факультативном изъятии олстерских графств. Англия очутилась на пороге гражданской войны; но тут подоспела империалистская война, и гомруль вместе с уэльским биллем повисли в воздухе к удовольствию всех заинтересованных сторон, включая самих ирландских националистов, тоже готовивших, под давлением радикальной молодежи, свои боевые дружины, но на деле боявшихся вооруженных столкновений пуще огня, т. к. в это время впервые выступил на сцену ирландский пролетариат, успевший со времени аграрной реформы отпочковаться от крестьянства и отрешиться от крестьянской идеологии. Его выступление приняло форму всеобщей транспортной забастовки в Дублине в 1913 под предводительством Джимми Ларкина, в которой бастующие неожиданно увидели против себя единый фронт ирландского национального капитала в лице объединенных предпринимателей с неким Вильямом Мерфи (некогда сподвижником Парнела) во главе, вместе с католическими попами и ненавистным «замком» — резиденцией английского

наместника, мамелюки которого, призванные на помощь предпринимателями, произвели кровавое побоище на улицах «национальной» столицы и дважды подвергли Ларкина аресту за прокламации, гораздо менее мятежные, чем прокламации, безнаказанно распространенные консерваторами в Ольстере. Эта впервые проявившаяся в Ирландии борьба пролетариата послужила началом ирландского рабочего движения: она знаменовала разрыв национального единства и отняла у бравых националистов всякую охоту к революционному действию и, в частности, к вооружению масс.

Поведение рабочей фракции было в общем схоже с поведением ирландцев. Под предводительством Кир Гарди, Макдональда и Сноудена, она являлась воплощением парламентского кретинизма, оппортунизма и лакейства. Тактика Ллойд Джорджа имела успех: его борьба за «демократический» бюджет и, в особенности, борьба с лордами привели в восхищение рабочих лидеров и, действительно, привязали их к либеральной колеснице. Один из этих вождей, Сноуден, восторженно заявил, что такого гениального государственного человека, как Асквит, Англия никогда еще не имела. Вся самостоятельность фракции выражалась в том, что ежегодно, в связи с ответным адресом королю в начале сессии, Кир Гарди вносил резолюцию в пользу социализма, которая, после надлежащего обмена речами с той и другой стороны, вежливо отклонялась. Зато рабочая фракция без малейших колебаний усердно голосовала не только за все мероприятия правительства, но и за военные и военно-морские бюджеты, к-рые тогда росли точно на дрожжах. Наградой за эту лойальность служили теплые одобрения либеральной прессы, приглашения ко двору и, в отдельных случаях, теплые чиновничьи местечки в разных министерствах (Шеклтон, Ричард Белл, Кеммингс и другие политические и профсоюзные деятели). Это было началом политического и морального разращения верхушки Рабочей партии, подготовившего «приятие» ею империалистской войны и предательскую роль в отношении рабочего класса, которую ее вожди играли во время войны и после нее.

Реальное удовлетворение англ. Рабочая партия получила от правительства в одном только случае: в 1909 по иску одного проходимца, купленного предпринимателями, некоего Осборна, палата лордов в качестве высшего апелляционного суда постановила, что взимание профсоюзами обязательных взносов на содержание Рабочей партии незаконно, ибо оно не было предусмотрено законодательством 1906, как одна из функций тред-юнионов; либеральное правительство через три года (в 1912), после долгих настояний Рабочей партии и всевозможных оттяжек и попыток отделаться полумерами (в том числе установлением парламентских днет), провело, наконец, акт, узаконяющий такие взносы, но с предоставлением права каждому отдельному члену профсоюза требовать для себя освобождения от них. На эту дешевую реформу потребовалось целых

три года, в течение которых рабочие депутаты продолжали лояльно выполнять свой долг по отношению к правительству. Между тем в самой рабочей массе—и здесь сказался просчет либерализма, слишком по старинному отождествлявшего массы с вождями,—происходили процессы, совсем непохожие на это поведение вождей: рабочая масса вступала на путь неслыханной по силе и размаху со времени чартизма классовой—точнее, стачечной—борьбы. Упомянутые выше выступления южно-уэльских горняков, железнодорожников и ланкаширских прядильщиков были лишь провозвестниками широкого движения, которое охватило все слои и категории рабочего класса и в самое короткое время преобразило социальный лик Англии. Еще в 1908 число промышленных конфликтов в Англии едва доходило до 400, а число охваченных ими рабочих было менее 300.000. В следующем году уже произошло 436 конфликтов, в 1910—531, в 1911—903, в 1912—857, а в 1913—1.497 конфликтов, при чем число участников их непрерывно возрастало и дошло в 1912 почти до 1½ млн. человек. Изменился также самый характер движения, ставшего массовым и обнаружившего новые настроения в рабочем классе. Впервые со времени чартистской попытки устроить всеобщую забастовку в 1842, Англия познакомилась с забастовками в целых отраслях промышленности. В 1911 разразилась всеобщая забастовка железнодорожников, а в следующем—еще более грандиозная забастовка горняков. Железнодорожной забастовке предшествовала всеобщая забастовка транспортников в Лондоне; накануне же войны готовилась всеобщая и совместная забастовка всех этих трех категорий вместе.

Такое движение масс уже само по себе отмечало новую эру в социальной истории Англии, но при этом еще важно было настроение этих масс, принявшее характер форменного восстания против всей традиционной тактики тред-юнионов: забастовки почти неизменно сопровождались разрывом согласительных и других аналогичных договоров, дезавуированием—иной раз даже смещением—вождей, заключавших компромиссы с предпринимателями для окончания конфликтов, сближением и нередко слиянием отдельных, до сих пор взаимно конкурировавших, профсоюзов в данной отрасли, и т. д. Самые смиренные тред-юнионы оказывались на этой стадии движения нередко самими воинственными, и целые категории рабочих, до сих пор славившиеся своей соглашательской политикой, выступали в качестве самых непримиримых сторонников наступательной тактики. Если все эти новые явления и ограничивались покамест областью профсоюзной борьбы, то все же намечались уже симптомы перехода их и в политическую плоскость и осознания рабочей массой общеклассовой солидарности. В этом отношении знаменательно было сочувствие, к-рое вызвало среди английского пролетариата забастовочное движение в Дублине, и тот взрыв негодования, к-рым были встречены репрессии дублинской полиции. До тех пор дела

ирландские—аграрное движение, движение за гомруль—находили в английской рабочей среде весьма слабый отклик, несмотря на старания ирландских националистов и гладстоновских либералов; теперь впервые английские рабочие заволновались, выступили с протестами и демонстрациями и стали устраивать сборы и посылать целые пароходы с провизией в пользу стачечников и их семейств.

Не менее знаменательно было объединение в 1914 между горняками, жел.-дорожниками и транспортниками в виде «Тройственного Соглашения» на предмет солидарного выступления: это был яркий пример перерастания рабочими массами цеховой идеологии старого тред-юнионизма. Старые профсоюзные вожди, Рабочая партия в лице ее главных лидеров и, конечно, либералы не узнавали своих добрых и благонамеренных рабочих и не стеснялись громко вопить о разращении английского рабочего и развале старых испытанных основ величия страны. Большевицкой Москвы тогда еще не было, и многое относилось за счет проникшего в это время из Франции синдикализма: все же главную вину прихотилось возлагать на самих рабочих, которые по непонятным причинам волновались. Если политическое предательство рабочих лидеров берет свое начало в поведении рабочей фракции в парламенте в период 1909—14, то предательство в области профсоюзной и, вообще, экономической борьбы возникло из отношения этих лидеров к только что описанному грандиозному забастовочному движению. Фактически оба вида предательства шли рука об руку и нашли яркую иллюстрацию во время забастовки горняков 1913, когда на требование рабочих об установлении конкретных цифр заработной платы по районам, путем центральной конференции между союзом шахтеров и предпринимателями правительство ответило предложением установить лишь минимум порайонной заработной платы и предоставить установление конкретных цифр порайонным же конференциям. Т. к. рабочие на такое предложение не пошли, то правительство вступило на путь принудительного законодательства, и нашло в этом благородном начинании поддержку рабочей фракции и рабочих вождей. Горняки были разбиты, как они были разбиты в 1926, благодаря предательству лидеров. И все же настроение рабочих масс было таково, что поражение это лишь привело к образованию упомянутого Тройственного Соглашения и что накануне войны Англия стояла лицом к лицу с конфликтом, размерами и значением далеко превосходившим даже ирландский. Уже в 1911, чтобы сломить железнодорожную забастовку, правительство в лице тогдашнего министра внутренних дел Черчила угрожало милитаризацией железных дорог и посылкой штрейкбрехеров на работу. Точно так же во время транспортной стачки в Лондоне правительство принимало меры к откомандированию на транспорт военно-технических частей и стягивало военные силы в районы забастовки. Нет сомнения, что в намечавшемся в 1914 конфликте создались бы условия,

угрожавшие гражданской войной. Но и тут положение было «спасено» разразившейся империалистской бойней.

Для полноты картины внутреннего состояния Англии в последние годы перед войной следует упомянуть еще о движении «суффражисток», требовавших избирательного права для женщин. Ни по размерам и размаху, ни по своему социальному и политическому значению это движение не может даже отдаленно сравниться с другими, описанными выше движениями, но оно все же было характерно для того насыщенного конфликтами времени. Впервые выдвинутое Мери Вулстонкрафт в начале 19 века и поддержанное позднее Джоном Стюартом Миллем требование избирательных прав для женщин получило практическое значение лишь в новом столетии, благодаря специфическим условиям—численному преобладанию женщин над мужчинами и более позднему брачному возрасту последних,—создавшим среди буржуазии множество одиноких женщин, живших профессиональным трудом или с собственных доходов и отчасти уже вовлеченных в политическую жизнь. Приход к власти либералов, в программе к-рых значилась реформа избирательного права, вызвал к жизни новое движение за уравнивание женщин в избирательных правах с мужчинами, во главе которого стали, гл. обр., социалистки из оппортунистической Независимой рабочей партии. Сообразно социальному положению этих одиноких женщин (врачей, журналисток, сиделок, учительниц) сама постановка вопроса об избирательном праве у них получилась узко классовая: при отсутствии даже для мужчин всеобщего избирательного права, и связанности существующего избирательного права с имущественным, квартирным и налоговым цензами, уравнивание женщин в избирательных правах с мужчинами на деле означало предоставление избирательного права лишь буржуазным женщинам, ибо только среди них находились лица, которые владели имуществом на свое имя, содержали квартиру и платили налоги от своего имени. Т. о., требование, с которым выступали суффражистки, было по существу рассчитано лишь на усиление позиций буржуазии и являлось поэтому реакционным. Когда руководившим движением социалисткам указывали на это, то они отвечали, что важно установить самый «принцип» женского равноправия; а когда им говорили, что истинное равноправие можно реально установить лишь на основе всеобщего избирательного права для обоих полов, за которое им и следовало бы бороться рука об руку с пролетариатом, то они возражали, что такая борьба будет весьма длительна, а им, женщинам, ждать некогда. Фактически движение охватило лишь буржуазные элементы и не в состоянии было проникнуть в женскую рабочую массу. Лишенные, т. о., поддержки масс, суффражистки старались в своих методах борьбы восполнить недостаток силы сенсационностью своих выступлений, и постепенно от демонстраций и петиций перешли к учинению всевозможных публичных скан-

далов, вроде битья стекол на квартирах политических противников, избивания на улице враждебных депутатов и министров, перерезания телеграфных и телефонных проводов, поджигания общественных зданий, порчи картин знаменитых мастеров в музеях и т. д. Когда их за эти деяния арестовывали и привлекали к ответственности, они негодовали, ссылаясь на свой пол, и устраивали голодные забастовки. Консерваторы были, конечно, решительно против удовлетворения их требований—хотя бы уже потому, что большинство суффражисток принадлежало к либеральному и радикальному лагерям. Но и просвещенное либеральное правительство было против «эмансипации» женщин, хотя и признавало ненормальность существующего избирательного права, при котором не только женская часть населения, но и добрая часть мужского была политически бесправна. Лишь «социалисты» типа Кир Гарди и Ленсбери и некоторые радикалы, на к-рых действовало «мученичество» арестовываемых и голодающих суффражисток, выступали с поддержкой их и произносили в палате и на митингах паятические речи о бесправных «наших сестрах». Социал-демократы, напротив, изобличали буржуазную подоплеку этого движения и требовали всеобщего избирательного права для граждан обоого пола. Трагикомическая дамская война еще продолжалась, когда началась другая война, к-рая потопила ее. Либерализм был бессилен дать какое-нибудь разрешение и этому вопросу.

Наиболее ярко, однако, проявилась духовная нищета либерализма в области внешней и колониальной политики. Кембел-Баннермен начал свою карьеру премьера опубликованием манифеста в пользу сокращения вооружений и международного арбитража, и в отношении завоеванных бурских республик либеральное правительство, действительно, как выше упоминалось, выполнило свои обещания. Но этим либерализм и исчерпал себя. Уже тот факт, что либерал-империалист Грей получил портфель министра иностранных дел, не предвещал ничего доброго. В действительности, Грей, не сменивший ни одного из советников и чиновников, набранных его консервативным предшественником, занял открыто позицию «преемственности» в области внешней политики, а это означало, что именно консервативная партия выражала «национальные» интересы. Такую же позицию занял и его коллега по колониальному ведомству. В соответствии с этим в Египте, напр., где, под влиянием японских побед и русской революции, в 1905 возникло национальное движение, на посту наместника остался тот же лорд Кромер, который с самого начала оккупации самодержавно правил страной в интересах держателей египетских ценностей и ланкаширских хлопчатобумажных фабрикантов, а теперь, с благословения либерального правительства, обрушился на националистов со всей силой разъяренного колонизатора и бюрократа, подвергая их преследованиям, закрывая их прессу, разгоняя их собрания и т. д. За избивание четырех английских

офицеров, вздумавших заняться охотой по засеянным полям, четверо крестьян деревни Деншави были в 1906 публично повешены в присутствии их семейств и всей деревни, а 16 других были подвергнуты публичной порке и посланы на каторжные работы. В результате национальное движение приняло еще более острые формы. Начались отдельные террористические акты, одной из жертв которых в 1910 явился фаворит Кромера, премьер-министр Бутрос-паша. В 1911 на пост наместника был назначен свирепейший из английских генералов — лорд Китченер, который быстро водворил «порядок» в стране. Он оставался на своем посту до самой войны, успев привести страну в состояние надлежащей военной оборонности.

В Индии либеральным правительством также был сохранен режим, установленный незадолго до его прихода к власти бездарнейшим вице-королем лордом Керзоном, додумавшимся до раздела исторической провинции Бенгалии на две части, магометанскую и индийскую, для того, чтобы легче было властвовать над обеими. Результат был тот же, что и в Египте: национальное движение, также начавшееся после японских побед, прибегло к бойкоту английских фабрикатов и индивидуальному террору, к-рый вскоре принял большие размеры, распространившись и на соседние провинции. Либеральное правительство отвечило жестокими репрессиями, в том числе ссылками на дальние острова, казнями и введением осадного положения, и лишь в 1909 пошло на нек-рые уступки призрачного характера: в совет вице-короля были введены по назначению несколько знатных и богатых индусов; провинциальные советы получили, кроме назначенцев, еще и нек-рое число выборных представителей от туземцев-цензовиков. Права их по обсуждению законодательных и местно-финансовых мер были несколько расширены, но с сохранением вето губернаторов и без права контроля над исполнительной властью; в совет министров по делам Индии в Лондоне были также введены два индийских «представителя» по приглашению и т. д. Но и эта реформа (т. н. реформа Морлей-Минто, по имени ее авторов, секретаря по делам Индии и нового вице-короля) еще более разочаровала индийскую интеллигенцию в английском либерализме, умудрившемся, кроме того, своей враждебной по отношению к Турции позицией во время Балканских войн оттолкнуть от себя еще и магометанский (аграрный) элемент, на к-рый английские правители до тех пор опирались, как на каменную гору. Образовалась, по примеру индусского «национального конгресса», и «магометанская лига», к-рая выдвинула требование полного самоуправления, и обе организации заключили между собой блок. Но либеральное правительство на все эти требования отвечало отказом, ссылаясь на политическую «незрелость» индийских народов и обещая «воспитать» их для такой высокой задачи постепенным развитием представительных учреждений. На этих обещаниях и застигла Индию империалистская война.

Последняя явилась логическим завершением той политики, к-рая, как указывалось выше, начата была еще консервативным правительством Бальфура и которую с одинаковым усердием продолжал его либеральный преемник. Еще при Кембел-Баннермене — Грей, во имя преемственности, дал разрешение английскому военному штабу войти в контакт с французским для обмена мыслей на случай вооруженного столкновения с Германией и подтвердил инструкции, данные его предшественником серу Артуру Николсону (английскому представителю на международной конференции по Мароккскому вопросу, собравшейся в начале 1906 в Алжесирасе), вступить в переговоры с русским представителем графом Кассини на предмет выяснения возможности привлечь к «сердечному согласию» и русский царизм. Зондирование почвы дало благоприятный результат, и Грей вступил в переговоры с Петербургом, закончившиеся подписанием в авг. 1907 знаменитого соглашения, которым обеспечивалось англо-русское сотрудничество против Германии за счет Персии, Афганистана и Тибета. Конечно, и это соглашение, ликвидировавшее вековое соперничество обеих держав на Среднем Востоке, было представлено публике как величайший акт либерального миролюбия и значительный шаг по умиротворению Европы. Тем временем провалилась международная мирная конференция в Гааге, созванная в 1907 по инициативе Кембел-Баннермена, и последний, уступая давлению своих империалистских коллег, поддерживаемых консерват. оппозицией, дал разрешение возобновить прерванное на время усиленное военно-морское строительство.

С 1908, после смерти Кембел-Баннермена, начинается настоящая оргия морских вооружений. Строятся дредноуты — новый тип броненосцев, изобретенный лордом Фишером, главой английского адмиралтейства, — скоростные крейсера с новым вооружением, сооружается на Северном море новая морская база в Росайте, и в те же воды стягивается флот из Средиземного моря, наблюдение за к-рым предоставляется Франции. Напрасно радикальное крыло борется против такого попиранья всех либеральных принципов пацифизма и экономии: оно бессильно против политики Грея и милитаристов и против шовинистской агитации консерваторов и подкупленной банковскими и металлургическими магнатами прессы. В 1908, в связи с конфликтом, созданным аннексией Боснии и Герцеговины, английское правительство, отклоняя домогательства Извольского в вопросе о проливах, тем не менее поддерживает всеми средствами «русскую» точку зрения, не скрывает своей готовности поддержать ее и силой оружия в случае войны, и по окончании кризиса устами своего посла в Петербурге и самого Э. Грея открыто выражает свое разочарование исходом конфликта. В конце того же года новый кризис в связи с инцидентом в Каа-бланке дает повод инспирируемой прессе снова поднять поход и даже угрожать войной Германии. Наконец, в 1911, в связи с

инцидентом в Агадире, сам Ллойд Джордж, радикал и пацифист, выступает в Меншон-Гаузе, резиденции лондонского лорд-мера, со знаменитой тирадой против Германии, открыто угрожая ей войной. Все же,—благодаря ли вечной неготовности ее союзников или вследствие явного провала английских надежд на то, что Германия не справится одна с Багдадской ж. д., но начиная с 1912—со времени Балканских войн, обнаруживших опасность царских вождений на Балканах—наступает поворот в германской политике либерального правительства, выражающийся сначала в посылке лорда Холдена в Берлин с миссией—довольно призрачной—договориться о приостановке военно-морского соревнования, а затем в переговорах о ликвидации спора о Багдадской ж. д. Эти переговоры увенчались успехом, и к началу 1914 обе стороны, после десятилетней ссоры, приходят к соглашению относительно разграничения секторов дороги, к-рые предоставляются им для сооружения и эксплуатации, и финансового участия в том и другом, и одновременно восстанавливается в видоизмененной форме старый «Виндзорский» договор, по которому Германии уступается преимущественное право на приобретение португальских колоний на западном берегу Африки и на сооружение трансконтинентальной железной дороги поперек центрального африканского материка через Катуангу. Это была, по существу, ликвидация двух весьма важных вопросов, обостривших англо-германский торгово-промышленный антагонизм, но из-за нерешительности ли Грея или вследствие давления союзников, соглашение не было окончательно подписано, а взамен подготавливалось заключение англо-русской военно-морской конвенции. Все же кризис, вызванный убийством в Сараеве, застал английскую дипломатию несколько дезориентированной и залупавшейся в противоречиях, и французам пришлось употребить некоторые усилия, чтобы заставить Грея сказать решающее слово.

Нет сомнения, что решению правительства вступить в войну помогли два обстоятельства: во-первых, нажим консерваторов, которые, за подписью лидеров, обратились к правительству с публичным призывом стать на сторону Франции, обещая свое лояльное сотрудничество, и, во-вторых, желание разубить одним ударом меч все те внутренние затруднения, которые правительство было бессильно разрешить иным способом. Как раз на этих затруднениях и спекулировали, как известно, немцы, полагавшие, что при таком критическом состоянии тыла английское правительство не решится на военную авантюру. Быть может, при других обстоятельствах они и оказались бы правы, но выступление консерваторов перевело ход мысли правительства на прямо противоположные рельсы. Об ирландцах и рабочих правительство мало беспокоилось. Ирландцы, вообще, были слишком слабы, чтобы оказать какое-либо серьезное сопротивление; во всяком случае, единственно вооруженными среди них были как раз те олстерцы, от которых, как клиентов консервативной партии, можно было

ожидать полной поддержки. Что же касается рабочих, то правительство всецело полагалось на их вождей, несмотря на ряд принятых ими вместе со Вторым Интернационалом пацифистских резолюций: оно их хорошо знало и не сомневалось, что они последуют примеру своих германских и французских товарищей. Участвовать в войне против Германии казалось явно выгодным делом: никто в Англии (кроме самого Китченера) не сомневался, что в три месяца Германия будет разгромлена, что в самое короткое время Берлин будет занят русскими войсками и что в результате ей можно будет уготовить такую же участь, какая некогда постигла других соперниц Англии—Испанию и Голландию. Конечно, и без германского вторжения в Бельгию английское правительство нашло бы удобный предлог к вмешательству в войну, но, несомненно, этот акт оказал ему ценную услугу, дав всем пацифистам и социалистам прекрасный повод совершить желанное грехопадение. По сути дела, лишь в самом кабинете министров обнаружилась более или менее серьезная оппозиция войне, и трое министров—старый соратник Гладстона, Джон Морлей, бывший социалист, Джон Бернс и тов. министра просвещения Тревелиан—вышли в отставку. Но никто из них не пользовался особенным авторитетом и не выступил с решительным протестом: они ограничились тем, что молча ушли. В самой палате лишь несколько радикалов выразило свое неодобрение правительству, в том числе лидер рабочей фракции Макдональд, к-рый заявил от своего собственного имени, что предпочел бы, чтобы Англия сохранила нейтралитет; все же остальные, либералы и консерваторы, радикалы и рабочие и даже ирландцы солидаризировались с решением кабинета, при чем ирландский вождь Редмонд, при необычайно восторге депутатов, устроивших ему овацию, предложил увести из Ирландии английский гарнизон, т. к. Ирландия сама отразит германцев, буде они вздумают затеять там смуту в расчете на рознь между севером и югом.

И все же можно почти с уверенностью сказать, что не будь повальной измены со стороны рабочих вождей (после своего робкого заявления в палате Макдональд благоразумно замолчал и сдал свое лидерство Гендерсону,—молчание хранили также его более радикальные коллеги, как Кир Гарди, в то время как другие вожди сразу же бросились в военно-патриотическую кампанию с целью вербовать волонтеров для армии),—не будь этой измены (к-рая нашла поддержку со стороны социал-демократии во главе с Гайндманом), и выступи они решительно и открыто против войны, намерения правительства осуществились бы не с такой легкостью, и ход событий, быть может, был бы иной. Действительно, рабочие массы, захваченные гигантским порывом классовой борьбы, нисколько не были склонны солидаризироваться с правительством и капиталистическим классом, и долгое время они еще не понимали, почему их вожди нашли возможным поддержать лозунг войны. Несмотря на бешеную агитацию всей прессы и

собствен. лидеров, рабочие довольно долго не поддавались военному угару, неохотно шли в армию и продолжали еще в течение многих месяцев вести стачечную борьбу на отдельных предприятиях. Война была объявлена 5 августа 1914, на основании резолюции парламента, к-рый был выбран в дек. 1910 по совершенно другому поводу и не имел никакого основания считать себя выразителем воли народа. Все партии—включая даже суффражисток—объявили гражданский мир, но когда либеральное правительство захотело сделать подарок ирландцам и вручить королю на подпись ирландский и уэльский билли, то консерваторы подняли сильный шум, хотя правительство внесло формальную оговорку, что оба закона не вступят в силу до окончания войны и что билль о гомруле будет дополнен, как оно обещало, новеллой по вопросу о статусе Олстера. Однако, оба билля, в конце-концов, были подписаны королем (в сент. 1914). В знак всеобщего примирения в Дублине был организован патриотический митинг, на котором выступили Асквит и рядом с ним Редмонд и др. ирландские вожди. Несколько молодых ирландских националистов записались в армию и поехали «спасать» Бельгию, но общая вербовка среди ирландских масс подвигалась очень туго. Вначале и в самой Англии вербовка шла не особенно успешно, и консерваторы уже в начале 1915 подняли агитацию за введение всеобщей воинской повинности. Ведению войны очень мешали и забастовки, возникавшие на военно-промышленных заводах в виду постоянного нарушения предпринимателями уставов профсоюзов, запрещавших ночную работу, труд малолетних и, в нек-рых случаях, женщин.

Вскоре стало ясно, что война, к-рую думали окончить в 3 месяца, грозит затянуться на годы, и мысль оставаться все это время не у власти показалась консерваторам ужасной. Забыв о гражданском мире и о своих обещаниях, они начали кампанию против правительства, обвиняя его в недостаточной энергии, и добились того, что в мае 1915 Асквит уступил их нажиму и образовал коалиционное правительство, пригласив в него оппозицию и Рабочую партию. Так, под шумок патриотических лозунгов, ликвидировалось либеральное правительство, и пала система правления одной партии. Консервативный лидер Бонар Лоу взял портфель министра колоний, Бальфур получил адмиралтейство, Остин Чемберлен получил Индию, и т. д. Нескольким либералам пришлось уйти—в том числе лорду Холдену, заподозренному в германофильстве, а другие получили второстепенные портфели. Грей остался министром иностранных дел с лордом Робертом Сесилом, сыном покойного лорда Солсбери (ныне играющим роль пафиста и пламенного поклонника Лиги Наций), в качестве товарища. Рабочие «вожди» тоже получили портфели: Артур Гендерсон получил портфель министра народного образования, а Брейс, вождь горняков, получил пост тов. министра внутренних дел.

Первым актом коалиционного кабинета была всеобщая перепись всех лиц мужского пола в возрасте между 16 и 65 года-

ми, как предварительный шаг к введению принудительного набора. Это было новым грехопадением либерализма, в традиционном катехизисе к-рого добровольная система военной службы составляла, наряду со свободной торговлей, один из важнейших членов символа веры. В том же году были проведены акты, которыми выборы в местные управления были отсрочены до следующего года и продлено также на год существование парламента. Эти акты впоследствии регулярно возобновлялись до 1918. В декабре Асквит заявил, что он принимает принцип принудительного набора, а в следующем 1916 актом парламента были призваны под знамена все холостяки и бездетные вдовцы в возрасте между 18 и 45 годами, за нек-рыми изъятиями, включая лиц, занятых в военной промышленности. На Ирландию закон не был распространен, хотя ирландская фракция и голосовала за него во втором и третьем чтениях. Закон вызвал сильное волнение среди пацифистов по «убеждениям совести» и отчасти среди рабочих: первые отказывались подчиниться закону и шли в тюрьму, а среди рабочих механиков и судостроителей на Клайде (Шотландия) произошли большие забастовки, окончившиеся арестом и ссылкой вождей. Одновременно правительству удалось заставить профсоюзы согласиться на «временную» приостановку действия их уставов, ограничивавших рабочий день и занятия женщин и малолетних, что освобождало мужчин для армии.

В мае был сделан последний шаг по введению принудит. набора: воинская повинность была объявлена всеобщей для всех лиц мужского пола в возрасте между 18 и 41 годами, за исключением Ирландии. Все эти меры—воинская повинность, приостановление выборов, несмотря на истечение срока мандатов, и отказ от проведения партийного принципа при составлении правительства—решительно шли вразрез со всеми либеральными традициями, а если к этому прибавить, что в самом же начале войны был издан особый акт об охране государства (Defence of the Realm Act), дававший чрезвычайные полномочия исполнительной—в частности, полицейской,—власти и устанавливавший на все время войны ограничение гражданских и личных свобод, то станет ясным, что либерализм, накликавший войну, подготовил вместе с тем свою собственную политическую гибель. Роль могильщика либерализма сыграл Ллойд Джордж, экс-радикал, экс-демократ и экс-пацифист, состоявший в коалиционном кабинете военным министром и министром снаряжения и в этом качестве приобретший большую популярность среди консерваторов, восхищавшихся его решительностью в борьбе за гранаты со всякими препонами в виде профсоюзных уставов и конституционных колебаний Асквита. В союзе с ними он в конце 1916 устроил маленький дворцовый переворот, устранивший не только Асквита, но и весь либерализм с политической арены. Он предъявил своему шефу требование отказаться от системы ответств. кабинетов и передать все дело руководству войной комитету из 4-х лиц, облеченному диктаторской

властью и не обязанному никакими отчетами перед другими коллегами по кабинету. В эту четверку он предложил ввести себя самого в качестве председателя, Бонар Лоу, лидера консерваторов, Карсона, пресловутого героя олстерского заговора, и одного члена Рабочей партии, оставляя самого Асквита на ролях консультанта и ассистента с совещательным голосом. У Асквита не хватило даже мужества отказаться от этого плана, и он вышел в отставку; вслед за ним подал в отставку и Ллойд Джордж. Король предложил Бонар Лоу сформировать кабинет, но тот, разыгрывая условленную комедию, уклонился от этой чести, указав на Ллойд Джорджа, и последний стал премьером. Асквит после двадцатичетырехлетней министерской карьеры и 8-летнего пребывания на посту премьера внезапно очутился в положении рядового члена парламента и больше уже не возвращался к власти. Вместе с ним ушли из правительства еще трое, в том числе и Грей. Либеральная партия распалась: часть осталась верной старому лидеру, другая присягнула Ллойд Джорджу, — что, впрочем, оформилось лишь по окончании войны, на выборах 1918.

Пока же Ллойд Джордж образовал свой четырехчленный «военный кабинет» из себя самого, лорда Карсона, лорда Милнера (первого наместника покоренных бурских республик, друга Сесила Родса) и Гендерсона, лидера и предавителя Рабочей партии, храбро постановившей продолжать входить в состав коалиции. Вокруг этой четверки, задача которой состояла исключительно в руководстве войной, был набран огромный штат министров для ведения прочих дел государства, при чем было изобретено множество новых должностей и функций, розданных политическим друзьям и разным влиятельным лицам — преимущественно из делового и финансового мира, — благосклонность к-рых казалась полезной. Это был настоящий кабинет патронажа и непотизма, какие Англия видывала лишь в доброе старое время, до реформы 1832, когда страна управлялась торийскими и вигийскими фамилиями. Бонар Лоу стал канцлером казначейства, лорд Бальфур заместил Грея по иностранному ведомству, лорд Керзон был председателем Тайного совета, и, кроме Гендерсона, не имевшего портфеля, в кабинет из Рабочей партии вошли еще двое: Джон Ходж, из профсоюза литейщиков, в качестве министра труда, и Джордж Барнс, некогда левый социалист и вождь знаменитой забастовки машиностроителей в 1897, получивший портфель нового министерства пенсий.

Изложение хода войны и военных действий не входит в рамки настоящей статьи. Достаточно будет лишь отметить, что Ллойд Джордж оказался наиболее воинственным из всех либералов того времени и автором смелой меры создания единого командования на западном фронте в лице Фоша с подчинением ему командования английского. Не может войти в рамки этой статьи и описание тех мер «военного социализма» в области экономической и продовольственной, к к-рым пришлось прибегнуть уже в 1916

правительству, вначале относившемуся к войне как к спортивному матчу и провозгласившему лозунг: «дела продолжают по-прежнему» (*business as usual* — обычная надпись на плакатах, вывешиваемых на дверях торговых заведений во время ремонта). Уже в 1917 население посажено было на хлебные, мясные, сахарные и всякие иные пайки, и нехватка предметов продовольствия в течение следующего года достигла таких размеров, что «тыл» заметно дрогнул и, вероятно, вскоре развалился бы, если бы не подошло перемирие. Но уже задолго до этого рабочие массы стали проявлять новые симптомы жизни после некоего периода оцепенения, в к-рое ввергли их катастрофический ужас войны, бешеная шовинистская агитация, массовая отправка в окопы наиболее молодых и энергичных элементов из их среды и, наконец, угроза нависших, в силу закона об охране государства, репрессий. Уже к началу 1916 они стали приходить в себя при сопоставлении тех жертв, которые требовались от них, и безумных прибылей, к-рые, под шумок, накапливались предпринимателями. Т. к. профсоюзы, руководимые социал-предателями, бездействовали, то в некоторых индустриях в разных местах, но особенно в машиностроительной промышленности, на севере, стали возникать фабзавкомы (*shop stewards' committees*), руководимые, по большей части, деятелями из «Социалистической рабочей партии» (Макманус, Белл) и левого крыла шотландской Независимой рабочей партии (Керквуд, Шинвел), и начало возрождаться стачечное движение за повышение заработной платы, за сохранение профсоюзного устава и пр.

Особенно серьезно стало положение осенью 1916 среди железнодорожников и горняков южного Уэльса, которые потребовали повышения заработной платы и увеличения дополнительной «военной» премии. В обоих случаях рабочие выиграли, заставив правительство вмешаться и даже взять в собственное управление местные шахты. Но впечатление от разрыва гражданского мира было чрезвычайно сильное и сыграло значительную роль в развитии программы потребительского социализма, на к-рую стало коалиционное правительство Ллойд Джорджа. Тогда впервые была введена регламентация продовольственного дела в области производства, импорта и распределения. Но особенно сильным стимулом к пробуждению рабочих масс явилась Февральская революция в России, которая вызвала целую волну забастовок на военно-промышленных заводах и на железных дорогах; на последних осенью 1917 дважды грозила даже всеобщая забастовка. Всякий раз, однако, правительство шло на уступки и в значительной мере удовлетворяло требования рабочих. Еще крупнее был политический эффект российской революции. К этому времени оживилось и социалистическое движение. На Независимую рабочую партию сильно подействовало присутствие в ее рядах множества антимилитаристов по религиозным и этическим мотивам, которые за отказ от военной службы массами арестовывались и заключались в тюрьму, где подвергались

варварскому обращению. Сам Макдональд предпочитал отмалчиваться или выражать пацифистские мнения в очень осторожных и двусмысленных выражениях, к-рые все же не спасали его от бешеных нападков со стороны патриотов, обвинявших его в «германофильстве». Кир Гарди и его ближайший товарищ Брюс Глейзер вместе с другими выступали более энергично и довольно смело лозунгами с военной ложью и лицемерными лозунгами империалистов. Еще более оправилась Британская социалистическая партия, преемница с 1911 старой с.-д. партий. Предательство ее руководящей гайдмановской верхушки не нашло подражателей среди рядовых ее членов, и ее левому крылу, организовавшемуся в конце 1915 и основавшему свой собственный еженедельный орган, удалось на апрельском съезде 1916 получить подавляющее большинство, заставить социал-патриотов уйти из партии и перевести последнюю на циммервальдскую позицию. Агитация обеих партий внесла значительную дезорганизацию в ряды Рабочей партии, лидер которой Гендерсон выступил открыто за «мир на основе переговоров» и вместе с Макдональдом принял приглашение на Стокгольмскую международную конференцию, чтобы встретиться там с немцами. Выполнению плана помешал, при рукоплесканиях всех патриотов, союз моряков под руководством известного Гавелока Вильсона, отказавшийся принять обоих «германофилов» на пароход. Гендерсон тогда ушел из кабинета, и через несколько месяцев Рабочая партия официально отмежевалась от военной политики правительства, издав свою собственную программу мира на основе соглашения между воюющими сторонами и организации Лиги Наций. Это, однако, не помешало двум другим членам партии остаться в правительстве: Барнс занял место Гендерсона в военном кабинете, Ходж стал министром пенсий, а его портфель министра труда был передан третьему профсоюзному вождю и члену Рабочей партии Роберту. Эти люди явились уже предателями по отношению к своей собственной партии.

Но еще до этого, в апреле 1916 года, произошло событие величайшей важности в политической жизни Англии: восстание в Ирландии. Ни гомруль, предусматривавший раздел Ирландии, ни «патриотическое» поведение парламентской фракции не нашли поддержки в народных низах и, в частности, в рабочих массах и революционно-интеллигентских кругах Ирландии, где еще живы были старые «коннелевские лозунги о том, что «затруднения Англии—шанс для Ирландии». На этой почве произошел отход от «национальных волонтеров», организовавшихся националистами против олстерских дружин, более революционных элементов из рабочей и шпифейнеровской (республикански-террористической) среды, образовавших корпус «ирландских волонтеров» и «гражданской армии», и началась контр-кампания против вербовочной агитации Редмонда и его друзей, повлекшая за собой свирепые репрессии на основании закона об охране государства. Дело редмондских патриотов в дальнейшем

было дискредитировано тактикой английского правительства, а еще более поведением местных английских властей, которые, несмотря на заключенное примирение, отказывались организовать набираемые в Ирландии полки в особый национальный корпус, посылали эти полки на самые опасные фронты (давая вместе с тем олстерским полкам всевозможные привилегии), назначали им протестантских офицеров и т. д. Озлобление в Ирландии усилилось еще больше с образованием первого коалиционного кабинета, включавшего самых лютых врагов ирландского национализма, Карсона и Бонар Лоу, но отказавшего в министерском посту Редмонду, который предлагал себя в статус-секретари по делам Ирландии. Рассчитывая на поддержку ирландских элементов в Америке,—которые действительно стали присылать им денежные средства на организацию сопротивления редмондской политике и на содержание вооруженных дружин,—связавшись также с немцами через некоего сэра Роджера Кезмента (см.), б. британского консула, олстерца по происхождению, человека, во всех отношениях благородного и мужественного, группа рабочих вождей во главе с Конноли (см.), талантливым и образованным писателем из рабочей среды, выдержанным марксистом и смелым революционером, вместе с группой революционных интеллигентов (среди которых были ученые, литераторы с большим именем), решила произвести восстание и, после небольших приготовлений, в пасхальный понедельник, 24 апреля, захватила при помощи своих дружин главные здания и стратегические пункты в ирландской столице и провозгласила временное правительство. Власти, хотя и ожидавшие выступления, все же были захвачены врасплох, и лишь через пять дней им удалось при помощи полученных из Англии подкреплений и самых варварских методов расправы подавить восстание и заставить вождей его сдаться. Репрессии были самые свирепые: 16 человек были без гласного суда расстреляны, включая Конноли, к-рый был тяжело ранен и был расстрелян в лежачем положении на носилках, и свыше полутысячи человек, также без гласного суда, были присуждены к тяжелому тюремному заключению и ссылкам на разные сроки. А спустя несколько месяцев был повешен после открытого процесса «за измену» арестованный за два дня до восстания Кезмент, который прибыл из Германии на герм. подводной лодке, чтобы отговорить своих друзей от восстания в виду безнадежности какой-либо помощи со стороны немцев.

Как ни незначительна была та поддержка, которую повстанцы получили во время своей несомненно преждевременной и плохо подготовленной попытки, и как ни осуждали ее на всех перекрестках и в самом английском парламенте редмондские националисты,—среди которых были и лица, громко одобрявшие массовые казни,—но на народ в самой Ирландии восстание это, в связи с последовавшими репрессиями, оказало глубочайшее впечатление, окончательно дискредитировав в то же время националистов. Англ. правительство, с целью

показать, что и оно потрясено случившимся, отрядило Ллойд Джорджа в Ирландию для расследования корней и причин революционного движения. По возвращении Ллойд Джордж предложил немедленно ввести в действие гомруль за исключением (до конца войны) шести олстерских графств. Хотя это и означало оскопление гомруля, Редмонд согласился с этим и не без труда уговорил специально собранный конгресс националистов принять предложение правительства. Но олстерцы потребовали исключения шести намеченных графств (хотя в двух из них преобладало католическое население) навсегда, и благие намерения Ллойд Джорджа и Редмонда не осуществились. Так как настроение в Ирландии нисколько не улучшалось, а напротив, все более склонялось в пользу шинфейнеров, ряды которых не переставали расти и которые продолжали организовывать новые вооруженные дружины, то Ллойд Джордж, на этот раз уже в качестве премьера, созвал в Дублине 25 июля 1917 национальный ирландский «конвент» из всех партий, предлагая им столкнуться между собой и обещая провести в жизнь то, что они решат. Шинфейнеры отказались принять участие в конвенте; олстерцы же пришли в качестве «наблюдателей». Восемь месяцев заседал этот конвент, и когда большинство приняло, наконец, компромиссный проект весьма умеренного характера, то олстерцы заявили свое вето, и тем дело кончилось. Ирландскому народу, предводимому шинфейнерами, предстояло еще возобновить вооруженную борьбу и пройти через настоящую гражданскую войну, прежде чем он добился не только гомруля, но и создания собственного «свободного государства»; однако, даже это решение не могло уже удовлетворить все национально-революционные элементы, и оно послужило отправным пунктом для новой борьбы.

Следует отметить, что Ирландия была не единственным местом под британ. флагом, где лозунг о «затруднениях» Англии получил практическое применение: попытка восстания была сделана и в завоеванных бурских республиках, входивших с 1910 в состав вновь образованного Южно-Африканского Союза. Тогдашний премьер *Бота* (см.), бывший герой войны за бурскую независимость, ставший лояльнейшим слугой Британской империи, незамедлительно по объявлении Англией войны Германии, солидаризировался с метрополией, к-рая обещала ему присоединение к Союзу германской Юго-Западной Африки. Бота немедленно стал готовиться к походу, когда двое старых лидеров буров, никогда не примирявшихся с английской ориентацией Боты и, вообще, вхождением бурских республик в состав Британской империи, — Бейерс, главнокомандующий южно-африканской армией, и Маритц, командовавший войсками на границе германской колонии, — подняли знамя восстания и привлекли на свою сторону *Девета* (см.), знаменитейшего героя Бурской войны, одного из самых популярных и влиятельных националистов. Восстание продолжалось около десяти месяцев и окончилось поражением повстанцев, не имевших

возможности пополнять свои боевые припасы. Бейерс утонул, спасаясь бегством, а другие сдались. Бота, однако, несмотря на все науськивания «лоялистов» и настояния Лондона, не отважился расправиться с побежденными: они были присуждены к тюремному заключению, но через два года были амнистированы. Даже это восстание не прошло бесследно: оно вновь поставило в повестку дня вопрос о принадлежности быв. бурских республик к Британской империи и создало опору для возрождения национального движения, которое после войны приняло решительные, хотя пока еще легальные, формы.

Иным путем была заложена основа для возрождения национального движения в другой части британской Африки, в Египте. Не числясь официально в списках английских колоний, а продолжая номинально считаться частью Оттоманской империи, Египет, по объявлении Англией войны Германии, объявил суда последней в Суэцком канале неприятельскими; а когда Турция вступила в войну, то Египет был объявлен (дек. 1914) британским протекторатом, хедив Аббас Хильми был низложен, на его место был посажен брат некогда низложенного англичанами же хедива Измаила, Гусейн Камель, с титулом султана, и английский «агент и генеральный консул» был переименован в «верховного комиссара». Одновременно с этим в стране было введено военное положение, и Египет стал одной из главнейших английских военных баз. В течение четырех лет в Египте хозяйничала английская солдатчина, которая разоряла страну поборами натурой, деньгами и людьми: крестьян массами отправляли из деревень рыть окопы и делать всю черную и опасную работу на Суэцком канале и в Галиполи, хлеб и другие продукты реквизировались или скупались по низким ценам для армии, — словом, Египет превратился в беспомощный объект самой беззащитной эксплуатации и притеснения. Пока длилась война, терроризированный народ молчал, но его негодование накоплялось и сейчас же после окончания войны проявилось в форме могучего национально-революц. восстания.

Несколько осторожнее вело себя во время войны англ. правительство в Индии, где война с Турцией волновала мусульманское население, и использование индийских частей в борьбе с Германией в Африке возбуждало неудовольствие в националистических кругах. Но металлургич. промышленность и текстильная промышленность Индии, работавшие на военные поставки, процветали, а дарованная правительством Ллойд Джорджа в 1917 таможенная автономия — предмет давнишних домогательств хлопчатобумажных фабрикантов — окончательно умиротворила индийскую буржуазию. Не довольствуясь этим, правительство послало в конце того же года нового статс-секретаря по делам Индии Монтегу (одного из владельцев старой фирмы, поставившей Индии серебро для чеканки ее рупий) в Индию, где он вместе с либеральным вице-королем Челмсфордом составил новый проект «конституционных» реформ в развитии старых

(Морлей-Минто), чем внес в националистическое движение нек-рое успокоение. Правда, этот проект так и остался пока-что проектом, вызывая большие нападки со стороны лордов, но он все же что-то обещал и несколько притулял недовольство. Смелее действовало правительство в самой Англии, где опасность революционной заразы из Ирландии и России и отчасти соображения демократического престижа заставили его в 1917 провести демократизацию и расширение избирательного права с распространением его на женщин, достигших 30-летнего возраста, и на военнообязанных, достигших 18-летнего возраста. В следующем году оно провело школьную реформу, повысившую обязательный школьный возраст до 14 лет с последующим обязательным посещением дополнительных классов в размере 280 часов в год в течение дальнейших 2—4 лет; труд малолетних до 12-летнего возраста был окончательно запрещен, а для детей старшего возраста ограничен внешкольным временем. К этому моменту война пришла к концу, и Англия вступила в критич. период своей внутренней истории.

Послевоенная Англия.

Союзники вышли из войны победителями, и львиная доля добычи досталась Англии. Она осуществила свою основную цель войны—разрушение на долгие десятилетия, если не навсегда (как тогда представлялось), экономической и военно-морской мощи Германии (см. *Версальский мирный договор*), а сверх того, еще «заработала» и территориально в разных частях земного шара. Она приобрела, под видом «мандатов» от Лиги Наций, большую часть германских колоний (одну треть Того, две трети Камеруна, почти всю германскую Вост. Африку—переименованную в территорию Танганьики, всю германскую Юго-Зап. Африку, формально переданную Южно-Африканскому Союзу, германскую часть Новой Гвинеи, т. е. Землю императора Вильгельма, Бисмарков архипелаг и Соломоновы о-ва, формально переданные Австралии, Науру и Самоа) и значительнейшую часть Передней Азии, состоящую из Ирака, или Месопотамии, Палестины и Заиордания, входивших раньше в состав Османской империи, — всего 2.619.100 км² с населением свыше 9 млн. Если, по состоянию их в момент приобретения, африкан. территории были ценнее азиатских в качестве источников сырья, то последние больше обещают в будущем, тая в себе богатые возможности в области хлопкового хозяйства и добычи нефти. Но и те и другие имеют для Англии огромное значение еще в другом отношении: приобретение африкан. колоний дает Англии возможность осуществить почти целиком давнишний план сооружения гигантского жел.-дор. пути под англ. флагом через весь африканский континент, с С. на Ю. (от Каира до Капштадта, К. — К.), а занятые Передней Азии перекидывает мост между Египтом и границей Арабистана, к-рому недостает лишь одного звена через юж. Персию, чтобы создать под британской эгидой непрерывное сухопутное со-

общение от Каира до Калькутты. При всей смелости своей фантазии британский империализм, вероятно, и не мечтал о таком грандиозном успехе в начале войны.

Но была и обратная сторона этой медали: война также ускорила вызревание процессов, которые происходили в недрах английского общества, вследствие чего девятилетие, истекшее со времени заключения мира, отмечено пестрой, яркой и страстной борьбой классов и партий, характерной для периодов социального разлома. Капиталистический класс Англии вышел из войны внутренне сильно окрепшим. Он невероятно разбогател на военных поставках и, в качестве основного держателя бумаг государственного долга, возросшего с 650 млн. в 1914 до 7.829 млн. фунтов стерл. в 1919, увеличил свою долю в национальном доходе в десять раз. Одновременно он внутренне также консолидировался: высокая военная конъюнктура стимулировала процесс трестирования и синдицирования в целях расширения производства и регулирования цен, в то время как сознательными усилиями самого правительства был установлен тесный и перманентный контакт как между отдельными крупными предприятиями в различн. индустриях, так и между целыми отраслями промышленности для координации производства и снабжения сырьем.

Благодаря индивидуалистическим традициям английской промышленности, этот процесс консолидации, правда, не зашел так далеко, как на континенте, но знаменательно было уже то, что все банковое дело, до тех пор чрезвычайно распыленное, фактически сосредоточилось в руках пяти наиболее крупных финансовых учреждений, что многочисленные железнодорожные компании объединились в четыре треста и что 167 промышленных ассоциаций и 1.739 отдельных промышленных фирм оказались объединенными в общую «Федерацию британской промышленности» (см. *Британской промышленности федерация*). В этом реконструктивном процессе существенную и нередко даже инициативную роль играл банковский капитал, получивший за этот период, под формой финансового, еще большее значение, чем до войны, и настолько овладевший всей экономической страны, что в 1924/25 он мог продиктовать, в ущерб промышленности и торговле, восстановление золотого паритета. С другой стороны, однако, несмотря на разгром германского соперника, на захват его торгового флота, колоний и разного промышленного имущества во всех частях мира, положение капиталистического класса на международной арене ухудшилось еще больше по сравнению с довоенным периодом. Резкое сужение мирового рынка, вследствие снижения покупательной способности разоренных войной европейских народов, частичный выпад из оборота огромной России, сильное развитие во время и в результате войны промышленности в целом ряде стран (Соединен. Штаты, Канада, Австралия, Франция, Италия, Индия и др.), создание высоких таможенных барьеров как в этих, так и во вновь возникших самостоятельных государствах,

усиление конкуренции со стороны стран с низкой валютой—все это, в связи с отсталостью техники и организационных форм английской промышленности и возвращением к золотому стандарту, создало чрезвычайно невыгодные условия для англ. экспорта, отразившиеся рикошетом, после первых двух лет спекулятивной горячки, на темпе развертывания самого производства.

Правда, рядом с работающими на экспорт отраслями промышленности в Англии развились другие отрасли, работающие, гл. обр., на внутренний рынок, как, напр., автомобильное производство, электрическая индустрия, транспорт и т. д. Но не говоря уже о том, что удельный вес этих отраслей в общей экономике страны гораздо ниже, чем индустрий, работающих на экспорт, сама грань, разделяющая обе категории, настолько подвижна, что индустрия, работающая на внутренний рынок, вынуждена, на известной стадии своего развития, начать искать и внешнего рынка, чтобы не погибнуть; и даже такая, огражденная от внешней конкуренции отрасль промышленности, как транспортная (судоходство и железные дороги), все же косвенно зависит от состояния экспорта. В результате наблюдается, с одной стороны, падение как абсолютное, так и относительное английского экспорта, в то время как экспорт французский, американский и даже германский достиг и даже превысил довоенный уровень, с другой же стороны,—рост импорта в Англию, благодаря сильно увеличившемуся потреблению буржуазных слоев и приросту, вследствие падения эмиграции, населения, при чем основными предметами ввоза являются продукты питания и готовые фабрикатy. Это крайнее противоречие между внутренним состоянием и внешним положением английского капиталистич. класса определило всю его социальную и политич. установку в послевоенный период: оно усилило его реакционность внутри и вовне, укрепило позиции консервативной партии против остатков либерализма, снова выдвинуло проблему протекционизма и хозяйственного объединения Британской империи, и крайне обострило агрессивность капиталистов против рабочего класса в целях снижения издержек производства.

Напротив, рабочий класс, несмотря на увеличение за время войны заработной платы, несмотря на сокращение рабочего дня и на громадный рост организованных членов профсоюзов, вышел из войны значительно ослабленным. Во-первых, прирост заработной платы едва компенсировал возросшую дороговизну жизни; во-вторых, степень организованности рабочего класса, несмотря на рост числа членов профсоюзов, на деле осталась без изменения, так как благодаря цеховому принципу организации, рабочий класс остался раздробленным на огромное количество отдельных и часто конкурирующих между собой профсоюзов; в-третьих, верхушка его профсоюзных и политических вождей за время войны настолько сблизилась и, в некотором смысле, даже срослась на почве военного и политического сотрудничества с предпринимательскими и правительственными кругами, что превратилась

частью в буфер между капиталистическим и рабочим классами, частью в прямое орудие первого. Между тем, настроение самих рабочих масс, претерпевших ужасы и лишения войны, вынужденных бороться за каждую лишнюю копейку заработной платы, в то время как капиталисты на их глазах баснословно наживались, и находившихся под впечатлением колоссальных событий Октябрьской Революции в СССР, взывавшей к их пролетарскому инстинкту,—настроение это было озлобленным, местами почти революционным и, во всяком случае, решительно враждебным капиталистическому классу, правительству и всему общественному строю.

Эта расстановка классов и своеобразное сочетание силы и слабости каждого из них определили весь ход истории Англии, начиная с конца 1918, и явились стержнем донельзя пестрых событий этого периода. Через все эти годы тянется непрерывная борьба между капиталистическ. и рабочим классами, доходящая в отдельные моменты до крайнего напряжения, но неизменно срываема предательством вождей и террором правительства. Параллельно с этим развивается борьба капиталистического класса за иностранные рынки, находящая себе выражение в империалистической политике правительства на всем Востоке, от Турции до Китая через Персию и Египет, в интервенции и дипломатических интригах против советских республик, в борьбе то с Францией, то с Америкой, наиболее могущественными конкурентами Англии, и в стараниях оградить внутренний рынок охранительными пошлинами и обеспечить себе, наперекор всем фритредерским традициям, хотя бы рынок доминионов. Переплетаясь с этими основными движениями данного периода и вытекающая из них, происходит распад либеральной партии, низведенной до ничтожных размеров, и быстрый рост Рабочей партии, под знаменами которой стекается рабочая масса в стремлении овладеть государственной властью, но к-рая приспособляет свои лозунги и свою программу к мелкобуржуазному избирателю с тем, чтобы занять вакантное место либерализма, чем подготавливает для себя конечную гибель. В этой обстановке возникает коммунистическая партия, привлекающая к себе наиболее сознательные элементы из рабочих и становящаяся, несмотря на свою малочисленность, большой политической силой, с которой вступают в ожесточенную борьбу не только правительство и буржуазия, но и Рабочая партия. Первое десятилетие после войны стоит, таким образом, под знаком больших социально-политических сдвигов, возвевающих приближение социальной революции.

Первый момент после заключения перемирия был чрезвычайно критическим для буржуазного общества. Накопившееся в народных массах возмущение вырвалось сразу наружу; солдаты в тылу, а вскоре и в окопах потребовали немедленной демобилизации, не останавливаясь перед открытыми бунтами и отправляясь самовольно домой. Одновременно посыпались градом требования со стороны рабочих на военно-промышленных заводах, на транспорте, в шахтах

об увеличении заработной платы, о сокращении рабочего дня и об отмене исключительных правил военного времени. Правительством было застигнуто врасплох и пошло на уступки. Была объявлена и в кратчайший срок проведена демобилизация, во многих случаях был введен восьмичасовой рабочий день, особым законом была зафиксирована, сроком на шесть месяцев, минимальная заработная плата на том уровне, на каком ее застало перемирие, а для демобилизованных солдат и для рабочих, работавших на военные нужды, было установлено дополнение пособия на время их безработицы. Все это было сделано в течение ноября и, несомненно, притупило кризис.

Даже Рабочая партия поддалась общему настроению, и 14 ноября, т. е. через три дня после перемирия, постановила выйти из коалиции, объявив конец гражданского мира. Часть либералов, не последовавших в свое время за Ллойд Джорджем и оставшихся верными Асквиту, также отказалась от гражданского мира и потребовала расторжения коалиции. Но сам Ллойд Джордж, не особенно доверявший способности либерализма самому справиться с положением, продолжал настаивать на продлении коалиции еще на нек-рое время, и его поддержали консерваторы, заинтересованные в углублении раскола в либеральных рядах и дальнейшей деморализации Ллойд Джорджа и его фракции, а также двое из трех «рабочих» министров, Барнс и Робертс, предпочитавших уйти из партии и остаться на теплых правительственных местах. Т. о., у власти осталось либерально-консервативное правительство во главе с Ллойд Джорджем, которое в конце ноября распустило парламент, чтобы в результате всеобщих выборов, имевших место 14 декабря и проведенных под знаком воинствующего патриотизма («кайзера на виселицу», «все до копейки платят немцы») и широчайших обещаний («страна, достойная героев», жилищная реформа, охрана с. х-ва и основных индустрий вообще, развитие парламентских учреждений в Индии, умиротворение Ирландии и пр.), снова вернуться к власти, имея в своем распоряжении 484 мандата против 26, полученных «независимыми», т. е. асквитовскими либералами, и 57, полученных Рабочей партией. Но среди членов коалиции лишь 136 были либералами, а среди асквитянцев не было ни одного вождя; все лидеры, включая самого Асквита, потерпели на выборах поражение.

Т. о., консерваторы оказались хозяевами положения, и в соответствии с этим кабинет был реформирован таким образом, что самые важные портфели достались им (Бонар Лоу, Остин Чемберлен, Керзон, Биркенхед и др.). Он просуществовал с нек-рыми частичными изменениями вплоть до октября 1922, когда ряд неудач, постигших Ллойд Джорджа по ирландскому и турецкому вопросам, дал повод крайнему крылу консерваторов резко поднять вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания партии в коалиции и заставить Бонар Лоу объявить ей конец. Ллойд Джордж, как представитель меньшинства, вышел в отставку, Бонар Лоу образовал кабинет и распустил парламент;

на новых выборах консерваторы получили 357 мандатов—на девять больше против прежнего,—а их прежние союзники всего 59. Либералы асквитовского крыла получили столько же, а рабочие—142 мандата. Последние стали, т. о., второй по численности фракцией в парламенте, оттеснив либералов на задний план, и образовали официальную «оппозицию его величества».

Это был исторический поворот в судьбах Рабочей партии, с к-рого начинается ее окончательное вступление на путь отказа от радикальных и социалистических лозунгов (несмотря на внесенные в 1918 в программу партии «социалистические цели»), ожесточенной борьбы против коммунистической партии и революционной пропаганды и более или менее явной смычки, в порядке «преемственности», с либерально-буржуазными политическими традициями и методами вообще. Она начинает превращаться в третью буржуазную партию, принимая в свою среду всех «разочарованных» либералов и даже консерваторов. Но кабинет Бонар Лоу не просуществовал даже года: Бонар Лоу вышел в отставку по болезни в мае 1923 и в октябре того же года умер; премьером стал Болдуин, до тех пор министр финансов, к-рый, однако, вследствие продолжавшейся разногласия в кабинете между сторонниками и противниками коалиционной идеи и переплетавшихся с ней споров о темпе проведения в жизнь протекционистской программы, вынужден был в декабре объявить новые выборы, давшие консерваторам всего лишь 258 мест, Рабочей партии 191 место, а обеим либеральным фракциям вместе 158 мест. Консерваторы, очутившись в абсолютном меньшинстве, могли оставаться у власти лишь на основе коалиции с либералами, а т. к. это было неприемлемо как для крайних консерваторов, так и для асквитянцев, то им не оставалось ничего другого, как подать в отставку. Но это был лишь временный перерыв: сменившее их «рабочее» правительство не просуществовало и года. В октябре 1924 состоялись новые выборы, и консерваторы вернулись к власти, получив 419 мандатов против 151, полученного Рабочей партией, и 40, полученных либералами. Последние окончательно были сведены на-нет, рабочие потеряли 40 мест, и консерваторы вновь образовали кабинет под лидерством Болдуина, который правит до сих пор (начало 1928). Таким образом, консерваторы, за кратковременным перерывом в десять месяцев, находятся у власти в Англии тринадцать лет, считая с момента создания первой коалиции в начале войны: если в течение первых восьми лет этого периода они формально делили ее с либералами, то основное влияние во внутренней и, еще более, во внешней политике принадлежало все же им, так что весь этот долгий период, за упомянутым небольшим интермеццо, стоит под знаком консервативной реакции.

1918—1923.—Даже в годы сотрудничества консервативной партии с либералами законодательство отличалось необыкновенной скупостью в смысле серьезных реформ, несмотря на торжественные обещания во время

выборов. Эти обещания, как и угрозы по адресу кайзера, были основательно забыты, и все, что сделано было для «героев», свелось к ассигнованию суммы в 15 млн. ф. ст. для выдачи субсидии тем местным органам, которые захотят заняться (но на деле не захотели) жилищным строительством, к изданию акта (оставшегося мертвой буквой) о привлечении спекулянтов к суду, к продлению закона военного времени против повышения квартирной платы, к увеличению размеров пособий безработным, к открытию доступа женщинам в палату общин и на государственную службу, включая судебную деятельность, и к некоторым другим более мелким реформам. Но и эти скромные мероприятия не были полностью осуществлены, даже субсидии жилищному строительству были сокращены, и школьный закон 1918, к-рый должен был вступить в силу, был сильно урезан в целях экономии, кгда осенью 1920 разразился хозяйственный кризис, не изжитый еще в наст. время (1928).

Действительно, при наличии экономического кризиса и при таком состоянии государственных финансов, когда по одним долгам приходилось выплачивать до 400 млн. ф. ст. ежегодно, правительству трудно было бы заниматься дорогими реформами, не прибегая к радикальным налоговым методам, вроде обложения капитала и нажитых во время войны огромных состояний. Но на это либерально-консервативное правительство Ллойд Джорджа не захотело итти: оно даже снизило, а затем и совсем отменило введенное во время войны дополнительное обложение чрезмерных доходов и упразднило земельный налог, послуживший в 1909 исходным пунктом борьбы Ллойд Джорджа против помещиков и лордов. Зато оно сильно взвинтило ряд косвенных налогов и не только сохранило в силе «временные» охранительные пошлины на ввозимые «предметы роскоши» (автомобили, велосипеды, зеркальное стекло и музыкальные инструменты), которые были введены в 1915 либеральным министром финансов Маккена, но и распространило их в 1922, сроком на пять лет, на целый ряд других предметов ввоза, принадлежащих к т. н. узловым индустриям (химическая, электрическая и т. д.).

Эти протекционистские меры нисколько не смягчались тем, что еще в 1919 были снижены акцизные пошлины на ряд колониальных продуктов, как чай, сахар, кофе, табак, по принципу «имперского предпочтения». Т. о., вместо реформ, получились наياتки давным-давно, казалось, уже похороненного протекционизма, притом еще под эгидой либерального вождя, к-рый некогда в борьбе с протекционистской агитацией Дж. Чемберлена стяжал себе громкую славу. Едва ли не самым характерным законодательн. актом того времени был проведенный в 1920, по случаю назревавшей угрозы ж.-д. забастовки, «закон о чрезвычайных полномочиях», по к-рому, в случае забастовки или даже только угрозы ее на транспорте, водоснабжении, освещении, снабжении топливом или пищевыми продуктами, правительство получило право объявлять чрезвычайн. положение и на основании его предписать

и предпринять (с последующим утверждением парламента) любые меры для сохранения порядка и обеспечения снабжения указанными предметами первой необходимости. Проведенный в нижней палате через все стадии в три дня, а в верхней даже в один день, этот акт, поставивший штрейкбрехерство под защиту закона, явился переломным в послевоенном законодательстве, отныне принявшем антирабочий характер.

Ему сродни был закон, проведенный в 1923 первым правительством Болдуина, предоставивший министру внутренних дел право образовывать, вооружить и содержать на местах организации «специальных констеблей», т. е. буржуазную полицейскую гвардию в дополнение к обычной полиции. Ничего подобного этим мерам довоенная Англия не знала, и они являлись точным выражением той острой классовой борьбы, которая развернулась немедленно после перемирия. В течение 1919 в Англии произошло свыше 1.400 промышленных конфликтов, к-рые непосредственно затронули более 2½ млн. человек—цифра почти небывалая в летописях англ. рабочего движения. В следующем году число таких конфликтов еще более увеличилось, дойдя до 1.715, хотя число рабочих, ими охваченных, было несколько меньше—немногим свыше 2 млн. 1921 и 1922 являлись уже годами кризиса, но все же насчитывали множество конфликтов (763 в 1921 и 565 в 1922) с большим числом участников их (1.829.000 в 1921 и 555.000 в 1922). Между тем, либерализма и уступчивости правительства хватило лишь до всеобщих выборов: уже в январе 1919 забастовка судостроительных рабочих на Клайде, требовавших введения восьмичасового рабочего дня, была сорвана вмешательством правительства, стянувшего целую армию в стачечный район, и в значительной степени также действием профсоюзной верхушки, не признавшей забастовку законной.

Вообще же, основным содержанием внутренней политики всех послевоенных правительств, за исключением разве кратковременного правления рабочего кабинета, являлась борьба с рабочим классом; в этом «благородном» занятии они находили себе неизменную поддержку в предательстве лидеров профсоюзного и рабочего партийного движения. В 1919 могучее движение горняков, выступивших с требованием об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня и национализации шахт, было сорвано накануне объявления всеобщей забастовки предложением правительства передать эти вопросы на рассмотрение паритетной королевской комиссии—предложением, к-рое вожди приняли, хотя оно явно было рассчитано на притупление кризиса. Комиссия заседала несколько месяцев, приняла большинством одного голоса (председателя) доклад о необходимости национализации шахт, увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня, но правительство, обязавшееся раньше внести законопроект на основании постановлений комиссии, отказалось принять доклад большинства, согласившись с особым мнением самого реакционного из членов комиссии, для к-рого взгляды даже

двух его собственных коллег, тоже капиталистов, оказались слишком радикальными. Собравшийся к этому времени съезд профсоюзов резко протестовал, угрожал всеобщей забастовкой, но правительство, сделав некие уступки в отношении зарплат и рабоч. дня, объявило вопрос исчерпанным.

Этим эпизодом открылась полоса гигантских социальных боев, неизменно срывавшихся трусливым, если не прямо предательским, поведением рабочих вождей, сотрудничавших с реакционным правительством. Так, в том же 1919 году была сорвана всеобщая забастовка железнодорожников, в течение девяти дней потрясавшая всю страну,—сорвана беспримерной по своим размерам и дерзости организацией правительством штрейкбрехерской службы под охраной вооруженной полиции и войск, а также посредничеством именитых вождей тред-юнионизма, удержавших горячков от присоединения к забастовке и выработавших с правительством гнилой компромисс. В 1920 горячки после двукратных предупреждений, давших правительству возможность выиграть время, все же пошли на забастовку, несмотря на старания вождей. На этот раз железнодорожники и транспортники хотели присоединиться к горячкам, но были также удержаны вождями, перепугавшимися только что проведенного акта о чрезвычайных полномочиях. Забастовка продолжалась две недели и была, в конце-концов, нагло сорвана вождями, распорядившимися о возобновлении работ на основании того, что делегатская конференция, рассматривавшая новые предложения правительства, отвергла их большинством менее, чем в две трети.

С этого времени подстегиваемые начавшимся хозяйственным кризисом капиталисты, учитывая настроение вождей, переходят в наступление, и главные бои 1921—23 носят характер локаутов. Почти все они кончаются поражением рабочих, а наиболее крупный из них, локаут горячков в 1921, приобретает печальную известность тем, что назначенная на определенное число забастовка солидарности железнодорожников и транспортников в «черную пятницу» цинично срывается предательским действием их вождей, наносящих этим удар уже не по одной категории рабочих, а по всему рабочему классу. В этом случае также немалую роль сыграло объявление правительством чрезвычайного положения и мобилизация им целых армий вооруженных штрейкбрехеров. Неудивительно, что в то время как в первые два года после перемирия общая сумма заработной платы в Англии увеличилась свыше, чем на семь млн. ф. ст. в неделю, т. е., в общей сложности, на 350 млн. ф. ст. в год, в следующие три года она уменьшилась на 10½ млн. ф. ст. в неделю, или, в общей сложности, почти на 550 млн. ф. ст. Другими словами, в конце первого пятилетия после перемирия «герои» остались с бюджетным дефицитом в 200 млн. ф. ст. За это же время, если взять лишь подоходную статистику, капиталистический класс увеличил свои доходы с 1.200 млн. в 1919 до 1.516 млн. фунтов ст. в 1923, т. е. на 300 миллионов фунтов стерлингов.

Одинаково беспокойными для английской буржуазии оказались первые годы после перемирия и на периферии империи—в странах, где она господствовала над чужими народами. Беспощадное использование англичанами их ресурсов и живых сил во время войны, сопровождавшееся многочисленными обещаниями, развязало и в этих странах революционные движения, к-рые приняли угрожающие размеры, когда действительность обнаружила, как бессовестно они были обмануты. Народное революционное восстание вспыхнуло в Ирландии, где молодое еще фермерство сильно пострадало за время войны от монополизирования англичанами по принудительным ценам продуктов сел. х-ва. Кроме того, свирепое подавление восстания 1916, вместе с бесславным провалом гомруля и дальнейших компромиссных попыток, вызвали в народных массах глубокое чувство возмущения и привлекли их симпатии к вновь возникшей партии «шинфейн» («мы сами»), партии независимой и самостоятельной Ирландии, руководимой Артуром Гриффитсом (см.) и Имоном де Валерой (см.). Уже на дополнительных выборах в английский парламент в последние годы войны кандидаты этой партии стали вытеснять из избирательных округов старых, сильно дискредитированных националистов; когда же на выборах в декабре 1918 в 73 округах из 80 оказались избранными шинфейнеры вместо сторонников Редмонда (получивших всего шесть мандатов), то ясно стало, что Ирландия вступает в новую фазу борьбы.

Эти новые депутаты не поехали в Лондон, а образовали свой собственный ирландский парламент в Дублине и провозгласили собственное национальное правительство, приступившее к организации власти в виде учреждения собственных судов, собственного местного управления, собственной армии и т. д. После некоторого колебания английское правительство ответило на это арестами и другими репрессиями, и тогда началась беспримерная по своей беспощадности даже в аналах ирландской истории борьба, длившаяся почти три года, вплоть до июня 1921. Со стороны англичан действовала не только 60-тысячная регулярная армия, но и жандармерия, подкрепленная на вербованными в Англии хулиганами, к-рым дана была полная свобода действий, и «вспомогательный корпус» из юнкеров и унтер-офицеров. Со стороны ирландцев действовали как вновь образованная из прежних национальных добровольцев армия, так и отдельные террористические дружины, отвечавшие на каждую казнь убийствами и на каждый сожженный дом или деревню—сожжением общественных зданий, уничтожением железных дорог, разгромом учреждений, банков и пр. В 1920 парламентом был спешно проведен исключительный закон, упразднявший суды присяжных и устанавливавший военное положение с военно-полевыми судами, после чего гражданская война приняла еще более массовый и ожесточенный характер. Одновременно шла борьба в Ольстере: погромы католиков и националистов вызвали ответные репрессии

в виде убийств и поджогов. В самой Англии начались протесты против преступной политики правительства, и последнее, одновременно с изданием исключительного закона, внесло новый билль о гомруле, предоставлявший Ольстеру (в размере 6 графств) и остальной Ирландии по отдельному парламенту (с оставлением особого ирландского представительства в английском парламенте в числе 42 депутатов).

Билль этот предусматривал еще образование отдельного «совета» из делегаций от обоих парламентов для координации их действий и действий обоих правительств, северного и южного, и предоставлял обоим парламентам право, по собственному постановлению, превратиться в один общий парламент для всей страны. Билль встретил сопротивление со стороны Рабочей партии и асквианцев, осуждавших узаконяемый им переход Ирландии, но он стал законом в начале 1921, и немедленно по всей Ирландии были объявлены выборы. Шинфейнеры приняли участие в них—фатальная непоследовательность, приведшая их к конечному банкротству—и получили у себя на юге большинство, но этим и ограничились, отказываясь распустить свой собственный парламент и свое правительство. На севере, однако, олстерцы образовали парламент и правительство, на основании нового акта, и сам король съездил в Белфаст на открытие парламента. Лондонское правительство правильно истолковало половинчатую тактику шинфейнеров, как признак их усталости и готовности к компромиссу. Так как в июне 1921 собралась имперская конференция, на к-рой несомненно встал бы ирландский вопрос, вызывавший определенное сочувствие со стороны Южной Африки и Канады, то Ллойд Джордж сделал второй шаг к «примирению», обратившись с открытым письмом к де Валере и премьеру северной Ирландии—Крейгу, приглася их на конференцию. Олстерский вождь, считая вопрос уже решенным актом 1921, отказался от приглашения, и был поддержан всеми реакционерами в Англии. Де Валера же, после некоторых колебаний, принял приглашение и явился на конференцию вместе со своими друзьями, Гриффитсом и Коллинзом.

Переговоры длились несколько месяцев и окончились в начале декабря соглашением: раздел Ирландии на две части оставался в силе, с эвентуальным пересмотром границы северной Ирландии в пользу южной, а южная Ирландия получала статус доминиона, по образцу Канады, с титулом «Свободного Государства», но с условием присяги на верность английскому королю, с предоставлением английскому флоту морских баз и с обязательством содержать лишь такую армию, которая была бы пропорциональна английской по отношению к численности ирландского населения. По сравнению с прежними проектами гомруля, новый проект являлся значительным шагом вперед, т. к. предоставлял Ирландии таможенную и фискальную автономию, но принципиально он означал полную капитуляцию шинфейнеров и сдачу всех основных позиций ирландского революционного национализма. Шинфейне-

ры раскололись: попы, лавочники, фермеры и прсфсоюзные вожди были за принятие компромисса; более радикальные элементы, включая рабочую молодежь и большую часть революционной интеллигенции, были против него. Де Валера стал во главе оппозиции, считая отказ от независимости, символизированный присягой на верность королю, национальной изменой. В конце-концов, после тяжелых сцен и взаимных угроз, соглашение было утверждено 7 января 1922 дублинским «парламентом» (64 голоса против 57)—тем самым парламентом, к-рый был создан двумя годами раньше на платформе полной независимости ирландской республики. Де Валера сложил с себя звание президента и был замещен Гриффитсом, Коллинз же образовал временное правительство. Англичане немедленно передали последнему всю власть и увеличили свою армию и своих чиновников.

Но меньшинство не подчинилось. Оно организовалось отдельно против большинства, подобно тому как оно было раньше организовано против англичан, и повело борьбу, не уступавшую по ожесточению прежней. Убийства, срывы собраний, вооруженные нападения на учреждения и банки возобновились с прежней силой. Де Валера засел в здании суда в Дублине снова в качестве президента, там же организовался военный генеральный штаб, раскол перекинулся в армию, а когда в июне первые всеобщие выборы дали сторонникам Гриффитса и Коллинза 126 мандатов против 36, полученных фракцией де Валеры, то началась форменная гражданская война. Новая власть, до тех пор не применявшая военной силы, объявила военное положение, взяла штурмом после восьмидневных боев здание суда и начала кровавую расправу. Посыпались аресты, казни и другие репрессии, на которые противники отвечали индивидуальными убийствами (жертвой их пал, между проч., Коллинз) и партизанскими нападениями. Эта кровопролитная борьба длилась с неослабевающей силой до конца 1922. В это время новый парламент успел выработать конституцию (двухпалатная система парламента, но в то же время референдум и народная инициатива), которая была утверждена английским парламентом. Кострев, занявший пост лидера после смерти Гриффитса, образовал новое министерство; представителем от короны, в качестве лорд-лейтенанта, был назначен Томас Гили, один из старейших вождей парнеловских националистов. Дальнейшая борьба была бесплодной; после тщетных попыток добиться согласия правительства на переговоры, де Валера издал манифест (1923), объявивший прекращение борьбы, и сам вскоре был арестован и интернирован.

Одновременно с событиями в Ирландии разворачивалась революционная борьба в другом конце Британской империи, в Египте, где на другой же день после перемирия началась, несмотря на военное положение, письменная и устная агитация за отмену протектората и за независимость. После ареста и ссылки на о. Мальту вождя умеренных националистов Заглула-паши агитация эта перешла в марте 1919 в уличные демонстрации молодежи, духовенства,

интеллигенции, чиновников, в рабочие забастовки и нападения на казармы и военные склады, в кровопролитные стычки с полицией и войсками. Англичане ответили жесточайшими репрессиями, но когда чиновники во всех правительственных учреждениях объявили всеобщую забастовку, и вся государственная машина остановилась, они не только должны были вернуть Заглулу и освободить его ближайших друзей, но и сделать либеральный жест, пославав из Лондона анкетную комиссию, во главе с лордом Милнером, для выяснения возможности компромисса. Но комиссия Милнера подверглась всеобщему бойкоту, и ей пришлось официально констатировать, что египетский народ единодушен в своем протесте против протектората и никогда с ним не помирится. Английское правительство решило пойти на непосредственные переговоры с Заглулом, для чего последний был приглашен в Лондон, но, хотя правительство готово было отменить протекторат и признать независимость Египта, соглашение не состоялось, т. к. англичане требовали «союзного» договора, по которому египтяне обязались бы принять английских финансовых и юридических советников, не вести иностранной политики вразрез с британскими интересами, допустить пребывание английских войск для охраны имперских путей сообщения и т. п.

Известие об этих условиях вызвало новый взрыв возмущения, вылившийся в уличные демонстрации и уличные беспорядки, к-рые, как и прежде, были подавлены с большой свирепостью. Заглул и его ближайшие товарищи были вторично арестованы и высланы—на этот раз на о-в Цейлон; затем были арестованы члены национальных комитетов, но движение от этого лишь разгоралось, демонстрации и забастовки еще более участились и расширились, начались индивидуальные террористические акты против английских чиновников и офицеров, забастовали туземные суды и туземные адвокаты, учащиеся учебных заведений, и Лондону пришлось пойти на дальнейшие уступки. Отказавшись от мысли требовать от Египта «союзного» договора и навязывать ему советников и пр., английское правительство 28 февраля 1922 через своего «верховного комиссара» лорда Алленби передало султану декларацию, к-рая объявила упразднение протектората и признала независимость Египта, но оставляла в полной и безусловной компетенции Англии, впредь до выработки особого соглашения, охрану имперских путей через Египет, защиту Египта от иностранного нападения и вмешательства, защиту прав иностранцев и национальных меньшинств и управление Суданом. Другими словами, Египет объявлялся «независимым» и «суверенным» государством, но англичане оставляли в нем свою армию и сохраняли свою власть над Суданом, провинцией Египта. 16 марта состоялось торжественное провозглашение этой своеобразной независимости, по случаю чего султан принял титул короля. Народ отнесся к этому дару, как к издевательству, и опять вспыхнули уличные манифестации и забастовки учащихся, на которые последовал обычный

ответ со стороны англичан в виде расстрелов демонстрантов и многочисленных арестов, сопровождавшихся тяжелыми карами. Это не мешало придворной клике и кучке англофилов формировать одно министерство за другим и сочинять конституцию самого реакционного характера. Она была подписана 19 апреля 1923, после чего англичане нашли возможным отпустить Заглулу на родину. В январе следующего года состоялись первые выборы в новый парламент, и заглулисты получили 176 (на самом деле 202) мандатов из общего числа 214.

Окончание империалистской войны, в течение к-рой Индия поставила свыше миллиона солдат, снабжала британскую армию, в ущерб себе самой, продовольственными продуктами в обмен за обещанные конституционные реформы и нажила новый государственный долг в размере свыше 150 млн. ф. ст., требовавший для своего погашения новых налогов, развязало среди индийских народных масс национально-революционное движение. Старая национальная партия уже на съезде в декабре 1918 признала обещанные англ. правительством реформы недостаточными и, исходя из союзнических лозунгов во время войны, прокламировала право Индии на самоопределение. Сигналом к революц. движению послужило опубликование и одобрение вице-королем выработанных т. н. комиссией Раулетта мер борьбы против крамолы, сводившихся к предоставлению правительству права объявлять неспокойные местности на чрезвычайном положении, при чем в таких случаях провинциальные губернаторы получали право интернирования в административном порядке, и упразднялись суды присяжных. Вся Индия, а в особенности провинция Пенджаб, пришла в сильнейшее волнение от такого неожиданного «подарка», и в различных местах произошли серьезные беспорядки, сопровождавшиеся закрытием базаров, манифестациями, нападениями на казенные здания и кровопролитными столкновениями с полицией и войсками. Особенно отличился англ. власти в Амритсаре, где против огромной, но совершенно безоружной, толпы демонстрантов были выведены войска, к-рые закрыли все выходы с площади и стали залпами расстреливать толпу. В результате экзекуции оказалось около 500 убитых и до полутора тысячи раненых, согласно официальному донесению. Герой этой кровавой бани генерал Дайер был лишь отозван из Индии и в дальнейшем удостоился похвальной отсылки со стороны палаты лордов, осудившей это «наказание», как «несправедливое». Когда в декабре обещанные конституционные реформы (Монтегю и Челмсфорда—так названные по имени их авторов, статс-секретаря по делам Индии и вице-короля Индии) стали, наконец, законом, то возмущение еще больше усилилось. Движение приняло еще более широкие размеры, благодаря присоединению к нему фабрично-заводских и транспортных рабочих, тогда впервые образовавшихся профессиональные союзы и организованно выступивших целыми районами со своими экономическими требованиями. Мусульманское население,

приведен. в сильное волнение, отчасти насилиями союзников над турками («халифатское» движение под руководством братьев Мохамед Али и Шаукат Али), отчасти систематическим потворством крупным мусульманским помещикам, на которых англичане делали ставку против их крестьян, также приняло участие в движении. У мусульман революционное движение переплелось, таким образом, с крестьянским, достигшим кульминационного пункта в восстании 1921 в Малабарском округе (восстание «моплавов», местных крестьян), которое было подавлено с большим трудом и беспримерной жестокостью. Среди индусов, наоборот, национальное движение переплеталось с забастовочным движением рабочих. Однако, руководство и в том и в другом случае принадлежало буржуазным деятелям — среди мусульман упомянутым двум братьям, а среди индусов — б. адвокату, а впоследствии религиозному реформатору и моралисту *Ганди* (см.), провозгласившему лозунг мирного движения было слишком могуче, чтобы удержаться в этих мирных рамках. Оно продолжалось, не взирая на проповедь Ганди, который, когда англичане окончательно убедились в бесплодности его мирных усилий, был сам арестован (март 1922).

К этому времени хозяйственная конъюнктура, чрезвычайно неблагоприятная с 1920 года, стала, благодаря хорошему урожаю, поправляться. Одновременно мелкобуржуазные националисты, которые раньше не прочь были использовать рабочие и крестьянские выступления, как средство устрашения англичан, теперь сами испугались этих выступлений, а крупная буржуазия, заинтересованная в текстильной и железодельательной индустриях, получила от англичан большую взятку в виде охранительного тарифа и экспортных премий. — Все это, вместе взятое, к концу 1923 года значительно ослабило движение, руководство которым перешло к партии «свараджистов», пытающихся добиться самоуправления (о полном отделении от Англии нет уже речи) путем старого ирландского оружия — использования парламентского аппарата в целях обструкции. Национальное движение, таким образом, уходит с улицы и переносится в стены «законодательных» учреждений — палат, созданных законом 1919 года как в центре, при вице-короле, так и в провинциях, при местных губернаторах. Палаты эти, частью выборные на очень ограниченной основе, частью назначенные, были облечены правом обсуждать и проводить законы и бюджеты в областях, не подлежащих исключительному ведению исполнительной, т. е. английской, власти, при сохранении за последней права вето, задержания или, напротив, законодательства вопреки воле палат даже в областях, им отведенных. В эти-то иллюзорные законодательные учре-

ждения, не имеющие даже возможности саботировать волю исполнительной, т. е. английской, власти отказом ей в кредитах или налогах, свараджисты, бойкотировавшие первые выборы 1920 года, постановили в конце 1923 года идти в расчете, что им удастся парализовать их работу изнутри. На новых выборах свараджисты получили почти половину мест в центральном законодательном собрании и большинство мест в некоторых провинциальных палатах. Англичане, как показано будет ниже, от этого не очень пострадали.

Война потрясла Британскую империю также и в ее самоуправляющихся частях. Особенно сильно сказалось это потрясение в Южной Африке, где националистская партия под руководством ген. *Герцога* (см.) в начале 1919 постановила внести в парламент предложение об обращении к мирной конференции в Париже с требованием независимости для Южно-Африканского Союза, а когда это предложение было отвергнуто, послала депутацию с Герцогом во главе в Париж требовать у Ллойд Джорджа независимости хотя бы для двух старых бурских республик. Конечно, требование это было отвергнуто, но с тех пор националистская партия становится в Южной Африке все растущей силой: на выборах 1920 года она получила 44 мандата, выиграв 17 новых мест, в то время как южно-африканская партия Сматса, сторонника союза с Британской империей, получила всего 41 мандат, на 12 меньше против прежнего. Фактически последняя оказалась в состоянии оставаться у власти, лишь благодаря поддержке, а затем слиянию с англ. партией юнионистов.

В формах не столь ярких, но, по существу, одинаково серьезных, те же центробежные стремления обнаружались и в других доминионах, в особенности в Канаде, где премьер-министром Кингом выдвинута была доктрина о равноправии доминионов с Англией под общей королевской короной. Доминионы заставили Англию согласиться на их отдельное представительство на мирной конференции в Париже; Англия также, прежде чем ратифицировать мирный договор с Германией, должна была согласиться на утверждение его парламентом каждого из доминионов. Далее доминионы отказались признать за Англией право представлять их в Лиге Наций и потребовали себе отдельного представительства не только на общих собраниях, но даже, в случае вакансии и буде они пожелают, в Совете ее, на равных основаниях со второстепенными державами. Наконец, доминионы потребовали себе права отдельного дипломатического представительства за границей, и Ирландия и Канада вскоре использовали его для учреждения своих особых миссий в Вашингтоне. Чрезвычайно ярко проявилась эта тенденция к самостоятельности в 1922 году, когда доминионы отказались участвовать в замышлявшемся Ллойд Джорджем походе против Турции: он вынужден был отказаться от него и отчасти по этой причине вышел в отставку. На имперской конференции 1923 года доминионы получили право заключать с иностранными державами

самостоятельные договоры второстепенного характера, при чем было установлено, что доминионы только тогда должны будут брать на себя обязательства по договорам, заключенным Англией, когда они примут участие в переговорах и сами одобряют эти договоры. Так. обр., если Англии и удалось в эти критические годы отразить напор национально-революционных сил в некоторых частях своей империи, то только ценой значительных уступок в разных направлениях, составивших в совокупности огромный сдвиг с той несокрушимой позиции, которую она до тех пор занимала как метрополия.

Это внутреннее ослабление не помешало ей, однако, развить в послевоенные годы чрезвычайную активность в своей внешней политике—активность, которая, впрочем, далеко не всегда была удачна и, в общем и целом, благодаря именно указанному ослаблению Англии, не оправдала себя. Особенно это справедливо в отношении политики Англии на Востоке, где она, не довольствуясь богатой добычей, доставшейся ей в результате разгрома Германии и Турции («мандаты» на Месопотамию и Палестину) и используя отсутствие охваченной огнем революции и гражданской войны России, принялась тотчас же «округлять» свои новые владения, стараясь закрепить за собой Афганистан, Персию, обещанную Франции Сирию и «международный» Константинополь. Но Афганистан очень быстро освободился от английской опеки. Покорный воле англичан эмир Хабибула хан, находившийся на содержании Англии, был в феврале 1919 свергнут и убит, а занявший престол молодой Амманула провозгласил независимость своего государства и отправил делегацию в Москву. Англичане объявили дерзкому мятежнику войну, бомбардировали с воздуха Кабул, но уже через два с половиной месяца должны были согласиться заключить мир, так как пограничные племена стали угрожать Индии. 8 августа, по мирному договору в Равальпинди, англичане должны были признать независимость Афганистана, т. е. отказаться от контроля его внешней политики и вмешательства в его внутренние дела, отомстив за это запрещением провоза в Афганистан оружия через индийскую территорию. В Персии, которую англичане успели после Октябрьской Революции захватить в свои руки, их постигла такая же неудача. В августе 1919 они угрозами и подкупом заставили правительство и шаха подписать договор, которым, в обмен на заем в два млн. ф. стерлингов, Персия обязалась принять английских финансовых советников и военных инструкторов и предоставить Англии ряд концессий и торговых льгот. Но уже в мае следующего года советский флот под командой тов. Раскольникова бомбардировал и занял порт Энзели и, сделав высадку, вытеснил англичан с прибрежной полосы. В ноябре 1920 приехала в Москву персидская делегация, которая заключила с Советской Россией договор. В начале 1921 года персидское правительство, а затем и парламент аннулировали договор с Англией, и англичане, после неудачной попытки восстановить свое преже-

нее положение путем государств. переворота, вынуждены были убрать своих советников и инструкторов и увести свои войска.

В пределах б. Турции Англии также не удалось добиться успехов. Антифранцузская агитация Англии в Сирии повела, правда, к восстаниям, но французы справились с ними, и Сирия осталась за Францией. В отместку Франция не дала англичанам захватить Константинополь и сблизилась с революционным правительством Мустафы Кемала, с которым заключила в октябре 1921 сепаратный договор дружбы. Англичане, в ответ на это, натравили на Турцию греков. Но молодая Турция, поддерживаемая Советской Россией, с которой она заключила договор еще в марте 1921, разбила наголову греков, а попытка Ллойд Джорджа оказать последним помощь сорвалась из-за противодействия доминионов. Англичане вынуждены были согласиться на пересмотр Севрского договора, и, по новому договору, заключенному после восьмимесячных переговоров в Лозанне в июле 1923, Турция получила обратно не только Константинополь, но и вост. Фракию, не говоря уже об Анатолии. Только вопрос о принадлежности нефтеносного моссульского района, который был переуступлен Англией французами в виде компенсации за английскую поддержку на Рейне, остался открытым и был разрешен лишь в 1926 в пользу Англии. Кроме того, Турции пришлось согласиться на открытие проливов и на демилитаризацию прилегающих зон. Т. о., за исключением Моссула, Англия нигде не смогла удержать захваченную добычу, так как для этого требовались новые военные усилия, к которым не были расположены ни метрополия ни доминионы и для которых не имелось даже достаточно финансовых средств.

Чрезвычайно ярко эта слабость обнаружилась и в «русском вопросе». Англия первая из союзнических держав подняла знамя интервенции. Она первая выдвинула вопрос о японском десанте и политически организовала вмешательство Японии, она же первая высадила войска на территории Советской России. Но она же первая обнаружила признаки усталости. Уже в январе 1919 года она стала предлагать привлечь Советское правительство на Парижскую мирную конференцию, а когда Франция ответила решительным отказом, не соглашаясь признать Советское правительство законным представителем России, то Ллойд Джордж провел предложение, чтобы представители Советского правительства и белых «правительств» съехались где-нибудь в другом месте и, столкнувшись между собой, все же приняли участие в мирной конференции. Результатом этого было приглашение Советской России на конференцию на Принцевых Островах. Англия также долго медлила с признанием Колчака и оказанием ему помощи и решила на это только тогда, когда обнаружилось, что ее собственные солдаты отказались принимать дальнейшее участие в действиях против Советской республики. Разгром белых армий заставил Англию первой сделать соответствующие выводы: она не только

увела свои войска с советской территории, но уже в августе 1919 стала предлагать Франции прекратить интервенцию, и в декабре добилась этого. Взамен, правда, было решено усилить блокаду, но уже 2 января 1920 года Эстония, поощряемая к тому Ллойд Джорджем, подписала с Советской республикой предварительные условия мира. Две недели спустя, союзники, учитывая этот поворот в политике Англии, приняла постановление о возобновлении торговых сношений с Советской Россией. Англия первая провела это постановление в жизнь. Сперва в Копенгагене, а затем в Лондоне, куда были приглашены советские представители, начались переговоры, завершившиеся подписанием торгового соглашения в марте 1921 года. В основе всей этой капитуляции Англии лежало сознание собственной слабости, усугубленное возмущением народных масс и особенно солдат, отказывавшихся идти в новый поход, напряженным состоянием финансов, при этом даже субсидирование белогвардейских армий, поглотившее уже сто миллионов ф. ст., являлось чувствительным бременем, и, наконец, тяжелым хозяйственным кризисом конца 1920 года, толкавшим к восстановлению русского рынка. Не у всех английских государственных людей сознание необходимости завязать сношения с Советской республикой было одинаково сильно: реакционеры типа Черчилля и Керзона готовы были продолжать борьбу с Советской Россией до полного истощения и своим упорством поддерживали Францию в ее непримиримой позиции. В августе 1920 года они временно даже взяли верх, убедив Ллойд Джорджа в необходимости стать на защиту Польши, хотя бы путем возобновления блокады, но единодушное выступление рабочей массы, поднятой на ноги в три дня по инициативе молодой компартии и пригрозившей всеобщей забастовкой (знаменитый «Совет действия»), еще раз доказало Ллойд Джорджу и примыкавшим к нему кругам правильность их позиции. В янв. 1922 Ллойд Джордж заставил союзников на совещании в Каннах пойти даже на созыв международной конференции с целью окончательно урегулировать русский вопрос.

В результате была созвана конференция в Генуе (см. *Генуэзская конференция*), а затем в Гааге, которые, однако, были сорваны нефтяниками. Лишь значительно позже, при первом правительстве Болдуина, в мае 1923 года, лорд Керзон вновь сделал попытку вернуться к интервенционистской тактике, послав Советской республике грозный ультиматум с требованием прекращения антибританской пропаганды на Востоке и отозвания советских полпредов из Персии и Афганистана. Одновременно с этим он потребовал освобождения арестованных в советских водах английских тральщиков и уплаты компенсации как за этот «дерзкий» акт, так и за не менее дерзкий арест и расстрел двух английских шпионов. В целях сохранения мира Советское правительство эти последние требования выполнило, решительно отвергнув первое требование, и Керзону пришлось взять свой ультиматум

обратно, так как собственных сил для войны с Советской Россией не хватало, а другие державы его не поддержали. Вся политика Англии в отношении Советской республики была совершенно неудачна: единственным ее плюсом—и то скорее в отношении Франции, стоявшей на позиции «единой и неделимой» России, чем в отношении Советской власти, добровольно отказавшейся от этой позиции—было то, что Англии удалось ускорить международно-правовое закрепление независимости окраинных государств,—конечно, не столько в их интересах, сколько в интересах собственных, требовавших отстранения Советской России от моря.

Более удачна была европейская политика Англии—в частности, ее политика в отношении Франции, которая после войны оказалась в положении самой сильной сухопутной державы и системой своих договоров с Бельгией, государствами—наследниками габсбургской монархии и Польшей создала себе почти гегемонию на континенте. На Востоке и по «русскому» вопросу Англия, как выше указывалось, приходила неоднократно в столкновение с Францией, в общем и целом одолевая ее. В частности, вопреки первоначальному соглашению, Англия захватила Палестину и заставила Францию уступить ей «права» на Моссул. Сложнее было положение в Европе: здесь интересы Англии подсказывали ей, с одной стороны, политику противодействия французским стремлениям окончательно обессилить и раздробить Германию; с другой стороны, боязнь перед Германией и опасение остаться изолированной, если Франция станет на путь примирения с Германией, заставляли ее не отходить слишком далеко от своей бывшей союзницы и даже взять на себя в 1919 году гарантию ее границ против Германии. В этом случае, как и в русском вопросе, боролись между собой две тенденции, и наряду с уступками Франции наблюдается и политика противодействия ей. На мирной конференции в Париже Англии пришлось пойти далеко навстречу Франции, хотя Ллойд Джордж отлично сознавал, что этим путем создается для Англии чрезвычайно невыгодное положение на континенте: он должен был уступать, потому что был связан недавними своими лозунгами на выборах и имел против себя консерваторов, шедших рука-об-руку с Францией против Германии. В дальнейшем, однако, как он сам, так и его преемники оказывали Франции упорное сопротивление по вопросу о репарациях, который она стремилась использовать как средство довести Германию до полного истощения и заставить ее отдать свое хозяйство под французский контроль. На многочисленных совещаниях и конференциях Англия отстаивала более скромные—хотя по существу тоже огромные—цифры германских платежей и обязательств и не стеснялась прибегать к таким мерам, как финансовый нажим через банки и предъявление счетов по военным долгам, с целью остановить зарвавшуюся союзницу. В конце-концов, между Англией и Францией дело едва не дошло

до открытого разрыва, после того как Англия приняла цифру в $2\frac{1}{2}$ миллиарда ф. ст., предложенную самой Германией, как общую сумму ее репарационных обязательств. Тогда в начале 1923 Франция заняла Рур.

Англия, к-рая до тех пор считала нужным содействовать Франции, какие бы территории она ни оккупировала, на этот раз не только отказалась поддержать ее, но устами Керзона публично выступила против нее. Однако, от дальнейших действий она воздержалась: она нашла более целесообразным поощрять Германию к пассивному сопротивлению, не делая со своей стороны ничего, чтобы остановить Францию. Ее расчет оправдался: Франция не справилась со своей задачей, расходы ее по оккупации далеко превысили доход от захваченных предприятий, франц. финансы пришли в сильное расстройство, между тем как инсценировка сепаратистского движения в Рейнском угольном бассейне тоже не удалась. В конце того же года Франция должна была принять добрые услуги американских экспертов по выяснению платежеспособности Германии и установлению максимальной реальной цифры ее платежей. Англия в этом деле чрезвычайно удачно сманиеврировала, дав разориться своей сопернице и формально оставшись в стороне. Между тем, за ее невмешательство Франции пришлось ей уплатить уступками на Востоке и поддержкой в Лозанне английских интересов против советанных, к-рые в значительной степени совпадали с турецкими. Не менее удачна была политика Англии в отношении Соед. Шт. Сев. Ам., оказавшихся в результате войны кредиторами всего мира (включая самую Англию), обладателями больше чем половины всего мирового запаса золота, и самой могущественной промышленной страной, доведшей свою продукцию до гигантских размеров. Но им недоставало политического опыта и торговых и финансовых связей, какие были у Англии; эти недостатки последняя использовала для того, чтобы не дать Соед. Шт. Сев. Ам. превратиться в своего соперника, а сделать их своим сотрудником.

На мирной конференции Англия в союзе с Францией так же ловко склонила президента Вильсона к подписанию Версальского мира, не имевшего ничего общего с его известными 14 пунктами, как она в свое время, в союзе с банкирами, втянула его в войну. Последовавший отказ американского сената от утверждения Версальского мира и от дальнейш. вмешательства в европейские дела, хотя и подкашивался, в первую очередь, реальными интересами Соед. Штатов, все же произошел не без содействия англ. дипломатии, которая в этих делах предпочитала не иметь над собой моральной опеки Америки. Основным правилом тактики Англии в отношении ее заатлантического кузена отныне становится: держать его подальше от Европы, самой стать его посредником и советником, не пробуждать в нем подозрений или опасений, а блокироваться с ним, где только это будет возможно и полезно, дабы не дать использовать его другим—в частности Франции. Эту программу Англия целиком выполнила, не скупясь ни

на какие жертвы. Она пошла в 1921 на Вашингтонскую конференцию, согласилась на уравнивание силы американ. флота в отношении капиталов. судов со своим собственным, расторгла союз с Японией и удачно скомпрометировала Францию, выдвинув вопрос об ограничении также и вспомогательного флота, подводного и воздушного. А в 1923 году она пошла на еще более тяжелую жертву, заключив с Америкой соглашение об уплате сполна своего долга (ок. 940 млн. ф. ст.) в течение 62 лет. Условия, на которые Англия согласилась, были гораздо тяжелее тех, к-рые впоследствии получили у Америки др. государства, но она восстановила этой мерой не только свой фунт, но и свой политический и финансовый престиж во всем мире, и, в частности, в Америке. Англия могла отныне, как равная с равной, сотрудничать с Америкой в европейских делах, представляя ей в распоряжение свой опыт и свои связи и стараясь использовать их для соответствующего направления американской политики. С помощью Америки она расстроила французский франк и заставила Францию отказаться от оккупации Рура и согласиться на обследование репарационного вопроса американскими экспертами под председательством Дауеса.

1924.—Ставший у власти (24 января 1924) кабинет Рабочей партии во главе с Макдональдом, в общем и целом, продолжал как внутреннюю, так и внешнюю политику своих консервативных предшественников. Еще 8 января, когда результаты выборов уже были налицо, Макдональд в публичной речи заявил, что, в случае образования им кабинета, «ни одному капиталисту незачем будет бежать со своими капиталами за границу, т. к. он не станет заниматься никакими опасными экспериментами». Это означало, что в своей деятельности новый кабинет не намеревался идти дальше того, что ему разрешат делать либералы, от голосов которых он зависел. Поэтому самыми смелыми мерами, на к-рые решилось правительство в течение десяти месяцев своего существования, были снижение акцизов на чай, сахар, кофе и нек-рые другие предметы англ. «завтрака», отказ от протекционистских и в общем весьма незначительных пошлин Маккена и приостановка дальнейшего сооружения морской базы в Сингапуре—три «реформы», к-рые давно требовались и теперь получили полное одобрение либералов. О давно обещанном обложении капитала в бюджете не было и упоминания, и, когда рабочая фракция внесла предложение национализировать угольные копи, само правительство выступило против предложения и провалило его. Зато им были добросовестно увеличены военный, военно-морской и воздушный бюджеты (на $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$ млн. фунт. ст. соответственно), по сравнению с бюджетами предыдущих лет, и под видом помощи безработным были заказаны новые пять крейсеров и два истребителя. Кроме этой «пацифистской» помощи безработным, кабинет, члены к-рого, находясь в оппозиции, в течение двух десятков лет давали всем буржуазным правительствам бой по вопросу о безработице, обещая с своей стороны самые

решительные меры борьбы с ней, ровно ничего не сделал. Рабочее правительство также ничего практического не сделало в области жилищного строительства, к-рое тоже неизменно фигурировало на первом месте в избират. программах Рабочей партии, кроме возвещения широких планов на будущее.

Не только безработица, но и конфликты в промышленности за время рабочего правительства Макдональда нисколько не уменьшились: число безработных, упавшее было в первое полугодие до миллиона с лишним, во второе полугодие опять превысило миллион с четвертью, а число конфликтов увеличилось с 540 при 373 тыс. участников в первые десять месяцев предыдущего года до 581 при 587 тысячах участников за тот же период 1924. При этом обращение с бастующими рабочими было такое же, как и при консервативных кабинетах: правительство не только не отстаивало требований рабочих, поручая нередко посредничество между ними и хозяевами заправским буржуазным чиновникам и юристам, но, когда в самом же начале его пребывания у власти разразилась стачка докеров, Макдональд сообщил во всеуслышание, что правительство примет все меры к обеспечению снабжения населения необходимыми предметами потребления и приготовило уже кадр штрейкбрехеров. А когда немного спустя в Лондоне разразилась забастовка трамвайных служащих, то правительство уже имело наготове указ о введении чрезвычайного положения на основании закона 1920, но от применения его было удержано вмешательством Генерального совета профсоюзов. В области имперской политики рабоч. правительство также шло по стопам консерваторов. Еще в январе 1924, накануне принятия «власти», Макдональд при всеобщем одобрении телеграфировал в Индию, что она «не добьется ничего, если превратится в арену борьбы между конституционализмом и революцией», ибо «ни одна партия в Англии не поддастся угрозам насилия».

Залогом того, что новое правительство ничего не предпримет для освобождения Индии от английского владычества или хотя бы для дарования ей самоуправления, могло служить уже то обстоятельство, что портфель статс-секретаря по делам Индии был поручен лорду Оливиеру (Olivier), известному фабианцу — империалисту, бывш. губернатору Ямайки, и что в кабинет был введен с портфелем морского министра лорд Челмсфорд, соавтор конституции 1919, который для этого случая превратился в члена Рабочей партии. Действительно, единственным «либеральным» актом рабочего правительства в отношении Индии было освобождение из тюрьмы Ганди. Волнения в разных частях Индии продолжались и подавлялись в обычном порядке, а в Бенгалии был издан специальный декрет об интернировании подозрительных лиц без суда; когда же сваражисты, поддерживавшие, несмотря на свою бойкотистскую тактику, правительственный закон о покровительственном тарифе для хлопчатобумажной промышленности, отвергли внесенный правительством бюджет, и вице-

король в силу «конституции» все же утвердил его и распорядился об его исполнении, то рабочий кабинет оставил без внимания протесты националистов. В делах египетских правительство Макдональда следовало по тому же пути. В конце января 1924 египетский король, в виду полной выборной победы заглулистов, предложил вождю их сформировать кабинет. Хотя принятие такого приглашения означало признание положения, созданного декларацией 28 февр. 1922, Заглул тем не менее согласился на предложение короля, мотивируя в публичной речи свой шаг наличием в Англии рабочего правительства, с к-рым он надеялся договориться по спорным вопросам. На это Макдональд поспешил ответить в палате, при открытии ее, что в отношении Египта он будет придерживаться программы своего предшественника. В июне месяце египетская палата вычеркнула из расходного бюджета сумму, предназначавшуюся на содержание оккупационной армии. В ответ на это Макдональд заявил в парламенте, что по всем «резервированным» вопросам, перечисленным в декларации, позиция его кабинета останется без изменения, а в палате лордов его коллега лорд Пармур, бывший консерватор, перешедший в рабочий лагерь из сочувствия макдональдовскому пацифизму, прибавил еще специально по вопросу о Судане, что Англия никогда оттуда не уйдет, ибо она морально ответственна за состояние его (на деле потому, что одна могущественная английская компания, в которой заинтересовано было множество знатных особ, включая Асквита, незадолго до этого получила огромную концессию на эксплуатацию Судана).

Понятно, что когда Заглул приехал в Лондон «договариваться», то из этого ничего не вышло. Макдональд отказал ему во всех его требованиях, включая передачу охраны Суэцкого канала Лиге Наций, и со своей стороны предъявил требование заключить с Англией «союз» по образцу Иракского и признания старого оттоманского долга, по которому Египет был вынужден в прошлом платить, как оттоманская провинция. Одновременно Макдональдом вырабатывался с прибывшим наместником Египта Алленби план упразднения старого англо-египетского кондоминиума (1899) в Судане и военной организации его одними англичанами, в виду явного нежелания Египта признать там особые права англичан и ограничиться лишь номинальным титулом сосозерена. Между тем и в Судане вспыхнуло национально-революцион. движение, охватившее даже расположенные там египетские и туземные войска; английские вооруженные силы стали подавлять его, с санкции рабочего и пацифистского правительства, со всей строгостью военного времени.

С одинаковой суровостью подавлялись, при помощи аэропланов и других средств, оппозиционные выступления в Ираке местных национальных организаций против созыва, под английской эгидой, учредительного собрания. Последнее, однако, благополучно открылось в марте и в июне проголосовало «союзный» договор с Англией,

устанавливавший над страной англ. протекторат. Об аналогич. «союзном» договоре рабоче правительстве, в лице министра колоний Томаса, вело переговоры и с «королем» Геджаса, Гуссейном, ставленником англичан, получавшим от них содержание и принявшим, по их совету, сан халифа. Однако, из этих переговоров ничего не вышло, т. к. Гуссейну захотелось включить в свои владения и Палестину. Англичане отомстили ему за это, прекратив выдачу ему субсидии, и стали оказывать покровительство его сопернику, ваххабитскому королю Ибн-Сауду. Гуссейн вынужден был бежать, отрекшись от престола в пользу своего сына, к-рый, однако, также был вскоре изгнан Ибн-Саудом, овладевшим Меккой и Мединой. Т. о., правительство Макдональда продолжало повсюду вести ту же империалистическую политику, которую вели его предшественники, но Макдональд успел кое-что добавить и от себя: он порвал сношения с Мексикой за то, что правительство ее потребовало отозвания англ. представителя, вмешавшегося в ее внутренние дела.

Лишь в ирландских делах Макдональд позволил себе сделать раз или два отступление: он провел амнистию для де Валеры и получил от парламента разрешение назначить в комиссию по проведению границы между северной и южной Ирландией правительственного комиссара, в виду отказа правительства сев. Ирландии признать комиссию и назначить в нее своего представителя. В обоих случаях Макдональд пользовался поддержкой либералов. С их же поддержкой он провел и свою главную меру в области внешней политики — признание Советского Союза. Эта мера занимала видное место в избирательных программах не только Рабочей, но и либеральной партий, и при царившем в рабочих массах настроении по вопросу об отношении к советским республикам можно было ожидать, что признание СССР будет первым актом рабочего правительства. Однако, Макдональд не сразу решился его сделать. Враг коммунизма, враг российской революции, больше всего дороживший в период пребывания у власти добрым мнением своих чиновников иностранного ведомства и благоволением т. н. общественного мнения, выражаемого влиятельными газетами вроде «Таймса», он всячески искал повода отложить неприятное решение, пока не был вынужден к признанию СССР негодованием масс, вылившимся в форму противоправительственной демонстрации на Трафальгар-сквере.

1/II, ровно через 8 дней после образования кабинета, Макдональд, наконец, послал Советскому правительству ноту о признании, оговорив, однако, что отношения будут лишь на половину нормальные. Это означало, что будут назначены не послы, а лишь поверенные в делах, до тех пор, пока Советское правительство не урегулирует вопроса о долгах и претензиях английских капиталистов. Чтобы еще точнее выразить свое отношение к СССР, Макдональд впоследствии в публичной речи заявил, что он будет зорко следить за тем, чтобы большевики не занимались пропагандой в Англии,

ибо он хорошо знаком с их «обезьяньими фокусами». За свое поведение Макдональд удостоился больших похвал со стороны консервативных газет. Переговоры, которые пришлось вести по вопросу о долгах, были чрезвычайно длительны и трудны, так как английская сторона упорно отстаивала интересы держателей русских бумаг; в начале августа переговоры совсем зашли в тупик, и были объявлены английской стороной прерванными; но в последнюю минуту опять вмешались некие, более чуткие к настроению рабочих масс, лидеры, и переговоры были возобновлены. 6 августа переговоры были закончены, после чего, через два дня, договоры были подписаны и внесены в палату на срок в 21 день для «ознакомления» и последующей ратификации. Консерваторы очень сурово отнеслись к договорам, и даже либералы возражали против принятого правительством обязательства гарантировать Советской республике заем в Сити, если удастся заключить его. Однако, ни консерваторы ни либералы (в особенности последние) не осмелились бы провалить их при прямом голосовании; таково же было отношение обеих партий к другому крупному вопросу внешней политики. Иностранная политика Макдональда, в общем и целом, не возбуждала в них недоверия. Совершенно в духе консервативной программы Макдональд тотчас же по вступлении в должность обменялся дружескими письмами с Пуанкаре, а когда последний пал и французским премьером стал радикал Эррио, он пригласил его к себе на дачу и согласовал с ним вопрос о проведении плана Дауеса. Это не стоило Макдональду большого труда, т. к. уже Пуанкаре дал свое согласие на принятие этого плана и на эвакуацию Рура. Но он добился у Эррио большего, а именно согласия на созыв для детализации этого плана международной конференции при участии, в качестве «полноправных» членов ее, германских представителей: этим имелось в виду показать, что план Дауеса не будет навязан Германии насильно, а что она сама, по доброй воле, пойдет в кабалу. В июле—августе состоялась в Лондоне конференция, к-рая окончилась благополучно принятием Германией выработанных «совместно» с ней условий. Макдональд, принимавший активное участие в работах конференции и бывший духовным отцом ее, чрезвычайно гордился своей ролью «миротворца», не сознавая всей низости навязанной германскому народу системы «мира».

Но весьма неблагоприятное настроение, в особенности в консервативных кругах, было вызвано др. успехом Макдональда: согласованием с Эррио и проведением на сессии Лиги Наций так наз. протокола об обязательном арбитраже во всех тех спорах между государствами, которых последние не в состоянии разрешить обычным дипломатическим путем. Этот протокол должен был заменить отвергнутый Макдональдом и фигурировавший раньше в Лиге Наций проект об обязательном оказании военной помощи подвергшейся нападению стороне, как меру, узаконяющую войну. Но если этот проект неудобен был даже английским буржуазным

партиям, не имевшим никакого желания брать на себя обязательство воевать в чьи-либо интересах, кроме собственных («Британской империи»), то и предложенный Макдональдом пацифистский протокол совершенно не был в духе традиций британской внешней политики, построенной на насилии. Но и тут прямое голосование против Макдональда было бы весьма неудобно, так как вызвало бы обвинения в сопротивлении мирному улажению международных споров.

Буржуазные партии очутились в таком положении, при котором рабочее правительство могло бы связать их на будущее время по этому вопросу совершенно неприемлемыми для них решениями. Поэтому нужно было найти какой-нибудь повод, чтобы сбросить его. Такой повод подвернулся или, скорее, был создан по делу Кембела, редактора коммунистического еженедельника, помещившего статьи с «мятежным» воззванием к солдатам. Поддавшись подстрекательству консерваторов в палате, правительство начало против Кембела судебное преследование, но затем приостановило его, уступив давлению антимилиитаристов из собственной среды. За такое потворство коммунистической крамоле консерваторы внесли вотум недоверия правительству, либералы же предложили назначить парламентскую комиссию для расследования обстоятельств дела. Макдональд мог, приняв предложение либералов, отпарировать атаку консерваторов, на чем настаивали некоторые его коллеги. Но потому ли, что Макдональд даже либеральное предложение счел за обиду себе, центральной фигуре европейской политики, или потому, что он сам сомневался в правильности действий своего генерал-прокурора сэра Патрика Гейстингса, он решил принять бой даже на почве предложения либералов. Но консерваторы ловким маневром взяли обратно свое собственное предложение, присоединившись к либеральному, и Макдональд при голосовании оказался в меньшинстве.

Так бесславно окончил свои дни первое «рабочее» правительство, состоявшее, если считать кабинет в собственном смысле, из семи рабочих (профсоюзных вождей), восьми буржуазных, отчасти даже аристократических деятелей, пришедших лишь недавно в партию, и шести социалистических интеллигентов школы Кир Гарди, возглавляемых самим Макдональдом, вульгарным оппортунистом, мастером банальности, по существу невежественным человеком, но с большим апломбом, которому хитрые чиновники, светские дамы и ловкие дельцы-политиканы сумели так вскружить голову, что он стал слепым орудием в их руках. При таком составе «рабочего» кабинета и при таких моральных и политических данных самого вождя, неудивительно, что правительство Макдональда в состоянии было лишь продолжить реакционную политику своих предшественников и предавало интересы рабочего класса и подчиненных британской власти народов. Что при этом большинство министров из рабочих и социалистов легко принимало угощение и подарки из рук богатых друзей и патронов, что

сам Макдональд не отказался от преподнесенных ему одним восторженным фабрикантом автомобиля и 30.000 ф. ст. на его «содержание», что как он, так и другие члены правительства обзавелись за счет своих поклонников роскошно обставленными домами, дачными коттеджами и доходными промышленными акциями, которыми они спекулируют с величайшей выгодой на бирже, руководствуясь советами тех же добрых людей, что они получают колоссальные гонорары за свои статьи в буржуазных газетах и принимают за счет своих «друзей» интересные путешествия об Сахаре, на Вест-Индские острова, в Америку и т. д.—все это лишь дополнительно объясняет, почему этот кабинет и отдельные его члены оказались столь яростными противниками коммунизма и коммунистической партии и заставили съезд Рабочей партии (в октябре 1924) провести резолюцию об отказе в приеме коммунистической партии в Рабочую партию, о запрещении выдвигать коммунистов в качестве кандидатов в парламент или органы местного самоуправления и о недопущении в партию даже отдельных коммунистов. Можно сказать, что в этот десятимесячный период нахождения рабочих вождей у власти продажность и реакционность их выявились с яркостью, небывалой даже в летописях и без того не особенно чистого и прогрессивного руководства английским рабочим движением. Только политическая незрелость самого рабочего класса, при наличии лишь начинающей свою историческую карьеру коммунистической партии, спасла Рабочую партию от возмущения масс и даже привлекла в ее стан новые, до тех пор аполитичные или следовавшие за буржуазными партиями, слои населения—в значительной степени мелкобуржуазные, для к-рых факт пребывания Рабочей партии у власти явился как бы легитимацией ее и свидетельством достаточной ее респектабельности.

Едва ли не самый позорный акт этого правительства, или, вернее, главы его, обнаружился лишь во время начавшейся избирательной кампании, в отношении Макдональда к нашумевшему «письму Зиновьева». Этот документ, носивший явные признаки грубейшей фальсификации, предназначался первоначально для опубликования только в газетах накануне дня выборов в целях воздействия на избирателей в момент, когда для опровержений и разоблачений обмана не оставалось бы времени. Но письмо это было передано в министерство иностранных дел и переслано служливыми чиновниками Макдональду, как министру иностранных дел, в Манчестер, где он тогда находился в связи с избирательной кампанией. Каково было содержание сопроводившего этот документ письма начальника «северного» отдела (которому подведомственны и русские дела)—Грегору (с тех пор скомпрометировавшего себя в одном грязном валютно-спекулятивном деле и отстраненного от должности), осталось неизвестным, но Макдональд, вместо того, чтобы распорядиться о выяснении подлинности документа или самому заняться этим, приостановив временно дальнейшее движение

его, распорядился, не теряя ни минуты и исходя из презумпции подлинности документа, о составлении проекта грозной ноты Советскому правительству. Торопливость Макдональда явно подсказывалась желанием реабилитировать себя в глазах избирателей, в виду энергичной антисоветской кампании, развернутой консерваторами, обвинявшими его за договор с Советским правительством, решительным выступлением против последнего. Проект ноты он получил 24 октября, за пять дней до выборов, но без удостоверения подлинности документа; тем не менее Макдональд поспешил его проредактировать и послать обратно в министерство иностранных дел, откуда нота в тот же вечер была передана по телеграфу в Москву для вручения Советскому правительству за подписью даже не Макдональда, а Грегори, который не имел права подписывать подобные документы. «Письмо Зиновьева» вместе с этой нотой, опубликованные в газетах, сыграли решающую роль на выборах; консерваторы получили 419 мест против 151, доставшихся рабочей партии, и 40, полученных либералами (пять мест получили «независимые»). Но хотя Макдональд в течение пяти дней еще находился у власти, он не посмел дезавуировать и привлечь к ответственности своих подчиненных. Напротив, он публично выгородил их на основании того, что они «честно верили в подлинность документа» и знали его резко отрицательное отношение к «пропаганде». Но эта трусливость его не спасла: Рабочая партия потеряла 40 мест — благодаря отходу перепуганных обывателей в консервативный лагерь, либералы, по той же причине, потеряли целых 118 мест, а консерваторы выиграли 161 место, т. е. получили огромное абсолютное большинство, — чрезвычайно убедительное доказательство эффективности тех способов, при помощи к-рых можно в буржуазных демократиях обеспечить себе власть на ряд лет.

1925—1927.—4 ноября кабинет Макдональда вышел в отставку, а двумя днями позже был составлен второй кабинет Болдуина, в к-ром крайне-правое крыло «твердокаменных», не имевшее собственного большинства, но стоявшее за максимальное использование победы, получило сразу моральный перевес над более умеренной частью. Борьба против большевизма и коммунизма, против Советского Союза и собственного рабочего класса стала основным лозунгом кабинета, определившим всю его дальнейшую деятельность. Новый парламент еще не успел собраться, как новый министр иностранных дел Чемберлен уже послал ноту Советскому правительству от 21 ноября с извещением, что заключенные им с предыдущим правительством договоры не будут внесены в парламент на утверждение. Одновременно, в ответ на протест Советского правительства против бессовестного использования фальшивки, Чемберлен сообщил советскому полпреду, что англ. правительство считает «письмо Зиновьева» подлинным. Это были первые акты нового кабинета, к-рые открыли собой нескончаемую серию выступлений и провокаций против Советского

Союза и закончились полным разрывом сношений. В течение двух лет пресса и отдельные министры ведут открытую кампанию против СССР, возвращаясь к языку периода интервенции, а правительство в лице своего министра финансов Черчилля употребляет все усилия, чтобы закрыть Советской республике кредиты в лондонском Сити, отказываясь применить к СССР законы о финансировании экспорта, несмотря на все домогательства английских фирм.

В дипломатич. области с советскими представителями в Лондоне прекращается фактически всякое общение, и все усилия наладить его наталкиваются на холодный отказ. Зато вовне англ. дипломатия постепенно развивает энергичную работу по изоляции и окружению Советского Союза. Она внедряется в Прибалтику и отчасти Польшу, поддерживает и поощряет мысль об образовании балтийского блока, который должен совершенно отрезать СССР от Запада, ведет переговоры с Эстонией об использовании ревелевского порта и островов Даго и Эзель, как морских баз, и оказывает всяческое покровительство антисоветским течениям на Балканах, поддерживая режим Цанкова в Болгарии и удерживая Юго-Славию от сближения с СССР. Через банки англ. дипломатия оказывает повсюду, где может — в Германии, Австрии и Франции — давление на оказываемый СССР в этих странах кредит и угрожает балтийским государствам лишением доступа на лондонский рынок, в случае заключения ими гарантийных пактов с Советской республикой. На Эстонию это оказывает впечатление, и она прерывает переговоры, после чего получает заем; Финляндия поступает аналогичным образом и зато получает поддержку Англии для своей кандидатуры в Совет Лиги Наций. Майский переворот в Польше (1926) встречает в Англии самый радужный прием, после чего и литовские фашисты имеют все основания учинить у себя государственный переворот (декабрь 1926), сбросив правительство, заключившее с СССР гарантийный пакт, и выдвинув своим главным лозунгом борьбу с коммунизмом. Вероятно, и неожиданная ратификация бессарабского протокола итальянским правительством в 1927, произведенная вскоре после свидания Чемберлена с Муссолини, была внушена английской дипломатией, являясь компенсацией за согласие Англии на Тиранский договор, отдавший Албанию под протекторат Италии.

Но наиболее важным актом англ. дипломатии против СССР было заключение в октябре 1925 Локарнского пакта, рассчитанного (как открыто признавали английские министры и капиталистическая пресса), помимо иных целей, также и на то, чтобы вовлечением Германии в орбиту западных держав постепенно ослабить ее связь с Советским Союзом и заставить ее ориентироваться на сотрудничество с капиталистическими государствами против СССР. Не вина английской дипломатии, что этот маневр до сих пор не дал еще тех решающих результатов, какие она ожидала, но нет сомнения, что он не остался без последствий и что, во всяком случае, он создал солидную почву для

дальнейших антисоветских маневров со стороны западных держав. Но все эти дипломатические интриги носили завуалированный характер, перед миром же английская дипломатия продолжала носить маску холодного игнорирования и невмешательства. Только англ. пресса продолжала вести открытую кампанию против СССР, принимая все более резкий тон, и постепенно дошла до требования прекращения торговых и политических сношений с Советской республикой. Устами англ. прессы говорили старые сторонники интервенции во главе с Черчиллем и Биркенхедом, разочарованные держатели русских ценностей и концессионеры во главе с Урквартом, а громче всех — нефтяники во главе с сером Генри Детердингом, председателем «Роял Деч Шелл», которые еще осенью 1924 финансировали меньшевистское восстание на Кавказе.

Постепенно и правительство, под давлением газетной кампании и воздействия «дайхардовцев» из собственной среды, стало склоняться к открытому выступлению против СССР. В парламенте все чаще и настойчивее ставились вопросы правительству, почему оно не рвет с Советским Союзом, и все двусмысленнее и нерешительнее становились ответы Чемберлена и его заместителей. Грандиозная братская помощь, оказанная летом 1926 русскими рабочими английским во время всеобщей забастовки и забастовки горняков, дала правительству первый повод выступить открыто против Советского правительства с обвинением в предоставлении русским рабочим возможности перевести деньги в Англию. Одновременно Черчилль и его ближайший товарищ, министр внутренних дел Джойнсон Хикс, выступили в парламенте и вне его с утверждением, что эта помощь горнякам шла от самого Советского правительства, которое, т. о., нарушило торговое соглашение 1921 и тем самым дало законный повод разорвать с ним сношения. Однако, английское правительство поняло, что порвать сношения по этому вопросу было бы провокацией в отношении собственного рабочего класса, и решило подождать более удобного повода.

Развитие революции в Китае, больно ударившей по английским интересам и приписывавшейся советским «интригам», достигло к этому времени величайшего напряжения: не имея возможности прямо поставить ее в вину Советской власти, английское правительство отправило 23 февраля 1927 Советскому правительству ноту, в которой оно, приведя ряд газетных статей и речей некоторых партийных деятелей, направленных против британского империализма и англ. консервативн. кабинета, предупреждало, что продолжение подобного рода выпадов приведет к разрыву не только торгового соглашения, но и дипломатических сношений. Несовпадение между этим выводом и мотивировкой его было настолько очевидно, что о смысле ноты не могло быть двух мнений. Очевидно было также, что в сущности у английского правительства не имелось никаких данных, на основании которых оно могло бы обвинять Советское правительство в нелояльных, противоречащих торговому соглашению ак-

тах, т. е. враждебных действиях или агитации вне пределов Союза против Британской империи и ее интересов или же коммунистической пропаганде в самой Англии. С целью добыть какие-нибудь доказательства обличительного против СССР характера, Джойнсон Хикс еще в 1925 устроил налет на помещение английской компартии и забрал множество, опубликованных затем в виде «Синей книги», документов, которые, однако, не содержали ничего компрометирующего Советское правительство. В апреле 1927 такой же опыт был проделан при помощи Чжан Цзо-Лина в Пекине, где, по английскому наущению, был произведен неслыханный в истории международных отношений налет на часть советского полпредства, при чем изъятые в огромном количестве документы были немедленно переданы английским экспертам для изучения. Но и тут результаты оказались весьма скудными — никаких заговоров против Англии не оказалось.

Разочарованные, но твердо решившие довести дело до разрыва, твердокаменные заговорщики, во главе с Джойнсоном Хиксом, устроили тогда (12 мая) налет на экстерриториальное помещение торгпредства и Аркос, обыскали все столы и шкафы, взломали сейфы, захватили шифры, и все же ничего не нашли. Однако, расчет заговорщиков оправдался: в виду такого невероятного нарушения не только международных норм общения, но и специально торгового соглашения 1921, английскому правительству оставалось либо извиниться перед Советским правительством и наказать виновников налета, либо разрывом покрыть их поведение. Оно выбрало последний путь, послав 27 мая ноту Советскому правительству, которой не только аннулировалось торговое соглашение, но и разрывались дипломатические сношения. Общественное мнение даже буржуазных кругов и, в частности, лондонского Сити не одобрило этого акта слепой и бессмысленной злобы, и правительство не только не отважилось сделать соответствующие выводы из своих действий в форме объявления войны или блокады, но поспешило заявить громко, что оно не станет препятствовать дальнейшим торговым сношениям между обеими странами, и предложило советским хозяйственным органам остаться в стране. Но Советское правительство отклонило эту милость, и советские закупки в Англии с тех пор бесперывно падают, вызывая возрастающее беспокойство торгово-промышленных кругов, все громче и громче настаивающих на возобновлении прежних сношений.

Англ. дипломатия вовне, однако, еще более усилила свою антисоветскую работу, интригуя в Прибалтике, где она открыто выступала, хотя и безрезультатно, против экономич. сближения с Советским Союзом, и в центр. Европе, где она успела предупредить установление нормальных отношений между СССР и Чехо-Словакией, но не могла помешать получению СССР кредитов в Германии и Австрии. Наибольший успех она имела во Франции, где реакционные — они же англофильские — элементы, при содействии английских нефтяников, повели бурную

кампанию за разрыв сношений с Советским правительством и добились отозвания советского полпреда Раковского.

Параллельно с кампанией против Советского Союза английская дипломатия неуклонно вела эти годы, правда, более осторожно, но все же неприязненную линию против Франции, отказавшись от «протокола», который был в Женеве согласован между Макдональдом и Эррио и в котором Франция была заинтересована, и заставив последнюю взамен пойти на другое соглашение относительно ее безопасности—выше упоминавшийся Локарнский пакт. По этому соглашению, формально предложенному Германией, но на деле подсказанному Англией, установленные в Версале границы между Германией, Францией и Бельгией объявлялись ненарушаемыми, и эти державы обязывались впредь не вести друг против друга войны, а передавать свои споры на согласительное и арбитражное решение, при чем к взаимной гарантии трех этих стран присоединялась гарантия двух других держав, Англии и Италии. Другими словами, в обмен за вторичный и на этот раз добровольный отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии, Франция задним числом осуждала свою рурскую авантюру и на будущее время отказывалась от системы дополнительных санкций и экзекуций против Германии, от планов дальнейшего раздробления ее и ослабления вообще и признавала фактически за Англией (Италия была пристегнута Англией больше ради формы и из расчета на итало-французский антагонизм) право следить за своим поведением в отношении Германии.

Мало того, Англия отказалась поддержать выдвинутое первоначально Францией требование о признании Германией (под условием опять-таки гарантии со стороны Англии) ненарушимости и польско-герман. границы, удовольствовавшись обязательством Германии не добиваться изменений этой границы военными средствами. Вообще, Локарнский пакт явился наиболее крупным успехом английской дипломатии за эти годы, так как наносил сильный удар континентальным вожделям Франции, давал Англии сильное оружие в борьбе с французскими вооружениями, и вместе с тем создавал для нее особое положение в Германии, которую она избавляла от вечного страха перед шовинистской Францией. Чемберлен, к-рый официально считался автором этого пакта (на деле главную роль сыграл английский посол в Берлине лорд Д'Эбернон, в прошлом крупный финансист), удостоился больших оваций по возвращении из Локарно и был награжден высочайшим отличием, орденом подвязки, за свои услуги европейскому миру. На деле, это было лишь искусным шахматным ходом английской дипломатии, нанесившей Локарнским пактом удар как по континентальной гегемонии Франции, так и по советско-германским отношениям, как выше уже указывалось. В дальнейшем, Англия, пользуясь своим влиянием в американском финансовом мире, сорвала наметившееся между Францией и Германией (свидание Бриана со Штрэвеманом в Туари) со-

глашение об эвакуации оккупированных германских территорий, в обмен за передачу Франции германских железнодорожных линий и предприняла при помощи Италии, соперницы Франции в Средиземном море, шаги по ослаблению влияния последней также и на Балканах. Англия дала свою санкцию на создание итальянского протектората в Албании (Тиранский договор 1927), даво служившей предметом вождлений союзницы Франции Юго-Славии, и поддерживала усилия Италии в деле сближения с противниками Юго-Славии—Болгарией и Венгрией. Венгрия, находившаяся во враждебном окружении Малой Антанты, клиента Франции, и сама по себе стала пользоваться благосклонным вниманием Англии, к-рая охотно простила ей грех фабрикации поддельных французских банковских билетов. В последнее время часть англ. прессы, отражая эти настроения, ведет кампанию за пересмотр территориальных границ Венгрии, установленных Трианонским договором.

Не помирилась английская дипломатия также с мандатом Франции на Сирию, и английская пресса не перестает популяризировать мысль о переустройке этой области Италии; последняя вовлекается Англией также и в борьбу за Танжер, больше, впрочем, с целью давления на Францию, чем серьезно. Так. обр., при втором министерстве Болдуина еще отчетливее обозначилась анти-французская линия английской дипломатии, и в наст. время (1928) уже можно определенно говорить об образовании двух враждебных группировок, англо-итальянской, кристаллизующей вокруг себя ряд государств на юго-востоке Европы (включая Венгрию, Болгарию, Грецию), и франко-югославской с Чехо-Словакией и—с оговоркой—Румынией. С другой стороны, не совсем удалась политика заманивания Германии, к-рую Англия взяла под свою защиту в Локарно и вовлекла в Лигу Наций, обещая ей не только воздействовать на Францию по вопросу об эвакуации прирейнской области, но даже вернуть кое-какие колонии. Англия заключила с Германией торговый договор и исключила ей место в мандатной комиссии Лиги Наций, но этим ограничились услуги, которые она смогла оказать Германии, рост которой пугает ее не меньше, чем Францию. В результате английская политика по отношению к Германии не привела за три года ни к каким решительным сдвигам в позиции последней. Задачу по финансовому оздоровлению германской промышленности удачно выполняла не Англия, а Америка, сотрудничество с к-рой становится для Англии все более и более трудным делом по мере того, как Америка приобретает собственный опыт в европейских делах и не может уже более рассчитывать, в виду пресыщения германского рынка, на выгодное размещение своих избыточных капиталов в Европе (кром. Советского Союза). Соед. Шт. Сев. Ам. начинают все больше захватывать южно-американский рынок, вытесняя оттуда английский капитал и английскую торговлю. Англо-американское сотрудничество, т. о., в последние годы заметно ослабевает. Это ярко проявилось в Китае, где Соед. Штаты, несмотря на

настойчивые советы своих же местных представителей, все время отказывались от участия в предлагавшейся Англией активной интервенции; это замечается в последнее время также в отношении к Советскому Союзу, к-рый продолжает официально не признаваться Соед. Шт., но вызывает к себе, со времени разрыва с Англией, усиленный интерес со стороны хозяйственных кругов их. Англия не в состоянии уже удерживать Америку в сфере своего влияния, и неудачная попытка Англии стовориться с последней о дальнейшем сокращении морских вооружений в Женеве в июне 1927 обнаружила это перед всем миром, показав вместе с тем, что отношения между обоими англо-саксонскими державами начинают вступать в стадию вражды и соперничества. Развернувшаяся к началу 1928 открытая война между «Роял Деч Шелл» и «Стандард Ойл» по поводу соглашения последнего с Нефгесиндикатом СССР и не менее открытые заявления американских адмиралов о «неизбежности» войны с Англией — заявления, подкрепляемые колоссальной программой военно-морского строительства, внесенной самим правительством и встретившей одобрение обеих палат конгресса, — еще более раскрыли перед глазами мира всю глубину разрывающейся между обоими империалистическими соперниками — недавно еще союзниками — бездны.

Опасность этого положения для Англии сознается более дальновидными политиками в самой Англии, как показал демонстративный уход с поста главы английской делегации в Лиге Наций лорда Роберта Сесила, заявившего о невозможности связать линию английской дипломатии с мирной политикой Лиги Наций; это сознается также и вне Англии, как показала почти единодушное возмущение «малых» держав гегемонией Англии на сентябрьской сессии Лиги Наций в 1927 году.

Восточная политика Англии за эти годы, проникнутая чрезвычайной агрессивностью и проводимая при помощи открытого насилия, также мало способствовала усилению ее международного престижа. Ей удалось заставить Турцию, под угрозой нападения со стороны Италии, подчиниться постановлению Лиги Наций об уступке ей Моссула, но этим она лишь теснее сблизилась Турцию с Советским Союзом, побудив ее заключить с последним политический договор о ненападении, взаимном нейтралитете и неучастии во враждебных комбинациях (1925). Своими интригами среди туземных племен Персии, предпринятыми с целью устрашения центрального правительства, она достигла одинакового результата в Персии, заключившей в 1927 с СССР торговое соглашение и аналогичный с турецким гарантийный пакт. Далее, своими действиями Англия добилась сближения между этими двумя вековыми соперниками, Персией и Турцией, побудив и их заключить между собой гарантийный пакт. К ним присоединился и Афганистан, где Англия в 1925 пробовала организовать восстание реакционных племен, с целью свержения ненавистного ей эмира Амманулы, но потерпела не-

удачу, в немалой степени благодаря своевременно доставленной СССР помощи. Вследствие всех этих интриг Англии, в Афганистане создано сильное течение в пользу политического сближения с СССР, приведшее к заключению в 1926 гарантийного пакта с Советской республикой, а вскоре затем такого же пакта с Турцией и Персией. В наст. время (начало 1928) Англия открыто делает большие приготовления на афгано-индийской границе с целью военного воздействия на Афганистан и подчинения себе этого важного средне-азиатского буфера.

Наиболее провокационный характер, однако, носила политика Англии в Китае, где заключенный с СССР в 1924 договор мира и дружбы, на основе полного отказа Советского правительства от всех старых империалист. привилегий и признания полного равноправия и суверенитета Китая, послужил сигналом к бурному развитию национально-революцион. движения под лозунгом свержения иностранного империалистического владычества и отмены неравных договоров. Глубоко задетая этим движением, угрожавшим в первую очередь ее финансовым и торговым интересам, тесно связанным с ее привилегированным положением в силу этих же «неравных» договоров, Англия не нашла лучшего способа реагировать на него, как при помощи массовых расстрелов студенческих и рабочих демонстраций; этим она еще более углубила и расширила национально-революционное движение и создала почти универсальный бойкот всего английского. Когда революционное движение охватило весь юг Китая до р. Янцзы, она стянула огромные вооруженные силы в Шанхае, угрожая повторением пекинского похода 1900, но решительный отказ остальных держав поддержать это начинание помешал ей осуществить свой замысел. Это был большой удар для престижа Англии, и в февр. 1927 она пошла на компромисс, заключив с кантонским революционным правительством соглашение об упразднении английской концессии в Ханькоу и передаче ее в несколько завуалированной форме представителям этого правительства. Хотя формально это соглашение относилось лишь к одной концессии, но оно имело глубоко принципиальный характер, содержа в себе прецедент для отказа и от других концессий и признание революционного правительства и его программы. Дальнейшие события в Китае (измена гоминдановских генералов, разгром и временный распад движения) избавили Англию от необходимости провести это соглашение в жизнь, и спустя несколько месяцев она аннулировала его и даже увела большую часть своих войск из Шанхая. Однако, торгово-финансовые потери, понесенные Англией вследствие китайской революции, и уменьшение ее международного престижа в виду отказа держав поддержать ее интервенционистскую инициативу, оставили после себя глубокие следы.

Ту же политику грубого насилия, к-рой, однако, державы не могли помешать, Англия проводила в эти годы в Египте: немедленно же после падения министерства Макдональда (но, несомненно, проводя в жизнь намеч. им

план) консервативное правительство направило в Лигу Наций меморандум с предупреждением не принимать к слушанию возможных жалоб египетского правительства по вопросам, оговоренным в декларации 28 февр. 1922. В тот же день (19 ноября 1924) в Каире был убит английский главнокомандующий (сердар) в Египте генерал Ли Стек. Это дало англичанам повод немедленно привести в исполнение план захвата Судана, подготовленный еще при Макдональде. Через три дня наместник Алленби направился с полком солдат в министерство и ультимативно предъявил, в виде удовлетворения за совершенное группой молодых людей преступление, ряд требований: извинение со стороны египетского правительства, наказание виновных, компенсацию семье убитого в размере полумиллиона ф. ст., восстановление в должностях уволенных английских чиновников, вывод из Судана египетских военных частей и предоставление вышеупомянувшейся английской компании права неограниченного орошения и эксплуатации одного из главных районов Судана. Т. к. Заглул отказался исполнить последние требования, явно не имевшие никакого отношения к делу, то англичане захватили александрийскую таможню и насильно вывели египетские войска из Судана, после чего Заглул вышел в отставку. Преемник его, Зивар-паша, назначенный королем по соглашению с англичанами, капитулировал перед Англией и распустил протестовавший против этого парламент.

Внутренние противоречия в национальном движении (отход крупной буржуазии и боязнь перед рабочим и, в частности, перед коммунистич. движением, на к-рое нац. правительство еще при Заглуле обрушилось со всей свирепостью буржуазной власти) ослабили силу протеста против действий англичан, и он оказался лишь в новой и еще более значительной победе заглулистов на выборах в февр. 1925. Но собравшемуся парламенту удалось просуществовать лишь несколько часов, после чего он был распушен—на этот раз впрямь до изменения избирательного закона, к-рый и без того не страдал избытком демократичности. Лишь в мае 1926 произошли новые выборы, давшие, однако, опять заглулистское большинство, но Англия, под угрозой репрессий, наложила свое вето на образование правительства под председательством Заглула, и министерство было сформировано беспцветным Адли-пашей, а Заглул принял председательство в парламенте. В течение всего года, однако, переговоры о пресловутых оговорках к декларации 1922 не возобновлялись, и лишь в августе 1927 король Фуад и премьер Саруат приехали для возобновления их в Лондон. Около этого же времени умер Заглул-паша, но и это обстоятельство, повидимому, не облегчило соглашения между сторонами.

В противоположность бурному ходу событий в Египте, внутреннее состояние Индии за последние 3 года правления вице-короля лорда Рединга и сменившего его в 1926 лорда Эрвина несколько стабилизировалось. Период этот отмечен был рядом отколов более умеренных, готовых на сотрудничество с

англичанами, буржуазных элементов от партии свараджистов, удачными интригами англичан среди мусульманских помещиков против индусских националистов и периодической обструкцией свараджистов в законодательных собраниях, обычно приводившей к изданию в декретном порядке непрошенных последними законодательных и финансовых актов. Под конец 1927, однако, националистское движение получило сильный толчок, благодаря решению английского правительства назначить, в ответ на всеобщее требование пересмотреть «конституцию» 1919 еще до истечения десятилетнего срока ее, для этого комиссию исключительно из английских членов парламента без привлечения, хотя бы для видимости, какого-нибудь индийского деятеля. Протест против такого образа действий охватил все политические партии Индии, не исключая тех, к-рые до сих пор выступали за сотрудничество с англичанами. Возмущение в Индии нисколько не улеглось от того, что Рабочая партия устами Макдональда (при протестах, правда, левого крыла) благословила такой модус расследования и выработки новых «конституционных» норм для Индии и назначила в нее своих представителей. Все индийские партии постановили бойкотировать комиссию, к-рой, повидимому, готовится участь милнеровской комиссии в Египте.

Так. обр., за исключением Локарнского пакта, консервативное правительство за три года своего пребывания у власти не сумело добиться ни одного политического успеха в области внешней или колониальной политики без применения грубой силы. Попав, вследствие обострения внутренней классовой борьбы, под руководство крайне-правых элементов, неспособных учесть элементарные факторы международного положения, среди к-рых ослабление англ. капитализма занимает первое место, консервативное правительство Болдуина оказалось не в состоянии приспособить свою внешнюю и колониальную политику к изменившейся обстановке и, продолжая применять старые методы агрессии и провокации, оказалось без друзей (не считая использующей его Италию) и без престижа, готовя себе позицию отнюдь не блестящей изоляции. Международный удельный вес Англии за эти годы заметно упал, и состоявшаяся осенью 1926 имперская конференция показала, что даже среди собственных доминионов ее значение, как метрополии, перестало быть решающим. Эта конференция впервые зафиксировала принцип равноправия доминионов с Англией в отношении автономии во внутрен. и внешних делах и сохранив порядок апелляции от местных судов к верховному суду англ. Тайного совета, как высшей инстанции, упразднила основной признак подчинения доминионов метрополии, превратив генерал-губернаторов в представителей короны, имеющих в доминионах так же мало власти, как король в Англии. Имперская система обороны осталась, конечно, в силе, и сооружение сингапурской морской базы решено было возобновить, но уже о развитии имперской системы таможенного союза не было речи, и то обстоятельство, что

доминионы, одобряя политику Локарно, все же формально не присоединились к самому пакту и утвердили принцип обязательности согласования с ними всякого международного договора, которым Англия может их обязать, показало, как далеко зашел процесс освобождения доминионов от опеки всемогущей и всевластной некогда метрополии. На деле указанный процесс зашел гораздо дальше, чем это отразилось в постановлении имперской конференции, и в Южной Африке, например, правительство Герцога совершенно открыто выступило за удаление из национального флага рисунка английского флага («юнион-джек») и с трудом согласилось признать последний законным наряду с флагом Южно-Африканского Союза.

Реакции и насилию вовне соответствовали в эти 3 года реакция и насилие и во внутренней политике. Исходя из наличия многочисленных сложнейших проблем, стоявших на очереди в области внешней и колониальной политики, правительство, устами премьера, провозгласило основной целью своих усилий внутри страны обеспечение «спокойствия» и сотрудничества классов. На практике капиталистический класс Англии никогда еще не обнаруживал такой агрессивности, как в эти годы. Нажим на заработную плату и рабочий день, после некоего ослабления в 1924, вызванного улучшившейся, благодаря занятию Рура французами, конъюнктурой в угольной и металлургической индустриях, возобновился с удвоенной силой и повел к многочисленным конфликтам, локаутам и забастовкам, лишь редко кончавшимся в пользу рабочих. В 1925 важнейший конфликт имел место в угольной промышленности, в которой предприниматели под угрозой локаута предъявили требование о сокращении заработной платы и удлинении рабочего дня. Горнякам удалось заручиться поддержкой Генерального совета профсоюзов и после повторных, но безуспешных переговоров, в к-рых участвовало и правительство, основываясь на указаниях назначенной им анкетной комиссии, признавшей несвоевременность сокращения заработной платы, требования хозяев были горняками отвергнуты. Локаут должен был начаться 1 августа, но накануне железнодорожники и транспортники подписали с горняками соглашение о поддержке их прекращением перевозки угля. Правительство, не ожидавшее, после опыта 1921, такой солидарности со стороны этих групп рабочих, было застигнуто врасплох, и за несколько часов до полуночи пришлось на помощь хозяевам, предложив им субсидию в 10 млн. ф. ст. в течение шести месяцев с тем, чтобы заработная плата не подвергалась изменению и чтобы вопрос о состоянии угольной промышленности был изучен королевской комиссией.

Кризис был благополучно преодолен, и день 31/VII (пятница), в к-рый солидарность рабочих одержала победу над хозяевами и правительством, вошел в историю рабочего движения под названием «Красной пятницы», в отличие от «Черной пятницы» 1921. Но всякому было ясно, что борьба только начиналась, т. к. состояние угольной промышленности, неорганализованной, технически от-

сталой, отягченной большими отчислениями в пользу земельных собственников и теснимой иностранной конкуренцией и конкуренцией нефти, было таково, что при эксплуатации ее на капиталистических началах, действительно, не было возможности сделать ее рентабельной. На этом основании рабочие и требовали национализации угольных копей и рационализации угольной промышленности при участии их в управлении ею. Но идти на это ни хозяева ни правительство не имели ни малейшего желания, и когда в марте 1926 появился доклад комиссии, который отвергал это средство и указывал на необходимость снижения заработной платы, возобновление борьбы стало неизбежным. Хозяева не согласились даже на те мелкие паллиативы в области организации угольной промышленности, к-рые предложила комиссия, и настаивали на снижении заработной платы, упразднении системы регулирования ее в национальном масштабе и возвращении к 8-часовому рабочему дню; горняки же, и на этот раз поддерживаемые Генеральным советом, отвечали на эти требования решительным отказом. Переговоры тянулись долго при участии правительства, к-рое под шумок делало все необходимые штрейкбрехерские приготовления на случай разрыва их.

1 мая начался локаут горняков. Генсовет, однако, заколебался и не сразу отдал распоряжение о поддержке горняков, а представители его вместе с Макдональдом и Гендерсоном продолжали еще переговоры с предпринимателями и правительством. Видя эти колебания, правительство решило довести дело до решительного боя; воспользовавшись тем, что наборщики газеты «Дейли Мейль» отказались печатать гнусные выпады газеты против рабочих, Болдуин заявил, что при таком «антиконституционном» направлении, какое принимает дело, он прерывает дальнейшие переговоры. Ошеломленные вожди, вопреки всем своим желаниям, вынуждены были действовать и распорядились об объявлении забастовки в полночь с 3 на 4 мая на транспорте и в ряде индустрий, не связанных непосредственно с производством предметов первой необходимости. Рабочие бросились в борьбу с величайшим воодушевлением, и Англия стала ареной неслыханного по своим размерам и размаху движения, охватившего свыше миллиона горняков и полутора миллионов рабочих других категорий. Значение и возможности этого движения были ясны всему миру. Стоило только вождям захотеть, и вся остальная масса пролетариата ринулась бы в бой, и движение вероятно превратилось бы в восстание и революцию. Но именно это обстоятельство испугало вождей, и уже с первого дня забастовки они стали искать средств сорвать ее и капитулировать. Правительство, запугав вождей слухами о готовящихся против них репрессиях за «мятежное» поведение, пошло затем им навстречу, подсласт к ним в качестве парламентаря председателя королевской комиссии сэра Герберта Самюэля. Ничего, кроме неопределенных обещаний насчет возможности уладить спор в угольной промышленности,

последний не мог, да и не имел намерения предложить им, но, притворившись, что они усматривают в его «предложениях» приемлемую базу для компромисса, вожди, не опрашивая рабочих, на десятый день (12 мая) объявили забастовку оконченной. Это было предательство совершенно исключительного характера, но массы подчинились, и лишь горняки остались на посту, отказавшись пойти на такую позорную капитуляцию.

Оставленные всеми, не получая ниоткуда, кроме рабочих Советского Союза, серьезной помощи, обреченные на голод и холод, горняки продержались вплоть до ноября и сдались только после того, как иссякли последние физические силы. Они сдались, предпочитая не выговаривать себе никаких условий. Правительство же еще в июне провело через парламент закон, упразднивший семичасовой рабочий день в шахтах и установивший в факультативном порядке (сроком на пять лет) восьмичасовой рабочий день. Горняки, разбитые наголову, потеряли все то немногое, чего они добились в течение предыдущих лет, и в наст. время они, некогда составлявшие цвет англ. рабочей аристократии, являются самыми жалкими и беспомощными среди всех категорий английского пролетариата. Десятки тысяч среди них оказались навсегда выброшенными в ряды безработных, остальные же едва в состоянии прокормить на свои ничтожные заработки себя и семью. Но и остальные категории рабочих, как участвовавшие, так и не участвовавшие во всеобщей забастовке, подверглись жесточайшим репрессиям и были вынуждены согласиться на снижение заработной платы в тех или других размерах. Английский рабочий класс, благодаря предательству своих вождей, очутился в таком положении, в каком он не находился, уже начиная со второй половины 19 столетия.

Безработица, созданная частью репрессиями со стороны хозяев, пониженная зарплата, пустые профсоюзные кассы, разочарование и растерянность—таковы характерные черты создавшегося положения рабочего класса. С другой стороны, никогда еще капиталистич. класс не одерживал такой полной и решительной победы над рабочими: массы разбиты на голову и доведены до состояния полной беспомощности, лидеры же, все до единого, включая и т. н. левых, окончательно перетянуты на сторону капиталистического класса. Правительство поспешило закрепить это необыкновенно благоприятное для капиталистов положение, проведя в следующем году через парламент закон, объявивший незаконными всякие забастовки не строго промышленного характера и запрещающий исключение из профсоюза лиц, отказывавшихся принимать участие в таких «незаконных» забастовках. Закон этот сводил также к минимуму право воздействовать на штрейкбрехеров, хотя бы убеждением, и разрешал профсоюзам взимать членские взносы в политическую кассу Рабочей партии лишь с тех членов, которые дали на это свое письменное согласие. Характерно, что рабочая фракция, роль которой во время всеобщей и горняцкой забастовки ограничивалась од-

ними лишь закулисными интригами ее лидеров, не пошла даже в отношении этого реакционного закона, возвращавшего рабочий класс к темным временам начала прошлого века и затронувшего живейшим образом интересы ее доверителей, дальше словесных протестов и жалких угроз аннулировать его, когда она вновь станет у власти. Между тем, на основании этого закона суды уже выносят постановления о незаконности действий тех или иных учреждений, которые отказываются принимать на работу или службу неорганизованных рабочих. Если вспомнить, что Рабочая партия зародилась в свое время на почве протеста против первого в новейшее время покушения на права профсоюзов (судебное решение палаты лордов по делу тафф-вельской ж.-д. компании) и что в борьбе за законодательное восстановление прав профсоюзов она укрепила свои позиции в рабочем классе и в политической жизни Англии вообще, то поведение ее в 1927 показало, как далеко она пошла вспять.

Вообще, в эти годы беспримерной реакции Рабочая партия, под предводительством Макдональда, вкусившего сладость власти и отныне не останавливающегося ни перед чем для вторичного достижения ее, стала еще реакционнее прежнего. На съезде в Ливерпуле в сент. 1925 она подтвердила прошлогодние резолюции против коммунистов, запретив местным организациям принимать их в члены или выдвигать их кандидатуры в качестве делегатов на партийные съезды национального или даже местного значения. На основании этих постановлений, подтвержденных и в следующем году, исполнительный комитет Рабочей партии отныне стал исключать те местные организации, которые не подчинялись им. Свободно блокируясь с буржуазными партиями и беспрепятственно допуская в свою среду либералов и даже консерваторов, желающих делать политическую карьеру в Рабочей партии, вожди ее все решительнее отмежевываются от коммунистически настроенных рабочих, объявляя форменную войну коммунизму и революции. Таким же образом поступают и профсоюзы, к-рые начинают исключать из своей среды лиц, принадлежащих к коммунистической партии и даже к «движению меньшинства» — левому флангу профсоюзного движения, блокирующемуся с коммунистами. Правительство, учитывая это настроение, в нояб. 1925 устроило налет на помещения коммунистической партии и арестовало двенадцать наиболее видных деятелей ее, к-рые были преданы суду по обвинению в мятежной пропаганде и приговорены к тюремному заключению сроком от шести до двенадцати месяцев. Рабочая фракция лицемерно внесла в палату протест, к-т-рый дал лишь повод к нек-рым едким замечаниям, сделанным с правительственных скамей.

С этого момента, однако, и коммунистич. партия начинает приобретать влияние среди наиболее сознательных слоев рабочей массы. В особенности укрепила ее позиции ее поистине геройская работа во время всеобщей и горняцкой забастовки, когда она была единственной партией, решительно и смело

выступавшей за рабочих и обслуживавшей их. Это привело также к удвоению числа членов ее. Но последующие репрессии против активных участников забастовок, неслыханная по своим размерам и силе безработица в угольных районах и слабость собственного аппарата не дали компартии возможности удержать в своих рядах всей массы примкнувших к ней рабочих, хотя влияние ее на массы осталось, как это вылилось на выборах должностных лиц горняцких профсоюзов в нек-рых округах, где старая реакционная «гвардия» была забаллотирована и замещена коммунистами или деятелями «меньшинства». Впрочем, в этих случаях исполкомы организаций, в состав которых входят эти союзы, поспешили касировать эти выборы как «незаконные» и отложить новые на неопределенное время. Неудивительно, что при такой установке профессиональные союзы теряют десятки тысяч членов, а вследствие этого слабеет и Рабочая партия. Со вступлением в силу реакционного закона о профсоюзах, требующего от каждого отдельного члена письменного заявления о своем желании делать взносы в кассу Рабочей партии, последняя, вероятно, потеряет как индифферентную, так и наиболее сознательную и революционную часть своих членов. Несмотря на это, ближайшие выборы, к к-рым все партии постепенно уже готовятся, дадут Рабочей партии прирост голосов и мандатов, так как ей все же удалось убедить среднего рабочего, что реванш за всю ту реакционную политику внутри страны и вне ее, которую проводило консервативное правительство в течение долгих лет, он сможет взять лишь по возвращении Макдональда и его товарищей к власти.

Рабочая масса Англии, скованная вековыми традициями парламентаризма и буржуазной демократии, опутанная сложной сетью организац. форм и профсоюзно-конституционных процедур, находящаяся, к тому же, под ошеломляющим впечатлением понесенного ею в 1926 неслыханного поражения, еще не в состоянии в настоящий момент выступать революционно. Она не смогла даже реагировать в сколько-нибудь энергичной форме на спровоцированный профсоюзными вождями разрыв *Англо-Советского комитета единства* (см.), создание к-рого в 1924 она восторженно поддерживала и который в самый момент разрыва несомненно все еще пользовался ее сочувствием. Как и в период, непосредственно последовавший за разгромом чартизма, рабочая масса ищет для выражения своего возмущения линии наименьшего сопротивления, каковой в данное время является участие в выборах и голосование за кандидатов «своей» — пусть плохой, но все же своей — партии. Это сказалось на муниципальных выборах 1 ноября 1927, на к-рых Рабочая партия отвоевала у буржуазных партий свыше 100 мест. С другой стороны, трудно ожидать, чтобы Рабочая партия удержала на ближайшее время мелкобуржуазные голоса, к-рых она столь усердно добивалась в последние годы и которые ей, действительно, удалось в некоторой степени заполнить. Эти го-

лоса на ближайших выборах будут отданы скорее либералам, которые, под предводительством Ллойд Джорджа, заметно улучшили свое положение, несмотря на свою крайнюю слабость в парламенте. Этим успехом либералы менее всего обязаны собственным добродетелям, которые попрежнему остаются незаметными для невооруженного глаза, несмотря на все рекламное искусство Ллойд Джорджа. Последний, выпроводив Асквита в палату лордов и заставив его сложить с себя лидерство, — как условие передачи Ллойд Джорджем партии имеющегося у него еще с коалиционных времен двухмиллионного фонда, — остался отныне главой либерализма и уже составляет новые программы аграрных реформ с целью отбить у консерваторов сельские избирательные округа, т. к. отбить у Рабочей партии городские округа не представляется возможным. Либералам помогает другое — пороки консервативной партии, к-рая, предоставив власть крайне правому крылу, под конец убедилась в чрезвычайной скудости достигнутых правительством результатов и ныне переживает глубокий кризис.

В области внешней политики этот кризис выразился в уже упоминавшемся выше демонстративном выступлении лорда Роберта Сесила, сына покойного лорда Солбери, отражающего взгляды старых консерваторов и имеющего большое влияние в придворных и аристократических кругах. В области внутренней политики недовольство чрезвычайно ярко сказалось в связи с правительственными законопроектами о реформе палаты лордов, имевшими в виду изменить ее состав путем внесения замаскированного принципа выборности и усиления ее позиции в отношении палаты общин. Но проекты эти встретили такое сопротивление со стороны либералов и Рабочей партии, что большая часть консерваторов, опасаясь последствий развернутой противниками агитации, сочла благоразумным настоять перед правительством на снятии их. Фактически часть консерваторов начинает опасаться, как бы правительство, руководимое «дайхардовцами», не зашло так далеко в своей реакционной политике и до такой степени не уронило престиж партии вовне и внутри страны, что ей будет угрожать на предстоящих выборах поражение. Это заставляет их поддерживать либералов в надежде предотвратить возвращение к власти столь многочисленной и сильной Рабочей партии, что вожди ее не смогут уже ссылаться на парламентские затруднения и вынуждены будут уступать напору рабочей массы. Другими словами, эти умеренные консерваторы в наст. время готовы даже укрепить либеральную партию, как это открыто уже проповедуется их собственными органами печати. Отсюда и успехи либералов на дополнительных выборах в нек-рых округах, где до сих пор выбирались консерваторы. Но вся эта парламентская игра, в к-рой соотношение сил может измениться еще не раз, не остановит историч. хода развития, сулящего в ближайшее время дальнейшие социальные потрясения и приближение момента,

когда крайнее обострение классовой борьбы поставит вопрос о власти в совершенно ином разрезе, чем это представляют себе сами игроки.

Ф. Ротштейн.

Лит.: I. Общие труды по истории Англии: A History of England, ed. by Oman, 7 vls, L., 1921—1924; The Political History of England, 12 vls, L., 1906—10 (полная и надежная фактическая история); J. R. Green, History of English People, 8 vls, L., 1905—1908 (рус. пер. с 1-го изд.: Грин, Дж., История английского народа, 4 тт., М., 1892); J. R. Green, Short History of English People, 4 vls, L., 1892—94 (рус. пер.: Грин, Дж., Краткая история английского народа, 3 тт., М., 1897—1900); W. Cunningham, Growth of English Industry and Commerce, 3 vls, Cambridge, 1915—19 (рус. пер. I тома: Кеннингем, У., Рост англ. промышленности и торговли, пер. с 3-го изд., М., 1904); T. H. Rogers, Six Centuries of Work and Wages, L., 1884 (рус. пер.: Роджерс Т., История труда и заработной платы в Англии с 13 по 19 вв., СПб, 1899).

II. Ранняя история: R. Munro, Prehistoric Britain, L., 1919; D. Mackenzie, Ancient Man in Britain, L., 1923; F. Verfield, The Roman Occupation of Britain, Oxford, 1924.

III. История средних веков: Петрушевский Д. М., Очерки из истории английского государства и общества в средние века, 2-е издание, СПб, 1909; его же, Очерки из истории средневекового общества и государства, 5-е изд., М., 1922 (англо-саксонский период); его же, Восстание Уота Тайлера, 3-е изд., М.—Л., 1927; его же, Великая хартия вольностей, 2-е издание, М., 1918; Виногорадov, П. Г., Исследования по социальной истории Англии в средние века, СПб, 1887; его же, Средневековое поместье в Англии, СПб, 1911; его же, Villainage in England, Oxford, 1892; его же, English Society in the XI Century, Oxford, 1908; W. Stubbs, Constitutional History of England, 3 vls, 3 ed., Oxford, 1903 (Франц. перевод I т.: «Histoire constitutionnelle de l'Angleterre», I, P., 1909); F. W. Maithland, Domesday Book and Beyond, Cambridge, 1921; W. Ashley, An Introduction to English Economic History and Theory, L., 1920 (рус. пер.: Эшли, У., Экономическая история Англии в связи с экономической теорией, М., 1897 (захватывает и 16 в. Неправильно освещена аграрная история)); G. Brod-nitz, Englische Wirtschaftsgeschichte, В. I, Jena, 1918.

IV. Эпоха первоначального накопления (16—18 вв.): Маркс, К., Капитал, I, гл. 24; Савин, А., История Англии в новое время (16—18 вв.), М., 1912 (литогр.); его же, Английская деревня в эпоху Тюдоров, М., 1903; его же, Английская секуляризация, М., 1907; его же, Лекции по истории английской революции, Москва, 1924 (в I главе дан историографический обзор); Р. Тауэнеу, Agrarian Problem in the 16 Century; Гранат, И., К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии, М., 1908 (дается самостоятельное построение эволюции английской деревни 11—16 вв.); G. Upton, Industrial Organization in the 16 and 17 Centuries, Oxford, 1904; S. Gardiner, History of England 1603—42, 10 vls, L., 1884; его же, History of the Great Civil War 1642—49, 4 vls, L., 1893; его же, History of the Commonwealth and Protectorate 1649—56, 4 vls, L., 1913—16; C. Firth, The Last Two Years of the Protectorate, 2 vls, L., 1909; A. Congradu, Geschichte der Revolutionen, 2 Bände, В., с. а. (рус. перевод: Конради, А., История революций, 2 тт., М.—Л., 1925); E. Verstejn, Sozialismus und Demokratie in der grossen englischen Revolution, 3 Ausgabe, Stuttgart, 1919 (рус. пер.: Бернштейн, Э., Социализм и демократия в великой английской революции, П., 1924); Кудрявцев, А., Великая английская революция, Л., 1925 (Очерк истории и сборник источников); H. Weingarten, Die Revolutionskirchen Englands, Lpz., 1868 (рус. пер.: Вейнгартен, Г., Народная реформация в Англии 17 в., М., 1901); Монтгомери, История англ. революции, М., 1919 (рус. пер. VII тома: The Political History of England, см. выше); A. Stejneger, Geschichte der Revolution in England, В., 1881 (рус. пер.: Штерн, А., История революции в Англии, СПб, 1900); W. Lecky, A History of England in the 18 Century, 7 vls, L., 1911—19; W. R. Scott, The Constitution and Finance of English Joint-Stock Companies, 3 vls, Cambridge, 1912; W. Michael, Englische Geschichte im 18 Jahrhundert, 2 Bde, Lpz., 1920—21.

V. Промышленный переворот: P. Mantoux, La révolution industrielle au 18 siècle, P., 1906 (рус. перевод: Манту, П., Промышленная революция 18 в. в Англии, М.—Л., 1925; A. Toynbee, Lectures on the Industrial Revolution of the

18 Century, 6 impr., L., 1920; Тойнби, А., Промышленный переворот в Англии, М., 1898; J. A. P. M. and, The Rise of Modern Industry, L., 1925; и х же, The Village Labourer, 1760—1832, L., 1920; и х же, The Town Labourer, 1760—1832, L., 1920; и х же, The Skilled Labourer, 1760—1832, L., 1919; R. V. Bird, The English Jacobins from 1789 to 1802, L., 1924; P. Brown, The French Revolution in English History, L., 1918; W. Hall, British Radicalism, New-York, 1912; Лавровский, В. М., Промышленный переворот в Англии, М., 1925; A. Held, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands, Lpz., 1881; Гельд, А., Развитие крупной промышленности в Англии, СПб, 1899.

VI. Эпоха промышленного капитализма: Ротштейн, Ф., Очерки по истории рабочего движения в Англии, 2-е изд., М.—Л., 1925; Перцев, В., Экономическое развитие Англии в 19 в., Минск, 1924; L. Knowles, Industrial and Commercial Revolutions in Great Britain during the 19 Century, 2 ed., L., 1921; Энгельс, Ф., Положение рабочего класса в Англии, СПб, 1905; E. H. Levy, Histoire du peuple anglais au 19 siècle, I—III (1815—41), P., 1913—23; G. Trevelyan, British History in the 19 Century (1781—1901), L., 1924; Маркс, К., Статьи и корреспонденции 1852—55 (Маркс и Энгельс, Сочинения, тт. X—XI, М., 1924); его же, Капитал; Туган-Барановский, М., Периодические промышленные кризисы, изд. 3-е, СПб, 1914; H. Gibbins, The Industrial History of England, 26 ed., L., 1912 (рус. пер.: Гиббинс, Г., Промышленная история Англии, СПб, 1895); W. Page, Commerce and Industry, L., 1919 (1815—1914, подробные статистические таблицы); S. Walpole, A History of England (1815—53), 6 vls, L., 1912—13; H. Schüller, Die Chartistenbewegung, Stuttgart, 1922 (рус. пер.: Шюллер, Г., Чартистское движение, М., 1925); P. Slosson, The Decline of the Chartist Movement, N.-Y., 1916 (рус. пер.: Слоосон, П., Чартистское движение и причины его упадка, М., 1923); Кувшинская, Е., Борьба рабочих за политическую свободу в Англии, СПб, 1907; Боркгайм, С., Движение чартистов, СПб, 1905; Гингор, С., Первое политическое движение рабочих в Англии, Л., 1925; R. Gamage, The History of the Chartist Movement, L., 1854 (рус. пер.: Гаммедж, Р., История чартизма, СПб, 1907); Ишков, Л., Рабочее движение и государственное развитие в Англии во второй половине 18 и 19 вв., Тифлис, 1919; G. D. H. Cole, A Short History of the British Labour Movement, 3 vls, L., 1925—28; Кол, Д., История рабочего движения в Англии, Л., 1927; M. Beer, Geschichte des Sozialismus in England, Stuttgart, 1913 (рус. пер.: Бер, М., История социализма в Англии, М., 1923); Джефсон, Г., Платформа, ее возникновение и развитие, 2 тт., СПб, 1901; Острогорский, М., Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека, П., 1916; Гурвич, Г., Политический строй современных государств, Англия, М.—Л., 1927; S. R. Seeley, The Expansion of England, L., 1886 (русский перевод: Сили, С., Расширение Англии, СПб, 1903).

VII. Эпоха империализма. См. лит. к ст. Империализм, Британская империя. G. Trevelyan, History of England, L., 1926; Schulze G. A. Wernitz, Britischer Imperialismus u. englischer Freihandel, Lpz., 1906; M. Beer, England der Gegenwart, В., 1924 (рус. пер.: Бер, М., Современная Англия, М., 1925); Броун, П., Классовая борьба в послевоенной Англии, М., 1926; Зигфрид, А., Англия наших дней, М., 1926; Исторический кризис английского капитализма (статья Осинского Н., Спектатора, М., Смит, М., и Политикуса), М.—Л., 1926; E. Halévy, Histoire du peuple anglais au 19 siècle. Épilogue, I, 1895—1905, P., 1926; Чекни, А., Очерки современного тред-юнионизма, М., 1923; его же, Силуэты рабочей Англии, М., 1926; E. M. Asquith, Labour and the Empire, L., 1907; его же, The Foreign Policy of the Labour Party, L., 1923; S. A. B. Webb, The Decay of Capitalist Civilization, Westminster, 1920 (рус. пер.: Вебб, С. и Б., Закат капитализма, М., 1925); Грановский, Е., Угольный кризис в Англии, Л., 1926; Джемс, М., Всеобщая стачка и борьба угольщиков в Англии, М., 1926; J. P. P. The General Strike and the General Betrayal, Chicago, 1926 (рус. пер.: Пендер, Дж., Уроки всеобщей забастовки в Англии, М.—Л., 1926); A. Humphrey, A History of Labour Representation, L., 1912 (рус. пер.: Гемфри, А., История рабочего представительства в Англии, М.—Л., 1924); Annual Register, L. (с 1758); Hansard's Parliamentary Debates (с 1804); «The Statist», «The Economist», «The Round Table», «The Journal of London Statistical Society», «Statesman's Yearbook», «Whitaker's Almanac»

Важнейшие даты истории Великобритании.

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
55—54 до хр. эры	Походы Цезаря в Британию.	1258—67	«Баронская война» и начало парламента.
41—69 хр. эры.	Завоевание Британии римлянами.	1272—1309	Эдуард I.
60	Восстание британцев на Ю. и В. о-ва (восстание Боадигей).	1273—74	Расследования о феодальных правах баронов.
Конец 3 в.	Начало пиратских экспедиций саксов к британским берегам.	1278	Глостерский статут о проверке феодальных прав баронов.
410	Эвакуация римских войск из Британии и конец римского владычества.	1279	Статут о мертвой руке (ограничение отчуждений в пользу церкви).
Сред. 5 в.	Начало германск. завоевания Британии (ютами, фризами, англами и саксами).	1283	Покорение Уэльса.
597	Начало христианизации Англии из Рима (миссия Августина).	1295	«Образцовый парламент» (окончательное установление состава парламента).
Нач. 7 в.	Первые законы кентских королей.	1307—27	Эдуард II.
693	Первые законы уссекских королей (законы короля Ине).	1327—77	Эдуард III.
787	Начало датских нашествий.	1337—1453	Столетняя война.
829	Объединение большей части Англии при уссекском короле Эдберте.	1346	Победа англичан при Креси.
Ок. 836	Начало борьбы между Уссексом и датчанами за власть над о-вом.	1348—49	«Черная смерть» (чума) в Англии.
871—900	Альфред Великий.	1349—51	Начало рабочего законодательства, регулирующего заработную плату и условия найма.
878 и 885	Договоры Альфреда с датским королем Гутрумом о разделе Англии.	1353	Запрещение апелляций к папскому суду и ограничение церковной власти папы (статут о Praemunire, впоследствии переизданный несколько раз).
954	Объединение Англии уссекской династией (король Эдред).	1356	Разгром французов при Пуатье.
987	Возобновление датских нашествий.	1360	Установление института мировых судей.
991	Первый сбор «датских денег» для выкупа от датских набегов (начало прямого обложения).	1368—85	Проповедь Уиклифа.
1016—42	Англия под властью короля датчан Кнута и его преемников.	1377—99	Ричард II.
1042—66	Эдуард Исповедник, король Англии.	1379	Введение поголовного налога (Poll tax).
1066	Гарольд, король Англии.	1381	Восстание Уота Тайлера.
1066—1154	Норманское завоевание.	1399—1461	Ланкастерская династия.
1066—87	Норманская династия.	1399—1413	Генрих IV.
1066—87	Вильгельм Завоеватель.	1401	Акт «о сожжении еретиков», направленный против последователей Уиклифа (лоллардов).
1074—75	Феодалные восстания.	1409	Установление первенства палаты общин при назначении субсидий.
1086	Книга Страшного Суда.	1409	Первая хартия «купцам-авантюристам».
1087—1100	Вильгельм II Рыжий.	1413—22	Генрих V.
1088—95	Феодалные восстания.	1415	Победа англичан над французами при Азенкуре.
1100—35	Генрих I.	1422—61	Генрих VI.
1102	Феодалные восстания.	1430	Установление ценза для избирателей (фригольдеры с доходом не менее 40 шилл.) и депутатов (рыцарство) от графств.
1135—54	Эпоха междоусобицы и феодальная реакция.	1450	Восстание Кеда.
1154—1399	Анжуйская династия.	1451	Конец Столетней войны и потеря Англией всех владений на континенте, кроме Кале.
1154—89	Генрих II Плантагенет.	1455—85	Война алой и белой розы.
1155	Разрушение «незаконных» замков и восстановление королевских доменов.	1461—85	Йоркская династия.
С 1159	Замена феодальной военной службы «щитовыми деньгами».	1461—83	Эдуард IV.
1163—70	Борьба с церковью (архиепископ Томас Бекет) по вопросу о церковных судах.	1476	Начало книгопечатания в Англии.
1166—75	Судебные реформы Генриха II Плантагенета (расследование через присяжных, королевск. странствующие судьи).	1483	Эдуард V.
1166—72	Начало покорения Ирландии.	1483—85	Ричард III.
1173—74	Феодалные восстания.	1485—1603	Династия Тюдоров.
1178	Реорганизация королевского совета.	1485—1509	Генрих VII.
1181	Военная реформа Генриха II Плантагенета (обязательность службы в ополчении для всех свободных).	1487	Основание «Звездной палаты» (это название появилось впоследствии).
Вторая половина 12 в.	Возникновение Оксфордского ун-та.	1487	Начало законов против огораживаний.
1189—99	Ричард I (Львиное Сердце).	1495	Начало тюдоровского законодательства о нищих и бродягах.
1189—90	Еврейские погромы.	1498	Путешествие Себаст. Кабота к берегам Сев. Америки.
1191—94	Крестовый поход Ричарда.	1503	Уничтожение феодальных свит.
1199—1216	Иоанн Безземельный.	1509—47	Генрих VIII.
1207—13	Борьба с папой по вопросу о назначении на высшие церковные должности.	1516	«Утопия» Мора.
1213	Иоанн признает вассальную зависимость Англии от папы.	1517	Первое расследование об огораживании.
1214	Сражение с французами при Бувине и потеря большей части англ. владений во Франции.	1534	Разрыв с римской церковью и установление церковного верховенства короля.
1215	Великая хартия вольностей.	1536	Упразднение мелких монастырей.
1216—72	Генрих III.	1536—37	«Благодатное паломничество» (феодалное восстание на севере Англии).
1236	Мертонский статут (огораживание пустошей).	1537	Установление Северного совета для управления сев. графствами.

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
1539—40	Упразднение больших монастырей.	1646	Отмена рыцарских держаний.
1542	Установление Уэльского совета.	1646	Бегство Карла I к шотландцам.
1547—53	Эдуард VI.	1647	Шотландцы продают короля парламенту за 400 т. ф. ст.
1547	Секуляризация владений религиозных братств.	1647	Организация армейского совета.
1549	Восстания крестьян на юге и востоке Англии и в Иоркшире.	1647	Оккупация армией Лондона.
1552	Отмена привилегий Ганзы.	1647	Совещание в Петни.
1553—58	Мария Тюдор (Кровавая).	1648	Роялистские восстания (вторая гражданская война).
1553—54	Восстановление католицизма.	1648	Чистка Прайда.
1554	Брак Марии с Филиппом II Испанским.	1648	Казнь Карла I.
1554	Акт против упадка городов.	1649—60	Республика.
1554	Основание Московской компании.	1649	Покорение Ирландии Кромвелем.
1555	Акт о ткачах (ограничение капиталистического развития шерстяной промышленности в деревне).	1650—51	Покорение Шотландии.
1558	Потеря Англией Кале.	1650—51	Акт о мореплавании.
1558—1603	Елизавета.	1652—54	Война с Голландией.
1559	Акты о единообразии и верховенстве. Основание Высокой комиссии по церковным делам.	1653	Разгон Долгого парламента.
1562	Первая экспедиция Джона Гокинса. Начало англ. работорговли. Статут о подмастерьях.	1653 (июль—декабрь)	Вербонский парламент (по назначению из кандидатов, представленных индепендентскими конгрегациями).
1563	Начало преследования пуритан.	1653—58	Протекторат О. Кромвеля.
1567	Феодалное восстание на севере.	1654	Договор с Португалией.
1569	Основание Ислендской компании.	1655	Назначение генерал-майоров (военное положение).
1579	Основание Левантской компании.	1655	Завоевание Ямайки.
1581	Основание Мароккской компании.	1658	Смерть Кромвеля.
1585	Казнь Марии Стюарт.	1660	Рестаурация Стюартов.
1587	Основание Гвинейской компании.	1660—88	Эпоха Рестаурации.
1588	Поражение Великой Армады.	1660—85	Карл II.
1588	Основание Ост-Индской компании.	1660	Подтверждение отмены рыцарских держаний.
1600	Закон о бедных (служил основой всего дела призрения бедных до 1834).	1661—79	Первый («кавалерский») парламент Карла II.
1601		1661	Основание Африканской компании.
1603—88 с перерыв.		1662	Акт о единообразии (обязательности англиканского обряда).
1606	Династия Стюартов.	1662	Акт об оседлости (прикрепление с.-х. рабочих).
1606	Основание Виргинской компании.	1662	Закон о цензуре.
1607	Крестьянские движения в средних графствах.	1665	Захват Нового Амстердама (Нью-Йорка) у голландцев.
1611	Начало колонизации Олстера (Сев. Ирландия) англичанами и шотландцами.	1667	Тайный договор Карла II с Людовиком XIV (впоследствии возобновлялся несколько раз).
1620	Основание пуританами «Нового Плимута».	1669	Основание Южной Каролины.
1624	Занятие Барбадоса (Вест-Индия).	1672	Декларация о веротерпимости.
1624	Закрытие Виргинской компании.	1673	Акт о присяге (Test Act).
1625—49	Карл I.	1679	Акт о Habeas Corpus.
1628	Петition о праве (протест парламента против произвольных арестов, постоя, военных судов и принудительных займов).	1681	Основание Пенсильвании.
1629	Роспуск последнего предреволуционного парламента.	1681	Парламент в Оксфорде и разгром вигов.
1629—40	Беспарламентское правление.	1681—88	Беспарламентское управление.
1630	Указ о принудительном посвящении в рыцари землевладельцев с доходом свыше 40 ф.	1685—88	Яков II.
1633	Назначение Страффорда наместником Ирландии.	1685	Восстания в Англии и Шотландии.
1633	Назначение Лода архиепископом кентерберийским.	1687—88	Декларация о веротерпимости.
1634	Основание Мерленда.	1688	Вторая революция.
1634	Начало сбора корабельных денег.	1689—1702	Вильгельм III.
1635	«Расширение» королевских лесов.	1689	Билль о правах.
1637	Начало революции в Шотландии.	1689	Билль о веротерпимости.
1639	Начало войны с Шотландией.	1689	Хлебные законы (премии на выво).
1640 (13 апреля—5 мая)	Короткий парламент.	1693	Начало национального долга.
1640 (3 ноября)	Долгий парламент, созыв.	1694	Учреждение Английского банка.
1641	Уничтожение Звездной палаты и Высокой комиссии.	1694	Акт о трехлетних полномочиях парламента.
1641	Казнь Страффорда.	1697	Рисвикский мир.
1641	Начало ирландского восстания.	1698	Новая Ост-Индская компания.
1641	Великая реконструкция (протест парламента против злоупотреблений короны, требование подчинения управления парламенту и строгого проведения меркантилистской политики).	1701	Акт о престолонаследии.
1642	Начало гражданской войны.	1701—13	Война за Испанское наследство.
1643	Введение пресвитерианства.	1702—13	Анна Стюарт.
1645	Казнь Лода.	1703	Метунский договор с Португалией.
1645	Реформа армии.	1707	Уния Шотландии с Англией.
		1711	Основание Компании южных морей.
		1711	Установление избирательного ценза.
		1713	Утрехтский мир.
		1714	Начало Ганноверской династии.
		1714—27	Георг I.
		1716	Акт о семилетних полномочиях парламента.
		1719	Билль, отменяющий ряд ограничений для диссентеров.
		1720—21	Крах Компании южных морей.
		1720—42	Уолпол во главе правительства.
		1727—60	Георг II.
		1732	Основание Георгии.
		1733	Изобретение Исаака Ньютона челнока.

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
1739—48	Война с Испанией.	1812—14	Война с Соед. Штатами Сев. Америки.
1740—48	Война за Австрийское наследство.	1812	Изобретение локомотива Стивенсоном.
1748	Ахенский мир.	1813—14	Отмена елизаветинских законов о подмастерьях.
1745—46	Попытка реставрации Стюартов (вторжение Карла-Эдуарда, внука Якова II, с шотландскими горцами).	1815	Конец войны с Наполеоном.
1746	Питт входит в состав правительства.	1815	Хлебные законы (ряд изменений впоследствии).
1751	Введение грегорианского календаря.	1815	«Гемпденские клубы» для борьбы за всеобщее избирательное право.
1754	Начало столкновений с французами в Америке.	1816	Рабочие волнения (луддиты).
1756	Захват французами о-ва Минорки.	1817	Шестые «одеяльщики» на Лондон.
1756—63	Семилетняя война.	1817	«Начала политической экономии» Рикардо.
1756	Министерство Девоншира и Питта.	1819	Питерло (побойце близ Манчестера).
1759—61	Министерство Ньюкестля и Питта.	1819	Шесть актов Кастрли «о затыкании ртов».
1760—1820	Георг III.	1819	Изгнание 3 тыс. семейств из долины Стратновер (Шотландия) герцогиней Сетерландской.
1761	Отставка Питта.	1820—30	Георг IV.
1762	Отставка Ньюкестля.	1824	Отмена законов против рабочих союзов.
1762—63	Министерство Бьюта («королевских друзей»).	1825	Ограничение свободы рабоч. союзов.
1763	Парижский мир (заклывший Семилетнюю войну).	1825—26	Промышленный кризис.
1764	Изобретение Гаргривсом прядильного станка «Дженни».	1827	Министерство Кеннинга (умеренные тори).
1765	Акт о гербовом сборе.	1827	Министерство лорда Годерича.
1766—67	Министерство Питта (лорда Чатама), коалиционное.	1828—30	Министерство Веллингтона.
1768—69	Дело о выборах Уилкса.	1829	Равноправие католиков.
1769	Первый патент на паровую машину Уатта.	1829	Промышленный кризис.
1769	Патент Арнрайта на ватерную машину.	1830	Открытие ж. д. между Ливерпулем и Манчестером.
1770	Открытие Австралии и Новой Зеландии (Куком).	1830—37	Вильгельм IV.
1770—82	Министерство Норта («королевских друзей»).	1830—34	Министерство Грея.
1775—83	Американская революция.	1830	Восстание батраков.
1776	«Богатство народов» Адама Смита.	1832	Парламентская реформа.
1779—83	Война с Францией и Испанией.	1833	Введение фабричной инспекции.
1779	Мюль-машина Кромптона.	1833	Запрещение невольничества.
1783	Версальский мир.	1834	Министерство лорда Мелбуерна (либеральное).
1783	Ситцеплавиная машина Белла.	1834	Закон о бедных (работные дома).
1783—1801	Министерство Питта Младшего.	1834—35	Министерство Роберта Пиля (консервативное).
1784	Изобретение пудлингования Кортон.	1835—41	2-е министерство лорда Мелбуерна.
1784	Установление правительств. контроля над Ост-Индской компанией.	1836	Основание Лондонской ассоциации рабочих.
1785	Механический ткацкий станок Карнрайта.	1836	Промышленный кризис.
1790	«Размышления о Французской революции» Борка.	1837—1901	Виктория.
1791	Основание Лондонского корреспондентского общества.	1837—38	Восстание в Канаде.
1793	Начало войны с Францией.	1837	«Народная хартия».
1794	Приостановка акта о Habeas Corpus.	1838	Образование Лиги борьбы с хлебными законами.
1795—96	Волнения в Лондоне.	1839	Первая петиция чартистов.
1795	Законы против свободы печати и собраний.	1841—46	Второе министерство Роберта Пиля.
1797	Бунты в военном флоте.	1841—42	Промышленный кризис.
1798	Восстание в Ирландии.	1842	Подъем чартизма. Вторая петиция.
1798	«Опыт о принципе народонаселения» Мальтуса.	1842	Начало фритредерской политики.
1800	Акт об унии Ирландии с Англией.	1842	Отмена ряда пошлин (гл. обр., на сырье).
1799—1800	Законы против рабочих союзов.	1845	Воспрещение работы женщин и детей в рудниках.
1801—04	Министерство Эддингтона.	1846	Основание союза «Братских демократов».
1801	Общий закон об огораживании.	1846—52	Отмена хлебных законов.
1802	Мир с Францией (Амьенский).	1847	Министерство Росселя (либерал.).
1802	Первый акт в защиту приходских учителей в текстильной промышленности.	1847	«Десятичасовый» билль.
1802—15	Новая война с Францией.	1848	Кризис.
1804—06	Второе министерство Питта Младшего.	1848	Новый подъем и разгром чартистского движения.
1805	Победа Нельсона над франц. флотом при Трафальгаре.	1849	Отмена навигационных актов.
1806—07	Министерство Гренвиля («всех талантов»).	1851	Лондонская всемирная выставка.
1807—09	Министерство Портленда (тори).	1851	Открытие золота в Австралии.
1807	Воспрещение работоторговли.	1852	Министерство Дерби (консерв.).
1807	Указы о блокаде Франции и ее союзников.	1852—55	Министерство Эбердина (коалиция вигов и пилитов).
1808	Начало войны на Пиренейском п-ове.	1854—56	Севастопольская война.
1809—12	Министерство Персевала (тори).	1854	Основание «Международ. комитета».
1811—12	Рабочие волнения (луддиты).	1855—58	Первое министерство Пальмерстона (либерал.).
1812—27	Министерство Ливерпуля (тори).	1857—59	Восстание «сипаев» в Индии.
		1857	Кризис.
		1858—59	Второе министерство Дерби.
		1858	Владения и полномочия Ост-Индской компании переходят к правительству.

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
1859—65	Второе министерство Пальмерстона.	1904	Гулльский инцидент.
1862	Хлопковый голод в Ланкашире в связи с гражданской войной в Америке.	1905—08	Министерство Кембел-Баннермена (либерал.).
1863	Распространение фабричных законов на нетекстильные фабрики.	1906	Автономия Трансвааля и Оранжевой республики.
1865—66	Второе министерство Росселя.	1906	Образование Рабочей партии в парламенте.
1866—68	Третье министерство Дерби.	1907	Соглашение с Россией.
1866	Кризис.	1907	Третья колониальная (имперская) конференция.
1867	Реформа избирательного права.	1908—15	Министерство Асквита (либерал.).
1868	Первое министерство Дизраели.	1909	Отклонение палатой лордов бюджета Ллойд Джорджа.
1868—74	Первое министерство Гладстона.	1909	Образование Южно-Африканской Федерации.
1870	Основание Лиги гомруля.	С 1910	Георг V.
1872	Введение тайной подачи голосов.	1911	Ограничение прав палаты лордов.
1874—80	Второе министерство Дизраели (Биконфильда).	1911	Установление вознаграждения депутатам.
1876	Начало депрессии в промышленности.	1912	Миссия Холдена в Берлине.
1880—85	Второе министерство Гладстона.	1914	Приготовления к гражданской войне в Ирландии.
1884	Основание Социал-демократической Федерации.	5 авг. 1914	Вступление Англии в империалистскую войну.
1885—86	Министерство Солсбери (консерв.).	1915—16	Коалиционное министерство Асквита.
1886	Третье министерство Гладстона.	1916	Обязательная военная служба.
1886	Гомруль и отпадение унионистов.	1916	Восстание в Ирландии.
1886	Беспорядки в Бельфасте.	1916—22	Коалиционное министерство Ллойд Джорджа.
1886—92	Второе министерство Солсбери.	1917	Рабочие волнения. Забастовка машиностроителей.
1887	Первая конференция британских колоний.	Дек. 1917	Парламентская реформа.
1889	Стачка докеров.	1918	Имперская конференция.
1889	Образование Южно-Африканской компании.	9 нояб. 1918	Перемирие и конец войны.
1892—94	Четвертое министерство Гладстона.	С 1920	Экономический кризис.
1893	Образование Независимой рабочей партии.	1920	Забастовка горняков, сорванная вождами профсоюзов.
1893	Стачка горнорабочих.	1921	Локаут горняков и «Черная пятница».
1894—95	Министерство Розбери (либерал.).	1921—22	Образование Свободного Государства Ирландии.
1895—1902	Третье министерство Солсбери (унионистское).	1921	Торговое соглашение с Россией.
1895	Джозеф Чемберлен получает пост секретаря по делам колоний.	1922—23	Министерство Бонар Лоу (консерв.).
1895—96	Набег Джемсона.	1923—24	Министерство Болдуина (консерв.).
1898	Занятие Судана.	1924	Министерство Макдональда (рабочее).
1898	Фашодский инцидент.	1924	Признание Советского Союза.
1898	Занятие Вэй-хай-вэй.	С 1924	Второе министерство Болдуина.
1899—1902	Англо-Бурская война.	1926	Всеобщая забастовка и забастовка горняков.
1901—10	Эдуард VII.	1927	Разрыв с СССР.
1901	Решение палаты лордов по делу о стачке в долине Тафф.	1927	Закон против профсоюзов.
1902	Вторая колониальная конференция и установление периодических конференций.		
1902—05	Министерство Бальфура (унионистское).		
1904	Англо-французское соглашение.		